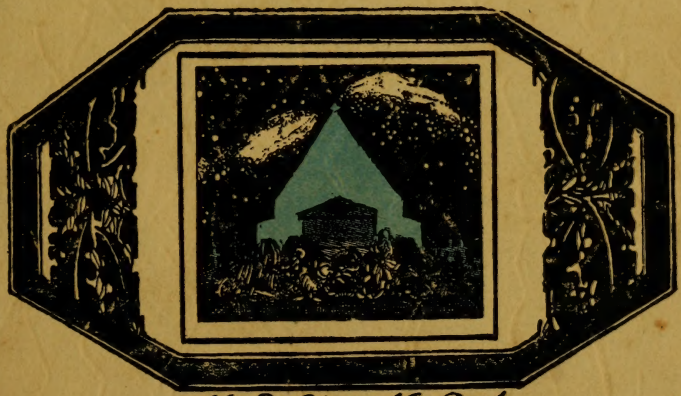
РУССКІЕ ВЪ ГАЛЛИПОЛИ

1920 - 1921

РУССКІЕ ВЪ ГАЛЛИПОЛИ

1920 – 1921

РУССКІЕ ВЪ ГАЛЛИПОЛИ



1920—1921

ОБЛОЖКА РАБОТЫ Е. П. ВАЩЕНКО

Славному галлиполійцу
генералу Ильшинскому
генералъ Врангель

Главнокомандующій Русской Арміи

Генералъ Врангель

РУССКІЕ ВЪ ГАЛЛИПОЛИ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПРЕБЫВАНІЮ 1-ГО АРМЕЙСКАГО КОРПУСА РУССКОЙ АРМІИ ВЪ ГАЛЛИПОЛИ

АВТОРЫ:

В. Ф. Баумгартенъ, М. В. Васнецовъ, Е. П. Ващенко, Г. Ф. Волошинъ, В. Х. Даватцъ, свящ. о. В. Ивановъ, Д. П. Ильинскій, В. А. Карцевъ, Р. Г. Курцъ, В. К. Мироновичъ, В. В. Полянскій, Б. Н. Раевскій, Н. З. Рыбинскій, П. С. Савченко, В. В. Саханевъ, М. Д. Сорокинъ, Н. П. Чернявскій, С. М. Шевляковъ.

РЕДАКЦІОННАЯ КОМИССІЯ:

Г. Ф. Волошинъ, В. К. Мироновичъ, В. В. Полянскій, П. С. Савченко, В. В. Саханевъ, С. М. Шевляковъ.

ЗАСТАВКИ И ВИНЬЕТКИ:

В. П. Антиповъ, Е. П. Ващенко, В. Голощаповъ, О. С. Попова, Д. А. Яковлевъ.

БЕРЛИНЪ
1923

Всѣ права по воспроизведенію и
переводу этой книги издательство
сохраняетъ за собой

Bibliothek
G. MANOTLOW
Mannheim-Rheinau
Relaisstr. 125

1-МУ АРМЕЙСКОМУ КОРПУСУ

ПОСВЯЩАЮТЪ

АВТОРЫ.

EAG/DRUCK
ТИПОГРАФІЯ
Е. А. ГУТНОВА
BERLIN SW68
ALTE JAKOBSTR. 144

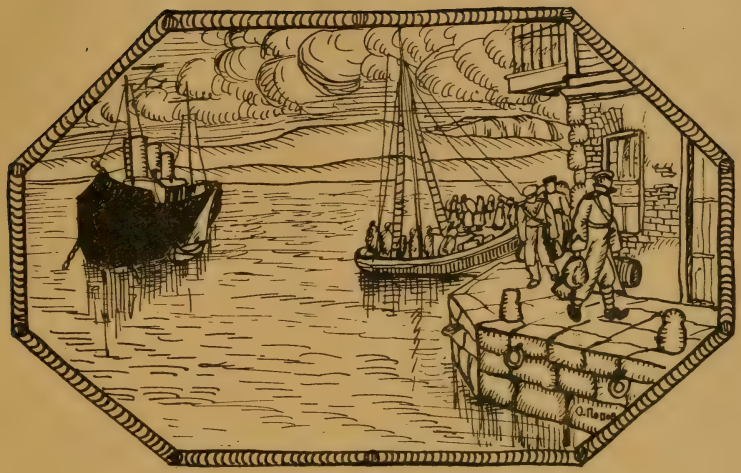
22 ноября 1921 года, въ годовщину пребыванія 1-го армейскаго корпуса Русской Арміи въ Галлиполи, работы по составленію настоящаго сборника были закончены.

Корпусъ послѣ оставленія Крыма оказался въ тяжелыхъ и необычныхъ условіяхъ, вдали отъ Родины, безъ средствъ и въ водоворотѣ сложнѣйшихъ международныхъ отношеній. Но онъ въ теченіе года не только сумѣлъ сохранить себя, онъ создалъ въ обстановкѣ мирного труда то, что превратило пребываніе Арміи за границей въ дѣло, исполненное глубокаго значенія.

Это объективно и полно долженъ выявить сборникъ.

Онъ является изображеніемъ всего происшедшаго не извнѣ, а отсюда, съ нашихъ точекъ зрѣнія, бережно привезенныхъ на чужбину съ родныхъ полей.

22 ноября 1921 г.
г. Галлиполи



КРЫМЪ-КОНСТАНТИНОПОЛЬ-ГАЛЛИПОЛИ

«Позади поруганная Россія, рядъ дорогихъ могилъ, разбитыя надежды... Впереди — неизвѣстность. Но милостивъ и справедливъ Господь.»

(Изъ телеграммы ген. Врангеля.)

Въ первой книгѣ Царствъ есть чудесная повѣсть о единоборствѣ Давида съ Голіафомъ. Извѣстно, что послѣдній, увидѣвъ Давида, съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на него, ибо онъ былъ молодъ, бѣлокуръ и красивъ лицомъ. И сказалъ онъ Давиду: «Что ты идешь на меня съ палкой. Развѣ я собака?» А Давидъ отвѣчалъ ему: «Ты идешь противъ меня съ мечемъ и копьемъ и щитомъ, я иду противъ тебя во имя Господа Саваофа.» И вышелъ слабый и почти безоружный.

И побѣдилъ.

Такое же по силамъ и настроеніямъ единоборство маленькихъ силъ Русской Арміи, пережившей всю горечь, потери и ужасъ новороссійской эвакуаціи и запертой въ Крыму, съ красными арміями всей Россіи, началось 7 іюня 1920 года *) по почину генерала Врангеля.

*) Всѣ числа по новому стилю.

Онъ шелъ на открыто неравный бой и по силамъ и по средствамъ, но шелъ съ твердой вѣрой въ побѣду праваго дѣла — раскрѣпощенія Родины.

Проявляя подвиги изумительнаго героизма, стойкости и непоколебимой твердости, пошли впередъ испытанные боевые полки. Борьба велась хладнокровно и смѣло, съ большимъ умѣніемъ: врагъ несъ тяжелыя потери и втягивалъ въ борьбу все новыя силы, черпая ихъ изъ необъятнаго людского океана Россіи. А за нашей арміей былъ слабый, истощенный двухлѣтней борьбой тылъ, запоздалая и колеблющаяся матеріальная помощь старой союзницы и измѣна новыхъ возможныхъ боевыхъ друзей. Въ то же время затянувшаяся гражданская война стала все болѣе походить на борьбу регулярныхъ армій и требовала, кромѣ умѣлаго маневра, притока живыхъ силъ и мощныхъ техническихъ средствъ.

Отступать нельзя было, ибо Крымъ былъ послѣднимъ плацдармомъ борьбы за Россію. Истекая кровью, безъ подкрѣпленій, армія дралась выполняя свой національный долгъ.

Однако, неравенство силъ становилось все ярче.

И въ стужу морозныхъ октябрьскихъ дней, въ обстановкѣ непрерывныхъ лишеній, въ подавляюще неравныхъ бояхъ въ сѣверной Тавріи, единоборство превращалось въ жертвоприношеніе.

Но армія не теряла своей боеспособности: послѣдняя какъ и раньше была очень высока, ибо армія, окруженная со всѣхъ сторонъ въ десятки разъ превосходившими численно силами врага, главнымъ образомъ, его конными массами, прорвавшимися уже на ея пути отступленія, цѣликомъ пробилась къ Перекопу и Сивашамъ, нанося врагу громадныя потери.

Позиціи Перекопа и подходъ частей генерала Фостикова, не успѣвшихъ оправиться послѣ эвакуаціи съ Кубани, были слишкомъ слабыми силами, чтобы измѣнить боевое счастье и позволить въ создавшейся обстановкѣ удержать за собой хотя бы Крымъ.

Участь борьбы уже была рѣшена.

Какъ говорило впослѣдствіи оффиціальное сообщеніе штаба Главнокомандующаго, «неизбѣжность оставленія нами Крыма не явилась для командованія неожиданной и подготовка къ эвакуаціи велась заблаговременно еще въ періодъ нахожденія русскихъ войскъ въ сѣверной Тавріи.»

Не даромъ Русская Армія не отдавала краснымъ ни пяди родной земли. Перекопскія позиціи, укрѣпленія Сивашскаго полуострова, Карпова балка — кипѣли (6-9 ноября) самыми ожесточенными боями и достались краснымъ очень дорогой цѣной. Доблесть полковъ I-го армейскаго корпуса соперничала по прежнему и здѣсь съ самоотверженной лихой работой нашей конницы. Почти безъ пищи, среди продолжавшихся хо-

лодовъ, армія отходила, но отходила, какъ армія, въ рукахъ начальниковъ и въ огнѣ борьбы.

А что же было въ эти дни въ тылу?

Тамъ спокойно спекулировали, брюзжали на голодъ, ужасались ежедневному паденію бумажнаго рубля; какъ и всегда во время борьбы, тамъ жили и были десятки тысячъ военнообязанныхъ, такъ или иначе уклонившихся отъ прямого участія въ борьбѣ; тамъ слишкомъ вѣрили въ армію, чтобы даже при тревожныхъ вѣстяхъ съ фронта особенно безпокоиться за завтрашній день, тамъ слѣпо вѣрили въ неприступность перекопскихъ позицій и съ сожалѣніемъ готовились къ новой зимовкѣ въ Крыму, а не въ просторѣ Россіи. Но въ общемъ объ эвакуаціи или близкой возможности ея, при всей ея теоретической допустимости, въ тѣ дни одинокаго единоборства нашей маленькой арміи съ красными полчищами всей Россіи, никто и не помышлялъ.

Поэтому, когда войска съ боями прошли Юшунь и эвакуація была объявлена тылу, тамъ ей просто не повѣрили. Сразу стали говорить, что это чья то крупная провокація, текстъ правительственнаго сообщенія о ней былъ взятъ сразу подъ сомнѣніе, пошли слухи объ иныхъ сообщеніяхъ, о томъ, что по примѣру 1919 года, будто бы «Слащевъ на Перекопѣ» и поэтому красные опять зазимуютъ у воротъ послѣдней пяди русской земли. Сердце сжималось отъ боли при мысли, что черезъ нѣсколько дней поля и берега прекрасной Тавриды будутъ отданы «разбойнику и вору».

Однако, правительственное сообщеніе объ эвакуаціи, объявленное 11 ноября 1920 года прямолинѣйно говорило слѣдующее: «въ виду объявленія эвакуаціи для желающихъ офицеровъ, другихъ служащихъ и ихъ семействъ. Правительство Юга Россіи считаетъ своимъ долгомъ предупредить всѣхъ о тѣхъ тяжкихъ испытаніяхъ, какія ожидаютъ пріѣзжающихъ изъ предѣловъ Россіи. Недостатокъ топлива приведетъ къ большой скученности на пароходахъ, причемъ неизбѣжно длительное пребываніе на рейдѣ и въ морѣ. Кромѣ того, совершенно неизвѣстна дальнѣйшая судьба отъѣзжающихъ, такъ какъ ни одна изъ иностранныхъ державъ не дала своего согласія на принятіе эвакуированныхъ. Правительство Юга Россіи не имѣетъ никакихъ средствъ для оказанія какой либо помощи какъ въ пути, такъ и въ дальнѣйшемъ. Все это заставляетъ Правительство совѣтовать всѣмъ тѣмъ, кому не угрожаетъ непосредственная опасность отъ насилій врага — остаться въ Крыму».

Тылъ закипѣлъ сборами, укладкой, ликвидаціей, раздачей, слухами и тревогой. Никто толкомъ ничего не зналъ, но не было въ то же время никакой паники, никакой измѣны, никакой открытой вражды. Только въ Симферополѣ въ связи съ возстаніемъ на заводѣ «Анатра» и съ выходомъ изъ тюремъ уголовнаго элемента была временно тыловая паника, сдержанная терцами генерала Агоева. Можно честно сказать, что

наиболѣе обобщающимъ чувствомъ была какая то томящая боль грусти за такой неожиданно печальный исходъ героической борьбы, за безъисходность на долгое время активной борьбы съ большевиками, за то, что въ правомъ дѣлѣ побѣда осталась на сторонѣ грубой, кровавой разбойничьей силы.

Къ полудню 10 ноября борьба на фронтѣ закончилась. Прикрываемая конницей армія въ полномъ порядкѣ отходила къ мѣстамъ, предназначеннымъ для погрузки. Въ идеальномъ порядкѣ кавалерійскій корпусъ прошелъ Симферополь, направляясь на Алушту — Ялту. Въ ночь на 13 ноября (съ 7-ми часовъ вечера до 6-ти часовъ утра) непрерывной лентой частей и обозовъ прошла черезъ Сарабузъ вся I-ая армія, направляясь на Севастополь. 2-ая армія отходила на Феодосію — Керчь.

Отступленіе шло не спѣша, по шоссейнымъ дорогамъ, при самомъ благожелательномъ отношеніи со стороны жителей; грабежей населенія по пути не было, ибо шли не банды развалившейся арміи, а воинскія части.

Приказъ Главнокомандующаго объ отъѣздѣ изъ Крыма засталъ части на походѣ и былъ понятъ весьма различно: въ нѣкоторыхъ думали, что ограниченность средствъ эвакуаціи заставляетъ брать возможно меньше людей и всѣмъ, кому прямо не угрожало наступившее владычество чрезвычаекъ, предлагали остаться въ Крыму; отходившіе въ силу этого отъ частей солдаты плакали, разставаясь съ боевыми друзьями; ихъ и плѣнныхъ красноармейцевъ части снабжали трехдневнымъ запасомъ провизіи; другія же части, наоборотъ, принимали по пути въ свои ряды всѣхъ желающихъ эвакуироваться и, напримѣръ, численность конницы при отходѣ возрасла вдвое; всѣ стойкія части отходили полностью.

Въ городахъ Крыма шли въ это время спѣшные сборы. Паники не было, такъ какъ коренное населеніе относилось къ арміи съ полнымъ расположеніемъ; отъѣзжавшіе же были увѣрены, что всѣхъ погрузятъ на пароходы.

Были ли грабежи, погромы, возстанія въ тылу въ эти дни?

Грабежи были, да и странно было бы, если бы ихъ не было, такъ какъ на фонѣ крымскаго безтоварія и голода обнажался передъ наступавшими большевиками сравнительно богатый тылъ арміи, ея база и вскрывались возможности подойти къ складамъ всякаго добра. Въ Симферополѣ грабили выпущенные изъ тюрьмы арестанты. Въ Алуштѣ и Ялтѣ разграбили винные погреба; въ Севастополѣ въ ночь на 13 ноября, когда загорѣлась мельница и склады у вокзала, начались грабежи складовъ вещей и медикаментовъ американскаго краснаго креста, желѣзнодорожныхъ пакгаузовъ и груженыхъ поѣздныхъ составовъ; въ

Феодосіи и Керчи въ ночь на 15 ноября были ночные грабежи магазиновъ; въ нихъ участвовала грязная накипь арміи.

Но все это не наложило характеризующихъ чертъ на обликъ послѣднихъ дней тыловой жизни Крыма. Ихъ скорѣе можно обрисовать суетливыми сборами въ дорогу, молчаливымъ сочувствіемъ жителей арміи и общимъ порядкомъ. Никто не отмѣчалъ ни одного эксцесса противъ чиновъ арміи. И друзья, и враги ея въ тѣ тяжелые дни преклонялись передъ совершеннымъ ею подвигомъ и передъ величіемъ предстоящихъ ей испытаній.

Когда 12 ноября днемъ рота Алексѣевскаго училища вошла на Екатерининскій проспектъ съ бодрымъ роднымъ напѣвомъ старой студенческой пѣсни: «Вскормили насъ и вспоили отчизны родныя поля», въ запрудившей улицу толпѣ плакали, юнкеровъ угощали папиросами и шеколадомъ.

Заблаговременными распоряженіями штаба Главнокомандующаго всѣ морскія и транспортныя средства были разведены и распредѣлены по портамъ, своевременно былъ заготовленъ уголь, медикаменты и продовольствіе. Военнымъ училищамъ была поручена охрана порядка въ мѣстахъ посадки: Алексѣевскому, Сергіевскому артиллерійскому и Донскому Атаманскому — въ Севастополѣ, Константиновскому въ Феодосіи и Корниловскому въ Керчи.

Въ городахъ было необычайное оживленіе и движеніе. Толпы народа съ узлами, чемоданами, свертками и вещами шли и ѣхали на извозчикахъ, подводахъ, автомобиляхъ; на пристаняхъ шла погрузка учрежденій, штабовъ и отдѣльныхъ лицъ.

Но въ то же время, какъ утромъ 12 ноября тыловой Севастополь уже грузился, Керчь впервые тогда услыхала, что предстоитъ эта внезапная эвакуація и еще не вѣрила катастрофѣ.

Днемъ 12-го прибыли въ Севастополь послѣдніе перегруженные людьми поѣзда въ томъ числѣ поѣздъ командовавшаго I-й арміей генералъ-лейтенанта Кутепова. Въ это же время къ генералу Врангелю въ гостинницу Киста явилась депутація отъ славныхъ полковъ I-го корпуса во главѣ съ генераломъ Манштейномъ для принятія знаменъ этихъ полковъ, стоявшихъ въ помѣщеніи Главнокомандующаго. Въ комнатѣ уже стояли чемоданы. Генералъ Врангель вышелъ блѣдный, въ черной черкескѣ и сказалъ собравшимся: «Я жалѣю, что не могу сейчасъ этого сказать всѣмъ; прошу васъ передать всѣмъ то, что я скажу. Сейчасъ я убѣдился, что Европа и Америка насъ предали: результаты налицо. Въ моемъ распоряженіи кораблей настолько мало, что я не могу на нихъ посадить даже всѣ остатки славной арміи, которая, истекая кровью, подходитъ къ Севастополю. Куда мы ѣдемъ, я не знаю, такъ какъ на мои запросы, которые я разсылалъ въ теченіе двухъ дней со дня юшуньской катастрофы, отвѣтовъ нѣтъ. У насъ есть уголь и мы уходимъ въ

море. Я продолжаю по радіо вести переговоры и думаю, что они увѣнчаются успѣхомъ. Гдѣ мы пристанемъ, я не знаю, но гдѣ бы это ни было, я прошу васъ передать эту просьбу частямъ: сохранить безусловный порядокъ, дисциплину и, самое главное, уваженіе другъ къ другу. Потому что я въ состояніи говорить за васъ только тогда, когда буду увѣренъ, что мы и тамъ останемся такими же, какъ и здѣсь, твердо вѣря въ нашу идею и въ то, что вина нашей катастрофы не въ насъ самихъ».

Въ тотъ же день къ вечеру командующій I-ой арміей принялъ рядъ энергичныхъ мѣръ, чтобы обезопасить и обезпечить посадку на суда подходящихъ къ Севастополю частей арміи ... До глубокой ночи онъ на автомобилѣ съ адъютантомъ объѣзжалъ окраины и предмѣстья города, былъ на вокзалѣ, пѣшкомъ прошелъ длинный путь по желѣзнодорожному полотну и лично убѣдился, что ничего враждебнаго войскамъ ожидать было нельзя.

Къ утру 13 ноября стали подходить къ городу части I-ой арміи и началась ихъ погрузка. Въ порту было большое оживленіе: гудки, свистки, крики тысячъ голосовъ, шипѣніе пара: подходили, накренялись и уходили громады транспортовъ, усѣянныхъ людьми: сновали лодки, буксиры: говоръ, гамъ. Небо было обложено тучами: дулъ холодный осенній вѣтеръ. На рейдѣ уже стояли нагруженные трехтрубный «Ріонъ», шведскій «Модикъ», французскій крейсеръ «Вальдекъ Руссо». Городъ пустѣлъ. Охрана города переходила къ городскому самоуправленію и рабочимъ, которымъ было роздано оружіе и патроны: много броневыхъ машинъ и танковъ стояло по Екатерининскому проспекту. Уже темнѣло, когда по Нахимовскому проспекту показалась большая толпа народа, во главѣ которой шелъ генералъ Врангель: населеніе Севастополя провожало популярнаго вождя. Онъ подошелъ къ смѣнившимся карауламъ Атаманскаго училища и сказалъ: «Рядъ, что вижу васъ такими же стойкими и бодрыми, какъ это было въ Новороссійскѣ и всегда на родной землѣ. Спасибо за порядокъ, за сильный духъ. Мы отправляемся въ неизвѣстность: что ждетъ насъ, ничего не знаю. Будьте готовы ко всякимъ испытаніямъ и лишеніямъ. Знайте, что спасеніе Россіи и насъ въ нашихъ рукахъ».

Ночь на 14 ноября и утро этого дня прошли въ Севастополѣ совершенно спокойно, по городу ходили патрули юнкеровъ. Пароходы почти всѣ ушли: на рейдѣ стоялъ крейсеръ «Корниловъ». Днемъ заставы и караулы стали стягиваться къ Графской пристани. Около 2-хъ часовъ дня туда подошелъ генералъ Врангель, обошелъ караулъ и стянувшіяся заставы сергіевцевъ, поблагодарилъ ихъ за службу. Затѣмъ снялъ корниловскую фуражку, перекрестился, низко поклонился родной землѣ и на катерѣ отбылъ на крейсеръ «Корниловъ». За нимъ погрузились на «Херсонесъ» юнкера: послѣднимъ съ берега сошелъ начальникъ обороны севастопольскаго района генералъ Стоговъ. Онъ остановился, пе-

рекрестился и заплакалъ. На берегу была масса народа. Благословляли. плакали.

Это было около 3-хъ часовъ дня, а въ 4 час. 45 мин. англійскій миноносецъ по радіо передалъ, что въ городъ вошли большевики. Ночь пароходы простояли на внѣшнемъ рейдѣ. Вечеромъ доносился изъ города благовѣстъ церквей.

Такъ начался исходъ Русской Арміи.

Въ благоговѣйной тишинѣ отходили перегруженныя суда въ море, въ неизвѣстность, отрываясь отъ далей Севастополя, отъ береговъ отчизны милой.

Боль обиды, тоска и тревога охватывали сердце.

Главнокомандующій направился въ Ялту. Тамъ грузилась конница. Въ идеальномъ порядкѣ переполнялись вмѣстительные «Крымъ», «Цесаревичъ Георгій», «Русь». Садились только люди; съ тяжелымъ сердцемъ разставались съ лошадьми, какъ со старыми боевыми товарищами.

15 ноября посадка закончилась. По набережной ходитъ генералъ Врангель; уже былъ второй гудокъ послѣдняго парохода, но еще нѣтъ трехъ высланныхъ за городъ заставъ. Наконецъ заставы прибыли. 3-й гудокъ. Генералъ Врангель на «Корниловѣ» проѣхалъ мимо судовъ, пожелалъ счастливаго пути, снялъ фуражку и сдѣлалъ земной поклонъ родной землѣ. Толпы на пароходахъ стояли съ обнаженными головами, со слезами на глазахъ. Имъ, тысячамъ людей, боровшимся за родину, нѣтъ мѣста на ней. Уходятъ въ неизвѣстность, отъ своихъ, отъ родной опозоренной земли.

Въ Феодосіи до полудня 13 ноября при мертвой зыби шла посадка войскъ мѣстнаго гарнизона и кубанскихъ частей генерала Фостикова: однако, когда переполненные «Владиміръ» и «Донъ» уже отошли на рейдъ, пришло донесеніе, что къ городу подходитъ еще кубанская дивизія: ее взять было некуда и ей было приказано идти для погрузки въ Керчь. Въ дни посадки въ Феодосіи горѣли склады, шли грабежи переполненныхъ поѣздныхъ составовъ. Главнокомандующій побывалъ здѣсь послѣ отъѣзда всѣхъ судовъ.

Керчь пережила эвакуацію позже другихъ городовъ Крыма. 14 и 15 ноября тамъ еще въ совершенно спокойной обстановкѣ шла посадка у широкаго мола на «Мечту», «Поти», «Самару»; грузился мѣстный гарнизонъ и тыловыя учрежденія; подходили для погрузки конныя части 2-ой арміи (донцы и кубанцы); въ городѣ въ эти дни былъ полный порядокъ; патрули юнкеровъ отошли и погрузились лишь яркимъ солнечнымъ осеннимъ днемъ 16 ноября, послѣ чего большевики заняли послѣдній клочекъ Крыма.

Пароходы отходили перегруженные людьми, ибо надо было взять всѣхъ оставшихся; надѣялись въ проливѣ пересадить значительную часть людей на линейный корабль «Ростиславъ», бывшій въ Азовскомъ

морѣ. Но оказалось, что вывести его не удалось, онъ прочно засѣлъ на мели и скученность на пароходахъ не разрѣдилась.

Кто же и съ чѣмъ выѣхалъ изъ Крыма ?

По даннымъ штаба Главнокомандующаго, изъ Крыма ушли всѣ морскія транспортныя средства и боевые корабли, которые могли двигаться самостоятельно и на буксирѣ, всего 126 судовъ; на нихъ было погружено около 135 тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ до 70 тысячъ бойцовъ, погрузившихся съ ружьями и пулеметами (въ Севастополѣ разоружили лишь садившихся на французскія суда «Сеготъ» и Сіамъ»).

Это были десятки тысячъ людей, прежде всего, училища и наиболѣе стойкія части тыла, погрузившіяся почти въ полномъ составѣ; затѣмъ строевыя части 1-го корпуса и конница, казачьи части и штабы; потомъ въ очень большомъ составѣ тыловыя учрежденія, военныя и административныя; въ небольшомъ числѣ семьи военнослужащихъ, а затѣмъ гражданскіе бѣженцы. Главными причинами, заставлявшими покидать родину, безусловно явились: спайка боевыхъ частей и присущее военнослужащимъ чувство своей чести; принципіальная непримиримость съ большевиками и открытое желаніе продолжать съ ними борьбу во что бы то ни стало; прямой страхъ попасться во власть чрезвычаекъ и невыносимаго рабства совѣтскаго строя и т. д.

Рѣшиться ѣхать на полную неизвѣстность, для многихъ съ семьей и дѣтьми, у порога зимы, буквально нищими — для этого нужны были убѣдительные мотивы, а не одно стадное чувство загоняло тысячи русскихъ людей на пароходы.

Большинство грузилось безъ вещей прямо съ похода лишь съ тѣмъ, что было въ укладкѣ; многіе семейные не могли зайти и заѣхать домой, чтобы попрощаться, взять семью, часть вещей. Тылы грузились нѣсколько богаче, появлялись чемоданы, корзины, перины, но и тутъ брали случайное, какой то универсальный жизненный минимумъ; да и что брать съ собой, когда ѣдешь въ море въ полную неизвѣстность.

Интендантство грузило главнымъ образомъ продовольствіе, бѣлье, кожу и зерно. Остальное имущество, какъ достояніе русскаго народа, по приказу Главнокомандующаго, не уничтожалось и не портилось, а было передано охранѣ рабочихъ. Орудія, бронепоѣзда, бронеавтомобили, танки и аэропланы были приведены въ негодность и брошены по дорогѣ къ портамъ и въ городахъ Крыма; лошадей угоняли въ горы.

Всѣ военныя суда черноморскаго флота въ количествѣ 21 вымпела вышли въ море. Шелъ переполненный громадный транспортъ «Кронштадтъ», представлявшій единственную по своей величинѣ механическую мастерскую въ Севастополѣ, шли маленькіе катера, ѣхали на фелюгахъ. Подъ стройный напѣвъ «Спаси, Господи, люди Твоя» отошелъ отъ Севастополя пароходъ «Ялта», наскоро обращенный въ госпитальное судно. Раненыхъ взялъ англійскій миноносецъ.

Пароходы вышли въ море переполненными до крайности, всѣ трюмы, палубы, проходы, мостики, рѣшетки у трубы были буквально забиты и завалены людьми. Слава Богу, что море встрѣтило бѣдныхъ изгнанниковъ хотя и непогодой, но было совершенно спокойно. Качка была мало замѣтна.

Большой перегруженный «Ріонъ» вышелъ почти безъ угля и въ морѣ его стало относить къ берегу по направленію къ Одессѣ. Жуткіе часы пережили бывшіе на немъ тысячи людей. Къ великому счастью ихъ къ «Ріону» пришелъ на помощь буксиръ.

Переѣздъ по морю до Константинополя длился отъ одного до пяти дней. Это была мука, которую трудно пересказать. Прежде всего это было суровое начало физическихъ лишеній, которыя выпадали на долю ничего не имѣвшихъ, голодныхъ, испуганныхъ будущимъ людей. «Люди, попавшіе на желѣзную палубу» — пишетъ одинъ изъ участниковъ этого переѣзда — лишенные всякаго прикрытія отъ дождя и леденящаго нордъ-оста, сбитые въ кучу возлѣ вонючихъ ретирадъ, у которыхъ круглыя сутки нескончаемая очередь, не проявляли протеста; они не мечтали о какомъ либо благополучіи въ будущемъ, ибо для нихъ «довлѣла дневи злоба его» въ стремленіи получить какой либо пищи и возможности вытянуть и уложить свое уставшее отъ безсонницы и иззябшее тѣло. Продвинуться за чѣмъ либо со своего мѣста по пароходу почти было немыслимо; для нѣсколькихъ сажень пути приходилось иногда затрачивать часы, ибо вездѣ стояли безконечныя очереди; за кружкой воды (единственной на день) — очередь, въ уборную — очередь, вскипятить воду — очередь, да и то для избранныхъ; перейти направо, пройти въ трюмъ — вездѣ непрерывныя очереди; при этомъ всюду нервные, до крайности раздраженные люди, грубые окрики, обиженная придирчивость не то начальниковъ, не то равныхъ, безличныхъ безправныхъ бѣженцевъ. Офицеръ, солдатъ, генералъ, юнкеръ, дама — всѣ сразу уравнялись въ правахъ на кружку воды, на проходъ въ уборную; дисциплина и простая житейская вѣжливость, воспитанность, выдержка — падали катастрофически.

Происходили сцены, совершенно недопустимыя съ точки зрѣнія воинской дисциплины, какъ со стороны старшихъ, такъ и со стороны младшихъ.

Сказалось это и въ юнкерской средѣ.

Однимъ словомъ, пароходная обстановка сразу разлагающе повліяла на моральной обликъ людей, рѣзко перешедшихъ изъ режима безусловнаго повиновенія и дисциплины въ расплывчатое, въ правовомъ отношеніи, положеніе безпріютныхъ изгнанниковъ. Скученность породила вскорѣ грязь и насѣкомыхъ; вымыться хотя бы и морской водой было невозможно; нельзя было, да и не во что, переодѣться; нельзя было просто раздѣться. Спали въ повалку на мокрыхъ палубахъ, въ гряз-

ныхъ трюмахъ, у копоти трубъ. Особенно тяжело было женщинамъ. Добавимъ, что въ этой кошмарной обстановкѣ скученности, грязи и голода родилось нѣсколько младенцевъ и умерло нѣсколько больныхъ и стариковъ.

Рѣдко у кого были съ собой запасы продовольствія; вся надежда была на паекъ или на скорую высадку. А паекъ экономили. Выдавали немного хлѣба, или изъ муки пекли по ночамъ въ пароходной кухнѣ лепешки; выдавали минимальныя дозы консервовъ, селедки; бывали дни полной голодовки. Тяжело было не только безъ горячей пищи, но просто безъ горячей воды, безъ чая. Правда, были, конечно, отдѣльныя исключенія. Большинство же, не ропща, терпѣливо несло взятый крестъ, съ тревогой заглядывая въ завтрашній день. И душа отдыхала лишь минутами, по вечерамъ, когда хоръ юнкеровъ или частей запѣвалъ заунывную или развеселую родную пѣснь.

На что надѣялись тогда?

Говорили и думали, что пріютитъ Франція или Америка, что повезутъ въ Алжиръ, на Мадагаскаръ, въ Аргентину или въ Марсель; одни мечтали о службѣ въ какомъ то международномъ корпусѣ, другіе о плантаціяхъ и мирномъ земледѣльческомъ трудѣ. А пока что неуклюжіе переполненные транспорты покачивались на волнахъ родного моря.

Но вотъ показались огни маяковъ у входа въ Босфоръ. Проходитъ нѣсколько часовъ и все новыя русскія суда входятъ впервые подъ только поднявшимся надъ ними французскимъ флагомъ въ завѣтный проливъ. Всѣ высыпали на переполненныя палубы. Послѣ нѣсколькихъ дней созерцанія безкрайныхъ, холодныхъ и непривычныхъ просторовъ моря, появились зеленѣющіе берега, зачернѣла земля, запестрѣло жилье людей, узкій коридоръ пролива разукрасился развалинами башень, причудливой архитектурой виллъ, дачъ, заводовъ, мѣстечекъ. У каждаго при этомъ копошились самыя простыя мысли — «живутъ же люди», «вотъ бы высадились здѣсь, поработали бы, пожили бы, а тамъ и въ Россію». Изъ большого зданія подъ американскимъ флагомъ кричатъ «ура», машутъ платками; кричатъ и съ пароходовъ и уже думается, что Америка готова пріютить бѣглецовъ.

Берега пролива становятся все ярче; замелькалъ уже трамвай; впереди пестрятъ мачты судовъ.

Пароходы подходятъ къ Царьграду.

Развертывается широкая, прекрасная панорама Константинополя, видна и Св. Софія.

Прошли по рейду мимо прибывшихъ ранѣе судовъ: вотъ величественный «Генералъ Алексѣевъ», а вотъ и «Корниловъ». У трапа появляется знакомая бодрящая фигура генерала Врангеля. Пароходъ сразу оживаетъ какой то радостной бодростью. Главнокомандующій здоровается съ войсками. Несется единодушное — «ура!»

То же громкое, долго не смолкавшее «ура» сопровождало Главнокомандующаго во время объѣзда имъ на катерѣ прибывшихъ судовъ, многія изъ которыхъ онъ посѣтилъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что пароходы съ русскими изгнанниками стали приходить на константинопольскій рейдъ, начиная съ 15 и кончая 22-23 ноября, причемъ, когда первыя суда уже отошли оттуда въ Галлиполи («Саратовъ» и «Херсонъ» — 21 ноября), суда изъ Керчи только что начали прибывать. Все же одновременно болѣе 100 русскихъ судовъ военныхъ и торговыхъ, крупныхъ и мелкихъ стали угрюмой облѣпленной людьми, голодной армадой на внѣшнемъ рейдѣ Константинополя и выкинули флаги: «хлѣба» и «воды».

Это были не только условные знаки и обычные морскіе сигналы. Это былъ крикъ о помощи десятковъ тысячъ людей, запертыхъ въ плавучія тюрьмы и воистину не имѣвшихъ на сегодня ни хлѣба, ни воды. Они такъ катастрофически свалились на голову Константинополя, что, конечно, трудно было ожидать, при всемъ сочувствіи къ русскимъ изгнанникамъ съ чьей либо стороны, скорой и налаженной помощи. Поэтому, первые дни подходили къ пароходамъ какіе то случайные катера и больше наводили справки, чѣмъ подвозили продовольствіе; да и то было чисто случайнымъ: то американцы привезутъ молоко и шеколадъ дѣтямъ, то французы сгрузятъ консервы, то наши русскіе земцы подвезутъ въ мѣшкахъ давно жданный хлѣбъ.

А на пароходахъ продолжалась та же давка, грязь, моральное разложеніе и общій голодъ. Международная полиція слѣдила за тѣмъ, чтобы русскіе не съѣзжали съ пароходовъ.

Вдали причудливой панорамой свѣтился громадный городъ, вокругъ пароходовъ сновали лодки торговцевъ — «кардашей», переполненныя хлѣбомъ и сластями; мимо судовъ свободно и легко бороздили волны дачные пароходы, переполненные чужой, оживленной толпой. Всюду была жизнь, а русскіе изгнанники все сидѣли въ своихъ невольныхъ тюрьмахъ и терпѣливо ждали рѣшенія своей участи.

«Я былъ вчера» — писалъ въ тѣ дни одинъ изъ молодыхъ нашихъ писателей — «19-го ноября 1920 года среди 66 кораблей, стоявшихъ въ Мраморномъ морѣ, въ устьѣ Босфора; я разыскивалъ на нихъ остатки замученныхъ русскихъ писателей, а нашелъ 130.000 распятыхъ русскихъ людей. Они поставлены на глаза всего міра, на самомъ видномъ мѣстѣ между Европой и Азіей, но ихъ видятъ далеко не всѣ обитатели Европы. Это, слава Богу, не вся еще Россія, но это одна тысячная часть распятой Россіи, и этого достаточно, чтобы ослѣпнуть отъ потрясающаго зрѣлища». —

А Комитетъ политическаго объединенія русскихъ гражданъ въ Константинополѣ въ обращеніи къ союзникамъ и друзьямъ писалъ: «Развѣ это только толпа, обезумѣвшая отъ горя и страданія? Нѣтъ, это

люди отдавшіе все въ защиту принциповъ, одинаково дорогихъ и для васъ, и для насъ, и для всего человѣчества. Сдѣлайте все, чтобы остатки всемірнаго арьергарда не исчезли съ мірового поля битвы, чтобы тѣ, въ комъ осталась воля и энергія, вновь собравшись съ силами, опять могли выступить на спасеніе родины своей. Если нашлась территорія для временнаго пребыванія сербскихъ героевъ, для бельгійскихъ мучениковъ, неужели не найдется въ мірѣ угла для русскихъ, отстаивающихъ грудью васъ, Европу отъ новаго нашествія варваровъ ?»

Въ первые же дни съ пароходовъ стали сгружать раненныхъ, тяжело-больныхъ, гражданскихъ бѣженцевъ, а затѣмъ и строевыя казачьи части. Многіе пользовались любымъ изъ подошедшихъ катеровъ, чтобы объѣхать суда и разузнать о томъ, погрузились ли куда нибудь жена, мать, дѣти, брошенныя въ другихъ городахъ Крыма.

Вмѣстѣ съ частичной разгрузкой пароходовъ стало постепенно улучшаться и питаніе. Подвозъ продуктовъ становился болѣе регулярнымъ; подвезли много прѣсной воды, появился кипятокъ, а тамъ заклубили и походныя кухни; правда, иногда это была пшенная каша на морской водѣ, но все же это была уже горячая пища.

Правовое положеніе офицеровъ и солдатъ все еще не выяснилось. Жили по прежнему только слухами; приказы не доходили; константинопольскія газеты, рѣдко попадавшія, были полны фантастическими описаніями «крымской катастрофы», «эвакуаціи», «хожденія по мукамъ», но ничего не проясняли въ личной судьбѣ изгнанниковъ: были ли они бѣженцами или военно-обязанными, могли ли высаживаться или должны были ждать, когда ихъ кто то и куда то повезетъ — этого никто точно не зналъ. Говорили попрежнему о Франціи, заговорили о Сербіи, стали все чаще называть Галлиполи. Но о послѣднемъ говорили, что тамъ только палаточный лагерь, малярія, «Долина смерти»; что тамъ до весны не выживетъ никто.

Тыловая накипь арміи, загруженная какимъ то невѣдомымъ добромъ, довольно свободно съѣзжала съ пароходовъ и терялась въ константинопольской бѣженской пыли, но воинскія части держались сплочено, открыто издѣваясь надъ разбѣгавшимися «мучными королями», открыто возмущаясь людьми, агитировавшими за переходъ въ бѣженцы.

Они знали, что пока оружіе съ ними, пока у нихъ въ трюмахъ часть продовольственныхъ и интендантскихъ грузовъ, пока съ ними русскія боевыя суда, они не пропадутъ.

Понятно поэтому, то отношеніе, какое встрѣтило со стороны воинскихъ частей выполненіе французами международныхъ правилъ о разоруженіи. Всѣ знали, что на чужой землѣ отошедшую армію должны были разоружить, но оружіе сдавали французамъ съ большимъ душевнымъ смятеніемъ, чувствуя какую то незаслуженную національную обиду, чуя, что это именно можетъ обратить армію въ бѣженцевъ,

лишить послѣднихъ средствъ защиты, національнаго лица. Оружіе прятали, бросали съ огорченіемъ въ воду, разставались съ нимъ съ большой печалью. Это прежде всего понялъ такой русскій и истинно-военный человѣкъ, какимъ всегда былъ генералъ Кутеповъ. Черезъ три дня послѣ прибытія на рейдъ, онъ уже издалъ слѣдующій приказъ, весь дышащій призывомъ къ боевой готовности:

«Константинополь.

«Алмазъ»

Приказъ.

по войскамъ I-ой арміи

5/18 ноября 1920 г.

№ 1.

§ 1.

Приказываю въ каждой дивизіи распоряженіемъ командировъ корпусовъ всѣмъ чинамъ за исключеніемъ офицеровъ собрать въ опредѣленное мѣсто оружіе, которое хранить подъ карауломъ.

§ 2.

Въ каждой дивизіи сформировать вооруженный винтовками баталіонъ въ составѣ 600 штыковъ съ офицерами, которому придать одну пулеметную команду въ составѣ 60 пулеметовъ.

§ 3.

Къ исполненію приступить немедленно и объ исполненіи донести.

Генералъ-лейтенантъ Кутеповъ.»

По соглашенію съ французами воинскимъ частямъ оставляли одну двадцатую часть оружія. У офицеровъ оружія не отбирали.

Несмотря на это французы сгрузили съ прибывшихъ изъ Крыма судовъ:

45.000 винтовокъ,
350 пулеметовъ,
12.000.000 ружейныхъ патроновъ,
330.000 снарядовъ,
60.000 ручныхъ гранатъ.

Одновременно съ этимъ французскія власти стали разгружать принятое ими въ свое распоряженіе прибывшее на пароходахъ русское казенное имущество; это тоже произвело тогда, на первыхъ шагахъ изгнанія, на глазахъ нищихъ голодныхъ людей очень тяжелое впечатлѣніе.

Всего было выгружено тогда:

а) продовольствіе:

зерна	300.000	пудовъ,
сахару	20.000	„
чаю	17.000	„
табаку	1.500	„
разныхъ продуктовъ	50.000	„

б) обмундированіе и бѣлье:

шинели, френчи и шаровары .	42.000	пудовъ,
рубахи и кальсоны	340.000	паръ,
носки	640.000	шт.,
полотенца	285.000	„
обуви	58.000	паръ,
кожи	592.000	клгр.,
перчатокъ	53.000	паръ,
одѣялъ	140.000	штукъ,
сукна и мануфактуры	810.000	метровъ.

и другое имущество, всего на сумму 69.075.888 франковъ. Непрерывно работали лебедки, пустѣли трюмы, а вмѣстѣ съ этимъ Русская Армія все болѣе обездоливалась, переходила въ матеріальную зависимость къ чужому, хотя и другу. И право было наше командованіе, которое въ эти тяжелые дни организовало отступившихъ русскихъ бойцовъ въ стройную вооруженную силу, которая въ данныхъ условіяхъ одна только могла сохранить лицо арміи, спасти ее отъ распыленія.

Приказъ по войскамъ I-й арміи, данный 19 ноября за № 3 говорилъ, что приказомъ Главнокомандующаго I-ая армія сводится въ I-ый корпусъ, во главѣ котораго становится генералъ-отъ-инфантеріи Кутеповъ; въ составъ корпуса должны были войти: I-ая пѣхотная дивизія, I-ая кавалерійская дивизія и техническій полкъ.

Черезъ день послѣ этого первые пароходы съ частями корпуса («Саратовъ» и «Херсонъ») отошли въ Галлиполи.

А остальные угрюмо покачивались на рейдѣ, выдерживая своихъ невольныхъ пассажировъ въ обстановкѣ невѣроятной грязи и самыхъ угнетенныхъ настроеній. Общая неизвѣстность и неосвѣдомленность продолжались. То пароходы подымали якоря и направлялись къ живописнымъ островамъ Проти и Халки, якобы для общей дезинфекціи; то продвигались неожиданно впередъ, то грузили уголь, но дальше этого дѣло не шло. Постепенно стало выясняться правовое положеніе чиновъ арміи. Въ приказахъ по I-му армейскому корпусу отъ 19-20 ноября, поздно дошедшихъ до всѣхъ пароходовъ, такъ разъяснялись приказы Главнокомандующаго о правахъ эвакуированныхъ: всѣ генералы и штабъ-офицеры, не получившіе должностей, а также всѣ категористы (штабъ и оберъ-офицеры и солдаты) разгрузкѣ въ Галлиполи не подлежали, а эвакуировались, какъ бѣженцы, въ Константинополь и въ славянскія страны; таково же было положеніе всѣхъ больныхъ и раненыхъ; могли воспользоваться этимъ правомъ бѣженства всѣ офицеры, окончившіе военныя академіи и не получившіе должностей по своимъ спеціальностямъ; генералы и штабъ-офицеры, не получившіе назначенія, могли оставаться въ частяхъ на положеніи рядовыхъ офицеровъ; вмѣстѣ съ офицерами временно, какъ говорилъ приказъ, могли оставаться семьи военнослужащихъ, въ составѣ отца, матери, жены и дѣтей.

Время шло.

Свѣжимъ яснымъ вечеромъ 3 декабря вдали отъ обагренныхъ лучами заходящаго солнца силуэтовъ святой Софіи, на многихъ пароходахъ въ благоговѣйной тишинѣ помянули русскую жизнь совершеніемъ вечерни подъ двунадесятый праздникъ Введенія во храмъ Богородицы.

А потомъ неожиданно начался оживленный отходъ оставшихся пароходовъ. По Мраморному морю шли къ Дарданелламъ, у входа въ которыя, теперь ужъ это было ясно, ждалъ армію первый тернистый пріютъ.

Еще въ Константинополѣ 20 ноября на пароходѣ «Саратовъ» генераломъ Кутеповымъ былъ отданъ приказъ, въ силу котораго организація высадки корпуса въ Галлиполи возлагалась на начальника I-ой пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Витковскаго. Говорили, что городъ разрушенъ, что придется жить въ палаткахъ, что мало воды, что дуютъ нордъ-осты; вообще, ожиданія были самыя печальныя.

Но когда пароходы, минуя водный просторъ Мраморнаго моря, входили въ коричневый, кое гдѣ желтѣвшій, а мѣстами зеленѣвшій коридоръ береговъ и уже виднѣлись довольно широкіе просвѣты Дарданеллъ, взорамъ представилась удручающая картина.

Съ праваго борта парохода показались сначала унылыя постройки казарменнаго типа и Сергіевское артиллерійское училище не знало еще

тогда, что тамъ оно проведетъ девять мѣсяцевъ въ уныломъ сосѣдствѣ съ сенегальцами; затѣмъ — маякъ, а дальше потянулись сѣрыя каменныя развалины небольшого городка съ рѣдкой зеленью пиніи, съ краснѣвшими черепицами крышъ, съ унылыми домиками набережной.

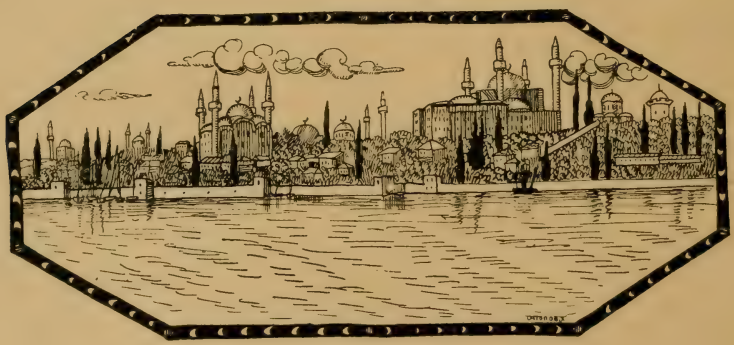
Не вѣрилось, что пароходъ завернетъ именно въ эту безнадежную бухту. Но тамъ уже оживленіе: «Аскольдъ» кого то разгружаетъ, вдали видны вереницы людей, идущихъ съ грузомъ куда то въ поле, по холмистой дорогѣ; вонъ неуклюжія зеленыя палатки.

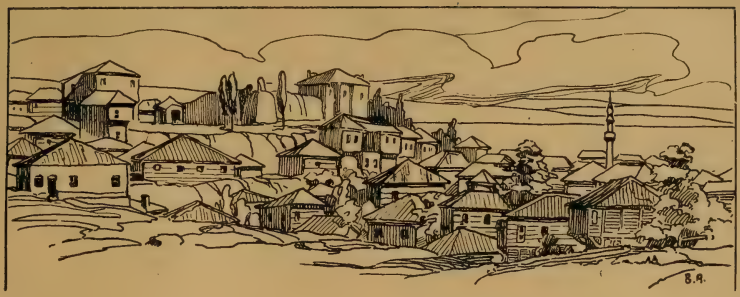
Да, это Галлиполи.

Но неужели надолго? Неужели здѣсь зимовать? Неужели на землѣ за всѣ понесенныя изгнанниками страданія, за всю пролитую русскими кровь за общесоюзное дѣло не могли найти имъ иного пріюта, прикоснуть къ иной землѣ?

Но вотъ показались сенегальцы; слышны окрики французскихъ лейтенантовъ, работаютъ лебедки. Выгрузка начинается.

Такъ прошелъ первый этапъ крестнаго пути.





ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ГАЛЛИПОЛІЙСКАГО ПОЛУОСТРОВА И ГОРОДА ГАЛЛИПОЛИ

Городъ Галлиполи находится подъ 40°. 30' сѣверной широты и подъ 26°. 40' восточный долготы отъ Гринвича и расположенъ на сѣверо-восточной части Галлиполійскаго полуострова. Полуостровъ тянется узкой полосой, съ сѣверо-востока на юго-западъ верстъ на 75-80, вдоль Дарданелльскаго пролива. Наибольшая ширина полуострова, нѣсколько юго-западнѣе г. Галлиполи, около 25 верстъ, наиболѣе узкое мѣсто по перешейку, соединяющему его съ материкомъ у с. Булаиръ — около 4-хъ верстъ.

Полуостровъ является результатомъ тектоническаго дѣйствія подземныхъ силъ, происхожденія геологически сравнительно недавняго и до сихъ поръ находится въ зонѣ дѣйствія тектоническихъ силъ и внутри мірового вулканическаго кольца: сейсмическая линія проходитъ черезъ Дарданелльскій проливъ.

Общій рельефъ мѣстности дѣлитъ полуостровъ на двѣ части: сѣверо-восточную болѣе низменную, переходящую почти въ равнину у Булаирскаго перешейка, и юго-западную, гористую; послѣдняя вся изрѣзана хребтами и отдѣльными горными вершинами. Расположеніе хребтовъ, тянущихся, главнымъ образомъ, съ сѣверо-востока на юго-западъ, на всемъ протяженіи полуострова почти нигдѣ не создаетъ долинъ, защищенныхъ отъ дѣйствія постоянныхъ и сильныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Отчасти въ силу этого на вершинахъ нѣтъ сильно развитой растительности. Другой причиной слабой растительности въ горахъ является недостатокъ влаги. Стекающія съ горъ воды сносятъ органическіе остатки въ долины и здѣсь образовываются почвы достаточно богатыя для растительной жизни. Почвенный слой въ долинахъ достаточно мощенъ.

Эти условія создаютъ общій колоритъ полуострова, растительностью своей мало отличающагося отъ южныхъ частей Россіи, главнымъ образомъ, Крыма и сѣверной части Черноморскаго побережья Кавказа. Значительная разница средней температуры и болѣе южное расположеніе, какъ будто должны были бы дать совершенно иную картину, однако непостоянство уровня и количества подпочвенныхъ водъ, относительный минимумъ атмосферныхъ осадковъ и холодные сѣверо-восточные вѣтры не даютъ здѣсь развиться богатой южной растительности. Представители тропической флоры встрѣчаются только лишь въ видѣ отдѣльныхъ исключеній.

При болѣе детальномъ ознакомленіи съ флорой полуострова здѣсь можно выдѣлить лишь небольшое количество семействъ, но, правда, съ большимъ разнообразіемъ видовъ. Преобладающими являются семейства мотыльковыхъ, сложноцвѣтныхъ и злаковыхъ. Характерна и та особенность, что климатическія условія накладываютъ на растенія свой особый отпечатокъ. Растенія какъ бы не довѣряютъ тѣмъ благопріятнымъ условіямъ, которыя дали возможность имъ развиться и на всякій случай сохраняютъ особые аппараты для защиты отъ чрезвычайнаго испаренія и приспособляемость къ воспріятію минимума питательныхъ веществъ; такъ, даже дубъ, развившійся достаточно мощно, сохраняетъ иногда листья съ игловидными окончаніями, густо усаженныя покровными волосками.

Горные хребты и плато въ большинствѣ своемъ покрыты кустарниками шиповника, каменнаго дуба, терновника, — значительно рѣже — бобровника и низкорослой груши; встрѣчаются цѣлыя долины, заросшія можевельникомъ. Зато чрезвычайно рѣдко встрѣчаются кустарники низкорослой сосны и исключеніемъ надо считать нормально развитую сосну. Въ долинахъ картина значительно измѣняется. Здѣсь уже встрѣчаются платаны, дубы, береста, иногда ясень, тополь, осина. Встрѣчаются и фруктовыя деревья: изъ нихъ можно назвать маслину, инжиръ, миндалъ, орѣхъ, черешню, персикъ, абрикосъ, айву. Рѣдкими деревьями надо считать яблоню, гранатовое дерево, грушу; кипарисъ тоже составляетъ рѣдкое исключеніе: въ естественномъ состояніи онъ почти никогда не встрѣчается, но является обычнымъ гостемъ мусульманскихъ кладбищъ, заботливо посаженный тамъ руками человѣка.

Долины, мало обрабатываемыя подъ пашню, сплошь заросли различными травами, могущими давать богатый сѣнокосъ. Весной сочная густая трава покрываетъ землю великолѣпнымъ бархатнымъ ковромъ. Довершаютъ картину ромашка и маки, заливающіе красными и бѣлыми пятнами всѣ поля и луга. Особенно буйно расцвѣтаютъ маки по склонамъ прибрежныхъ холмовъ и овраговъ.

Климатическія и почвенныя особенности полуострова создаютъ благопріятныя условія для занятія земледѣліемъ. Несмотря на относи-

тельно малое количество атмосферныхъ осадковъ и недостатокъ подпочвенной влаги, земля даетъ вполнѣ хорошіе урожаи, даже при той системѣ обработки ея, которая здѣсь существуетъ. Однако, мѣстное населеніе земледѣліемъ занимается мало и крайне неумѣло: использована далеко не вся площадь земли, годной для обработки, всего 20-25 процентовъ. Земледѣліемъ занимаются лишь въ долинахъ, и даже склоны горъ, вполнѣ удобные для земледѣлія, не обрабатываются. Обработка земли производится совершенно примитивными средствами. Никакихъ сельско-хозяйственныхъ машинъ мѣстное населеніе не знаетъ и не хочетъ знать. Обычныя орудія — это деревянный плугъ и двузубая мотыга. Сельско-хозяйственныя машины, какъ рѣдкость, встрѣчаются лишь въ немногихъ крупнѣйшихъ экономіяхъ. Система хозяйства обычная здѣсь, представляетъ такъ называемое, «пестрополье». Никакой очистки полей не производится и рѣдкій колосъ густо перемежается съ сорными травами. Бороньба производится самымъ примитивнымъ способомъ при помощи орудія въ видѣ желѣзнаго листа съ пробитыми въ немъ дырами, развернутые острые края которыхъ, обращенные къ землѣ, производятъ требуемую работу. Такая бороньба, конечно, цѣли не достигаетъ. Уборка урожая производится ручнымъ способомъ. Сорта хлѣба, культивируемые здѣсь, самаго низкаго качества. Главная культура — пшеница плохого качества и ячмень. Овса нѣтъ совсѣмъ. Корнеплоды и клубнеплоды отсутствуютъ. Изъ пропашныхъ растеній встрѣчаются кукуруза и бахчевые — дыня, арбузъ, тыква. Значительна обработка земли подъ бобы, фасоль, горохъ.

Огородничество тоже развито очень слабо. Встрѣчаются огороды лишь вблизи города. На огородахъ разводятся самые простые сорта лука, чеснока, перца, помидоръ, салата, огурцовъ. Въ остальной части полуострова огороды встрѣчаются лишь небольшіе для собственнаго потребленія, да и то крайне рѣдко.

Садоводство не развито, несмотря на благопріятныя для него условія. Изъ культивируемыхъ фруктовъ можно назвать прежде всего инжиръ, которому отводилось раньше здѣсь большое мѣсто, но война уничтожила плантаціи инжира. Виноградники встрѣчаются чаще, но безъ достаточной культурной обработки. Винодѣлія въ полномъ смыслѣ слова нѣтъ. Сорта винограда разводятся европейскіе, но лозы сильно устарѣли и огрубѣли. Такое печальное состояніе культуры земли никакими условіями почвенными и климатическими не объясняется. Единственное объясненіе можно найти въ инертности населенія, но можетъ быть близость Константинополя, положеніе на большой морской дорогѣ, отсутствіе непосредственнаго культурнаго воздѣйствія Европы сыграли здѣсь еще большую роль.

Большое значеніе на полуостровѣ могли бы имѣть роскошные сѣнокосы. Главные сорта травъ: костры разныхъ видовъ, ежа, райгросъ,

лисохвостъ, мятлики; изъ бобовыхъ: клеверъ, вики, эспарцетъ, люцерна. Между тѣмъ, населеніе пользуется ими для прокорма скота выпасомъ круглый годъ, совершенно не заготовляя сѣна. Но и въ этомъ видѣ богатство края мало использовано, такъ какъ и скотоводство мало развито. Разводятъ мѣстные жители, главнымъ образомъ, козъ и значительно меньше барановъ. Этимъ и ограничивается ихъ занятіе скотоводствомъ.

Количество населенія на полуостровѣ опредѣлить трудно, такъ какъ сборъ всякихъ статистическихъ свѣдѣній и здѣсь, какъ на всемъ балканскомъ полуостровѣ, считается дѣломъ политичекимъ. Составъ на-

КАБОТАЖНАЯ ГАВАНЬ

селенія — турки и греки, причемъ каждая народность считаетъ себя многочисленнѣе другой.

На полуостровѣ довольно много селъ и деревушекъ. Единственный городъ — Галлиполи. Излучина берега, закрывая его рейдъ отъ восточной зыби изъ Мраморнаго моря, образуетъ удобную якорную стоянку для пароходовъ, а старинная маленькая гавань даетъ безопасное убѣжище каботажнымъ парусникамъ и рыбачьимъ лодкамъ. До печальныхъ событій послѣдняго десятилѣтія, Галлиполи пользовался относительнымъ благосостояніемъ, такъ какъ черезъ него шла вся торговля прилегающаго на сѣверѣ Кешанскаго округа, въ которомъ свыше 130 богатыхъ селеній. Но теперь и Кешанъ жестоко пострадалъ отъ войны, а греческія власти по какимъ то соображеніямъ запрещаютъ оттуда

всякій вывозъ въ Галлиполи. Всякая торговля въ городѣ замерла. Самый городъ лежитъ на двѣ трети въ развалинахъ. Цѣлые кварталы можно прослѣдить только по фундаментамъ, да по мостовымъ, полузасыпаннымъ обломками зданій. Въ уцѣлѣвшихъ участкахъ дома рѣдко ремонтируются и ихъ, построенные буквально изъ щепочекъ, верхніе этажи кривятся въ разныя стороны и разсѣдаются.

УЛИЦА ВЪ ГАЛЛИПОЛИ.

Когда русскіе прибыли въ Галлиполи, они не застали въ немъ никакой торговли, кромѣ мелочныхъ лавочекъ и кабачковъ для матросовъ. Пребываніе русскихъ въ Галлиполи внесло въ него замѣтное оживленіе. Жителей въ Галлиполи теперь 7.994 *)

*) Данныя греческой префектуры.

Изъ нихъ:	грековъ . . .	3941
	армянъ . . .	608
	турокъ	2537
	евреевъ . . .	908

По словамъ жителей, да и по размѣрамъ развалинъ можно думать, что число жителей города до 1920 года было вдвое больше теперешняго.

Самое названіе города объясняется различно: одни производятъ его отъ «καλος πολις» — «красивый городъ»; другіе отъ имени галловъ, орда которыхъ прожила нѣкоторое время здѣсь въ 278 году до Рождества Христова и отсюда переправилась въ Азію; третьи связываютъ его съ мифомъ о Фриксѣ и Геллѣ и, наконецъ, съ героемъ троянской войны Калласомъ.

Что касается занятій жителей, то, какъ было указано, огородничество развито слабо, садовъ совсѣмъ нѣтъ; торговля же вся сосредоточена въ рукахъ евреевъ-испаньолобъ и грековъ. Испаньолы — потомки евреевъ, выселившихся сюда отъ ужасовъ испанской инквизиціи. Пользуясь полной свободой исповѣданія и никѣмъ не стѣсняемые, они здѣсь сохранили и свой типъ, сильно разнящійся отъ типа русскаго еврея. Въ нихъ нѣтъ ни той приниженности, ни той забитости, которая была присуща евреямъ въ Россіи. Они ведутъ свободно торговлю и еврейскій кварталъ не изъ самыхъ бѣдныхъ въ городѣ. Говорятъ они на испорченномъ испанскомъ языкѣ. Турки занимаются немного рыболовствомъ и ремеслами. Каждая національность имѣетъ въ городѣ свои школы и храмы.

Вотъ собственно и все, что можно сказать о Галлиполи. Въ давно прошедшія времена это былъ богатый городъ, съ большимъ населеніемъ и охватывалъ, кромѣ нынѣшней территоріи города, еще большое пространство къ сѣверо-востоку отъ города, включая сады и бухту къ сѣверу отъ мыса, на которомъ теперь стоитъ маякъ. А нынѣ его развалины и старина лишь свидѣтельствуютъ о быломъ величіи и богатствѣ, да почва, насыщенная древностями, ревниво хранитъ фактическія свидѣтельства былого расцвѣта.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ГАЛЛИПОЛІЙСКАГО ПОЛУОСТРОВА

Жизнь на Галлиполійскомъ полуостровѣ должна была возникнуть очень рано. Мѣстоположеніе его на границѣ Европы и Азіи, т. е. тамъ, гдѣ зародилась и развилась та великая культура, которая стала родоначальницей европейскихъ культуръ, уже само по себѣ обезпечивало необходимость ранняго зарожденія жизни. Въ глубокой древности гораздо большее значеніе имѣли водные пути сообщенія, чѣмъ сухопутные — караванные, и пути эти, опредѣлившіеся на зарѣ человѣчества, остаются дѣйствительными до нашихъ временъ. Уже въ эпоху мѣднаго вѣка намѣтился великій путь балтійскаго янтаря, тотъ самый путь, который впослѣдствіи вызвалъ къ жизни первыя русскія государственныя образованія («Великій водный путь изъ варягъ въ греки»), путь, въ который входилъ составнымъ звеномъ и Дарданелльскій проливъ. Другой путь, караванный, проходившій черезъ Галлиполійскій полуостровъ, велъ изъ передней Азіи въ Европу. Такимъ образомъ, полуостровъ лежалъ какъ разъ въ узлѣ наиболѣе крупныхъ торговыхъ путей древняго міра. Надо полагать, что уже въ эту отдаленную эпоху жизнь на немъ была довольно интенсивна. Тѣсныя культурныя связи юга Россіи съ островными культурами подтверждаютъ это предположеніе (трипольская культура — культура нижнихъ городовъ Гиссарлыка

—микенская культура). Въ эпоху героической Греціи связи Чернаго моря съ Эгейскимъ (точнѣе съ средиземноморскимъ культурнымъ очагомъ) несомнѣнны, подтвержденіемъ чего является рядъ мифовъ, ведущихъ насъ черезъ проливы — похищеніе Европы, аргонавты и др. Сюда же слѣдуетъ причислить и свѣдѣнія гомеровскихъ поэмъ о Троѣ. Открытіе Шлимана и позднѣйшія раскопки европейскихъ ученыхъ установили существованіе въ Гиссарлыкѣ ряда городовъ, древнѣйшіе изъ которыхъ имѣютъ тѣсную культурную связь съ югомъ Россіи (діоритовые топоры изъ с. Петренъ Бессарабской губ. и др.) Всѣ эти данныя указываютъ на одинъ естественный путь поддержанія связи островныхъ культуръ съ югомъ Россіи черезъ проливы, въ связи съ чѣмъ стоитъ культурное развитіе Галлиполійскаго полуострова. Самая легенда о троянской войнѣ является отраженіемъ дѣйствительности, излагая въ легендарной формѣ борьбу, которая велась между европейскимъ и азіатскимъ населеніемъ береговъ Эгейскаго моря за обладаніе ключемъ къ проливамъ. Стратегическое значеніе Трои, замыкавшей проходъ черезъ эту важнѣйшую артерію — несомнѣнно. По окончаніи войны греки — побѣдители начинаютъ прочно обосновываться на проливахъ, обезпечивая себѣ безопасныя торговыя сношенія съ богатымъ югомъ Россіи, поставлявшимъ въ Грецію столь необходимый ей хлѣбъ и не менѣе нужную рыбу. Съ теченіемъ времени греки заселяютъ берега проливовъ и пробираются въ Черное море покрывая берега его сѣтью своихъ колоній. Ольвія, Пантикапея, Тирасъ, Херсонесъ, Фанагорія, далекій Танаисъ и др. начинаютъ развиваться и пріобрѣтаютъ крупное значеніе, какъ пункты экспорта для Греціи хлѣба и рыбы. Основаніе колоній относится уже къ VII в. до Р. Х. (о. Березань). Дальнѣйшее развитіе и процвѣтаніе ихъ возможно было лишь при обладаніи проливами. Греческія колоніи и городки на ихъ берегахъ процвѣтаютъ и поддерживаются, какъ важнѣйшіе стратегическіе пункты и промежуточные торговые порты.

Мирное развитіе городовъ на берегахъ Геллеспонта было прервано военной грозой въ самомъ началѣ V вѣка. Великая персидская имперія Кира стремилась достигнуть своихъ естественныхъ границъ на западѣ, занявъ всю М. Азію. Въ этомъ стремленіи она столкнулась съ сопротивленіемъ греческихъ іонійскихъ городовъ въ М. Азіи (главнѣйшій изъ нихъ Милетъ), опиравшихся на свою метрополію. Неудача Дарія I Гистаспа на Марафонскомъ полѣ не устрашила его преемника и сына Ксеркса, который двинулъ огромныя войска на Грецію, причемъ избралъ старый караванный путь — черезъ Галлиполійскій полуостровъ. Переправа черезъ Галлеспонтъ происходила близъ нынѣшняго Чанака и Килидъ-Бара, гдѣ былъ наведенъ плавучій мостъ, составленный изъ крупныхъ купеческихъ кораблей. Съ этой переправой связано преданіе о тѣлесномъ наказаніи строптивыхъ волнъ пролива, разметавшихъ мостъ

Окончательная побѣда грековъ въ персидскихъ войнахъ подняла могущество, стоявшихъ въ центрѣ греческаго союза противъ персовъ Аѳинъ, получившихъ въ видѣ трофея гегемонію на морѣ и обладаніе проливами. Всѣ преимущества торговыхъ связей съ черноморскими колоніями были въ ихъ рукахъ, что и вызвало столкновеніе со Спартой. Вполнѣ естественно, что финалъ этой борьбы происходилъ именно въ проливахъ. Спартанскій флотъ подъ начальствомъ Лизандра въ 405 году прорвался черезъ Геллеспонтъ и овладѣлъ Византіей. Аѳинскій флотъ, не имѣвшій, послѣ изгнанія Алкивіада и другихъ талантливыхъ полководцевъ, способныхъ руководителей, вошелъ въ Геллеспонтъ и отрѣзалъ спартанцевъ отъ родины. Рѣшающее сраженіе произошло при устьѣ р. Эгосъ-Потамосъ (нынѣ Беюкъ-дере, на берегахъ которой былъ разбитъ русскій лагерь). Спартанцы занимали нынѣшнюю Лампсакію — аѳиняне — «долину розъ и смерти». Уничтоженіе аѳинскаго флота и переходъ гегемоніи на морѣ къ Спартѣ — были результатами этого сраженія.

Послѣ этого, на берегахъ Геллеспонта водворяется полное спокойствіе, которое было возмущено лишь въ 278 г. до Р. Х., когда полуостровъ былъ занятъ случайно забредшей сюда довольно крупной ордой галловъ. На этотъ разъ обошлось безъ кровопролитія, причемъ галлы перебрались въ М. Азію, гдѣ впослѣдствіи возникла римская провинція Галатія.

Къ этому времени постепенно путь черезъ проливы теряетъ свое значеніе въ силу событій, разыгравшихся на югѣ Россіи. Паденіе могущественнаго скифскаго государства и смѣна его слабо сколоченнымъ сарматскимъ не могли не отразиться на греческихъ колоніяхъ. Сарматы, менѣе культурные, чѣмъ скифскія племена, не могли удержать натиска народовъ востока и богатый югъ Россіи оскудѣваетъ хлѣбомъ. Одновременно завоеваніе Египта открываетъ для Греціи новую житницу и центръ торговыхъ интересовъ переходитъ съ сѣвера на югъ. Однако, это мало нарушило внутреннее, домашнее развитіе городовъ при проливахъ. Впослѣдствіи распространеніе власти могущественной римской имперіи на проливы и пришедшій съ нею долгій миръ (pax Romana) лишь способствовалъ ихъ мирному процвѣтанію. Перенесеніе въ началѣ IV в. послѣ Р. Хр. столицы міровой имперіи на берега Босфора подняло значеніе и благосостояніе этихъ городовъ. Галлиполійскій полуостровъ вошелъ въ сферу интересовъ и вліянія Константинополя и маленькій до того городокъ сталъ расцвѣтать. Галлиполійскій водопроводъ относится къ этому именно періоду, періоду наибольшаго расцвѣта Галлиполи. Городъ насчитывалъ тогда десятки тысячъ жителей. Памятниковъ этого періода, кромѣ грандіознаго водопровода, до настоящаго времени не дошло, всѣ ихъ ревниво хранитъ до сихъ поръ насыщенная древностями почва Галлиполи. Только намекомъ на древнѣйшую эпоху

города могутъ служить растущія по склону холма акрополя сосны, обычно посвящавшіяся Аполлону. Возможно, что и здѣсь нѣкогда стоялъ его храмъ.

Появленіе въ VII в. новаго врага съ востока опять выдвинуло проливы на арену исторической жизни. Воинствующій исламъ подошелъ къ проливамъ, но напряженіе всѣхъ силъ, сдѣланное Византіей, на первый разъ спасло ее. Однако, она утеряла большинство своихъ азіатскихъ провинцій, въ томъ числѣ и св. землю. Стремленіе освободить гробъ Господень изъ рукъ невѣрныхъ и религіозное движеніе, возникшее въ Европѣ, разразились рядомъ крестовыхъ походовъ, которые

БАШНЯ У ВНУТРЕННЕЙ ГАВАНИ

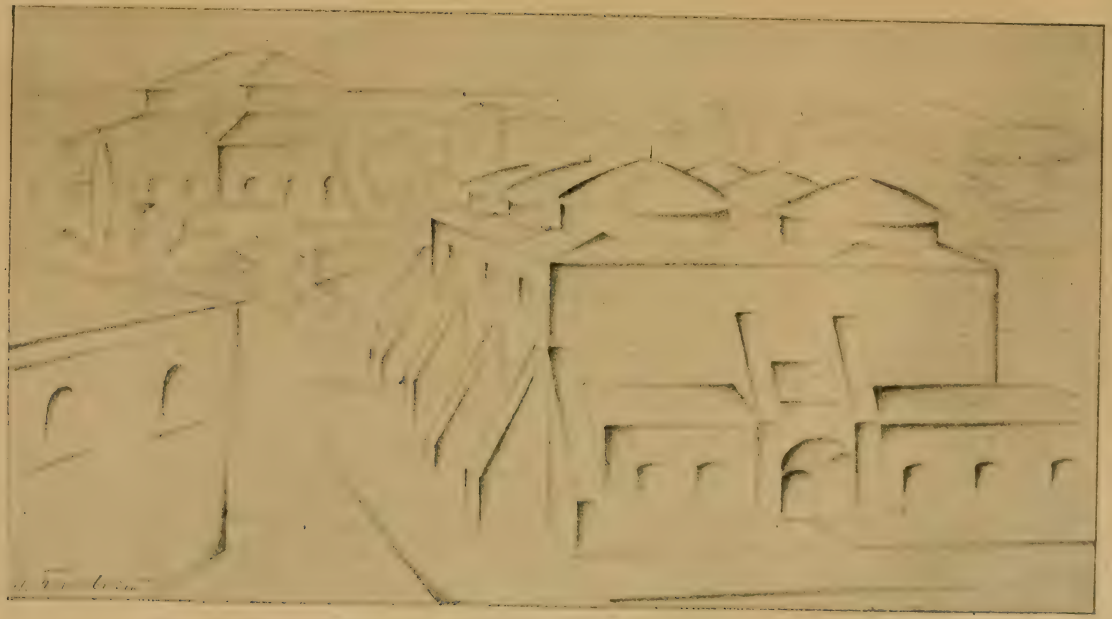
принесли имперіи больше тревогъ, чѣмъ обезопасили ее отъ агрессивныхъ сосѣдей, а въ самомъ началѣ XIII вѣка грозили даже самому существованію имперіи. Въ 1206 году Византія была занята французскими крестоносцами, которые основали Латинское королевство и дали своимъ союзникамъ венеціанцамъ право и возможность основывать по всѣмъ берегамъ укрѣпленныя торговыя факторіи. Въ 1261 г. греки прогнали западныхъ рыцарей, но не могли совсѣмъ прогнать венеціанцевъ, и, чтобы создать ихъ вліянію противовѣсъ, дали одинаковыя съ ними права ихъ соперникамъ генуэзцамъ. Большая квадратная башня у галлиполійскаго порта имѣетъ древне-греческіе фундаменты, но вся ея надстройка сдѣлана, вѣроятно, генуэзцами. *)

*) Изслѣдованія и обмѣры, предпринятые въ послѣднее время пребыванія русскихъ въ Галлиполи, разъяснятъ этотъ вопросъ.

Имъ же принадлежитъ сооруженіе обѣихъ маленькихъ гаваней и возвышавшейся на сосѣднемъ холмѣ цитадели, остатки которой покрываютъ его и до сихъ поръ. Объ этомъ говоритъ и кладка стѣнъ и характерный планъ ограды съ зачатками бастіоновъ, обычныхъ у генуэзцевъ въ XIV-XV в. в.

Дальнѣйшая борьба Византіи съ турками привела къ паденію обезсиленной имперіи: въ 1353 г. отважный сынъ султана Орхана, Гази Сулейманъ паша, произвелъ внезапную высадку въ Галлиполи и занялъ замокъ. Высадка происходила близъ нынѣшняго маяка. Памятниками этой высадки являются — столбъ, стоящій на камнѣ у берега — на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ первый высадившійся турокъ, и стоящая наверху — лагерная мечеть, на мѣстѣ перваго турецкаго лагеря. Послѣдняя интересна тѣмъ, что имѣетъ лишь одну стѣну съ двумя кафедрами и кибле, т.е. мѣстомъ молитвы, обращеннымъ къ Меккѣ. Недостающія стѣны замѣнялись огромнымъ шатромъ. Камни для ея постройки были использованы съ греческихъ домовъ въ Галлиполи, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся осколки съ орнаментами.

Послѣ занятія Галлиполи турки неудержимой волной разлились по Балканскому полуострову и въ 1453 году, наконецъ, палъ Константинополь. Проливы обратились во внутреннія турецкія воды. Однако, матеріальное благосостояніе мѣстнаго населенія отъ этого скорѣе выиграло. Внутри Турціи долго царила тишина и торговля и земледѣліе достигли цвѣтущаго состоянія. Памятникомъ этой эпохи въ Галлиполи является караванъ-сарай, построенный около середины XV в. Во время минувшей войны онъ былъ обращенъ въ казармы и теперь постепенно разрушается. Къ этому же времени относится мечеть въ Теке — монастырь вертящихся дервишей, орденъ которыхъ здѣсь зародился; здѣсь же было ихъ главное святилище. Грубый и некрасивый кубъ по внѣшности — внутри эта мечеть поражаетъ своими легкими арками и стройными колонками. Своеобразный планъ ея въ видѣ двухъ соединенныхъ круговъ происходитъ отъ ея назначенія для церемоній дервишей. Къ этому же періоду мирнаго процвѣтанія и спокойствія слѣдуетъ относить и то большое количество сооруженій турецкой архитектуры, которое теперь заполняетъ весь городъ своими развалинами. Множество остатковъ мечетей, мраморныхъ плитъ, фонтановъ съ изукрашенными орнаментами и надписью досками, водоемовъ и пр. говоритъ о благосостояніи и процвѣтаніи города, какъ крупнаго торговаго пункта. Особенно интересна облицовка фонтановъ, сдѣланная уже въ эпоху турецкаго владычества, причемъ строители часто пользовались подручнымъ матеріаломъ греческихъ построекъ. Въ этотъ періодъ спокойствія пришли въ упадокъ и военныя укрѣпленія и замокъ былъ, возможно, обращенъ въ невольничью тюрьму. Можно думать, что въ этомъ замкѣ сидѣли невольники и русскаго происхожденія. Среди русскихъ ходили разсказы,



КАРАВАНЪ САРАЙ

со словъ мѣстныхъ жителей, что здѣсь находили надгробныя плиты со славянскими надписями. До сихъ поръ этихъ плитъ не найдено, но возможность обнаруженія ихъ не отрицается.

Послѣ долгаго періода спокойствія и мирнаго процвѣтанія въ 1854-55 г.г. вновь до Галлиполи докатился отдаленный шумъ крымской войны. Здѣсь французами была устроена промежуточная база, для охраны которой были возведены сильныя укрѣпленія на Булаирскомъ перешейкѣ. Тогда же въ Галлиполи была собрана крупная партія русскихъ плѣнныхъ, часть которыхъ, окончивъ жизнь на чужбинѣ, была погребена на участкѣ, который нынѣ отведенъ подъ русское кладбище и гдѣ теперь стоитъ памятникъ, построенный I-мъ армейскимъ корпусомъ. Во время русско-турецкой войны 1877-78 г.г. военная гроза опять готова была разразиться надъ полуостровомъ. Русскія войска уже подходили къ булаирскимъ укрѣпленіямъ, но были остановлены заключеніемъ перемирія.

Послѣднія событія довершили разрушеніе города, приходившаго уже въ упадокъ и много пострадавшаго отъ жестокаго землетрясенія въ ночь съ 23 на 24 іюня 1912 г., когда въ округѣ погибло много тысячъ жителей, а на фортахъ Килидъ-бара и Седиль-бара нѣсколько береговыхъ орудій слетѣло съ платформъ. Во время балканской войны 1912 года здѣсь скопилось до 200 тысячъ мусульманъ, бѣжавшихъ отъ сербовъ и болгаръ, угрожавшихъ Константинополю. Эти бѣженцы грабили мѣстныхъ христіанъ и уничтожали цвѣтущіе фруктовые сады на топливо. Въ войну 1914-1918 г.г. часть христіанъ была выселена съ полуострова и ихъ дома тоже подверглись ограбленію и разрушенію. Отъ бомбардировки судовъ въ эту войну Галлиполи мало пострадалъ, но налеты и бомбардировки воздушнаго флота уничтожили много лучшихъ домовъ въ городѣ.

Теперь городъ замеръ, а политическая ситуація и рядъ нерѣшенныхъ политическихъ вопросовъ создаютъ обстановку, въ которой городъ оправиться не можетъ.

Оглядываясь на длинный рядъ историческихъ событій, мы видимъ, что всѣ они обусловливаются, главнымъ образомъ, географическимъ положеніемъ Галлиполійскаго полуострова въ узлѣ торговыхъ путей съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ. Это же положеніе обусловливаетъ его большое значеніе и для Россіи: никакой народъ, живущій въ низовьяхъ Днѣпра и Дона, не можетъ быть равнодушенъ къ судьбѣ проливовъ.

РАЗМѢЩЕНІЕ

(ЛАГЕРЬ И ГОРОДЪ)

22 ноября на Галлиполійскомъ рейдѣ отдали якорь пароходы «Херсонъ» и «Саратовъ», прибывшіе съ первыми эшелонами I-го армейскаго корпуса. Когда суда стояли еще подъ желтымъ карантиннымъ флагомъ, командиръ корпуса генералъ Кутеповъ первымъ сошелъ на берегъ; вслѣдъ за нимъ сошли квартирьеры и чины корпуснаго интендантства, чтобы сразу же рѣшить вопросы о квартирномъ довольствіи корпуса и о снабженіи его всѣмъ необходимымъ.

Бѣглый осмотръ города и бесѣда съ начальникомъ французскаго отряда маіоромъ Вейлеръ сразу же выяснили, что въ маленькомъ, разрушенномъ землетрясеніемъ, а также и бомбардировкой въ минувшую войну, Галлиполи едва ли удастся размѣстить даже треть корпуса и что остальная часть его должна быть размѣщена гдѣ то за городомъ, въ 6-8 верстахъ, у подножія какой то горы. При этомъ начальникъ французскаго отряда могъ сообщить только одно — лагерь въ достаточной степени будетъ обезпеченъ водой, такъ какъ въ мѣстѣ предполагаемаго размѣщенія протекаетъ большой горный ручей.

На предоставленной французами верховой лошади генералъ Кутеповъ проѣхалъ въ указанное мѣсто, которое было отведено для разбивки лагеря. Ѣхать ему пришлось по сильно пересѣченной мѣстности, покрытой липкой грязью, подъ осеннимъ дождемъ и пронизывающимъ сѣвернымъ вѣтромъ. На мѣстѣ отведенномъ для лагеря онъ нашелъ буквально голое поле, покрытое жидкой грязью. Гдѣ то вдали виднѣлась гора, покрытая низкорослымъ кустарникомъ, да сбоку сѣрѣла полоска грязнаго Геллеспонта. Дулъ нордъ-остъ и пригибалъ къ землѣ ко-

лючія травы. Картина была настолько мрачна и пустынна, что генералъ Кутеповъ невольно спросилъ: «И это все?», а, вернувшись на пароходъ, даже ни съ кѣмъ не подѣлился вынесеннымъ впечатлѣніемъ.

Утромъ послѣдовалъ приказъ немедленно начать разгрузку пароходовъ. Мелководная Галлиполійская бухта не давала возможности подойти пароходамъ вплотную къ пристани и потому разгрузка велась небольшими партіями на фелюгахъ, подплывавшихъ къ пароходамъ, забиравшихъ людей и грузъ и доставлявшихъ ихъ къ берегу.

Толпы измученныхъ отъ долгаго пребыванія въ до нельзя переполненныхъ трюмахъ (на нѣкоторыхъ пароходахъ число пассажировъ превышало пять тысячъ человѣкъ), голодныхъ и вшивыхъ людей провели всю ночь на открытомъ воздухѣ подъ холоднымъ осеннимъ дождемъ. Только очень немногимъ счастливцамъ удалось найти пріютъ подъ кровлей турка или грека, пожалѣвшихъ «русса». Видя непривѣтливость сѣрыхъ развалинъ и пустынныя окрестности, солдаты корпуса вывели названіе города Галлиполи отъ двухъ русскихъ словъ: «голое поле».

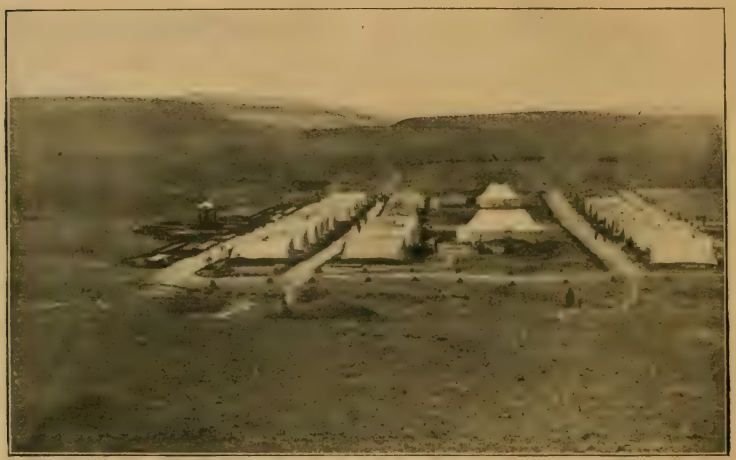
Населеніе города съ каждымъ прибывающимъ пароходомъ быстро возрастало и квартирный вопросъ по остротѣ положенія становился близкимъ къ полной катастрофѣ. Поэтому сразу же было приступлено къ возможному разрѣшенію его, и вотъ во что это вылилось:

На второй день по прибытіи первыхъ эшелоновъ корпуса, французскимъ интендантствомъ, вмѣстѣ съ первой выдачей пайка, были выданы и палатки двухъ типовъ: большія, двойныя госпитальныя съ целлулоидными окнами палатки-бараки и упрощенныя, маленькія, типа «марабу». Немедленно же началась переноска палатокъ на мѣсто, отведенное для разбивки лагеря. Перевозочныхъ средствъ никакихъ не было предоставлено. Офицеры и солдаты на собственныхъ плечахъ тащили по липкой грязи черезъ горы крайне неудобные тюки тяжелыхъ полотнищъ. Кирки, мотыги и лопаты были выданы въ очень ограниченномъ количествѣ, а топоровъ и пилъ почти не было отпущено. Все это крайне затрудняло разбивку палатокъ, вызывая непомѣрную затрату энергіи и отнимая массу времени на поиски подходящихъ кусковъ дерева для кольевъ и пр. Отсутствіе достаточнаго количества инструментовъ и короткій осенній день заставляли напряженно работать, чтобы возможно скорѣе укрыться отъ непогоды подъ навѣсомъ. Разбивка палатокъ и приведеніе ихъ въ болѣе или менѣе жилой видъ, въ среднемъ заняло, около трехъ сутокъ, и это время люди проводили на воздухѣ, ночуя здѣсь же, въ полѣ.

Долина, гдѣ разбивался лагерь, раздѣлена небольшой рѣчкой, пересыхающей лѣтомъ; вдоль нея, по обоимъ берегамъ, ровными рядами ставились палатки, и такъ какъ каждый полкъ располагался отдѣльно, на значительномъ разстояніи одинъ отъ другого, вся долина покры-

лась рядомъ отдѣльныхъ полотняныхъ городковъ. Ближе къ городу расположилась пѣхота съ артиллерійскими частями, по ту сторону рѣки, у подножія горы — конныя части и у устья рѣчки, поближе къ морю, сформировавшійся позже бѣженскій баталіонъ.

Съ установкой палатокъ начались самыя дѣятельныя работы по устройству и оборудованію остальныхъ сторонъ лагерной жизни. Очень многаго не хватало и создавать недостающее приходилось изъ подручнаго матеріала, притомъ исключительно собственными руками. Разбивались въ полкахъ и ротахъ переднія линейки, для украшенія которыхъ приходилось ходить за камнями и черепицей въ городъ или за много верстъ въ сторону отъ лагеря. Полки словно конкурировали другъ



ЛАГЕРЬ КОРНИЛОВСКАГО ПОЛКА

съ другомъ въ томъ, кому удастся лучше сдѣлать клумбу для солнечныхъ часовъ, выложить изъ цвѣтныхъ камней и черепицы огромный двуглавый орелъ, соорудить позатѣйливѣй навѣсъ для знаменъ, вычурнѣй выплести изъ соломы грибы для дневальныхъ, нарисовать эмблему своей части, національный флагъ и т. д.

На работу по устройству лагеря наряжались, за исключеніемъ лицъ командnаго состава, всѣ солдаты и офицеры.

Нельзя не коснуться, хотя бы вскользь, двухъ больныхъ вопросовъ первыхъ дней пребыванія корпуса въ Галлиполи, которые затѣмъ нашли разрѣшеніе въ приказахъ по корпусу.

Пережитыя моральныя потрясенія, скудость французскаго пайка и огромное физическое напряженіе на работахъ вызывали въ людяхъ

настолько сильную апатію къ личной участи, къ желанію удобно размѣститься, что приказомъ по корпусу пришлось понудить сдѣлать во всѣхъ палаткахъ койки. Въ крайнемъ случаѣ разрѣшалось сдѣлать одну койку на 2 человѣка. Не будь этого, значительная часть лагеря продолжала бы долгое время располагаться на голой землѣ.

Одновременно съ украшеніемъ лагеря спѣшно шло оборудованіе палатокъ внутри. Вѣтки кустарника приносились съ горы за 7 верстъ отъ лагеря, густо сплетались и шли на подстилку, а тростникъ и морская трава замѣняли собою циновки и матрасы. Въ нѣкоторыхъ частяхъ сразу же стали дѣлать плетенныя койки, у которыхъ ножки замѣнялись принесенными большими камнями, либо сучьями того же кустарника. Домашнюю утварь замѣняли консервныя банки, служившія въ одно и то же время кухонной и столовой посудой. Укупорочные ящики изъ подъ консервовъ служили матеріаломъ для столовъ, но достать такой ящикъ было не легко, и потому сравнительно только очень немногіе комфортабельно размѣщались въ своемъ углу. Для большинства же, при чрезмѣрномъ уплотненіи палатокъ, вся площадь, занимаемая однимъ человѣкомъ, строго ограничивалась лишь размѣромъ его ложа. Въ большихъ палаткахъ первоначально помѣщалось, въ среднемъ, около 100 человѣкъ; впослѣдствіи, численность населенія такой палатки была понижена до 60 человѣкъ.

Тѣснота въ палаткахъ въ особенно тяжелое положеніе ставила людей семейныхъ. Отгородить какой нибудь уголъ въ палаткѣ не представлялось возможнымъ, и семьи оставались или въ общежитіяхъ въ городѣ, или тутъ же въ лагерѣ вырывали для себя землянку. Въ большинствѣ случаевъ, такая землянка представляла собою просто квадратную яму, заложенную сверху хворостомъ и засыпанную землей, съ однимъ только отверстіемъ для входа и свѣта. Во время дождей землянка протекала и отопленіе въ ней обычно производилось мангаломъ. Въ лагерѣ можно было встрѣтить и землянки, оборудованныя болѣе тщательно: крытыя черепицей, имѣющія дверь и застекленныя окна, но такое устройство влекло за собой расходы и потому не всякому было доступно.

На «хуторахъ Барбовича», какъ называли мѣсто расположенія кавалерійскихъ полковъ, шире другихъ расположившихся другъ отъ друга, одинъ полковникъ вмѣстѣ съ женой прожилъ все время до отъѣзда въ Сербію просто въ большой вырытой ямѣ, затянутой сверху кускомъ стараго брезента.

Несмотря на трудность сооруженія, землянки получили широкое распространеніе.

Вопросы отопленія и освѣщенія палатокъ получили слѣдующее разрѣшеніе: кое гдѣ въ палаткахъ устраивались очаги, сложенные изъ кирпичей въ перемежку съ камнемъ; кладка скрѣплялась глиной, прово-

локой и кусками желѣза. Въ большинствѣ же случаевъ практика выработала типъ печи, вырытой непосредственно въ землѣ, съ трубой, проложенной подъ землей и выведенной за палатку. Труба дѣлалась изъ консервныхъ банокъ.

Французское интендантство или не отпускало вовсе керосина или отпускало его въ незначительномъ количествѣ; карбидовыхъ фонарей, выданныхъ американскимъ краснымъ крестомъ, едва хватало, чтобы освѣтить канцеляріи, околодки и офицерскія собранія, и вотъ для освѣщенія палатокъ начинаютъ примѣнять кокосовое масло, удерживая всякій разъ нѣкоторое количество отъ пайка; лампы замѣняются каганцами, сдѣланными изъ простыхъ банокъ съ фитилемъ изъ куска тряпки.

По мѣрѣ того, какъ лагерь приспособливался къ тяжелымъ условіямъ жизни, назрѣвала острая потребность въ созданіи полковыхъ офицерскихъ собраній, гдѣ усталый отъ физической работы по устройству лагеря офицеръ могъ бы посидѣть въ освѣщенномъ и тепломъ помѣщеніи, почитать или послушать газету, провести досугъ въ дружеской бесѣдѣ, или просто отдохнуть. Собранія были устроены въ каждомъ полку и лучшее изъ нихъ, наиболѣе комфортабельно обставленное и занимавшее огромную палатку съ безчисленными земляными пристройками, было собраніе Дроздовскаго полка. Къ этому собранію впослѣдствіи была пристроена сцена, и въ дни спектаклей оно являлось и зрительнымъ заломъ.

Въ каждомъ собраніи имѣлся буфетъ, гдѣ за 10 лептъ можно было выпить стаканъ сладкаго чая, а за 25 лептъ съѣсть, хотя и сдѣланную изъ консервовъ, но довольно большую котлету съ кускомъ хлѣба. Несмотря на дешевизну буфета, широкое пользованіе имъ наблюдалось только въ первые дни полученія ежемѣсячныхъ 2-хъ лиръ.

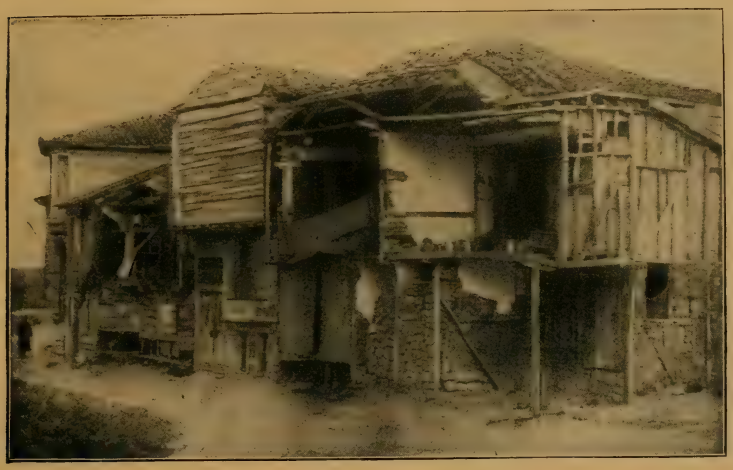
Офицерскія собранія въ значительной степени скрашивали тяжелыя условія лагерной жизни. Въ нихъ же зарождались и осуществлялись идеи организаціи полковыхъ театровъ, журналовъ и т. д.

Таково въ общихъ чертахъ размѣщеніе воинскихъ частей въ лагерѣ.

Что же касается города, то здѣсь размѣщеніе воинскихъ чиновъ, семей и отдѣльныхъ лицъ вылилось въ совершенно неожиданныя формы. Для человѣческаго жилья было использовано все, гдѣ можно было пріютиться, заняты были и мѣста, казалось бы, совершенно непригодныя для жилья. Занимались, напримѣръ, дома, лишенные крыши съ двумя уцѣлѣвшими стѣнами.

Только очень немногимъ въ первые же дни удалось найти частныя квартиры. Платить 5-10 лиръ за комнату не всякому было доступно и затѣмъ, турки, встрѣтившіе въ общемъ довольно привѣтливо первые эшелоны русскихъ, по патріархальному укладу своей жизни, очень неохотно пускали къ себѣ на постой холостыхъ. Обычно, первый во-

просъ, который они предлагали при наймѣ комнаты, есть ли у нанимателя «мадамъ»; при отрицательномъ отвѣтѣ не впускали даже въ домъ. Все это создавало положеніе, при которомъ прибывавшіе все время русскіе въ теченіе нѣсколькихъ дней продолжали оставаться подъ открытымъ небомъ. За счастье считалось найти какой нибудь навѣсъ и укрыться отъ дождя. При этомъ нельзя не отмѣтить, что съ каждымъ прибывающимъ пароходомъ цѣны на квартиры все время возростали. доходя до 15 лиръ въ мѣсяцъ за чуланъ, лишенный всякой мебели и какихъ-либо удобствъ. Съ цѣлью, хоть нѣсколько ослабить остроту квартирнаго кризиса, греческимъ самоуправленіемъ города было отведено



КВАРТИРА РУССКОЙ СЕМЬИ

безплатно небольшое количество комнатъ въ частныхъ домахъ и, кромѣ того, имъ же было выпущено воззваніе къ греческимъ гражданамъ съ просьбой войти въ бѣдственное положеніе русскихъ и оказывать имъ всяческое содѣйствіе при наймѣ помѣщенія.

Въ то же время было проявлено самое трогательное вниманіе и со стороны турецкаго населенія. Турецкія женщины обходили особенно нуждавшихся русскихъ женщинъ и дѣтей, рылись въ привезенномъ скарбѣ и, видя, что многаго не хватаетъ въ хозяйствѣ, приносили иногда недостающія вещи. Но мѣры, принятыя греческой меріей, оказались лишь слабыми палліативами и существенной помощи для разрѣшенія остроты квартирнаго вопроса не внесли, благородный же порывъ турецкаго населенія скоро смѣнился равнодушіемъ.

Выбора среди развалинъ, конечно. не могло быть и при размѣщеніи воинскихъ частей принимался во вниманіе только ихъ численный составъ и объемъ помѣщенія.

Корниловское военное училище заняло огромную полуразрушенную мечеть-Теке, принадлежавшую ранѣе ордену вертящихся дервишей. Сергіевское артиллерійской училище размѣстилось за городомъ, въ сараяхъ при сенегальскихъ казармахъ. Остальныя военныя училища: кавалерійское Николаевское и пѣхотныя: Александровское генерала Алексѣева и Константиновское, а также Николаевско-Алексѣевское инженерное училище, нашли пріютъ въ сараяхъ. пакгаузахъ и въ развалинахъ брошенныхъ домовъ въ городѣ. Техническій полкъ занялъ на базарной площади огромный «караванъ сарай» — зданіе. насчитывающее сотни лѣтъ и изъѣденное угрожающими трещинами. Госпиталя и лазареты занимали наиболѣе оборудованныя и уцѣлѣвшія зданія въ городѣ или размѣщались въ госпитальныхъ палаткахъ.

Мелкія воинскія части ютились въ случайно захваченныхъ брошенныхъ домахъ. Очень часто въ одномъ домѣ помѣщалось нѣсколько отдѣльныхъ частей, ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ и размѣщенныхъ въ порядкѣ поселенія въ домѣ. При этомъ, уплотненіе жилищъ достигало крайнихъ предѣловъ. Прибывавшіе ранѣе занимали лучшіе углы, а послѣдующіе тѣснились въ проходныхъ коридорахъ. на лѣстничныхъ площадкахъ и даже на ступенькахъ. Напримѣръ, въ небольшомъ двухъэтажномъ домѣ, въ первые дни прибытія въ Галлиполи, размѣстились: конвой генерала Кутепова, радіо-телеграфное отдѣленіе. штабъ какой то артиллерійской бригады и командный составъ техническаго полка. Люди спали въ повалку на грязномъ заплеванномъ полу. Не было ни коекъ, ни столовъ, ни стульевъ, а посудой служили тѣ-же неизмѣнныя консервныя банки.

Грязь, холодъ, обиліе вшей и ростущая заболѣваемость возвратнымъ тифомъ и воспаленіемъ легкихъ... въ такихъ условіяхъ люди жили недѣли и мѣсяцы.

Для размѣщенія семей военно-служащихъ было приступлено къ устройству общежитій. Это оказалось дѣломъ очень не легкимъ, такъ какъ занятые для этого старые дома и мечети, для приведенія ихъ. хотя бы. въ относительно годный для жилья видъ, требовали колоссальнаго ремонта. Всѣхъ общежитій было устроено тринадцать и организованы они были по одному типу, и потому для иллюстраціи условій жизни въ нихъ приведемъ краткое описаніе, считавшагося наиболѣе оборудованнымъ, общежитія кавалерійскаго полка.

Общежитіе это устроено въ брошенномъ большомъ домѣ, который очевидно былъ когда то роскошнымъ зданіемъ: объ этомъ и теперь еще говорятъ уцѣлѣвшіе обломки мраморной террасы въ саду, прекрасные потолки. большія амбразуры оконъ. размѣры комнатъ и даже слѣды

бывшихъ уборныхъ. При вселеніи туда семей, большинство оконныхъ отверстій пришлось заложить камнями, законопатить щели морской травой, вмѣсто дверей повѣсить одѣяла и т. д. Печей въ домѣ не было и въ каждой семьѣ полное право гражданства пріобрѣталъ мангалъ, служившій въ одно и то же время очагомъ и печью для отопленія. Ни общей кухни, ни общей прачешной, какъ и всюду, въ общежитіяхъ не было. Обѣдъ и ужинъ готовились, если позволяла погода, на кострахъ, на воздухѣ, а въ дурную погоду на мангалахъ въ комнатѣ.

Въ каждой отдѣльной комнатѣ помѣщалось двѣ-четыре семьи, т. е. не менѣе 6-10 человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ отдѣльныя семьи старались хоть какъ нибудь отдѣлиться другъ отъ друга, устроить свой уголъ и завѣшивались одѣялами, простынями, пледами. Комната, такимъ образомъ, принимала видъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ кабинокъ. Въ большинствѣ же случаевъ за невозможностью подѣлить право на пользованіе окномъ, всѣ семьи жили, не раздѣляясь, и спали вповалку на полу. Несмотря на полныя физическихъ лишеній условія, жизнь въ общежитіяхъ отягощалась еще однимъ, самымъ тяжелымъ въ моральномъ отношеніи — вынужденнымъ сожительствомъ бокъ о бокъ съ совершенно чужими и часто чуждыми по воззрѣніямъ, воспитанію и привычкамъ людьми.

У Достоевскаго въ «Запискахъ изъ мертваго дома» есть пронизывающая ужасомъ сознаніе фраза впервые попадающаго въ общую тюремную камеру: «теперь я никогда не буду одинъ». То же самое должны были испытывать обитатели общежитій: усталые нервы требовали покоя и отдыха, а вмѣсто этого ни днемъ, ни ночью, не представлялось возможности побывать наединѣ или только въ своей семьѣ, постоянно приходилось являться невольнымъ свидѣтелемъ всѣхъ интимныхъ сторонъ чужой жизни. Это не всякому было по силамъ, и при первой къ тому возможности изъ общежитій старались уйти, устроиться, можетъ быть, и хуже, но все-таки въ своемъ собственномъ уголкѣ.

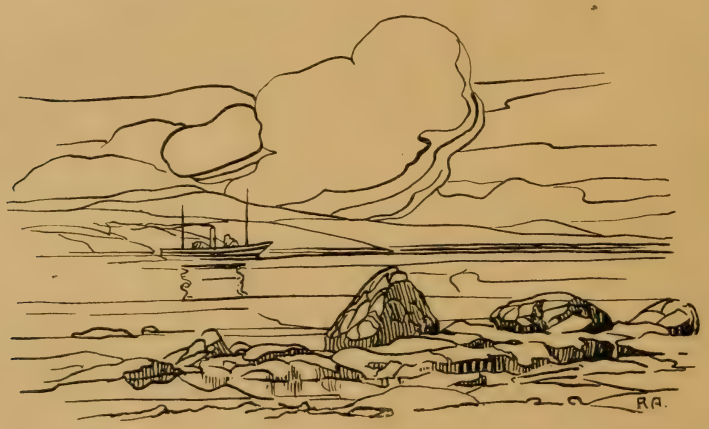
Во всѣхъ тринадцати общежитіяхъ размѣщалось въ среднемъ 325 женщинъ и 80 дѣтей.

Описаніе уклада жизни въ общежитіяхъ — это безконечный синодикъ мелкихъ дрязгъ и недоразумѣній, оканчивавшихся иногда дуэлью.

Поиски своего угла заставляли продавать послѣдній скарбъ на оплату комнаты или вызывали къ жизни новый видъ жилища въ городѣ — сложенную изъ камней лачугу или вырытую землянку.

Обычно для постройки такого жилища подыскивались среди развалинъ одна-двѣ уцѣлѣвшихъ стѣны и къ нимъ пристроивались недостающія стѣны. Строевымъ матеріаломъ служили огромные сѣрые камни, обильно разбросанные среди развалинъ. Складывались они безъ всякой скрѣпы и щели между ними засыпались землей. Сложнѣе обстоялъ вопросъ съ устройствомъ крыши. Здѣсь была использована колючая про-

волока, которой очень много можно было найти въ Галлиполи; вмѣсто балокъ примѣнялись рельсы, взятыя на постройкѣ конной желѣзной дороги, находили мѣсто куски жести и все, что попадалось подъ руку; изъ проволоки сплеталась густая сѣтка, поверхъ которой наваливались вѣтви, валежникъ, тростникъ, морская трава: все это засыпалось слоемъ земли и обмазывалось жидкой глиной. Иногда прослойка изъ вѣтокъ прокладывалась два и даже три раза. Однако, крыша такой «циклопической» постройки не отличалась прочностью — во время сильныхъ дождей она промокала и иногда, не выдержавъ собственной тяжести, проваливалась. Несмотря на это, первые «люди сѣраго камня» нашли много подражателей; такія жилища, какъ грибы послѣ дождя, выростали въ разныхъ мѣстахъ города, а кое гдѣ изъ такихъ построекъ образовались даже цѣлыя улицы.



Строились эти жилища абсолютно безъ всякихъ инструментовъ и собственными же руками оборудовывались и изнутри. Кроватъ, напр., почти всюду дѣлалась изъ камней или изъ наваленной въ кучу земли обложенной камнями; камни же служили столомъ, а если удавалось достать доску, то только ножками къ нему. Для отопленія складывалась изъ камней печь или хозяева обзаводились мангаломъ.

Неизвѣстно почему эти жилища стали называться дачами и на нѣкоторыхъ изъ нихъ появлялись даже дощечки съ названіемъ: «Тоска по родинѣ», «Одинокая», «Надежда» и т. д.

Невозможность почему либо обзавестись собственной «дачей» не останавливала однако поисковъ собственнаго угла. Группа офицеровъ-авіаторовъ съ семьями занимала на берегу пещеры, въ которыхъ рыбаки въ непогоду прячутъ сѣти. Какой то офицеръ съ женой долгое время

находилъ пріютъ въ выброшенной на берегъ полуистлѣвшей фелюгѣ. На старомъ турецкомъ кладбищѣ для жилища былъ использованъ каменный резервуаръ испорченнаго водоема. Надъ нимъ долгое время развѣвался русскій флажекъ и красовалась надпись «Дача Мечта». Укладываться спать въ этой дачѣ въ виду ея малыхъ размѣровъ можно было только по діагонали, уширяясь головой въ одинъ уголъ и ногами въ другой.

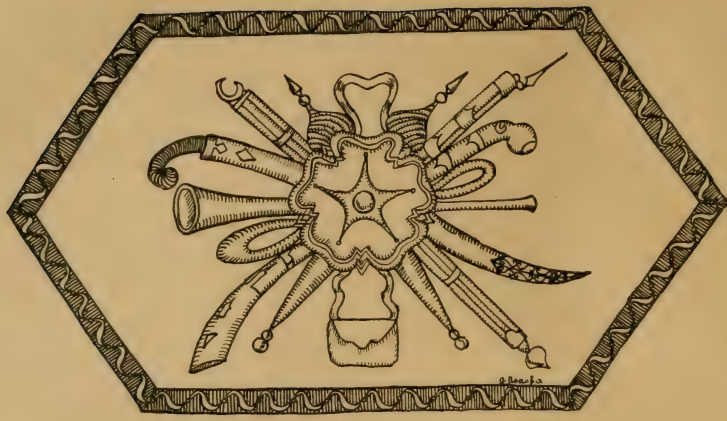
Названіе «дачи» къ сожалѣнію не было ироніей и такой изолированный уголъ на общемъ фонѣ квартирной нужды являлся завидной долей.

Такова, въ общихъ чертахъ, картина первыхъ дней размѣщенія въ городѣ. Обостренный до нельзя жилищный вопросъ, а главное отсутствіе возможности просто отдохнуть на кровати, поѣсть у стола, отражались самымъ невыгоднымъ образомъ на настроеніи усталой и голодной массы, вызывая у нея либо болѣзненную апатію, либо повышая нервозность. И въ развитіи «бѣженскаго» настроенія первоначальное положеніе жилищнаго вопроса несомнѣнно сыграло замѣтную роль.

Съ теченіемъ времени, то колоссальное количество работы, которое было затрачено на оборудованіе занятыхъ помѣщеній, сдѣлало ихъ совершенно неузнаваемыми.

Мертвые разрушенные дома оживали: они не только наполнялись русскимъ говоромъ, пѣсней, но и преображались внѣшне. Голыя грязныя стѣны бѣлились известью, украшались орнаментомъ, пейзажами и видами далекой родины, устраивались очаги и печи, появлялась мебель (столы, стулья, кровати), сдѣланная изъ консервныхъ ящиковъ.

Жизнь утрясалась, а съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ дней жилищный вопросъ сразу утратилъ свою остроту. Сухое лѣто и отсутствіе ложделей давали полную возможность спать на воздухѣ.



ОРГАНИЗАЦІЯ КОРПУСА

При эвакуаціи изъ Крыма части русской арміи въ силу условій боевой обстановки и отчасти въ зависимости отъ распредѣленія тоннажа значительно перемѣшались; по прибытіи въ Константинополь, а затѣмъ въ Галлиполи, части эти не представляли строго организованныхъ единицъ, почему предстояла большая организаціонная работа.

Прежде всего надо было учесть происшедшее уменьшеніе численности арміи и свести войска въ организаціонныя единицы соотвѣтственно ихъ численному составу.

Во вторыхъ, въ виду рѣшенія французскаго командованія поселить казаковъ на Чаталджѣ и на островѣ Лемносѣ, — необходимо было выдѣлить всѣ казачьи части.

Исключая казачьи части, всѣ прочія части русской арміи были сведены въ I-ый армейскій корпусъ, въ командованіе которымъ вступилъ командовавшій до этого I-ой арміей генералъ-отъ-инфантеріи Кутеповъ.

ОРГАНИЗАЦІЯ СТРОЕВЫХЪ ЧАСТЕЙ I-ГО АРМЕЙСКАГО КОРПУСА

19 ноября Главнокомандующій издалъ приказъ за № 4721, согласно котораго I-му армейскому корпусу придана была слѣдующая организація:

1. УПРАВЛЕНІЕ КОРПУСА.

2. I-ая ПѢХОТНАЯ ДИВИЗІЯ — ГЕН.-ЛЕЙТ. ВИТКОВСКІЙ:

а) Корниловскій ударный полкъ — изъ Корниловской дивизіи;
б) Марковскій пѣхотный полкъ — изъ Марковской дивизіи;
в) Сводно-стрѣлковый ген. Дроздовскаго полкъ — изъ Дроздовской дивизіи;
г) Алексѣевскій пѣхотный полкъ — изъ Алексѣевскаго полка, Сводно-гвардейскаго полка, частей 6, 13 и 34 пѣхотныхъ дивизій;

Примѣчаніе: при каждомъ пѣхотномъ полку состояли одноименные конный и артиллерійскій дивизіоны и инженерныя роты.

д) артиллерійскій батальонъ — изъ частей тяжелой, крѣпостной и бронепоѣздной артиллеріи.

3. КОННАЯ ДИВИЗІЯ — ГЕН.-ЛЕЙТ. БАРБОВИЧЪ:

а) 1, 2, 3, и 4 конные полки — изъ всѣхъ частей регулярной конницы;
б) Конно-артиллерійскій дивизіонъ — изъ всѣхъ конно-артиллерійскихъ частей.

4. ТЕХНИЧЕСКІЙ ПОЛКЪ — изъ всѣхъ саперныхъ, телеграфныхъ, авіаціонныхъ, желѣзнодорожныхъ, бронеавтомобильныхъ и прочихъ техническихъ частей.

УПРАВЛЕНІЕ КОРПУСА.

Управленіе корпуса, въ составѣ штаба корпуса, управленій инспектора артиллеріи, корпуснаго инженера, корпуснаго интенданта, корпуснаго врача, корпуснаго ветеринара, корпуснаго контролера, корпуснаго суда и главнаго священника корпуса сразу сформировано было въ составѣ и по штатамъ близкимъ къ нормальному составу корпуснаго управленія, полагавшемуся во время войны. Впослѣдствіи въ его организаціи серьезныхъ измѣненій внесено не было.

Слѣдуетъ лишь отмѣтить, что въ составъ управленія корпуса вошли, въ соотвѣтствіи съ потребностями обстановки — управленіе коменданта города Галлиполи (часть военно-полицейская) и управленіе коменданта порта (вопросы морского транспорта). Послѣднее было, впрочемъ, въ концѣ іюля включено въ составъ управленія коменданта города.

Штабъ и управленія корпуса функціонировали въ общемъ вполнѣ нормально.

ПѢХОТА.

До переѣзда въ славянскія страны въ организаціи пѣхотныхъ частей никакихъ измѣненій по сравненію съ первоначальной не произошло, если не считать перемѣщенія сводной Самурской роты изъ Алексѣевскаго полка въ Дроздовскій.

АРТИЛЛЕРІЯ.

Организація артиллеріи подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ. Первоначально состоявшія въ дивизіяхъ артиллерійскія бригады были сведены въ дивизіоны и были включены въ составъ одноименныхъ пѣхотныхъ полковъ. Артиллерія, не входившая въ составъ дивизій, сведена была въ отдѣльный артиллерійскій полкъ, входившій въ составъ I-ой пѣхотной дивизіи и раздѣлявшійся на 2 дивизіона по 3 батареи въ каждомъ.

Когда съ теченіемъ времени выяснилась возможность организовать въ войскахъ занятія по ихъ боевой подготовкѣ, рѣшено было перейти къ болѣе нормальной организаціи и уже 22 декабря 1920 г. вся артиллерія I-й пѣхотной дивизіи сведена была въ I-ую артиллерійскую бригаду.

Бригада состояла изъ 6-ти дивизіоновъ: Корниловскаго, Марковскаго, Дроздовскаго, Алексѣевскаго, 5-го въ который вошли части тяжелой артиллеріи и 6-го дивизіона, состоявшаго изъ частей бронепоѣздной артиллеріи.

Конная артиллерія, первоначально сведенная въ одинъ четырехъ-батарейный дивизіонъ, была въ серединѣ апрѣля раздѣлена для удобства управленія на два двухъ-батарейныхъ дивизіона; одновременно для подготовки младшаго офицерскаго состава сформирована была учебная офицерская конно-артиллерійская батарея.

Такая организація артиллеріи оставалась до переѣзда въ славянскія страны.

КОННИЦА.

Въ составѣ I-ой конной дивизіи произошли также нѣкоторыя перемѣны; сформированы были ремонтный и запасный эскадроны, выдѣлены чины бывшихъ гвардейскихъ частей и сведены въ отдѣльный гвардейскій дивизіонъ, наконецъ, въ связи съ переѣздомъ большей части дивизіи въ Сербію сформированъ былъ Офицерскій учебный кавалерійскій полкъ.

ИНЖЕНЕРНЫЯ ВОЙСКА.

Всѣ техническія части, какъ-то: саперныя, телеграфныя, радіотелеграфныя, бронеавтомобильныя, танковыя, желѣзнодорожныя — были, какъ сказано выше, сведены въ Техническій полкъ.

Въ составъ полка вошли части обычно не соединяемыя, напримѣръ, авіаціонныя и желѣзнодорожныя, но этого требовало удобство управленія, для чего и необходимо было соединеніе мелкихъ единицъ въ болѣе крупныя части.

Не считая состоявшагося по распоряженію ставки въ мартѣ выдѣленія изъ Техническаго полка радіотелеграфныхъ станцій въ особое отдѣленіе, перемѣнъ въ организаціи инженерныхъ частей не произошло.

ВОЕННО-УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Находившіяся въ Крыму военныя училища и артиллерійская школа постепенно также сосредоточились въ Галлиполи. Сюда прибыли Константиновское, Алексѣевское и Корниловское военныя училища, Сергіевское артиллерійское училище и Офицерская артиллерійская школа. Изъ этихъ училищъ Алексѣевское было 3 марта переименовано въ «Александровское генерала Алексѣева военное училище».

Съ теченіемъ времени въ Галлиполи были открыты инженерное и кавалерійское училище.

Николаевско-Алексѣевское инженерное училище возникло сначала въ видѣ курсовъ; въ серединѣ февраля курсы эти были переименованы въ Николаевско-Алексѣевское инженерное училище, а 11 іюля рота юнкеровъ училища, въ связи съ новымъ пріемомъ была развернута въ батальонъ двухъ-ротнаго состава.

Николаевское кавалерійское училище, въ лицѣ котораго возстановлено старое училище того же наименованія, первоначально именовалось «учебнымъ дивизіономъ кавалерійскихъ юнкеровъ», а въ серединѣ февраля было переименовано въ кавалерійское училище, которому 2 августа присвоено наименованіе «Николаевское».

Прибывшая изъ Севастополя Офицерская артиллерійская школа начала функціонировать въ серединѣ января.

Для пополненія знаній офицеровъ инженерныхъ частей была открыта 20 апрѣля Офицерская инженерная школа, при которой 2 іюля открыто желѣзнодорожное отдѣленіе.

Наконецъ, для подготовки инструкторовъ по физическому развитію, сформирована была Офицерская фехтовально-гимнастическая школа, открывшая свои дѣйствія въ концѣ января.

Заканчивая краткій обзоръ организаціи въ Галлиполи военно-учебныхъ заведеній, упомянемъ еще о функціонировавшихъ съ февраля при Марковскомъ полку «Штабъ-офицерскихъ стрѣлковыхъ курсахъ», съ программой близкой къ программѣ бывшей Офицерской стрѣлковой школы, и объ открытыхъ въ началѣ іюля «Военно-административныхъ курсахъ», имѣвшихъ цѣлью подготовку неспособныхъ къ строю офицеровъ къ занятію административныхъ должностей.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ ЧАСТИ И УЧРЕЖДЕНІЯ.

Въ связи съ потребностями обстановки въ корпусѣ были сформированы нѣкоторыя вспомогательныя части и учрежденія.

Для перевозки продовольствія въ лагерь французское командованіе предоставило корпусу 50 повозокъ и 100 муловъ, которые и образовали корпусный обозъ, обслуживавшійся исключительно русскими.

При управленіи корпуснаго интенданта были организованы починочныя мастерскія, а также хлѣбопекарни, выпекавшія хлѣбъ на весь корпусъ. Организована была также рыболовная команда, однако, въ силу различныхъ неблагопріятныхъ условій рыболовство широко поставить не удалось.

Для солдатъ, отбывавшихъ наказанія, сформирована была дисциплинарная рота.

Наконецъ, для выдѣленія изъ частей офицеровъ и солдатъ, выразившихъ желаніе оставить армію, а также для удаляемыхъ властью начальства, сформированъ былъ въ январѣ мѣсяцѣ «сводно-бѣженскій батальонъ». Батальонъ этотъ имѣлъ правильную строевую организацію; командныя должности въ немъ были замѣщены кадровыми офицерами. Режимъ въ батальонѣ вполнѣ тождественный съ обычнымъ режимомъ строевыхъ частей.

Для ремонта оружія вскорѣ по прибытіи въ Галлиполи открытъ былъ артиллерійскій складъ съ артиллерійской мастерской при немъ.

Большую мастерскую организовалъ Техническій полкъ. Слѣдуетъ отмѣтить тѣ невѣроятныя трудности, при которыхъ эта мастерская создавалась — буквально изъ ничего. Впослѣдствіи эта мастерская стала выполнять весьма сложныя и тонкія слесарныя и кузнечныя работы.

ГЕНЕРАЛЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ КУТЕПОВЪ

Имя командира I-го армейскаго корпуса, генералъ-отъ-инфантеріи. Александра Павловича Кутепова, всегда будетъ неразрывно связано съ тѣмъ, что пережили «русскіе въ Галлиполи» въ періодъ съ ноября 1920 года по декабрь 1921 года.

Все, что было достигнуто въ Галлиполи, самый характеръ и строй жизни — все это носило отпечатокъ воли и энергіи генерала Кутепова.

Назначеніе генерала Кутепова командиромъ I-го армейскаго корпуса произошло на Константинопольскомъ рейдѣ, когда изъ остатковъ I-ой арміи формировался и самый корпусъ.

Передъ командиромъ вновь сформированнаго корпуса стояла весьма отвѣтственная и тяжелая задача. Условія, въ которыя былъ поставленъ корпусъ, мало способствовали поддержанію дисциплины и организаціи, а общее состояніе духа скорѣй должно было вызвать полную дезорганизацію и окончательно разрушить послѣдніе остатки арміи. Однако, армію необходимо было сохранить. И если оставившія Крымъ войска, послѣ невиданной до сихъ поръ въ исторіи эвакуаціи арміи съ континента вмѣстѣ съ гражданскимъ населеніемъ, не растворились въ послѣднемъ, если русскіе въ Галлиполи не попали за проволоку и не оказались въ концентраціонномъ лагерѣ подъ командой французскихъ сержантовъ, то это заслуга, главнымъ образомъ, — генерала Кутепова.

Сама природа, казалось, предназначила его къ выполненію трудныхъ, почти неразрѣшимыхъ задачъ, снабдивъ его рѣдкой трудоспособностью, выносливостью и упорствомъ въ достиженіи разъ принятыхъ рѣшеній.

Онъ прежде всего до глубины души русскій человѣкъ. Дѣйствуя увѣренно, иногда до рѣзкости прямолинейно, онъ, въ то же время, никогда не упорствуетъ въ защитѣ того, въ чемъ не увѣренъ. Терпимость къ чужимъ мнѣніямъ и способность считаться съ приводимыми доводами свободно сочетаются у него съ громаднымъ упорствомъ въ достиженіи разъ намѣченныхъ цѣлей. Поэтому, нѣтъ болѣе доступнаго начальника и человѣка, чѣмъ А. П. Кутеповъ.

Командиръ 1-го армейскаго корпуса,
генералъ отъ инфантеріи
А. П. Кутеповъ

Русскій по происхожденію, съ русской наружностью, крутой, плотно сбитый, онъ точно вышелъ изъ здоровой, крѣпко срубленной, избяной Руси, вѣками упорно боровшейся за свое существованіе. И когда русская армія оказалась въ неслыханныхъ дотолѣ условіяхъ, онъ, стоявшій всегда въ первыхъ боевыхъ ея рядахъ и перенесшій на своихъ плечахъ всю ея боевую страду, большими рабочими руками сталъ укрѣплять войска на новомъ мѣстѣ. Самъ похожій на солдата, знатокъ его будней, той повседневной армейской жизни, которая незримо для современниковъ, порой, слагается въ героическую эпопею, генералъ Кутеповъ сталъ дѣлать для арміи именно то, что въ данный моментъ было для нея самымъ необходимымъ.

Онъ выросъ изъ арміи и крѣпко вросъ въ нее всѣмъ своимъ существомъ.

Съ первыхъ же дней высадки въ Галлиполи онъ самъ вошелъ во всѣ детали армейской жизни, которую надо было какъ то налаживать и строить.

Въ это первое время генералъ Кутеповъ бывалъ всюду: самъ встрѣчалъ прибывающіе эшелоны, наблюдалъ за разгрузкой судовъ, осматривалъ предназначенныя для приходившихъ частей помѣщенія, заходилъ въ баню посмотрѣть, какъ моются солдаты, посѣщалъ лазареты и т. д. и т. д.

Но генералъ Кутеповъ продолжалъ твердо вѣрить, что для спасенія Россіи нужна армія и готовился приложить всѣ свои силы на возстановленіе этой арміи изъ остатковъ войскъ, привезенныхъ въ Галлиполи.

Врядъ ли можно предполагать какой либо заранѣе обдуманный планъ возстановленія арміи. Скорѣе всѣ дѣйствія, направленныя къ возстановленію ея, проистекали изъ существа натуры А. П. Кутепова. Какъ военный до мозга костей, онъ не могъ видѣть распущенныхъ, расхлябанныхъ офицеровъ и солдатъ, опустившихся и растерянныхъ. И вотъ онъ прежде всего начинаетъ доказывать не словами, а дѣломъ, что армія существуетъ, что всѣ прибывшіе въ Галлиполи не только по имени офицеры и солдаты, а и въ дѣйствительности продолжаютъ состоять въ рядахъ арміи. Въ это первое время только одинъ онъ продолжалъ проявлять свою власть, какъ командиръ корпуса. Да, кажется, только за нимъ однимъ и признавали право на осуществленіе дисциплинарной власти.

Къ своей цѣли, возстановленія арміи, генералъ Кутеповъ шелъ вполнѣ прямолинейно. Онъ не считался съ тѣмъ, что его дѣйствія могутъ вызвать ропотъ.

А ропотъ былъ. Каждый зналъ, что неотданіе чести, распущенный видъ, неаккуратная одежда, при встрѣчѣ съ командиромъ корпуса повлечетъ неминуемый арестъ. И характерно, что до конца пребыванія въ

Галлиполи не было кажется человѣка, съ обидой вспоминавшаго наказаніе, наложенное командиромъ корпуса.

Такъ, какъ будто мелочами, люди постепенно проникались сознаніемъ, что армія существуетъ и состояніе въ рядахъ ея накладываетъ опредѣленныя обязательства.

Но на ряду съ неуклоннымъ требованіемъ точнѣйшаго несенія службы и соблюденія до мелочей воинской дисциплины, генералъ Кутеповъ проявлялъ глубочайшее вниманіе къ нуждамъ людей.

Самъ пройдя суровую военную школу, командиръ I-го армейскаго корпуса хорошо зналъ нужды офицеровъ и солдатъ, а потому заботы его направлялись всегда на то, что дѣйствительно было необходимо и нужно. Властная и заботливая рука его чувствовалась всѣми.

Стоя во главѣ столь большого дѣла, самъ входя во всѣ мелочи жизни, генералъ Кутеповъ считалъ нужнымъ ко всему присматриваться и у всѣхъ чему нибудь учиться.

— Я прошелъ три школы — любилъ говорить онъ полушутя полусерьзно: — строевая служба въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, гдѣ пришлось командовать учебной командой, черноморское губернаторство и... Галлиполи. Въ послѣднемъ — добавлялъ онъ — я учился больше всего.

Сознавая, что корпусъ является какъ бы школой кадровъ будущей русской арміи и понимая, что сила арміи въ командномъ составѣ, генералъ Кутеповъ особенно обращалъ вниманіе на созданіе хорошаго кадра офицеровъ. Вообще, отношеніе его къ офицерскому званію исключительно. Оно отличается особой бережливостью.

— Я высоко ставлю офицерскій мундиръ — говорилъ онъ: — и безпощаденъ съ тѣми, кто роняетъ его достоинство.

И дѣйствительно, самъ не пьющій, не курящій и умѣренный во всѣхъ отношеніяхъ, онъ былъ безпощаденъ къ пьянству, дебоширству и распущенности офицеровъ. Въ такомъ освѣщеніи становятся понятны и постоянныя взысканія, налагавшіяся на офицеровъ и проводившіяся съ неуклонной послѣдовательностью въ жизнь требованія образцоваго несенія службы.

— Офицеръ во всѣхъ случаяхъ жизни долженъ быть офицеромъ — постоянно говорилъ онъ.

Особенно характерно въ приказѣ одно заявленіе, въ которомъ выливалось истинное отношеніе генерала Кутепова къ офицерскому званію:

«Никакой трудъ не можетъ быть унизителенъ, если работаетъ русскій офицеръ».

И онъ, дѣйствительно, сумѣлъ заставить уважать офицерскій мундиръ.

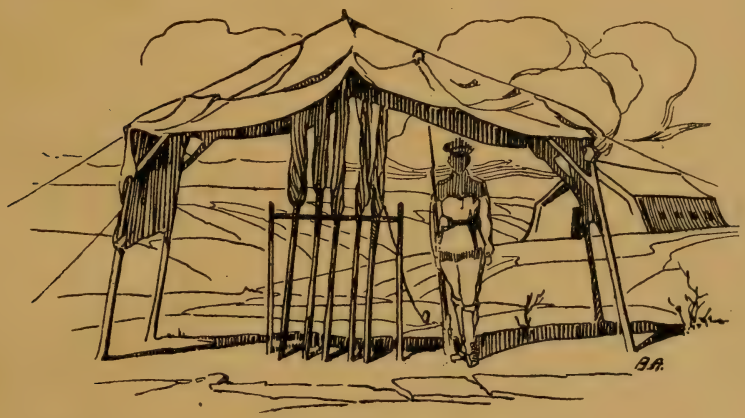
Но главное значеніе генерала Кутепова сказалось не въ томъ, что онъ возродилъ на Галлиполійскомъ берегу русскую армію, не въ его забо-

тахъ о солдатахъ и не въ той оцѣнкѣ, которую онъ добивался придать офицерскому званію. Главное заключается въ томъ, что онъ сумѣлъ свою любовь къ Родинѣ и свою вѣру въ конечный успѣхъ дѣла перелить въ возрождавшуюся армію. И именно это такъ тѣсно связало его, слило воедино съ корпусомъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ его приказы говорятъ только объ одномъ:

«Всѣмъ надлежитъ помнить, что мы являемся единственнымъ кадромъ будущей Русской Арміи»...

«Вновь напоминаю, что мы являемся послѣднимъ и единственнымъ кадромъ Русской Арміи и мы должны напряженно и неустанно готовиться съ честью выполнить свое назначеніе»...



«Каждая войсковая часть будетъ крѣпка лишь тогда, когда она дисциплинирована, воински воспитана и обучена. Только такая часть можетъ противостоять всякимъ испытаніямъ и, явившись въ Россію, дѣйствительно послужить надежнымъ и примѣрнымъ кадромъ при будущемъ развертываніи Русской Арміи»...

«Нашъ долгъ передъ Родиной обязываетъ насъ быть сплоченными, дисциплинированными и обученными»...

И все это для того, чтобы «донести наши честныя знамена въ Россію».

Это же руководило генераломъ Кутеповымъ и во всѣхъ его сношеніяхъ съ французами. Когда на запросы французскаго командованія генералъ Кутеповъ давалъ уклончивые отвѣты, а на категорическія требованія отвѣчалъ не менѣе категорическими отказами — всѣ понимали, что онъ, дѣйствуя такъ, защищаетъ достоинство Русской Арміи, а вмѣстѣ съ ней и Россіи.

Въ то же время, смотря на армію, какъ на слугу государства, онъ не допускалъ и мысли о возможности, чтобы армія служила какимъ либо частнымъ партійнымъ интересамъ. Передъ арміей, какъ слугой только государства, должны стоять только національные интересы. Оттого и развалилась въ годы безвременья русская армія, что въ нее захотѣли влить партійность и заставить служить не государству, а партіямъ.

Поэтому, говоря о будущемъ возстановленіи Россіи, онъ никогда не позволялъ себѣ, даже намекомъ, предрѣшать будущій ея государственный строй. На борьбу съ красными онъ смотрѣлъ, какъ на тяжелую необходимость вооруженной рукой освободить Россію отъ захватчиковъ власти.

Весьма характерной фразой одинъ разъ обмолвился генералъ Кутеповъ. Въ разговорѣ о будущемъ Россіи въ случаѣ освобожденія ея арміей, онъ сказалъ:

— Армія должна занять Москву ... и, помолчавъ, добавилъ:

— А затѣмъ взять подъ козырекъ.

Если вначалѣ генералъ Кутеповъ входилъ рѣшительно во всѣ мелочи жизни корпуса, то, когда жизнь вошла въ опредѣленное русло, онъ какъ то невольно сталъ центромъ ея во всѣхъ отношеніяхъ. Не говоря уже о чисто военныхъ и административныхъ сторонахъ, не было кажется ни одного общественнаго или культурнаго начинанія, гдѣ бы генералъ Кутеповъ не былъ своимъ. Въ гимназіи — онъ не только почетный предсѣдатель попечительнаго совѣта, но и частый близкій гость, хорошо знающій всѣ заботы и огорченія. Съ живымъ интересомъ слѣдитъ онъ за дѣятельностью общеобразовательныхъ курсовъ и живо откликается на всѣ ихъ нужды. Частый гость онъ и на сеансахъ «устной газеты». Наконецъ, его работа идетъ въ тѣсномъ содружествѣ съ русской общественностью въ лицѣ представителя В. З. С. и В. С. Г.

Ни одинъ праздникъ, ни одно торжество не обходится безъ его присутствія. На училищныхъ праздникахъ въ военныхъ училищахъ, на спортивныхъ состязаніяхъ, на большихъ концертахъ музыкальнаго кружка, на торжественныхъ спектакляхъ въ лѣтнемъ театрѣ, на дѣтскихъ прогулкахъ и праздникахъ — всюду видна его замѣтная фигура. На публичныхъ засѣданіяхъ общеобразовательныхъ курсовъ и академической группы — онъ также занимаетъ почетное мѣсто. Наконецъ, и мѣстное населеніе тоже любитъ видѣть его почетнымъ гостемъ на своихъ торжествахъ.

Понимая, что для будущаго возрожденія Россіи важно не только сохранить армію, но и создать культурныхъ работниковъ для грядущаго государственнаго строительства, генералъ Кутеповъ широко шелъ навстрѣчу всѣмъ культурнымъ начинаніямъ. Чувствуя недостаточность въ Галлиполи духовной пищи для молодежи, еще не закончившей своего образованія, онъ, узнавъ случайно изъ посторонняго письма, став-

шаго ему извѣстнымъ, о возможности послать для окончанія образованія студентовъ въ Прагу, немедленно по телеграфу запросилъ 500 вакансій для студентовъ корпуса. Ни одинъ офицеръ и ни одинъ солдатъ не встрѣчали отказа въ командировкѣ для продолженія образованія.

Когда выяснилось, что студенты корпуса должны ѣхать въ Прагу на свой счетъ, онъ добивался средствъ для ихъ отправки, а командирамъ частей предписалъ увольнять на платныя работы въ первую очередь зарегистрированныхъ студентовъ, а въ концѣ концовъ студенты поѣхали на казенный счетъ.

И первые галлиполійскіе кресты онъ послалъ «своимъ студентамъ».

Генералъ Кутеповъ не искалъ ни популярности, ни любви къ себѣ. И то и другое пришло къ нему само собой. Онъ горячо любилъ свой корпусъ и послѣдній не могъ не отвѣтить ему такою же любовью, ибо вѣдь въ Галлиполи всѣ жили лишь одной надеждой, думали только объ одномъ — о Россіи.

Когда, послѣ французскаго ультиматума о распыленіи арміи, генералъ Кутеповъ возвратился изъ Константинополя, на пристани собрались въ большомъ числѣ офицеры и солдаты. Всѣ ждали успокоивающихъ новостей. Но командиръ корпуса ничего новаго не сказалъ. Онъ только, какъ всегда, спокойно и громко поздоровался съ собравшимися. Этого одного было достаточно. Тотчасъ же раздалось «ура!», сопровождавшее его до самой квартиры... Корпусъ вѣрилъ своему командиру и каждую минуту готовъ былъ поддержать его.

Къ генералу Кутепову трудно подходить съ обычными мѣрками оцѣнки людей. О немъ нельзя говорить, какъ о добромъ или жестокомъ, вспыльчивомъ или терпѣливомъ и прочее. Всѣ эти индивидуальныя качества, если они и есть у А. П., цѣликомъ покрываются въ немъ чѣмъ то, что превосходитъ эти чисто личные масштабы.

Именно такъ онъ характеризуется и Главнокомандующимъ въ его приказѣ по случаю годовщины пребыванія корпуса въ Галлиполи:

«Величіемъ духа, всесокрушающей силой, непоколебимой вѣрой въ правоту нашего дѣла и безграничной любовью къ Родинѣ и Арміи онъ неизмѣнно въ самые трудные дни нашей борьбы вселялъ въ свои части тотъ духъ, который далъ имъ силы на Родинѣ и на чужбинѣ отстоивать честь родныхъ знаменъ.»

«Исторія въ будущемъ оцѣнитъ генерала Кутепова, я же высказываю ему мою безграничную благодарность за неизмѣнную помощь и дружную поддержку, безъ которой выпавшій на мою долю крестъ былъ бы непосиленъ».

Характерно и то, что, въ то время какъ часть русской заграничной общественности обливала имя генерала Кутепова потоками грязи, всѣ русскіе общественные дѣятели, побывавшіе въ Галлиполи и видѣвшіе, какъ все то, что было имъ тамъ сдѣлано, такъ и тѣ отношенія, которыя

создались между командиромъ и его корпусомъ, проникались къ нему глубочайшимъ уваженіемъ.

Такъ, предсѣдатель Главнаго комитета В. З. С., А. С. Хрящовъ, цитируя въ своей рѣчи слова баллады, написанной офицеромъ въ Галлиполи: «такъ было всегда и во всѣ времена, только потомки изъ брошенныхъ камней въ пророковъ алтарь небесамъ воздвигали» — говорилъ, обращаясь къ генералу Кутепову:

«Вы — не пророкъ, алтарь вамъ не воздвигнутъ, но памятникъ вамъ поставятъ навѣрное!».

А представитель общественности въ Галлиполи такъ характеризуетъ дѣятельность командира I-го армейскаго корпуса:

«Во главѣ этой, невиданной еще въ исторіи войнъ арміи въ Галлиполи, стоитъ еще молодой генералъ Кутеповъ, человѣкъ совершенно русскій, совершенно рѣшительный, совершенно честный и весьма прямолинейный. Топоромъ, а не рѣзцомъ отесывалъ онъ то зданіе, которое строилъ. Летѣло много щепокъ, а вышло совсѣмъ хорошо!».

СНАБЖЕНІЕ КОРПУСА

I.

ПИТАНІЕ

Эвакуація русской арміи изъ Крыма происходила столь поспѣшно, что наше командованіе не могло принять мѣръ для снабженія войскъ продуктами и каждая часть имѣла только то, что успѣла захватить съ собой; вывезенные же изъ Крыма интендантскіе запасы были взяты союзнымъ командованіемъ въ свое распоряженіе по прибытіи арміи въ Константинополь. Поэтому во время пути черезъ Черное море и далѣе, во время стоянки судовъ на Константинопольскомъ рейдѣ, армія питалась скудно и крайне неравномѣрно. Въ то время, какъ нѣкоторыя части питались сравнительно сносно, большинство оказалось совершенно безъ всякихъ продуктовъ и буквально голодало; на нѣкоторыхъ судахъ къ этому еще присоединился недостатокъ воды, такъ что въ первое время пребыванія близь Константинополя положеніе было отчаянное. Затѣмъ началась продовольственная помощь преимущественно изъ благотворительныхъ источниковъ. Но эта помощь была недостаточной, иногда, напримѣръ, одинъ киловый хлѣбъ приходился на 16 человѣкъ, или выдавались галеты по расчету одна галета на два дня и т. п.

Только къ концу ноября, когда части арміи уже начали размѣщаться по лагерямъ, удалось, при помощи, главнымъ образомъ, русскихъ общественныхъ организацій, болѣе или менѣе наладить питаніе тѣхъ частей и бѣженцевъ, которые еще оставались на пароходахъ.

На нѣкоторыхъ судахъ было даже организовано приготовленіе горячей пищи.

Къ этому времени части перваго корпуса уже стали высаживаться въ Галлиполи. Французы взяли на себя питаніе галлиполійскаго лагеря и начали доставлять продовольствіе, выдавая продукты на одинъ день по числу людей.

Для организаціи правильнаго распредѣленія получаемыхъ продуктовъ при корпусѣ было сформировано русское корпусное интендантство. Подобрать для него подходящихъ людей было довольно трудно, такъ какъ въ интендантствѣ, какъ и въ прочихъ учрежденіяхъ корпуса, никакого вознагражденія за трудъ не было.

Французы требовали, чтобы все, выданное ими, тотчасъ же раздавалось въ части, не допуская образованія какого либо запаса; однако, осуществить это требованіе не представлялось возможнымъ, такъ какъ число довольствующихся колебалось; продуктовъ то не доставало, то образовывался излишекъ.

Съ большимъ трудомъ удалось получить у французовъ сарай для продовольственнаго магазина; сарай этотъ скоро отобрали и пришлось подыскивать новое помѣщеніе. Наконецъ, устроились въ темномъ каменномъ зданіи, въ которомъ размѣстился и продовольственный магазинъ и вещевой складъ.

Долгое время французы не могли сообщить величину раціона, положеннаго для нашихъ войскъ. Французскій интендантъ самъ не могъ заранѣе сказать, что у него имѣется въ складѣ и выдавалъ то, что было подъ рукой. Продукты выдавались безъ взвѣшиванія, на глазъ, или по вѣсу, указанному на ящикахъ. Почти всегда вѣсъ этотъ оказывался преувеличеннымъ: такъ, вѣсъ ящиковъ съ сушенымъ картофелемъ опредѣлялся въ 40 кило, тогда какъ въ дѣйствительности они содержали всего 25 кило картофеля; упаковка нерѣдко бывала испорчена, при чемъ части продуктовъ не доставало. Между тѣмъ, французскіе сержанты, угрожая прекратить выдачу, требовали, чтобы все принималось по указанному ими вѣсу.

15 декабря командиръ корпуса обратился къ французскому коменданту, подполковнику Вейлеру, съ просьбой сообщить величину нормальнаго пайка и принять мѣры къ тому, чтобы продукты дѣйствительно выдавались въ положенномъ количествѣ съ правильнымъ учетомъ тары, чтобы выдача производилась на день впередъ и учитывалась возможность усыпки и порчи продуктовъ. Письмо это имѣло нѣкоторое дѣйствіе; французы стали нѣсколько болѣе внимательны къ заявленіямъ нашего интендантства и завели вѣсы, такъ что продукты стали выдаваться по вѣсу, но на тару все же сбрасывали слишкомъ мало.

Наконецъ, 27 декабря подполковникъ Вейлеръ сообщилъ нижеслѣдующій размѣръ ежедневнаго пайка, назначеннаго для «русскихъ бѣженцевъ»:

1.	Хлѣбъ обыкновенный или бисквитъ	500 гр.
	(слово «бисквитъ» осталось невыясненнымъ).	
	Муки, каши или однородн. продуктовъ	150 „
2.	Мясо свѣжее или мороженое	300 „
	или мясо консервированное	250 „
3.	Сухія овощи или равнознач. продукты какъ то: картофель,	
	свѣжія овощи и тѣсто (кубики)	100 „
4.	Соль	20 „
	Жиры	20 „
	Чай	7 „
	Сахаръ	20 „

Продуктовъ этихъ, конечно, было недостаточно. Въ частности, хлѣба и жировъ было мало. Въ виду этого, въ началѣ января было возбуждено передъ французскимъ командованіемъ ходатайство объ увеличеніи раціона (хлѣба до 800 гр., жировъ до 40 гр., сахару до 40 гр., овощей до 640 гр.), о выдачѣ крупы, вкусовыхъ веществъ, табаку, а также дополнительнаго пайка къ празднику Рождества Христова. На всѣ эти просьбы генералъ Шарпи въ своемъ письмѣ начальнику штаба Главнокомандующаго, отъ 24 января, отвѣтилъ отказомъ. Генералъ Шарпи писалъ при этомъ: «обращаю ваше вниманіе на то, что эти (выданные русскимъ войскамъ) раціоны значительно выше тѣхъ, которые совѣты выдаютъ въ Россіи красной арміи». Больше того, французское командованіе стало сокращать и этотъ паекъ. Такъ, съ 15 января была уменьшена дача консервовъ и муки, въ мартѣ же французы объявили, что съ 1 апрѣля они вовсе прекратятъ выдачу пайка. Въ дѣйствительности, французское довольствіе не прекратилось, но 10 и 20 апрѣля послѣдовали новыя сокращенія, касающіяся главнымъ образомъ количества хлѣба. Къ празднику Пасхи (1 мая н. ст.) французское командованіе, однако, нашло возможнымъ выдать русскимъ «дополнительный паекъ»: 200 гр. муки и 20 гр. сахару.

Выдача продуктовъ къ этому времени, хотя и нѣсколько упорядочилась, но часто встрѣчались всевозможные недочеты, невыгодно отражавшіеся на русскихъ; мѣшки изъ подъ муки оказывались значительно тяжелѣе принятой тары, мѣшокъ картофеля отпускался французскимъ интендантствомъ по вѣсу 113 кило, а въ дѣйствительности вѣсилъ 98 кило и т. п.

Даже чисто случайныя обстоятельства отражались на величинѣ пайка. Такъ, 13 января изъ французскаго склада было кѣмъ то похищено 700 кило сахару. Въ связи съ этимъ французы уменьшили выдачу русскимъ сахару, чтобы пополнить недостающее.

Корпусное интендантство ежедневно объявляло оффиціальный французскій раціонъ, но часто принуждено было за недостаткомъ продук-

товъ выдавать меньшее ихъ количество, что вызывало неудовольствіе и подозрѣніе въ частяхъ.

Все это портило отношеніе съ французами и вносило въ изголодавшіяся войска озлобленіе противъ прежнихъ союзниковъ.

Къ лѣту отношенія съ французскимъ интендантствомъ значительно улучшились, благодаря новому французскому интенданту, лейтенанту Дюмону, который всегда шелъ навстрѣчу и дѣлалъ все, что было въ его власти.

Перейдемъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію величины французскаго пайка и всѣхъ его измѣненій.

Съ 13 декабря 1920 г. паекъ установился слѣдующій:

Сахару	20 гр.	Хлѣба	500 гр.
Жировъ	20 „	Мясн. консер	150 гр.
Сала	20 „	Бульону (кубики)	25 „
Чаю	7 „	Фасоль, рисъ, чечевица	60 „
или кофе	8 „	или картофель	250 „

Съ 27 декабря былъ объявленъ раціонъ, указанный выше. Съ 15 января была объявлена норма консервовъ 200 гр., добавочной муки — 100 гр., съ 1 февраля добавочная мука была вовсе отмѣнена.

Такъ какъ съ февраля печеніе хлѣба, перешло въ русскую хлѣбопекарню, то вмѣсто 500 гр. хлѣба выдавалась мука по расчету 385 гр. на человѣка, считая 30% припека.

Съ 10 апрѣля былъ назначенъ суточный раціонъ муки 350 гр. (455 гр. хлѣба). Съ 20 апрѣля паекъ былъ уменьшенъ: муки выдавалось лишь 300 гр. (400 гр. хлѣба), сухихъ овощей, вмѣсто 100 гр. — 80 гр., а чаю, вмѣсто 7 гр. — 5 гр.

Такимъ образомъ, главнѣйшія колебанія нормальнаго французскаго пайка были слудующія:

ТАБЛИЦА I.

	Дек. / янв. 27—15	Янв. / ферв. 15—1	Февр. / апр. 1—10	Апрѣль 10—20	Послѣ 20 апр.
Хлѣбъ	500	500	500	455	400
Добавочной муки	150	100	—	—	—
Мясн. консервовъ	250	200	200	200	200
Сухія овощи	100	100	100	100	80
Сахаръ	20	20	20	20	20
Жиры	20	20	20	20	20
Соль	20	20	20	20	20
Чай	7	7	7	7	5
Общее количество.	1067	967	867	822	765

Однако, русскому командованію удалось прикупить нѣкоторое количество муки, такъ что съ 10 по 20 апрѣля хлѣбъ выдавался полностью по 500 гр. на человѣка. Съ 20 апрѣля по 460 гр., а съ 1 сентября 550гр.

Размѣры указаннаго выше пайка не всегда соблюдались въ точности: иногда одни продукты замѣнялись другими или мѣнялось ихъ количество. Въ началѣ, въ декабрѣ и январѣ, хлѣбъ нѣсколько разъ выдавался не по 500, а по 400 гр., мясные консервы за періодъ съ 15 декабря по 14 января выдавались: 3 раза по 250 гр., 9 разъ — по 200 гр., 11 разъ по 150 гр., 3 раза по 75 гр., а 6 разъ вмѣсто консервовъ выдавалось свѣжее мясо по 300 гр. на человѣка. Несмотря на неоднократныя ходатайства нашего командованія въ дальнѣйшемъ выдача свѣжаго мяса прекратилась, его получали только лазареты. Разъ шесть въ добавленіе къ консервамъ выдавалась камса, или селедка — по 150 гр. на человѣка. Рыба эта была привезена русскими изъ Крыма и взята французами на учетъ. Въ концѣ іюля и въ августѣ консервовъ выдавали лишь по 150 гр., добавляя 50 гр. варенья, консервированныхъ овощей или мясного паштета.

Въ таблицѣ 1-ой подъ рубрику «сухія овощи» подходятъ: фасоль, чечевица, рисъ, макароны (иногда вмѣсто этихъ продуктовъ выдавался картофель по 750 гр.).

Распредѣленіе перечисленныхъ продуктовъ указано въ нижеслѣдующей таблицѣ (числа означаютъ число дней, въ теченіе которыхъ данный продуктъ выдавался)

ТАБЛИЦА II.

Продуктъ	Декабрь съ 14	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Всего	Процент.
Картофель	11	27	13	3	12	12	12	4	82	36
Фасоль	2	—	3	2	12	18	15	12	64	28
Чечевица	—	2	2	4	1	—	—	2	11	5
Рисъ.	3	—	4	22	3	—	10	13	55	24
Макароны	1	1	2	—	—	—	—	4	8	3
Ничего	—	1	4	—	2	1	1	—	9	4
Число дней. . . .	17	31	28	31	30	31	30	31	229	100

Изъ сухихъ овощей наиболѣе нравились картофель и рисъ, наименѣе — фасоль и чечевица. Какъ видно изъ таблицы, зимой выдавался преимущественно картофель, а лѣтомъ фасоль. Въ декабрѣ выдавались даже свѣжія овощи, капуста и морковь, лукъ, лавровый листъ, но съ февраля эти выдачи прекратились.

Въ таблицѣ I не указанъ еще выдававшійся въ теченіе долгаго времени бульонъ „Potage salé“ въ кубикахъ.

Для лазаретовъ удалось выхлопотать нѣсколько улучшенный паекъ: вмѣсто консервовъ имъ выдавалось свѣжее мясо, чечевица и фасоль замѣнялась рисомъ и макаронами; сверхъ того, больнымъ выдавали кофе и консервированное молоко.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ III приведены на каждый мѣсяцъ средняя количества каждаго продукта, которые въ дѣйствительности выдавались въ Галлиполи.

ТАБЛИЦА III.

Наименованіе продуктовъ	Декабрь	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь
Хлѣбъ	495	480	500	500	500	500*) / 485	460*) / 400	460*) / 400	460*) / 400	550*) / 400
Добав. мука . . .	83	110	40	13	—	—	—	—	—	—
Мясн. конс. . . .	170	150	200	200	200	200	200	170	180	175
„ паштетъ . .	—	—	—	—	—	—	—	10	6	10
Свѣж. мясо . . .	40	40	—	—	—	—	—	—	—	—
Камса, сельдь . .	33	13	—	—	—	—	—	—	—	—
Картофель	175	610	350	72	235	170	80	—	—	—
Фасоль	7	—	10	6	36	46	40	30	30	53
Чечевица	—	7	7	13	3	—	—	5	5	3
Рисъ	10	—	15	70	10	—	27	33	40	20
Макароны	3	2	—	—	—	—	—	10	—	3
Сахаръ	20	19	20	20	20	20	20	20	20	20
Жиры	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20
Соль	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20
Чай	7	7	7	7	6	4	3	5	5	5
Кофе	—	—	—	—	—	2	2	—	—	—
Бульонъ	—	30	20	20	8	—	—	—	—	—
Консер. овощ. . .	—	—	—	—	—	—	—	26	13	27
Сушен. овощи . .	33	13	—	—	—	—	—	—	—	—
Свѣж. зелень . .	—	120	—	—	—	—	—	—	—	—
Варенье	—	—	—	—	—	—	—	18	—	—

Если мы разложимъ указанные въ таблицѣ III продукты на пищевыя вещества, то получимъ въ круглыхъ цифрахъ:

ТАБЛИЦА IV.

Мѣсяцъ	Бѣлки	Жиры	Углеводы	Б. калоріи (теор.)
Декабрь	116 гр.	42 гр.	394 гр.	2480
Январь	124 „	41 „	512 „	3000
Февраль	112 „	35 „	422 „	2510
Мартъ	107 „	35 „	389 „	2350
Апрѣль	106 „	35 „	380 „	2310
Май	98 „	35 „	327 „	2060
Іюнь	99 „	35 „	326 „	2060
Іюль	94 „	33 „	332 „	2060
Августъ	92 „	34 „	318 „	2000
Сентябрь	105 „	34 „	367 „	2260

*) Въ числителѣ указано количество хлѣба, выданное изъ хлѣбопекарни, въ знаменателѣ — полученное отъ французовъ.

При этомъ количество хлѣба считается съ добавленіемъ за счетъ русскаго командованія.

По принятымъ же нормамъ для мужчины вѣсомъ въ 70 кило (4 пуд. 10 фунт.) требуется:

	Бѣлковъ	Жировъ	Углевод.	Б. калорій
При покоѣ	98 гр.	49 гр.	400 гр.	2520
При средней работѣ	119 „	63 „	490 „	3150
При тяжелой работѣ	140 „	98 „	455 „	3430

Изъ сравненія двухъ послѣднихъ таблицъ видно, что только въ январѣ количество пищи сколько-нибудь удовлетворяло насущнымъ потребностямъ человѣка при средней работѣ. Количество же продуктовъ, выдававшихся въ маѣ, не могло удовлетворить полностью даже находящійся въ покоѣ организмъ. Особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на недостатокъ бѣлковъ, ибо, какъ извѣстно, недостатокъ бѣлковъ не можетъ быть пополненъ какимъ либо другимъ продуктомъ и весьма вредно отражается на состояніи организма. По общему объему пища для русскихъ, привыкшихъ къ значительнымъ дачамъ хлѣба (2½—3 фунта) и каши, также была недостаточна.

Недостатокъ хлѣба являлся весьма тяжелымъ для чиновъ русской арміи, особенно въ первое время — время тяжелыхъ работъ и зимней непогоды; главное командованіе не разъ возбуждало ходатайство объ увеличеніи хлѣбнаго раціона. Большимъ подспорьемъ служила «добавочная мука», выдававшаяся въ количествѣ 100-150 гр., изъ нея готовили: клецки, галушки, лепешки и т. д. Прекращеніе ея выдачи было очень чувствительно.

Слѣдуетъ также отмѣтить недостаточное количество жировъ и сахару. Жиры выдавались почти исключительно въ видѣ вежеталина (кокосоваго масла), непривычнаго для русскихъ людей; всего два раза было выдано свиное сало.

Прочіе продукты тоже мало удовлетворяли армію; консервы не могли замѣнить свѣжаго мяса, какъ по вкусу, такъ и по питательности; выдававшіеся вмѣсто обычныхъ въ Россіи крупъ, фасоль и чечевица, являлись пищей трудно усвояемой и, кромѣ того, для приготовленія ихъ требовалось много дровъ.

Вообще французскій паекъ надо признать неудовлетворительнымъ, какъ по недостаточному количеству питательныхъ веществъ, такъ и вслѣдствіе однообразія и недостатка вкусовыхъ продуктовъ.

Во сколько же обошлось это питаніе русскихъ французскому правительству?

По заготовочнымъ цѣнамъ французскаго интендантства стоимость одного кило продукта во франкахъ будетъ слѣдующая:

мука	фр.	1,56
консерв. мясо	„	6,00
свѣжее мясо	„	5,95
рисъ	„	2,00
фасоль	„	1,20
чечевица	„	1,70
соль	„	0,28
сахаръ	„	2,65
вежеталинъ	„	6,05
бульонъ	„	2,80
картофель	„	1,00
чай	„	10,20

На основаніи этихъ цѣнъ мы можемъ вычислить стоимость одного суточнаго и мѣсячнаго раціона (не считая фрахта) и стоимость довольствія всего корпуса въ день:

СТОИМОСТЬ:

Мѣсяцъ	Одного человѣка		Всего корписа
	въ сутки	въ мѣсяцъ	въ сутки
Декабрь	Фр. 2,48	Фр. 76,90	Фр. 71900
Январь	„ 2,97	„ 92,10	„ 79600
Февраль	„ 2,57	„ 71,90	„ 69650
Мартъ	„ 2,37	„ 73,80	„ 65900
Апрѣль	„ 2,36	„ 70,80	„ 64900
Май	„ 2,24	„ 69,40	„ 57800
Іюнь	„ 2,08	„ 62,40	„ 49900
Іюль	„ 1,95	„ 60,50	„ 43900
Августъ	„ 1,92	„ 59,50	„ 34600
Сентябрь	„ 1,88	„ 56,40	„ 22400*)
Въ среднемъ	Фр. 2,28	Фр. 68,40	

Отсюда общая стоимость питанія всего корпуса за десять мѣсяцевъ составляетъ около 17 милліоновъ франковъ.

Когда русской арміи сокращали паекъ, то это обыкновенно объясняли необходимостью соблюдать экономію.

Какова же въ дѣйствительности эта экономія?

Изъ указанныхъ въ таблицѣ I раціоновъ, раціонъ 27 декабря стоитъ 2 фр. 79 с., а раціонъ 15 января — 2 фр. 41 с. Слѣдовательно, при средней стоимости пайка 2 фр. 28 с. получается экономія на одинъ раціонъ 51 сантимъ по сравненію съ первоначальнымъ пайкомъ и 13 сантимовъ по сравненію съ послѣдующимъ.

*) Вслѣдствіе разсредоточенія частей корпуса число довольствующихся къ осени сильно сократилось.

За десять мѣсяцевъ корпусъ получилъ 7.282.000 раціоновъ; слѣдовательно, сравнительно съ первымъ пайкомъ за этотъ періодъ получилась экономія 3.700.000 фр., а сравнительно со вторымъ — лишь около 950.000 франковъ.

Снабженіе русской арміи французами производилось черезъ русское корпусное интендантство, которое ежедневно получало продукты сообразно наличному числу людей и тотчасъ распредѣляло ихъ между пѣхотнымъ и кавалерійскимъ дивизіоннымъ интендантствами и частями, расположенными въ городѣ. Продукты, предназначенные для лагеря, здѣсь же грузились на вагонетки и отправлялись въ лагерь.

ДОСТАВКА ПРОДУКТОВЪ ПО ДЕКОВИЛЬКѢ

Доставленные въ части продукты распредѣлялись между ротами. Вслѣдствіе недостатка подходящей посуды, а отчасти и по другимъ причинамъ, не вездѣ удалось наладить ротный котелъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ продукты раздавались ротными раздатчиками на руки небольшимъ группамъ и даже отдѣльнымъ лицамъ. Да и тамъ, гдѣ котелъ былъ, хлѣбъ, сахаръ, чай и, частью консервы, выдавались на руки.

Перваго марта при корпусномъ интендантствѣ была назначена комиссія для выработки нормальной раскладки. Раскладка была составлена въ расчетѣ на двѣ варки: обѣдъ и ужинъ, но въ то же время комиссія признала, что продуктовъ отпускается французами недостаточно для нормальнаго питанія.

При такихъ условіяхъ, конечно, выработанная раскладка не могла быть осуществлена на практикѣ и частямъ и отдѣльнымъ группамъ

приходилось всячески изворачиваться, чтобы изъ «голоднаго» пайка создавать сколько-нибудь удовлетворительный обѣдъ. Кто могъ, покупалъ луку, помидоровъ и другой зелени и добавлялъ къ казенному пайку; нѣкоторые предпочитали продавать консервы и фасоль и на эти деньги пріобрѣтали свѣжей зелени, разнообразя тѣмъ свою пищу. Съ перваго же сентября 1921 г., командиромъ корпуса была установлена денежная выдача по расчету 1,5 лепты въ день на человѣка на покупку зелени.

Хлѣбъ вначалѣ французы получали изъ Константинополя въ готовомъ видѣ. Это было неудобно: хлѣбъ черствѣлъ, крошился, подмокалъ.

РАЗГРУЗКА ПРОДУКТОВЪ СЪ ПАРОХОДА

Съ перваго декабря французы стали пользоваться греческой пекарней, но она могла выпекать только одну пятую необходимаго количества. Хлѣбопеки были греки, русскіе служили только рабочими. Въ концѣ декабря начали работать, уже съ русскими хлѣбопеками, еще двѣ печи ранѣе служившія турецкимъ войскамъ. Въ январѣ и февралѣ было поставлено восемь полевыхъ печей, такъ что могли работать всего одиннадцать печей. Съ первыхъ чиселъ февраля снабженіе хлѣбомъ производилось исключительно изъ русской хлѣбопекарни.

Дѣло хлѣбопеченія французы неохотно выпускали изъ своихъ рукъ: вели строгій контроль и придирались ко всякимъ мелочамъ, требуя высокаго % припека и уменьшенія числа рабочихъ. Ежедневно могло выпекаться до 15.000 кило хлѣба, какового количества хватало на весь корпусъ. Число рабочихъ въ хлѣбопекарнѣ было около 350 человѣкъ,

изъ нихъ, около 90 офицеровъ. Хлѣбопековъ-спеціалистовъ было мало, большинство обучалось въ Галлиполи.

Для поощренія хлѣбопековъ нашли возможнымъ выдавать имъ добавочный паекъ хлѣба за счетъ припека, при этомъ окончательный припекъ все же достигалъ 30%, какъ требовали французы.

При своемъ посѣщеніи Галлиполи, генералъ Шарпи остался весьма доволенъ русской хлѣбопекарней.

Съ апрѣля французы передали дѣло хлѣбопеченія всецѣло въ руки русскаго интендантства, продолжая снабжать насъ мукой, дровами, и, отчасти, инвентаремъ. Пшеничная мука поступала не высокаго качества; около 30% ея составляли примѣси: горохъ, чечевица, рисъ, картофель, кукуруза.

Работа хлѣбопекарни происходила въ неблагопріятныхъ условіяхъ: въ полевыхъ печахъ, окруженныхъ палаткой, зимой было холодно, заливалъ дождь; на холодѣ тѣсто не подходило, приходилось пользоваться особыми жаровнями. Дровъ выдавалось по расчету 4-5 кило на 10 кило хлѣба, каковое соотношеніе было не вполнѣ достаточно; инвентаря также не хватало.

Съ 17 мая 8 полевыхъ печей были выдѣлены изъ корпусной хлѣбопекарни и образовали двѣ дивизіонныя хлѣбопекарни: пѣхотную и кавалерійскую. Части получали хлѣбъ по требованіямъ непосредственно изъ хлѣбопекаренъ.

За время съ декабря 1920 г. по іюль 1921 года въ русской хлѣбопекарнѣ было выпечено слѣдующее количество хлѣба:

Мѣсяцъ	Количество хлѣба въ кило	На человѣка въ день въ граммахъ
Декабрь	83.289	—
Январь	351.349	423
Февраль	381.106	520
Мартъ	441.461	512
Апрѣль	429.507	513
Май	357.711	422
Іюнь	333.175	463
Іюль	339.412	470
Всего	2.707.010	

А всего за тотъ же періодъ получено чинами корпуса: 2.950.000 кило. Слѣдовательно хлѣбопекарни выпекли 91% всего количества хлѣба.

Съ 10 апрѣля, какъ указывалось выше, французы уменьшили ежедневную дачу муки съ 385 гр. до 350 гр. Но наше интендантство, пользуясь бывшими у него запасами, сумѣло выдавать съ 10 по 20 апрѣля нормальный паекъ въ размѣрѣ 500 гр. Дальнѣйшее уменьшеніе суточ-

ной дачи муки заставило командира корпуса приложить всѣ усилія, чтобы повысить хлѣбный паекъ. Въ ходъ была пущена вся экономія муки, запасы ячменя, когда то собраннаго интендантствомъ на пароходѣ и были ассигнованы на покупку муки всѣ средства, имѣвшіяся въ распоряженіи командира корпуса (между прочимъ, 1800 тур. лиръ, предназначенныхъ на вознагражденіе командного состава). Въ дальнѣйшемъ Главнокомандующимъ были ассигнованы на это нѣкоторыя средства и при корпусѣ была организована особая комиссія изъ представителей частей для закупки муки. Этими путями удалось увеличить раціонъ муки до 354 гр., т. е. выдавать по 460 гр. хлѣба на человѣка, что нѣсколько облегчило хлѣбный голодъ.

Съ 1 сентября оказалось возможнымъ выдавать по 500 граммъ хлѣба.

Муку закупали преимущественно у галлиполійскихъ оптовиковъ. Въ періодъ съ 10 апрѣля по 15 сентября было закуплено 170.436 кило муки на сумму 334.015 греческихъ драхмъ (около 220 тысячъ франковъ).

Въ виду недостаточности питанія, получаемаго нашей арміей отъ французовъ, у многихъ возникла мысль попытаться своими силами улучшить его.

Къ такимъ попыткамъ надо отнести рыбную ловлю и разведеніе огородовъ. Вопросъ объ организаціи рыбной ловли былъ поднятъ еще зимой, но осуществить ее удалось только въ апрѣлѣ. Сперва ловля производилась сѣтями одного турка на его лодкѣ (по условію русскіе получали лишь 40% улова), затѣмъ пріобрѣли свои сѣти за 530 лиръ, ассигнованныхъ командиромъ корпуса. Команда была сформирована изъ 16 человѣкъ. Французы не разрѣшили нашимъ рыболовамъ подплывать къ азіатскому берегу и оставаться на водѣ ночью: вообще они ставили всяческія препятствія, что не давало возможности поставить дѣло на должную высоту. Скоро и сама организація разстроилась: постоянную команду составляли только нѣсколько рыбаковъ-спеціалистовъ, остальные присылались частями: чьи были рабочіе — та часть и получала рыбу. За все время поймано было около 1.500 кило рыбы, что окупило стоимость сѣтей, но не внесло улучшенія въ питаніе корпуса.

Вопросъ объ огородахъ былъ возбужденъ интендантствомъ еще въ январѣ 1921 г. Предполагалось нанять участки, обработать ихъ русскими рабочими, покрыть всѣ расходы урожаемъ и въ то-же время обезпечить корпусъ овощами на полгода. Къ сожалѣнію, это предположеніе не получило осуществленія: только одинъ Корниловскій полкъ по своей иниціативѣ создалъ свой полковой огородъ. Для этого полку были безплатно отведены греческой администраціей два участка земли близъ города размѣромъ всего около 2½ десятинъ. Работы производила постоянная артель въ 40-50 человѣкъ (изъ нихъ 9 офицеровъ) подъ руководствомъ двухъ офицеровъ-агрономовъ. На сѣмена и инструменты было затрачено около 50 лиръ, полученныхъ изъ благотворительныхъ источ-

никовъ. Работы было много, такъ какъ земля была неподготовлена. Зато — урожай былъ хорошій, минимумъ на 10 тысячъ драхмъ (около 800 лиръ); половина урожая шла въ полкъ, а другая половина раздавалась лазаретамъ, Корниловскому военному училищу и другимъ учрежденіямъ. За періодъ съ мая по августъ 1921 года было собрано около 5.000 кустовъ капусты, 200 пудовъ помидоръ, 50 пудовъ перца, 100 пудовъ картофеля, кромѣ того, огурцы, кабачки, лукъ, салатъ, морковь и пр. Огородъ этотъ заинтересовалъ и мѣстныхъ жителей. Какъ разрѣшеніе продовольственнаго вопроса эта попытка имѣла весьма ограниченное значеніе даже для полка.

— Главное значеніе огорода — говорилъ, одинъ изъ его иниціаторовъ: — въ томъ нравственномъ оздоровленіи, которое онъ далъ тѣмъ 50, которые работали на землѣ.

Недоѣданіе русской арміи въ Галлиполи не могло не обратить вниманія общественныхъ организацій и представитель В. З. С. въ Галлиполи въ своемъ докладѣ Главному комитету земскаго союза, отъ 9 апрѣля, указывалъ на то, что армія голодаетъ, что среди нея развиваются малокровіе, туберкулезъ и что необходимо подкармливать слабыхъ въ размѣрѣ 10 процентовъ (около 2.500 человѣкъ). Общественныя организаціи пошли навстрѣчу этому дѣлу, однако, какъ увидимъ, осуществить дѣло въ полномъ размѣрѣ не удалось.

Для питанія слабыхъ, больныхъ и дѣтей были устроены четыре питательныхъ пункта:

№ 1, въ городѣ, для больныхъ и слабыхъ — на 500 человѣкъ; открытъ 23 февраля.

№ 2, въ лагерѣ, для больныхъ и слабыхъ — на 600 человѣкъ; открытъ I іюня.

№ 3, въ лагерѣ для дѣтей — на 300 человѣкъ; открытъ 18 апрѣля.

№ 4, въ городѣ при гимназіи для дѣтей — на 160 человѣкъ; открытъ 5 іюля.

Первоначально питательные пункты для команды выздоравливающихъ были созданы Бѣлымъ Крестомъ, но они получили свое развитіе только послѣ того, какъ были взяты въ вѣдѣніе представителя В. З. С. въ Галлиполи.

Продукты для питательныхъ пунктовъ поступали изъ трехъ источниковъ:

1) отъ французскаго интендантства, которое выдавало на 150 человѣкъ при посредствѣ корпусного врача.

2) отъ американскаго краснаго креста,

3) деньгами отъ В. З. С. ко расчету 7 піастровъ въ день на человѣка.

Въ питательномъ пунктѣ № 1 изъ общаго вѣсового количества продуктовъ 56% поступило отъ французовъ, *) 18% отъ американцевъ и 26% было пріобрѣтено покупкой. Питательный пункъ № 2 отъ французскаго интендантства не получилъ ничего. Изъ всѣхъ этихъ продуктовъ для слабыхъ готовилось одно дополнительное блюдо.

Обѣды бывали двухъ родовъ: общіе и діэтные (для особо слабыхъ), кромѣ того, дѣтямъ интерната гимназіи выдавался ужинъ.

Въ трехъ питательныхъ пунктахъ (1, 2 и 3) за время съ марта по іюнь включительно было выдано 114895 обѣдовъ, изъ нихъ 8086 діэтныхъ (7%), а въ среднемъ въ день:

Процентное отношеніе получавшихъ дополнительное питаніе къ общему числу состоявшихъ на французскомъ пайкѣ.

Мѣсяцъ	Число дополн. обѣд. въ день	% общаго число, получавшихъ французскій паекъ
Конецъ апрѣля	442	1,7 %
Май	538	2,1 %
Іюнь	1414	6,1 %
Іюль	1501	6,7 %

Такимъ образомъ, питательные пункты въ періодъ наибольшаго развитія своей дѣятельности подкармливали шесть съ лишнимъ процентовъ (вмѣсто желательныхъ десяти) всего русскаго населенія Галлиполи. Но и это имѣло довольно большое значеніе, такъ какъ этимъ питаніемъ пользовались наиболѣе въ немъ нуждавшіеся.

Кто же попадалъ въ число этихъ счастливцевъ, получавшихъ дополнительное питаніе?

Около половины мѣстъ было предоставлено врачебной комиссіи, куда направлялись больные изъ частей; врачебная комиссія рѣшала, кто долженъ получать дополнительное питаніе (общее или діэтное) и въ теченіе какого срока; срокъ назначался обычно 1—2 недѣли, послѣ чего на это мѣсто поступалъ слѣдующій кандидатъ. Такое подкармливаніе, по свидѣтельству врачей, имѣло большое значеніе. Часть мѣстъ, особенно въ лагерѣ, распредѣлялась корпуснымъ командованіемъ между частями, а полковые врачи рѣшали, кто долженъ пользоваться дополнительнымъ пайкомъ. Гимнастическо-фехтовальная школа получала дополнительные обѣды въ количествѣ около половины наличнаго состава обучающихся. Около 100 обѣдовъ выдавалось интернату гимназіи. Остальныя мѣста распредѣлялись представителемъ В. З. С. между больными женщинами, служащими союза, общественными работниками и т. п.

*) Отъ общаго количества продуктовъ, полученныхъ отъ французовъ, 75% составляли хлѣбъ и мука.

Обѣды, какъ было сказано, были двухъ родовъ—обыкновенные и діэтные. Обѣдъ обычно состоялъ изъ супа съ хлѣбомъ или каши и сладкаго чая, діэтный же обѣдъ былъ безъ мяса (преимущественно молочная каша или что либо сладкое). Обѣдъ былъ вкусный и разнообразный, пища—жидкая (супъ) и густая (каша, макароны) чередовались. Часть довольствующихся обѣдала въ помѣщеніи пунктовъ, часть уносила пищу домой въ своей посудѣ.

Собирая весь матеріалъ, касающійся продуктовъ, израсходованныхъ на питаніе, представительство В. З. С. выработало слѣдующую таблицу средняго количества продуктовъ, получаемыхъ каждымъ довольствующимся за одинъ обѣдъ:

Хлѣбъ	200 гр.	Фрукты	7 гр.
Мясо	70 „	Жиры	10 „
Мясн. консерв.	15 „	Какао	1 „
Рыба	3 „	Молоко	1 „
Мука	10 „	Катыкъ	6 „
Картофель	70 „	Соль	4 „
Макароны	25 „	Манная крупа	5 „
Фасоль	25 „	Рисъ	23 „
Овощи	14 „	Вкус. вещ.	6 „
Сахаръ	3 „	Всего	498 гр.

Это количество продуктовъ довольствующійся получалъ въ дополненіе къ французскому пайку.

24 іюля, ввиду отсутствія средствъ, представительство принуждено было прервать работу питательныхъ пунктовъ; они продолжали только питаніе женщинъ и дѣтей, довольствовавшихся у международнаго краснаго креста. 18 августа удалось вновь открыть пункты, хотя и въ сокращенномъ объемѣ.

На это подкармливаніе слабыхъ и больныхъ чиновъ корпуса, за періодъ съ марта по августъ включительно, было израсходовано 9300 турецкихъ бумажныхъ лиръ. На продолженіе этого дѣла въ сентябрѣ Главнокомандующій ассигновалъ 1500 лиръ и тѣмъ призналъ огромное значеніе питательныхъ пунктовъ для корпуса.

Среди русскихъ, питавшихся французскимъ пайкомъ, было около 1000 женщинъ и 300 дѣтей. Эти двѣ категоріи особенно тяжело чувствовали недостаточность и неудобоваримость французскаго питанія. Имъ пришелъ на помощь американскій красный крестъ. Дѣти получали отъ американцевъ ежедневный завтракъ при дѣтскомъ саду; нѣкоторыя вмѣсто того получали продукты въ сухомъ видѣ. Женщинамъ американскій красный крестъ также помогалъ продуктами: имъ выдавалось сгущенное молоко, сахаръ, макароны, шоколадъ и прочее. Выдачи эти не имѣли регулярнаго характера. Общее количество продуктовъ, выданныхъ американскимъ краснымъ крестомъ женщинамъ, дѣ-

тямъ и лазаретамъ оцѣнивается приблизительно въ 2 милліона франковъ.

Въ концѣ іюня международный красный крестъ въ Женевѣ рѣшилъ взять на себя питаніе дѣтей, беременныхъ и кормящихъ женщинъ изъ русскихъ бѣженцевъ. Но международный красный крестъ могъ доставлять только сухіе продукты. На организацію же приготовленія, раздачи пищи и покупку дополнительныхъ продуктовъ, (какъ то свѣжаго мяса, зелени и пр.), требовались деньги.

По расчету представителя В. З. С. въ Галлиполи надо было тратить по $3^1/_2$ піастра въ день на человѣка, что составляло на 800 человѣкъ — 480 лиръ въ мѣсяцъ. Несмотря на задержки въ ассигнованіи этихъ суммъ, представитель энергично взялся за осуществленіе питанія женщинъ и дѣтей.

Количество лицъ, получавшихъ означенную помощь, къ 17 августа было слѣдующее:

Дѣтей до 5 лѣтъ	178
„ отъ 5—17 лѣтъ	457
Беремен. женщинъ	159
Кормящихъ	104
Юнкеровъ моложе 17 л. . . .	695
Всего . .	1593

Питаніе производилось на трехъ питательныхъ пунктахъ: №№ 1, 3 и 4. Часть довольствующихся получала обѣдъ и ужинъ въ помѣщеніи питательныхъ пунктовъ, часть брала горячую пищу на домъ, а нѣкоторая часть, около 300 человѣкъ, получала продукты въ сухомъ видѣ на недѣлю впередъ.—Дѣти и женщины, довольствовавшіяся отъ международнаго краснаго креста, были списаны съ французскаго пайка; юнкера же (моложе 17 лѣтъ) продолжали пользоваться этимъ пайкомъ, получая отъ международнаго краснаго креста только недостающіе продукты въ сухомъ видѣ.

Доставка продуктовъ международнымъ краснымъ крестомъ въ Галлиполи была очень плохо налажена. Продукты доставлялись въ неисправной упаковкѣ; вежеталинъ вытекалъ изъ ящиковъ, вслѣдствіе высокой температуры: одна партія сгущеннаго молока оказалась испорченной; сверхъ того, съ 31 іюня по 21 августа не было прислано никакихъ продуктовъ и женщины и дѣти были обречены на голодъ. На помощь пришелъ французскій интендантъ, лейтенантъ Дюмонъ, который нашелъ возможнымъ выдавать необходимые продукты изъ французскаго интендантства за счетъ международнаго краснаго креста. Впослѣдствіи представитель международнаго краснаго креста отказался дослать за этотъ періодъ времени тѣ продукты, которыхъ не было во французскомъ интендантствѣ, ссылаясь на то, что время уже прошло, а жен-

щины и дѣти остались живы, слѣдовательно могли обойтись безъ этихъ продуктовъ.

Хлѣбъ и консервы, по условію, все время получались изъ французскаго интендантства.

Норма суточнаго питанія международнаго краснаго креста была слѣдующая (въ граммахъ):

ВЫДАВАВШІЙСЯ РАЦІОНЪ.

Наименованіе продуктовъ	Дѣти до 5 лѣтъ	Дѣти старше 5 л., беремен. и кормящ. женщины	Юнкера до 17 лѣтъ
Хлѣбъ	390	390	—
Мясн. консервы	150	150	—
Овощи	100	100	—
Рисъ	42	42	42
Макароны	34	34	34
Фасоль	28	28	28
Сахаръ	21	21	21
Какао	20	17	17
Вежеталинъ	35	35	35
Тапіока	15	—	—
Картофель	72	72	72
Сгущ. молоко	130	65	65
Мука	20	20	20

Примѣчаніе: Молоко выдавалось по 1—2 банки въ недѣлю; при расчетѣ одна банка принята за 450 гр.

Эту норму, особенно при полученіи въ готовомъ видѣ съ прибавленіемъ купленныхъ продуктовъ, надо считать болѣе удовлетворительной, чѣмъ французскій паекъ; однако, недостатокъ хлѣба и сахара все же былъ значителенъ. Просьбы объ увеличеніи раціоновъ сахара и муки оставались напрасными. При этомъ слѣдуетъ имѣть ввиду, что женщинамъ, получавшимъ французскій паекъ, шелъ на помощь американскій красный крестъ; женщины же и дѣти, состоявшія на довольствіи международнаго краснаго креста, были лишены этой помощи.

Представительство В. З. С. за время съ 5 іюля по 1 сентября 1921 г. издержало на организацію этой продовольственной помощи около 1400 тур. бум. лиръ.

Такимъ образомъ, ни основное довольствіе русскихъ воиновъ и ихъ семействъ въ Галлиполи, ни всевозможныя дополненія питанія, не разрѣшили удовлетворительно продовольственнаго вопроса; улучшеніе пищи могло бы быть достигнуто выдачей того или иного денежнаго содержанія.

Наше командованіе ходатайствовало передъ командиромъ французскаго оккупаціоннаго корпуса о выдачѣ русскимъ войскамъ какого ли-

бо жалованія, но французы не могли удовлетворить этой просьбы. Тогда русское командованіе употребило всѣ возможные способы для полученія изъ различныхъ источниковъ денежныхъ суммъ, которыя могли бы быть выданы военнослужащимъ хотя бы въ видѣ единовременнаго пособія. За годъ пребыванія русскихъ въ Галлиполи (съ ноября 1920 г. по ноябрь 1921 г.) удалось выдать подобное пособіе десять разъ; при этомъ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, военные врачи и чиновники, полковые священники и штатныя сестры милосердія—семь разъ получили по двѣ турецкихъ бум. лиры, одинъ разъ по полторы, а юнкера и солдаты восемь разъ по одной лирѣ; и наконецъ два послѣднихъ раза всѣ чины корпуса получили по полъ лиры.

Всего за это время корпусу было выдано около 290 тысячъ тур. бум. лиръ.

Куда же тратились эти деньги чинами корпуса?

Курящими прежде всего на табакъ, такъ какъ въ немъ чувствовался особенно острый недостатокъ, а затѣмъ пріобрѣтались пищевые продукты: сахаръ, рисъ, мамалыга, фрукты и проч.

Цѣны на всѣ эти продукты въ Галлиполи сильно колебались въ зависимости какъ отъ привоза продуктовъ, такъ и отъ колебаній греческой и турецкой валюты. За время пребыванія русскихъ въ Галлиполи стоимость одной лиры колебалась въ предѣлахъ отъ 8 до 15 греческихъ драхмъ.

Приведемъ примѣрно стоимость наиболѣе ходкихъ продуктовъ въ піастрахъ.

Табакъ 1 фунтъ	36	піастровъ
Хлѣбъ 1 кило	20—25	„
Сахаръ око (=1280 граммъ) . .	40—50	„
Рисъ око	15—25	„
Мамалыга око	10—15	„
Халва око.	60—80	„
Инжиръ око	20	„
Виноградъ око	15—20	„
Виноград. вино бутылка. . . .	15—20	„
Спиртъ бутылка	90—100	„

Были ли у русскихъ какіе либо заработки?

Были, но не у многихъ. Продавали остатки своихъ вещей, а подчасъ и выданное имъ казенное обмундированіе; носили дрова на продажу, работали по уборкѣ хлѣба, занимались торговлей (преимущественно женщины), работали въ общественныхъ учрежденіяхъ и прочее. Но это было удѣломъ меньшинства, да и заработки по большей части были ничтожны. Иные пытались подкормить себя при помощи уженія рыбы, ружейной охоты на зайцевъ и куропатокъ, а находились и такіе, которые не брезгали употреблять въ пищу сухопутныхъ черепахъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ признать, что французскій паекъ былъ главнымъ и почти единственнымъ средствомъ питанія русской арміи въ Галлиполи и, несмотря на всѣ недоразумѣнія и недочеты, должно сказать, что французы, взявшіе на себя прокормленіе перваго корпуса, тѣмъ спасли его отъ голодной смерти.

Укажемъ теперь на снабженіе арміи мыломъ, табакомъ и дровами. Мыло первый разъ выдали 2 января по 45 граммъ на человѣка. Затѣмъ, начиная съ 20 января, была установлена правильная выдача мыла по расчету 20 граммъ въ день. Выдавали, обыкновенно, дней на 10 впередъ. Количество это надо признать достаточнымъ; по качеству— выдаваемое мыло было различное: то довольно приличное, то очень плохое.

Отсутствіе табаку очень тяжело чувствовалось арміей. Въ письмѣ генерала Шарпи было указано, что русскіе будутъ получать ежемѣсячно по 2 коробки папиросъ на человѣка. Затѣмъ французы обѣщали выдать 1650 кило листового табаку, но все это оказалось одними обѣщаніями: русскіе въ Галлиполи не получили отъ французовъ ни щепотки табаку.

Русская кавалерійская дивизія вывезла изъ Крыма нѣкоторое количество листового табаку. Табакъ этотъ былъ взятъ на учетъ штабомъ корпуса, но выдача его частямъ задерживалась различными требованіями со стороны французовъ. Наконецъ, его распредѣлили между частями въ видѣ трехъ мѣсячныхъ выдачъ по ½—¼ фунта каждая.

Вотъ все, что возможно было сдѣлать.

Французы выдали только раза три спички по полкоробки на человѣка.

Для приготовленіе пищи, для отопленія и для стирки бѣлья требовались дрова. Въ лагерѣ этотъ вопросъ рѣшился просто: люди шли въ горы и тамъ рубили низко-рослыя деревья. Правда, при недостаткѣ топоровъ и пилъ трудъ этотъ былъ весьма тяжелъ, но все же можно было добыть достаточное количество дровъ. Городъ не имѣлъ и этого, такъ какъ въ окрестностяхъ города попадались только рѣдкія фруктовыя деревья (объ охранѣ ихъ командиромъ корпуса былъ изданъ особый приказъ).

Доставка дровъ наладилась не сразу, при этомъ французы выдавали дрова только на людей, живущихъ въ городѣ. Нижеприведенная таблица показываетъ количество полученныхъ дровъ въ кило и количество, приходящееся на каждаго проживавшаго въ городѣ:

Стоимость выданныхъ за десять мѣсяцевъ (съ декабря 1920 г. по сентябрь 1921 г.) дровъ надо оцѣнить въ 240.000 франковъ, считая согласно французской расцѣнкѣ 8 сантимовъ кило. Полученное же за тотъ же періодъ мыло стоило 350.000 фр., считая по 2 фр. 40 сан. кило.

Одинъ разъ корпусу была выдана подстилочная солома, но вслѣдствіе отсутствіе тюфячныхъ наволочекъ солома эта скоро раструсилась.

Мѣсяцъ	Общее количество дровъ	На одного въ день
25 ноября — 31 декабря . .	388.260 кило	920 гр.
Январь	263.460 „	800 „
Февраль	483.810 „	1730 „
Мартъ	483.220 „	1620 „
Апрѣль	276.950 „	1020 „
Май	208.925 „	750 „
Іюнь	216.000 „	800 „
Іюль	223.200 „	830 „
Всего:	2.544.000 кило	

Снабженіе корпуса освѣтительными матеріалами: керосиномъ, свѣчами и карбидомъ производилось черезъ инженерный складъ. Количество этихъ продуктовъ было недостаточно а затѣмъ выдача ихъ вовсе прекратилась.

II.

ВЕЩЕВОЕ ДОВОЛЬСТВІЕ.

Корпусъ высаживался въ Галлиполи не только голодный, но и раздѣтый: въ поношенномъ обмундированіи и порванной обуви, безъ необходимаго количества бѣлья.

Къ этому присоединилось то обстоятельство, что изголодавшіеся во время пути, русскіе, попавъ въ Галлиполи на скудный французскій паекъ, стали продавать свои послѣднія вещи, чтобы только утолить голодъ. Продавали и казенное обмундированіе, не только лишнее, но и самое необходимое. Корпусное командованіе, тотчасъ по прибытіи въ Галлиполи, начало энергично бороться съ продажей казенныхъ вещей, однако, уничтожить «толчекъ» удалось только черезъ мѣсяцъ, послѣ чего торговля, хотя и не прекратилась, но велась болѣе скрытно.

Одна изъ дивизій вывезла изъ Феодосіи нѣкоторое количество поношеннаго обмундированія: шинелей, френчей и пр., но розданныя въ части, эти вещи оказались каплей въ морѣ.

Чтобы удовлетворить нужду корпуса въ одеждѣ, необходимо было выдать каждому хотя бы по одному комплекту обмундированія и обуви и по двѣ смѣны бѣлья. Къ ощуществленію этого и стремилось корпусное командованіе, однако, какъ увидимъ, осуществить этого въ полной мѣрѣ не удалось.

На борту русскихъ судовъ, вышедшихъ изъ Крыма, было довольно значительное количество бѣлья и прочихъ предметовъ обмундированія, предназначеннаго для русской арміи, но это имущество было задержано французами для учета и первыя партіи его удалось получить лишь къ

началу февраля. Именно къ этому времени было получено по одному комплекту бѣлья на каждаго человѣка, 1200 шароваръ, 9700 паръ ботинокъ, гетры, перчатки и пр. Кромѣ того, было получено около ста походныхъ кухонь и довольно значительное количество разной посуды.

Помимо этого, въ самомъ началѣ французы сами доставили въ Галлиполи 7800 одѣялъ и роздали ихъ непосредственно чинамъ корпуса. Въ мартѣ и апрѣлѣ поступили новыя партія бѣлья, ботинокъ, разнаго рода обмундированія и посуды, а за все время до 1 сентября было получено и роздано бѣлья и одежды слѣдующее количество (въ круглыхъ цифрахъ):

Предметы обмундированія	Получено	Выдано
одѣялъ	66.000	50.000
рубашекъ вязаныхъ	110.000	72.000
кальсонъ	96.000	77.000
носковъ	93.000	84.000
полотенецъ	95.000	86.000
ботинокъ	27.000	27.000
гетръ	33.000	33.000
перчатокъ	18.500	18.500

Изъ выданныхъ одѣялъ 3.700 пошло на шитье шароваръ, въ которыхъ ощущалась большая потребность.

Верхняго обмундированія: шинелей, френчей, шароваръ и фуражекъ поступало мало и то, въ значительной части, въ поношенномъ видѣ. Болѣе крупная партія поступила въ августѣ.

Всего по 1 сентября получено было: шинелей 3.500, френчей 6.300, шароваръ 6.600, фуражекъ 3.500, обмотокъ 10.700.

Сверхъ того, были доставлены въ небольшомъ количествѣ: гимнастерки, шофферскія пальто, парусиновыя куртки, полушубки, туфли и прочее, а также нѣкоторое количество мануфактуры (сукна, бумазеи, бязи) и нитокъ.

Все это имущество поступало отъ французскаго командованія черезъ русское снабженіе изъ запасовъ, привезенныхъ на русскихъ судахъ.

Вещи распредѣлялись между частями лично командиромъ корпуса пропорціонально ихъ численному составу; только военнымъ училищамъ оказывалось нѣкоторое преимущество; бѣженскій батальонъ получалъ вещи наравнѣ съ прочими частями.

Кромѣ перечисленнаго имущества, поступившаго въ распоряженіе русскаго интендантства, въ войсковыя части были розданы вещи, полученныя отъ благотворительныхъ учрежденій. Сюда вошли лѣтнія пижамы, больничные халаты, полотенца, носки и прочее. Нѣкоторые предметы поступили въ довольно большомъ количествѣ, такъ что каж-

дый чинъ корпуса получилъ, напримѣръ, не менѣе двухъ нижекъ и кое-что изъ бѣлья, что имѣло большое значеніе при общемъ недостаткѣ обмундированія.

Вещи поступали въ корпусъ не сразу, такъ что многое было получено только къ осени. Къ 1 сентября на каждаго въ среднемъ приходилось:

Одѣялъ . . .	1.8	Шинелей . . .	0.2
Рубашекъ. . .	3.0	Френчей . . .	0.3
Кальсонъ . . .	3.2	Шароваръ . . .	0.3
Носковъ . . .	3,3 п.	Фуражекъ. . .	0.2
Полотенецъ . .	3,4	Обмотокъ . . .	0,5
Ботинокъ . . .	1,0 п.	Гетръ	1.2
Перчатокъ . .	0,7		

Бѣльемъ корпусъ былъ удовлетворенъ въ полной мѣрѣ. Сначала бѣлья было выдано двѣ пары, а къ сентябрю еще по одной; но верхняго обмундированія не хватало и прибыло оно, большей частью, только въ августѣ. А между тѣмъ, англійское платье, полученное Добровольческой, а послѣ Русской Арміей на югѣ Россіи, сильно потрепалось во время боевъ и въ походахъ. Мало кто имѣлъ два комплекта обмундированія, за то у иныхъ не было даже шинелей и они были одѣты въ кое какое тряпье или просто ежились въ потрепанныхъ френчахъ. Нѣкоторую защиту отъ холода представляли шерстяныя одѣяла, выданныя по одному или по два на человѣка. Часть одѣялъ пошла на шитье шароваръ; правда шаровары эти оказались не очень изящны и не особенно прочны, но за то были теплы.

Въ частяхъ распредѣленіе вещей производилось ротными и взводными командирами по степени нужды, а иной разъ и просто по жребію. Понятно, что такое распредѣленіе было не всегда равномѣрно. Такъ напримѣръ, хотя въ среднемъ на каждаго приходилось по 1.8 одѣяла, число получившихъ по одному одѣялу все же осталось довольно значительнымъ.

Вопросъ объ обуви въ Галлиполи стоялъ особенно остро, вслѣдствіе дурной погоды зимой, необходимости постоянно дѣлать переходы изъ лагеря въ городъ и обратно и частыхъ работъ во всякую погоду. А между тѣмъ обувь поступала медленно, небольшими партіями: до 1 марта было получено 10500 паръ ботинокъ, съ марта по май еще 16500 паръ, такъ что зиму проходили въ поношенной обуви. Ботинки, полученныя въ Галлиполи, не отличались особенной прочностью и при весенней грязи и плохихъ мостовыхъ въ городѣ скоро изнашивались. Починка обуви была организована не скоро и въ недостаточномъ объемѣ, поэтому многимъ приходилось выдавать по второй парѣ, въ то время, какъ другіе, пріѣхавшіе въ крѣпкой русской или англійской обуви, еще не получили ни одной.

Быстрая порча обуви вызвала вопросъ объ устройствѣ сапожныхъ мастерскихъ. Русское снабженіе доставило въ Галлиполи нѣкоторое количество кожи и сапожнаго инструмента. Были организованы починочно-сапожныя мастерскія: при корпусномъ интендантствѣ, Всероссійскомъ земскомъ союзѣ, дамскомъ комитетѣ, при мастерскихъ Техническаго полка, при бѣженскомъ батальонѣ и почти при всѣхъ частяхъ корпуса.

Въ этихъ мастерскихъ производились работы: безплатныя по нарядамъ изъ казеннаго матеріала и платныя изъ матеріала заказчика. Всероссійскій земскій союзъ, кромѣ своей мастерской, оказывалъ поддержку также нѣкоторымъ другимъ мастерскимъ — матеріаломъ и инструментомъ. А въ октябрѣ Главнымъ комитетомъ всероссійскаго земскаго союза было прислано для корпуса подошвенной и иной кожи на 1200 тур. лиръ.

Работа всѣхъ этихъ сапожныхъ мастерскихъ сильно облегчила разрѣшеніе вопроса объ обуви въ Галлиполи, однако, все же нельзя было считать этотъ вопросъ разрѣшеннымъ въ полной мѣрѣ. Отсутствіе запасовъ обуви и средствъ для своевременной ихъ починки приводило къ тому, что до послѣдняго времени можно было встрѣтить чиновъ корпуса въ совершенно изношенной обуви.

Къ сожалѣнію надо сказать, что обмундированіе, выданное чинамъ корпуса, часто не долго оставалось въ ихъ рукахъ: продажа («загонъ») казенныхъ вещей несмотря на строгія наказанія, продолжала существовать до послѣдняго времени, то ослабѣвая, то усиливаясь. Причина этого явленія лежитъ прежде всего въ отсутствіи опредѣленнаго жалованья чинамъ корпуса и въ недостаточности питанія, а низшія начальствующія лица, понимая тяжелое положеніе своихъ подчиненныхъ, не находили въ себѣ силы достаточно энергично бороться съ этимъ зломъ.

Хотя снабженіе корпуса обмундированіемъ было неудовлетворительно и, казалось, не могло быть и рѣчи объ однообразной формѣ одежды, однако, какъ командиръ корпуса, такъ и командиры частей приложили все стараніе, чтобы придать чинамъ корпуса воинскій видъ и по возможности соблюсти форму одежды. Въ началѣ требовалось только, чтобы всѣ имѣли погоны и кокарды, хотя бы нарисованные чернильнымъ карандашемъ. Затѣмъ было приступлено къ изготовленію форменныхъ погонъ для всѣхъ частей; на это пошло нѣкоторое количество полученной мануфактуры и были ассигнованы небольшія средства штабомъ корпуса. Погоны были установлены опредѣленныхъ цвѣтовъ для каждой части; ношеніе англійскихъ погонъ было запрещено.

Высокіе сапоги были очень не у многихъ; обмотокъ для ботинокъ, какъ видно изъ таблицъ, еле хватало на половину. Пришлось прибѣгнуть къ парусиновымъ защитнымъ гетрамъ, которыхъ имѣлось достаточное количество; правда, они были слишкомъ коротки и не соотвѣтствовали обычному виду русскаго солдата. Носить брюки на выпускъ не

разрѣшалось; исключеніе составляли длинныя, офицерскія брюки прежняго образца.

Однообразія френчей не требовалось, разрѣшалось носить пижамы всѣхъ цвѣтовъ; необходимо было только имѣть на нихъ погоны и пояса. Поэтому можно было встрѣтить гимнастерки и куртки всѣхъ цвѣтовъ: бѣлыя, сѣрыя, полосатыя, синія, ярко голубыя, розовыя и др. Видъ этой пестроты непріятно рѣзалъ глазъ и для парадовъ была установлена однообразная форма — бѣлая рубашка (старая форма русскаго солдата). Матеріаломъ для ихъ изготовленія послужили бѣлыя пижамы, медицинскіе халаты, бязь, привезенная изъ Крыма и пр.

Казалось, выполнить эту задачу довольно трудно, но общими усиліями корпуса задача была разрѣшена и на парадахъ русскія войска выступали подъ южнымъ солнцемъ, сверкая бѣлизной рубашекъ русскаго покроя. Только одинъ Корниловскій полкъ, вѣрный своимъ традиціямъ, окрасилъ свои гимнастерки въ черный цвѣтъ и во время смотровъ и парадовъ рѣзко выдѣлялся изъ бѣлой массы. Къ услугамъ греческой красильни прибѣгали довольно часто: кавалеристы окрашивали шаровары въ темно синій цвѣтъ, юнкера нѣкоторыхъ училищъ для ежедневныхъ занятій имѣли гимнастерки, окрашенныя въ защитный цвѣтъ, и т. п. Но главное значеніе имѣла красильня при изготовленіи цвѣтныхъ фуражекъ и поясовъ соотвѣтственно формамъ полковъ.

Фуражекъ было получено мало и ихъ приходилось шить самимъ частью изъ казеннаго, частью изъ собственнаго матеріала. Цвѣтныя фуражки пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ шились изъ полотенецъ и бѣлой бумазеи: тулеи и околыши окрашивались сообразно цвѣтамъ полка. Кокарды изготовлялись въ мастерскихъ Техническаго полка и артиллерійскаго склада.

Все это вызывало потребность въ открытіи портняжныхъ и фуражечныхъ мастерскихъ, какъ при корпусномъ интендантствѣ, такъ и при отдѣльныхъ частяхъ. Изъ разныхъ источниковъ было получено нѣкоторое количество швейныхъ машинъ, портные были свои и работа кипѣла.

Такъ удалось возстановить въ Галлиполи традиціонную форму Добровольческой и Русской Арміи. И полки твердо держались своихъ цвѣтовъ: Корниловскій — черный съ краснымъ, Марковскій — черный съ бѣлымъ, Дроздовскій — малиновый, Алексѣевскій синій (по этимъ цвѣтамъ полки назывались «цвѣтными»); въ Техническомъ полку офицеры имѣли бѣлые погоны, солдаты красные. Военныя училища стремились возстановить форму прежнихъ русскихъ училищъ, имена которыхъ они носили и имѣли погоны съ соотвѣтствующими трафаретами. Наибольшихъ результатовъ въ этомъ отношеніи достигло Николаевское кавалерійское училище со своими алыми безкозырками и двуцвѣтными поясами.

Матеріала для всей этой работы было мало, денегъ еще меньше, но было желаніе, была любовь къ арміи и къ своему родному полку, она то и создала ту внушительную картину стройности и однообразія, которое такъ поражало французовъ и мѣстныхъ жителей на русскихъ парадахъ въ Галлиполи.

Этими мѣрами былъ разрѣшенъ вопросъ лѣтняго обмундированія, а на зиму русская армія не имѣла даже полнаго количества шинелей, не говоря уже о тепломъ бѣльѣ и прочемъ.

Помимо одежды корпусъ получилъ нѣкоторое количество кухонной посуды и другого хозяйственнаго инвентаря. Походныхъ кухонь въ Галлиполи было получено около ста. Кухни были турецкаго образца; для пользованія ими необходимо было имѣть запасъ глицерина для заполненія пустого пространства между стѣнками котла; безъ глицерина же изготовленіе пищи было затруднительно и кухни скоро портились. Было еще нѣкоторое количество большихъ котловъ, которые устанавливались въ очагахъ, вырытыхъ въ землѣ. Однако, все таки крупной посуды для артельнаго изготовленія пищи не хватало и въ нѣкоторыхъ частяхъ перешли къ групповому и даже индивидуальному приготовленію пищи. Мелкой посуды было получено довольно много, а именно въ круглыхъ цифрахъ:

котелковъ большихъ (одинъ на 6 человѣкъ) . . .	2600
котелковъ малыхъ (на 1 человѣка)	12600
ложекъ	10700
кружекъ чайныхъ	7400
тарелокъ	1100
сковородъ	2400
ведеръ	200

и т. д.,

Впрочемъ, въ мелкой посудѣ особенно не нуждались: консервныя банки различныхъ величинъ служили и для изготовленія пищи, и для питья чая и пр., а бидоны отъ кокосоваго масла, бензина или керосина шли для носки воды и групповаго приготовленія пищи.

Лазареты получали палатки, кровати и весь инвентарь изъ трехъ источниковъ: отъ французовъ, отъ американскаго краснаго креста и отъ грековъ.

Семьи военно-служащихъ получили отъ интендантства одѣяла; все остальное получали отъ американскаго краснаго креста, который раздавалъ женщинамъ и дѣтямъ: одѣяла, матрацы, пижамы, бѣлье, матерію, обувь, посуду и прочее. Благодаря этой щедрой помощи, на лѣто женщины и дѣти были снабжены необходимой одеждой. Что же ка-

сается зимняго платья, то здѣсь пришлось прибѣгнуть къ одѣяламъ, изъ которыхъ успѣшно шились женскія и дѣтскія пальто и зимнія платья.

Надо сказать, что трудолюбіе и настойчивость русской женщины сыграло большую роль въ дѣлѣ снабженія русскихъ платьемъ. Женщины не только дѣлились американскими подарками со своими мужьями и братьями, не только обшивали себя и дѣтей, но и много потрудились, обшивая своихъ родныхъ—чиновъ русской арміи, а часто и постороннихъ.

САНИТАРНАЯ ЧАСТЬ

Недочеты санитарнаго состоянія частей 1-го армейскаго корпуса, подъ-ѣзжавшихъ къ Галлиполи, явившіеся слѣдствіемъ катастрофическихъ условій эвакуаціи изъ Крыма, были основнымъ факторомъ санитарнаго состоянія частей и первое время послѣ выгрузки ихъ въ Галлиполи.

Скученность, временами доходившая до невозможности передвигаться по пароходу, при наличіи вшей у части пассажировъ, сдѣлали то, что, за 2—3 недѣли пребыванія на пароходѣ до выгрузки на берегъ, насѣкомыми обзавелись почти всѣ чины корпуса. Къ этому надо прибавить недостатокъ воды не только для мытья, но и для питья, крайне скудную пищу, отсутствіе запаснаго бѣлья для смѣны — все это страшно ослабило организмы людей, создавъ благопріятную обстановку для всякихъ заболѣваній. Если прибавить къ этому, что въ моментъ эвакуаціи на пароходы вмѣстѣ съ здоровыми попадали и больные (въ томъ числѣ и заразные въ начальной стадіи заболѣванія) и, располагаясь среди здоровыхъ, являлись въ будущемъ очагами для свѣжихъ случаевъ сыпно и возвратно-тифозныхъ заболѣваній, которые распространялись по пароходу параллельно съ распространеніемъ передатчиковъ заразы—вшей, то будетъ ясно, что можно ожидать отъ санитарнаго состоянія частей Корпуса въ моментъ его выгрузки въ Галлиполи. Правда, съ помощью медицинскаго персонала, бывшаго на томъ или другомъ пароходѣ, принимались мѣры къ изоляціи больныхъ отъ здоровыхъ въ отдѣльномъ помѣщеніи, но это было выполнимо только отчасти (для уже ясно выраженныхъ случаевъ заболѣваній). Къ моменту высадки на берегъ такихъ больныхъ на разныхъ пароходахъ было 200 человѣкъ и ихъ, ввиду отсутствія готовыхъ лечебныхъ учрежденій на берегу, собрали на одинъ пароходъ и эвакуировали въ Константинополь для помѣщенія въ соотвѣтствующіе госпиталя, какъ русскіе, такъ и французскіе.

Самый городъ Галлиполи въ моментъ прибытія въ него частей 1-го армейскаго корпуса имѣлъ весьма непривлекательный видъ. Всюду на улицахъ грязь, кучи мусора, канавы, наполненныя грязной, вонючей жидкостью, полное отсутствіе общественныхъ отхожихъ мѣстъ. Единственнымъ свѣтлымъ пятномъ въ санитарномъ состояніи г. Галлиполи былъ его водопроводъ съ чудной водой, построенный еще римлянами.

Галлиполи, въ значительной степени разрушенный во время Великой войны 1914—1918 г.г., не былъ готовъ къ пріему такого количества гостей, неожиданно свалившихся ему на голову. Поэтому выгружающіеся съ пароходовъ военнослужащіе вмѣстѣ съ семьями вынуждены были располагаться подъ открытымъ небомъ на голой землѣ, въ лучшемъ случаѣ пользуясь для укрытія различными развалинами, не вполнѣ разрушившимися, но порою весьма небезопасными для помѣщенія людей (позднѣйшій случай съ обваломъ въ Корниловскомъ и кавалерійскомъ юнкерскихъ училищахъ). Изнуренные долгимъ сидѣніемъ на пароходѣ, при почти полномъ отсутствіи питанія, люди должны были на себѣ доставлять въ лагерь все, начиная съ своего будущаго жилища — палатокъ, которыя прибывали весьма постепенно, почему и части переводились въ лагерь также весьма постепенно.

Главная задача санитарныхъ властей корпуса въ это время состояла въ томъ, чтобы изъять всѣхъ заразныхъ больныхъ изъ среды здоровыхъ и принять мѣры, препятствующія дальнѣйшему распространенію заразы. Такъ какъ въ совершенно цѣломъ и работоспособномъ видѣ прибыло только одно лечебное учрежденіе—4-й госпиталь краснаго креста, то онъ, выгрузившись на берегъ 13 ноября, съ 14 ноября уже началъ пріемъ больныхъ всѣхъ категорій въ отведенномъ ему помѣщеніи школы при французскомъ католическомъ іезуитскомъ монастырѣ. Большое каменное зданіе школы, кромѣ двухъ комнатъ, временно еще занимавшихся частью штаба корпуса, скоро было переполнено больными: заразными, съ разными видами инфекцій и незаразными, лежавшими на полу безъ кроватей и постельныхъ принадлежностей, вповалку, въ весьма большой тѣснотѣ. Выдѣлять больныхъ по роду инфекціи совершенно не представлялось возможнымъ, что при скученномъ расположеніи больныхъ вело къ тому, что больные, продѣлавши одну инфекцію, вслѣдъ за ней продѣлывали и вторую.

Изъ другихъ санитарныхъ учрежденій корпуса пріѣхали съ нѣкоторымъ санитарнымъ имуществомъ: 7-й передовой отрядъ краснаго креста и госпиталь бѣлаго креста, которые постепенно, съ помощью французскаго командованія и греческихъ властей, пополнились имуществомъ и развернули свою дѣятельность. 7-й передовой отрядъ былъ развернутъ 29 ноября 1920 г. со штатомъ въ 120 коекъ спеціально для пріема заразныхъ больныхъ всѣхъ сортовъ инфекцій, хотя онъ и не обладалъ достаточнымъ помѣщеніемъ для необходимой изоляціи больныхъ съ разными видами инфекцій. Количество больныхъ въ немъ въ это время достигало 170—180 человѣкъ. Въ числѣ больныхъ были больные съ слѣдующими видами инфекцій: всѣ три вида тифа, дизентерія, оспа, скарлатина, дифтеритъ и рожа. Размѣщеніе больныхъ было такое же скученное, какъ и въ 4-мъ госпиталѣ и также безъ кроватей и постельныхъ принадлежностей, на полу, въ небольшомъ зданіи съ четырьмя маленькими комнатами и корридоромъ. Почти одновре-

менно, вслѣдъ за тѣмъ, недѣли черезъ двѣ открылся госпиталь бѣлаго креста и вновь сформированный дивизіонный лазаретъ 1-й пѣхотной дивизіи. Дивизіонный лазаретъ развернулся 14 декабря 1920 г. въ каменномъ одноэтажномъ зданіи школы при армянской церкви и функціонировалъ какъ гарнизонный госпиталь по всѣмъ болѣзнямъ, кромѣ хирургическихъ, причемъ главный контингентъ больныхъ былъ съ брюшнымъ, возвратнымъ и сыпнымъ тифами. Способъ размѣщенія больныхъ былъ такой-же, какъ и въ другихъ госпиталяхъ, т. е. на полу, безъ постельныхъ принадлежностей, причемъ въ комнатѣ, разсчитанной на 70—80 человѣкъ, помѣщалось 200 чел.

Одновременно, въ каменномъ зданіи греческой школы развернулся лазаретъ бѣлаго креста, работавшій въ совершенно такихъ же условіяхъ и при такомъ же контингентѣ больныхъ.

Кромѣ помощи имуществомъ со стороны французскихъ и греческихъ властей, въ это время греческій красный крестъ прислалъ свой госпиталь на 50 кроватей, который и былъ открытъ спеціально для пріема инфекціонныхъ больныхъ, будучи вполнѣ оборудованъ и снабженъ кроватями, медикаментами, принадлежностями для ухода за больными и даже собственной лабораторіей для клиническихъ анализовъ.

Думать о строгой дифференціаціи въ смыслѣ распредѣленія больныхъ по госпиталямъ по роду болѣзни въ первое время не приходилось, такъ какъ число мѣстъ въ лечебныхъ учрежденіяхъ, по сравненію съ числомъ больныхъ, было недостаточно. Тѣмъ не менѣе, для возможности успѣшной работы, одно изъ учрежденій играло роль распредѣлительнаго пункта, куда поступали всѣ больные и оттуда уже направлялись по лечебнымъ учрежденіямъ согласно роду заболѣванія и наличности свободныхъ мѣстъ въ учрежденіяхъ. Первое время такую роль игралъ 4-й госпиталь краснаго креста, а затѣмъ, съ открытіемъ дивизіоннаго лазарета 1-й пѣхотной дивизіи, распредѣленіе больныхъ перешло къ нему. Лишь въ январѣ 1921 г., съ прибытіемъ госпитальнаго судна «Румянцевъ», явилась возможность распредѣлить госпитальную работу по спеціальностямъ. До этого времени всѣ силы всѣхъ госпиталей были направлены, главнымъ образомъ, къ борьбѣ съ эпидеміями сыпного, возвратнаго и брюшного тифовъ.

Одновременно съ развертываніемъ госпиталей, въ городѣ были приняты другія мѣры къ охранѣ отъ инфекціи здоровыхъ чиновъ корпуса. Съ помощью греческихъ и французскихъ властей были оборудованы двѣ безплатныхъ бани (одна изъ нихъ съ дезинфекціонной камерой); въ нихъ ежедневно могли мыться 600—650 человѣкъ.

Въ январѣ 1921 г. при комендантскомъ управленіи была учреждена санитарная комиссія, цѣлью которой было приведеніе города въ удовлетворительное санитарно-гигіеническое состояніе. Обращено было вниманіе на прилегавшія къ городу мѣста, особенно на низменные берега

мелкой, но очень загрязненной рѣченки, служившіе свалочнымъ мѣстомъ.

Одной изъ важныхъ мѣръ къ улучшенію санитарнаго состоянія города явилась организація медицинской помощи въ общежитіяхъ, на гауптвахтѣ, въ войсковыхъ частяхъ, не имѣвшихъ своихъ постоянныхъ врачей и для отдѣльно живущихъ лицъ. 7 февраля 1921 г. была открыта комендантская амбулаторія. Особое вниманіе комендантскихъ врачей было обращено на гауптвахты, которыя могли стать очагами эпидемическихъ заболѣваній. Съ 18—20 февраля уже не наблюдалось случаевъ инфекціонныхъ заболѣваній среди заключенныхъ. Общее число

ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ ГОСПИТАЛЬНОЙ ПАЛАТКИ

оказанной комендантскими врачами помощи, какъ въ амбулаторіи, такъ и внѣ ея достигало 2000 человѣкъ въ мѣсяцъ.

Въ разныхъ мѣстахъ, около центра города, были устроены общественныя отхожія мѣста около мѣстъ скопленія приходящихъ по дѣламъ въ городъ воинскихъ чиновъ (на базарѣ, около интендантства и пристани и т. д.). Налажена была систематическая уборка главныхъ улицъ города силами чиновъ Корпуса.

Одновременно велись работы по обслѣдованію водопровода и приведенію его въ состояніе, при которомъ страдающій лѣтомъ отъ недостатка воды городъ могъ бы благополучно справиться предстоящимъ лѣтомъ съ водянымъ голодомъ, даже при происшедшемъ увеличеніи его народонаселенія. Въ результатѣ, соединенными усиліями работавшихъ надъ этимъ чиновъ Корпуса, санитарное состояніе города улучшилось

во много разъ и въ дальнѣйшемъ уже почти не оставляло желать лучшаго.

Если въ городѣ условія жизни корпуса въ санитарномъ отношеніи были тяжелы, то въ лагерѣ они были еще хуже. Крайняя скученность людей, размѣщенныхъ въ палаткахъ вповалку, почти безъ подстилки, при холодной, дождливой погодѣ, отсутствіи топлива, несвоевременной доставкѣ продуктовъ изъ города, переобремененности людей физической работой, какъ по устройству лагеря, такъ и по доставкѣ на себѣ топлива изъ лѣса и продуктовъ изъ города, изнуряя людей, создавали благопріятную почву для дальнѣйшаго развитія эпидемій. Отсутствіе дезинфекціонныхъ и дезинсекціонныхъ средствъ дѣлало невозможной борьбу съ распространяющими заразу паразитами, особенно—уничтоженіе ихъ въ верхней одеждѣ, ибо бѣлье большинство чиновъ Корпуса могло уже держать въ чистотѣ, благодаря близости рѣчки Біюкъ-Дере, на берегахъ которой каждый стиралъ свое бѣлье и даже часто вываривалъ его для уничтоженія паразитовъ.

При разбивкѣ лагеря было обращено вниманіе на его санитарное благоустройство: кухни были вынесены въ одно мѣсто изъ каждаго лагеря, а всѣ отхожія мѣста удалены въ сторону отъ расположенія палатокъ. 30 ноября 1920 г. были организованы дивизіонныя санитарныя комиссіи для періодическихъ осмотровъ лагеря. По ихъ указаніямъ лагерь быстро приводится въ порядокъ: сжигается мусоръ и загрязненные отбросами кусты, обращается вниманіе на содержаніе въ должной чистотѣ бассейновъ и источниковъ питьевой воды.

Строятся бани, позднѣе — и дезинфекціонныя камеры въ землѣ съ печами, поднимавшими температуру въ камерѣ до 110° Ц., съ большой пропускной способностью. Въ одной изъ полковыхъ бань за недѣлю могли вымыться всѣ чины полка.

Въ цѣляхъ борьбы съ маларіей, берега рѣчки Біюкъ-Дере были очищены отъ камышей и кустарниковъ, въ которыхъ гнѣздились комары-передатчики этого вида заразы.

Для стирки бѣлья отводится спеціальный раіонъ ниже всѣхъ лагерей, чтобы сточныя воды не загрязняли источникъ питьевой воды.

Что касается оказанія медицинской помощи заболѣвшимъ, то она оказывалась въ полковыхъ околодкахъ, въ большинствѣ которыхъ, по обстоятельствамъ эвакуаціи, медицинскаго персонала, какъ врачей, такъ и сестеръ милосердія, было больше положеннаго по штату количества.

Почти во всѣхъ полкахъ околодки оказались снабженными медикаментами и перевязочнымъ матеріаломъ такъ, что сразу могли начать интенсивно работать, какъ по оказанію амбулаторной помощи, такъ вскорѣ послѣ того и въ развернутыхъ по требованію жизни полковыхъ лазаретахъ. Задачей полковыхъ лазаретовъ была общая задача вре-

мени: по возможности въ самомъ началѣ заболѣванія изолировать больного отъ здоровыхъ. Для этой цѣли и были выдѣлены палатки для полковыхъ лазаретовъ, въ среднемъ, для полка—на 20 коекъ. Первоначально, пока въ городѣ лазареты не были еще развернуты и не хватало въ нихъ мѣста, полковые лазареты служили только для цѣлей изоляціи и были переполнены сверхъ мѣры въ виду отсутствія эвакуаціи въ городскія лечебныя заведенія. Затѣмъ понемногу они стали разгружаться, первоначально—отъ тяжелыхъ больныхъ. Долгое время всѣ, безъ особенныхъ осложненій переносившіе тотъ, или другой тифъ, лѣчились до выздоровленія въ этихъ полковыхъ лазаретахъ. Первое время больные въ этихъ лазаретахъ лежали вповалку на подстилкѣ изъ сухихъ листьевъ, или травы, безъ раздѣленія по сортамъ инфекцій. Затѣмъ, понемногу, стали переходить къ устройству индивидуальныхъ, или небольшихъ групповыхъ загоновъ, огороженныхъ плетнемъ и съ подстилкой изъ травы, а позднѣе — къ устройству плетеныхъ изъ гибкихъ прутьевъ коекъ, отдѣльныхъ для каждаго больного. Къ концу этого періода, т. е. въ началѣ декабря 1920 г., размѣщеніе больныхъ въ полковыхъ лазаретахъ было удобнѣе и гигіеничнѣе, чѣмъ въ городскихъ лечебныхъ заведеніяхъ.

Что касается эвакуаціи больныхъ изъ лагеря въ городъ, то большія партіи захватывались обозомъ сенегальскихъ стрѣлковъ, привозившихъ продукты въ лагерь, а единичные больные, равно какъ и наиболѣе тяжелые больные, направлялись въ городъ на ручныхъ носилкахъ.

Со второй половины декабря 1920 г. начинается новая эпоха въ жизни санитарныхъ учрежденій г. Галлиполи и лагеря. Въ это время прибылъ въ Галлиполи представитель американскаго краснаго креста, майоръ М. П. Давидсонъ, который сразу приступилъ къ оказанію энергичной помощи изъ привезенныхъ имъ съ собой предметовъ оборудованія госпиталей, бѣлья, продуктовъ питанія и т. д.

Къ этому времени нѣкоторыя учрежденія, съ помощью французскаго командованія, получили кровати.

Представитель американскаго краснаго креста сразу снабдилъ всѣ лечебныя учрежденія, какъ въ городѣ, такъ и въ лагерѣ, матрасами, постельнымъ бѣльемъ, подушками, одѣялами, госпитальнымъ бѣльемъ, кухонной и столовой посудой, медикаментами, принадлежностями по уходу за больными и продуктами питанія.

Благодаря этому отпуску продуктовъ, слабые больные впервые могли получать подходящую для нихъ и удобоваримую пищу.

Около этого времени французское командованіе дало нѣсколько подвижныхъ дезинфекціонныхъ камеръ, которыя и были переданы въ распоряженіе госпиталей для дезинфекціи госпитальнаго имущества (одѣяла, тюфяки, подушки, бѣлье), а также и собственныхъ вещей больныхъ, находившихся на излеченіи.

Одновременно госпиталя устроили у себя отдѣленія для мытья всѣхъ поступающихъ больныхъ, для чего французскимъ командованіемъ было отпущено нѣсколько душей.

Такъ какъ количество госпитальныхъ мѣстъ съ открытіемъ новыхъ госпиталей и прибытіемъ парохода «Румянцевъ» повысилось, то поднялся вопросъ о спеціализаціи госпиталей и созданіи распредѣлительнаго учрежденія. Таковое и начало формироваться въ лицѣ эвакуаціоннаго пункта 1-го армейскаго корпуса съ 1 января 1921 года съ пріемникомъ на 180 коекъ. 14 января 1921 г. эвакопунктъ и амбулаторія при немъ начали функціонировать. Всѣ больные изъ лагеря и города поступали на эвакопунктъ въ пріемную палату, гдѣ ихъ стригли, мыли, переодѣвали въ чистое бѣлье; далѣе больной отправлялся въ изоляторъ, гдѣ устанавливался діагнозъ и больной переводился въ соотвѣтствующую палату эвакопункта, гдѣ и дожидался отправки на свободное мѣсто въ соотвѣтствующій его заболѣванію госпиталь. Легко больные обыкновенно дальше эвакопункта и не шли, а лечились на мѣстѣ. Одежна каждаго вновь поступающаго больного обязательно проходила черезъ дезинфекціонную камеру.

Изъ лагеря больные поступали первоначально въ дивизіонный лазаретъ 1-й кавалерійской дивизіи, развернутый при поворотѣ отъ шоссе въ лагерь, на 52 кровати; изъ нихъ 4 — для остро-заразныхъ. Этотъ лазаретъ служилъ коллекторомъ для всѣхъ лагерей; впрочемъ, часть больныхъ одиночнымъ порядкомъ попадала и прямо на эвакопунктъ въ городѣ. Изъ полковыхъ околодковъ больные на ручныхъ носилкахъ, а тяжело-больные 1-й пѣхотной дивизіи на вьючныхъ носилкахъ, на ослахъ, доставлялись въ дивизіонный лазаретъ 1-й кавалерійской дивизіи, а оттуда на автомобиляхъ, предоставленныхъ командиромъ корпуса—на эвакопунктъ, въ городъ. Съ эвакопункта больные по учрежденіямъ развозились также автомобилями. Бензинъ для автомобилей предоставлялся французскими властями. Впослѣдствіи, когда провели въ лагерь узко-колейную желѣзную дорогу, французы прекратили отпускъ бензина для автомобилей. Тогда эвакуація изъ лагеря была налажена двумя поѣздами изъ двухъ вагонетокъ съ носилками, что вполнѣ удовлетворяло потребности. Вагонетки подходили къ самому эвакопункту.

Общее количество прошедшихъ черезъ эвакопунктъ больныхъ къ 1 сентября 1921 г. было 4645, изъ нихъ:

пѣхотной дивизіи	2245
кавалерійской	634
военныхъ училищъ и офицерск. школъ	649
частей, приданныхъ Корпусу	909
бѣженскаго батальона	135
медицинскаго персонала	73

Средняя цифра суточнаго поступленія колебалась между 20 и 80. Прошедшіе съ 14 декабря 1920 г. черезъ дивизіонный лазаретъ, какъ распредѣлитель до открытія эвакопункта, а позднѣе — черезъ эвакопунктъ, по 1 сентября 1921 г. больные по роду болѣзни распредѣлялись такъ:

тифъ возвратный	828
тифъ сыпной	492
тифъ брюшной	356
лихорадящихъ больныхъ съ невыясненнымъ діагнозомъ	652
дизентерія	72
оспа	6
рожа	5
малярія	351
туберкулезъ	260
москитная лихорадка	259
прочихъ болѣзней	2274

До 14 декабря, сверхъ того, прошло черезъ 4-й госпиталь, въ то время игравшій роль распредѣлителя, 522 человѣка больныхъ разныхъ категорій.

Соотвѣтственно санитарному состоянію корпуса и открытію спеціальныхъ мѣстъ въ лечебныхъ заведеніяхъ, въ поступающихъ на эвакопунктъ больныхъ преобладали слѣдующія категоріи ихъ: 1) до мая мѣсяца — тифозные больные, 2) май-іюнь — хирургическіе больные, 3) іюнь-іюль — легочные больные (для дальнѣйшаго направленія въ здравницу, недавно открывшуюся), 4) вторая половина іюля-августъ — москитная лихорадка, желудочно-кишечныя разстройства, 5) августъ-сентябрь — брюшной тифъ съ москитной лихорадкой и малярія.

Амбулаторія при эвакопунктѣ съ 14 января по 20 августа приняла 6580 человѣкъ: венерическое отдѣленіе ея имѣло около 3000 посѣщеній и зубо-врачебный кабинетъ — 7234 посѣщеній.

Госпитальная помощь въ Галлиполи оказывалась по слѣдующимъ спеціальностямъ: хирургія, акушерство и гинекологія, внутреннія болѣзни, дѣтскія болѣзни и кожныя и венерическія болѣзни.

Хирургическая работа была сконцентрирована въ двухъ учрежденіяхъ: первоначально — въ одномъ 4-мъ госпиталѣ краснаго креста, а послѣ — и въ госпиталѣ бѣлаго креста.

4-й госпиталь краснаго креста, на 200 штатныхъ коекъ, развернулся 14 ноября 1920 г. и до 28 ноября былъ единственнымъ лечебнымъ учрежденіемъ въ Галлиполи для всѣхъ родовъ заболѣваній. Затѣмъ онъ, понемногу освобождаясь отъ инфекціонныхъ больныхъ, развертывалъ хирургическую дѣятельность и съ 6 февраля 1921 г. началъ функ-

ціонировать. какъ число хирургическій госпиталь. Госпиталь имѣлъ развернутыхъ 154 койки, изъ нихъ 105 хирургическихъ, 45 для тяжелобольныхъ туберкулезныхъ и 4 койки для роженицъ. Съ этого времени по 13 сентября 1921 г., когда потребовалось освободить для занятій зданіе школы, бывшее подъ госпиталемъ, черезъ госпиталь прошло больныхъ 771; имъ было сдѣлано 631 операція и 7639 перевязокъ; черезъ амбулаторію госпиталя прошло — 2107 больныхъ и сдѣлано 65 амбулаторныхъ операцій.

Госпиталь бѣлаго креста былъ открытъ въ половинѣ декабря 1920 г., имѣя по штату 84 койки, оборудовано же было всего 72 койки. Первое время госпиталь предназначался для обслуживанія исключительно инфекціонныхъ больныхъ (возвратный и брюшной тифы). Съ 17-го марта онъ былъ переименованъ въ исключительно хирургическій, причемъ на него была возложена преимущественно малая хирургія.

Акушерская и гинекологическая помощь оказывалась сначала въ 4-мъ госпиталѣ краснаго креста, гдѣ было развернуто 8 женскихъ хирургическихъ мѣстъ и 4 мѣста для роженицъ. 12 февраля 1921 г. было открыто самостоятельное акушерско-гинекологическое отдѣленіе при дивизіонномъ лазаретѣ 1-й пѣхотной дивизіи, состоявшее изъ родильнаго зала на 5 коекъ и гинекологической палаты на 7 человѣкъ. Черезъ отдѣленіе прошло 266 больныхъ, изъ нихъ родовъ — 100, гинекологическихъ заболѣваній — 94, заболѣваній въ началѣ беременности — 72; послѣродовыхъ септическихъ заболѣваній не наблюдалось. Въ іюнѣ 1921 г. гинекологическое отдѣленіе при дивизіонномъ лазаретѣ было закрыто и осталось дѣйствовать только родильное отдѣленіе. Съ 27 іюня по 10 сентября 1921 г. гинекологическое отдѣленіе было развернуто при госпиталѣ бѣлаго креста въ двухъ палаткахъ, по 9 кроватей каждая. Черезъ это отдѣленіе прошло за указанный срокъ — 35 больныхъ.

Для обслуживанія больныхъ съ незаразными внутренними болѣзнями первоначально былъ предназначенъ пароходъ «Румянцевъ», приспособленный какъ госпитальное судно и стоявшій на рейдѣ г. Галлиполи. Онъ ихъ и обслуживалъ до своего ухода изъ Галлиполи. Позднѣе эти функціи госпиталя для незаразныхъ больныхъ внутренними болѣзнями, послѣ ухода «Румянцева», перешли къ дивизіонному лазарету 1-й пѣхотной дивизіи, черезъ который прошло съ 14 декабря по сентябрь 1921 г. съ общими заболѣваніями 1131 человѣкъ. По мѣрѣ уменьшенія эпидеміи тифовъ (въ аппѣлѣ-маѣ 1921 г. бывали только единичные свѣжіе случаи), терапевтическую помощь началъ оказывать 7 передовой отрядъ краснаго креста: туда поступали больные съ маларіей, москитной лихорадкой, открылась отдѣльная палата для слабосильныхъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Нѣкоторое количество терапевтическихъ больныхъ началъ принимать и госпиталь бѣлаго креста, особенно въ августѣ, во время вспышки маларіи и москитной лихорадки.

Совершенно особое мѣсто занимаетъ въ санитарной жизни Галлиполи вопросъ объ оказаніи помощи туберкулезнымъ больнымъ. И безъ того слабый организмъ подобныхъ больныхъ, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ въ смыслѣ питанія и другихъ условій жизни, вышелъ изъ состоянія устойчивости. Многіе чины корпуса, ранѣе имѣвшіе только наклонность къ заболѣванію туберкулезомъ, теперь захворали активной формой туберкулеза, быстро подтачивавшей послѣдніе остатки ихъ силъ. Ввиду того, что тяжело-больные туберкулезные представляли опасность въ смыслѣ зараженія другихъ, склонныхъ къ такому заболѣванію, а при недостаткѣ питанія контингентъ послѣднихъ возросталъ съ каждымъ днемъ — явилась необходимость ихъ изоляціи въ одномъ лечебномъ заведеніи. Съ 24 февраля 1921 г. для этого и была развернута 7-я палата 4-го госпиталя краснаго креста на 45 человѣкъ. За время по 26 ноября черезъ палату прошло 184 челов., проведшіе 7009 больничныхъ дней. Больные сюда поступали исключительно съ активнымъ процессомъ въ легкихъ, или другихъ органахъ. Большинство изъ нихъ заболѣло въ Галлиполи. Благодаря помощи американскаго краснаго креста и средствамъ, отпускавшимся на это командиромъ корпуса, представлялось возможнымъ нѣсколько улучшить питаніе этихъ больныхъ. Въ суточныхъ раціонахъ если и чувствовался недостатокъ жировъ и почти полное отсутствіе свѣжей зелени, то калорійная цѣнность являлась вполнѣ достаточной. Благопріятные результаты, получившіеся отъ леченія больныхъ, поступившихъ въ 1-й стадіи процесса, а отчасти и во второй, это подтверждаютъ.

Но, изъять изъ среды здоровыхъ военнослужащихъ больныхъ съ активнымъ туберкулезомъ, это было только половина дѣла. Не менѣе важно было усилить питаніе при соотвѣтствующемъ режимѣ и цѣлому ряду другихъ, неустойчивыхъ въ смыслѣ предрасположенія къ туберкулезу больныхъ, чтобы такимъ образомъ бороться съ дальнѣйшимъ распространеніемъ туберкулеза. Этому навстрѣчу пошелъ представитель американскаго краснаго креста, майоръ Давидсонъ и только благодаря его помощи туберкулезъ не получилъ такого распространенія, какъ это могло бы быть при питаніи однимъ французскимъ пайкомъ.

Въ началѣ мая 1921 г. на берегу моря, у маяка, въ расщелинѣ между скалами, была открыта, съ помощью пожертвованнаго американскимъ краснымъ крестомъ имущества, здравница для легочныхъ и туберкулезныхъ больныхъ при 4-мъ госпиталѣ краснаго креста, съ которымъ она была связана въ административно-хозяйственномъ отношеніи. Больные въ здравницѣ были размѣщены въ большихъ палаткахъ — бараках по 30—20 чел. въ палаткѣ. Сперва она была развернута на 110 кроватей, но затѣмъ, ввиду большой потребности въ ея помощи, количество развернутыхъ коекъ было повышено до 140. Основнымъ лечебнымъ факторомъ въ здравницѣ было питаніе, для усиленія котораго американскимъ краснымъ крестомъ все время отпускались продукты.

Пища больнымъ распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: въ 8 час. утра — утренній чай и къ нему—мясные консервы или паштетъ, или сардины, или смальцъ; въ 11 час. утра — макароны или каша; въ 2 часа дня — обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ; въ 4 часа дня — кофе, какао, или шоколадъ; въ 7 час. вечера — ужинъ изъ одного блюда съ чаемъ. Больные хорошо поправлялись, у нихъ улучшался цвѣтъ лица, увеличивалось количество жира въ подкожно-жировой клѣтчаткѣ и т. д. Расположеніе здравницы на берегу моря давало возможность широко пользоваться естественными методами леченія, какъ то: купанье въ морѣ, солнечныя ванны и т. д. Конечно, слѣдуетъ отмѣтить, что климатическія условія для расположенія здравницы были не совсѣмъ благопріятны: почти постоянно дующіе вѣтры, полное отсутствіе тѣни и какихъ либо уголковъ для укрытія отъ палящаго солнца сильно ослабляли многихъ больныхъ и много задерживали выздоровленіе.

Большинство больныхъ поступало съ первой стадіей туберкулеза. Съ 3 мая по 31 августа въ здравницу поступило 386 больныхъ; изъ нихъ: 152 офицера, 116 солдатъ, 60 юнкеровъ и 58 женщинъ. 365-ю туберкулезными больными проведено 12983 больничныхъ дня (среднее пребываніе одного больного 36—37); 21 туберкулезнымъ больнымъ проведено 728 больничныхъ дней (среднее пребываніе одного больного 32—35 дней). При большомъ количествѣ слабыхъ, неустойчивыхъ въ смыслѣ здоровья больныхъ, одна здравница, конечно, не могла удовлетворить всѣмъ потребностямъ въ этомъ отношеніи. Всегда была большая очередь ожидающихъ попасть въ здравницу. Поэтому, ввиду прекращенія эпидемій, при 7-мъ передовомъ отрядѣ краснаго креста одна палатка-баракъ была отведена для слабосильныхъ воспитанниковъ военныхъ училищъ, которые тамъ отдыхали при усиленномъ питаніи, отпускаемомъ американскимъ краснымъ крестомъ. Тамъ какъ и эта помощь не могла удовлетворить всѣмъ потребностямъ, то были оборудованы питательные пункты: одинъ—въ городѣ, а другой—въ лагерѣ. Продукты для этихъ пунктовъ отпускались опять таки американскимъ краснымъ крестомъ, который далъ и необходимое оборудованіе для ихъ открытія. На этихъ пунктахъ отпускалась дополнительная пища, сверхъ получаемой каждымъ въ своей части изъ французскаго пайка; выдача производилась по назначенію постоянной врачебной комиссіи.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о добавочномъ отпускѣ продуктовъ питанія, который производился американскимъ краснымъ крестомъ, регулярно — женщинамъ и дѣтямъ, спорадически — юнкерскимъ училищамъ и, рѣже—войсковымъ частямъ, ибо тамъ были люди болѣе зрѣлаго возраста, съ болѣе устойчивымъ организмомъ. Благодаря такой помощи продуктами питанія, рождавшіяся въ Галлиполи дѣти имѣли нормальный вѣсъ, отъ 9 до 14 фунтовъ.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что такое благополучное состояніе въ смыслѣ заболѣваемости и смертности, которое было въ Галлиполи послѣ того, какъ были налажены всѣ стороны жизни корпуса, обязано, главнымъ образомъ, помощи американскаго краснаго креста, какъ продуктами питанія, такъ и бѣльемъ и предметами обмундированія.

Если условія жизни для взрослыхъ въ Галлиполи были тяжелы, то еще тяжелѣе они отзывались на неокрѣпшемъ дѣтскомъ организмѣ. Два врача-спеціалиста не могли удовлетворить всѣмъ индивидуальнымъ просьбамъ о помощи. Больныя дѣти или лежали дома, или, смотря

ПИТАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТЪ ВЪ ГОРОДѢ

по роду заболѣванія, помѣщались въ лазареты наряду съ женщинами (въ тѣ же палаты). Дѣти съ острыми инфекціями (скарлатина, дифтеритъ), отправлялись въ заразное отдѣленіе дивизіоннаго лазарета. 27 февраля 1921 г. былъ открытъ для дѣвочекъ и мальчиковъ дѣтскій санаторій для незаразныхъ дѣтей на 10 кроватей (отдѣленіе дивизіоннаго лазарета 1-й пѣхотной дивизіи). Черезъ него прошло 35 дѣтей.

Основнымъ вопросомъ въ санитарной жизни Галлиполи была борьба съ эпидеміями заразныхъ болѣзней. Первоначально этому были отданы всѣ усилія медицинскаго персонала 1-го армійскаго корпуса и приданныхъ ему учрежденій: госпиталя работали всѣ, какъ эпидемическія учрежденія. Постепенно, съ проведеніемъ мѣръ личной и общественной гигіены, а также приведенія въ порядокъ жилищъ, общаго благоустройства города и лагеря, бань, дезинфекціи, дезинсекціи, упо-

рядоченія питанія и снабженія бѣльемъ съ помощью американскаго краснаго креста и т. д. — эпидеміи стали сокращаться, пока, съ наступленіемъ теплыхъ дней, когда военнослужащіе стали регулярно купаться и мыть свое бѣлье, онѣ совсѣмъ не сошли на нѣтъ. Большое значеніе имѣли въ этомъ отношеніи поголовныя вакцинаціи для чиновъ корпуса противъ тифовъ, холеры и оспы, произведенныя съ помощью доставленныхъ французскимъ командованіемъ вакцинъ.

Очень много способствовали благополучному санитарному состоянію корпуса мѣры по улучшенію водоснабженія, принятыя какъ въ городѣ, такъ и въ лагерѣ. Послѣ произведенныхъ изысканій въ системѣ стараго римскаго водопровода, удалось включить въ сѣть новый источникъ воды, благодаря чему недостатка въ питьевой водѣ въ городѣ въ самое сухое время не было. Въ лагерѣ, ввиду высыханія рѣчки, изъ которой лагерь питался водой, было вырыто до 15 новыхъ колодцевъ. Въ моментъ появленія острыхъ желудочно-кишечныхъ заболѣваній было поставлено по два фильтра на пѣхотную и кавалерійскую дивизію, откуда и брали воду для питья. Фильтры были изготовлены при участіи центральной химико-бактеріологической лабораторіи.

Слѣдуетъ особо отмѣтить большой отпускъ мыла изъ интендантства, что давало возможность держать въ чистотѣ себя и свое бѣлье всѣмъ военнослужащимъ.

Наглядньмъ результатомъ всѣхъ этихъ мѣропріятій было сокращеніе количества больныхъ, напримѣръ: число амбулаторныхъ посѣщеній въ околодкахъ пѣхотной дивизіи было въ мартѣ 10418, въ апрѣлѣ—8538, а въ маѣ—6521.

Спеціально для леченія заразныхъ больныхъ, при распредѣленіи лечебныхъ заведеній по спеціальностямъ, были выдѣлены: 7-й передовой отрядъ краснаго креста (главнымъ образомъ — для больныхъ сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ); дивизіонный лазаретъ 1-й пѣхотной дивизіи—для больныхъ брюшнымъ тифомъ и спеціально заразное его отдѣленіе —для болѣе рѣдко встрѣчающихся видовъ инфекціи, какъ то: оспа, рожа, скарлатина, дифтеритъ; позднѣе при немъ же была спеціальная палатка для дизентерійныхъ больныхъ. Часть возвратно и брюшно-тифозныхъ до половины марта 1921 г. помѣщалась въ госпиталѣ бѣлаго креста.

7-й передовой отрядъ, получивши 2 барака-палатки и все необходимое оборудованіе, до конца работалъ, какъ эпидемическій госпиталь. Когда прекратились эпидеміи сыпного и возвратнаго тифовъ, онъ сталъ принимать брюшно-тифозныхъ больныхъ, а одно время даже, ввиду малаго количества заразныхъ больныхъ, одну палатку отвелъ для слабосильныхъ юнкеровъ. Съ 29 ноября 1920 г. по май 1921 г. черезъ него прошло 1005 больныхъ, изъ нихъ: сыпно-тифозныхъ—341 (процентъ смертности 6,13), возвратно-тифозныхъ 244 (процентъ смертности—2), брюшно-ти-

фозныхъ, съ 29 ноября 1920 года по 1 сентября 1921 г., было 111 (процентъ смертности 10). Больные поступали въ очень тяжеломъ состояніи, часто ввиду одновременнаго заболѣванія и другими инфекціями: маляріей, москитной лихорадкой, туберкулезомъ и т. д.

Дивизіонный лазаретъ 1-й пѣхотной дивизіи имѣлъ штатныхъ 115 мѣстъ: 90 для брюшно-тифозныхъ и 25 для остро заразныхъ (за исключеніемъ спеціальныхъ отдѣленій: остро-заразнаго, дѣтскаго и акушерско-гинекологическаго). Черезъ лазаретъ, съ 14 декабря 1920 года по сентябрь 1921 г., прошло 1715 человѣкъ, изъ нихъ: брюшно-тифозныхъ—176, сыпно-тифозныхъ—27, возвратно-тифозныхъ—222, дизентеріи—76, желудочно-кишечныхъ заболѣваній—83 и общихъ заболѣваній. Съ момента перехода лазарета за окончаніемъ эпидемій къ обслуживанію незаразныхъ терапевтическихъ—1131. Черезъ спеціальное остро-заразное отдѣленіе лазарета прошло, съ 19 дкабря 1920 г., 56 больныхъ съ натуральной и вѣтренной оспой, рожей, дифтеріей, скарлатиной, экземой, чесоткой и сифилисомъ.

По венерическимъ и кожнымъ болѣзнямъ первые мѣсяцы помощь оказывалась исключительно амбулаторно, съ марта же мѣсяца при эвакопунктѣ была открыта для стаціонарнаго лѣченія тяжело-больныхъ венериковъ палатка на 10 коекъ, черезъ которую прошло 42 человѣка, въ большинствѣ случаевъ съ обостреніемъ старыхъ процессовъ. Свѣжихъ случаевъ сифилиса зарегистрировано 5 и острой гонореи—8. Въ амбулаторіи при эвакопунктѣ было болѣе 3000 посѣщеній, изъ нихъ:

сифилисъ, заразительная стадія	49
сифилисъ, незаразительн. стадія	135
хроническая гонорея	114
острая гонорея	8

Наряду съ спеціализаціей госпиталей были приняты мѣры къ оказанію болѣе компетентной квалифицированной помощи амбулаторнымъ больнымъ. 4 апрѣля 1921 г. въ спеціальномъ дощатомъ баракѣ, крытомъ толемъ и раздѣленномъ внутри на отдѣльные кабинеты — была открыта амбулаторія врачей-спеціалистовъ для дачи совѣта въ случаяхъ, гдѣ врачи частей желали консультировать съ болѣе опытными коллегами по спеціальностямъ. Были оборудованы кабинеты: хирургическій, уха, горла, носа, глазной и гинекологическій. Тамъ же велся пріемъ по внутреннимъ, нервнымъ, дѣтскимъ, и кожно-венерическимъ болѣзнямъ. Наиболѣе интенсивно работалъ хирургическій кабинетъ, гдѣ производились амбулаторныя операціи и перевязки. При амбулаторіи же производились приходящимъ больнымъ подкожныя инфекціи по назначенію врачей и предохранительныя прививки противъ тифа, холеры и оспы. Средняя посѣщаемость каждаго кабинета въ день доходила до 50 человѣкъ.

Къ видамъ спеціальной помощи относится еще зубоврачеваніе. Первоначально для этого вида помощи американскимъ краснымъ крестомъ было пожертвовано оборудованіе одного зубоврачебнаго кабинета, который и началъ функціонировать въ началѣ декабря 1920 года, будучи приданъ въ административно-хозяйственномъ отношеніи 4-му госпиталю краснаго креста. Такъ какъ, ввиду условій гражданской войны, зубы оказались запущенными у очень многихъ Галлиполійцевъ и одному кабинету было не подъ силу даже отчасти удовлетворить требованіямъ этого вида помощи, то условіемъ жертвователя было: оказаніе помощи въ первую очередь слабѣйшимъ, т. е. женщинамъ и дѣтямъ. Очень скоро два врача кабинета не могли удовлетворить нуждамъ и былъ приглашенъ третій врачъ. Кабинетъ этотъ одинаково интенсивно работалъ до самой эвакуаціи изъ Галлиполи. Въ среднемъ, за мѣсяцъ, проходило 250—260 больныхъ, которые дѣлали болѣе 1500 посѣщеній. Въ мѣсяцъ, въ среднемъ, ставилось 500—600 пломбъ, дѣлалось около 50 экстракцій зубовъ и т. д.

Подъ конецъ пребыванія въ Галлиполи русскій красный крестъ, выдѣливъ часть имущества этого кабинета и добавивъ недостающее, открылъ новый кабинетъ съ однимъ врачемъ при 7-мъ передовомъ отрядѣ, а при 4-мъ госпиталѣ остался кабинетъ съ двумя врачами.

Для оказанія же зубоврачебной помощи военнослужащимъ на средства, отпущенныя санитарной частью русской арміи, было пріобрѣтено оборудованіе зубоврачебнаго кабинета и таковой былъ развернутъ въ лагерѣ. Кромѣ того, было организовано оказаніе первой помощи и экстракція каріозныхъ зубовъ на эвакопунктѣ. За отсутствіемъ боръ-машины этотъ кабинетъ не могъ оказывать болѣе радикальной помощи.

Большое значеніе въ смыслѣ постановки діагноза, а также изученія особенностей, наблюдавшихся въ теченіе болѣзней благодаря ненормальнымъ условіямъ жизни въ смыслѣ питанія и т. д. имѣли лабораторныя изслѣдованія. Первоначально этимъ запросамъ удовлетворяла единственная, вывезенная изъ Крыма, лабораторія 4-го госпиталя краснаго креста. Позднѣе химико-микроскопическіе анализы стали производиться лабораторіей при госпиталѣ греческаго краснаго креста. 18 марта 1921 г. прибыла въ Галлиполи и черезъ нѣсколько дней развернулась центральная химико-бактеріологическая лабораторія 1-го армейскаго корпуса, оборудованная на средства санитарнаго отдѣла русской арміи. Первоначально въ оборудованіи лабораторіи не хватало многихъ существенныхъ для работы предметовъ. Позднѣе, съ помощью американскаго краснаго креста и новой ассигновки изъ санитарнаго отдѣла русской арміи, лабораторія пополнилась необходимымъ инвентаремъ и пріобрѣла опытныхъ животныхъ. За пять съ половиной мѣсяцевъ было произведено 3727 анализовъ, въ томъ числѣ была поставлена реакція Вассермана, двѣ—три серіи.

Кромѣ чисто медицинской работы, лабораторія произвела анализы питьевыхъ водъ изъ источниковъ и колодцевъ, снабжающихъ русскую армію въ лагерѣ и городѣ. Оказалось, что многіе изъ источниковъ загрязнены органическими отбросами; на основаніи этого были предприняты работы по очисткѣ многихъ колодцевъ городской сѣти. Приходилось производить работы болѣе спеціально-техническаго характера, какъ то: изслѣдованіе ружейной смазки, кожъ и другихъ заготовокъ интендантскаго имущества. Было произведено нѣсколько судебно-медицинскихъ анализовъ. Кромѣ того лабораторія изготовляла для гимназіи ботаническіе и физіолого-анатомическіе препараты, а также показательныя коллекціи для экскурсій (изслѣдованіе почвы, морской воды и т. д.).

Желающимъ возобновить свои познанія въ лабораторной техникѣ врачамъ лабораторія шла навстрѣчу, предоставляя въ ихъ распоряженіе, кромѣ того еще и небольшую медицинскую библіотеку, главнымъ образомъ, на французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Въ связи со всѣми вышеназванными санитарно-лечебными учрежденіями стоялъ центральный аптечный складъ, который и снабжалъ ихъ медикаментами и принадлежностями по уходу и обслуживанію больныхъ.

Складъ былъ развернутъ 2 декабря 1920 г., изъ перевязочнаго отряда Корниловской дивизіи съ прибавленіемъ персонала съ госпитальнаго судна «Ялта». Основу склада составили остатки базиснаго склада въ г. Севастополѣ, вывезенные вмѣстѣ съ уцѣлѣвшей частью санитарнаго имущества и аптеки 1-го армейскаго госпиталя, 6-го своднаго госпиталя и другихъ госпиталей. Въ Галлиполи же складъ пополнялся медикаментами, отпущенными французскимъ командованіемъ, пожертвованными бельгійскимъ краснымъ крестомъ и, главнымъ образомъ, постояннымъ пополненіемъ въ большомъ масштабѣ американскимъ краснымъ крестомъ, благодаря помощи котораго складъ собственно и существовалъ.

Первоначально складъ, кромѣ массоваго отпуска медикаментовъ санитарно-лечебнымъ учрежденіямъ корпуса исполнялъ и роль гарнизонной аптеки, отпуская лекарства больнымъ по индивидуальнымъ рецептамъ. Это много усложняло его дѣятельность. Впослѣдствіи, въ цѣляхъ правильнаго функціонированія склада, изъ него была выдѣлена аптека, дѣйствовавшая въ отдѣльномъ помѣщеніи и отпускавшая по отдѣльнымъ рецептамъ.

Наличіе значительнаго числа инвалидовъ, утратившихъ въ той или другой мѣрѣ трудоспособность и, частью, не могущихъ обходиться безъ посторонней помощи, почему они занимали долгое время мѣсто въ дѣйствующихъ лечебныхъ заведеніяхъ, привело къ мысли объ устройствѣ спеціальнаго инвалиднаго дома. Таковой и былъ оборудованъ краснымъ крестомъ съ помощью представителя американскаго краснаго кре-

ста, отпустившаго нѣсколько палатокъ и прочее оборудованіе для дома и снабжавшаго его все время продуктами для дополнительнаго питанія призрѣваемыхъ, сверхъ французскаго пайка. Домъ былъ оборудованъ на 50 коекъ и при немъ были открыты сапожно-портняжныя мастерскія для обученія инвалидовъ ремесламъ, чтобы они въ будущемъ могли сами себѣ зарабатывать кусокъ хлѣба. Машины и прочее оборудованіе для мастерскихъ было предоставлено также представителемъ американскаго краснаго креста.

Ввиду большого количества военнослужащихъ, желавшихъ воспользоваться тѣмъ, или другимъ видомъ спеціальной помощи, какъ то: по-

ПИТАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТЪ ВЪ ЛАГЕРѢ

мѣщеніемъ въ инвалидный домъ, здравницу, предоставленіемъ усиленнаго питанія на питательныхъ пунктахъ и проч. — для освидѣтельствованія состоянія ихъ здоровья и дачи соотвѣтствующаго заключенія была учреждена постоянная врачебная комиссія. Комиссія производила и спеціальныя освидѣтельствованія на предметъ годности къ военной службѣ, такъ какъ, по обстоятельствамъ эвакуаціи, многіе потеряли документы о принадлежности къ той, или другой категоріи и желали ихъ возстановить. Съ 1 декабря 1920 г. по 1 сентября 1921 г. было освидѣтельствовано на предметъ усиленнаго питанія 2549 человѣкъ и по другимъ поводамъ—2843 человѣка.

Всѣ вышеназванныя мѣропріятія по устройству санитарной жизни корпуса достигли того, что корпусъ былъ на мѣстѣ обслуженъ всѣми видами потребной помощи. За весь періодъ за предѣлы Галли-

поли, въ Константинополь, было эвакуировано до 100 человѣкъ (психическіе больные, нуждавшіеся въ рентгенизаціи и электризаціи).

Цѣлый рядъ особенностей въ теченіе болѣзней, благодаря ненормальнымъ условіямъ существованія, а также появленіе новыхъ незнакомыхъ формъ заболѣваній вызвали потребность у врачей дѣлиться своими наблюденіями и опытомъ. Послѣднее было особенно важно для незакончившихъ своего медицинскаго образованія заурядъ-врачей, по обстоятельствамъ гражданской войны въ значительномъ числѣ оказавшихся въ частяхъ.

Отвѣчая этой назрѣвшей потребности, 12 апрѣля 1921 г. иниціативная группа врачей корпуса созвала первое засѣданіе врачей корпуса и приданныхъ ему учрежденій, на которомъ былъ рѣшенъ вопросъ объ организаціи общества врачей и было поручено подготовить основанія устава. 15 апрѣля 1921 г. было первое оффиціальное собраніе общества, на которомъ было избрано правленіе. Тогда же были избраны почетными членами общества генералъ отъ инфантеріи, А. П. Кутеповъ, за его исключительно благожелательное и внимательное отношеніе къ медико-санитарнымъ нуждамъ корпуса и представитель американскаго краснаго креста, майоръ Давидсонъ, во вниманіе къ той исключительной помощи, которую американскій красный крестъ оказывалъ русской арміи.

До 1 сентября общество имѣло 15 засѣданій, изъ которыхъ часть была посвящена организаціоннымъ вопросамъ, остальныя же засѣданія имѣли исключительно научный характеръ. На засѣданіяхъ были прочтены и заслушаны слѣдующіе доклады: 1. д-ра Черненко—«Новѣйшія научныя данныя въ этіологіи сыпнаго тифа»; 2. д-ра Дуброва—«Къ вопросу о злоупотребеніи наркотиками»; 3. д-ра Берзина—«Кариесъ реберныхъ хрящей, какъ осложненіе сыпного и возвратнаго тифовъ»; 4. д-ра Малышева—«Случай экзостоза реберъ гонорейнаго происхожденія» 5. д-ра Поройкова—«Эпидемическій энцефалеміелитъ»; 6. д-ра Полетаева—«Демонстрація легочнаго больного»; 7. д-ра Лехачева—«О мужскомъ безсиліи»; 8. д-ра Каракоза—«Къ вопросу объ энтероколитахъ»; 9. д-ра Черенко—«Бактеріологія острыхъ энтероколитовъ»; 10. докладъ-лекція д-ра Черненко—«Питаніе 1-го армейскаго корпуса въ Галлиполи».

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Еще на рейдѣ Царьграда была сознана необходимость срочно организовать инженерную часть корпуса. 20 ноября былъ отданъ приказъ, коимъ все инженерное дѣло объединилось въ рукахъ корпуснаго инженера и тутъ же, на пароходѣ, было приступлено къ формированію его управленія, которое съ момента высадки въ Галлиполи приступило къ работѣ.

Основныя задачи по инженерной части сводились къ слѣдующему:

I. Удовлетвореніе всѣхъ нуждъ корпуса по оборудованію, ремонту и устройству помѣщеній для жилья, по устройству путей сообщеній и пристаней, по обезпеченію войскъ водой, по устройству госпиталей, бань, дезинфекціонныхъ камеръ и выполненію другихъ санитарно-строительныхъ работъ; устройство складовъ, хлѣбопекаренъ, прачешныхъ, кухонь и т. п. хозяйственныхъ построекъ, наконецъ, изготовленіе и ремонтъ предметовъ домашняго обихода войскъ.

II. Снабженіе частей корпуса инженернымъ имуществомъ, строительными и освѣтительными матеріалами, а также горючимъ и смазкой автомобилей.

III. Организація, комплектованіе, подготовка и руководство дѣятельностью всѣхъ инженерно-техническихъ войскъ и учрежденій корпуса.

I. РАБОТЫ

СТРОИТЕЛЬНЫЯ

Инженерныя работы начались непосредственно послѣ высадки войскъ съ перваго прибывшаго парохода (23 ноября) для организаціи снабженія интендантскими грузами лагеря, гдѣ должна была быть размѣщена

главная масса войскъ и для доставки туда палатокъ и другого имущества. — Уже 26 ноября были начаты работы по исправленію шоссе и грунтовой дороги протяженіемъ около 6 верстъ каждая.

Вслѣдствіе недостатка въ перевозочныхъ средствахъ, французское командованіе предложило организовать подвозъ грузовъ на фелюгахъ моремъ до бухты, находящейся въ полупути къ лагерю и далѣе по узкоколейной желѣзной дорогѣ. Несмотря на настойчивые доклады корпуснаго инженера о нерацiональности такой доставки грузовъ въ лагерь сопряженной съ неоднократной перегрузкой и притомъ находящейся въ полной зависимости отъ погоды, такъ какъ причалъ фелюгъ во время волненія былъ невозможенъ, французское командованіе все же настояло на выполненіи своего плана. 28 ноября были начаты работы по разборкѣ въ городѣ старой пристани, переносу на рукахъ, полученныхъ съ нея матеріаловъ и постройкѣ новой пристани въ бухтѣ, выбранной французами. Черезъ двѣ недѣли, 13 декабря, работы были пріостановлены, почти законченная пристань вновь разобрана по требованію французскаго командованія, нашедшаго болѣе удобное мѣсто для пристани въ бухтѣ Кысметъ; опять весь матеріалъ былъ перенесенъ на новое мѣсто и пристань построена вторично. Съ 17 декабря начались и земляныя работы по постройкѣ полотна узкоколейки отъ бухты Кысметъ къ лагерю по проекту, составленному французскимъ инженернымъ офицеромъ съ чрезвычайно тяжелыми подъемами. Черезъ мѣсяцъ, 21 января, когда земляныя работы подходили къ концу, всѣ работы были вновь прекращены, въ виду сознанной французскимъ командованіемъ невозможности наладить подвозъ грузовъ моремъ на фелюгахъ; только послѣ этого французское командованіе согласилось на постройку узкоколейки непосредственно отъ города, какъ на этомъ настаивало съ самаго начала русское командованіе и отказалось отъ своего руководства дѣломъ. Всѣ выполненныя къ этому моменту работы пошли прахомъ: за истекшій мѣсяцъ на однихъ только земляныхъ работахъ брошеннаго направленія обернулось 6037 рабочихъ.

Послѣ производства нѣсколькихъ изысканій чинами желѣзнодорожнаго батальона было выбрано наиболѣе выгодное направленіе съ легкими подъемами, давшее возможность при эксплоатаціи поднимать вагонетки тягой въ обѣ стороны лишь до перевала откуда онѣ спускались до конца самокатомъ. Къ 1 февраля началась постройка новой дороги и въ началѣ марта уже открылось движеніе конной тягой. Полное же движеніе открыто въ апрѣлѣ. По постройкѣ этой дороги произведены земляныя работы съ устройствомъ трубъ и укладкой желѣзнодорожнаго пути на протяженіи 9 километровъ линіи, станціонныхъ и разгрузочныхъ путей, открыто 5 станцій, устроены станціонныя и путевыя землянки; доставка укладочныхъ и другихъ матеріаловъ производилась на вагонеткахъ вручную. При постройкѣ этой узкоколейки, пришлось преодолѣть буквально нечеловѣческія трудности. Весь укладочный мате-

ріалъ, доставленный французскимъ командованіемъ, оказался весьма разнороднымъ, такъ какъ онъ былъ собранъ съ бывшихъ фронтовъ (дарданельскаго и салоникскаго), а также изъ числа оставленнаго германцами. Для укладки кривыхъ приходилось изгибать звенья, такъ какъ кривыхъ звеньевъ было получено ничтожное количество и другихъ радіусовъ, чѣмъ было принято при проектированіи на основаніи полученныхъ отъ французовъ данныхъ. За отсутствіемъ прессовъ для сгибанія рельсъ были устроены спеціальные станки. Большую часть накладокъ и болтовъ, а также инструментъ (путевой, кузнечный и плотничный) въ виду недостаточности доставленнаго французами, пришлось изготовить своими средствами изъ собраннаго въ городѣ и по берегу моря желѣзнаго лома.

Вагонетки были получены въ совершенно непригодномъ для маломальски продолжительной работы видѣ, почему ихъ пришлось основательно отремонтировать и приспособить для перевозки грузовъ и пассажировъ: переставить колесные скаты, перелить всѣ подшипники, переставить буксы, сдѣлать сцѣпленія и тормаза, устроить платформы и т. д. (въ первое время за отсутствіемъ сплава подшипники временно пришлось дѣлать изъ твердаго дерева). Въ результатѣ, изъ 103 полученныхъ вагонетокъ удалось собрать пригодныхъ для работы — 62 штуки. Для исполненія перечисленныхъ работъ при паркѣ узкоколейки была организована спеціальная мастерская и привлечены мастерскія Техническаго полка. Не смотря на то, что къ сбору и доставкѣ звеньевъ французами было приступлено съ момента рѣшенія вопроса о постройкѣ узкоколейки, т. е. въ декабрѣ, работы по постройкѣ дороги задерживались недѣлями, вслѣдствіе несвоевременной доставки рельсъ и другихъ матеріаловъ, обусловленной неорганизованностью этого дѣла. Можно даже указать на случай, когда французы, разбирая прибрежную узкоколейную вѣтку, начали работу не съ того конца и быстро разобравъ рельсы вблизи пристани, были вынуждены удаляясь все болѣе и болѣе отъ берега, подвозить рельсы къ пристани на повозкахъ. Несмотря на изложенныя трудности русскіе, можно сказать, «голыми руками», изъ «хлама», благодаря невѣроятному упорству и изобрѣтательности, создали узкоколейку, эту жизненную артерію лагеря, вызвавшую восхищеніе французовъ (высказанное полковникомъ Томассеномъ въ его письмѣ къ ген. Кутепову).

Всего на постройкѣ узкоколейки обернулось 16641 рабочій.

Роководство работой и постоянное обслуживаніе было возложено на желѣзнодорожный батальонъ Техническаго полка. Рабочіе въ городѣ давались отъ рабочаго батальона, въ лагерѣ — отъ частей пѣхоты и кавалеріи, а подъ конецъ отъ бѣженскаго батальона. Наряды на тяжелыя работы угнетающе дѣйствовали на войска, обезсиленныя полуголоднымъ пайкомъ, особенно когда приходилось бросать ихъ и переходить на новое и новое мѣсто, благодаря упорству французскаго командова-

нія. Зато открытіе движенія по узкоколейкѣ дало возможность войскамъ вздохнуть облегченно, такъ какъ окончательно ликвидировало подноску продовольствія въ лагерь и дровъ въ городъ «на своемъ горбѣ».

Съ остановкой автомобильнаго движенія, вслѣдствіе прекращенія отпуска бензина французскимъ командованіемъ, на узкоколейку легла также и эвакуація больныхъ изъ лагеря. Конная тяга была организована корпуснымъ обозомъ, дававшимъ для перевозки вагонетокъ муловъ. Ежемѣсячно дорогой перевозилось до 28000 пудовъ груза и до 8000 пассажировъ. Всего по 1 сентября 1921 г. перевезено 91000 пудовъ груза и 28500 пассажировъ и отправлено 7600 вагонетокъ.

Съ началомъ декабря начались и работы по приспособленію для жилья домовъ и развалинъ, отведенныхъ въ городѣ для русскихъ войскъ, учрежденій и семействъ.

Эти зданія въ подавляющемъ большинствѣ оказались совершенно негодными для жилья зимой, такъ какъ сильно пострадали во время землетрясенія 1912 г. Безъ оконъ и дверей, безъ печей, съ протекающими крышами, или вовсе безъ нихъ, съ полусгнившими полами и потолками и сквозными щелями въ стѣнахъ — эти зданія, во время господствовавшихъ зимою въ Галлиполи холодныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ становились для обитателей совершенно невыносимыми.

Всѣ ремонтныя работы прежде всего сводились исключительно къ отопленію помѣщеній. Почти за полнымъ отсутствіемъ стекла окна забивались досками съ прокладкой морской травы или закладывались камнями на глинѣ; заколачивались щели въ стѣнахъ, полахъ и потолкахъ; ремонтировались двери и ставились желѣзныя печи.

Многія зданія, вслѣдствіе своей ветхости и поврежденій являлись опасными для жилья.

Работу по поддержанію такихъ зданій (укрѣпленіе стѣнъ, потолковъ, крышъ, лѣстницъ и проч.) велись далеко не въ должномъ размѣрѣ, такъ какъ строительнаго матеріала для этой цѣли французское командованіе не отпускало, несмотря на настойчивыя просьбы. Для облегченія жилищнаго вопроса, становившагося критическимъ съ приближеніемъ морозовъ — корпуснымъ инженеромъ было предложено греческой администраціи (префекту и меру города) организовать совмѣстныя работы для возстановленія разрушенныхъ зданій города: греческое правительство или жители города должны были доставить необходимые матеріалы и незначительное вознагражденіе, хотя бы хлѣбомъ, для поощренія рабочихъ, а корпусъ давалъ рабочія руки и техническій надзоръ, при условіи предоставленія части возстановленныхъ зданій для размѣщенія русскихъ. Къ сожалѣнію, какъ у греческаго правительства, такъ и у разоренныхъ войной жителей не оказалось въ то время средствъ и это предложеніе не получило практи-

ческаго осуществленія, не смотря на полное сочувствіе къ нему всѣхъ слоевъ разноплеменнаго населенія Галлиполи.

Болѣе сложный характеръ носили работы по приспособленію и ремонту зданій для лѣчебныхъ заведеній (число коихъ 8, не считая околотковъ при каждомъ училищѣ) и корпусной хлѣбопекарни. За недостаткомъ помѣщеній много лѣчебныхъ заведеній цѣликомъ или частично пришлось размѣщать въ палаткахъ, спеціально оборудованныхъ и почти во всѣхъ госпиталяхъ и лазаретахъ пришлось заново возводить каменныя или земляночнаго типа постройки для кухонь, бань, дезинфекціонныхъ и дезинсекціонныхъ камеръ, для складовъ продуктовъ, бѣльевыхъ и мертвецкихъ. Всего было выстроено 16 такихъ зданій. Деревянныхъ бараковъ, типа Адріана и палатокъ съ деревянными или цементированными полами и внутренними перегородками поставлено 24.

Корпусная хлѣбопекарня оборудована въ четырехъ помѣщеніяхъ: — два изъ нихъ, гдѣ были печи, нуждавшіяся только въ серьезномъ ремонтѣ, соотвѣтственно приспособлены (устроены: крыша, перегородки, окна, двери и проч.), а два другія отстроены заново съ установкой въ нихъ 8 полевыхъ хлѣбопекарныхъ печей.

Одновременно съ работами по ремонту и отепленію зданій, были начаты работы по оборудованію, главнымъ образомъ, санитарныхъ учрежденій и общежитій семействъ — топчанами, столами, табуретками полками и другими предметами домашняго обихода, а также работы по устройству кухонныхъ плитъ, очаговъ и прачешныхъ.

Населеніе города съ прибытіемъ русскихъ войскъ увеличилось почти вдвое, не считая войскъ, размѣщенныхъ въ лагерѣ. Огромная заболѣваемость среди русскихъ, наблюдавшаяся въ первые мѣсяцы пребыванія ихъ въ Галлиполи, вызванная неудовлетворительнымъ размѣщеніемъ и плохимъ питаніемъ, побудила русское командованіе во избѣжаніе распространенія болѣзней, предпринять, по соглашенію съ греческими властями, помимо работъ по устройству лѣчебныхъ заведеній, также и работы по устройству общественныхъ уборныхъ, дезинсекціонныхъ камеръ, улучшенію водоснабженія, періодической очисткѣ улицъ, а съ наступленіемъ весны и работы по очисткѣ и скрѣпленію загрязненнаго русла ручья, протекавшаго на западной окраинѣ города и являвшагося разсадникомъ заразы. Надо отдать справедливость греческимъ властямъ, которыя въ этомъ вопросѣ пошли навстрѣчу и оказали посильную помощь матеріалами.

Въ порту была почти вновь выстроена «интендантская пристань» въ 32 метра длиной и устроены причалы для двухъ пароходовъ.

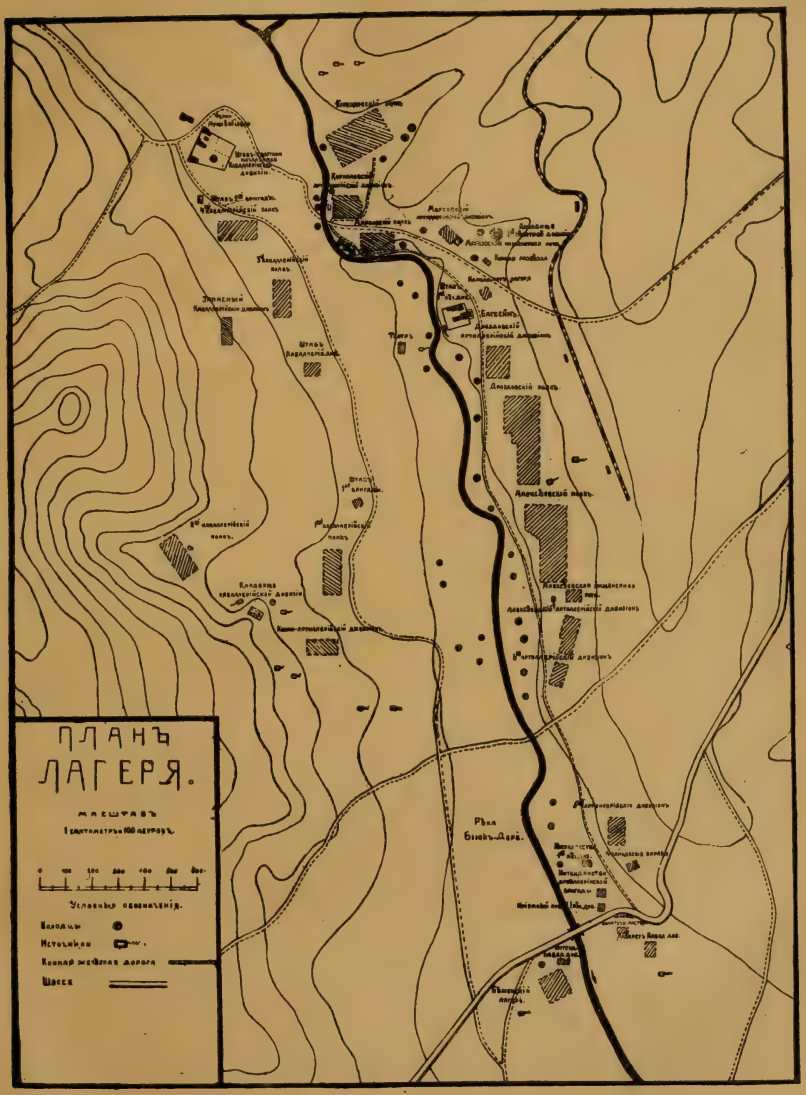
Для культурно-просвѣтительныхъ цѣлей и для цѣлей информаціи и пропаганды были устроены и оборудованы корпусный театръ въ развалинахъ древняго акрополя, помѣщеніе корпусной фотографіи и другихъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденій.

Естественное желаніе увѣковѣчить память умершихъ на чужбинѣ воиновъ — вылилось въ стремленіи возможно лучше оборудовать и украсить кладбища. Послѣднія огорожены каменными или желѣзными столбами и обнесены колючей проволокой. Всѣ могилы обложены дерномъ и снабжены однообразными простыми маталлическими крестами, сдѣланными или изъ консервныхъ банокъ, или изъ желѣзныхъ стержней (штопоровъ), вынутыхъ изъ старыхъ германскихъ проволочныхъ загражденій и снабженныхъ жестяными дощечками съ выбитыми на нихъ надписями — имени, даты смерти, части и мѣста рожденія усопшаго. На большомъ городскомъ русскомъ кладбищѣ теперь красуется мощный каменный памятникъ — курганъ. Работы, начатыя 23 апрѣля, были закончены 16 іюля. Всего поднесено 16800 камней; на самой же постройкѣ обернулось около 2400 рабочихъ. Послѣ сооруженія памятника на кладбищѣ построена каменная сторожка. На самомъ большомъ изъ лагерныхъ кладбищъ, кладбищѣ 1-й пѣхотной дивизіи, также возведенъ каменный памятникъ — обелискъ при постройкѣ котораго обернулось около 1700 рабочихъ на протяженіи 3 мѣсяцевъ. На всѣхъ прочихъ кладбищахъ, взамѣнъ каменныхъ памятниковъ, установлены большіе кресты, сдѣланные изъ изогнутыхъ рельсъ узкоколейки.

ОБЕЗПЕЧЕНІЕ ВОДОЙ.

Весьма серьезно и даже угрожающе обстояло дѣло обезпеченія войскъ питьевой водой, такъ какъ въ лѣтнее время въ городѣ ея не хватало даже для мѣстнаго населенія, а ручей въ лагерѣ пересыхалъ ежегодно. Однако, съ этой задачей, несмотря на рѣдко сухое лѣто, удалось справиться блестящее. Поэтому интересно нѣсколько подробнѣе остановиться на этихъ работахъ.

Водоснабженіе города чрезвычайно усложнилось и обострилось съ прибытіемъ корпуса, увеличившаго почти вдвое потребленіе воды. Городъ получаетъ воду изъ источниковъ, расположенныхъ въ сѣверо-западномъ направленіи вблизи Саросскаго залива съ разстоянія въ 15 километровъ, а также изъ источниковъ мѣстности «Коку», находящейся въ 7 километрахъ отъ города. Изъ водосборныхъ галлерей — резервуаровъ у источниковъ, вода подается въ городскіе резервуары самотекомъ благодаря превышенію мѣстности источниковъ надъ городомъ около 60 метровъ. Кромѣ того, имѣется еще небольшая вспомогательная система съ водосточной галлереей, берущей воду изъ ключей близъ русскаго военнаго кладбища, полуразрушенная во время войны. Сооруженіе городского водопровода относится къ эпохѣ римскаго владычества (220-240 годамъ по Р. Х.) и отличается большой солидностью и смѣлостью. Транспортирующія гончарныя трубы, залитыя римскимъ цементомъ,


ПЛАНЪ
ЛАГЕРЯ.
МАСШТАБЪ
1 сантиметръ=100 метровъ.
Условныя обозначенія.
Колодцы
Источники
Конная желѣзная дорога
Шоссе
Рѣка
Бюкъ-Дере.

постепенно снижаясь отъ источниковъ, проходятъ главный хребетъ галлиполійскаго полуострова на протяженіи 4 километровъ туннелемъ, заложеннымъ на глубинѣ 80 метровъ. При турецкомъ владычествѣ сооруженіе постепенно приходило въ упадокъ. Послѣдній капитальный ремонтъ былъ произведенъ лѣтъ тридцать тому назадъ, причемъ гончарныя трубы замѣнены чугунными діаметромъ 12 сантиметровъ, по городу проложены желѣзныя трубы, но технически эти работы произведены очень плохо. Въ результатѣ трубы ко времени прибытія корпуса были уже весьма ветхи и сильно затянуты иломъ, а изъ 45 водоразборныхъ крановъ города дѣйствовало только 12. При этомъ, большинство крановъ города не закрывалось и вода непрерывно лилась безъ пользы, уменьшая и безъ того слабый напоръ, вслѣдствіе чего возвышенныя и отдаленныя части города были вовсе лишены воды. Весь техническій надзоръ за городской водопроводной сѣтью и 15 верстной магистралью сосредоточивался въ лицѣ простого слесаря — турка. Неудивительно, что Галлиполійцы лѣтомъ оставались безъ воды.

Задача обезпечить городъ водой свелась прежде всего къ бдительному надзору за исправностью транспортирующихъ трубъ и крановъ. Средствами городского управленія, подъ руководствомъ и наблюденіемъ русскихъ инженеровъ была произведена очистка трубопроводовъ и резервуаровъ, никогда прежде не чистившихся и исправлены городскіе краны, чѣмъ устранена безполезная утечка около 12% воды. Затѣмъ приведена въ порядокъ вспомогательная система, дававшая увеличеніе притока воды около 30%, что дало въ общемъ 180 куб. метр. (въ сутки) или одно ведро на человѣка въ сутки.

Во время лѣтней засухи, когда уменьшился притокъ воды, кромѣ другихъ мѣръ, въ центрѣ города былъ открытъ водоразборный кранъ при заброшенномъ источникѣ солоноватой воды, годной для хозяйственныхъ нуждъ, что освободило до 20% воды для питья.

Несмотря на исключительную засуху въ этомъ году, притокъ воды, хотя и понизился до крайности, но не прекращался, какъ это случалось въ предшествовавшіе годы, когда приходилось привозить воду на лодкахъ съ мало-азіатскаго берега. Съ этой же цѣлью для корпусной хлѣбопекарни и бани было устроено 5 колодцевъ, дававшихъ въ суммѣ до 1500 ведеръ въ сутки. Въ результатѣ перечисленныхъ мѣропріятій удалось поддержать суточное количество питьевой воды, приходившейся на одного человѣка на уровнѣ не ниже 0.56 ведра (7 литровъ), что превосходитъ соотвѣтствующую минимальную норму въ 0,5 ведра (6 литровъ).

Въ лагерѣ водяной кризисъ былъ разрѣшенъ благополучно.

По «долинѣ смерти», гдѣ былъ расположенъ лагерь, протекаетъ въ высокихъ берегахъ очень извилистая мелководная горная рѣчка Бекъ-дере или Мюнибъ-бей (см. планъ лагеря). Сухая весна и знойное лѣто сильно повліяли на притокъ воды въ рѣчкѣ: 5 февраля притокъ

воды былъ 2.5 куб. метра или 200 ведеръ въ секунду, а уже 20 мая только 0,22 куб. метра или 18 ведеръ въ секунду; въ первыхъ числахъ іюля рѣчка уже не давала сплошного теченія, образовавъ лишь водоемы, гдѣ дѣйствовали небольшіе ключи.

Въ предвидѣніи пересыханія рѣчки, чтобы обезпечить лагерь водой, были произведены слѣдующія работы: очистка русла рѣчки, уничтоженіе пороговъ и укрѣпленіе береговъ. Предпринятыя развѣдки спеціалистовъ гидротехниковъ обнаружили 9 старыхъ источниковъ. Для усиленія ихъ проложены водосборныя канавы, дренажи, цементированы шахты, устроены бетонированные пріемники — резервуары; наконецъ, приступлено къ отрыванію колодцевъ. Всего отрыто и оборудовано свыше 50 колодцевъ и источниковъ.

Появились самодѣльные ручные насосы изъ подручнаго матеріала, дававшіе до 85 ведеръ въ часъ. Въ результатѣ этихъ работъ войска въ лагерѣ недостатка въ водѣ не чувствовали, имѣя въ наиболѣе сухое время до трехъ ведеръ воды на одного человѣка въ сутки, т. е. въ 4—5 разъ больше, чѣмъ въ городѣ.

ОБСЛУЖИВАНІЕ ЛАГЕРЕЙ

Строительныя работы въ лагерѣ носили нѣсколько другой характеръ, чѣмъ въ городѣ: тутъ все приходилось дѣлать вновь, такъ какъ къ прибытію войскъ долина представляла голое поле. Прежде всего приступлено подъ руководствомъ инженерныхъ ротъ къ разбивкѣ лагеря, устройству переднихъ линеекъ и установкѣ палатокъ, устройству знаменныхъ площадокъ и рытью многочисленныхъ землянокъ для размѣщенія семей. Въ предвидѣніи эпидеміи, съ началомъ холодовъ началась лихорадочная постройка полковыхъ бань и дезинфекціонныхъ камеръ во всѣхъ полкахъ и дивизіонахъ, а также устройство околодковъ, сыгравшихъ огромную роль въ ликвидаціи этихъ эпидемій. Къ сожалѣнію скудность строительныхъ матеріаловъ, отпускавшихся французскимъ командованіемъ, заставила возводить эти постройки большей частью изъ подручныхъ матеріаловъ, достававшихся съ колоссальнымъ трудомъ въ окрестностяхъ, что не могло не отразиться на солидности построекъ и значительно ограничило ихъ число: многія пришлось бросить незаконченными.

Одновременно велись непрерывныя работы по оборудованію палатокъ, бараковъ и землянокъ желѣзными, кирпичными, каменными и даже земляными печами, плетенными топчанами и въ крайне ограниченномъ количествѣ — столами и скамейками изъ подручныхъ матеріаловъ.

Съ наступленіемъ весенняго тепла приступлено къ устройству открытыхъ театровъ, гимнастическихъ городковъ, чайныхъ и т. п. Въ ожиданіи періода дождей, были приняты всѣ мѣры къ обезпеченію сообщенія

вдоль лагеря и черезъ становившуюся уже непроходимой рѣчку, для подвоза продовольствія и дровъ: вдоль всего лагеря съ обѣихъ сторонъ рѣчки было проложено двѣ грунтовыхъ дороги, общей длиной около 6 километровъ.

Наконецъ, какъ въ лагерѣ, такъ и около города выполнены антималярійныя работы, выразившіяся въ очисткѣ и регулировкѣ рѣчки и ручьевъ, спускѣ стоячихъ водъ, уничтоженіи мелкихъ зарослей, болотной травы и т. д.

МАСТЕРСКІЯ

Для выполненія работъ по ремонту инженернаго и всякаго другого имущества и инструментовъ для заготовки и починки всевозможныхъ предметовъ хозяйственнаго обихода частей и учрежденій корпуса, въ городѣ при Техническомъ полку были устроены мастерскія, возникшія почти изъ ничего; они съ самаго начала были завалены работой, по мѣрѣ возможности удовлетворяя самыя разнообразныя потребности частей корпуса.

12 января началось оборудованіе плотничной, жестяной, слесарной и кузнечной мастерскихъ. Часть инструмента была получена отъ начальника снабженій русской арміи, значительную помощь оказалъ Всероссійскій Земскій Союзъ. Первое время мастерскія работали въ значительной мѣрѣ на себя, изготовляя недостающій инструментъ, верстаки, токарный станокъ, устраивая заново зданіе кузницъ; одновременно въ городѣ производился сборъ желѣзнаго лома, консервныхъ банокъ и другихъ матеріаловъ, являвшихся почти единственнымъ источникомъ для производства издѣлій. По мѣрѣ оборудованія, мастерскія стали работать все больше и больше для частей корпуса, отдавая въ недѣлю до 500 рабочихъ часовъ.

Насколько разнообразна дѣятельность мастерскихъ видно изъ нижеслѣдующаго перечня наименованій работъ, выполненныхъ въ большихъ количествахъ: слесарные верстаки, топоры, зубила, гаечные ключи, рельсовыя накладки съ болтами, полные наборы сапожнаго, кузнечнаго, столярнаго и слесарнаго инструмента; мѣдная и жестяная церковная утварь, металлическіе вѣники, кипятильники, бочки для воды и варки пищи, кружки, фляги, формы для выпечки хлѣба, кокарды, поясныя пряжки и соединительныя части для палатокъ, какъ то: штыри, болты, тяги, крючья и проч., столярные верстаки, зубоврачебныя кресла, сундуки, планшеты для съемокъ, автомобильные кузова, престолы, аналои, около 300 намогильныхъ крестовъ изъ разобранныхъ въ окрестностяхъ старыхъ германскихъ проволочныхъ заграждений и 35 крестовъ изъ консервныхъ банокъ, 2 большихъ креста изъ рельсъ и 7 могильныхъ желѣзныхъ оградъ. Производился непрерывный ремонтъ автомобильныхъ рессоръ, шипущихъ машинъ, примусовъ, боръ-машинъ для зубо-

врачебныхъ кабинетовъ, всевозможнаго инструмента, баковъ, котелковъ, чайниковъ, посуды, котловъ и проч.

II. РАБОЧІЯ СИЛЫ.

Всѣ строительныя работы въ городѣ производились средствами Техническаго полка, состоявшаго на 65% изъ офицеровъ. Въ среднемъ Технической полкъ выставлялъ ежедневно 604 рабочихъ-спеціалистовъ (плотниковъ, каменщиковъ, печниковъ, кузнецовъ, слесарей и жестянниковъ). Въ полку ощущался острый недостатокъ въ печникахъ, между тѣмъ потребность въ нихъ, въ виду наступленія зимы, была огромная. Поэтому нѣкоторые офицеры обучались самоучкой печному дѣлу и впослѣдствіи производили собственноручно эти работы. Техническій полкъ, какъ кадръ спеціалистовъ всѣхъ категорій, съ первыхъ же дней въ Галлиполи приступилъ всѣми своими наличными силами и средствами къ работѣ по удовлетворенію квартирныхъ нуждъ госпиталей, общежитій семействъ, штабовъ и учрежденій корпуса въ Галлиполи, совершенно не имѣя возможности тратить время на устройство своихъ, разбросанныхъ по всему городу помѣщеній. Офицеры полка, не гнушаясь самыми тяжелыми (битье щебня на шоссе и т. д.) и иногда грязными работами (ремонтъ водостоковъ и даже канализаціи въ госпиталяхъ), показали, что русскій офицеръ для своего брата — офицера и солдата, готовъ на жертвы не только на полѣ брани, но и во всякой нуждѣ.

Вслѣдствіе недостатка питанія и невозможности наладить общую варку пищи за отсутствіемъ кухонь, въ первое время производительность работъ была весьма низка. Люди сильно отощали, а требованія работы, притомъ большей частью экстренныя, особенно въ лѣчебныхъ заведеніяхъ гдѣ больные не могли ждать, были велики. Тогда рѣшено было лучше требовать меньшее число часовъ интенсивной работы, чѣмъ работать непроизводительно цѣлый день: поэтому командиромъ корпуса былъ установленъ четырехъ часовой обязательный рабочій день, а все остальное время оставалось на личныя нужды и внутреннюю службу полка. Впослѣдствіи, когда варка пищи и общій порядокъ были налажены, этотъ четырехъ часовый рабочій день все-таки не увеличился, такъ какъ время потребовалось для производства спеціальныхъ и строевыхъ занятій. Въ лагерѣ всѣ работы велись войсками подъ руководствомъ и при непрерывномъ непосредственномъ участіи инженерныхъ ротъ (Корниловской, имени генерала Маркова, Дроздовской и Алексѣевской). Здѣсь недостатокъ питанія, понижая производительность работы, заставлялъ уменьшать рабочее время, увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ численность нарядовъ на работы, что крайне обременяло войска до наступленія лѣта, когда главныя работы закончились.

Полное отсутствіе перевозочныхъ средствъ составляло огромную помѣху въ выполненіи работъ, такъ какъ большая часть рабочихъ отвлекалась на переноску матеріаловъ. Весь лѣсной матеріалъ изъ складовъ, камни съ развалинъ, кирпичъ, песокъ, глина все это подносилось вручную къ мѣсту работъ. Длинныя вереницы людей, нагруженныхъ строительнымъ матеріаломъ, ежедневно тянулись по городу въ разныхъ направленіяхъ. Въ лагерь за семь верстъ матеріалы доставлялись также на рукахъ.

Почти полное отсутствіе необходимаго плотничнаго инструмента въ началѣ не позволяло развить работы съ желательной интенсивностью: работы въ разныхъ зданіяхъ велись по очереди, инструментъ переходилъ съ одной работы на другую и былъ занятъ даже по ночамъ. Наконецъ, постоянныя задержки и нерѣдко полный отказъ въ отпускѣ необходимыхъ матеріаловъ французскимъ командованіемъ не только тормозилъ всѣ работы, но и заставлялъ совершенно отказываться даже отъ самыхъ неотложныхъ работъ.

III. РАБОТА КОРПУСНОЙ ФОТОГРАФІИ.

Съ разрѣшенія командира корпуса по высадкѣ въ Галлиполи началась работа по устройству землянки — мастерской и инструментовъ для постройки фотографическаго аппарата и принадлежностей. Въ началѣ декабря было приступлено къ постройкѣ двухъ аппаратовъ и 20 февраля 1921 г. былъ уже произведенъ первый снимокъ, изготовленный магазиннымъ аппаратомъ на 6 пластинокъ размѣра 10 15 с/м. съ пріобрѣтеннымъ по случаю въ Константинополѣ на базарѣ объективомъ.

Интересно отмѣтить, что матеріаломъ для постройки аппаратовъ служили исключительно ящики и жестяныя банки изъ подъ французскихъ консервовъ, а инструментомъ—стамески изъ ломанныхъ столовыхъ ножей, паяльная трубка изъ бумаги съ оболочкой изъ подъ ружейной пули и т. п.

Въ началѣ выданная субсидія командиромъ корпуса, затѣмъ деньги, вырученныя отъ продажи фотографическихъ снимковъ и, наконецъ, помощь комитета баронессы Врангель дали возможность въ іюлѣ 1921 года перейти къ работѣ аппаратомъ Эрнемана съ объективомъ Цейса размѣра 13×18.

За періодъ времени съ 1 марта по 1 октября фотографіей было произведено 550 негативовъ и 14400 отпечатковъ съ нихъ, что составляетъ въ среднемъ около 2½ негативовъ и 70 отпечатковъ въ сутки. Около 6000 отпечатковъ представлено по командѣ въ штабъ Главнокомандующаго для распространенія въ другія государства, часть снимковъ была помѣщена въ журналѣ «Зарницы» и многіе изъ нихъ попали во французскіе и другіе иностранные журналы.

Такимъ образомъ фотографія стала на путь информаціонной работы, разсылая во всѣ концы свѣта свои отпечатки — документы о жизни 1 армейскаго корпуса въ Галлиполи.

IV. СНАБЖЕНІЕ.

ИНЖЕНЕРНОЕ ИМУЩЕСТВО И МАТЕРІАЛЫ

Первымъ шагомъ въ дѣлѣ снабженія былъ учетъ всего наличнаго инженернаго имущества частей и учрежденій, особенно техническихъ частей, прибывшихъ въ Галлиполи; учетъ этотъ выяснилъ полное отсутствіе техническаго имущества въ частяхъ, если не считать нѣсколькихъ телефонныхъ аппаратовъ.

Немедленно была выяснена первая потребность въ различнаго рода инструментахъ и матеріалахъ для снабженія корпуса и соотвѣтствующія требовательныя вѣдомости были направлены начальнику снабженій русской арміи въ Константинополь и заявлены мѣстному французскому командованію.

Въ ожиданіи первой получки имущества былъ немедленно организованъ сборъ подручныхъ матеріаловъ спеціальными командами отъ Техническаго полка въ предѣлахъ города и его окрестностей. Всякій желѣзный ломъ, брошенныя нѣмцами проволочныя загражденія, негодныя повозки, кухни, остовъ большого прожектора и тому подобный хламъ, наконецъ кирпичъ и камень изъ многочисленныхъ развалинъ — вотъ что собиралось по городу, сосредоточивалось въ складѣ и явилось первыми матеріалами для удовлетворенія насущныхъ нуждъ корпуса. Съ первыхъ же дней было обращено особенное вниманіе на сборъ большихъ и малыхъ консервныхъ банокъ, отбросовъ жизни корпуса, явившихся отличнымъ матеріаломъ для мелкихъ жестяныхъ работъ и подѣлокъ; тогда же были приняты всевозможныя мѣры для добыванія консервныхъ ящиковъ, являвшихся первое время единственнымъ лѣснымъ матеріаломъ. Большую роль сыграла также морская трава, собиравшаяся въ изобиліи на берегу моря, высушивавшаяся и служившая для отепленія полуразрушенныхъ зданій.

Въ первые же дни удалось получить отъ французскаго командованія немного стараго шанцеваго инструмента, нѣсколько турецкихъ топоровъ и пилъ, серповъ и сѣкачей; черезъ двѣ недѣли — небольшое количество досокъ и брусковъ. Затѣмъ, съ развитіемъ работъ по устройству и оборудованію помѣщеній, вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ, французами было отпущено еще немного матеріаловъ и инструмента. Дальнѣйшій отпускъ былъ прекращенъ за отсутствіемъ кредитовъ и соотвѣтствующихъ указаній изъ штаба оккупаціоннаго корпуса въ Константинополѣ. Положеніе становилось критическимъ въ виду приближенія зимнихъ

холодовъ. Только въ декабрѣ, наконецъ, корпусъ началъ снабжаться изъ французскихъ складовъ: немного инструмента, кровельное желѣзо, гвозди, проволока, лѣсные матеріалы, цементъ и проч. матеріалы, наконецъ, свѣчи, спички и керосинъ стали получаться болѣе или менѣе систематически, хотя въ количествѣ далеко не удовлетворявшемъ самой крайней нуждѣ.

Требовалось составленіе еженедѣльныхъ программъ работъ, съ подробнѣйшимъ расчетомъ необходимыхъ матеріаловъ, расчеты провѣрялись на мѣстѣ, неоднократно возвращались для сокращенія и въ результатѣ выдавалось только около 10% требующихся матеріаловъ. Тогда же удалось добиться полученія небольшого имущества связи: нѣсколько телефонныхъ аппаратовъ, элементы, гладкая проволока и кабель, что дало возможность установить телефонную связь съ лагеремъ.

Вскорѣ французское командованіе оффиціально извѣстило, что въ первую очередь оно можетъ удовлетворить потребности лишь санитарныхъ учрежденій, затѣмъ общежитій семействъ и въ послѣднюю очередь (другими словами никогда) войсковыя части и военныя училища. Зданія, занимавшіяся послѣдними, были большею частью въ полуразрушенномъ состояніи и приходилось всякими правдами и неправдами добывать матеріалы, хотя-бы подручные, для самаго примитивнаго ихъ оборудованія и приведенія въ порядокъ.

Наибольшій отпускъ освѣтительныхъ припасовъ а равно горючаго для автомобилей, приходится на январь, февраль и мартъ. По требованіямъ, представленнымъ начальнику снабженій русской арміи былъ полученъ инструментъ для первоначальнаго оборудованія мастерскихъ, немного радіо-телеграфнаго, телеграфнаго и телефоннаго имущества, матеріалъ для изготовленія кипятильниковъ, трубъ и плитъ, а также немного стекла.

Большую помощь въ дѣлѣ устройства семей оказалъ Главнокомандующій, прислявшій послѣ своего пріѣзда — 2000 лиръ на оборудованіе общежитій: немедленно были закуплены матеріалы для ремонта зданій, устройства уборныхъ, прашечныхъ и кухонь, а также для изготовленія топчановъ и мебели, куплены топоры, пилы, утюги и т. п.

Съ началомъ марта, когда главнѣйшія работы были болѣе или менѣе окончены, французское командованіе вновь значительно сократило отпускъ матеріаловъ, объявивъ, что оно будетъ отпускать ихъ лишь на лѣчебныя заведенія и при томъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Въ дальнѣйшемъ и эти потребности остались безъ удовлетворенія.

Съ іюля совершенно прекращенъ былъ отпускъ освѣтительныхъ припасовъ. Въ августѣ прекратилась выдача горючаго для автомобилей и отпускъ какихъ бы то ни было строительныхъ матеріаловъ, за исключеніемъ небольшого количества досокъ для гробовъ, каковой отпускъ, впрочемъ, съ середины сентября также прекратился. Постепенное сокращеніе и урѣзываніе до крайности всѣхъ потребностей поставило

снабженіе въ чрезвычайно затруднительное положеніе, такъ какъ другихъ источниковъ прихода не было, ибо на всѣ дальнѣйшія требованія, направленныя къ начальнику снабженій Русской Арміи, въ іюнѣ былъ полученъ категорическій отказъ ввиду отсутствія средствъ. Пришлось расходовать незначительный неприкосновенный запасъ, предусмотрительно скопленный въ то время, когда отпускъ производился французскимъ командованіемъ болѣе широко. Это, главнымъ образомъ, касалось французскихъ освѣтительныхъ матеріаловъ и горючаго для автомобилей, полученнаго въ мартѣ отъ начальника снабженій.

Что касается строительныхъ матеріаловъ, то запасъ ихъ на складѣ былъ ничтоженъ и онъ быстро пришелъ къ концу. Вслѣдствіе этого пришлось затрачивать денежныя средства, которыя лишь въ весьма скромныхъ размѣрахъ могъ отпускать командиръ корпуса на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей.

АВТОМОБИЛЬНОЕ СНАБЖЕНІЕ.

Вмѣстѣ съ частями корпуса были доставлены изъ Крыма всего 20 автомобилей (6 легковыхъ и 14 грузовыхъ), изъ нихъ одна машина передана въ кавалерійскую дивизію, три оставлены въ 1-й пѣхотной дивизіи. Всѣ остальныя машины были переданы въ Техническій полкъ въ автомобильную роту, которой было поручено обслуживаніе всѣхъ нуждъ штабовъ, частей и учрежденій корпуса, главнымъ образомъ, лѣчебныхъ заведеній. По выясненіи состоянія машинъ были посланы требованія начальнику снабженій Русской Арміи и въ началѣ января, а затѣмъ въ мартѣ, была получена весьма небольшая часть просимаго, что дало, однако, возможность имѣть нѣкоторое число автомобилей на ходу.

Было приступлено къ организаціи при авторотѣ ремонтной мастерской, а впослѣдствіи вулканизаціонной при Всероссійскомъ Земскомъ Союзѣ. Въ февралѣ отъ французскаго командованія было получено: три переднихъ рессоры и 12 лопатокъ для снятія покрышекъ. Въ дальнѣйшемъ никакихъ предметовъ автоимущества болѣе не отпускалось.

Между тѣмъ, потребность въ движеніи почти не уменьшалась, а машины требовали все большаго ремонта, самоотверженно выполнявшагося чинами авто-роты буквально голыми руками. Только благодаря узкоколейкѣ острота вопроса съ перевозкой больныхъ изъ лагеря въ городъ нѣсколько смягчалась, ибо часть вагонетокъ была приспособлена для перевозки больныхъ.

Снабженіе горючимъ и смазочнымъ матеріалами для автомобилей производилось, главнымъ образомъ, отъ французскаго командованія. Затѣмъ было получено небольшое количество бензина отъ начальника снабженій, образовавшее неприкосновенный оперативный запасъ. Боль-

ную помощь оказалъ представитель Всероссійскаго Земскаго Союза регулярной выдачей бензина для разъѣздовъ высшаго командnаго состава, когда французы совершенно прекратили отпускъ горючаго.

Особый недостатокъ чувствовался въ смазкѣ, такъ какъ ея было получено всего около 640 килограммовъ, что на 8700 килограммовъ израсходованнаго горючаго составляетъ около 7%, тогда, какъ техническая норма должна быть не менѣе 10%, что, конечно, сказалось на состояніи машинъ.

ПАЛАТОЧНОЕ ДѢЛО.

Большая часть прибывшихъ въ Галлиполи русскихъ войскъ была размѣщена въ лагерѣ въ палаткахъ, для чего французское командованіе доставило около 600 палатокъ восьми типовъ, общей вмѣстимостью около 18000 человѣкъ. Въ началѣ, французы сами вѣдали распредѣленіемъ и выдачей этихъ палатокъ. Къ сожалѣнію, то и другое носило совершенно хаотическій характеръ. Французскій складъ палатокъ представлялъ собою груду безпорядочно наваленнаго на пристани имущества: полотнища въ мѣшкахъ (и безъ нихъ), перемѣшанныя съ разрозненными комплектами деревянныхъ частей, нерѣдко поломанныхъ въ куски, ящики съ болтами и другими металлическими скрѣпленіями, большей частью разбитые и разсыпанные и т. д.

Изъ этой кучи спѣшно наваливалось имущество на французскія двуколки и доставлялось въ лагерь для частей корпуса, причемъ лѣнивые сенегальцы, не имѣя надъ собой соотвѣтствующаго надзора, сбрасывали имущество, никому не сдавая, вдоль шоссе, не доѣзжая даже до лагеря; долгое время можно было видѣть кучи имущества по обѣимъ сторонамъ шоссе, на протяженіи около двухъ верстъ. Немудрено, что въ результатѣ много имущества пропало, а уцѣлѣвшее оказалось въ разрозненномъ видѣ и не цѣлыми комплектами, что крайне затрудняло установку палатокъ. Вслѣдствіе недостатка транспортныхъ средствъ, имущество доставлялось крайне медленно, почему части, проводившія ночи подъ открытымъ небомъ, сами посылали людей за палатками въ городъ, чтобы перенести ихъ на рукахъ: и въ этомъ случаѣ имущество выдавалось французами въ разрозненномъ видѣ безъ всякихъ расписокъ изъ той же кучи.

Несмотря на протесты французовъ, пришлось вмѣшаться въ это дѣло русскому командованію, дабы скорѣе обезпечить войска укрытіемъ отъ непогоды и вѣтра. Сначала на инженерную имени генерала Маркова роту, а затѣмъ на Техническій полкъ была возложена задача разборки и сортировки той кучи имущества, которой являлся французскій складъ, о форменномъ пріемѣ котораго говорить не приходилось: въ лагерѣ было приказано организовать складъ, собрать все разбросанное

вдоль шоссе имущество и приступить къ сортировкѣ и ремонту. Одновременно командиромъ корпуса было приказано всѣмъ частямъ войскъ сдать разрозненныя и поломанныя части палатокъ въ складъ. Для ремонта палатокъ, столь необходимыхъ для частей войскъ, остававшихся въ городѣ, на открытомъ воздухѣ, среди развалинъ, была организована въ лагерѣ спеціальная мастерская. Затѣмъ завѣдываніе палаточнымъ имуществомъ и распредѣленіе палатокъ было возложено на корпуснаго инженера, которымъ былъ организованъ точный учетъ палаточнаго имущества въ частяхъ и учрежденіяхъ корпуса, для чего была назначена спеціальная комиссія. Указанная палаточная мастерская просуществовала до конца пребыванія корпуса въ Галлиполи. Сначала было спѣшно приведено въ порядокъ разрозненное имущество, затѣмъ, лѣтомъ былъ произведенъ мелкій ремонтъ занятыхъ войсками палатокъ, часто повреждавшихся сильнымъ вѣтромъ, подъ конецъ, осенью — капитальный ремонтъ палатокъ, частью пришедшихъ въ совершенную негодность за годъ нахожденія подъ дождями и вѣтромъ. Производившійся въ теченіе лѣта ремонтъ касался только деревянныхъ частей, — къ осени же начали разлѣзаться полотнища, истлѣвшія до того, что мѣстами толстый брезентъ можно было протыкать пальцемъ. Для ремонта полотнищъ требовалась парусина, которой не было въ распоряженіи французовъ, а предложеніе корпуснаго инженера обратить на это палатки, которыя уже не поддаются ремонту — потребовало полуторамѣсячной переписки съ Константинополемъ; переписка эта имѣла благопріятный отвѣтъ только въ виду заявленія корпуснаго инженера о томъ, что дальнѣйшая проволочка грозитъ окончательнымъ разрушеніемъ всѣхъ палатокъ, разрывавшихся буквально на клочки наступившими осенними вѣтрами.

V. АРТИЛЛЕРІЙСКАЯ ЧАСТЬ

Одной изъ первыхъ заботъ по прибытіи въ Галлиполи для корпуса была необходимость привести въ порядокъ привезенное съ собою оружіе. Когда на константинопольскомъ рейдѣ французы потребовали сдачи оружія, многіе бросали его куда попало, другіе, не желая его сдавать, прятали въ сточные желоба, трюмы и уголь. Приказъ генерала Кутепова о сформированіи вооруженныхъ баталіоновъ при каждомъ полку и о сдачѣ имъ на храненіе оружія разрѣшилъ вопросъ и, благодаря этому, корпусъ прибылъ въ Галлиполи съ тѣмъ оружіемъ, которое ему удалось провезти черезъ проливы.

Но въ какомъ видѣ оно было!

Нѣкоторые транспорты простояли на константинопольскомъ рейдѣ до трехъ недѣль и все это время оружіе пролежало въ грязи и сырости.

Не говоря о томъ, что у многихъ винтовокъ не хватало не только нѣкоторыхъ запасныхъ частей, но даже и замковъ, самые стволы ихъ были въ ужасномъ состояніи. Всѣ они покрылись сильнѣйшей ржавчиной и для спасенія оружія необходимо было принять самыя энергичныя мѣры.

Эта задача была возложена на артиллерійскій складъ 1 армейскаго корпуса и мастерскую при немъ, сформированные немедленно по высадкѣ на берегъ.

Единственный складъ, эвакуировавшійся почти полностью, былъ артиллерійскій складъ 2 армейскаго корпуса, прибывшій въ Галлиполи 21 ноября 1920 года на пароходѣ «Саратовъ». Всѣ, прибывавшіе впослѣдствіи, чины другихъ складовъ и транспортовъ прикомандировывались къ сформированному складу и послѣ различныхъ перемѣщеній личный составъ склада составлялъ 75 человѣкъ, въ томъ числѣ 44 офицера и 31 солдатъ.

Немедленно по сформированіи, складъ началъ приведеніе въ извѣстность всего привезеннаго оружія.

Артиллерійскій складъ и мастерская, легшіе въ основу вновь сформированнаго склада, прибыли въ Галлиполи не имѣя никакого имущества не только казеннаго, но даже и личнаго, такъ какъ поѣздъ, въ которомъ они слѣдовали при отходѣ изъ Крыма, былъ разбитъ шедшимъ сзади бронепоѣздомъ. Въ условіяхъ отхода, конечно, нечего было и думать о вывозѣ какого нибудь имущества.

Первой задачей вновь сформированнаго склада было оборудованіе мастерской. Инструментовъ не было рѣшительно никакихъ. Незначительная денежная помощь со стороны русск. общественныхъ организацій и столь же незначительныя средства, отпущенныя инспекторомъ артиллеріи корпуса, дали возможность пріобрѣсти первые, наиболѣе необходимые, инструменты и мастерская прежде всего занялась изготовленіемъ другихъ столь же необходимыхъ инструментовъ. Бывшіе въ составѣ склада артиллерійскіе техники и спеціалисты-слесаря наладили эту работу и сумѣли сдѣлать всѣ необходимые инструменты. Матеріаломъ для нихъ являлись подобранныя въ Галлиполи металлическія части брошенныхъ германскихъ повозокъ и старыхъ турецкихъ кухонь. Такъ, напримѣръ, полотна пилъ изготовлялись изъ стали старой германской повозки, а зубья нарѣзывались простымъ напильникомъ. Латунь и мѣдь добывались со старыхъ разбитыхъ греческихъ и французскихъ аэропланов. Прибывшій корпусъ на берегу засталъ складъ снарядовъ нѣмецкихъ 15-ти сантиметровыхъ пушекъ, около 600 штукъ. Съ разрѣшенія французскаго коменданта, эти снаряды были разряжены чинами склада и мастерской и изъ нихъ добыты красная и желтая мѣдь, латунь и свинецъ.

Работы по оборудованію мастерской закончились 25 декабря, когда, наконецъ, удалось приступить къ работѣ. Прежде всего, принялись за приведеніе въ порядокъ винтовокъ и пулеметовъ. Первоначально ихъ необходимо было очистить отъ ржавчины, что при неимѣніи керосина производилось самымъ примитивнымъ образомъ. Когда же появился въ распоряженіи мастерской керосинъ, части оружія долго вымачивались въ керосинѣ, прежде чѣмъ можно было приступить къ ихъ исправленію. Работа велась столь интенсивно и потребность въ рабочихъ рукахъ была такъ велика, что не только всѣ чины мастерской, но и всѣ чины склада, какъ солдаты, такъ и всѣ оберъ-офицеры ежедневно ходили на работу. Въ наиболѣе трудное время приглашались рабочіе отъ частей и изъ рабочихъ ротъ числомъ до 40. Въ первыя двѣ недѣли, т. е. съ 25 декабря 1920 года по 8 января 1921 года, черезъ мастерскую уже прошло 182 винтовки и одинъ пулеметъ.

Въ дальнѣйшемъ пропускная способность мастерской выражается въ слѣдующихъ цифрахъ.

За недѣлю	Винтовокъ	Пулеметовъ
Съ 8 января по 15 января	101	1
„ 15 „ „ 22 „	176	1
„ 22 „ „ 29 „	128	10
„ 29 „ „ 5 февраля	306	17
„ 5 февраля „ 12 „	293	13
„ 12 „ „ 19 „	164	11
„ 19 „ „ 26 „	104	13
„ 26 „ „ 5 марта	136	„
„ 5 марта „ 12 „	179	16
„ 12 „ „ 19 „	217	18
„ 19 „ „ 26 „	138	6
„ 26 „ „ 2 апрѣля	132	6

Такимъ образомъ, средняя пропускная способность мастерской выражается въ цифрахъ 173 винтовки и 9—10 пулеметовъ въ недѣлю при предѣльныхъ цифрахъ 306 винтовокъ, 18 пулеметовъ и 101 винтовка, 1 пулеметъ. Ко 2-му апрѣля работа по приведенію нуждавшагося въ ремонтѣ оружія въ порядокъ была закончена. Послѣ этого въ мастерскую стало поступать оружіе мелкими партіями для мелкой починки и пригонки.

Кромѣ винтовокъ и пулеметовъ, приводилось въ порядокъ и другое оружіе, револьверы всѣхъ системъ и шашки.

Особенно кропотлива была работа съ шашками. Обычно, приносили для починки клинки безъ эфесовъ, или шашки безъ ноженъ, или, на-

конецъ, ножны въ такомъ видѣ что ихъ приходилось дѣлать почти заново. Первое время кольца на ножны дѣлались даже не мѣдныя, такъ какъ мѣди не было, а желѣзныя или даже свинцовыя. Работа требовала сноровки и большой кропотливости, тѣмъ болѣе, что нужныхъ матеріаловъ почти совсѣмъ не было и, когда кавалерія уѣзжала въ Сербію, еще не всѣ шашки были починены и многія изъ нихъ были возвращены не приведенными въ полный порядокъ.

Много умѣнья и знанія требовали и револьверы, самыя различныя системы которыхъ попадали въ мастерскую въ очень скверномъ состояніи.

Въ связи съ общимъ стремленіемъ возстановить здѣсь уголокъ Россіи было желаніе и вооружить корпусъ согласно традиціямъ — винтовками съ русскими штыками. Всѣ же привезенныя винтовки были безъ штыковъ, кромѣ небольшого количества послѣднихъ, которые пригонялись къ имѣвшимся винтовкамъ. Благодаря этому удалось вооружить нѣсколько ротъ и одно изъ училищъ русскими винтовками со штыками. Попытки изготовлять штыки въ мастерской артиллерійскаго склада, несмотря на наличіе опытныхъ мастеровъ, увѣнчаться успѣхомъ не могли, такъ какъ совсѣмъ не было необходимаго матеріала.

Когда закончено было приведеніе привезеннаго оружія въ порядокъ, мастерская начала изготовленіе запасныхъ частей для винтовокъ и пулеметовъ. Работа оказалась чрезвычайно трудной и подвигалась очень медленно. Происходило это изъ за того, что станковъ въ мастерской не было и приходилось все опиливать ручной пилой. Вслѣдствіе этого на простую втулку, выточка которой на станкѣ отняла бы не болѣе часа времени, приходилось тратить до двухъ дней. Несовершенство инструментовъ, изготовленныхъ изъ случайнаго матеріала, также сказывалось — пилы тупились, зубья выламывались, инструменты портились и ихъ приходилось изготовлять вновь. Несмотря на всѣ хлопоты о пріобрѣтеніи станковъ, ихъ такъ и не удалось пріобрѣсти до самаго отъѣзда изъ Галлиполи. За все время дѣятельности мастерской было изготовлено: запасныхъ частей для винтовокъ до 150 комплектовъ: запасныхъ частей для пулеметовъ до 120 комплектовъ.

Кромѣ приведенія оружія въ порядокъ, мастерская производила и другія работы. Такъ, между прочимъ, въ мастерскую случайно попалъ на короткое время французскій альбомъ, въ которомъ оказались, среди другихъ, чертежи пулеметнаго станка на аэропланахъ, принятаго во французской арміи. Съ этихъ чертежей немедленно были сняты кальки и въ мастерской былъ изготовленъ такой же станокъ, только приспособленный для стрѣльбы изъ пулеметовъ по аэропланамъ. Изъ другихъ работъ слѣдуетъ указать на изготовленіе до 18000 солдатскихъ кокардъ, что дало возможность всѣмъ солдатамъ надѣть кокарды взамѣнъ нарисованныхъ на фуражкахъ чернильнымъ карандашемъ.

Необходимо отмѣтить, что всѣ чины склада и мастерской, несмотря на постоянную довольно тяжелую работу, получали тотъ же французскій паекъ что и всѣ чины корпуса. Для улучшенія матеріальнаго положенія чиновъ склада и мастерской имъ разрѣшено было принимать частные заказы. Первое время, пока шли работы по оборудованію мастерской и приведенію оружія въ порядокъ, имъ разрѣшалось исполнять такіе заказы только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, все же остальное время посвящалось казенной работѣ. Съ августа же мѣсяца, когда казенной работы было сравнительно немного, разрѣшалось работать по частнымъ заказамъ послѣ обѣда, употребляя дообѣденное время исключительно на казенныя работы. Опредѣленный процентъ съ доходовъ за частную работу отчислялся на улучшеніе котла, что дало возможность нѣсколько улучшить и разнообразить пищу. Для удовлетворенія частныхъ заказчиковъ въ мастерской изготовлялись — жестяные самовары, чайники, кружки, мангалы и др. Производилась и болѣе тонкая работа — въ послѣднее время изготовлялись Галлиполійскіе нагрудные знаки.

ПОСТАНОВКА СТРОЕВОГО ДѢЛА

Начиная съ момента объявленія міровой войны, нормальная подготовка войсковыхъ частей, офицерскаго и солдатскаго состава арміи прекратилась.

Великая европейская война требовала напряженія, что привело къ ускореннымъ и сокращеннымъ выпускамъ изъ военныхъ училищъ и къ самой краткой подготовкѣ вновь мобилизуемыхъ массъ. Это сильно понизило качество русской арміи и приводило къ большимъ потерямъ въ живой силѣ [1]).

Гражданская война не исправила, а еще болѣе усугубила положеніе. Благодаря особымъ условіямъ ея веденіи, наряду съ неизмѣнной доблестью и храбростью, проявлявшейся арміей, обычно игнорировались не только уставы, но и богатый опытъ, положенный въ ихъ основу; практиковалось пренебреженіе къ правильному управленію войсками, организаціи связи, развѣдки и охраненія; рѣшенія принимались во время боя, такъ какъ планы и предположенія заблаговременно не составлялись, наконецъ офицерскій составъ все время убывалъ, пополненія его изъ училищъ не было и боевыя отличія являлись единственнымъ стажемъ для назначенія на командныя должности.

Всѣ эти обстоятельства привели прежде всего къ пониженію уровня военнаго образованія офицеровъ и создали особую пестроту въ офицерскомъ кадрѣ арміи, прибывшей въ Галлиполи. Помѣщенная ниже таблица № 1 дастъ представленіе объ офицерскомъ составѣ по военному образованію и чинамъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ 1 армейскаго корпуса.

---

*) Генералъ Людендорфъ въ своихъ воспоминаніяхъ объясняетъ меньшія потери германской арміи по сравненію съ союзниками исключительно превосходствомъ обученія нѣмецкихъ войскъ.

ТАБЛИЦА № 1.

	Военныхъ училищъ		Школъ прапорщик.	Произвед. за боевыя отличія	Прапорщик. запаса	Всего
	Норм. выпуск.	Ускорен. выпуск.				
Полковниковъ. . . .	17	—	—	—	—	17
Подполковниковъ . .	4	4	1	—	1	10
Капитановъ	12	40	38	—	3	93
Шт. Капитановъ . .	1	41	46	9	3	100
Поручиковъ	1	30	50	8	1	90
Подпоручиковъ . . .	1	39	114	20	6	230
Всего . . .	36	204	249	37	14	540

Солдатскій составъ корпуса измѣнился къ худшему въ смыслѣ пониженія уровня знаній военнаго дѣла. Старые бойцы выбывали изъ строя, молодежь не могла быть достаточно подготовлена, такъ какъ не рѣдко, прямо отъ домашняго очага, или со школьной скамьи попадала въ бой.

Эвакуація Крыма, пріѣздъ въ Галлиполи и временный вынужденный отказъ отъ активной борьбы, позволилъ бросить взглядъ на прошлое и прійти къ нѣкоторымъ выводамъ и рѣшеніямъ.

Идея сохраненія арміи привела къ мысли о необходимости научить эту армію военному дѣлу. Это было первой задачей корпуса. А окрѣпшее чувство увѣренности въ себѣ подсказало, что корпусъ долженъ въ дальнѣйшей борьбѣ надѣяться только на себя. Подготовка всего состава корпуса какъ инструкторскаго ядра—вотъ вторая и не менѣе важная задача.

Для того, чтобы выполнить эти заданія нужно было сдѣлать изъ каждаго солдата и офицера дисциплинированнаго знающаго бойца, а воинскія части обучить кромѣ того всѣмъ новѣйшимъ пріемамъ боя, на основаніи опыта послѣднихъ войнъ.

Обученіе во всѣхъ частяхъ началось послѣдовательно, такъ какъ пробѣлы и недочеты были у всѣхъ и во всемъ.

Условія обстановки, въ которой очутился корпусъ, не могли ни въ малѣйшей мѣрѣ способствовать правильному веденію занятій. При эвакуаціи войскъ бросили почти все имущество частей, склады вооруженія, снабженія и обмундированія и въ Галлиполи не имѣли даже достаточнаго количества оружія. Пѣхота вывезла винтовки и часть пулеметовъ, а кавалерія оказалась прежде всего безъ лошадей, артиллерія безъ орудій, вспомогательныхъ приборовъ и лошадей, техническія части безъ машинъ, аппаратовъ и инструментовъ.

Ноябрь, декабрь и январь прошли, главнымъ образомъ, въ тяжелой и необходимой работѣ по устройству и размѣщенію корпуса.

21 января 1921 года появился приказъ по 1 пѣхотной дивизіи, который предписывалъ всѣмъ частямъ приступить къ занятіямъ. Изъ за работъ и нарядовъ приходилось вести обученіе урывками и частично, нарушая иногда намѣченныя программы.

Воинскій видъ, дисциплинированная выправка и хотя бы нѣкоторая привычка къ строю, вотъ главные пункты обученія этого періода; это подготовка къ возможности устроить первый общій парадъ, на которомъ войска увидѣли бы себя корпусомъ, а не бѣженской массой.

Въ началѣ проходились лишь главнѣйшія основы воинскихъ уставовъ: усвоенію подлежало лишь самое необходимое для несенія нарядовъ гарнизонной и внутренней службы.

ЗАНЯТІЯ СЪ ПУЛЕМЕТЧИКАМИ

Къ началу весны, т. е. къ апрѣлю мѣсяцу 1921 года жизнь корпуса болѣе или менѣе устроилась и занятія частей приняли болѣе регулярный характеръ.

Уставы начали изучать съ большой тщательностью, несеніе гарнизонной службы и внутреннихъ нарядовъ проходилось полностью, въ строевомъ уставѣ перешли къ дальнѣйшимъ болѣе сложнымъ элементамъ обученія. Уставъ строевой службы сталъ примѣняться не только для желанія добиться нѣкоторой воинской выправки, но и по существу.

Пѣхотныя части перешли отъ обученія ружейнымъ пріемамъ и одиночной выучки къ ротнымъ и баталіоннымъ ученіямъ, необходимымъ для выхода въ поле.

Обученіе строевому дѣлу кавалерійскихъ полковъ шло въ значительно худшихъ условіяхъ такъ какъ отсутствіе лошадей не давало ника-

кой возможности научить солдата ѣздѣ, сѣдловкѣ и уходу за лошадью. Шашекъ было тоже недостаточно, а обученіе съ пиками почти совершенно не производилось.

Большое вниманіе обращалось здѣсь на службу развѣдки и на рубку.

Артиллерія была поставлена въ еще болѣе тяжелыя условія. Полное отсутствіе орудій и приборовъ привело къ тому, что, какъ въ пѣшей, такъ и конной артиллеріи для ученія при орудіяхъ были построены деревянныя орудія и деревянные же угломѣры.

Для батарейнаго ученія не было ни орудій, ни лошадей, ни амуниціи, ни уставовъ и этотъ отдѣлъ можно считать непройденнымъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРИ ОРУДІЯХЪ

Опытъ гражданской войны показалъ важность обученія артиллеристовъ пѣхотному дѣлу и поэтому въ батареяхъ проходили пѣхотный строевой уставъ.

Обученіе разнаго рода спеціальныхъ частей (инженерныхъ, автомобильныхъ и т. д.) встрѣтило препятствіе въ видѣ полнаго отсутствія необходимыхъ инструментовъ, аппаратовъ и должно было ограничиться обще-армейскими заданіями, выполненію которыхъ мѣшали условія и требованія Галлиполійской жизни. Однако, желаніе учиться было такъ велико, что старались использовать всѣ возможности. Мотористы, напримѣръ, брошенный въ море французами моторъ разобрали, починили и вычистили его. Благодаря этому мотору и привезеннымъ автомобилямъ, нѣкоторые чины автомобильной роты смогли выдержать экзамены по мотору.

Для всей массы корпуса теоретическая подготовка закончилась къ іюню мѣсяцу. Приказъ по корпусу за № 368 отъ 8 іюня по этому поводу говоритъ: «въ виду окончанія ротныхъ и эскадронныхъ ученій, приказываю начальникамъ 1-й пѣхотной и 1-й конной дивизій лично произвести смотры ротныхъ и эскадронныхъ ученій — не менѣе, чѣмъ по одной ротѣ въ батальонѣ, въ конныхъ полкахъ—не менѣе чѣмъ по два эскадрона. Особенное вниманіе приказываю обратить на знаніе уставовъ. Назначаемые на смотръ роты и эскадроны выводить обязательно съ оружіемъ. Инспектору артиллеріи произвести соотвѣтствующіе смотры въ частяхъ артиллеріи корпуса».

Одновременно съ обученіемъ всѣхъ солдатъ корпуса шла подготовка и командналго состава арміи въ учебныхъ командахъ, военныхъ училищахъ, на офицерскихъ занятіяхъ и въ разнаго рода штабъ и оберъ-офицерскихъ курсахъ и школахъ.

Учебныя команды при пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полкахъ и при артиллеріи корпуса должны были дать болѣе широкую и тщательную подготовку солдатамъ, предназначеннымъ къ командамъ должностямъ. А такъ какъ на каждаго солдата корпуса смотрѣли, какъ на унтеръ-офицера, то стремились пропустить весь составъ частей черезъ такія команды.

Занятія въ учебныхъ командахъ пѣхотныхъ полковъ велись по слѣдующей программѣ: 1) одиночное обученіе, 2) ротное строевое ученіе, 3) стрѣлковая подготовка, 4) тактическое полевое ученіе, 5) сторожевая служба. Въ кавалерійскихъ учебныхъ командахъ: 1) инструкторскій отдѣлъ, 2) стрѣлковая подготовка, 3) рубка.

Артиллерійская учебная команда была организована вначалѣ при артиллерійской школѣ, куда было командировано по 24 человѣка отъ каждаго дивизіона, а затѣмъ, послѣ перваго выпуска, были собраны команды при артиллерійской бригадѣ и при конно-артиллерійскомъ дивизіонѣ.

Наконецъ, такія же команды были сформированы и при техническихъ частяхъ: для телеграфистовъ, телефонистовъ, мотористовъ, автомобилистовъ, радіотелеграфистовъ и т. д.

Во всѣхъ учебныхъ командахъ корпуса обучалось до 3,000 человѣкъ.

Командиръ корпуса послѣ смотровъ учебнымъ командамъ, произведенныхъ въ пѣхотной дивизіи 21 и 22 іюня, а въ кавалерійской 27 и 28 іюня нашелъ, что команды «въ общемъ представились хорошо» и что «къ дѣлу обученія и воспитанія нашихъ кадровъ отнеслись съ полнымъ вниманіемъ и внести въ это дѣло много труда и знанія» (приказы по корпусу за №№ 417и434). Учебныя команды артиллеріи и инженерныхъ войскъ по необходимости были обучены, главнымъ образомъ, теоретически.

Офицерскій составъ частью подготовлялся въ видѣ новыхъ кадровъ въ военныхъ училищахъ, частью же занимался дополнительнымъ и повторнымъ обученіемъ въ частяхъ въ открываемыхъ для этого школахъ и курсахъ.

На повторительныхъ курсахъ въ командахъ и школахъ младшіе офицеры пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и инженерныхъ войскъ заполняли свои пробѣлы, главнымъ образомъ, въ теоретической подготовкѣ. Въ перемѣнный составъ такихъ курсовъ вошли всѣ офицеры, окончившіе ускоренные курсы училищъ и школы прапорщиковъ. Въ кавалерійскихъ полкахъ и артиллерійскихъ дивизіонахъ было проведено по

СМОТРЪ УЧЕБНОЙ КОМАНДЫ

одному выпуску въ 75—80 человѣкъ, въ пѣхотныхъ же полкахъ по два. Примѣрная программа пѣхотныхъ курсовъ была слѣдующая: 1) строевой пѣхотный уставъ; 2) уставъ полевой службы; 3) наставленіе по обученію стрѣльбѣ; 4) уставъ внутренней службы; 5) уставъ дисциплинарный; 6) свѣдѣнія о военно-уголовныхъ законахъ; 7) уставъ гарнизонной службы; 8) топографія; 9) наставленіе по войсковому инженерному дѣлу; 10) наставленіе для обученія войскъ гимнастикѣ; 11) администрація; 12) военная исторія; 13) тактика; 14) военная игра, доклады, лекціи на темы военно воспитательнаго характера и т. д.

По окончаніи назначались испытанія, которыя производились экзаменаціонной комиссіей, состоявшей изъ строевыхъ офицеровъ и офицеровъ генеральнаго штаба.

Для повышенія уровня знаній штабъ-офицерской группы команднаго

состава существовала Офицерская артиллерійская школа и Штабъ-офицерскіе стрѣлковые курсы.

Артиллерійская офицерская школа вела главнымъ образомъ теоретическое обученіе.

Штабъ-офицерскіе стрѣлковые курсы первой пѣхотной дивизіи открылись при Марковскомъ пѣхотномъ полку. На курсахъ обучалось до 115 человѣкъ по особой программѣ, утвержденной командиромъ корпуса.

Кромѣ теоретическаго обученія ясно сознавалась необходимость практической провѣрки пріобрѣтенныхъ знаній.

Уже 13 мая 1921 года въ приказѣ за № 287 командиръ корпуса находилъ, что въ представленныхъ дивизіями расписаніяхъ занятій «мало тактическихъ занятій въ полѣ съ рѣшеніемъ задачъ на мѣстѣ», что «нѣтъ совсѣмъ батальонныхъ и полковыхъ (въ пѣхотѣ) строевыхъ и тактическихъ занятій», что «отсутствуетъ военная игра» и что «отсутствуютъ какъ односторонніе, такъ и двухсторонніе маневры». Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы использовать опытъ міровой войны для будущихъ способовъ веденія боя и, слѣдовательно, примѣнить его при широкихъ учебныхъ тактическихъ занятіяхъ въ полѣ, въ штабѣ корпуса былъ переведенъ рядъ военно-научныхъ трудовъ, появившихся въ иностранной литературѣ за послѣдніе годы. Таковы: Балкъ — «Развитіе тактики въ міровой войнѣ» и «Военная игра и учебныя поѣздки», Пфейферъ — «Взглядъ на боевую подготовку пѣхоты для атаки», германскихъ офицеровъ генеральнаго штаба — «Критика міровой войны», Вилльямсъ-Эйлисъ — «Танковый корпусъ», Лорингоффенъ — «Управленіе войсками въ міровой войнѣ» и т. д.

Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ имѣютъ особо важное значеніе и поэтому, напримѣръ, книгу Пфейфера разбирали и изучали въ присутствіи командира корпуса всѣ войсковые начальники.

Тактическія ученія въ полѣ, начатыя съ рѣшенія летучихъ простѣйшихъ задачъ постепенно расширились и углубились. Отчеты объ нихъ, представляемые въ штабъ корпуса, вначалѣ не удовлетворяли командованіе (см. приказы по корпусу за №№ 384 и 397), которое стремилось поставить тактическія ученія на должную высоту. Постепенно тактическія ученія перешли въ маневры, вначалѣ односторонніе, а затѣмъ и двухсторонніе. Съ особеннымъ интересомъ проходили послѣдніе, обнаруживая часто незаурядныя знанія и широкій самостоятельный военный размахъ въ рѣшеніи боевыхъ задачъ нѣкоторыми изъ начальниковъ. Каждый маневръ заканчивался разборомъ и затѣмъ общее заключеніе о маневрѣ и всѣхъ замѣченныхъ ошибкахъ, составленное руководителемъ, съ приложеніемъ всѣхъ приказовъ, приказаній и донесеній, относящихся къ маневру, представлялось въ штабъ корпуса, въ которомъ велась провѣрочная работа.

Одновременно были организованы и военныя игры. Къ участію въ

этихъ играхъ привлекались не только всѣ офицеры части, въ которой происходила игра, но и офицеры спеціальныхъ родовъ оружія, инженеры, интенданты и пр. Игры устраивались иногда въ широкихъ размѣрахъ — такъ, напримѣръ, въ первыхъ числахъ іюля происходила игра, въ которой участвовала вся пѣхотная дивизія со всѣми старшими начальниками до начальника дивизіи включительно.

Въ дополненіе къ изложенному, въ корпусѣ читались, какъ въ лагерѣ, такъ и въ городѣ лекціи по военно-научнымъ вопросамъ, поставленнымъ современной войной. Уже за четыре мѣсяца (по августъ 1921 года) было прочитано 105 лекцій на темы, касающіяся отдѣльныхъ

УЧЕБНАЯ КОМАНДА ДРОЗДОВСКАГО ПОЛКА НА УЧЕНЬИ

операцій европейской войны, вопросовъ современной тактики, примѣненія техническихъ войскъ и т. д.

Въ итогѣ обученіе корпуса распалось на занятія въ строевыхъ частяхъ, обученіе въ особыхъ учебныхъ частяхъ, изученіе спеціальностей на курсахъ и въ школахъ и, наконецъ, въ военныхъ училищахъ. Всѣ нити управленія корпусомъ сходились въ рукахъ командира корпуса, который и черезъ начальника штаба корпуса, и самъ лично провѣрялъ занятія на мѣстѣ и по отчетамъ, направлялъ ихъ по нужному руслу, устраивалъ повѣрочныя ученія, ночные занятія и маневры и стремился въ корнѣ исправить недостатки въ обученіи войскъ, создавшіеся за прошлые годы. Здѣсь приходилось бороться, между прочимъ, съ такимъ явленіемъ, какъ ложная увѣренность, существовавшая у нѣкоторыхъ войсковыхъ начальниковъ въ томъ, что они умѣютъ управлять войсками во время боя, увѣренность, можетъ быть, создавшаяся въ

результатѣ нѣсколькихъ удачно проведенныхъ боевъ гражданской войны.

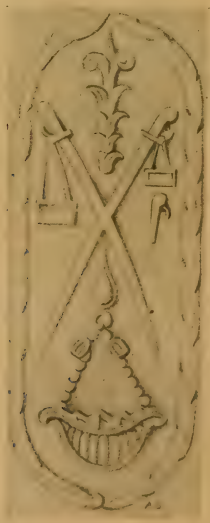
Энергія командованія и особенно офицеровъ генеральнаго штаба (пріѣхавшихъ сюда въ недостаточномъ числѣ) постоянно отвлекалась отъ прямого своего назначенія текущими заботами.

Мѣста преподавателей въ военныхъ училищахъ только въ исключительныхъ случаяхъ занимались офицерами генеральнаго штаба, работа же по выработкѣ разнаго рода инструкцій, правилъ и дополненій къ нимъ, конечно, не могла быть въ Галлиполи выполнена.

По тѣмъ же основаніямъ не могъ быть проведенъ пересмотръ уставовъ, отдѣльныя положенія которыхъ отстали и устарѣли въ связи съ новыми требованіями и развитіемъ военнаго дѣла.

При штабѣ корпуса, правда, существовали комиссіи по составленію штатовъ (проектъ штата пѣхотнаго полка, разработанный здѣсь былъ полностью утвержденъ Главнокомандующимъ), аттестаціонныя части, по пулеметному дѣлу и пр., но большой и широкой работы въ такомъ организаціонномъ направленіи корпусъ конечно исполнить не могъ.

Итогъ годичной работы со стороны можетъ показаться и небольшимъ, но громадный трудъ, вложенный въ это дѣло, говоритъ самъ за себя.



ОРНАМЕНТЪ СЪ ТУРЕЦКОЙ МОГИЛЫ

ВОСПИТАНІЕ КОРПУСА

**„Ужасенъ русскій народъ въ анархіи
и прекрасенъ во власти дисциплины."**
А. Карташевъ

Годъ тому назадъ къ сумрачнымъ берегамъ Галлиполи прибыли пароходы съ остатками русской арміи, переформированной уже на пароходахъ въ 1-й армейскій корпусъ.

Прибыли офицеры и солдаты, въ большей своей части закаленные въ непрерывной многолѣтней борьбѣ, но въ большей же своей части не прошедшіе школы предварительнаго казарменнаго воинскаго воспитанія.

Правда, изъ общей среды можно было бы выдѣлить военныя училища, работавшія въ тылу надъ воспитаніемъ молодежи, но и они часто были отвлекаемы къ боевой и гарнизонной службѣ и не могли дать прежней военной подготовки.

Предоставленіе желающимъ изъ военнослужащихъ возможности остаться въ Крыму позволило подойти къ пароходамъ не стройнымъ частямъ и не всей арміи, а случайному составу частей, которыя ко времени посадки были значительно предупреждены загрузившимъ пароходы случайнымъ тыловымъ людомъ.

Потери въ бояхъ, утечка при отходѣ и случайное дополненіе изъ тыла создали на пароходахъ плывучую русскую армію, иную по составу, чѣмъ та, которая сформировалась и окрѣпла на поляхъ Тавріи.

Неопредѣленность личной и общей судьбы отъѣхавшихъ, неясность правовыхъ отношеній, скученность размѣщенія на пароходахъ и тяжелыя условія переѣзда и пребыванія на константинопольскомъ рейдѣ — только разлагали эту случайную массу отъѣхавшихъ людей не то военнообязанныхъ, не то бѣженцевъ.

Въ такомъ случайномъ, матеріально ничѣмъ не обезпеченномъ и достаточно морально разложившемся составѣ, прибыли въ Галлиполи чины и части вновь, или вѣрнѣе — только на бумагѣ, сформированнаго 1-го корпуса.

На пароходахъ все время шли толки о предстоящемъ, быть можетъ, разселеніи всѣхъ на работы гдѣ нибудь въ Аргентинѣ или на Мадагаскарѣ, открыто и убѣжденно говорили о концѣ борьбы: воинская дисциплина на многихъ пароходахъ упала настолько, что мечтали о простой хотя бы дисциплинѣ общежитія, дисциплинарное взысканіе и наказаніе мыслилось только одно — «выбросить за бортъ». И вдругъ, по высадкѣ въ Галлиполи, въ первые дни прибывшіе сталкиваются съ прямолинейными требованіями воинскаго порядка и дисциплины со стороны всѣмъ интересовавшагося и всюду подходившаго командира корпуса, сопровождаемыми наложеніемъ дисциплинарныхъ взысканій и преданіями (главнымъ образомъ за продажу казеннаго имущества и побѣги) военнополевому суду... И всѣ какъ то настолько опустились и распустились въ тѣ дни, были такъ неустроены и не видѣли цѣли и опредѣленности положенія впереди, что эти требованія неожиданно и необычно всѣхъ удивляли и казались тогда мелочно ненужными и не отвѣчавшими условіямъ создавшагося положенія.

Военныя училища ко дню прибытія сохранились, какъ воинскія части, цѣльнѣе другихъ: строевыя части, сохранившія привычную внутреннюю организацію и командный составъ, держались дружной толпой, но значительно потерявшей воинскій видъ; группы воинскихъ чиновъ, еще не организованныхъ въ части, потерявшихъ воинскій видъ, неряшливо одѣтыхъ и бродившихъ по городу, являли наиболѣе опустившійся элементъ среди прибывшихъ.

Новая обстановка, создавшаяся для корпуса въ его внутренней жизни и въ его международномъ положеніи, диктовала командованію слѣдующія основныя задачи въ области воспитанія корпуса: 1) создать теперь же въ Галлиполи стройныя части, спаянныя единымъ духомъ служенія Родинѣ въ мощный русскій корпусъ и 2) создать изъ чиновъ корпуса надежный и вполнѣ подготовленный кадръ для будущей арміи на случай возможнаго развертыванія корпуса.

Внѣшнія условія, въ которыхъ приходилось осуществлять эти задачи, обрисовываются всѣмъ содержаніемъ этого сборника и вкратцѣ представляются въ слѣдующихъ чертахъ: на чужбинѣ надо было организовывать корпусъ изъ тѣхъ, кто прибылъ, т. е. изъ 15 тысячъ солдатъ и 9 тысячъ офицеровъ, причемъ вся эта масса людей не являлась стро-

го говоря военнообязанной, не подлежала de jure, повинности, de facto подчиняясь ей, ибо каждый чинъ корпуса во всякое время могъ перейти на положеніе бѣженца, не неся никакой отвѣтственности въ смыслѣ уклоненія отъ службы. Такимъ образомъ, создавался воистину добровольческій корпусъ.

Формировать, учить и воспитывать его приходилось среди голода, холода, нищеты, широкихъ работъ по обслуживанію питанія и размѣщенія, въ атмосферѣ тяжелыхъ нравственныхъ и душевныхъ переживаній, французской агитаціи и бѣженскихъ соблазновъ, среди полной неопредѣленности общаго положенія корпуса. И тѣмъ не менѣе, работа по воспитанію энергично и планомѣрно велась и дала яркіе и неоспоримые результаты.

Указанныя выше общія задачи построенія корпуса ставили въ области воспитанія его слѣдующія ближайшія цѣли: надо было на чужбинѣ создавать крѣпко спаянный единствомъ духа русскій корпусъ. Для этого необходимо было: а) воодушевить всѣхъ чиновъ корпуса идеей стойкаго служенія Родинѣ и необходимости продолженія вооруженной борьбы съ большевизмомъ; оживить здоровый патріотизмъ и выявить наше національное лицо; б) надо было духовно оздоровить армію, зараженную нездоровымъ дыханіемъ гражданской войны; ибо вѣдь въ армію со времени всеобщей воинской повинности приходили не только физически, но и нравственно здоровые люди, цвѣтъ націи; в) въ новыхъ оригинальныхъ сочетаніяхъ офицерскихъ и солдатскихъ массъ, когда на одного офицера въ Галлиполи въ среднемъ приходилось около 1,5 солдатъ, въ то время какъ въ регулярныхъ арміяхъ это соотношеніе падало до одного на 25—30, надо было создать начальника, авторитетнаго и умѣлаго въ данныхъ условіяхъ, и выдѣлить подчиненныхъ, а также создать между ними соотвѣтствующія обстановкѣ воинскія взаимотношенія.

Вторая задача въ области воспитанія—создать изъ чиновъ корпуса надежный и вполнѣ подготовленный кадръ для будущей арміи—ставила цѣлью выработать типъ офицера и солдата и установить взаимоотношенія между ними, основанныя на взаимномъ уваженіи, довѣріи и осознанномъ единствѣ ихъ общаго служенія. Осуществленіе обѣихъ задачъ требовало внѣдренія въ сознаніе, поведеніе и взаимоотношенія всѣхъ чиновъ корпуса началъ законности и порядка.

Всѣ эти цѣли воинскаго воспитанія корпуса или дисциплины его въ самомъ широкомъ смыслѣ осуществлялись исподволь примѣненіемъ самыхъ разнообразныхъ средствъ, начиная отъ строго офиціальныхъ со стороны командованія, до чисто интимныхъ, индивидуальныхъ вліяній церкви, искусства, просвѣщенія. Эта широкая гамма средствъ вся цѣликомъ должна быть оцѣнена въ смыслѣ ея воздѣйствія на перерожденіе и воспитаніе корпуса, ибо если военная муштра корпуса явилась въ Галлиполи сосудомъ, въ которомъ сохранилась и выявилась

наша національная душа, то наполнили его содержаніемъ иныя средства воспитанія. Разсматривая вопросъ объ этихъ средствахъ хронологически, (такъ какъ нельзя утверждать наличность какой либо заранѣе продуманной и послѣдовательно проведенной программы воспитанія корпуса), отмѣтимъ прежде всего мѣры, направленныя на приведеніе корпуса во внѣшне дисциплинированное состояніе и на приданіе чинамъ его воинскаго вида.

Первое, что рѣзко бросалось въ глаза въ первые же дни прибытія корпуса въ Галлиполи, былъ внѣшній видъ и поведеніе войскъ, производившіе тяжелое впечатлѣніе. Въ большинствѣ оборванные, грязные, въ шинеляхъ и френчахъ будто съ чужого плеча, зачастую безъ погонъ и кокардъ, занятые въ силу необходимости почти исключительно хозяйственными работами и заботами, чины корпуса своей внѣшностью походили больше на бѣженцевъ, чѣмъ на солдатъ; бродили по городу, свободно продавали казенныя вещи; воинскую честь, будто по какому-то молчаливому согласію, отдавали лишь своимъ прямымъ начальникамъ и генераламъ, да и то наиболѣе популярнымъ: возможность дисциплинарной власти признавали въ тѣ дни, кажется, только за генераломъ Кутеповымъ, который фактически началъ осуществлять ее.

Такое положеніе побудило командованіе, поставившее себѣ цѣлью создать на чужбинѣ дисциплинированный корпусъ, и помнившее, что «по одежкѣ встрѣчаютъ», принять рядъ спѣшныхъ мѣръ къ водворенію внѣшняго порядка, приданію чинамъ корпуса надлежащаго воинскаго вида и требованію внѣшней дисциплины.

Черезъ пять дней послѣ высадки первыхъ эшелоновъ— генераломъ Кутеповымъ былъ отданъ слѣдующій приказъ по корпусу:

«Для поддержанія на должной высотѣ добраго имени и славы русскаго офицера и солдата, что особенно необходимо на чужой землѣ, приказываю начальникамъ всѣхъ степеней тщательно и точно слѣдить за выполненіемъ всѣхъ требованій дисциплины. Предупреждаю, что я буду строго взыскивать за малѣйшее упущеніе по службѣ и безпощадно предавать суду всѣхъ нарушителей правилъ благопристойности и воинскаго приличія. Ввѣренный мнѣ корпусъ долженъ быть образцомъ войскъ русской арміи и пользоваться тѣмъ же уваженіемъ иностранцевъ, какимъ всегда пользовалась доблестная Русская Армія».

Въ городѣ и лагерѣ были учреждены комендатуры; военныя училища, какъ наиболѣе сохранившія воинское воспитаніе, были привлечены къ несенію гарнизонной службы; хожденіе по городу разрѣшалось только отъ 7 ч. утра до 7 ч. вечера.

Нельзя не указать на то, что строгая и непреклонная требовательность со стороны командира корпуса и его ближайшихъ помощниковъ вызывала на первыхъ порахъ въ войскахъ непріязненное чувство, но систематически и настойчиво проводимыя мѣры по внѣшней дисциплинѣ корпуса постепенно стали все ярче отражаться на внѣшнемъ

обликѣ его. Довольно быстро части привели въ порядокъ обмундированіе, офицеры и солдаты пріобрѣли воинскій видъ, стали аккуратно отдавать честь; улицы перестали пестрѣть бродящими русскими, въ торговой части города прекратились бытовыя сцены, характерныя для глубокаго тыла въ періодъ войны. Въ частяхъ постепенно убѣдились въ томъ, что при всякихъ условіяхъ войска могутъ сохранить дисциплину и надлежащій воинскій видъ и понемногу во всемъ корпусѣ стали внѣдряться основы того налаженнаго порядка и дисциплины, которыя вѣрнѣе всего куютъ внѣшнюю спайку воинскихъ частей. Этого требовалъ и послѣдовавшій вскорѣ послѣ прибытія корпуса въ Галлиполи приказъ Главнокомандующаго отъ 1 декабря 1920 г. гласившій, что: «по устройствѣ войскъ на новыхъ мѣстахъ, главной заботой начальниковъ всѣхъ степеней должно быть созданіе прочнаго внутренняго порядка во ввѣренныхъ имъ частяхъ. Дисциплина въ арміи и флотѣ должна быть поставлена на ту высоту, какая требуется воинскими уставами и залогомъ поддержанія ея должно быть быстрое и правильное отправленіе правосудія».

Въ корпусѣ съ первыхъ же дней были организованы военно-полевые и корпусной суды, приговоры которыхъ широко объявлялись во всеобщее свѣдѣніе.

Жизнь въ частяхъ въ первые мѣсяцы налаживалась съ трудомъ, такъ какъ личный составъ ихъ оказался неожиданно и невольно крайне необычнымъ и оригинальнымъ. За исключеніемъ небольшой группы офицеровъ, назначенныхъ на командныя должности до отдѣленныхъ командировъ включительно, вся остальная масса чиновъ корпуса, отъ штабъ-офицеровъ до солдатъ, заняла положеніе рядовыхъ. Тяжелыя физическія работы, выпавшія на ихъ долю въ первыя недѣли устройства и размѣщенія корпуса и совмѣстное скученное расположеніе въ общихъ палаткахъ особенно обострили создавшееся положеніе. При общей неясности правового положенія всѣхъ чиновъ корпуса, не были выяснены на первыхъ порахъ правовыя взаимоотношенія начальниковъ по отношенію къ подчиненнымъ имъ офицерамъ, состоящимъ на рядовыхъ должностяхъ; да и положеніе пожилыхъ и заслуженныхъ офицеровъ въ роли фельдфебелей и отдѣленныхъ по отношенію къ своимъ же однополчанамъ, офицерамъ — рядовымъ, было дѣломъ новымъ и непривычнымъ. Надо было проявить много такта, чуткости и вниманія къ личности подчиненнаго, не выполнявшаго повинность, а идейно сознательно остававшагося въ рядахъ Русской Арміи во имя безкорыстнаго и добровольнаго служенія Родинѣ и переживавшаго часто очень тяжелыя душевныя невзгоды въ изгнаніи.

Высшее командованіе, видимо, полагало вначалѣ, что младшіе начальники сами найдутъ выходы изъ создавшагося положенія, памятуя, по словамъ генерала Кутепова, что «офицеръ, на какихъ бы должностяхъ онъ ни состоялъ, прежде всего офицеръ».

И надо признать въ общемъ, что большинство младшихъ начальниковъ оказалось на мѣстѣ и нашло законные и жизненные выходы изъ неожиданно причудливо построившихся взаимоотношеній. Но нельзя скрыть и того, что часть начальниковъ, судя по приказу Главнокомандующаго отъ 27 апрѣля 1921 г., отданному по поводу результатовъ инспекторскаго смотра корпуса, произведеннаго генераломъ Эккомъ (24 марта — 4 апрѣля 1921 г.), «отдалились отъ своихъ младшихъ братьевъ, имъ ввѣренныхъ, упустивъ, что масса нуждается въ правильномъ воспитаніи и обученіи; они считаютъ, — говоритъ приказъ, что достаточно наложенія взысканія требованія внѣшняго исполненія службы, подчиненія даже произволу, причемъ допускается даже грубое, недопустимое обращеніе съ подчиненными, не исключая и офицеровъ; такъ, были случаи наложенія на офицеровъ дисциплинарныхъ взысканій, не предусмотрѣнныхъ уставомъ, какъ то: постановка подъ ружье, строгій арестъ, лишеніе пайка, назначеніе на уборку улицъ въ городѣ и пр.».

Приказъ Главнокомандующаго, «категорически и разъ навсегда» воспрещалъ все это, но не давалъ въ то же время правовой нормировки новыхъ взаимоотношеній.

Это вызвало приказъ по корпусу, указывавшій, что «примѣнительно къ ст. 19—22 устава дисциплинарнаго, отдѣленнымъ и взводнымъ командирамъ, фельдфебелямъ и вахмистрамъ, состоящимъ въ офицерскомъ званіи, предоставляются права дисциплинарной власти, предусмотрѣнныя указанными статьями». Это, конечно, не разрѣшало вопроса и вскорѣ была созвана комиссія, для обсужденія проекта предоставленія дисциплинарной власти начальникамъ этой категоріи. 22 іюля 1921 г. послѣдовалъ приказъ Главнокомадующаго, подробно отвѣчавшій на этотъ вопросъ. Говоря вкратцѣ, въ силу этого приказа отдѣленнымъ, взводнымъ командирамъ и фельдфебелямъ изъ офицеровъ предоставлялось объявлять подчиненнымъ имъ офицерамъ замѣчанія и выговоры словесно. Домашнему аресту до трехъ сутокъ могъ подвергнуть ихъ старшій офицеръ роты, а ротный командиръ могъ подчиненнымъ ему штабъ и оберъ-офицерамъ объявлять замѣчанія и выговоры, а оберъ офицеровъ подвергать домашнему аресту до пяти сутокъ.

Конечно, не эти сравнительно запоздалые приказы установили нормальныя взаимоотношенія въ частяхъ: общій порядокъ и дисциплина, установившіеся въ корпусѣ, сгладили взаимоотношенія и ослабили нужду въ примѣненіи дисциплинарныхъ взысканій. Много способствовало этому общее повышеніе взаимнаго уваженія чиновъ корпуса другъ къ другу и все ярче пробивавшееся признаніе личности подчиненнаго.

Большую роль сыграли и тѣ непрерывныя заботы высшаго командного состава о нуждахъ подчиненныхъ, о ихъ размѣщеніи, одеждѣ, пайкѣ, хлѣбѣ насущномъ, нѣсколькихъ драхмахъ на табакъ, — заботы, которыя такъ цѣнятся подчиненными и которыя такъ мудро выражены

старыми словами нашего устава дисциплинарнаго, обязывающаго начальниковъ «отечески заботиться о благосостояніи подчиненныхъ и входить въ ихъ нужды».

А эти заботы, особенно со стороны Главнокомандующаго и командира корпуса, ощущались всѣми, въ нихъ всѣ твердо вѣрили, зная наперед, что ихъ интересы защитятъ со всей энергіей и во всѣхъ возможностяхъ и, если чего нѣтъ, то значитъ и дать этого въ галлиполійскихъ условіяхъ нельзя.

Вошедшіе въ обиходъ корпуса инспекторскіе опросы претензій давали широкую возможность къ обнаруженію злоупотребленій. Могучимъ воспитывающимъ началомъ въ жизни частей въ Галлиполи было широко проникавшее весь строй жизни начало труда, въ которомъ непрерывно пребывали всѣ чины корпуса. Можно смѣло сказать, что жизнь корпуса на чужбинѣ была жизнью не тунеядцевъ, попавшихъ на даровой паекъ, а непрерывнымъ дѣланіемъ, непрерывной трудовой школой, гдѣ всѣ безпрерывно трудились для общаго дѣла, гдѣ всѣ учились для будущаго строительства Россіи.

И вотъ на почвѣ общихъ лишеній, общаго труда и совмѣстной жизни, въ частяхъ установились невольно новыя взаимоотношенія не только между начальниками и подчиненными, но и въ офицерской средѣ и между офицерами и солдатами.

Общее чувство своей части здѣсь, на чужбинѣ, конечно, у всѣхъ повысилось. Съ особеннымъ вниманіемъ вспоминались справедливыя слова Л. Н. Толстого, писавшаго въ романѣ «Война и миръ» о томъ, что «солдатъ въ движеніи такъ же окруженъ, ограниченъ и влекомъ своимъ полкомъ, какъ морякъ кораблемъ, на которомъ онъ находится. Какъ бы далеко онъ не пришелъ, въ какія бы странныя, невиданныя и опасныя широты не вступилъ онъ, вокругъ него, какъ для моряка, всегда и вездѣ тѣ же палубы, мачты, канаты своего корабля — всегда и вездѣ тѣ же товарищи, тѣ же ряды, тотъ же фельдфебель Иванъ Митричъ, та же ротная собака Жучка, то же начальство. Солдатъ рѣдко желаетъ знать тѣ широты, въ какихъ находится весь корабль его».

Свой полкъ, своя часть — это вновь стало дорогимъ и неотъемлемымъ; появляются отличія своей формы одежды, своего хотя бы стараго полка; оживаютъ связи воспитанниковъ общихъ военноучебныхъ заведеній; вспоминаются корпусные, училищные и полковые праздники; на этой почвѣ родятся объединенія, не разъединяя въ то же время никого въ главномъ, въ общемъ: въ томъ, что мы — галлиполійцы, мы — русскіе.

Взаимоотношенія между офицерами части, слишкомъ разнообразными по всѣмъ своимъ цензамъ и прошедшими непрерывные годы боевой, походной жизни были, конечно, огрубѣвшими и довольно угловатыми, по сравненію со старымъ укладомъ жизни здоровыхъ воинскихъ частей.

Но высокій процентъ интеллигентныхъ офицеровъ среди общей массы офицерства корпуса выправлялъ эти взаимоотношенія.

Однако, армія много пережила тяжелаго за послѣдніе годы и многимъ наноснымъ обросла въ процессѣ гражданской войны и это не могло не отразиться на офицерскомъ составѣ корпуса.

Учитывая это, Главнокомандующій приказомъ отъ 7 декабря 1920 года, устанавливая въ частяхъ суды чести, указывалъ, что «за послѣднее время въ офицерской средѣ наблюдались иногда поступки, свидѣтельствующіе о томъ, что подъ вліяніемъ пережитыхъ арміей тяжелыхъ событій понятіе объ офицерскомъ достоинствѣ и чести нѣсколько пошатнулось. Этого не должно быть. Напоминаю всѣмъ, отъ старшихъ до младшихъ, что офицеръ русской арміи всегда былъ рыцаремъ, вѣрнымъ хранителемъ традицій арміи и ревниво оберегалъ доблесть носимаго имъ званія».

Суды чести нашли довольно широкое примѣненіе въ нѣкоторыхъ частяхъ корпуса по борьбѣ за возстановленіе офицерскаго достоинства и по выработкѣ нравственнаго облика офицера доблестной Русской Арміи. Неуравновѣшенныя, изнервничившіяся, а нерѣдко и порочныя натуры часто доводили взаимныя отношенія до оскорбленій и обидъ, ронявшихъ достоинство офицерскаго званія. Такія дѣла первые мѣсяцы галлиполійской жизни часто заканчивались дуэлями, принявшими вскорѣ явно нездоровый характеръ. Командиръ корпуса отмѣтилъ это слѣдующимъ приказомъ отъ 13 февраля: «со времени разрѣшенія Главнокомандующимъ рѣшать нѣкоторыя столкновенія между офицерами оружіемъ, въ частяхъ корпуса состоялось нѣсколько поединковъ; однако, излишне строгія условія, принятыя для этихъ поединковъ, показали, что не всѣ правильно понимаютъ самую идею дуэли... Дуэль есть способъ разрѣшать вопросы чести между джентельменами, стоящими на равномъ уровнѣ нравственнаго развитія и поэтому дуэль не можетъ быть ни организованнымъ убійствомъ, ни организованной расправой»...

Дабы внести въ этотъ крайне тяжелый выходъ изъ взаимныхъ отношеній между офицерами упорядочивающія начала, командиръ корпуса поручилъ особой комиссіи выработать дуэльный кодексъ.

Чтобы оздоровить офицерство и поднять его достоинство, вернувъ ему здоровые навыки взаимнаго уваженія и добраго товарищества, во многихъ частяхъ были открыты офицерскія собранія, гдѣ на ряду съ повседневнымъ ихъ обиходомъ устраивались лекціи, чтенія и бесѣды.

Отношенія между офицерами и солдатами сложились въ корпусѣ какъ то сами собой въ обстановкѣ общаго служенія и переживанія изгнанія среди общихъ лишеній, размѣщенія, однообразія условій жизни. Можно просто сказать, что въ Галлиполи не было вопроса объ отношеніяхъ между офицеромъ и солдатомъ; никто его не возбуждалъ, такъ какъ не было никакихъ средостѣній между ними. Въ аудиторіяхъ, въ

строю, въ палаткѣ и за обѣдомъ солдаты были вмѣстѣ, бокъ о бокъ съ офицерами и достигалось это не пониженіемъ достоинства офицера или угодливыми заискиваніями со стороны солдатъ, а главнымъ образомъ особенностями личнаго состава корпуса, гдѣ общій уровень предварительнаго образованія, а часто и боевой службы, былъ болѣе однообразенъ въ средѣ офицеровъ и солдатъ корпуса, нежели въ прежней регулярной арміи.

О рукоприкладствѣ въ корпусѣ не было и слышно.

Ругань, унаслѣдованная въ первыя недѣли галлиполійской жизни отъ дикаго разгула гражданской войны, стала постепенно исчезать изъ разговорнаго словаря галлиполійца и на этомъ общемъ фонѣ привычка ругаться, остававшаяся у немногихъ, такъ рѣзала ухо и нарушала общій тонъ взаимныхъ отношеній, установившійся въ Галлиполи, что командиромъ корпуса былъ изданъ даже слѣдующій оригинальный приказъ (20 сентября 1921 года) въ подлинномъ стилѣ драгомировскихъ приказовъ: «Изъ поступающихъ ко мнѣ докладовъ установлено, что среди нѣкоторыхъ чиновъ корпуса продолжаетъ еще существовать привычка къ сквернословію. Считая, что 1-ый корпусъ долженъ быть образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ и подавать всѣмъ примѣръ высокаго нравственнаго развитія и воинской вѣжливости — запрещаю употребленіе въ разговорахъ бранныхъ словъ».

Это оригинально въ русской средѣ, но дѣло то въ томъ, что здѣсь въ этихъ условіяхъ изгнанія она стала не той, прежней, а, закалившись въ испытаніяхъ, окрѣпла и возвысилась духовно.

Этому способствовало многое, что воздѣйствовало на чиновъ корпуса не въ предѣлахъ только самихъ частей, но въ объемѣ всего корпуса, во всей его многогранной жизни.

Вышедшая изъ борьбы и потерявшая территорію армія какъ будто утратила цѣли существованія и свои яркіе идейные пути. Необходимо было заново осмыслить работу ея — работу корпуса, указать ему ясную, всѣмъ понятную цѣль. И эта цѣль неуклонно указана Главнокомандующимъ: «Русская Армія должна продолжать борьбу за освобожденіе Россіи». Корпусъ — кадръ будущихъ формированій — это положеніе явилось конечнымъ пунктомъ всей работы въ корпусѣ, какъ въ области военно научной подготовки такъ и въ дѣлѣ военнаго воспитанія.

Командиръ корпуса всегда и вездѣ, въ частной бесѣдѣ и застольной рѣчи, на парадахъ и въ приказахъ настойчиво и ярко подчеркивалъ, что ввѣренныя ему части должны быть регулярной арміей, должны воскресить ея завѣты и въ каждомъ проявленіи своей жизни должны быть проникнуты горячей любовью къ Родинѣ.

И части ощущали, что это не только слова. Командиръ корпуса пользовался каждымъ случаемъ, чтобы показать войскамъ ихъ же самихъ, какъ внушительную силу. Эффектные парады производили большое впечатлѣніе, какъ воспитывающая сила, прежде всего на самихъ чи-

новъ корпуса, поднимая ихъ духъ сознаніемъ своей силы, сплоченности и собственнаго достоинства.

Моральному оздоровленію корпуса и расцвѣту въ немъ здороваго патріотизма ярко содѣйствовали возродившіеся въ Галлиполи русская церковь, школа, театръ, газета, книга.

Они пробудили и прояснили національное самосознаніе чиновъ корпуса, духъ русской талантливости, наполнили внѣшне-казенныя формы глубокимъ и дорогимъ по духу содержаніемъ. Дисциплина помогла расцвѣту національной души, а она сблизила насъ, сроднила не только въ войсковую единицу, но въ осколокъ родной страны.

Подводя итоги достигнутаго въ дѣлѣ воспитанія корпуса и вглядываясь въ его личный составъ послѣ годичной работы надъ нимъ, можно совершенно объективно признать слѣдующее.

Несмотря на полную возможность каждому чину корпуса перейти на положеніе бѣженца, къ чему особенно побуждали не только французская агитація, но и тяжелыя условія пребыванія въ Галлиполи, корпусъ сохранился численно и ярко сплотился морально: уѣхавшіе изъ корпуса въ Прагу студенты поражались, какъ годъ пребыванія въ 1 корпусѣ тѣсно сплотилъ ихъ въ единую родную семью. Наблюдавшій корпусъ въ теченіе недѣли въ сентябрѣ 1921 года, бывшій профессоръ военно-юридической академіи, генералъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, писалъ: «Галлиполи произвело на меня сильное, яркое впечатлѣніе. Я ѣхалъ туда въ предположеніи, что увижу остатки бывшей русской арміи, а вернулся въ сознаніи того, что въ Галлиполи заложено основаніе кадрахъ будущей новой русской арміи; особенно мое вниманіе остановила на себѣ та сознательность, которая царитъ въ Галлиполи, какъ послѣдствіе проведенной крѣпкой дисциплины: внѣшній видъ офицеровъ и солдатъ 1-го корпуса бодрый, чистый и опрятный; еще болѣе меня поразило нормальное разрѣшеніе вопросовъ о взаимоотношеніяхъ офицеровъ и солдатъ».

Наконецъ, объ этомъ же, въ обращеніи къ уѣзжавшимъ изъ Галлиполи частямъ конницы, такъ говорилъ командиръ корпуса: «много дней тяжелыхъ лишеній, холода и недоѣданія осталось въ прошломъ; тѣмъ тяжелѣе были испытанія, тѣмъ крѣпче становился духъ всѣхъ чиновъ славной конницы. Въ условіяхъ исключительно тяжелыхъ кавалерійская дивизія сумѣла сохранить свой крѣпкій духъ и свои сплоченные ряды».

Крѣпость корпуса базировалась при этомъ на сплотившіяся въ Галлиполи воинскія части: ихъ воинское воспитаніе дало въ результатѣ не только воинскую дисциплину, но и внутреннее оздоровленіе въ смыслѣ повышенія чувства долга, уваженія къ законности, улучшенія взаимныхъ отношеній.

Типъ офицера въ Галлиполи тоже видоизмѣнился. Онъ уже не представлялъ собою кондотьера гражданской войны; не повторялъ онъ, съ

другой стороны и офицера мирнаго времени; въ немъ, при всей обычной симпатичности скромнаго молчаливо храбраго русскаго офицера, не было внѣшняго лоска и спеціальной подготовки офицера мирнаго времени; не было и задирчивой, безпечной самонадѣянности офицера гражданской войны.

Это были простые русскіе люди, главнымъ образомъ, молодежь, готовые безропотно перенести всѣ лишенія, умѣлые, сырые бойцы, готовые умереть, сознавшіе ярко свою общую отсталость, необходимость учиться и проявившіе неутомимую жажду знаній. Галлиполійскій офицеръ не погнушается никакой честной работой и сумѣетъ сохранить достоинство въ обстановкѣ предѣльныхъ лишеній. Что то монашески-рыцарское начинаетъ проглядывать въ обликѣ его.

Измѣнился здѣсь и типъ солдата. По отзывамъ одного изъ командировъ полковъ «нашъ солдатъ черезъ пережитыя невзгоды сроднился душой и сердцемъ со своей частью: она является для него семьей, замѣняетъ ему родной домъ. Онъ впервые здѣсь серьезно задумался надъ задачей и положеніемъ корпуса и старается разрѣшить ихъ въ бесѣдахъ съ офицерами».

Общая масса солдатъ, оставшихся въ корпусѣ, составилась изъ мобилизованныхъ старослужащихъ, изъ добровольцевъ и плѣнныхъ красноармейцевъ.

Ничто въ ихъ положеніи и въ отношеніяхъ къ нимъ не напоминало этого раздѣленія. На двѣ трети своего состава побывавшіе въ учебныхъ заведеніяхъ, въ большей массѣ своей молодежь, увлеченная перипетіями гражданской войны, солдаты корпуса обрѣли здѣсь обликъ нашихъ старыхъ кадровыхъ солдатъ: разнузданность и замашки солдатъ гражданской войны значительно спали съ нихъ въ общей оздоровляющей атмосферѣ жизни корпуса; они сжились съ своими частями и съ чисто русскимъ служеніемъ, но сознательно и убѣжденно закаляются въ общемъ служеніи Родинѣ.

Офицеры и солдаты живутъ здѣсь вмѣстѣ, ѣдятъ одно и то же, жалованіе на табакъ у нихъ одно, надежды и думы общія.

И вѣрятъ они другъ другу, узнали ближе другъ друга и вмѣстѣ пойдутъ къ своей общей завѣтной цѣли — къ раскрѣпощенію Родины, къ строительству новой жизни.

СМОТРЫ И ПАРАДЫ

Въ обычной жизни каждой арміи въ нормальное время, смотры и парады составляли всегда замѣтную страницу въ жизни каждой войсковой части.

Но, не считая большихъ парадовъ въ присутствіи Государя, или старшихъ начальниковъ, смотры всегда имѣли большое значеніе.

На парадахъ часть могла щегольнуть на короткое время строевой, чисто фронтовой выправкой, тогда какъ на смотру производящій его начальникъ повѣрялъ боевую подготовку и боевую готовность части во всѣхъ отношеніяхъ.

Поэтому, спокойно подготовляясь къ парадамъ, части готовились къ смотрамъ, на которыхъ повѣрялись результаты работы за опредѣленный періодъ, подводились, такъ сказать, итоги — съ особой тщательностью, съ особымъ рвеніемъ.

Но въ жизни 1-го армейскаго корпуса въ Галлиполи въ отношеніи смотровъ и парадовъ произошла нѣкоторая «переоцѣнка цѣнностей».

Кто бы могъ сказать, что та грязная, оборванная, голодная толпа, которая въ началѣ ноября 1920 года заполняла десятки пароходовъ на константинопольскомъ рейдѣ, можетъ быть снова обращена въ воинскую часть, достойную наименованія «1-го корпуса Русской Арміи».

Казалось, что для этой массы одна участь — за проволоку, въ концентраціонный лагерь...

Первые дни пребыванія корпуса въ Галлиполи, когда подъ пронизывающимъ холоднымъ дождемъ тысячи фигуръ въ защитныхъ шинеляхъ бродили по городу въ поискахъ не угла, а хотя бы крова, хотя бы сарая, конюшни, также не давали большихъ надеждъ на это.

И была нужна поистинѣ большая вѣра въ армію, огромное знаніе ея, чтобы чувствовать, что еще не все потеряно, что есть еще порохъ въ пороховницахъ...

Но необходима была колоссальная воля, чтобы взяться за гигантскій трудъ,—превратить эту орду бѣженцевъ въ 1-й армейскій корпусъ.

И вотъ, безпредѣльно вѣрящій въ святое русское дѣло и въ Русскую Армію Главнокомандующій поручаетъ эту работу генералу Кутепову.

Желѣзной волей генерала Кутепова 1-й армейскій корпусъ Русской Арміи возсозданъ.

Одна возможность вывода частей корпуса на парадъ уже показала, что духъ корпуса, его стремленія быть воинской частью, снова ожили.

Вполнѣ понятно, что многіе изъ корреспондентовъ, видѣвшіе части корпуса только на корабляхъ въ Босфорѣ, называли эти парады «игрой въ солдатики».

Но тотъ, кто своими глазами видѣлъ галлиполійскіе парады, особенно парады, состоявшіеся въ присутствіи Главнокомандующаго въ серединѣ февраля, тотъ, если не имѣетъ спеціальной задачи называть черное бѣлымъ, долженъ признать, что въ Галлиполи сдѣлано великое дѣло возрожденія духа арміи и что снова живъ 1-й ея корпусъ.

Въ Галлиполи парады являлись смотрами духа — въ этомъ и состоитъ переоцѣнка цѣнностей.

Если слѣдить изо дня въ день за галлиполійской жизнью, то на первый взглядъ можетъ показаться, что слишкомъ много производилось парадовъ.

Но если принять во вниманіе, что въ Галлиполи было сосредоточено до пятидесяти отдѣльныхъ частей, праздновавшихъ свои полковые праздники, прибавить къ этому смотры и парады по случаю спеціально военныхъ праздниковъ и по случаю пріѣзда Главнокомандующаго — то придется признать, что не такъ уже и много было парадовъ.

Помимо парадовъ, устраивавшихся по указаннымъ выше причинамъ, были парады въ дни Богоявленія и Св. Пасхи.

Наконецъ, войска корпуса неоднократно принимали участіе въ религіозныхъ церемоніяхъ.

Первый парадъ войскамъ корпуса былъ устроенъ 9 декабря по случаю кавалерскаго праздника ордена Св. Георгія Побѣдоносца.

Хотя по условіямъ расквартированія только что высадившихся въ Галлиполи войскъ на парадъ была выведена лишь очень небольшая часть корпуса, но уже и этотъ парадъ показалъ, что армія жива.

Первый большой парадъ состоялся въ лагерѣ 25 января въ ознаменованіе праздника Богоявленія Господня. Первоначально парадъ былъ назначенъ на самый день праздника (19 января), но вслѣдствіе ненастной погоды его пришлось отложить.

Торжественный церемоніалъ, установленный для этого парада и отличный видъ войскъ дали почувствовать присутствовавшимъ на парадѣ французамъ и другимъ иностранцамъ, что въ русскомъ галлиполійскомъ лагерѣ не бѣженцы, а нѣчто совсѣмъ другое. А это и было отчасти цѣлью устройства парада.

Наиболѣе яркое впечатлѣніе какъ на войска корпуса, такъ и на присутствовавшихъ, произвелъ, безъ сомнѣнія, февральскій парадъ по случаю второго посѣщенія Галлиполи Главнокомандующимъ — генераломъ Врангелемъ.

Въ первый разъ Главнокомандующій посѣтилъ Галлиполи во второй половинѣ декабря 1920 года. Но въ это время части корпуса еще устраивались въ непріютномъ Галлиполи, шла еще работа по приведенію себя въ порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ, почему большого парада и не устраивалось. Но все же генералъ Врангель и тогда уже могъ видѣть, что работа въ Галлиполи кипитъ и что дѣло возсозданія корпуса находится въ вѣрныхъ рукахъ.

Гораздо показательнѣе былъ второй пріѣздъ

15 февраля въ 8 час. 15 мин. утра катеръ Главнокомандующаго, прибывшаго на яхтѣ «Лукуллъ», причалилъ къ молу галлиполійскаго порта.

Встрѣченный рапортомъ командира корпуса генерала Кутепова и чиновъ комендатуры и привѣтствіемъ французскаго коменданта, генералъ Врангель прошелъ по фронту почетнаго караула сенегальскихъ стрѣлковъ, послѣ чего направился къ почетному караулу, выставленному отъ баталіона юнкеровъ Константиновскаго военнаго училища.

Подъ звуки преображенскаго марша и при восторженныхъ крикахъ юнкеровъ и собравшихся на пристани офицеровъ и солдатъ, генералъ Врангель обошелъ фронтъ караула, на лѣвомъ флангѣ котораго принялъ почетныхъ ординарцевъ.

Пропустивъ юнкеровъ церемоніальнымъ маршемъ, Главнокомандующій, сопровождаемый громовымъ ура, отправился на автомобилѣ въ лагерь.

За автомобилемъ Главнокомандующаго, ѣхавшаго съ генераломъ Кутеповымъ, слѣдовали автомобили съ чинами штаба корпуса и свиты, съ французскими офицерами и съ прибывшими на «Лукуллѣ» корреспондентами нѣсколькихъ иностранныхъ газетъ.

Около 8 час. 45 мин. Главнокомандующій прибылъ въ лагерь и, остановившись на лѣвомъ флангѣ его, принялъ почетный караулъ—роту Самурскаго полка съ ихъ старымъ боевымъ знаменемъ. Пропустивъ караулъ церемоніальнымъ маршемъ и обойдя расположенный по близости лазаретъ лагернаго сбора, Главнокомандующій около 9 час. 15 мин. прибылъ на мѣсто парада.

Войска были построены «покоемъ». На правомъ флангѣ стала пѣхота, въ центрѣ — артиллеріи, на лѣвомъ крылѣ — конница.

Подъ звуки преображенскаго марша начался обходъ войскъ, который продолжался болѣе получаса. На привѣтствіе Главнокомандующаго «здорово, орлы!» раздавались дружные отвѣты и неслось громкое «у р а», подхваченное тысячами зрителей.

Выйдя послѣ обхода войскъ на середину построенія, Главнокомандующій торжественно возложилъ на вновь пожалованныхъ кавалеровъ знаки Ордена Св. Николая Чудотворца.

Послѣ того, какъ вновь пожалованные кавалеры стали въ строй, Главнокомандующій обратился къ войскамъ съ рѣчью, въ которой призывалъ ихъ держаться крѣпко, не поддаваясь никакимъ увѣщаніямъ. «Недалеко то время, когда насъ снова позоветъ Родина и мы должны быть готовы», говорилъ Главнокомандующій. Здравица за Россію, нашу страдалицу, и тѣмъ болѣе дорогую намъ Родину, была покрыта долго несмолкаемымъ мощнымъ «ура» многихъ тысячъ русскихъ людей.

Не менѣе дружно были встрѣчены провозглашенные генералами Врангелемъ и Кутеповымъ здравицы за армію, за Главнокомандующаго и послѣднимъ — за генерала Кутепова.

Закончился парадъ блестящимъ церемоніальнымъ маршемъ. Стройными рядами проходили въ сомкнутыхъ колоннахъ полкъ за полкомъ.

Впечатлѣніе отъ парада было огромно. Даже люди, прожившіе все время съ корпусомъ въ Галлиполи, не ожидали такой внушительной картины.

Среди иностранныхъ офицеровъ, сквозь оффиціальную сдержанность проглядывало съ трудомъ скрываемое удовольствіе видѣть такія стройныя войска.

Одинъ изъ корреспондентовъ англійскихъ газетъ, самъ бывшій офицеръ, долго всматривался въ проходившіе ряды и въ концѣ концовъ воскликнулъ, обращаясь къ своимъ коллегамъ: «намъ говорили — бѣженцы, но вѣдь это настоящая армія».

На другой день, 16 февраля, при огромномъ стеченіи народа состоялся парадъ войскамъ, расположеннымъ въ городѣ. На этомъ парадѣ приняли участіе всѣ военныя училища и школы, Техническій полкъ и другія части.

Блестящій парадъ произвелъ сильное впечатлѣніе на мѣстное населеніе, едва ли видѣвшее когда либо подобную картину.

Но самое сильное впечатлѣніе произвели оба эти парада на самыя войска, которыя въ первый разъ увидѣли себя въ сборѣ и снова почувствовали себя. Безъ сомнѣнія, дни 15 и 16 февраля были крупнымъ этапомъ въ возрожденіи духа осознавшей себя Арміи.

3 мая, на третій день Св. Пасхи въ лагерѣ и городѣ состоялись парады войскамъ корпуса, которые принималъ генералъ Кутеповъ.

Прекрасная погода способствовала успѣху этихъ парадовъ, на которыхъ присутствовало много иностранцевъ и представителей мѣстнаго населенія.

22 мая происходилъ большой парадъ по случаю праздника ордена Св. Николая Чудотворца.

Войска въ лагерѣ заняли въ полѣ свои обычныя мѣста противъ лагеря Алексѣевскаго артиллерійскаго дивизіона. Въ это время въ церкви Алексѣевскаго пѣхотнаго полка главнымъ священникомъ корпуса соборне совершалась литургія, по окончаніи которой изъ церкви направился къ войскамъ крестный ходъ.

Въ центрѣ расположенія войскъ былъ поставленъ аналой, къ которому были поднесены знамена, штандарты и регаліи.

ПАРАДЪ ВЪ ГОРОДѢ

По окончаніи молебствія крестный ходъ прослѣдовалъ обратно въ церковь.

Закончился парадъ церемоніальнымъ маршемъ, при чемъ во главѣ парадировавшихъ войскъ проходили кавалеры ордена Св. Николая Чудотворца.

Большой парадъ состоялся въ городѣ 12 іюля (29 іюня ст. ст.) въ день ангела Главнокомандующаго. Къ этому дню было пріурочено производство выпускныхъ юнкеровъ въ офицеры, благодаря чему парадъ пріобрѣталъ особую торжественность. Кромѣ всѣхъ военныхъ училищъ и расположенныхъ въ городѣ частей, на парадъ были выведены роты и эскадроны отъ каждой изъ частей расположенныхъ въ лагерѣ.

Заканчивая краткій обзоръ парадовъ, остановимся еще на парадахъ, произведенныхъ войскамъ лагеря и города въ дни пребыванія въ Галлиполи предсѣдателя парижскаго національнаго комитета А. В. Карташева и въ дни посѣщенія Галлиполи членомъ того же комитета В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ и А. С. Хрипуновымъ.

Въ оба эти пріѣзда были произведены парады какъ въ лагерѣ, такъ и въ городѣ. Надо при этомъ замѣтить, что названные гости посѣтили Галлиполи уже тогда, когда значительная часть корпуса была отправлена въ Сербію и въ Болгарію.

На всѣхъ этихъ парадахъ командиръ корпуса сердечно привѣтствовалъ представителей русской общественности, выражая увѣренность, что личное знакомство съ арміей придастъ имъ силы съ новой энергіей бороться за сохраненіе арміи, какъ будущаго оплота порядка въ Россіи.

Помимо парадовъ, войска корпуса принимали, какъ было сказано выше, неоднократно участіе въ религіозныхъ торжествахъ.

На страстной недѣлѣ войска, расположенныя въ городѣ, принимали участіе въ церемоніи перенесенія Св. Плащаницы изъ греческаго собора въ гарнизонную временную церковь, устроенную на одной изъ площадей. Черезъ весь городъ тянулись шпалеры войскъ съ хорами трубачей, игравшихъ при прохожденіи процессіи — «Коль Славенъ».

Съ большой торжественностью прошли закладка и открытіе братскаго памятника на городскомъ русскомъ кладбищѣ.

9 мая состоялось закладка этого памятника, поставленнаго почившимъ въ Галлиполи русскимъ воинамъ.

Черезъ два съ небольшимъ мѣсяца памятникъ былъ готовъ и 16 іюля состоялось его освященіе. На парадъ были выведены роты (эскадроны, батареи) отъ всѣхъ безъ исключенія частей корпуса. Присутствовали представители всѣхъ учрежденій. Гимназія и дѣтскій садъ были налицо въ полномъ составѣ учащихъ и учащихся.

При войскахъ были ихъ знамена и орденскія трубы. Послѣ обхода войскъ командиромъ корпуса, начался торжественный чинъ освященія памятника, совершенный духовенствомъ корпуса. По окончаніи богослуженія командиръ корпуса принялъ командованіе парадомъ и отдалъ памятнику и памяти погребенныхъ вокругъ него воиновъ первую воинскую почесть, скомандовавъ «всѣмъ парадомъ, слушай, на — караулъ». Послѣ возложенія на памятникъ вѣнковъ началось прохожденіе войскъ мимо памятника церемоніальнымъ маршемъ, при чемъ во главѣ войскъ сталъ самъ командиръ корпуса, генералъ Кутеповъ, имѣя за собой начальника штаба, генерала Штейфона.

Остается сдѣлать обзоръ произведенныхъ въ Галлиполи смотровъ.

Главною цѣлью смотровъ была повѣрка боевой подготовки и боевой готовности войскъ, а отчасти детальное ознакомленіе съ нуждами корпуса и его чиновъ. Смотры эти производились, какъ командиромъ корпуса, такъ и младшими начальниками.

Изъ смотровъ командира корпуса интересно отмѣтить произведенныя имъ нѣсколько разъ ночныя «тревоги». Такія тревоги были устроены въ лагерѣ 18 мая и 1 іюня, а въ городѣ — 23 іюня. Подобные вызовы войскъ ночью, безъ всякаго предупрежденія, буквально «по тревогѣ» показали, что, «мы готовы» ...

Большое впечатлѣніе оставилъ въ корпусѣ инспекторскій смотръ, произведенный командированнымъ по повелѣнію Главнокомандующаго генераломъ Эккъ.

Съ 24 марта по 9 апрѣля объѣзжалъ генералъ Эккъ части корпуса, знакомился съ бытомъ войскъ, повѣрялъ строевую подготовку и хозяйство ихъ и принималъ жалобы.

Въ самомъ приказѣ по поводу смотра генерала Экка Главнокомандующій, указывая на нѣкоторые недочеты и отдавая приказаніе разобрать признанныя основательными жалобы, объявлялъ, что:

«Благодаря желѣзной волѣ командира корпуса, генералъ отъ инфантеріи Кутепова, корпусъ, несмотря на исключительно тяжелыя моральныя и матеріальныя условія, представляетъ собою мощный воинскій организмъ, которому и впредь не страшны никакія испытанія».

Заканчивая настоящій очеркъ слѣдуетъ еще разъ указать, что на смотрахъ строевой и боевой подготовки, части корпуса показали, что они могутъ вступить въ борьбу съ врагами Родины и съ честью вести эту борьбу. На парадахъ же, являвшихся смотрами духа, части корпуса показали, что они не только могутъ нести борьбу, но и желаютъ этой борьбы.

Наконецъ, эти «смотры духа» дали Главнокомандующему и командиру корпуса увѣренность, что за ними стоитъ и пойдетъ, куда они прикажутъ — твердая и сплоченная духомъ воинская сила.

А это дало имъ нравственную опору и право быть твердыми въ ихъ сношеніяхъ съ иностранцами.

И вотъ почему иностранцы, равнодушно, въ общемъ, наблюдавшіе занятія корпуса по боевой подготовкѣ, всегда съ чрезвычайнымъ вниманіемъ всматривались въ ряды русскихъ войскъ на парадахъ.

ОТНОШЕНІЕ АРМІИ КЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ

Два пріѣзда Главнокомандующаго въ Галлиполи явились рѣшающими факторами психологическаго состоянія войскъ.

Каждый разъ они становились какъ бы рубежами отдѣльныхъ эпохъ. Каждый разъ они разрѣшали наростающее психическое напряженіе. И, думается, для пониманія этого отношенія необходимо прослѣдить истоки этихъ настроеній, вскрыть причины этой почти стихійной любви военныхъ массъ къ вождю, которому не удалось дать войскамъ ни упоенія побѣдой, ни достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Періодъ командованія генерала Деникина закончился новороссійской трагедіей. Здоровая идея «Великой, Единой и Недѣлимой Россіи», которую проводили, къ сожалѣнію, съ догматической непримиримостью, смѣнилась послѣ Новороссійска тягостнымъ сознаніемъ полнѣйшаго государственнаго краха. Остатки развалившейся, деморализованной и вышедшей изъ подчиненія высшему командному составу арміи прибыли въ Крымъ.

Неизбѣжность капитуляціи по первому требованію Англіи казалась фактомъ и идея русской государственности въ эту тяжелую минуту выпала изъ рукъ тѣхъ, кто дѣлалъ послѣднія попытки ее охранить.

Генералъ Врангель принялъ это тяжелое наслѣдство. На предложеніе англійскаго посредничества, которое звучало почти приказаніемъ, онъ отвѣтилъ наступленіемъ. И это наступленіе, не давшее, можетъ быть, существенныхъ военныхъ результатовъ, подѣйствовало какъ отрезвленіе для тѣхъ, кто, сохраняя тоску по государственной идеѣ,

считалъ все дѣло проиграннымъ. Этотъ первый шагъ былъ учтенъ, какъ протестъ противъ того періода, который довелъ дѣло освобожденія до окончательнаго краха. Возможность эмансипаціи отъ иностраннаго вліянія, столь сильнаго при Деникинѣ, окрыляла новыми надеждами. На глазахъ у всѣхъ начала возрождаться армія и вся жизнь стала строиться на новыхъ основаніяхъ.

Подчиненію иностраннымъ вліяніямъ была противопоставлена апелляція къ національной гордости. Узкой, почти шовинистической, программѣ—широкая терпимость и готовность итти со всѣми, кто одинаково заинтересованъ въ дѣлѣ сверженія большевизма, и отъ всего этого личность новаго Главнокомандующаго въ первое время его управленія стала сразу необыкновенно популярной.

Новый курсъ не былъ политикой правительства, которое въ то время не имѣло никакого лица: диктаторъ самъ учелъ обстановку какимъ то интуитивнымъ путемъ и эта линія поведенія, ясная и простая, воспринималась всѣми, какъ проявленіе его личной воли.

Наступилъ краткій періодъ успѣховъ, расцвѣта, увы, несбывшихся надеждъ и, наконецъ, послѣ заключенія мира Совдепіи съ Польшей, послѣдніе дни крымской драмы. Обаяніе и персональная вѣра въ Главнокомандующаго были настолько велики, что крымская катастрофа для многихъ оказалась неожиданностью.

Глубокій тылъ, такой чуткій ко всѣмъ неудачамъ на фронтѣ, до послѣднихъ дней сохранялъ спокойствіе. Генеральное сраженіе, окончившееся отходомъ въ Крымъ, рисовалось какъ тонко задуманный планъ для окончательнаго разгрома большевиковъ. И даже когда закрылись Перекопскія ворота, у многихъ видныхъ чиновъ правительства была увѣренность въ какой то исключительной неприступности укрѣпленій на перешейкѣ.

Когда такъ внезапно обнаружилось начало конца и былъ отданъ приказъ объ эвакуаціи, многимъ, пережившимъ Одессу и Новороссійскъ, рисовались тяжелыя минуты ближайшихъ часовъ.

Вспомнился недостатокъ транспортныхъ средствъ, вспомнилось, какъ армія, потерявшая свой ликъ, думавшая исключительно о собственномъ спасеніи, захватывала пароходы, лица на судахъ послѣдней опоры. И, главное, какъ въ эти тяжелыя минуты уходила куда то центральная власть, а на фонѣ всеобщей анархіи разнуздывались инстинкты толпы.

Здѣсь особенно ярко выявилась фигура генерала Врангеля. Теперь предстояло тягчайшее испытаніе уже не на полѣ битвы: предстояло вывезти армію и людей, обреченныхъ на гибель.

Для этого нужно было прежде всего: чтобы въ этотъ отвѣтственный мигъ власть, какъ это случалось раньше, не ушла.

И она не ушла. Не только незримо чувствовалась ея рука, направляющая на суда, грузящая отходящія части. Вездѣ то тутъ, то тамъ, появлялся генералъ Врангель, рѣшительный и спокойный. Онъ въ бук-

вальномъ смыслѣ выѣхалъ изъ Севастополя послѣднимъ. Народная молва приписывала ему рядъ поступковъ, которые — были они въ самомъ дѣлѣ или нѣтъ — окружали его ореоломъ безстрашія, твердости и благородства.

Въ послѣднихъ своихъ приказахъ Главнокомандующій обѣщалъ, что вывезетъ всѣхъ желающихъ; но съ откровенностью и смѣлостью, которая такъ импонируетъ массамъ, онъ говорилъ, что идемъ мы неизвѣстно куда, не имѣя ни клочка земли, ни денегъ. Онъ совѣтывалъ тѣмъ, кто можетъ, остаться, но масса—военная и штатская—ринулась на пароходы.

Было бы преувеличеніемъ сказать, что побудительнымъ стимуломъ къ этому явилось желаніе во что бы то ни стало остаться съ нимъ до конца.

Страхъ передъ большевиками сильнѣе всѣхъ другихъ мотивовъ толкалъ людей на отплывающія суда. Но бросая близкихъ лицъ и имущество, отправляясь неизвѣстно куда безъ копейки денегъ, всѣ жили сознаніемъ, что генералъ Врангель стоитъ во главѣ этой отплывающей Россіи. Его приказъ понимался не какъ сложеніе имъ отвѣтственности за будущее. Наоборотъ, чувствовалось, что его сознаніе отвѣтственности стало еще больше. И всѣ понимали, что онъ сдѣлаетъ больше, чѣмъ можно: съ нимъ вмѣстѣ сама неизвѣстность не была уже такой страшной.

Но въ эти минуты растерянности и моральнаго униженія для арміи было мало одной твердой руки, которая указывала бы путь физическаго спасенія.

Для этихъ измученныхъ людей нуженъ былъ фокусъ, куда собрались бы лучи ихъ идеалистическихъ стремленій.

Трагизмъ послѣдняго прощанія съ родной землей требовалъ подняться до трагическихъ высотъ: и онъ, стоявшій во главѣ отъѣзжавшей арміи, былъ поднятъ ею на эту исключительную высоту.

Войска отходили по разнымъ путямъ. Крейсеръ «Генералъ Корниловъ», на которомъ держалъ флагъ Главнокомандующій, обходилъ все побережье Крыма. Онъ, какъ отвѣтственный за все, всюду поспѣвалъ въ послѣдній моментъ.

22 ноября первыя части войскъ достигли Галлиполи. Ожидали Главнокомандующаго, но дни проходили за днями, недѣли за недѣлями, а онъ, который, казалось, держитъ нити дальнѣйшей судьбы, не прибывалъ. Въ рядахъ войскъ уже началась растерянность. Общее положеніе было совершенно неяснымъ. Послѣдній приказъ говорилъ, что армію и флотъ Главнокомандующій передаетъ подъ покровительство Франціи, «первой, признавшей міровое значеніе нашей борьбы». Французскій флагъ на нашихъ судахъ и французскій паекъ были внѣшнимъ доказательствомъ такого покровительства. Но каково будетъ дальнѣйшее положеніе русскихъ войскъ? Будутъ ли они трактоваться, какъ

гражданскіе бѣженцы, или, какъ армія? Если—армія, то, потерявъ свою территорію, не будетъ ли она въ лучшемъ случаѣ квалифицирована, какъ часть иностраннаго легіона?

На все это ни у кого не было отвѣта. И, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ газетъ и противорѣчивыми слухами объ общемъ международномъ положеніи, такая неопредѣленность создавала мучительную неизвѣстность.

7 декабря впервые въ штабѣ корпуса появилось сообщеніе, нѣсколько освѣтившее планъ нашего командованія: къ этому времени относится полученіе сношенія отъ генерала Шатилова. «Сообщаю для свѣдѣнія и оріентировки, — говорилось въ этомъ сношеніи, — Главнокомандующій твердо рѣшилъ добиваться сохраненія арміи, какъ силы для борьбы съ большевизмомъ и какъ ядра для будущей русской арміи. Въ случаѣ какихъ либо предположеній союзниковъ о примѣненіи арміи противъ народностей, враждебныхъ Антантѣ, Главнокомандующій рѣшилъ на это согласія своего не давать, считая, что Русская Армія спаяна идеей борьбы съ коммунизмомъ и только по этому назначенію и можетъ быть употреблена». Содержаніе этой бумаги, къ сожалѣнію, не получило широкаго распространенія, но общій тонъ ея какъ то проникъ въ толщу корпуса и сводится къ немногимъ вѣрнымъ положеніямъ.

Главнокомандующій не только не бросилъ свою армію въ тяжелый моментъ посадки; онъ остался и останется на стражѣ интересовъ арміи. Онъ — какъ будто вполнѣ зависящій отъ воли Антанты, не дастъ согласія ни на какую комбинацію, противную основной идеѣ арміи. Онъ не ѣдетъ только потому, что не можетъ оставить Константинополь; онъ пріѣдетъ, когда положеніе наше опредѣлится. Его пріѣздъ принесетъ что то новое, его пріѣздъ выяснитъ наше положеніе.

18 декабря, на броненосномъ крейсерѣ Provence генералъ Врангель прибылъ въ Галлиполи, вмѣстѣ съ французскимъ адмираломъ де-Бонъ. Почетный караулъ чернокожихъ, выставленный на пристани, какъ бы подчеркивалъ признаніе арміи. И вопросъ объ этомъ признаніи, вопросъ, который разрѣшится черезъ нѣсколько часовъ, создавалъ чувство исключительной напряженности.

Въ такомъ состояніи напряженности произошла первая встрѣча Главнокомандующаго со своими войсками. Генералъ Врангель, котораго привыкли всѣ видѣть въ сѣрой черкескѣ, былъ въ корниловской формѣ и казался какимъ то далекимъ и утомленнымъ: чувствовалось, что эта встрѣча волновала и его, привыкшаго въ самыя тяжелыя минуты сохранять спокойствіе. Войска къ этому времени уже пріобрѣли внѣшній строевой видъ, хотя еще пестрѣли въ сборныхъ одеждахъ.

Они стояли неподвижно, пока Главнокомандующій здоровался съ ними, но уже въ привѣтствіяхъ ихъ чувствовалось, что прежняя связь не только не утеряна, но укрѣпилась еще сильнѣе. И, наконецъ, при общей напряженности, голосомъ, который отчетливо слышался въ са-

мыхъ отдаленныхъ рядахъ, онъ обратился къ войскамъ съ рѣчью.

— Вы исполнили свой долгъ до конца, — сказалъ онъ, — и не ваша вина, что вы уступили превосходящему силой врагу. Виноватъ въ этомъ міръ, который не поддержалъ насъ. Вамъ мой низкій поклонъ. Я не хотѣлъ къ вамъ ѣхать до тѣхъ поръ, пока не выяснится наше положеніе. Три дня тому назадъ я получилъ сообщеніе, что до тѣхъ поръ, пока мы снова сможемъ вступить въ борьбу, мы, какъ армія, сохраняемъ свой составъ и всю организацію. Дайте же мнѣ, вашу ходатаю передъ иностранными державами и таковому же изгнаннику какъ и вы, право говорить отъ вашего имени. Сплотитесь, чтобы я зналъ, что все это — выраженіе вашей воли...

Эта рѣчь, произнесенная въ присутствіи адмирала де-Бонъ, произвела колоссальное впечатлѣніе. Всѣмъ стало ясно, что только благодаря

„НА КАРАУЛЪ!"

исключительно преданности арміи и напряженію всей воли Главнокомандующаго, армія оказалась признанной, и признанной не въ качествѣ иностранныхъ наемниковъ, но съ сохраненіемъ своего національнаго лица. Его роль, какъ ходатая передъ иностранными державами, отказавшагося отъ всякихъ личныхъ интересовъ во имя своего долга и своей идеи, стала понятной каждому солдату.

Войска восторженно провожали Главнокомандующаго. Окрыленныя надеждами, они стали терпѣливо ждать, что это декларативное признаніе измѣнитъ тѣ тяжелыя условія, въ которыхъ приходилось жить первому корпусу.

Но эти условія не улучшались. Вскорѣ сама декларація подверглась оспариванію. Смѣна кабинета Лейга и вступленіе Бріана на постъ премьеръ-министра ознаменовались прямымъ поворотомъ прежней политики. Армія стала разсматриваться, какъ простые бѣженцы. Открыто подчеркивалось, что политическое значеніе «крымской авантюры» кончилось и на очереди вопросъ о матеріальномъ устройствѣ этихъ людей, сидящихъ на французскомъ пайкѣ.

Всѣ эти настроенія быстро передавались арміи. Между Главнокомандующимъ, генераломъ Шарпи и верховнымъ комиссаромъ Пелле началась рѣзкая переписка, въ которой генералъ Врангель проявилъ исключительное достоинство и мужество. Въ сознаніи солдатъ онъ сталъ уже не только ходатаемъ и представителемъ, онъ становился уже заложникомъ во вражескомъ станѣ, который не сгибается и гордо отражаетъ всѣ удары во имя сохраненія чести и достоинства арміи.

И этотъ новый мотивъ настроеній вылился ко второму пріѣзду Главнокомандующаго, 15 февраля, въ восторженную встрѣчу. Теперь, какъ и тогда, ждали отъ его пріѣзда новыхъ вѣстей, но это ожиданіе отошло на второй планъ передъ массовымъ желаніемъ выявить ему свои чувства. И когда, по существу, Главнокомандующій не сообщилъ ничего новаго, и его рѣчь свелась только къ надеждѣ на измѣненіе нашей судьбы подъ вліяніемъ общихъ условій, — это не вызвало ни разочарованія, ни охлажденія.

Былъ холодный день, все небо было покрыто тучами, каждую минуту готовъ былъ хлынуть дождь. И въ тотъ самый моментъ, когда Главнокомандующій сошелъ съ автомобиля, разорвались тучи и яркое солнце освѣтило всю равнину. Это совпаденіе еще усилило и обострило общее чувство. Многіе солдаты и офицеры не могли сдержать своего нервнаго напряженія, многіе плакали. Это былъ поистинѣ тріумфъ.

Рѣчь Главнокомандующаго не открыла никакихъ новыхъ горизонтовъ. Рѣзко охарактеризовавъ собравшихся въ Парижѣ «учредиловцевъ», указавъ на друзей, «которые увѣряли насъ въ своей любви во время нашихъ побѣдъ, а теперь отвернулись отъ насъ», сказавъ объ объединеніи парламентскихъ дѣятелей, поддерживающихъ его, генералъ Врангель перешелъ къ самой главной части своей рѣчи: что же ожидаетъ армію?

— Какъ это солнце прорвалось сквозь темныя тучи, — почти закричалъ онъ, — такъ освѣтитъ оно и нашу Россію... Не пройдетъ и трехъ мѣсяцевъ, какъ тѣ, которые нами пренебрегаютъ, попросятъ сами помочь имъ... И я поведу васъ впередъ, въ Россію... Держитесь...

Послѣ его отъѣзда атаки противъ арміи стали еще сильнѣе. Но періодъ борьбы нотами смѣнился борьбой дѣйствіями.

Были пущены всѣ мѣры для распыленія и разложенія арміи, вплоть до провокаціонныхъ воззваній о неповиновеніи начальникамъ. Эти дѣйствія сопровождались уменьшеніемъ пайка, почти ежедневными уколами самолюбія и завершались требованіемъ къ Главнокомандующему сложить свои полномочія: французы нашли, что наибольшимъ препятствіемъ къ достиженію ихъ цѣлей является личность Главнокомандующаго.

Генералъ Врангель отвѣтилъ категорическимъ отказомъ. Онъ заявилъ, что только физическое лишеніе свободы оторветъ его отъ арміи.

Французы не посмѣли его арестовать. И опять вокругъ этой борьбы, которая происходила въ Константинополѣ, создавались новыя легенды. Онъ, котораго французы все же изолировали отъ непосредственнаго общенія съ арміей, не допустивъ его пріѣзда на Пасху, — онъ освѣтился еще ореоломъ страданія за всѣхъ, сидящихъ въ тяжелыхъ условіяхъ галлиполійской жизни. Онъ сталъ уже неотдѣлимъ отъ арміи и физическія преграды еще больше соединили его съ нею.

И одновременно съ этимъ все возрастало чувство національной гордости. Когда-то изъ устъ Главнокомандующаго трепетно ожидали рѣшенія вопроса о нашемъ признаніи; теперь этотъ вопросъ пережилъ свою остроту. Армія уже не нуждалась въ чужомъ признаніи.

Она, страдающая вмѣстѣ со своимъ Главнокомандующимъ, стала на собственныя ноги: армія признала себя. Въ протестѣ противъ мелкой, недальновидной и обидной политики бывшихъ союзниковъ она объединилась съ нимъ еще сильнѣе. И чѣмъ обиднѣе была эта недостойная политика, тѣмъ выше становился его образъ.

Какъ когда то ему поставили въ вину отходъ отъ Крыма, такъ теперь съ рѣдкимъ добродушіемъ любовно простили его неудачный прогнозъ. Прошло много мѣсяцевъ — и тѣ, которые пренебрегаютъ арміей, еще не просятъ ее помочь имъ. Вмѣсто этого происходитъ разселеніе въ славянскія страны и не видно еще того времени, когда онъ поведетъ свои войска въ Россію.

Но армія — пусть малочисленная и растаявшая — уже загипнотизирована.

Она знаетъ: не во имя личныхъ интересовъ честолюбія сохраняетъ генералъ Врангель свой тяжелый постъ. Онъ сдѣлаетъ для нея не только что можно: онъ сдѣлаетъ и то, что невозможно.

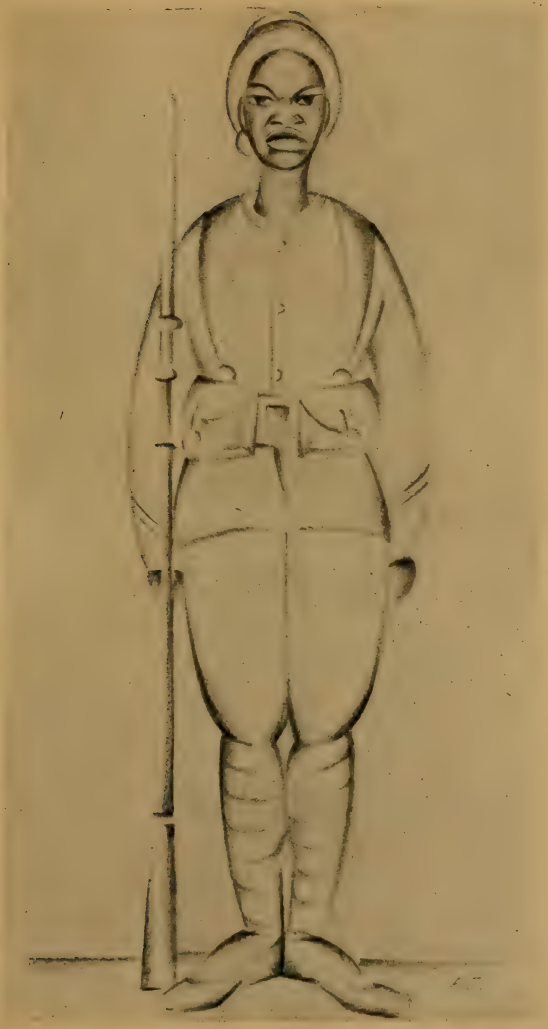
И наступитъ день — пусть этотъ день не придетъ завтра — когда собравъ воедино растекшіеся ручейки Русской Арміи онъ поведетъ ее, какъ хранительницу національной государственности, въ родную Россію.

ВЗАИМООТНОШЕНІЯ СЪ ФРАНЦУЗАМИ

Изъ всѣхъ катастрофическихъ эвакуацій, пережитыхъ за послѣдніе годы противобольшевистскими арміями, крымская эвакуація прошла наиболѣе безболѣзненно и планомѣрно. По прибытіи въ Босфоръ на переполненныхъ пароходахъ были подняты французскіе флаги; всѣ поняли, что Франція беретъ невольныхъ бѣглецовъ подъ свое покровительство. Въ то же время нужно было отдать себѣ отчетъ въ томъ, что своимъ благороднымъ поступкомъ Франція ставила себя въ очень затруднительное положеніе. Какъ нужно было трактовать насъ — вооруженныхъ, сохранившихъ воинскую организацію и командованіе — но лишенныхъ совершенно территоріи? Армія это или просто группа бѣженцевъ? Но кто бы мы ни были — насъ нужно было накормить и обогрѣть. И вотъ, оставляя пока въ сторонѣ рѣшеніе принципіальныхъ вопросовъ, французское командованіе въ Константинополѣ приложило много усилій, чтобы удовлетворить насущнѣйшія потребности.

Питаніе и снабженіе арміи шло сначала весьма медленнымъ темпомъ, но эти недостатки въ организаціи помощи корпусъ объяснялъ себѣ неподготовленностью французовъ къ пріему такого большого числа людей и внезапностью ихъ прибытія. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало извѣстно, что чины французскаго оккупаціоннаго корпуса интенсивно работаютъ по размѣщенію и снабженію арміи и что даже очередные отпуски на родину у нихъ отмѣнены. Все это порождало въ корпусѣ чувство признательности къ Франціи. Правда, нѣсколько непріятное впечатлѣніе произвело частичное разоруженіе арміи французами во время стоянки на константинопольскомъ рейдѣ (разрѣшено было оставить оружіе только на 1/20 наличнаго состава, а также шашки и револьверы офицерамъ), но благожелательное настроеніе къ французамъ на первыхъ порахъ преобладало.

Высадившійся въ Галлиполи 1-й корпусъ русской арміи засталъ тамъ французскій гарнизонъ, состоявшій изъ баталіона сенегальскихъ стрѣлковъ въ 500 человѣкъ при 28 пулеметахъ. Командиръ баталіона



СЕНЕГАЛЬСКІЙ СТРѢЛОКЪ

являлся начальникомъ гарнизона и комендантомъ города; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ нашимъ прибытіемъ получилъ титулъ «коменданта русскихъ лагерей». Вначалѣ комендантомъ былъ маіоръ Вейлеръ, потомъ подполковникъ Томассенъ.

Съ низшими чинами французскаго гарнизона на первыхъ же порахъ происходили тренія. Поводами были, напримѣръ, грубость сержантовъ французскаго интендантства по отношенію къ нашимъ пріемщикамъ офицерамъ: отказъ французовъ допускать фактическую повѣрку по вѣсу принимаемыхъ продуктовъ (сахару, напримѣръ, часто не хватало до 50%). Впослѣдствіи все это было отчасти улажено.

Весьма памятенъ случай, происшедшій въ первый же мѣсяцъ пребыванія въ Галлиполи и чуть не повлекшій за собой крупныхъ осложненій. Патруль сенегальцевъ арестовалъ двухъ русскихъ офицеровъ за громкое пѣніе на базарѣ и повелъ ихъ во французскую комендатуру. При этомъ сенегальцы били арестованныхъ прикладами такъ, что одинъ оказался облитымъ кровью. Освѣдомленный объ этомъ происшествіи начальникъ штаба корпуса немедленно лично отправился къ французскому коменданту и потребовалъ выдачи арестованныхъ. Въ этомъ было отказано и французскій караулъ былъ вызванъ въ ружье. Начальникъ штаба тотчасъ вызвалъ двѣ роты юнкеровъ Константиновскаго военнаго училища и двинулъ ихъ впередъ. Сенегальцы моментально разбѣжались, бросивъ два пулемета. Арестованные были освобождены. Вскорѣ послѣ этого французы перестали высылать свои патрули въ городъ.

На фонѣ этихъ, въ общемъ мелкихъ, недоразумѣній стала проявляться весьма непріятная тенденція французскихъ властей обходить русское командованіе при отдачѣ распоряженій, касавшихся корпуса. Но уже на первыхъ порахъ эта система встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны русскихъ войскъ и всѣ распоряженія французовъ, не прошедшія черезъ штабъ русскаго корпуса, просто не исполнялись или исполнялись лишь отдѣльными лицами, рѣшившими порвать съ арміей. — И еще болѣе непріятное впечатлѣніе производило стремленіе французскихъ властей подчеркнуть во всемъ зависимость корпуса отъ нихъ.

Напримѣръ, какъ то въ январѣ 1921 года французскій комендантъ, принявъ рѣшеніе объѣхать русскій лагерь, нашелъ нужнымъ предварительно, какъ бы частнымъ образомъ, черезъ своего офицера, предупредить коменданта лагеря о своемъ пріѣздѣ и о желательности устройства надлежащей встрѣчи. Было рѣшено, однако, никакой встрѣчи не устраивать и всѣмъ заниматься своими дѣлами, выжидая какъ поведетъ себя французскій комендантъ. Послѣдній, не дѣлая никому визита, объѣхалъ лагерь, встрѣтившій его, какъ обыкновеннаго проѣзжаго, съ молчаливой вѣжливостью. По объѣздѣ лагеря, французскій комендантъ сообщилъ командиру корпуса, что онъ «объѣхалъ русскій лагерь и привѣтствовалъ русскія знамена».

Весьма острый вопросъ о сдачѣ оружія, возникшій еще во времена стоянки на Босфорѣ, разрѣшился въ концѣ концовъ въ пользу корпуса. Переговоры о сдачѣ намѣренно затягивались штабомъ корпуса. Командиръ настаивалъ на необходимости сохраненія оружія въ военныхъ училищахъ для обученія юнкеровъ, въ полкахъ и при штабахъ — для несенія охранной службы. На требованіе французовъ сдать пулеметы или въ крайнемъ случаѣ замки отъ пулеметовъ подъ ихъ охрану — послѣдовалъ отвѣтъ, что охрану пулеметовъ корпусъ беретъ на себя, что они будутъ храниться въ головныхъ ротахъ полковъ. Когда эти оттяжки привели, наконецъ, къ категорическому требованію французовъ сдать оружіе, то на это былъ данъ не менѣе категорическій отвѣтъ, что оружіе не будетъ сдано добровольно и развѣ только можетъ быть отнято силой. Въ результатѣ корпусъ до конца своего пребыванія въ Галлиполи сохранилъ свое оружіе.

Первый пріѣздъ въ Галлиполи генерала Врангеля (18 декабря 1920 года), казалось, долженъ былъ сообщить нѣкоторую опредѣленность

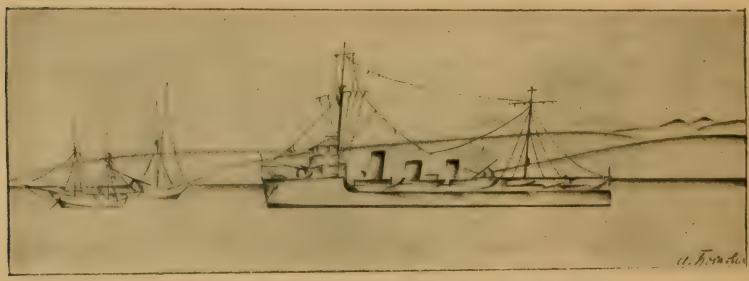
взаимоотношеній съ французами. Сопровождаемый командующимъ французской эскадрой адмираломъ де-Бонъ, генералъ Врангель, принимая парадъ, объявилъ войскамъ, что великія державы готовы признать насъ арміей и сохранить нашу воинскую организацію. Вѣсть эта окрылила надежды корпуса и онъ былъ готовъ простить французамъ многія накопившіяся обиды.

Но дѣйствительность скоро принесла разочарованіе. Паденіе кабинета Лейга, появленіе Бріана, смѣна высшаго французскаго командованія въ Константинополѣ и затѣмъ уже опредѣленно высказанное непризнаніе арміи, какъ военной организаціи — все это сразу свалилось на русскій корпусъ.

Потерпѣвъ неудачу въ дѣлѣ разоруженія корпуса, Франція была поставлена передъ фактомъ существованія въ районѣ Константинополя вооруженной организованой арміи, — что по ея мнѣнію, противорѣчило международному праву (оффиціальное сообщеніе французскаго правительства отъ 17 апрѣля 1921 года; см. приложеніе I). Не будучи точно

освѣдомлена о настроеніяхъ русскаго корпуса. Франція высказывала опасность для мира и спокойствія Константинополя (то-же оффиціальное сообщеніе). Возможно, что эта неосвѣдомленность о цѣляхъ и намѣреніяхъ русской арміи, да и вообще неясность положенія съ точки зрѣнія международнаго права и заставили французское правительство принять линію поведенія, совершенно непріемлемую для корпуса.

Съ особой ясностью все это выявилось для корпуса во время пріѣзда въ Галлиполи командира оккупаціоннаго корпуса, генерала Шарпи. Отказавшись отъ почетнаго караула, генералъ Шарпи при объѣздѣ лагеря старался подчеркнуть свое отношеніе къ войскамъ, какъ къ обыкновеннымъ бѣженцамъ. И затѣмъ, будучи съ визитомъ у командира корпуса оффиціально заявилъ, что Франція окончательно отказывается видѣть какую либо разницу между арміей и гражданскими бѣженцами, что будутъ приняты мѣры для скорѣйшаго разсѣянія корпуса по дру-



ФРАНЦУЗСКІЙ МИНОНОСЕЦЪ НА РЕЙДѢ ВЪ ГАЛЛИПОЛИ

гимъ странамъ. Главной причиной такого рѣшенія Франціи выставлялись непосильные для ея бюджета расходы, вызванные питаніемъ русской арміи. Въ одномъ изъ писемъ своихъ (отъ 24 января 1921 г. за № 31383, см. приложеніе II) командиръ оккупаціоннаго корпуса указываетъ на раны, которыя послѣ великой войны должна залѣчивать у себя Франція и которыя все же не помѣшали ей пріютить русскихъ бѣженцевъ. Между прочимъ, въ этомъ же письмѣ указывается, что «выдаваемые раціоны значительно выше тѣхъ, которые Совѣты выдаютъ въ Россіи красной арміи»... И далѣе: «расходъ испрашиваемый русскимъ Главнокомандующимъ на добавокъ къ Рождеству былъ бы слишкомъ великъ, чтобы быть перенесеннымъ французскимъ бюджетомъ». Въ концѣ этого письма, командиръ оккупаціоннаго корпуса, отказывая въ выдачѣ для занятій артиллерійскаго имущества, даетъ совѣтъ «выполнять упражненія безъ оружія, такъ какъ физическая тренировка можетъ быть достигаема интенсивнымъ употребленіемъ войскъ на ра-

боты по улучшенію лагерей, исправленію дорогъ, постройкѣ банъ, бараковъ и т. п.».

При такомъ отношеніи со стороны французскаго командованія русскому корпусу оставалось только тѣснѣе сплотить свои ряды, сохраняя полную лойяльность къ представителямъ мѣстнаго французскаго гарнизона и проявлять вмѣстѣ съ тѣмъ въ отношеніяхъ съ ними рѣшительную твердость и упорство.

Такая рѣшимость корпуса при всѣхъ сношеніяхъ съ французами, поставила послѣднихъ въ довольно затруднительное положеніе: съ одной стороны распоряженіемъ французскаго правительства русскія войска должно было превратить въ обычную безсловесную бѣженскую массу, съ другой — корпусъ твердо рѣшилъ до конца защищать свою военную организацію. Въ концѣ концовъ распоряженіе французскаго правительства такъ до конца и осталось не приведеннымъ въ исполненіе. Реальная воинская сила, которую представлялъ приведшій себя въ порядокъ корпусъ, не позволяла французамъ примѣнять открытое вооруженное воздѣйствіе. Создавшееся положеніе было правильно учтено командиромъ корпуса и надлежаще понято французскимъ командованіемъ. Благодаря тактичнымъ дѣйствіямъ обѣихъ сторонъ всѣ острые вопросы рѣшались въ общемъ мирно.

Не имѣя, такимъ образомъ, возможности примѣнять силу, французское командованіе все же добивалось разсѣянія арміи подпольнымъ путемъ, т. е. посылкой агитаторовъ въ части корпуса для пропаганды переселенія въ Бразилію, Совдепію и другія страны. Въ сентябрѣ и октябрѣ въ корпусномъ судѣ разсматривались дѣла, возникшія въ связи съ этой агитаціей французовъ. Однако, слѣдуетъ для болѣе яснаго представленія объ этой темной сторонѣ взаимоотношеній съ французами въ Галлиполи добавить нижеслѣдующее: по даннымъ этихъ дѣлъ не представлялось возможнымъ судить, была ли такова политика французскаго правительства или же возникновеніе дѣла находилось въ связи съ дѣятельностью безотвѣтственныхъ руссофобскихъ круговъ французскаго командованія. Передъ прибытіемъ парохода, помимо усиленной агитаціи, обычно вывѣшивалось на улицахъ города въ одномъ — двухъ экземплярахъ соотвѣтствующее объявленіе, часто только на французскомъ языкѣ. Въ приложеніяхъ читатель найдетъ нѣсколько такихъ объявленій (приложенія III, IV, V и X) и сможетъ, прочтя ихъ надлежащимъ образомъ оцѣнить ихъ тонъ, убѣдительность, а также правдивость сообщаемыхъ свѣдѣній и этичность доводовъ. Особенно характерны въ одномъ изъ объявленій взыванія къ чести и достоинству русскихъ, подкрѣпляемыя рядомъ обѣщаніями сокращенія и даже совершеннаго упраздненія пайка; тутъ же заключались обычныя жалобы на обремененіе французскаго бюджета, назначеніе рѣшительныхъ, крайнихъ сроковъ кормленія и попреки пайкомъ. Въ этомъ же объявленіи указывается, что содержаніе бѣженцевъ обходится 40 милліоновъ фран-

ковъ въ мѣсяцъ. Насколько это вѣрно читатель можетъ судить по подсчету, произведенному въ статьѣ «Снабженіе корпуса»: по этому подсчету питаніе одного человѣка обходилось около 70 франковъ въ мѣсяцъ. Въ другомъ объявленіи приводятся завѣренія совѣтскаго представителя изъ Баку, г. Серебровскаго, объ абсолютной гарантіи отъ преслѣдованія всѣхъ (кромѣ офицеровъ — бѣженцевъ), которые прибудутъ на нефтяныя работы въ Баку; «увѣряемъ бѣженцевъ» — заканчиваютъ уже отъ себя французы, «что они могутъ свободно выражать свое мнѣніе, не боясь никакого преслѣдованія». — Въ одномъ изъ такихъ объявленіи (см. приложеніе V) прямо говорится, что французское правительство рѣшило прекратить паекъ, и потому «бѣженцамъ» остается одно изъ трехъ: 1) вернуться въ Совѣтскую Россію, 2) отправиться въ Бразилію и 3) содержать себя на свой счетъ. Затѣмъ приводятся доводы въ пользу каждаго изъ этихъ предложеній: 1) что русскіе, недавно высадившіеся въ Новороссійскѣ, „ont été accueillis sans difficulté“.
2) что Бразилія страна здоровая, заселенная многими европейцами и что тамъ русскіе эмигранты могутъ сохранить свое русское подданство. Въ замѣчательномъ «оффиціальномъ сообщеніи французскаго правительства» (см. приложеніе I) обращаетъ на себя вниманіе обрисовка съ французской точки зрѣнія позиціи генерала Врангеля, какъ заговорщика, угрожающаго международному спокойствію на востокѣ. Подчеркивая свою гуманность въ отношеніи 135 тысячъ русскихъ, французское правительство настаиваетъ на томъ, что собственно оно никогда по настоящему не признавало правительство генерала Врангеля и что теперь врядъ ли можно бороться съ большевизмомъ посредствомъ войскъ, не сумѣвшихъ справиться съ большевиками въ періодъ наибольшей своей организованности въ Крыму. Сообщеніе заканчивается утвержденіемъ, что арміи Врангеля больше не существуетъ, что бывшіе начальники не имѣютъ права больше отдавать приказанія.

Русскій корпусъ въ общемъ спокойно относился ко всѣмъ этимъ мѣрамъ французскаго командованія. Кромѣ не столь уже значительнаго числа поколебавшихся, остальные хранили стойкость, бодрость духа и вѣру въ будущее. О настроеніяхъ корпуса въ то время свидѣтельствуетъ между прочимъ такой курьезный случай съ однимъ изъ французскихъ объявленій. Эти объявленія послѣ нѣсколькихъ попытокъ срывать ихъ и дѣлать на нихъ обидныя для французовъ надписи, — стали вывѣшиваться подъ охраной чернаго часового, который, ревниво оберегая ихъ, не позволялъ интересующимся подойти къ нимъ вплотную. Полны комизма были фигуры русскихъ, съ вытянутыми шеями пытавшихся съ большого разстоянія прочесть мелко написанное объявленіе, къ тому же заслоненное воинственной фигурой сенегальца. И вотъ однажды предпріимчивый русскій шутникъ ухитрился замѣнить французское очередное объявленіе плакатомъ съ надписью: «Первый Армейскій Корпусъ вѣренъ и вѣритъ своему Вождю генералу Врангелю и

туда только пойдетъ, куда онъ поведетъ». И подъ дружный хохотъ зрителей недоумѣвающій часовой еще долгое время сторожилъ этотъ плакатъ, дѣятельно отгоняя назойливую толпу русскихъ весельчаковъ.

Однако, не всѣ инциденты такого рода оканчивались комически. Въ мартѣ и апрѣлѣ дѣятельность французовъ, направленная къ разсѣянію арміи, стала особенно интенсивной, настроеніе корпуса приняло напряженный характеръ — и все это завершалось рядомъ столкновеній чиновъ корпуса съ французами, иногда довольно рѣзкихъ. И только твердая линія поведенія, разъ и навсегда принятая нашими властями, а также и осторожность французскаго командованія, не дали дальнѣйшаго развитія столь обострившимся отношеніямъ. Между прочимъ, французскій комендантъ запретилъ своимъ солдатамъ послѣ одного изъ инцидентовъ на пять дней отлучки въ городъ по частнымъ дѣламъ.

Дѣло разсѣянія корпуса французамъ не удалось. Въ главѣ о бѣженцахъ читатель найдетъ полныя свѣдѣнія о результатахъ французскихъ стараній въ этомъ отношеніи. Однимъ, изъ важныхъ слѣдствій всего этого было исчезновеніе довѣрія у корпуса къ французскому командованію.

Отдавъ себѣ отчетъ въ полной невозможности сломить стойкость корпуса и сознавая свое полное безсиліе выполнить направленныя къ этому распоряженія своего правительства, мѣстныя французскія власти стали пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы усугубить впечатлѣніе полной зависимости русскаго командованія отъ нихъ. Такъ, были крайне затруднены поѣздки изъ Галлиполи въ Константинополь и обратно. Главнокомандующему, генералу Врангелю, было воспрещено посѣщать лагери русской арміи. Русскій генералъ К., вызванный лично командиромъ оккупаціоннаго корпуса въ Константинополь, былъ задержанъ тамъ насильно на три недѣли. Генералу Кутепову, возвращавшемуся изъ Константинополя въ Галлиполи послѣ одной изъ поѣздокъ, виза была сильно задержана и вручена уже на пароходѣ. Такихъ случаевъ, носившихъ характеръ просто недостойныхъ придирокъ, было довольно много.

Въ то же время, наружно, мѣстное французское командованіе сохраняло корректное отношеніе къ русскимъ властямъ. Такъ, всѣ письменныя сношенія французскій комендантъ знаменательно адресовалъ «Командиру 1-го Армейскаго Корпуса Русской Арміи». — Къ новому году и къ Пасхѣ французскій комендантъ прислалъ командиру корпуса поздравительныя письма (приложеніе VI), написанныя въ самой дружественной формѣ; слова: «мы всѣ горячо желаемъ исполненія Вашихъ личныхъ желаній и того, чтобы вскорѣ засіялъ день Вашихъ надеждъ» — какъ бы указываютъ, что мѣстный французскій гарнизонъ всецѣло раздѣляетъ наши надежды и стремленія на сохраненіе русской арміи. — Французскіе офицеры присутствовали на русскихъ парадахъ; а на освященіи памятника представитель французскаго командованія вы-

ступилъ съ оффиціальной привѣтственной рѣчью. На свои празднества французы приглашали представителей русскаго командованія (напримѣръ, на праздникъ Жанны Д'Аркъ 15 іюня былъ приглашенъ генералъ Кутеповъ). На этомъ праздникѣ представители русскаго корпуса участвовали по приглашенію французовъ въ отдачѣ воинскихъ почестей вновь пожалованнымъ кавалерамъ ордена Почетнаго Легіона. Французскіе караулы (изъ состава сенегальскихъ стрѣлковъ) при прохожденіи русскихъ похоронныхъ процессій вызывались въ ружье и отдавали воинскую честь. Баронессу О. М. Врангель французы чествовали оффиціальнымъ обѣдомъ на своемъ миноносцѣ и затѣмъ французскіе офицеры присутствовали на ужинѣ, устроенномъ въ честь баронессы штабомъ корпуса. Обращала на себя вниманіе особая корректность французскихъ моряковъ по отношенію къ нашему командованію. Командиръ дежурнаго миноносца, прибывая въ Галлиполи, всегда дѣлалъ визитъ генералу Кутепову. Французское интендантство, вообще достаточно строгое, придирчивое и сухооффиціальное въ сношеніяхъ съ корпусомъ, иногда, (правда рѣдко,) шло навстрѣчу нуждамъ корпуса: напримѣръ, когда въ августѣ международный красный крестъ сильно задержалъ присылку продуктовъ для женщинъ и дѣтей, французское интендантство заимообразно выдало продуктовъ на три недѣли, чѣмъ назрѣвшій кризисъ былъ предотвращенъ. То же французское интендантство снабжало дровами русскую гимназію (по особому ходатайству ея администраціи), а также и питательные пункты.

Всѣ эти знаки вниманія, были, конечно, признаками особой тактичности представителей французскаго командованія въ Галлиполи. Однако, русскій корпусъ имѣлъ основаніе сомнѣваться въ совершенной искренности этихъ представителей, особенно учитывая ихъ подозрительность, которая проявлялась во многомъ и которая была основана на глухомъ раздраженіи противъ французовъ, несомнѣнно таившемся въ массахъ корпуса и извѣстномъ французамъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ лѣта въ корпусѣ проводились усиленныя занятія по втягиванію въ походное движеніе съ полной выкладкой и въ нѣкоторыхъ частяхъ были произведены командиромъ корпуса ночныя тревоги. Французы рѣшили, что корпусъ приводитъ себя въ боевую готовность. Въ Константинополь полетѣли телеграммы и французскій верховный комиссаръ (генералъ Пелле) оффиціально выразилъ опасеніе, что русскій корпусъ можетъ атаковать Константинополь. Французскія власти въ Галлиполи пригласили командира корпуса на парадный завтракъ, и между тостовъ въ честь корпуса и его командира, тутъ же за столомъ пытались узнать, что означаютъ всѣ эти боевыя приготовленія корпуса. Завѣренія генерала Кутепова, что всѣ эти мѣры проводятся въ порядкѣ очередныхъ занятій, на случай возможнаго выступленія въ Сербію походныхъ порядкомъ, видимо, не вполнѣ удовлетворили французовъ. Какъ бы въ отвѣтъ на это, французы устроили у себя маневры, на ко-

торыхъ рѣшалась задача обороны совмѣстными дѣйствіями пѣхоты и миноносцевъ перешейка у с. Булаиръ, соединяющаго Галлиполійскій полуостровъ съ материкомъ. На маневры былъ приглашенъ русскій генералъ Карцовъ, который лично убѣдился, между прочимъ, въ крайне неудачной стрѣльбѣ по перешейку артиллеріи миноносца. Этотъ характерный эпизодъ показываетъ, какихъ результатовъ началъ достигать русскій корпусъ своимъ единеніемъ и спайкой.

Начавшееся въ августѣ 1921 года разсредоточеніе русскаго корпуса по славянскимъ странамъ внесло еще нѣсколько любопытныхъ и, нужно сказать, непріятныхъ штриховъ во взаимоотношеніяхъ корпуса съ мѣстными французами. Начать съ того, что для частей кавалеріи, отправленныхъ въ Сербію, были предоставлены очень плохіе и малые пароходы, что вызвало много неудобствъ. При отправкѣ одного изъ этихъ эшелоновъ, французскій офицеръ, контролировавшій посадку, нанесъ оскорбленіе женѣ русскаго офицера, который вызвалъ француза на дуэль. Вызовъ не былъ принятъ, такъ какъ, по объясненію французскаго коменданта, здѣсь было столкновеніе не частнаго характера, ибо французскій офицеръ находился при выполненіи обязанностей службы. Французскій комендантъ находилъ, что вообще въ отношеніи русскихъ французы находятся всегда при исполненіи служебныхъ обязанностей. На это командиръ корпуса отвѣтилъ, что развивая логически эту точку зрѣнія, придется вмѣнить въ обязанность русскому офицеру оставаться равнодушнымъ зрителемъ, если за его женой будетъ ухаживать французскій военнослужащій и при томъ въ явно недопустимой формѣ. Дуэль не состоялась. Въ приложеніяхъ (VII и VIII) читатель найдетъ переписку по этому вопросу.

28 августа 1921 года французскій комендантъ прислалъ командиру корпуса письмо (приложеніе IX) съ требованіемъ очистить отъ русскихъ городъ къ 1 октября. Названныя въ письмѣ Сергіевское артиллерійское и Корниловское военныя училища къ указанному сроку были переведены въ лагерь, такъ какъ въ занимавшихся ими помѣщеніяхъ, по увѣренію французовъ, подлежали расквартированію вновь прибывающія французскія войска. Однако, ко времени отъѣзда корпуса изъ Галлиполи, помѣщенія эти все еще пустовали. Въ отношеніи же выселенія въ лагерь остальныхъ частей, а также семействъ, требованіе французовъ вовсе не было исполнено.

1 сентября 1921 года (письмомъ № 1895) французскій комендантъ потребовалъ въ категорической формѣ фактической повѣрки численнаго состава всего лагеря, включая женщинъ и дѣтей, подъ контролемъ французскихъ офицеровъ. Командиръ корпуса въ рѣзкой формѣ отказалъ въ этомъ и сообщилъ французскому коменданту число наличнаго состава, добытое обычнымъ путемъ. Французскій комендантъ отвѣтилъ (письмомъ № 1921), что онъ принимаетъ сообщенное ему число за основное, но, согласно распоряженія командира оккупаціоннаго кор-

пуса сообщаетъ число пайковъ, назначенныхъ для русскихъ, которое оказалось на 242 менѣе дѣйствительнаго. — Наконецъ, 29 августа послѣ почти двухмѣсячнаго перерыва, французы вдругъ вывѣсили объявленіе съ приглашеніемъ желающихъ ѣхать въ Баку (приложеніе X). Въ немъ опять содержится увѣреніе, что русскіе, ранѣе прибывшіе въ Баку на работы, встрѣтили тамъ хорошій пріемъ. Далѣе сообщалось, что записавшіеся въ Баку будутъ немедленно изъяты изъ русскаго лагеря въ непосредственное вѣдѣніе французскаго коменданта. Запрошенный командиромъ корпуса французскій комендантъ отвѣтилъ, что на это объявленіе никто не отозвался.

Можно было бы привести еще не мало примѣровъ такихъ придирокъ, оставившихъ послѣ себя довольно непріятный осадокъ. Врядъ ли можно считать, что всѣ эти мелочные уколы по самолюбію диктуются французскимъ правительствомъ; съ другой стороны, трудно возлагать вину лишь на одно мѣстное французское командованіе. Быть можетъ, основой создавшихся взаимоотношеній было довольно безвыходное и подчасъ щекотливое положеніе мѣстныхъ французскихъ властей, натыкавшихся при выполненіи директивъ своего правительства на стойкость русскаго корпуса.

Трудно будетъ позабыть всѣ эти крупныя и мелкія обиды, которыя пришлось перенести отъ большихъ и малыхъ агентовъ французской власти. Но русскій корпусъ всегда будетъ помнить о помощи ежедневнымъ пайкомъ, которымъ Франція снабжала его въ теченіе года.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КОРПУСА

Пребываніе 1-го армейскаго корпуса въ Галлиполи въ свое время будетъ представлять интереснѣйшій прецедентъ въ наукѣ международнаго права. Находясь на территоріи Греціи, въ зонѣ союзной оккупаціи, корпусъ сохранилъ свою военную организацію и самостоятельность во внутреннемъ управленіи и, наконецъ, имѣлъ свою судебную власть. Изъ предыдущихъ главъ ясно, что такое самостоятельное положеніе корпусъ пріобрѣлъ не вслѣдствіе какого либо юридическаго соглашенія русскаго командованія съ иностранными державами, а собственными усиліями, направленными къ самосохраненію. Такимъ образомъ, до послѣдняго времени юридическаго титула своего существованія корпусъ не имѣлъ.

Разсмотривая въ указанномъ смыслѣ пребываніе 1-го армейскаго корпуса въ Галлиполи, должно замѣтить слѣдующее: если бы даже въ исторіи международнаго права были указаны факты сохраненія арміи на иностранной территоріи, то этимъ отнюдь не была бы исчерпана до конца трудность юридическаго обоснованія положенія русской арміи за границей. Жизнь 1-го армейскаго корпуса не укладывалась въ рамки чисто военной организаціи, а потому и оффиціальное признаніе арміи иностранными державами лишь отчасти устранило бы возможность цѣлаго ряда другихъ коллизій.

Происходило это потому, что за время гражданской войны армія нѣсколько измѣнила свой военный обликъ. Расширяя свою власть, согласно «Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время», въ сферѣ управленія гражданскаго, армія сама впитывала чуждые ей элементы, а вмѣстѣ съ тѣмъ растворялась въ широкихъ задачахъ общегосударственнаго характера. Соединеніе въ лицѣ высшаго командного состава функцій управленій военнаго и гражданскаго, не прошло для

арміи безслѣдно. Дурно ли это было или хорошо, здѣсь во всякомъ случаѣ оно не подлежитъ обсужденію. Важно то, что такую двойственную физіономію армія имѣла къ моменту эвакуаціи и сохранила ее за границей. Иными словами, за границу эвакуировалась вмѣстѣ съ арміей и русская государственность въ той ея формѣ, въ которой она выкристаллизировалась въ процессѣ гражданской войны. Поэтому, если принять во вниманіе указанный дуалистическій характеръ арміи, можно утверждать, что поставленныя крымской эвакуаціей теоріи международнаго права казусы гораздо шире, чѣмъ вопросъ о возможности юридическаго признанія находящейся на иностранной территоріи арміи. По той же причинѣ, а не только въ силу патріотическихъ чувствъ, каждый враждебный выпадъ противъ арміи, ощущался въ Галлиполи какъ актъ антинаціональный, направленный противъ всей Россіи. Враги арміи разсматривались, какъ лица враждебныя русской государственности, немногочисленные же защитники интересовъ корпуса — какъ друзья Россіи. Этотъ своеобразный государственный эгоцентризмъ въ 1-мъ корпусѣ былъ интереснымъ, такъ сказать, психологическимъ истолкованіемъ своего правового положенія.

Указанной выше самостоятельности, фактическаго своего признанія, корпусъ достигъ, конечно, не сразу. Когда былъ оставленъ Крымъ, и пароходы съ русскими войсками плыли по Босфору, никакихъ перспективъ у арміи въ этомъ отношеніи не было, а еще раньше эта неопредѣленность нашла себѣ выраженіе въ извѣстномъ обращеніи южно-русскаго правительства.

Лишь по прибытіи войскъ въ Константинополь, настойчиво проводимыя Главнокомандующимъ мѣры по сохраненію арміи вызвали полемику по этому поводу. Въ настоящее время еще нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы съ достаточной ясностью освѣтить этотъ періодъ «хожденія по мукамъ» русской арміи. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что союзными державами въ вопросѣ о дальнѣйшемъ сохраненіи арміи юридическая сторона дѣла была почему то отодвинута на задній планъ; союзники въ своихъ первоначально, какъ будто благожелательныхъ, а впослѣдствіи (со смѣной кабинета Лейга), въ лицѣ французскаго командованія, стоявшаго во главѣ оккупаціоннаго корпуса въ Константинополѣ, и враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ арміи, пошли по пути практическихъ мѣропріятій. Почему былъ выбранъ такой образъ дѣйствій? Потому ли, что гораздо легче было оказывать активное противодѣйствіе попыткамъ Главнокомандующаго, чѣмъ переносить споръ въ плоскость сложныхъ контроверзъ международнаго права, или потому, что такой образъ дѣйствій подсказывался политической конъюнктурой — рѣшать эти вопросы въ томъ или иномъ смыслѣ представляется опрометчивымъ. Во всякомъ случаѣ нельзя, конечно, считать юридически обоснованными общія фразы оффиціальнаго сообщенія французскаго правительства отъ 17 апрѣля 1921 года.

Въ этомъ обращеніи, именно, читаемъ: — «генералъ Врангель образовалъ въ Константинополѣ своего рода русское правительство и претендуетъ на то, чтобы сохранить на положеніи арміи вывезенныя изъ Крыма войска». — И далѣе: «существованіе такой арміи на оттоманской территоріи противорѣчило бы международному праву и представляло бы опасность для мира и спокойствія Константинополя и его окрестностей, охраняемыхъ союзной оккупаціей въ трудныхъ условіяхъ».—

До ратификаціи севрскаго договора подобныя сообщенія могли расцѣниваться лишь какъ обычные выпады противъ русской арміи, какъ «некрасивыя атаки», по сравненію газеты «Общее дѣло».

Уклончивое отношеніе союзныхъ державъ къ возможности дать, такъ сказать, конституцію существованія русской арміи, имѣло однако одіозное значеніе для 1-го армейскаго корпуса лишь косвенно, т. е. какъ выраженіе державами согласія отказа отъ дальнѣйшаго продолженія вооруженной борьбы съ большевиками. Въ дѣйствительности же корпусъ до конца своего пребыванія въ Галлиполи опредѣленно не зналъ, признали ли армію, или нѣтъ, такъ какъ за конкретнымъ фактомъ достигнутой въ Галлиполи русскими самостоятельности юридическіе вопросы теряли свою остроту.

Главнымъ основаніемъ къ утвержденію независимости русскихъ войскъ въ Галлиполи послужило прежде всего сохраненіе въ частяхъ оружія. Когда же выяснилось, что 1-й армейскій корпусъ оружія не сдастъ, трудно уже было говорить о томъ, что въ Галлиполи находятся «бѣженцы», а не войска. Поэтому совершенно естественнымъ послѣдствіемъ этого кардинальнаго факта явилось сохраненіе въ войскахъ и всей внутренней организаціи. Попытки французскаго командованія разсматривать армію, какъ «бѣженцевъ» или провести взглядъ на подчиненность русскихъ французамъ — заранѣе обречены были на неудачу, что въ дѣйствительности и произошло. Выраженіемъ безплодности этихъ попытокъ служили оффиціальныя сношенія французскаго командованія, адресуемыя такъ: «Командиру 1-го армейскаго корпуса». И то бостоятельство, что представитель французскаго командованія въ Галлиполи именовался: „Commandant les Troupes d'Occupation de la Presqu'île de Gallipoli et les camps russes", имѣло лишь номинальное значеніе.

Отношеніе мѣстныхъ представителей греческой власти къ русской арміи достаточно обрисовано въ соотвѣтствующихъ главахъ. Не вызываетъ при этомъ сомнѣній, что такое отношеніе, главнымъ образомъ, зависѣло отъ того, что корпусъ въ Галлиполи продолжалъ сохранять военную организацію, а также и то, что при обращеніи чиновъ арміи въ «бѣженцевъ» русскіе и здѣсь превратились бы въ пасынковъ международной политики.

Дальше можно утверждать, что такая картина будетъ имѣть мѣсто и въ другихъ странахъ: русскіе, -какъ армія, будутъ сохранять основы, какъ военной, такъ и государственной организаціи.

Другимъ главнѣйшимъ факторомъ утвержденія независимости корпуса въ Галлиполи явилось сохраненіе военной юстиціи въ лицѣ корпуснаго суда. Только здѣсь, на чужбинѣ, можно было оцѣнить все значеніе «своего суда». Глубокое недоумѣніе вызвали поэтому протесты нѣкоторой части русской эмиграціи («Воля Россіи») по поводу сохраненія Главнокомандующимъ корпусныхъ судовъ. Вызывали эти протесты такое впечатлѣніе, какъ будто армію упрекали за то, что она сумѣла отстоять русскую государственность.

Установленіе подвѣдомственности дѣлъ о проступкахъ и преступленіяхъ русскихъ греческому суду означало бы не только уничтоженіе воинской организаціи корпуса, но явилось бы лишеніемъ вообще русскихъ въ Галлиполи какихъ бы то ни было признаковъ самостоятельности. Это особенно ярко сказалось въ вопросѣ о подсудности русскихъ гражданскихъ лицъ и семей военно-служащихъ, проживавшихъ въ раіонѣ расположенія корпуса. Въ своемъ мѣстѣ указывалось, что разрѣшить этотъ вопросъ не удалось, да и не представлялось возможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, разрѣшеніе дѣлъ о гражданскихъ лицахъ въ консульскомъ судѣ въ Константинополѣ вызвало бы ссылку на п. 8 Временнаго положенія объ этомъ судѣ, согласно каковому пункту, консульскому суду были подвѣдомственны дѣла о русско-подданныхъ, находящихся на территоріи Турціи. Передача же дѣлъ о тѣхъ же лицахъ въ греческій судъ была бы въ буквальномъ смыслѣ сѣченіемъ по живому тѣлу, такъ какъ каждый живущій въ Галлиполи тѣснѣйшимъ образомъ былъ связанъ съ корпусомъ. Допустивъ сужденіе русскихъ въ судѣ греческомъ, пришлось бы предоставить греческимъ властямъ право производства у русскихъ обысковъ, выемокъ, задержаніе обвиняемыхъ и т. д. Впрочемъ, необходимость юридическаго опредѣленія положенія гражданскихъ лицъ въ Галлиполи возникла по иниціативѣ русскаго же суда; французское командованіе и греческія власти никакихъ вопросовъ по этому поводу не возбуждали. Вообще независимость русскаго военнаго суда въ Галлиполи ни разу не была нарушена.

Выше указывалось, что жизнь 1-го корпуса не укладывалась въ рамки военной организаціи, и поэтому естественно, что многія явленія этой жизни остались безъ юридической нормировки. Такова довольно обширная область отношеній гражданскихъ, вызванныхъ къ жизни экономическими и другими причинами. Сплошь и рядомъ тяжущіеся за разрѣшеніемъ вопросовъ гражданскаго характера обращались просто къ русскому коменданту города. И такъ было вездѣ, гдѣ проявлялась въ Галлиполи жизнь русской государственности въ миніатюрѣ: всякое ея болѣе или менѣе интенсивное выраженіе неизбѣжно замыкалось тѣмъ кругомъ, за предѣломъ котораго вставалъ вопросъ о юридическомъ признаніи русской власти заграницей. Въ силу этого всѣ предпринимаемыя русскимъ командованіемъ мѣры не могли по необходимости не носить характера компромисса. Иныхъ послѣдствій и быть

не могло, такъ какъ изъ сказаннаго выше слѣдуетъ заключить, что русская армія за границей находилась въ томъ положеніи, которое представители Франціи еще въ Крыму опредѣлили не имѣющимъ никакого юридическаго содержанія и ни къ чему не обязывающимъ терминомъ «фактическое признаніе». Поскольку такое фактическое признаніе касалось мѣстныхъ интересовъ корпуса, неудобства подобнаго положенія, въ видѣ общаго правила, не выступали въ рѣзкой формѣ, но тамъ, гдѣ выявлялось государственное значеніе бытія русской арміи, вопросы юридическаго характера достигали высшей напряженности.

Изученіе правового положенія корпуса представляетъ глубокій интересъ не только для международнаго права, но и для другихъ правовыхъ дисциплинъ, напримѣръ, государственнаго, уголовнаго и административнаго права. Но кромѣ этого изъ такого изученія нельзя не сдѣлать выводовъ, имѣющихъ и современное значеніе: пребываніе 1-го армейскаго корпуса въ Галлиполи съ несомнѣнностью показало, что армія является для русскихъ въ настоящее время лучшимъ хранилищемъ государственныхъ началъ. И для всякаго пріѣзжавшаго въ Галлиполи было ясно, что тамъ находился не только 1-й армейскій корпусъ, а нѣчто большее — уголокъ Россіи.

Вмѣстѣ съ арміей, этимъ плавающимъ по морю и по сушѣ кораблемъ, находились и ростки идей общегосударственнаго значенія, символизируемые развивающимся въ Галлиполи трехцвѣтнымъ флагомъ, а потому казалось исполненнымъ глубокаго юридическаго смысла то мѣсто изъ романа «Война и миръ», гдѣ графъ Л. Н. Толстой сравнивалъ армію съ кораблемъ. Не Галлиполи, не «долина розъ и смерти» были для русскихъ третьимъ, дополняющимъ понятіе государства, элементомъ, а совокупность тѣхъ незримыхъ отношеній, которыя связывали корпусъ въ одно цѣлое. Не нужно поэтому прикрѣплять къ Галлиполи того, что было сдѣлано первымъ армейскимъ корпусомъ: тамъ находилась «плавающая русская государственность», для которой могла имѣть значеніе территоріи лишь родная земля.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Значеніе административной дѣятельности въ Галлиполи не равно ея удѣльному вѣсу въ условіяхъ нормальной жизни государства. Администрація въ 1-мъ армейскомъ корпусѣ представляется опытнымъ полемъ для заложенныхъ въ арміи началъ государственности.

Въ этой сторонѣ жизни корпуса наиболѣе ярко сказалась двойственность задачъ, предложенныхъ самою жизнью эвакуированнымъ изъ Крыма войскамъ: быть арміей и вмѣстѣ съ тѣмъ выразителемъ правового лица антибольшевистскихъ силъ Россіи. Именно сюда послѣ оставленія Крыма устремились взоры русскихъ эмигрантовъ, и центромъ вниманія, на которомъ эти взоры останавливались, были представляемыя арміей, какъ двуликимъ Янусомъ, два лица: армія и Россія.

Согласно сказаннаго, въ высшей степени было важно то, какъ будетъ воспринята въ сознаніи представителей иностранныхъ державъ эвакуированная русская армія: аморфной ли массой бѣженцевъ или спаянной какими то внутренними объединяющими началами организаціей? Форма этого воспріятія опредѣляла все дальнѣйшее отношеніе союзниковъ къ войскамъ и, въ общихъ чертахъ, попытки союзнаго командованія къ распыленію арміи.

Такимъ образомъ, административная дѣятельность русскихъ въ Галлиполи, выраженная въ формахъ порядка, дисциплинированности и благоустройства, одно время имѣла рѣшающее значеніе для всей судьбы русской арміи. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что въ Галлиполи вмѣстѣ съ корпусомъ прибыли семьи военныхъ и гражданскія лица, потребности которыхъ не укладывались въ рамки военной организаціи, естественнымъ послѣдствіемъ чего явилось распространеніе компетенціи военныхъ учрежденій въ сферѣ отношеній гражданскихъ. Въ области административной дѣятельности слѣдуетъ различать лагерь и городъ: первый жилъ чисто военной, лагерной жизнью, во второмъ дѣйствовало управленіе русскаго коменданта города.

Функціи коменданта города таковы: 1) регистрація всѣхъ русскихъ, проживающихъ, прибывающихъ въ Галлиполи и не состоявшихъ въ тѣхъ частяхъ, управленіяхъ и учрежденіяхъ корпуса, кои были рас-

квартированы въ городѣ; 2) организація санитарной части; 3) расквартированіе русскихъ въ Галлиполи; 4) наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ и организація охраны города; 5) надзоръ за русскими торговыми заведеніями и ресторанами; 6) наблюденіе за командами и отдѣльными лицами, прибывающими въ городъ изъ лагеря; 7) устройство мѣстъ заключеній и наблюденіе за содержаніемъ арестованныхъ; 8) наблюденіе за дисциплинарной ротой; 9) производство дознаній по проступкамъ и преступленіямъ, совершавшимся русскими въ чертѣ города; 10) разсмотрѣніе въ военно-полевомъ судѣ при управленіи тѣхъ дѣлъ о военнослужащихъ, кои по очевидности совершеннаго не требовали дознанія (сюда почти исключительно относились дѣла о нарушеніи военнослужащими благочинія: буйство, появленіе въ нетрезвомъ видѣ и т. п.); 11) надзоръ за портомъ; 12) организація караульной службы; 13) разборъ дѣлъ по частнымъ жалобамъ гражданскихъ лицъ, военнослужащихъ и ихъ семей и т. п.

Русскій комендантъ города былъ назначенъ еще на пароходѣ (21 ноября 1921 года) по прибытіи судовъ съ войсками на галлиполійскій рейдъ и приведенныя выше функціи комендантскаго управленія возникли, конечно, не сразу.

Предѣлы власти вновь назначеннаго коменданта никакими соглашеніями съ представителями французскаго командованія опредѣлены не были. Приходилось дѣйствовать такъ, какъ подсказывала создавшаяся обстановка. Первоначально дѣятельность коменданта города ограничивалась только устройствомъ войскъ на новыхъ мѣстахъ и надзоромъ за наружнымъ порядкомъ въ городѣ. Въ первые дни дѣятельность комендантскаго управленія не носила систематическаго характера. Лишь въ декабрѣ 1920 года были учреждены инспекторская, военно-судебная, квартирная и санитарная части и приблизительно съ этого же времени комендантское управленіе вошло въ кругъ болѣе или менѣе систематической работы.

Управленіе коменданта города размѣстилось въ помѣщеніи греческой таможни. Наверху зданія былъ утвержденъ трехцвѣтный русскій флагъ, надъ входомъ-надпись на русскомъ и французскомъ языкахъ «Комендантъ г. Галлиполи» и „Commandant Russe“.

— Завоевали Галлиполи — смѣясь говорили русскіе, проходя мимо комендантскаго управленія.

Съ 21 ноября 1920 года по 29 января 1921 года комендантомъ города состоялъ генералъ-маіоръ Звягинъ, съ 29 января по день ухода корпуса изъ Галлиполи генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Штейфонъ. При послѣднемъ произошли систематизація и объединеніе дѣятельности комендантскаго управленія.

При комендантѣ города состояли два его помощника. Управленіе раздѣлялось на инспекторскую, строевую, хозяйственную, военно-судную и санитарную части и квартирный отдѣлъ.

Скопленіе большого числа русскихъ учрежденій и бѣженцевъ въ г. Галлиполи требовало немедленныхъ и спѣшныхъ мѣръ по упорядоченію размѣщенія русскихъ и надзору за порядкомъ въ городѣ. Съ этой цѣлью комендантскимъ управленіемъ была предпринята прежде всего регистрація всѣхъ русскихъ, проживающихъ въ городѣ и не состоявшихъ въ частяхъ и учрежденіяхъ корпуса, расквартированныхъ въ городѣ. Такой регистраціей были достигнуты двѣ цѣли: устанавливалось число лицъ, живущихъ въ городѣ и пресѣкалась возможность пребыванія въ городѣ для русскихъ, не имѣвшихъ какого-либо отношенія къ корпусу и не состоявшихъ на учетѣ въ комендантскомъ управленіи. Въ послѣднемъ обязанъ былъ зарегистрироваться и каждый

КОМЕНДАНТСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ

изъ русскихъ, прибывавшій по какому бы то ни было случаю въ Галлиполи. Приходившимъ въ городъ офицерамъ и солдатамъ вмѣнялось въ обязанность имѣть увольнительныя записки.

Расквартированіе протекало въ нижеслѣдующемъ порядкѣ. Учрежденіямъ, частямъ войскъ, управленіямъ и т. д. помѣщенія отводились французскимъ комендантомъ, согласно указаній, даваемыхъ изъ квартирнаго отдѣла комендантскаго управленія; въ этомъ же порядкѣ отводились квартиры и для тѣхъ изъ служащихъ въ упомянутыхъ учрежденіяхъ, коимъ по условіямъ ихъ работы квартиры были необходимы. Другая часть офицеровъ и ихъ семей была размѣщена въ общежитіяхъ, число которыхъ къ 1 августа 1921 года было 13. Во главѣ каждаго такого общежитія стоялъ свой комендантъ; всѣ они подчинялись наблюдающему за общежитіями генералу, а послѣдній въ порядкѣ надзо-

ра — коменданту города. Помощь по отводу русскимъ квартиръ оказывалась также армянами въ лицѣ своего священника и турецкимъ населеніемъ при посредствѣ муфтія. Наконецъ, значительное число русскихъ снимало квартиры у мѣстныхъ домовладѣльцевъ по частному соглашенію.

Для удобства наблюденія за квартирной и санитарной частью въ городѣ, послѣдній былъ разбитъ русскимъ комендантомъ на 4 района съ районными комендантами во главѣ. Наблюденіе за чистотой и соблюденіемъ санитарныхъ правилъ въ городѣ составляло предметъ неустанныхъ заботъ русской комендатуры, которой удалось достигнуть въ этомъ отношеніи весьма положительныхъ результатовъ.

ШТАБЪ КОРПУСА

Далѣе, особое вниманіе было обращено на одну изъ существеннѣйшихъ мѣръ для поддержанія въ городѣ порядка: организацію суточнаго наблюденія и охраны города. Система охраны города караулами, наблюдавшими за порядкомъ за городѣ, принятая въ первые мѣсяцы, уступила мѣсто системѣ дозоровъ, устранившей необходимость большого числа карауловъ. Дозоры назначались отъ дежурныхъ ротъ военныхъ училищъ подъ командой офицеровъ и каждый часъ обходили городъ въ указанномъ имъ районѣ. Проходя мимо комендантскаго управленія и штаба корпуса, каждый начальникъ дозора расписывался въ особой книгѣ о томъ, что никакихъ происшествій во время обхода не было. Мѣропріятіе это дало отличные результаты и быстро завоевало симпатіи мѣстнаго населенія, которое обращалось къ дозорамъ за помощью не только при столкновеніяхъ съ русскими, но и при недоразумѣніяхъ между одними туземцами.

Почти по всѣмъ дѣламъ о насильственномъ похищеніи чужого имущества, разсмотрѣнныхъ въ корпусномъ судѣ, задержаніе преступниковъ, или попытки къ ихъ задержанію производились чинами комендантскаго управленія и дозорами. Кромѣ того, въ городѣ были поставлены вооруженные солдаты, исполнявшіе обязанности полиціи, имѣвшіе отличительный знакъ въ видѣ трехцвѣтной перевязки на лѣвой рукѣ.

Одновременно съ симъ былъ образованъ при управленіи коменданта военно-полевой судъ, разсматривавшій, какъ уже указывалось выше, почти исключительно проступки военнослужащихъ, относившіеся до нарушенія общественной тишины и спокойствія: появленіе въ нетрезвомъ

ВООРУЖЕННЫЙ СОЛДАТЪ НА МОСТУ

видѣ, буйство и т. п. (наказаніе—отъ дисциплинарнаго взысканія до арестантскихъ отдѣленій включительно). Главная задача такого суда—прежде всего быстрота судебной репрессіи, каковая и была доведена до суточнаго срока.

Французское командованіе, какъ организація чисто военная, не вмѣшивалось въ административную дѣятельность мѣстныхъ властей, а послѣднія не имѣли достаточныхъ кадровъ полиціи. Такимъ образомъ, почти вся охрана города сосредоточивалась въ рукахъ русской комендатуры.

Не малую долю заботъ доставляли комендантскому управленію мѣста заключенія для арестованныхъ въ дисциплинарномъ и судебномъ порядкѣ. Легко представить, что первое время обстоятельства жизни 1-го армейскаго корпуса благопріятствовали совершенію дисциплинарныхъ

проступковъ и уголовно-наказуемыхъ дѣяній. Въ виду этого съ одной стороны представлялось необходимымъ для утвержденія дисциплины прибѣгать къ частымъ арестамъ, съ другой—усилить предупредительную и карательную дѣятельности. Такія задачи требовали достаточнаго числа мѣстъ заключенія. Трудность заключалась въ отсутствіи помѣщеній и устройствѣ ихъ. Въ первое время на гауптвахтѣ содержались арестованные въ дисциплинарномъ порядкѣ совмѣстно съ подслѣдственными и отбывавшими наказанія по приговорамъ судовъ; помѣщеніе гарнизонной гауптвахты недолгое время находилось при управленіи коменданта, въ маленькомъ тѣсномъ корридорѣ. Скученность арестованныхъ, невозможность соблюдать основы устава гарнизонной службы и эпидемическія заболѣванія вызвали рядъ энергическихъ мѣръ для разсредоточенія арестованныхъ въ болѣе удобныя помѣщенія.

ПОДСЛѢДСТВЕННАЯ ГАУПТВАХТА

Къ августу 1921 года въ Галлиполи имѣлось три гауптвахты: № 1. Дисциплинарная гауптвахта; № 2. Гауптвахта при комендантскомъ управленіи, служившая передаточнымъ пуктомъ задержанныхъ; № 3. Гауптвахта для подслѣдственныхъ и отбывающихъ наказанія по приговорамъ судовъ.

Пища арестованныхъ не отличалась отъ общаго пайка. Два раза въ недѣлю желавшіе ходили купаться въ морѣ, тамъ же обычно происходила и стирка бѣлья. Зимой арестованныхъ водили въ баню.

«Губа», какъ принято въ военной средѣ называть гауптвахту, одно время служила притчей во языцѣхъ среди офицеровъ и солдатъ корпуса и являлась однимъ изъ главныхъ объектовъ упражненія въ остроуміи. Въ лагерѣ шутили, что каждый идущій въ городъ попадаетъ на

гауптвахту. Въ дѣйствительности частные аресты въ дисциплинарномъ порядкѣ являлись необходимымъ слѣдствіемъ настойчиво проводимой въ жизнь мысли объ обязательной для каждаго военнослужащаго, и въ особенности въ создавшейся обстановкѣ, дисциплинированности, выправки и аккуратности въ одеждѣ. Когда въ этомъ отношеніи были достигнуты достаточные результаты, «губа» утратила свой злободневный характеръ.

Сознаніе необходимости поддержанія воинскаго порядка и дисциплины выражалось между прочимъ въ формѣ созданія своеобразной организаціи въ средѣ самихъ арестованныхъ. Организація эта имѣла шутливый характеръ, но была не лишена и извѣстнаго практическаго значенія.

Во главѣ гарнизона «губы» находился начальникъ гарнизона (преимущественно изъ постоянныхъ ея обитателей); ему подчинялись комендантъ и плацъ-адъютантъ «губы», завѣдывающій хозяйствомъ и т. д.; существовали также особые чины, ордена и отличія «отъ губы».

Приводимъ для примѣра два приказа начальника гарнизона «губы» № 1:

ПРИКАЗЪ

По Управленію Коменданта.

10 іюля 1921 г. № 7. г. Галлиполи.

§ 1.

Мною замѣчено, что чины гарнизона постоянно о чемъ то мило бесѣдуютъ съ часовыми стоящими у входа во дворецъ начальника гарнизона. Приказываю моимъ плацъ-адъютантамъ строго слѣдить и не допускать разговоровъ, внушать пытающимся разговаривать, что это подрываетъ дисциплину, а также и авторитетъ самого офицера, который долженъ удерживать отъ подобныхъ поступковъ, а не самъ толкать на нихъ.

Комендантъ гарнизона губы
генералъ-маіоръ отъ губы (подпись)

ПРИКАЗЪ

по гарнизону губы № 1.

9 августа 1921 г. г. Галлиполи.

№104.

По части строевой.

§ 3.

Сего числа нашъ гарнизонъ былъ осчастливленъ посѣщеніемъ начальника сосѣдняго гарнизона (такъ принято было называть на «губѣ» командира 1 армейскаго корпуса). Мило поздоровавшись со ввѣреннымъ мнѣ гарнизономъ, онъ соизволилъ долго бесѣдовать съ каждымъ членомъ губы, входилъ во всѣ наши нужды, даже въ способы утоленія нашего духовнаго голода. Численность ввѣреннаго мнѣ гарнизона, повидимому, ему показалась малой, ряды наши рѣдкими, потому что сейчасъ же по выходѣ своемъ отъ насъ, онъ уже не замедлилъ прислать намъ пополненіе, а встрѣтивъ въ сосѣднемъ гарнизонѣ кадроваго члена нашей губы, генера-маіора отъ губы Н., возвращавшагося къ мѣсту служенія въ нашъ гарнизонъ съ предметами утоленія нашего душевнаго голода подъ мышкой, упросилъ проводить его. Несмотря на то, что еще съ утра генералъ-маіоръ отъ губы Н. ревизовалъ всѣ кабачки сосѣдняго гарнизона, для выясненія качества напитка въ оныхъ, тѣмъ не менѣе онъ послѣдовалъ за командиромъ корпуса и въ теплыхъ словахъ, въ мирной бесѣдѣ, обрисовалъ наше житье бытье на губѣ матушкѣ. Видя искреннюю привязанность генералъ-маіора Н. къ губѣ и не желая лишить насъ, изъ уваженія ко мнѣ, нашего дорогого члена губы, командиръ корпуса продлилъ ему срокъ пребыванія на губѣ на 5 сутокъ. Столь отзывчивое отношеніе къ намъ, быстрое пополненіе гарнизона нашего, заставляетъ меня отъ лица всего нашего гарнизона объявить начальнику сосѣдняго гарнизона благодарность. Генеральнаго штаба генералъ-маіоръ отъ губы (подпись).

Движеніе арестованныхъ на гарнизонной гауптвахтѣ г. Галлиполи съ 1 декабря 1920 года по 1 августа 1921 года выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Мѣсяцы.	по суду.	подслѣдственныхъ.	дисциплинарныхъ.	среднее число въ день.
Декабрь	38	89	40	5
Январь	11	130 *)	245	12
Февраль	28	130 **)	355	18
Мартъ	45	51	280	12
Апрѣль	28	29	310	12
Май	11	21	432	15
Іюнь	22	33	373	14
Іюль	11	46	351	13
Итого	194	529	2386	

ВСЕГО 3109

Дѣлать какіе либо выводы при такомъ сравнительно короткомъ срокѣ наблюденій представлялось рискованнымъ. Можно, однако, отмѣтить увеличеніе числа содержавшихся въ дисциплинарномъ порядкѣ за послѣдніе четыре мѣсяца и уменьшеніе отбывавшихъ наказанія по суду и подслѣдственныхъ за то же время.

Мѣсяцы	по суду.	подслѣдствен.	дисциплин.
Декабрь, Январь, Февраль, Мартъ . . .	122	400	920
Апрѣль, Май, Іюнь, Іюль	72	129	1466

Къ этому слѣдуетъ добавить, что разница въ числахъ первой графы должна сказаться еще рѣзче, если принять во вниманіе, что въ первые четыре мѣсяца исполненіе приговоровъ, по коимъ осужденные не подвергались наказаніямъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ правъ и преимуществъ, согласно подлежащихъ узаконеній, откладывалось до окончанія гражданской войны.

Наблюденіе за законностью арестовъ производилось нижеслѣдующимъ образомъ. Ежедневно по утрамъ комендантомъ города представлялись командиру корпуса свѣдѣнія о всемъ случившемся съ приложеніемъ списка лицъ, арестованныхъ за истекшія сутки. Эти свѣдѣнія просматривались ежедневно командиромъ корпуса и, если имъ замѣчались не-

*) Въ числѣ 130—85 дезертировъ.
**) Въ числѣ 130—52 дезертира.
Дезертирство въ первые мѣсяцы вызывалось главнымъ образомъ матеріальными условіями. Солдаты уходили въ ближайшія селенія на работы и часто вскорѣ сами возвращались въ части, подвергаясь во всѣхъ случаяхъ наказаніямъ лишь за самовольную отлучку.

правильности въ наложеніи взысканія или неясность въ причинѣ ареста, на спискѣ дѣлались соотвѣтствующія резолюціи: объ измѣненіи числа дней ареста или производствѣ дознанія. Кромѣ того, гауптвахты ежедневно обходилъ офицеръ военно-судной части комендантскаго управленія и лично опрашивалъ всѣхъ арестованныхъ по вопросамъ, касающимся ихъ содержанія. Наконецъ, два раза въ мѣсяцъ, для повѣрки законности содержанія арестованныхъ, гауптвахты посѣщались представителями военно-прокурорскаго надзора корпуснаго суда.

Выше уже указывалось, что взаимоотношенія русской комендатуры съ греческой администраціей, судомъ и французскимъ комендантомъ не имѣли какой либо регламентаціи. Функціи русскаго коменданта города большей частью возникали въ связи съ потребностями текущей жизни и мѣстные представители французской власти такъ или иначе были поставлены въ необходимость, и въ собственныхъ же интересахъ, фактически признавать наличіе русской власти въ Галлиполи. Въ указанномъ отношеніи фактъ офиціальнаго непризнанія арміи не имѣлъ какого либо практическаго значенія, служа лишь выразителемъ политической конъюнктуры. Вотъ почему вопросъ этотъ, повидимому, не очень интересовалъ мѣстное французское командованіе, а тѣмъ болѣе администрацію греческую и мѣстныхъ жителей. Всѣ они, всякихъ предварительныхъ условій, поставлены были въ необходимость фактическаго признанія арміи со всѣми ея учрежденіями и организаціей. Это признаніе, конечно, не было выражено какимъ либо письменнымъ актомъ, а устанавливалось завязавшимися сношеніями, въ которыхъ русскія учрежденія, какъ по формѣ, такъ и по характеру, выступали со всѣми атрибутами учрежденій государственныхъ.

Къ этому присоединилось то, что всѣмъ попыткамъ представителей высшаго командnаго состава и французскаго оккупаціоннаго корпуса въ г. Константинополѣ, направленнымъ къ распыленію арміи, было оказано спокойное и стойкое сопротивленіе, какъ со стороны Главнокомандующаго, такъ и командира корпуса, генерала Кутепова.

Взаимоотношенія русской комендатуры съ греческой администраціей, жандармеріей, префектурой и мѣстными жителями начались не сразу, такъ какъ французскія власти категорически запрещали непосредственныя сношенія съ греческой администраціей. Въ первыхъ числахъ декабря 1920 года мѣры по охранѣ города, его санитарному благосостоянію и т. п. заставили греческую администрацію войти въ непосредственныя сношенія съ русскимъ комендантомъ, такъ какъ хозяева положенія — французы мало были этимъ заинтересованы и не принимали никакихъ мѣръ.

Поэтому въ высшей степени было важно, что къ этому моменту, какъ уже отмѣчено выше, русскимъ удалось выявить себя приспособленной къ государственной жизни организаціей, къ которой греческія власти и обратились.

Съ этого момента съ греческой администраціей завязались самыя добрыя отношенія. Съ теченіемъ времени довѣріе къ русской администраціи, не дѣлавшей различія между эллиномъ и іудеемъ, росло; въ особенности это относится къ турецкому населенію, юридическое положеніе котораго до того въ Галлиполи было довольно печально. Въ серединѣ января 1921 года былъ назначенъ новый шефъ греческой жандармеріи, который сдѣлалъ офиціальный визитъ русскому коменданту и отношенія остались прежнія.

Тогда же, въ виду неблагопріятно сложившейся для грековъ политической обстановки, а также неуспѣховъ на малоазіатскомъ фронтѣ, греческая администрація проявляла нѣкоторую нервность: ей всюду чудились назрѣвающія возстанія мѣстнаго турецкаго населенія. Лойяльность въ этомъ отношеніи русской арміи и ея представителей еще разъ послужила залогомъ упрочненія установившихся добрыхъ отношеній.

Всѣ жалобы, подаваемыя на русскихъ, греческая администрація отправляла въ русскую комендатуру, а впослѣдствіи греческое и турецкое населеніе стало обращаться непосредственно къ русскому коменданту. на рѣшенія котораго греческая администрація жалобъ не принимала. Всѣ требованія русской комендатуры, связанныя съ производствомъ дознаній, обысковъ, выемокъ и т. д., греческими властями выполнялись безпрекословно и немедленно.

Съ французами сношенія завязались, конечно, съ перваго дня прибытія въ Галлиполи; непосредственно съ комендантскимъ управленіемъ французскія власти не сносились за небольшими исключеніями, такъ какъ вся переписка съ ними происходила при посредствѣ штаба корпуса.

ВОЕННЫЙ СУДЪ

Положеніе военно-судебнаго вѣдомства послѣ эвакуаціи Крыма представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Эвакуація вызвала вопросъ о самомъ существованіи арміи, а стало быть и о расформированіи связанной съ ней организаціи военно-судебной власти; поэтому, казалось бы, что непризнаніе арміи союзниками опредѣляло тѣмъ самымъ и судьбу военной юстиціи. Между тѣмъ, въ силу необходимости такъ или иначе регулировать юридическую жизнь въ частяхъ войскъ, военные суды расформировывались и вновь конструировались совершенно независимо отъ факта юридическаго непризнанія арміи. Отсутствіе органовъ правосудія привело бы къ тяжкимъ и непоправимымъ послѣдствіямъ для будущаго арміи. Общежитія русскихъ бѣженцевъ въ Константинополѣ въ первые мѣсяцы по эвакуаціи—лучшее подтвержденіе сказаннаго. Въ этихъ общежитіяхъ, подчиненныхъ французскимъ властямъ, происходилъ полный сумбуръ. Неприспособленность устраиваемыхъ на скорую руку помѣщеній, отсутствіе пищи, хлѣба, кипятка, развивающіяся эпидеміи, всѣ эти условія заставляли русскихъ бѣженцевъ отчаянно бороться за свое существованіе: ломались на дрова полы, окна; продавалось бѣлье, оружіе, совершались кражи, грабежи и т. д. ... А надъ всѣмъ этимъ стояли растерявшіеся при видѣ стихійной массы цѣпляющихся за жизнь людей французскіе коменданты. Издавались многочисленные приказы на французскомъ языкѣ, которыхъ большинство не понимало, да и просто не читало, производились аресты (никто при этомъ не зналъ, что дѣлать съ арестованными), образовались какіе то нелѣпые «дамскіе суды чести» и т. п. Въ качествѣ характеристики пониманія французскими комендантами положенія русскихъ бѣженцевъ могутъ служить слѣдующія вступительныя слова приказа коменданта одного изъ общежитій (г. Константинополь, Скутари, лагерь «Селиміе»): «человѣческій геній создаетъ вещи, а русскіе бѣженцы ихъ разрушаютъ», причемъ слѣдуетъ пояснить, что «вещи, создаваемыя человѣческимъ геніемъ» были старыя балки въ сараѣ, которыя солдаты и казаки, оторвавшіеся отъ своихъ частей, безжалостно

истребляли, чтобы «согрѣть чайку». Въ общемъ, несмотря на, быть можетъ, совершенно искреннее желаніе французскихъ властей помочь русскимъ, бѣженцы представляли изъ себя массу безправныхъ и ничѣмъ взаимно не связанныхъ людей.

Въ арміи опасность подобнаго положенія была сразу понята и военные суды сохранились. Въ ряду актовъ, предпринятыхъ русскимъ командованіемъ для сохраненія арміи, это обстоятельство занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ и можетъ быть сравниваемо лишь съ оставленіемъ въ войскахъ оружія.

Еще на константинопольскомъ рейдѣ генералъ Кутеповъ заявилъ предсѣдателю корпуснаго суда 1-го армейскаго корпуса о томъ, что онъ войдетъ съ ходатайствомъ о необходимости оставить корпусный судъ въ неприкосновенности, а 1 декабря 1920 за № 3776 былъ изданъ нижеслѣдующій приказъ Главнокомандующаго. «По устройству войскъ на новыхъ мѣстахъ главной заботой начальниковъ всѣхъ степеней должно быть созданіе прочнаго внутренняго порядка во ввѣренныхъ имъ частяхъ. Дисциплина въ арміи и флотѣ должна быть поставлена на ту высоту, которая требуется воинскими уставами и залогомъ поддержанія ея на этой высотѣ должно быть быстрое и правильное отправленіе правосудія. Покинувъ Крымъ и устроившись временно на новыхъ мѣстахъ, русская армія и флотъ, при отправленіи правосудія, должны руководствоваться тѣми же законами, которые примѣнялись на территоріи Крыма, со всѣми ихъ измѣненіями и дополненіями по день эвакуаціи. Изъ учрежденій военно-судебнаго вѣдомства приказываю сохранить три корпусныхъ суда: первый—для 1-го корпуса, расположеннаго въ Галлиполи, второй—для кубанскаго, расположеннаго на о. Лемносѣ и третій—для донского корпуса, расположеннаго въ г. Чаталджѣ*). Войсковыя части и учрежденія, расположенныя внѣ указанныхъ пунктовъ, подлежатъ вѣдѣнію ближайшаго корпуснаго суда. Для русской эскадры учреждается военно-морской судъ. Кассаціонное производство по всѣмъ дѣламъ отмѣняется».

Такимъ образомъ, изъ всей организаціи военно-судебной власти сохранились: главный прокуроръ арміи и флота съ его помощникомъ, три корпусныхъ суда и морской судъ. Находившіеся внѣ этой организаціи военно-полевые суды и суды чести для офицеровъ также упразднены не были и продолжали свою дѣятельность по прибытіи войскъ на новыя мѣста.

Какъ уже указывалось въ цитированномъ выше приказѣ, судамъ при отправленіи правосудія предписывалось руководствоваться тѣми же законами, которые примѣнялись на территоріи Крыма со всѣми ихъ измѣненіями и дополненіями по день эвакуаціи, т. е. иными словами — законами военнаго времени. Такое рѣшеніе являлось наиболѣе цѣле-

*) впослѣдствіи тоже на о. Лемносѣ.

сообразнымъ: измѣненіе военныхъ законовъ мирнаго времени въ періодъ австро-германской и гражданской войнъ коснулось основныхъ началъ матеріальнаго и процессуальнаго права и возвращеніе къ нормамъ мирнаго времени потребовало бы обширной законодательной работы. Какъ на примѣръ можно указать на отмѣну такъ называемой «административной гарантіи», т. е. исключительнаго права военнаго начальства на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ военнослужащихъ (приказъ Главнокомандующаго В. С. Ю. Р. 1920 г. апрѣля 6 дня за № 2994). Приказъ этотъ приблизилъ военно-уголовный процессъ къ началамъ судебныхъ уставовъ и вызвалъ необходимость пересмотра устава военно-судебнаго (С. В. П. 1869 г. XXIV кн. изд. 4), каковая работа и производилась въ главномъ военномъ и военно-морскомъ судѣ еще на территоріи Крыма. Далѣе приказъ Главнокомандующаго отъ 9 октября 1920 г. за № 3718 произвелъ полную реконструкцію положенія чиновъ военно-судебнаго вѣдомства на началахъ самостоятельности послѣдняго и съ подчиненіемъ главнаго прокурора арміи и флота (до этого—главнаго военнаго и военно-морского прокурора) непосредственно Главнокомандующему. Кореннымъ измѣненіямъ подверглись статьи, предусматривающія преступленія, имѣющія своимъ объектомъ казенное имущество (приказъ Главнокомандующаго В. С. Ю. Р. 1919 г. № 539); введенъ новый порядокъ производства дѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ (приказъ Главнокомандующаго В. С. Ю. Р. 1920 г. № 91) и т. д. Отбросить все это представлялось столь же невозможнымъ, какъ уничтожить прошлое. Во всякомъ случаѣ, примѣненіе законодательства военнаго времени, съ которымъ армія, если можно такъ выразиться, сжилась на практикѣ, не встрѣчало затрудненій. Къ этому, конечно, не относится неясность въ сферѣ основныхъ положеній матеріальнаго и процессуальнаго права, созданная пребываніемъ арміи на чужой территоріи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ предѣлахъ зоны союзной оккупаціи. Разрѣшеніе вопросовъ, вытекавшихъ изъ столь оригинальнаго положенія уголовнаго права, вступало уже въ коллизію съ фактомъ юридическаго непризнанія арміи, а стало быть переходило въ кругъ вѣдѣнія международнаго права и не находилось въ зависимости отъ большей или меньшей опытности военныхъ юристовъ и желаній высшаго командного состава русской арміи. Къ такимъ интереснѣйшимъ для исторіи уголовнаго права (также и международнаго) вопросамъ относятся прежде всего: 1) вопросъ о смѣшанной подсудности военной и гражданской; 2) положеніе гражданскихъ лицъ и семей военныхъ, проживающихъ въ районахъ расположенія корпусовъ (лицъ, слѣдовательно, не имѣвшихъ своего суда); 3) юридическое положеніе бѣженцевъ изъ военнослужащихъ, перешедшихъ на бѣженское положеніе и продолжавшихъ оставаться до своего отъѣзда въ корпусахъ и 4) положеніе русскихъ военныхъ судовъ съ точки зрѣнія международнаго права.

Изъ всѣхъ поставленныхъ вопросовъ удовлетворительно могъ быть разрѣшенъ лишь третій. 2 января 1921 года главный прокуроръ арміи и флота сношеніемъ своимъ за № 252 сообщилъ военному агенту при Россійскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, что въ виду учрежденія въ Константинополѣ консульскаго суда, коему на основаніи п. 8 временнаго положенія подсудны всѣ русско-подданные, не состоящіе въ войскахъ дѣйствительной службы и находящіеся въ Турціи — всѣ военнослужащіе, перешедшіе за сокращеніемъ штатовъ на бѣженское положеніе, подлежатъ преданію суду примѣнительно къ ст. 245 XXIV кн. С. В. П. 1869 г. изд. 4, въ случаяхъ: 1) неявки по призыву на дѣйствительную службу или къ учебнымъ сборамъ, 2) преступленій и проступковъ, совершенныхъ во время сихъ сборовъ, 3) нарушеній обязанностей дисциплины и воинскаго чинопочитанія во время ношенія ими форменной одежды или во время нахожденія въ военно-врачебныхъ заведеніяхъ (также въ лагеряхъ, общежитіяхъ, этапахъ для бѣженцевъ и т. п.). Короче говоря, бѣженцы изъ военно-служащихъ были приравнены, въ отношеніи ихъ подсудности военнымъ судамъ, къ чинамъ запаса арміи. Слѣдовательно, пока они не перешли въ вѣдѣніе властей гражданскихъ или иностранныхъ, всѣ проступки и преступленія ихъ должны были подлежать компетенціи военнаго суда. Такая практика и была установлена корпуснымъ судомъ 1-го армейскаго корпуса въ Галлиполи по дѣламъ о лицахъ, находившихся въ бѣженскомъ баталіонѣ. Иное толкованіе закона привело бы къ неисчислимымъ трудностямъ на практикѣ: число гражданскихъ лицъ, не имѣвшихъ своего суда, значительно увеличилось бы, а пребываніе въ самомъ корпусѣ большого числа людей, не подчинявшагося никакимъ правовымъ нормамъ, грозило бы постоянными нарушеніями воинской дисциплины и порядка. Всѣ другіе, поставленные выше вопросы, по указаннымъ тамъ же причинамъ, разрѣшены не были и эта неясность въ основныхъ положеніяхъ права, конечно отзывалась и на частностяхъ процесса, какъ то вызовѣ свидѣтелей иностранныхъ подданныхъ, гражданскихъ искахъ въ дѣлахъ уголовныхъ, возвращеніи вещей, добытыхъ преступленіемъ и т. д. На практикѣ, однако, корпусный судъ довольно удачно справлялся съ этими затрудненіями, такъ какъ довѣріе къ русскому суду греческой прокуратуры и администраціи, шедшихъ всегда навстрѣчу русскимъ властямъ, устраняло почти всѣ препятствія: свидѣтели иностранно-подданные всегда доставлялись распоряженіемъ о томъ греческаго префекта; при производствѣ обысковъ и выемокъ у русскихъ, проживавшихъ въ квартирахъ мѣстныхъ жителей, никакихъ препятствій чинимо не было и т. д. Въ свою очередь и корпусный судъ всегда оберегалъ интересы мѣстныхъ жителей, потерпѣвшихъ отъ преступленій, совершенныхъ русскими военно-служащими. Дѣла послѣдняго рода направлялись греческимъ прокурорамъ въ военно-прокурорскій надзоръ корпуснаго суда для дальнѣйшаго ихъ направленія. Лучшей иллюстраціей

этого довѣрія является разсмотрѣніе въ корпусномъ судѣ дѣла о кражѣ у переводчика греческаго суда золотыхъ вещей; дѣло закончилось вынесеніемъ обвинительнаго приговора русскому военно-служащему, присужденному къ отдачѣ въ исправительныя арестанскія отдѣленія. То обстоятельство, что русскій судъ, дѣйствуя безъ какихъ либо опредѣляющихъ соглашеній и договоровъ, сумѣлъ найти путь, обезпечившій ему уваженіе и довѣріе греческой власти, а также мѣстнаго населенія, достаточно показательно само по себѣ.

Однимъ изъ кардинальныхъ вопросовъ судебной дѣятельности въ Галлиполи было устройство мѣстъ заключенія. Вопросъ этотъ пріобрѣлъ острый характеръ еще въ Россіи, съ момента начала гражданской войны. Тогда уже почти всѣ виды заключеній, предусмотрѣнныхъ XXII кн. С.В.П. 1869 г. изд. 4, по необходимости сводились къ гражданской тюрьмѣ (Приказъ Главнокомандующаго В. С. Ю. Р. 1919 г. № 579). Въ Галлиполи и такая замѣна не могла быть производима, такъ какъ изъ созданныхъ русскими мѣстъ заключеній имѣлись лишь три гауптвахты. Что же касается греческой тюрьмы, то таковая, хотя въ Галлиполи и имѣлась, но помѣщать въ нее русскихъ наши власти не хотѣли по соображеніямъ чисто принципіальнымъ (между прочимъ, это значительно способствовало укрѣпленію полной независимости русскаго суда). Однако, при этомъ, конечно, возникли затрудненія при приведеніи судебныхъ приговоровъ въ исполненіе. 20 января 1921 г., сношеніемъ за № 390 главный прокуроръ арміи и флота сообщилъ военному прокурору корпуснаго суда о томъ, что присужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы, отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія и заключенію въ тюрьмѣ, въ случаѣ неимѣнія въ Галлиполи надлежаще оборудованныхъ мѣстъ заключеній, надлежитъ препровождать на плавучую тюрьму, помѣщавшуюся въ то время на транспортѣ «Ріонъ» (константинопольскій рейдъ). 29 апрѣля транспортъ «Ріонъ» отправился съ бѣженцами въ Бразилію, при чемъ другихъ мѣстъ заключенія, замѣнившихъ эту плавучую тюрьму, указано не было. При такомъ положеніи дѣлъ всѣ виды заключенія по необходимости сводились къ содержанію на гауптвахтѣ № 3 (см. «Административная дѣятельность»). Къ этому слѣдуетъ добавить, что приказомъ по корпусу отъ 23 декабря 1920 года за № 64 была учреждена рабочая рота для лицъ, отбывавшихъ наказаніе какъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, такъ и по суду. Назначеніе въ эту роту осужденныхъ и производство въ ней различныхъ работъ до нѣкоторой степени позволяли регулировать неравномѣрность тяжести наказаній, создававшуюся при содержаніи на гауптвахтѣ лицъ, приговоренныхъ къ различнымъ видамъ заключенія. Наблюденіе за законностью содержанія арестованныхъ производилось порядкомъ, описаннымъ въ главѣ «Административная дѣятельность».

Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что въ вопросѣ о примѣненіи военными судами наказаній французское командованіе косвеннымъ обра-

зомъ пришло къ признанію арміи. Допустивъ фактическое существованіе русскихъ вооруженныхъ корпусовъ, имѣющихъ свою военную юстицію, французы принуждены были принять и вытекающія изъ такого допущенія слѣдствія, напримѣръ, не протестовать противъ существованія въ г. Галлиполи гауптвахтъ, санкціонировать устройство на о. Лемносѣ тюрьмы и входить въ переписку по вопросу о содержаніи арестованныхъ.

Естественно, что при такихъ условіяхъ отвѣтственность по содержанію арестованныхъ и заботы по облегченію ихъ участи лежали на обязанности русскаго высшаго командного состава. Въ виду этого вполнѣ понятнымъ и желательнымъ явился приказъ Главнокомандующаго отъ 18 апрѣля 1921 г. за №156 о смягченіи ко дню Святой Пасхи наказаній осужденнымъ по приговорамъ военныхъ судовъ и отбывавшимъ наказанія въ дисциплинарномъ порядкѣ. (см. приложеніе XI).

Главныя задачи по отправленію правосудія въ Галлиполи лежали на корпусномъ судѣ и его военно-прокурорскомъ надзорѣ, но кромѣ этого въ корпусѣ дѣйствовали полковые суды, военно-полевые суды (учреждавшіеся для разбора отдѣльныхъ дѣлъ военными начальниками) и, наконецъ, суды чести. Штаты всѣхъ трехъ корпусныхъ судовъ къ тому времени были нѣсколько расширены: предсѣдатель суда, два военныхъ слѣдователя, военный прокуроръ, помощникъ военнаго прокурора и два кандидата на военно-судебныя должности, такъ что корпусные суды по составу мало отличались отъ судовъ военно-окружныхъ. Съ отмѣной упомянутой уже выше административной гарантіи военный судъ занялъ совершенно самостоятельное положеніе. Преданіе суду производилось не по усмотрѣнію начальства, а внесеніемъ военно-прокурорскимъ надзоромъ обвинительнаго акта въ судъ; военному начальству при этомъ посылалось лишь сообщеніе о внесеніи дѣла въ судъ для отданія о томъ въ приказѣ по части. Порядокъ этотъ имѣлъ примѣненіе ко всѣмъ военнослужащимъ за исключеніемъ командировъ корпусовъ и лицъ, пользующихся равной съ ними или высшей властью: они могли привлекаться къ уголовной отвѣтственности и подлежать преданію суду на общихъ основаніяхъ, но съ тѣмъ, что привлеченіе ихъ въ качествѣ обвиняемыхъ допускалось не иначе, какъ по предложенію подлежащаго высшаго военнаго начальства или главнаго прокурора арміи и флота. Такимъ образомъ, для военнаго начальства оставалось лишь право преданія полковымъ судамъ, разсматривавшимъ дѣла о солдатахъ при содѣяніи ими преступленій и проступковъ, за которые по закону опредѣлялись только исправительныя наказанія, и при томъ не влекущія за собой потери всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ лично и по состоянію осужденныхъ присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, и право преданія военно-полевымъ судамъ (о нихъ рѣчь будетъ ниже). При этомъ надзоръ за законностью дѣйствій названныхъ судовъ осуществлялся военно прокурорскимъ надзоромъ.

Прекращеніе дознаній по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію въ корпусномъ судѣ, при отсутствіи въ этихъ дѣлахъ признаковъ уголовно-наказуемыхъ дѣяній и по другимъ законнымъ причинамъ, производилось по усмотрѣнію военно-прокурорскаго надзора, а прекращеніе слѣдственныхъ производствъ, по заключеніямъ военнаго прокурора, корпуснымъ судомъ.

Компетенціи корпуснаго суда подлежали: 1) дѣла о солдатахъ, (за исключеніемъ подсудныхъ полковому суду), и 2) всѣ дѣла объ офицерахъ и чиновникахъ. Однако, за отсутствіемъ полковыхъ судовъ въ большинствѣ воинскихъ частей, корпусный судъ разсматривалъ большую часть дѣлъ подсудныхъ симъ судамъ. Изъ числа осужденныхъ въ Галлиполи за періодъ времени съ 1 ноября 1920 г. по августъ 1921 г., 178 человѣкъ было предано корпусному суду, 75 военно-полевому и только 9 полевому.

Приговоры корпуснаго суда по общему правилу входили въ законную силу безъ утвержденія ихъ военнымъ начальствомъ, но тѣ изъ нихъ, которые ранѣе представлялись на Высочайшее усмотрѣніе, по вступленіи въ законную силу, подлежали представленію командиру корпуса... Къ этому присоединялись всѣ приговоры къ смертной казни. При утвержденіи такихъ приговоровъ командиромъ корпуса были смягчены наказанія въ 44 случаяхъ: 29 офицерамъ и 15 солдатамъ (въ томъ числѣ: одному приговоренному къ смертной казни, 14-ти — къ каторжнымъ работамъ и 15-ти—къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія).

Основные принципы военно-уголовнаго процесса не отличались отъ процессуальныхъ нормъ общихъ судебныхъ мѣстъ мирнаго времени, за исключеніемъ не привившагося въ арміи института присяжныхъ засѣдателей и не введенной при отмѣнѣ административной гарантіи обвинительной камеры. Къ недостаткамъ процесса слѣдуетъ отнести упраздненіе кассаціоннаго производства, но при расположеніи въ то время корпусовъ въ различныхъ странахъ, конечно, пересмотръ дѣлъ въ такомъ порядкѣ фактически былъ невозможенъ.

Корпусный судъ размѣщенъ былъ въ особомъ зданіи, которое по самому типу построекъ въ Галлиполи, не могло удовлетворить условіямъ нормальнаго отправленія судебной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи судъ раздѣлялъ общую судьбу всѣхъ учрежденій, находившихся въ Галлиполи. Кабинетъ предсѣдателя суда, двѣ камеры военныхъ слѣдователей, залъ судебныхъ засѣданій, канцелярія военно-прокурорскаго надзора и суда, наконецъ квартиры чиновъ суда, все это размѣщалось въ трехъ комнатахъ. Легко вообразить, сколько затрудненій представляли эти условія для правильнаго веденія судебныхъ засѣданій и при разрѣшеніи вопросовъ объ особыхъ комнатахъ для совѣщаній, свидѣтелей и т. п.

Залъ судебныхъ засѣданій помѣшался въ комнатѣ, въ обыкновенное время едва достаточной для трехъ—четырехъ человѣкъ. Комната эта находилась во второмъ этажѣ и сообщалась съ первымъ посредствомъ лѣстницы, являясь какъ бы открытой площадкой, такъ что разговоры хозяевъ (евреевъ-испаньоловъ), проживавшихъ въ нижнемъ этажѣ и совершенно не считавшихся съ тѣмъ, что происходило наверху, часто мѣшали преніямъ сторонъ или допросу свидѣтелей. Къ этому иногда присоединялись запахъ жарившейся внизу рыбы или кофе, а, если залъ засѣданій наполнялся публикой и вѣтхія балки начинали потрескивать, то и испуганные крики хозяйки. Особенности мѣстнаго быта отражались и на внѣшней сторонѣ судебныхъ засѣданій.

Свидѣтельницы—турчанки отказывались обыкновенно находиться съ мужчинами и ихъ приходилось помѣщать въ камерѣ военнаго слѣдователя, гдѣ свидѣтельницы нетерпѣливо ждали своей очереди, подчасъ заявляя громкіе протесты, заставлявшіе прерывать на время судебное засѣданіе. Если по дѣлу встрѣчалась необходимость въ допросѣ свидѣтелей магометанъ, евреевъ и русскихъ, то залъ судебныхъ засѣданій представлялъ довольно колоритную картину: сидящій рядомъ съ обвинителемъ мулла, поджавшій по турецки ноги, раввинъ, православный священникъ съ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ, солдаты, греки, турки и евреи въ испанскихъ одѣяніяхъ.

Неудобства, конечно, не лишали судебныя засѣданія характера торжественности. Судебныя засѣданія корпуснаго суда, происходившія всегда при открытыхъ дверяхъ, посѣщались съ большимъ интересомъ чинами корпуса. Сюда же вмѣстѣ со своими преподавателями законовѣдѣнія являлись для практическихъ работъ юнкера военныхъ училищъ. При этомъ приходилось размѣщать публику такъ, чтобы не происходило скопленія въ срединѣ комнаты, такъ какъ такое скопленіе грозило бы суду возможностью совершенно неожиданнаго перемѣщенія въ первый этажъ.

Со 2 ноября 1920 года по октябрь 1921 года корпуснымъ судомъ разсмотрѣно 343 дѣла; изъ нихъ 199 въ судебныхъ засѣданіяхъ; за тотъ же періодъ въ военно-прокурорскомъ надзорѣ по настольному реестру прошло 394 дѣла, изъ коихъ 203 внесено въ корпусный судъ съ обвинительнымъ актомъ.

Военно-полевые суды учреждались, согласно дѣйствовавшихъ о нихъ узаконеній, въ тѣхъ случаяхъ, когда учиненіе военнослужащими преступныхъ дѣяній являлось настолько очевиднымъ, что не встрѣчалось надобности въ ихъ разслѣдованіи. Этимъ именно обстоятельствомъ, а не тяжестью грозящаго виновному наказанія, какъ это принято думать въ широкой публикѣ, и опредѣляется подвѣдомственность дѣлъ военно-полевымъ судамъ. Въ Галлиполи большинство дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ военно-полевыхъ судахъ, относилось къ проступкамъ по нарушенію воинскими чинами благочинія (буйство, появленіе въ нетрезвомъ видѣ

и т. п.). Для дѣлъ подобнаго рода, конечно, не требовалось сравнительно сложнаго порядка, обязательнаго при разсмотрѣніи въ корпусномъ судѣ.

Изъ общаго числа разсмотрѣнныхъ въ военно-полевыхъ судахъ дѣлъ, 30 относились къ нарушенію воинскаго благочинія, 12 къ побѣгамъ и самовольнымъ отлучкамъ, 12 къ нарушенію чинопочитанія подчиненности, 10 къ совершенію грабежей, 1 къ разбою, 1 къ государственной измѣнѣ, 2 къ случаямъ подлога, 2 къ распространенію въ войскахъ слуховъ, 2 къ противозаконному отчужденію казеннаго имущества, 2 къ ношенію неприсвоенной по закону формы. Изъ перечисленныхъ проступковъ и преступленій лишь грабежи, разбой, государственная измѣна и распространеніе въ войскахъ слуховъ влекли за собою наказанія уголовныя.

Военно-полевой судъ состоитъ обычно изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ; разбирательство дѣлъ происходитъ примѣнительно къ правиламъ, установленнымъ для полковыхъ судовъ. Преданіе военно-полевому суду производится подлежащими военными начальниками, при чемъ уже оберъ-офицеръ не можетъ быть преданъ такому суду лицомъ, не пользующимся правами начальника дивизіи. Приговоръ военно-полевого суда немедленно по объявленіи его на судѣ представляется на утвержденіе тому военному начальнику, коимъ отданъ приказъ о преданіи обвиняемаго суду.

Согласно сказаннаго законъ предусматриваетъ военно-полевые суды лишь въ крайнихъ случаяхъ, и придавать такимъ судамъ значеніе постоянно-дѣйствующаго аппарата было бы ошибкой. Поэтому уже на территоріи Крыма дѣятельность военно-полевыхъ судовъ была значительно ограничена, въ Галлиполи же для наблюденія за законностью ихъ приговоровъ, таковые, до утвержденія ихъ военными начальниками, представлялись на разсмотрѣніе военному прокурору. Такой порядокъ въ значительной мѣрѣ пополнялъ недостатокъ юридическаго элемента въ военно-полевыхъ судахъ. Правда, послѣ эвакуаціи Крыма приказомъ Главнокомандующаго (январь 1921 года № 3839) дѣла о гражданскихъ лицахъ, изобличенныхъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній, изъятыхъ изъ общей подсудности, вновь разрѣшено передавать на разсмотрѣніе военно-полевыхъ судовъ, но практическаго примѣненія указанный приказъ Главнокомандующаго въ Галлиполи не имѣлъ.

Суды чести не входятъ въ общую организацію военно-судебныхъ учрежденій, но не лишне отмѣтить ихъ въ виду несомнѣннаго воспитательнаго ихъ значенія для разнороднаго состава арміи. Разрѣшеніе вновь по суду чести поединковъ (запрещенныхъ въ арміи съ объявленіемъ войны) при столкновеніяхъ и ссорахъ между офицерами вызвало въ первое время многочисленные дуэли (къ счастью въ большинствѣ случаевъ безрезультатныя), но обстоятельство это въ значительной мѣрѣ способствовало развитію у офицеровъ чувства уваженія къ чести и

достоинству другихъ лицъ. Въ мирное время при укоренившихся твердыхъ традиціяхъ въ офицерской средѣ, суды чести регулировали лишь сравнительно рѣдкіе случаи нарушенія офицерской этики и имъ, конечно, въ то время странно было бы придавать значеніе воспитательныхъ органовъ, но наличіе этого педагогическаго элемента въ судахъ чести, послѣ рѣзкаго измѣненія физіономіи всей арміи и нѣсколькихъ лѣтъ гражданской войны, представляется несомнѣннымъ.

Юридическая жизнь корпуса за время пребыванія его въ Галлиполи, была интенсивна и разнообразна. Для правильнаго истолкованія и примѣненія законовъ при каждой отдѣльной части состояли завѣдывающіе перепиской по судной части юристы, а при штабѣ корпуса имѣлась военно-судная часть, сосредоточивавшая всю переписку корпуса, имѣвшую юридическое значеніе. Общій надзоръ за судебной дѣятельностью осуществлялся военно-прокурорскимъ надзоромъ корпуснаго суда.

Статистическія данныя о преступности въ 1-мъ армейскомъ корпусѣ таковы:

Въ корпусѣ къ 1 января 1921 года было 9540 офицеровъ, 15617 солдатъ, 569 чиновниковъ и 142 врача — всего же 25868 человѣкъ. Ко 2 августа осталось 8593 офицера, 11164 солдата, 549 чиновниковъ и 149 врачей — всего 20455 человѣкъ.

Въ періодъ отъ 1 декабря 1920 года по августъ 1921 г. совершившихъ различныя преступленія и осужденныхъ было 263 человѣка, изъ нихъ 119 офицеровъ, 1 врачъ, 10 военныхъ чиновниковъ и 133 солдата, въ числѣ коихъ 10 юнкеровъ.

Такимъ образомъ, преступнаго элемента за періодъ самый тяжелый для корпуса оказалось всего 0,9%.

Военно-полевому суду были преданы 45 офицеровъ, 3 военныхъ чиновника и 27 солдатъ — всего 75 человѣкъ; корпусному суду были преданы 81 офицеръ, 97 солдатъ — всего 178 человѣкъ; полковому суду было предано 9 солдатъ.

Наибольшій интересъ среди чиновъ корпуса изъ разсмотрѣнныхъ въ судѣ дѣлъ вызывали: хозяйственныя и политическія, а изъ послѣднихъ —процессы, сущность коихъ указана въ статьѣ «Взаимоотношенія съ французами». Одинъ изъ подсудимыхъ былъ приговоренъ къ смертной казни, другой къ 15-ти годамъ каторжныхъ работъ, при чемъ при утвержденіи послѣдняго приговора избранное судомъ наказаніе было замѣнено осужденному отдачей въ исправительныя арестанскія отдѣленія срокомъ на 4 года.

Оба дѣла получили широкую огласку въ общественныхъ кругахъ русской эмиграціи, благодаря необычному окончанію второго дѣла. Французское командованіе, еще до разсмотрѣнія дѣла въ судебномъ засѣданіи корпуснаго суда, потребовало выдачи подсудимаго. Тѣмъ самымъ создалась совершенно исключительная обстановка: ни русское коман-

дованіе, ни судъ не считали возможнымъ выдать подсудимаго до разсмотрѣнія дѣла. Послѣ же осужденія онъ по настоянію французскаго командованія былъ переданъ французамъ и выѣхалъ въ Константинополь.

ПО РОДУ НАКАЗАНІЯ РАСПРЕДѢЛЯЛИСЬ СЛѢДУЮЩИМЪ ОБРАЗОМЪ:

Приговорены	Офицеры	Врачи	Воен. чиновн.	Солдаты	Юнкера	Всего
Къ смертной казни	3	—	—	4	—	7
Къ каторжнымъ работамъ	6	—	2	22	3	33
Къ арестантскимъ отдѣленіямъ	18	—	1	17	1	36
Въ гражданскую или военную тюрьму	6	—	—	62	6	74
Къ разжалованію въ рядовые	39	—	2	—	—	41
Къ аресту на гауптвахтѣ	48	1	5	19	—	73

При представленіи нѣкоторыхъ приговоровъ командиру корпуса (см. выше) послѣднимъ смягчено наказаніе въ 44 случаяхъ — 29 офицерамъ и 15 солдатамъ (въ томъ числѣ одному приговоренному къ смертной

ПРЕСТУПЛЕНІЯ БЫЛИ СОВЕРШЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ:

Проступки и преступленія	Офицеры	Солдаты	Всего
Государственная измѣна	2	—	2
Умышленное распространеніе слуховъ, могущихъ вызвать безпорядокъ или робость въ войскахъ	—	2	2
Убійство	1	1	2
Нанесеніе увѣчья, ранъ	1	—	1
Разбой	—	1	1
Грабежъ	—	10	10
Кража	1	13	14
Растрата чужого имущества	2	1	3
Противозаконное отчужденіе и порча казеннаго имущества, удержаніе провіанта и проступки по заготовленію довольствія	5	13	18
Преступленія при храненіи ввѣреннаго по службѣ имущества	4	25	29
Присвоеніе правъ состоянія, отличій и т. п.	3	7	10
Присвоеніе находки	—	1	1
Оскорбленіе дѣйствіемъ	2	—	2
Оскорбленіе должностныхъ лицъ и караула	9	—	9
Нарушеніе обязанностей въ караулѣ и во время дежурства	5	1	6
Превышеніе власти	3	—	3
Нарушеніе воинскаго чинопочитанія	39	22	61
Самовольная отлучка, побѣгъ	19	31	50
Нарушеніе воинскаго благочинія (пьянство, буйство)	35	6	41

казни, четырнадцати приговореннымъ къ каторжнымъ работамъ и пятнадцати къ арестантскимъ отдѣленіямъ).

Изъ приговоренныхъ къ тюремному заключенію большинство осуждено срокомъ на два, три мѣсяца.

Какъ видно изъ приведенной таблицы, по даннымъ уголовной статистики физіономія корпуса представляется довольно оригинальной: пребываніе корпуса въ Галлиполи не дало прежде всего ни одного случая преступленій противъ чести и цѣломудрія женщинъ, разбой имѣлъ мѣсто одинъ разъ, грабежъ выражается цифрой 10.

Слѣдуетъ отмѣтить, что наибольшее число преступленій относится къ нарушенію военной дисциплины въ видѣ нарушенія чинопочитанія (61) и воинскаго благочинія (41). Въ этомъ фактѣ наиболѣе ярко сказывается настойчиво и искренне проводившаяся въ жизнь мысль о необходимости дисциплины.

Политическія преступленія почти не имѣли мѣста.

Въ общемъ, приведенныя выше данныя рисуютъ нравственный обликъ арміи въ весьма выгодномъ для нея свѣтѣ.

Наконецъ, нѣсколько словъ объ имущественныхъ преступленіяхъ. Объектомъ ихъ чаще всего являлось казенное имущество (консервы, хлѣбъ, сахаръ, обмундированіе). Это преступленія въ буквальномъ смыслѣ «голода» и къ нимъ судамъ приходилось относиться съ возможной снисходительностью.

Резюмируя все сказанное, слѣдуетъ заключить, что сохраненіе заграницей въ арміи военныхъ судовъ дало большинству русскихъ свою юстицію. Если она съ одной стороны имѣла недостатки, неизбѣжные въ виду создавшагося общаго положенія, какъ то—отсутствіе кассаціонной инстанціи, невыясненность вопросовъ смѣшанной подсудности военной и гражданской и т. п., то съ другой, она дала возможность арміи жить своею юридической жизнью и тѣмъ самымъ способствовала сохраненію русской государственности.

ВОЕННО-УЧЕБНОЕ ДѢЛО

I. КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Переворотъ 1917 года и послѣдовавшее за нимъ смутное время совершенно распылило старыя военныя училища, юнкера которыхъ частью погибли въ дни большевистскаго переворота, защищая идею права и государственности въ лицѣ Временнаго Правительства, частью ушли въ арміи, боровшіяся съ большевиками.

Только одному — «1-му Кіевскому Великаго Князя Константина Константиновича военному училищу», основанному въ 1865 году, удалось выйти, послѣ ряда различныхъ боевъ, изъ Кіева 1 ноября 1917 года и достигнуть 13 ноября Екатеринодара въ составѣ 25 офицеровъ и 131 юнкера. Тамъ училище вошло въ составъ кубанской арміи, атаманомъ которой 1 декабря 1917 года оно было переименовано въ «Константиновское военное училище». 15 марта 1918 года кубанская армія съ училищемъ, совершивъ первый кубанскій походъ, вошла въ составъ Добровольческой арміи. Лѣтомъ 1918 года юнкера, вышедшіе изъ Кіева и уцѣлѣвшіе въ прошедшихъ бояхъ, были произведены въ офицеры, а 3 августа кадръ училища въ составѣ 11 офицеровъ и 14 юнкеровъ, совершивъ 2-й кубанскій походъ, прибылъ въ Екатеринодаръ, гдѣ въ январѣ 1919 года былъ сдѣланъ первый пріемъ въ училище лицъ съ законченнымъ среднимъ образованіемъ, какъ изъ рядовъ Добровольческой арміи, такъ и изъ населенія занятой территоріи. Въ августѣ 1919 года училище было переведено изъ Екатеринодара въ Феодосію.

Недостатокъ въ вполнѣ подготовленномъ опытномъ офицерскомъ составѣ вызвалъ сформированіе 31 января 1919 года «офицерскихъ повторительныхъ курсовъ при штабѣ Кавказской Добровольческой арміи», для офицеровъ пѣхоты.

Весной 1919 г. офицерскіе повторительные курсы при штабѣ Кавказской Добровольческой арміи были переименованы и переформированы

въ Ейскій ускоренный курсъ для подготовки офицеровъ пѣхоты съ расквартированіемъ до октября въ Ейскѣ, затѣмъ до конца ноября въ Чугуевѣ, до 14 марта 1920 года въ Новороссійскѣ и Симферополѣ — до конца октября того же года. Тогда же (23 мая 1919 года) былъ сформированъ Ставропольскій ускоренный курсъ для подготовки офицеровъ пѣхоты съ расквартированіемъ до февраля 1919 года въ Ставрополѣ и въ Керчи—до ноября 1920 года, оба курса съ 4-хъ мѣсячной программой. 22 февраля 1920 года курсы были переименованы: первый въ пѣхотную, имени генерала М. В. Алексѣева, юнкерскую школу, а второй—въ пѣхотную, имени генерала Л. Г. Корнилова, юнкерскую школу. а 11 сентября 1920 года обѣ школы соотвѣтственно были переименованы въ военные, генерала М. В. Алексѣева, училище военнаго времени и въ военное, генерала Л. Г. Корнилова, училище военнаго времени, съ расширеніемъ программы и продленіемъ времени прохожденія ея до 8-ми мѣсяцевъ.

Для пополненія офицерами артиллеріи въ Одессѣ 2 ноября 1919 года было возстановлено Сергіевское артиллерійское училище, основанное въ Одессѣ въ 1912 году и въ ноябрѣ 1917 года, послѣ большевистскаго переворота, прекратившее занятія. Курсъ былъ установленъ 6-ти мѣсячный по сокращенной программѣ военнаго времени. Послѣ эвакуаціи Одессы училище, въ концѣ января 1920 года, было переведено въ Севастополь, гдѣ и оставалось до эвакуаціи Крыма.

Кавалерія и инженерныя войска до эвакуаціи Крыма не имѣли спеціальныхъ училищъ и только въ Галлиполи были сформированы: для кавалеріи — 25 февраля 1921 года кавалерійское училище изъ 2-хъ юнкерскихъ эскадроновъ, собранныхъ въ Симферополѣ въ сентябрѣ 1920 года при учебныхъ частяхъ кавалеріи русской арміи, и для инженерныхъ войскъ—изъ инженерно-техническихъ курсовъ, открытыхъ 23 января 1921 года при Техническомъ полку, 25 февраля 1921 года, Николаевско-Алексѣевское инженерное училище, получившее соединенное имя старыхъ инженерныхъ училищъ — Николаевскаго, существовавшаго съ 1819 года, и Алексѣевскаго, основаннаго въ 1915 году.

3 марта 1921 года, уже въ Галлиполи, военному, генерала М. В. Алексѣева, училищу военнаго времени Главнокомандующимъ было даровано имя стараго Александровскаго военнаго училища, существовавшаго съ 1831 года, съ оставленіемъ въ наименованіи имени генерала Алексѣева.

19 іюля 1921 года кавалерійское училище было переименовано въ память стараго Николаевскаго кавалерійскаго училища, существовавшаго съ 1823 года, въ Николаевское кавалерійское училище.

Такимъ образомъ, къ 1 октября 1921 года, при 1-мъ армейскомъ корпусѣ состояло 6 военныхъ училищъ, изъ которыхъ два сформированы въ Галлиполи.

ТАБЛИЦА № 1.

Численный составъ и перемѣны въ немъ во всѣхъ училищахъ.

Періодъ времени	Офицеровъ и чиновник.	Юнкеровъ	Солдатъ	Итого
За недѣлю до эвакуаціи Крыма .	190	1735	377	2302
Осталось въ Крыму	21	105	338	464
Эвакуировалось изъ Крыма . . .	169	1630	39	1838
Убыло во время переѣзда (въ Константинополѣ)	58	354	18	430
Высадилось въ Галлиполи	111	1276	21	1408
Поступило въ Галлиполи	159	698	250	1017
Убыло въ Галлиполи	69	760	121	950
Состояло къ 1 октября 1921 г. . .	259	1482	184	1925

ТАБЛИЦА № 2.

Куда убыли юнкера и офицеры (ноябрь 1920 г. — 1 октября 1921 г.).

	Остались въ Крыму		Въ Совѣт. Россію		Въ Бразилію		Въ бѣженцы		Бѣжало		Отчислено		Умерло	Произведено въ офицеры
	Оф.	Ю.	О.	Ю.	О.	Ю.	О.	Ю.	О.	Ю.	О.	Ю.	Ю.	Ю.
Количество во всѣхъ училищахъ	21	105	—	15	—	28	45	337	—	66	61	175	12	355
Въ процентахъ . . .	11	5	—	2	—	2	14	18	—	4	20	12	0,7	20

ТАБЛИЦА № 3.

Численный составъ по училищамъ къ 1 октября 1921 г.

Наименованіе училищъ	Офицеровъ и чиновниковъ			Юнк.	Солд.	Итого
	строев. части	учеб. части	проч.			
Константиновское военное училище	23	4	10	201	18	256
Александровское ген. Алексѣева в. уч.	24	11	19	321	19	394
Военное ген. Корнилова училище	27	13	12	231	39	322
Николаевско-Алексѣевское инж. уч.	18	14	15	235	16	288
Сергіевское артиллерійск. училище	18	14	12	250	24	308
Николаевское кавалерійск. училище	20	11	14	244	68	357
Всего . .	130	57	72	1482	184	1925

II. БОЕВАЯ СЛУЖБА

Почти за полуторавѣковую исторію военныхъ училищъ они исполняли только свое прямое назначеніе подготавливать офицерскій составъ — душу и остовъ арміи. Самая безпощадная изъ войнъ — гражданская, съ ея сложной и непрерывно мѣняющейся обстановкой, когда неожиданно образовываются новые фронты, часто въ глубокомъ тылу, — заставляла Главное командованіе, изъ за отсутствія свободныхъ войскъ, пользоваться юнкерскими частями, какъ боевыми. Чистота побужденій въ борьбѣ, сознаніе необходимости ея, высокая воинская доблесть, боевая стойкость, соединенная съ стремительнымъ порывомъ, свойственнымъ юности, устойчивость политическихъ взглядовъ, не поддающихся агитаціи противника, сознаніе необходимости суровой воинской и общественной дисциплины и безукоризненная честность юнкерскихъ частей въ отношеніи къ населенію, создавали изъ каждаго боевого выступленія юнкеровъ славную страницу въ исторіи арміи.

Кромѣ боевой дѣятельности всѣ училища несли караульную службу и были надежными гарнизонами тѣхъ пунктовъ, гдѣ они были расположены. Не разъ училища призывались для охраны порядка въ тревожные и критическіе дни, какъ напримѣръ въ дни эвакуаціи.

Константиновское военное училище начало свою боевую дѣятельность въ борьбѣ съ большевиками уже 27 октября 1917 года, ведя съ ними уличные бои въ Кіевѣ, потерявъ въ нихъ, кромѣ раненыхъ убитыми 2-хъ офицеровъ и 5 юнкеровъ. Послѣ 4-хъ дневной перестрѣлки училище покинуло Кіевъ и двинулось на Кубань. Участвуя въ первомъ и во второмъ кубанскомъ походѣ, училище за этотъ періодъ понесло значительныя потери офицерами и юнкерами, доблестно сражавшимися въ рядахъ арміи, въ которой высокое качество бойцовъ восполняло ихъ малое количество.

Періодъ мира для училища, переведеннаго въ августѣ 1919 года въ Крымъ, продолжался съ августа 1918 года до конца декабря 1919 года,

когда училище вновь выступило на фронтъ къ Джанкою и Перекопу, для участія въ оборонѣ Крыма. За оборону Крыма училище было награждено отличіемъ на головныхъ уборахъ. Въ августѣ 1920 года училище приняло участіе въ 20-ти дневномъ дессантѣ на Кубань, потерявъ въ непрерывныхъ бояхъ 65% состава. За бои на Кубани училище было награждено серебряными трубами съ лентами ордена Св. Николая Чудотворца. За непрерывную службу и сохраненіе своего оружія отъ Кіева до Галлиполи училищу Главнокомандующимъ было даровано право проходить церемоніальнымъ маршемъ на парадахъ держа «ружья на руку».

Александровское Генерала Алексѣева Военное училище начало свою боевую службу, совершая въ ноябрѣ — декабрѣ 1919 года, отходъ съ арміей изъ Чугуева на Кубань походнымъ порядкомъ, охраняя тылы и желѣзныя дороги отъ «зеленыхъ» и внутреннихъ большевиковъ, имѣя съ ними небольшія стычки. Совершая походъ зимой, почти безъ обоза, непрерывно мѣняя направленіе движенія въ зависимости отъ угрожаемыхъ пунктовъ, юнкера проявили непоколебимую твердость духа и выносливость организма, чему свидѣтельство— отсутствіе отсталыхъ за время похода. Принявъ участіе въ бояхъ за Ростовъ и подъ Батайскомъ, училище отошло къ Новороссійску и прикрывало, совмѣстно съ другими частями, эвакуацію. Славныя страницы въ свою боевую исторію записало училище въ 1920 году въ дни августовскаго дессанта на Кубань, когда въ упорныхъ бояхъ училище потеряло за 4 дня убитыми 21% офицеровъ и 7% юнкеровъ; ранеными 38% офицеровъ и юнкеровъ. За эти бои училище было награждено серебряными трубами съ лентами ордена Св. Никалая Чудотворца.

Военное Генерала Л. Г. Корнилова училище боевое крещеніе получило въ бояхъ за Ростовъ и подъ Батайскомъ въ декабрѣ 1919 и январѣ 1920 годовъ. Отойдя въ началѣ февраля къ Екатеринодару, оно соединилось со своимъ вновь сформированнымъ въ Ставрополѣ батальономъ, который послѣ ряда боевъ съ красными къ концу февраля достигъ Екатеринодара. Переведенное въ Керчь послѣ общей эвакуаціи Кубани училище высылало одну роту въ дессантную операцію подъ Геническомъ въ мартѣ — апрѣлѣ 1920 года. Въ августѣ 1920 года училище принимало участіе въ дессантной операціи на Кубань, совершило за эту операцію двѣ высадки въ обороняемые противникомъ районы и участвовало въ рядѣ боевъ понеся значительныя потери убитыми и ранеными. Батальонъ училища, атакованный подъ Анапой 3 дивизіями красныхъ, отбилъ три атаки, ликвидировалъ прорывъ фронта при 4-ой атакѣ и обезпечилъ въ критической обстановкѣ посадку дессанта на суда. За свою боевую службу училище было награждено Главнокомандующимъ серебряными трубами съ лентами ордена Св. Николая Чудотворца.

Сергіевское артиллерійское училище впервые вышло на фронтъ въ февралѣ 1920 года на Перекопскій перешеекъ, гдѣ было раздѣлено по взводно (офицеры и юнкера) въ 13-ю и 34-ю артиллерійскія бригады и въ 4-ю батарею учебно-подготовительной артиллерійской школы и принимало участіе во всѣхъ бояхъ по всему фронту обороны Крыма по май мѣсяцъ 1920 года

За оборону Крыма училище награждено Главнокомандующимъ отличіемъ на головныхъ уборахъ.

ТАБЛИЦА № 4.

Военная и боевая служба всѣхъ училищъ по состоянію къ 1 октября 1921 г.

	Количество		% %	
	Офицер.	Юнкер.	Офицер.	Юнкер.
Служило на военной службѣ до училища . .	229	1426	100	97
Принимало участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ .	219	1354	95	92
Убитыхъ за гражданскую войну	13	112	15	16
Раненыхъ и увѣчныхъ въ гражданскую войну	43	437	30	45
Награжденныхъ орденомъ Св. Георгія и Георгіевскимъ оружіемъ	30	—	13	—
Награжденныхъ Георгіевскимъ крестомъ . .	—	349	—	22

III. УПРАВЛЕНІЕ

Крымская катастрофа совершенно разрушила руководившій дѣятельностью военныхъ училищъ органъ — управленіе военно-учебныхъ заведеній, архивъ и дѣла котораго погибли, чины уѣхали въ Сербію, а само управленіе было расформировано приказомъ Главнокомандующаго 19 ноября 1920 года. Тѣмъ же приказомъ всѣ военныя училища, за исключеніемъ казачьихъ, были прикомандированы къ 1-му армейскому корпусу, а казачьи соотвѣтственно къ донскому и кубанскому корпусамъ.

Организованныя въ существовенныхъ чертахъ по образцамъ до-военнаго времени, училища во внутренней своей жизни руководились законами и положеніями мирнаго времени; входя же въ составъ 1-го армейскаго корпуса какъ строевыя части, получали изъ корпуса руководящія указанія и требованія, касающіяся строевой и гарнизонной службы. Объединяющимъ лицомъ являлся командиръ корпуса, которому они были

непосредственно подчинены. Съ цѣлью удобства управленія, пѣхотныя училища въ концѣ декабря 1920 года были объединены подъ руководствомъ старшаго изъ начальниковъ пѣхотныхъ училищъ, но это объединеніе просуществовало менѣе четырехъ мѣсяцевъ, ничѣмъ не проявило себя и естественно закончилось съ уходомъ объединяющаго лица.

Отсутствіе спеціальнаго, вѣдающаго училищами органа, какъ учебными заведеніями съ ихъ особыми нуждами, ставило ихъ въ исключительно трудное положеніе. Такъ, въ среднемъ, по всѣмъ училищамъ на одного офицера приходилось 11 юнкеровъ, но въ одномъ оно достигало 14, а въ другомъ — 7. Въ однихъ училищахъ юнкера не несли хозяйственныхъ нарядовъ, а въ другихъ почти всѣ хозяйственныя работы исполнялись юнкерами въ зависимости отъ числа солдатъ. Считая всѣхъ писарей и прочихъ должностныхъ лицъ, въ среднемъ, на одного солдата приходилось 8 юнкеровъ съ увеличеніемъ въ одномъ училищѣ до 17 и съ уменьшеніемъ въ другомъ до 4-хъ юнкеровъ. Располагая ограниченными средствами, корпусъ, не выдѣляя училищъ изъ числа строевыхъ частей, не могъ удѣлить много училищамъ на учебное дѣло, такъ что за 10 мѣсячный періодъ въ Галлиполи на каждаго юнкера на учебное дѣло въ среднемъ было отпущено по одной лирѣ и одному піастру (1 руб. 26 коп. золотомъ). При этомъ отпускъ производился равными суммами на училище, слѣдовательно, чѣмъ меньше было юнкеровъ въ училищѣ, тѣмъ лучше они были обставлены въ учебномъ отношеніи. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя училища могли израсходовать на каждаго юнкера по 6 руб. 41 коп. золотомъ, а другіе — только 3 руб. 13 коп. Въ такой же пропорціи могли училища производить и остальные расходы. Различное относительное число солдатъ и суммъ на расходы, создавали такую обстановку, что въ двухъ рядомъ стоявшихъ училищахъ — въ одномъ юнкерамъ, правда, очень рѣдко, но все же приходилось ходить за дровами въ лѣсъ за 12-13 верстъ, а въ другомъ — на тѣ же нужды дрова покупались въ городѣ съ доставкой въ училище. Жизнью вызванныя необходимыя измѣненія программъ были разработаны комиссіей только для пѣхотныхъ училищъ, остальныя училища сдѣлали это каждое для себя, что нарушило общность программъ въ тѣхъ отдѣлахъ обученія, которые являются общими для всѣхъ военныхъ училищъ, независимо отъ ихъ спеціальнаго обученія.

Основной задачей, данной училищамъ въ Галлиполи, какъ строевымъ частямъ и военно-учебнымъ заведеніямъ, была гарнизонная и военно-полицейская служба, которая поглощала массу времени и силъ у чиновъ училищъ, въ значительной мѣрѣ затрудняя дѣло ихъ прямого назначенія.

IV. УСЛОВІЯ РАЗМѢЩЕНІЯ

Училища, прибывшія въ Галлиполи, постепенно всѣ прошли черезъ тяжелую обстановку и не сразу попадали подъ крышу. Отводимыя помѣщенія первоначально въ большей части случаевъ были невелики, что вызывало разбросанность расположенія даже одного училища по всему городу въ полуразрушенныхъ мечетяхъ, баняхъ и другихъ зданіяхъ. Часть юнкеровъ одного изъ училищъ жила около мѣсяца въ неглубокихъ пещерахъ на краю города, другая часть въ домѣ, передняя стѣнка котораго была начисто снесена снарядомъ, третья—въ темныхъ развалинахъ турецкой бани и только около половины состава юнкеровъ въ пустомъ интовомъ складѣ, при чемъ количество ихъ, съ офицерами и солдатами, превышало въ 3-4 раза норму мирнаго времени казарменнаго расположенія.

Постепенно усиліями русскаго командованія удалось отвести для военныхъ училищъ помѣщенія, позволившія по меньшей мѣрѣ сосредоточить каждое училище въ одномъ мѣстѣ. Лучшими помѣщеніями являлись все-же пустовавшія зданія интовыхъ складовъ. Кромѣ складовъ подъ училища были отведены старыя, лѣтнія, тонкостѣнныя турецкія казармы, расположенныя въ 2-хъ верстахъ за городомъ, давно не ремонтированныя и стоявшія безъ оконныхъ рамъ, дверей, съ крышей протекавшей въ дожди, а на краю города — мечеть дервишей, съ двумя ярусами огромныхъ оконъ, не имѣвшихъ не только оконныхъ рамъ, но и оконныхъ коробокъ. Всѣ эти помѣщенія страдали общими существенными недостатками: онѣ были холодныя, сырыя и темныя, такъ какъ отъ холода и вѣтра всѣ оконныя отверстія были закрыты одѣялами; обогрѣть же ихъ за отсутствіемъ какихъ либо печей было невозможно, да и безполезно — такъ какъ все равно задѣлка всѣхъ отверстій была непосильна и, кромѣ того, нѣкоторыя зданія (мечеть) были слишкомъ

велики. Кромѣ того, прочность нѣкоторыхъ изъ нихъ была подъ сомнѣніемъ, но выбора не было и пришлось мириться съ тѣмъ, что отводилось французами. Два училища—Кавалерійское и Корниловское, были размѣщены въ мечети дервишей, пострадавшей отъ войны и времени. Корниловское училище размѣстилось внизу, а надъ нимъ на боковыхъ деревянныхъ хорахъ, нѣкогда предназначавшихся для турецкихъ женщинъ, — Кавалерійское.

Въ концѣ января 1921 года, во время чтенія лекцій на хорахъ, они внезапно рухнули и находившіеся на нихъ юнкера, офицеры съ начальникомъ училища упали внизъ съ высоты въ 5 сажень на корниловскихъ юнкеровъ, при чемъ пострадало 4 офицера и 52 юнкера, получившихъ раненія, ушибы и переломы конечностей. Два юнкера умерло отъ полученныхъ увѣчій, а начальникъ кавалерійскаго училища и до ⅓ изъ получившихъ увѣчья юнкеровъ — тяжело пострадали.

Къ январю 1921 года почти всѣмъ училищамъ удалось устроиться «сносно», т. е. имѣть крышу и стѣны. Было очень холодно, сыро, тѣсно и грязно, спали прямо на полу, частью каменномъ, рѣдко деревянномъ, а большей частью земляномъ. За день полы приводились въ ужасный видъ мокрой, липкой грязью, приносимой на обуви. Размѣщеніе было настолько тѣсное, что выйти ночью можно было только по тѣламъ, такъ какъ весь полъ былъ занятъ спящими и не оставалось ни малѣйшаго свободнаго пространства. Полное въ первое время отсутствіе освѣщенія ночью, раздраженіе отъ безчисленныхъ паразитовъ, пріобрѣтенныхъ за долгое время пребыванія въ трюмахъ пароходовъ, лежаніе на твердомъ полу безъ подстилки, толчки безпокойно спящихъ сосѣдей, холодная сырость воздуха и пола, внезапное пробужденіе отъ того, что кто то наступилъ на спящаго, создали для многихъ ночные кошмары вмѣсто отдыха.

Константиновскому училищу пришлось произвести работы по отводу водъ, такъ какъ полъ нижняго этажа, бывшаго верблюжьяго сарая, отведеннаго училищу, заливался въ дождливые дни водой и въ немъ дважды внезапно хлынувшіе ливни затопляли нижній этажъ; юнкера очутились по колѣна въ водѣ, многія вещи всплыли и были вынесены водой въ сточныя трубы.

Вмѣсто обилія пространства въ училищахъ мирнаго времени, съ огромными столовыми, общими залами, спальнями, классными помѣщеніями, своими домовыми церквами и проч., всѣ эти мѣста соединились въ одномъ небольшомъ помѣщеніи, въ которомъ юнкера должны были проводить круглыя сутки. Утренній и вечерній чай, обѣдъ и ужинъ, вышивались и съѣдались, сидя на кроватяхъ, въ лучшемъ случаѣ за самодѣльными столиками. Здѣсь же юнкера слушали лекціи, готовились и сдавали репетиціи. Въ рѣдкіе дни торжествъ, здѣсь же устраивались общіе обѣды, литературно-музыкальные и танцевальные вечера, причемъ приходилось разорять всю съ такимъ трудомъ собственноручно

сколоченную «обстановку» и изъ нея же устраивать скамейки, столы, театральные помосты и пр.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по просьбѣ французскаго командованія, два училища, Сергіевское и Корниловское, были выведены въ лагерь. Не успѣли училища устроиться въ лагерѣ, какъ прошедшій черезъ Галлиполи циклонъ сорвалъ часть палатокъ и юнкера очутились почти подъ открытымъ небомъ. Кстати, подоспѣлъ переѣздъ въ славянскія страны.

V. ОФИЦЕРСКІЙ СОСТАВЪ

Сравнительно съ офицерскимъ составомъ въ военныхъ училищахъ мирнаго времени, таковой составъ современныхъ училищъ въ смыслѣ служебнаго стажа, учебнаго и военно-педагогическаго цензовъ, оказался пониженнымъ. Въ прежнее время въ военныя училища стремились лучшіе, почему въ нихъ попадали только отлично аттестованные офицеры, выбираемые начальниками училищъ изъ большого числа кандидатовъ. Всѣ они проходили полный курсъ военныхъ училищъ и между ними имѣлся значительный процентъ окончившихъ военныя академіи. Но, съ другой стороны, среди нихъ былъ очень невеликъ процентъ бывшихъ на войнѣ, среди же новаго офицерскаго состава 95% — участники Великой Европейской войны.

При возстановленіи военно-учебныхъ заведеній было очень желательно пополнить личный составъ ихъ офицерами, служившими ранѣе въ военныхъ училищахъ, но большинство изъ нихъ или продвинулось по службѣ за войну, или осталось въ Совѣтской Россіи, вслѣдствіе чего офицеровъ, служившихъ ранѣе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ,

оказалось только 12% всего офицерскаго состава. Кромѣ того, прежде офицеры служили въ училищѣ въ среднемъ 9-10 лѣтъ и въ теченіе года уходило въ среднемъ менѣе одного офицера (3-5% состава), что создавало необходимую преемственность, устойчивость и послѣдовательность педагогической дѣятельности и сама среда помогала вновь прибывшему усвоить необходимые навыки въ дѣлѣ военнаго воспитанія юношества; нынѣ, это кореннымъ образомъ измѣнилось: желавшихъ служить въ училищѣ, въ особенности въ Галлиполи, было немного, такъ какъ, не давая, какъ то было въ прошломъ, никакихъ преимуществъ, служба въ училищахъ была гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ частяхъ, штабахъ и управленіяхъ, требуя непрерывной работы надъ собой, непрестаннаго возобновленія знаній всѣхъ отдѣловъ службы и образцоваго ея несенія. Средняя продолжительность пребыванія въ училищахъ не превышала 10-15 мѣсяцевъ, и даже часто бывали случаи пребыванія офицеровъ въ училищѣ въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, почему за періодъ съ декабря 1920 года по 1 октября 1921 года въ училища, сформированныя до Галлиполи, поступило офицеровъ 61% и ушло 70% штатнаго состава. При такихъ условіяхъ работа училищъ въ

ТАБЛИЦА № 5.

Офицерскій составъ по времени производства въ офицеры. Количество офицеровъ ранѣе служившихъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Наименованіе училищъ	Константин. военн. уч.	Александр. военн. уч.	Корниловск. военн. уч.	Николаевск. инжен. уч.	Сергіевское артилл. уч.	Николаевск. кавалер. уч.	Итого
Окончили военныя училища до I августа 1914 года (кадръ)	23	36	39	15	22	24	159
Окончили военныя училища до 1 сентября 1917 года (военн. врем.) .	2	5	8	14	6	13	48
Окончили военныя училища во время гражданской войны	6	1	—	—	3	—	10
Произведенныхъ за боевыя отличія .	—	—	1	2	—	3	6
ВСЕГО	31	42	48	31	31	40	223
Служило ранѣе въ военноучебныхъ заведеніяхъ.	7	11	6	5	6	2	37
Осталось къ 10 ноября 1921 года изъ числа еще служившихъ въ Крыму %	34%	49%	13%	—	26%	—	

педагогическомъ отношеніи находилась въ весьма тяжелыхъ условіяхъ и требовала отъ учебнаго и строевого составовъ чрезмѣрнаго напряженія силъ, чтобы поставить дѣло образованія и воспитанія юнкеровъ на должную высоту: при этомъ вся тяжесть службы ложилась, главнымъ образомъ, на небольшіе кадры старослужащихъ въ училищахъ. (Старослужащими въ училищахъ считаются прослужившіе не менѣе года въ училищѣ).

Таблицы за №№ 5 и 6 даютъ представленіе объ офицерскомъ составѣ.

ТАБЛИЦА № 6.
Офицерскій составъ по полученному образованію къ 1 октября 1921 г.

Окончили учебн. завед.	Наименованіе училища						Итого
	Константин. военн. уч.	Александр. военн. уч.	Коркиловск. военн. уч.	Николаевск. инженер. уч.	Сергіевское артилл. уч.	Николаевск. кавалер. уч.	
Военныя академіи	4	7	7	10	4	8	40
Высшія гражданскія учебныя заведенія	1	2	4	10	2	2	21
Только среднія учебныя заведенія . . .	26	30	19	11	25	29	140
Незакончили средне-учебныя заведенія .	—	3	18	—	—	1	22
Всего . . .	31	42	48	31	31	40	223

VI. ЮНКЕРСКІЙ СОСТАВЪ

Съ основанія регулярной арміи на Руси, законъ ставилъ всѣ сословія въ одинаковое положеніе въ отношеніи возможности достиженія офицерскаго званія, но бытовыя условія сложились такъ, что главнымъ источникомъ пополненія офицерскаго корпуса были привиллегированныя сословія. Но во время европейской войны намѣтилось перемѣщеніе центра тяжести пополненія офицерскаго состава въ сторону широкихъ народныхъ массъ: постепенно поступленіе въ училища, не только по закону, но и фактически сдѣлалось доступнымъ всѣмъ желающимъ.

Военное время и гражданская война вынудили понизить требованія для поступленія въ училища. Вмѣсто прежняго законченнаго средняго образованія въ настоящее время для поступленія въ нѣкоторыя училища (см. таблицу № 7) достаточно было 4-хъ классовъ средне-учебныхъ заведеній.

Долгіе годы внѣшней и братоубійственной внутренней войнъ, вызвавшіе неимовѣрное огрубѣніе и развращеніе нравовъ, не могли не отра-

зиться на молодежи, нынѣ составлявшей юнкерскую массу училищъ. Отличаясь уже по наружному виду отъ прежней, она обладала гораздо меньшимъ запасомъ культурныхъ навыковъ, была грубѣе въ поступкахъ и рѣчахъ. Ея умственное развитіе, пріостановленное общей разрухой учебной жизни послѣднихъ лѣтъ, невозможностью для многихъ закончить даже среднее образованіе, естественно оказалось много ниже, чѣмъ у юнкеровъ старыхъ военныхъ училищъ. Да и знанія, пріобрѣтенныя въ послѣдніе годы, у очень многихъ, принимавшихъ длительное участіе въ гражданской войнѣ, основательно потускнѣли. За то, юнкерская среда, наученная горькимъ опытомъ дней великихъ потрясеній прониклась непоколебимымъ сознаніемъ насущной необходимости напряженной работы надъ развитіемъ ума и пріобрѣтенія знаній, вѣруя, что безъ нихъ нельзя принести пользу Родинѣ. Результатомъ такого сознанія являлось, не требующее почти никакихъ понужденій, въ высшей степени добросовѣстное отношеніе юнкеровъ къ учебнымъ занятіямъ, что не наблюдалось въ старыхъ училищахъ. Принявъ во вниманіе полное отсутствіе учебниковъ и пособій, можно считать, что юнкера напряженнымъ трудомъ и любовью къ дѣлу, достигли блестящихъ результатовъ.

Разница въ нравственномъ отношеніи между юнкеромъ настоящаго времени и прежнимъ не велика; если эту разницу исчислять отношеніемъ нравственности юнкеровъ къ общему этическому уровню современности, то несомнѣнно результатъ такого сравненія окажется для галлиполійскихъ юнкеровъ самымъ благопріятнымъ. За исключеніемъ пе-

ТАБЛИЦА № 7.

Юнкерскій составъ по образованію въ %.

Окончили учебныя заведенія и классы	Высшія		Средніе					Какія средніе учебн. завед.					
	Окончили	Студенты	8	7	6	5	4	Гимназ.	Реальн. учил.	Кадетск. корп.	Духовн. семин.	4-х классн. учил.	Проч.
Наименованіе училищъ:													
Константиновское военн. училище	—	15	28	26	31	—	—	53	24	19	1	—	3
Александровское Г. А. военн. училище	1	4	11	12	37	17	18	40	19	5	7	13	16
В. Ген. Л. Г. Корнилова училище	1	1	7	11	30	25	25	35	15	15	3	12	20
Никол.-Алекс. инженер. училище	1	32	48	6	5	3	5	45	24	8	4	4	15
Сергіевское артиллер. училище	1	33	66	—	—	—	—	37	34	16	5	—	8
Николаевское кавалер. училище	—	10	30	20	34	6	—	46	25	26	1	—	2
Общій выводъ . .	1	16	31	13	23	8	8	44	23	15	4	5	9

чальной памяти дней эвакуаціи и первыхъ дней въ Галлиполи, сколько нибудь значительныя нарушенія нравственныхъ требованій почти не наблюдались.

Нижеслѣдующія таблицы даютъ болѣе подробное представленіе объ юнкерскомъ составѣ военныхъ училищъ.

Въ мирное время въ военныя училища принимались только лица съ законченнымъ среднимъ образованіемъ. Теперь лишь артиллерійское училище не понизило требованій.

ТАБЛИЦА № 8.

Юнкерскій составъ по возрасту въ %.

Исполнилось лѣтъ	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	Выше
Средній % для всѣхъ училищъ	1	7	16	19	21	14	9	5	3	2	1	1	1

Въ мирное время средній возрастъ былъ 19 лѣтъ, теперь же 21 годъ.

ТАБЛИЦА № 9.

Юнкерскій составъ по принадлежности къ бывшимъ сословіямъ во всѣхъ училищахъ и таковой же офицеровъ, въ среднемъ, во всѣхъ училищахъ.

Сословія	Крестьян.	Казач.	Мѣщан.	Купеческ. сослов.	Потомств. гражданъ	Духовн. сослов.	Потомств. дворянъ	Проч.
Наименованіе училищъ:								
Константиновск. в. училище .	27	5	16	2	6	6	34	4
Александровское в. училище .	37	5	15	5	11	6	21	—
Военн. Ген. Л. Г. Корнилова уч.	35	15	20	1	3	2	22	2
Никол. Алекс. инж. училище .	25	7	16	1	19	1	31	—
Сергіевское арт. училище . .	12	5	10	3	17	8	43	2
Николаевское кавал. училище .	14	6	8	3	8	1	55	5
Общій выводъ . . .	25	7	15	3	11	4	33	2
Офицерскаго состава училища	12	4	9	2	16	2	55	—

Сдвигъ въ сторону демократизаціи арміи особенно рѣзко замѣтенъ въ пѣхотныхъ училищахъ, гдѣ на долю крестьянъ, казаковъ и мѣщанъ приходится 58%, тогда какъ на эти же сословія среди офицеровъ училищъ, тоже уже захваченныхъ сдвигомъ приходится только 25%. По-

ТАБЛИЦА № 10.

Юнкерскій составъ по мѣсту происхожденія въ %.

Мѣстности	%
Великороссія	26
Украина	50
Бѣлороссія	3
Польша	3
Прибалтика	1
Кавказъ	12
Сибирь	1
Туркестанъ	1
Прочихъ	3

ТАБЛИЦА № 11.

Юнкерскій составъ по источникамъ существованія до 1917 г. ихъ родителей или лицъ замѣняющихъ ихъ въ % %.

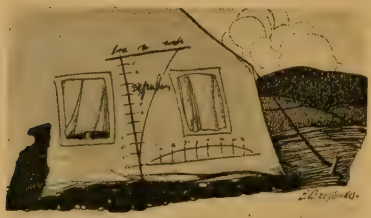
Родъ источника существованія	Трудъ		На капиталъ
	Физич.	Умств.	
Наименованіе училищъ:			
Константиновское военное училище	20	63	17
Александровское Ген. Алексѣева военн. учил.	22	56	22
Военное Генерала Л. Г. Корнилова училище	19	64	17
Николаевско-Алексѣевское инж. училище	20	65	15
Сергіевское артиллерійское училище	6	82	12
Николаевское кавалерійское училище	6	35	60
Общій выводъ	16	61	23

ТАБЛИЦА № 12.

Юнкерский составъ по роду занятій юнкера и его отца въ %.

Родъ занятій	Отца юнкера	Юнкера
Хлѣбопашество	16	1
Ремесла	3	—
Торговля	8	—
Ученіе въ школахъ (учащіеся)	—	95
Преподаваніе наукъ	4	1
Свободныя профессіи	10	1
Гражданская служба (чиновникомъ)	16	2
Военная служба (офицеромъ)	18	—
Церковнослуженіе (духовенство)	7	—
Прочія	18	—

ниженіе требованій къ образовательному цензу отражается увеличеніемъ % юнкеровъ изъ крестьянъ, казаковъ и мѣщанъ. Въ особенности это рѣзко видно изъ сравненія состава Сергіевскаго артиллерійскаго училища, въ которомъ находятся лица съ образованіемъ не менѣе законченнаго средняго и въ которомъ вышеназванныхъ сословій имѣется только 27%, съ составомъ Военнаго Генерала Л. Г. Корнилова училища, въ которомъ при среднемъ образовательномъ цензѣ въ 5,5 классовъ, тѣхъ же сословій — 70 %.



VII. УЧЕБНОЕ ДѢЛО

Высадившись въ Галлиполи, училища въ учебномъ отношеніи оказались почти въ безвыходномъ положеніи. Сильно сократился преподавательскій составъ, дошедшій до 44% бывшаго въ Крыму, а пополнить его въ Галлиполи оказалось крайне труднымъ, даже понизивъ требованіе учебнаго ценза и преподавательскаго стажа. Въ особенно тяжелое положеніе попало одно изъ спеціальныхъ училищъ, въ которомъ изъ 14 преподавателей осталось только два. Все имущество училищъ, въ томъ числѣ и учебной части, осталось въ Крыму. Какъ только миновалъ первый періодъ разселенія и переселенія, во всѣхъ училищахъ остросталъ вопросъ—какъ же возстановить и продолжать дальнѣйшую учебную дѣятельность. Преподавателей мало, учебниковъ и учебныхъ пособій нѣтъ, денегъ — нѣтъ буквально ни копѣйки, свѣта и днемъ въ помѣщеніяхъ мало, на освѣщеніе — опять таки денегъ нѣтъ. А вѣдь это было въ декабрѣ и январѣ, когда дни такъ коротки! Да и какъ создать возможность преподавать и учиться, когда нѣтъ ни столовъ, ни скамеекъ, ни классныхъ досокъ, а есть только слабо освѣщенныя дневнымъ свѣтомъ холодныя, со сквозняками помѣщенія, тѣсно набитыя людьми, днемъ сидящими на сверткахъ своихъ вещей, а ночью спящими вповалку на голомъ полу?

Учебныя занятія начались съ изученія иностранныхъ языковъ.

Одновременно съ изученіемъ иностранныхъ языковъ, примѣрно въ концѣ декабря, начались періодическія сообщенія, въ которыхъ излагалась политическая обстановка и событія за текущій періодъ, съ оцѣнкой ихъ значенія для Россіи и русской арміи. Кромѣ того, стремясь удовлетворить наростающую потребность въ знаніяхъ и умственной работѣ и не имѣя еще возможности начать правильныя учебныя занятія, чины училищъ и приглашаемыя лица дѣлали сообщенія на самыя разнообразныя темы, отъ научныхъ темъ до личныхъ впечатлѣній о людяхъ, событіяхъ, путешествіяхъ и т. п. Темы эти естественно чаще всего касались, такъ или иначе, Россіи.

Почти въ первые же дни училища вошли съ ходатайствомъ объ отпускѣ средствъ на веденіе учебнаго дѣла и въ концѣ февраля они получили на каждое по 200 турецкихъ бумажныхъ лиръ (т. е. около 250 руб. золотомъ). Эти деньги позволили приступить къ регулярнымъ занятіямъ. Были куплены тетради, бумага и карандаши, а изъ полученныхъ черезъ корпуснаго инженера отъ французовъ большихъ листовъ ржавaго гофрированнаго желѣза, послѣ выпрямленія его и окраски, были сдѣланы классныя доски. Затѣмъ постепенно случайной покупкой у чиновъ корпуса пріобрѣтались учебники, уставы, компасы; часто во всемъ корпусѣ имѣлся только одинъ экземпляръ ходкаго учебника, который и попадалъ въ одно изъ училищъ, и получить эту книгу, даже на короткое время, было очень трудно, такъ какъ она была нужна и училищу — владѣльцу и остальнымъ. Въ концѣ концовъ удалось собрать учебники далеко не по всѣмъ предметамъ и въ общемъ не болѣе, чѣмъ въ одномъ экземплярѣ, почему имъ пользоваться могъ только преподаватель. Нѣсколько лучше было съ уставами, но ихъ было въ среднемъ не болѣе одного на 40-50 юнкеровъ. Компасовъ въ продажѣ было достаточно, но купить ихъ болѣе 15-20 на училище не позволяли средства. Въ серединѣ марта 1921 года почти во всѣхъ училищахъ начались правильныя строевыя и учебныя занятія, вначалѣ занимавшія не болѣе 12-15 часовъ въ недѣлю.

Объ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ для классовъ большинству училищъ нельзя было и мечтать. Только одному изъ нихъ удалось устроить двѣ аудиторіи въ старыхъ турецкихъ баракахъ, во всѣхъ же остальныхъ лекціи, практическія классныя занятія, репетиціи и подготовка къ послѣднимъ производились въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, гдѣ жили юнкера. Обычно, въ этихъ помѣщеніяхъ было темно, холодно, сыро и сквозило. Начались занятія въ крайне неудобной обстановкѣ, какъ для преподавателей, такъ и для юнкеровъ. На лекціяхъ всѣ сидѣли въ фуражкахъ и шинеляхъ, при чемъ только у преподавателя было нѣчто вродѣ кафедры, состоявшей изъ сидѣнья, сложеннаго изъ камней и столика изъ дощечекъ, юнкера же располагались на свертkахъ своихъ вещей, сидя или полулежа. въ зависимости отъ освѣщенія и того предмета, кото-

рый служилъ подкладкой подъ тетрадь. Такъ какъ классныхъ отдѣленій было больше, чѣмъ помѣщеній, то часто въ нѣкоторыхъ изъ нихъ читали въ разныхъ концахъ два лектора, которые стремились быть услышанными всѣми юнкерами своего отдѣленія и вмѣстѣ съ тѣмъ пытались не мѣшать лекціи сосѣдняго отдѣленія.

Отрицательно отзывались на успѣшности учебныхъ и строевыхъ занятій большой домашній нарядъ и гарнизонная служба. Размѣщеніе въ 4-6 помѣщеніяхъ требовали до 20 человѣкъ дежурныхъ и дневальныхъ; работы на кухнѣ, носка воды, уборка помѣщеній и дворовъ отрывали до 20 юнкеровъ ежедневно, а гарнизонная служба, въ особенности въ первое время, до урегулированія дозорной службы въ городѣ — до 50

УРОКЪ ВЪ ИНЖЕНЕРНОМЪ УЧИЛИЩѢ

юнкеровъ въ сутки, что составляло около 25% наличнаго состава, да около 10% не присутствовало на занятіяхъ по болѣзни, всего такимъ образомъ ежедневно отсутствовало до одной трети (35%) юнкеровъ.

Кромѣ того на продуктивности работы юнкеровъ неблагопріятно отражались и зимніе холода. Какъ ни старались учащіе и обучающіеся одѣться на лекціи потеплѣе, но все же невозможно было въ нѣкоторые дни высидѣть неподвижно даже два часа. Сырой холодъ вызывалъ ознобъ, ноги и руки коченѣли, карандашъ вываливался изъ рукъ, самъ лекторъ съ большимъ трудомъ могъ продолжать чтеніе лекцій. Когда такіе холода держались нѣсколько дней подрядъ, приходилось прекращать лекціи.

Постепенно, съ увеличеніемъ количества помѣщеній, кой-какимъ оборудованіемъ ихъ и наступленіемъ теплыхъ дней, внѣшняя обстановка

для занятій сильно улучшилась, появилась возможность заниматься на открытомъ воздухѣ, да и въ помѣщеніяхъ стало свѣтлѣе, благодаря тому, что можно было снимать одѣяла и иныя покрышки, закрывавшія окна.

По разрѣшеніи вопроса о чтеніи лекцій, надо было выяснить возможность производства репетицій. Единственнымъ источникомъ для подготовки къ нимъ могли служить только записки юнкеровъ. До опыта первыхъ репетицій существовало опасеніе, что этихъ записокъ будетъ недостаточно, такъ какъ слабое развитіе и отсутствіе навыка и непривычка къ записи чужой рѣчи не давали возможности записать мысль лектора съ достаточной ясностью и полнотой. Да и число такихъ записокъ было невелико въ виду скромнаго количества бумаги. Несмотря на помощь училищамъ тетрадями и карандашами со стороны галлиполійскаго представительства В. З. С. и В. С. Г. и американскаго краснаго креста, все же было невозможно выдать каждому юнкеру на каждый предметъ достаточно бумаги или тетрадей и приходилось выдавать ихъ на группы въ 3-4 человѣка, а запись предоставить вести уже одному изъ юнкеровъ. Правда, юнкера и сами добывали себѣ бумагу, тратя на нее свои послѣдніе гроши и покупая либо тетради, либо листы изъ старыхъ турецкихъ дѣловыхъ книгъ, употреблявшихся обыкновенно на обертку.

Начавшіяся репетиціи не оправдали опасеній. Юнкера оказались очень хорошо подготовленными и тѣмъ доказали свое твердое желаніе и способность учиться при всякой обстановкѣ. Преподаватели, поддерживаемые въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ рвеніемъ учениковъ, лично разрабатывали и исполняли необходимые чертежи, рисунки, планы, составляли записки и конспекты по своимъ предметамъ, составленныя записки постепенно печатались на пишущихъ машинахъ; иныхъ множительныхъ аппаратовъ не было. Чтобы выдать такія записки хотя бы одному репетиціонному отдѣленію въ 12-15 человѣкъ, необходимо было напечатать одно и то же раза четыре, а объемъ репетиціи — отъ 30 до 50 страницъ, исписанныхъ ради экономіи строка къ строкѣ и безъ полей.

Еще труднѣе оказалось разрѣшить вопросъ о веденіи практическихъ занятій, въ особенности въ спеціальныхъ училищахъ. Усвоеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ артиллеріи и военно-инженернаго дѣла давалось съ неимовѣрнымъ трудомъ и непомѣрной затратой времени, изъ-за отсутствія наглядныхъ пособій, приборовъ и чертежей. Но и здѣсь помогли юнкера. Среди нихъ имѣлись техники, практически знакомые со столярнымъ и слесарнымъ ремесломъ, опытные чертежники и рисовальщики и ихъ труду и отзывчивости училища обязаны созданіемъ многихъ цѣнныхъ учебныхъ пособій.

Когда установилась хорошая погода, во всѣхъ училищахъ начались работы въ полѣ по топографіи, тактикѣ и фортификаціи. Малое число компасовъ, планшетовъ и шанцеваго инструмента не позволяло производить эти занятія съ достаточной полнотой, но все же удалось ознако-

мить юнкеровъ съ общими основами преподаваемыхъ преметовъ и обучить ихъ практически полевымъ, геодезическимъ и фортификаціоннымъ работамъ и рѣшенію задачъ по тактикѣ.

До переѣзда въ Галлиполи обученіе въ училищахъ происходило по различнымъ программамъ. Въ Константиновскомъ военномъ училищѣ — по нормальной 2-хъ лѣтней программѣ мирнаго времени, въ Александровскомъ и Корниловскомъ училищахъ — по сокращенной 8-ми мѣсячной, немного расширенной сравнительно съ программой 4-хъ мѣсячныхъ ускоренныхъ курсовъ военныхъ училищъ. Въ Сергіевскомъ артиллерійскомъ училищѣ часть юнкеровъ заканчивала 6-ти мѣсячный ускоренный курсъ, часть-же обучалась по 2-хъ лѣтней программѣ мирнаго времени. Хотя на прохожденіе ускоренныхъ курсовъ назначалось 8 или 9 мѣсяцевъ, но въ дѣйствительности юнкера могли ее закончить только въ 14—15 мѣсяцевъ, такъ какъ боевыя дѣйствія, экспедиціи противъ зеленыхъ, гарнизонная служба и переѣздъ въ Галлиполи отняли 6—7 мѣсяцевъ.

По пріѣздѣ въ Галлиполи, въ самихъ училищахъ, лишенныхъ руководящаго центра въ учебномъ отношеніи, возникъ вопросъ о необходимости перехода всѣхъ училищъ къ нормальнымъ программамъ мирнаго времени съ пересмотромъ ихъ и введеніемъ тѣхъ измѣненій, которыя были вызваны міровой войной и потребностями политической жизни.

Въ пѣхотныхъ училищахъ, по ихъ же почину, для разрѣшенія этихъ вопросовъ была собрана распоряженіемъ командира корпуса особая комиссія, а въ остальныхъ—затрудненіе было разрѣшено самимъ преподавательскимъ составомъ. Результатомъ работы комиссіи было рѣшеніе о необходимости: 1) введенія во всѣхъ пѣхотныхъ училищахъ 2-хъ лѣтней программы обученія мирнаго времени; 2) внесенія въ нее выработанныхъ комиссіей измѣненій, основанныхъ на новыхъ данныхъ, полученныхъ изъ опыта послѣднихъ войнъ; 3) окончательнаго введенія въ курсъ, вновь разработаннаго предмета военной психологіи, небольшіе отдѣлы которой ранѣе частично преподавались въ тактикѣ и вопросъ о выдѣленіи которой въ самостоятельный предметъ, изучающій психологію отдѣльныхъ и массовыхъ бойцовъ и начальниковъ, назрѣлъ еще до міровой войны; 4) введенія въ курсъ преподаванія политической экономіи и соціально-политическихъ ученій; 5) добавленія еще одного класса — общаго, по образцу старыхъ юнкерскихъ училищъ съ 3-хъ лѣтнимъ курсомъ, на которомъ проходились бы предметы въ объемѣ программъ старшихъ классовъ (5-8) средне-учебныхъ заведеній, что дало бы возможность училищамъ подготовить себѣ достаточный контингентъ для пополненія спеціально военныхъ классовъ, а молодымъ людямъ, находящимся въ русской арміи, закончить свое среднее образованіе.

Время на прохожденіе курсовъ было исчислено числомъ фактическихъ рабочихъ дней, каковыхъ было установлено на прохожденіе каждаго курса 168 при 4—5 часахъ учебныхъ и 2—3 часахъ строевыхъ занятій въ день, а всего 7 часовъ. На каждомъ курсѣ, по прохожденіи его, устанавливались экзамены, на что назначалось два мѣсяца. Въ общемъ, при нормальномъ теченіи учебныхъ занятій, всѣ три курса можно было бы закончить въ 27 мѣсяцевъ; отсюда ясно, что всѣ причины, уменьшающія число часовъ занятій, должны автоматически увеличивать время нахожденія юнкера въ училищѣ. Столь короткій срокъ для прохожденія общеобразовательныхъ предметовъ былъ принятъ потому, что предшествовавшій опытъ обученія военнымъ предметамъ, даже лицъ съ незаконченнымъ среднимъ образованіемъ, показалъ, что достаточно зрѣлые годы (20—25 лѣтъ) обучаемыхъ даютъ возможность пройти съ ними одинаковый отдѣлъ обученія въ несравненно болѣе короткій срокъ, чѣмъ съ обычнымъ составомъ учениковъ средне-учебныхъ заведеній; кромѣ того для многихъ изъ нихъ значительная часть программы являлась только возобновленіемъ въ памяти ранѣе пройденнаго въ учебныхъ заведеніяхъ.

При содѣйствіи преподавателей военныхъ училищъ и гимназіи имени генерала Врангеля были пересмотрѣны и вновь составлены программы по военнымъ и общеобразовательнымъ предметамъ, а комиссіей составленъ планъ занятій. Всѣ предположенія комиссіи были представлены

ТАБЛИЦА № 13.

Число часовъ учебныхъ и строевыхъ занятій во всѣхъ училищахъ (октябрь 1921 г.).

Наименованіе училищъ	Въ недѣлю				Въ день
	Всего часовъ занят.	Часовъ лекцій	Репетиц. 3 часа 1 юнкер.	Часовъ строев. занятій	Всего часовъ учебныхъ зан.
Константиновское военное училище .	36	12	1	12	6
Александровское военное училище .	48	18	1—2	12	8
В. Ген. Л. Г. Корнилова училище . .	42	18	1	14	7
Николаевско-Алексѣевское инж. уч. .	36	15	1	19	6
Сергіевское артилл. училище	36	10	1	12	6
Николаевское кавалер. училище . .	42	12	1—2	12	7
Средній выводъ . . .	40	14	1—2	13	6,5

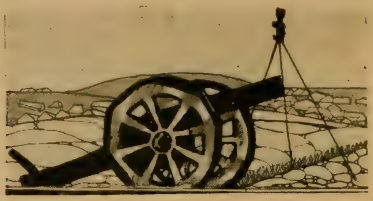
Примѣчаніе I. На каждую репетицію надо три часа и еще не менѣе 9 часовъ на подготовку къ ней, а всего — 12 часовъ.

Примѣчаніе II. Число часовъ занятій показано по нормальному расписанію дня, фактически же его надо сократить не менѣе какъ на 20%, отнимаемыхъ праздниками, парадами, хожденіемъ въ лѣсъ за дровами, стиркой бѣлья, мытьемъ въ банѣ и пр.

Главнокомандующему и полностью получили его утвержденіе, такъ что къ концѣ весны училища начали переходить на обученіе по новымъ программамъ.

Спеціальныя училища, инженерное и артиллерійское, приняли 3-хъ лѣтнюю программу мирнаго времени, а кавалерійское — 2-хъ лѣтнюю, внеся въ нихъ измѣненія, требуемыя жизнью.

Сверхъ того въ Александровскомъ военномъ училищѣ образовался дополнительный классъ изъ юнкеровъ училища, уже закончившихъ 8-ми мѣсячный ускоренный курсъ, но пожелавшихъ закончить свое военное образованіе до объема двухъ-лѣтней программы и общее—до полнаго курса средне-учебныхъ заведеній.



VIII. СТРОЕВАЯ ПОДГОТОВКА

Только къ концу декабря 1920 года удалось приступить къ строевымъ занятіямъ съ юнкерами. Къ этому времени основательно забыта была строевая выучка и это произошло тѣмъ легче, что одна изъ важнѣйшихъ основъ строевого дѣла — воинская дисциплина, была сильно расшатана.

И здѣсь, какъ и въ учебномъ дѣлѣ, не хватало слишкомъ многаго — винтовокъ (въ одномъ изъ пѣхотныхъ училищъ ихъ осталось только на 7% юнкеровъ), уставовъ, приборовъ для гимнастики и для обученія стрѣльбѣ. Еще въ болѣе трудномъ положеніи оказались артиллерійское и кавалерійское училище: первое изъ нихъ не имѣло ни одного образца артиллерійскаго орудія и оба — ни одной лошади.

При такихъ условіяхъ пришлось вначалѣ обратить вниманіе на воинскую выправку юнкеровъ, дисциплину въ строю и твердое усвоеніе строевыхъ ученій. Кромѣ того значительное время было удѣлено на теоретическое и практическое усвоеніе гарнизонной службы, такъ какъ на училища было возложено несеніе гарнизонной службы въ городѣ.

Попытки перейти къ веденію тактическихъ ученій въ полѣ заканчивались неудачами, такъ какъ частые дожди превращали мѣстную гли-

нистую почву въ трудно проходимыя пространства. Кромѣ того, было очень мало топографическихъ картъ. Всѣ зимніе мѣсяцы прошли въ занятіяхъ одиночнымъ обученіемъ и уставными построеніями. Къ сожалѣнію, за этотъ періодъ, какъ впрочемъ и послѣдующіе, трудно было поставить на должную высоту дѣло физическаго развитія юнкеровъ, такъ какъ гимнастика отнимала бы слишкомъ много силъ у нихъ, и безъ того истощенныхъ.

Съ апрѣля мѣсяца появилась широкая возможность выходовъ въ поле и могли бы начаться занятія тактическими ученіями, но и ихъ нельзя было производить въ должномъ размѣрѣ, такъ какъ всѣ ближайшія окрестности были засѣяны.

Въ общемъ на строевыя занятія училища удѣляли не болѣе 2—3 часовъ въ день, при чемъ въ среднемъ каждую недѣлю пропадалъ для занятій одинъ день, а для отдѣльныхъ юнкеровъ изъ за болѣзней и нарядовъ—не менѣе трехъ дней, вслѣдствіе чего каждый юнкеръ фактически участвовалъ въ строевыхъ занятіяхъ не болѣе 8 часовъ въ недѣлю.

Ясно, что такое малое количество времени, въ особенности по сравненіи съ 19-ю часами строевыхъ занятій въ недѣлю въ старыхъ военныхъ училищахъ, было бы совершенно недостаточно для исполненія полностью программъ мирнаго времени, но съ одной стороны отсутствіе орудій, лошадей, патроновъ для винтовокъ сильно программу сократило, а съ другой — большинство юнкеровъ (97%) уже прошло теоретическое обученіе военному дѣлу въ частяхъ и практическое участіемъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ (92%); это давало возможность и при такомъ количествѣ часовъ проводить, хотя и не полную по всѣмъ отдѣламъ службы, но все же законченную строевую подготовку юнкеровъ на должность младшаго офицера.

IX. ВОСПИТАНІЕ

Въ дни эвакуаціи Крыма почти во всѣхъ мѣстахъ посадки арміи на суда печальныя картины, неразрывныя спутницы пораженій, широкой панорамой развернулись передъ юношествомъ военныхъ училищъ, назначенныхъ, какъ надежнѣйшія части, на охрану порядка при эвакуаціи. Юнкера съ честью выдержали испытаніе на гражданскую зрѣлость, неся свою службу не за страхъ, а за совѣсть, строго поддерживая порядокъ среди другихъ и оказывая помощь слабѣйшимъ. Результатъ ихъ самоотверженной дѣятельности — погрузка всѣхъ желающихъ уѣхать съ ихъ багажемъ, а для себя — потеря всего училищнаго имущества и у нѣкоторыхъ училищъ — части личнаго состава.

За развращающими душу картинами эвакуаціи послѣдовалъ долгій, для многихъ — мѣсячный переѣздъ на пароходахъ.

Юнкера, такъ недавно производившіе отрадное впечатлѣніе своей выправкой, дисциплинированностью, вѣжливостью, соблюденіемъ формы, соединенной съ щеголеватостью, внушавшіе восхищеніе своей нравственной стойкостью, въ тяжелые дни эвакуаціи поддержавшіе честь училищъ и доказавшіе, что затраченные на нихъ воспитаніе труды не пропали даромъ, — теперь, попавъ въ иную среду, часто не организованную, тѣсно соприкоснувшись съ ней на ограниченномъ пространствѣ парохода, увидѣвъ отсутствіе стойкости у нѣкоторыхъ изъ офицеровъ и, что еще важнѣй, у части своихъ начальниковъ, — такіе юнкера, вырванные изъ привычныхъ условій, не выдержали и опустились нравственно и физически. Тяжело было видѣть оставшемуся съ арміей офицерскому составу училищъ разрушеніе результатовъ своей напряженной работы.

На цѣломъ рядѣ педагогическихъ и дисциплинарныхъ комитетовъ, были выработаны, соотвѣтствующія времени и обстановкѣ, мѣры воспитательнаго характера, заключавшіяся главнымъ образомъ въ нравственномъ воздѣйствіи педагогическаго персонала на юнкерскую среду.

Напряженная, планомѣрная работа дала результаты и черезъ 2—3 мѣсяца послѣ пріѣзда въ Галлиполи юнкера стали вновь на прежнюю высоту. Можно быть увѣреннымъ, что перенесенныя нравственныя потрясенія, навсегда закаливъ души юнкеровъ, выработаютъ изъ нихъ стойкихъ, честныхъ воиновъ и граждански-мужественныхъ сыновъ Родины.

X. САНИТАРНО-ГИГІЕНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ

Если принять во вниманіе неудовлетворительность санитарныхъ условій жизни юнкеровъ, въ особенности въ первые мѣсяцы (декабрь—февраль), то казалось бы слѣдовало ожидать гораздо худшихъ результатовъ въ состояніи ихъ здоровья, чѣмъ то оказалось въ дѣйствительности.

За 10 мѣсяцевъ въ Галлиполи, по октябрь мѣсяцъ, средняя заболѣваемость по всѣмъ училищамъ была: заболѣванія требующія амбулаторнаго лѣченія — 8,4% въ день и стаціонарнаго — 0,40%. За тотъ же періодъ ни въ одномъ училищѣ не наблюдалось эпидемическихъ болѣзней, кромѣ мѣстной маларіи, которой переболѣли почти всѣ. Приступы ея были непродолжительны (2—3 дня) и для большинства юнкеровъ прошли въ легкой формѣ, не отразившись въ дальнѣйшемъ на состояніи здоровья.

Смертность за 10 мѣсяцевъ равнялась 0,8% всего состава юнкеровъ, а исключивъ изъ этого числа смерти отъ несчастныхъ случаевъ (во время обвала въ мечети дервишей), получимъ 0,55%, что дастъ въ годъ на тысячу человѣкъ 6,6 случаевъ смерти.

Психическихъ заболѣваній не было; былъ одинъ случай покушенія на самоубійство, закончившійся тяжелымъ раненіемъ.

ТАБЛИЦА № 14.

Средняя заболѣваемость во всѣхъ училищахъ съ декабря по октябрь 1921 г.

Амбулаторн.	Количество			Въ день % %		
	Холодное время декабрь—апрѣль	Теплое время апрѣль—сентябрь	За 10 мѣсяцевъ декабрь—сентябрь	Холодное время декабрь—апрѣль	Теплое время апрѣль—сентябрь	За 10 мѣсяцевъ декабрь—сентябрь
Наименованіе училищъ:						
Константиновское военн. уч.	3613	2754	6367	11	8	9,5
Александр. Ген. Алексѣева военное училище	3356	3436	6792	7	7	7,0
Военн. Ген. Л. Г. Корнилова училище	4000	3000	7000	11	8	9,5
Николаевско-Алексѣевское инженер. училище. . . .	936	2340	3276	10	10	10,0
Сергіевское артилл. училище	1756	1521	3277	11	9	10,0
Николаевское кавал. учил. .	750	1500	2250	3	6	4,5
Средній выводъ .	14411	14551	28962	8,8	8,0	8,4
Стаціонарн.						
Константиновское военн. уч.	101	63	164	0,3	0,2	0,25
Александровское военн. уч.	220	310	530	0,5	0,6	0,55
Военн. Ген. Л. Г. Корнилова училище	50	100	150	0,2	0,4	0,30
Никол.-Алекс. инж. училище	25	135	160	0,2	0,6	0,40
Сергіевское артилл. училище	104	266	370	0,2	0,6	0,40
Николаевское кавал. учил. .	68	171	239	0,3	0,7	0,50
Средній выводъ . .	568	1045	1613	0,3	0,5	0,40
Средн. выводъ амбул. и стац.	—	—	—	9,0	8,5	8,80

XI. ПРОИЗВОДСТВО ВЪ ОФИЦЕРЫ

За время пребыванія въ Галлиполи было два производства въ офицеры. Первое состоялось 18 декабря 1920 года, во время парада войскамъ корпуса по случаю перваго пріѣзда Главнокомандующаго. На этомъ парадѣ было произведено 114 юнкеровъ Константиновскаго военнаго училища, которые окончили еще въ Крыму полный двухлѣтній курсъ и производство которыхъ было назначено на 14 ноября 1920 года, но не состоялось въ виду эвакуаціи. Произведенные были сведены въ офицерскую роту, оставленную при училищѣ. Служба ихъ заключалась въ несеніи гарнизонной службы и строевыхъ занятіяхъ

15 апрѣля они разошлись по своимъ полкамъ. Восемь изъ вновь произведенныхъ офицеровъ, лучшіе по успѣхамъ и поведенію, были оставлены еще 18 декабря при училищѣ для подготовки ихъ къ занятію должностей курсовыхъ офицеровъ въ училищѣ.

Второй выпускъ былъ произведенъ изъ Александровскаго военнаго училища, военнаго Генерала Л. Г. Корнилова училища и Сергіевскаго артиллерійскаго училища, выпустившихъ: первое — 77, второе — 69 и третье—123, а всего 269 юнкеровъ. Въ первомъ и второмъ училищахъ юнкера окончили ускоренный курсъ по 8-ми мѣсячной программѣ, а въ артиллерійскомъ по 9-ти мѣсячной программѣ, причемъ юнкера пробыли въ училищахъ 14—15 мѣсяцевъ.

Отсутствіе средствъ не позволило выдать молодымъ офицерамъ какое либо пособіе и новое обмундированіе. Они получили немного подновленнымъ только то, что носили въ училищахъ. Скромно отпраздновавъ свой выпускъ на чужбинѣ, молодые офицеры, послѣ 3-хъ дневнаго отпуска, разошлись по своимъ новымъ частямъ.

XII. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЧАСТИ

Хозяйственныя части училищъ въ первые дни по пріѣздѣ оказались въ крайне тяжеломъ положеніи. Имущества никакого, денегъ нѣтъ, инструментовъ и машинъ для шитья и чинки одежды и обуви нѣтъ, солдатъ-мастеровыхъ нѣтъ.

Одежда и обувь у юнкеровъ была въ отчаянномъ состояніи: многіе изъ нихъ попали на погрузку прямо съ крымскихъ горъ, гдѣ они участвовали въ экспедиціяхъ противъ «зеленыхъ». У значительной части юнкеровъ и офицеровъ все имущество состояло только въ томъ, что было одѣто на нихъ, а у нѣкоторыхъ юнкеровъ даже не было шинелей.

Когда училища находились въ такомъ безвыходномъ положеніи, на помощь имъ пришли В. З. С. и В. С. Г. и въ особенности американскій красный крестъ, снабдившіе училища бѣльемъ, пищевыми продуктами, канцелярскими принадлежностями. Кромѣ того интендантство отпустило училищамъ небольшое количество одежды и обуви и, что было въ особенности цѣнно въ первые дни, по два суконныхъ одѣяла почти каждому юнкеру.

Изъ отпущенныхъ интендантствомъ и общественными организаціями матеріаловъ въ училищахъ была изготовлена различная одежда, напримѣръ: изъ одного одѣяла шили двѣ пары брюкъ, изъ тюфячной наволочки — бѣлую верхнюю рубашку и т. п. Вся работа производилась часто женами офицеровъ, бравшими за свой трудъ ничтожную плату, да и ту училища не всегда могли заплатить сразу, а отсрочивали уплату на 2—3 мѣсяца. Въ шитьѣ обмундированія, а особенно чинкѣ обуви приняли широкое участіе и сами юнкера, сильно облегчивъ своимъ без-

возмезднымъ трудомъ тяжелое положеніе училищъ. Благодаря всему этому училищамъ, правда, съ большимъ трудомъ, удалось одѣть юнкеровъ однообразно и чисто. Они вновь стали походить на юнкеровъ мирнаго времени.

Улучшить внутренній бытъ юнкеровъ оказалось непосильной задачей, такъ какъ денежные отпуски были слишкомъ малы; въ среднемъ на хозяйственныя надобности было израсходовано за 10 мѣсяцевъ на одного юнкера 2 р. 65 коп. золотомъ, причемъ деньги, главнымъ образомъ, ушли на освѣщеніе, шитье, починку одежды и обуви.

Приходъ и расходъ денегъ видѣнъ изъ нижеслѣдующихъ таблицъ.

ТАБЛИЦА № 15.

Приходъ денегъ въ золотыхъ рубляхъ.

Наименованіе училищъ	Всего въ золотыхъ рубляхъ	На учебное дѣло		На хозяйство		На довольствіе	
		Изъ штаба корпуса	Изъ другихъ источникъ въ	Изъ штаба корпуса	Изъ другихъ источниковъ	Изъ штаба корпуса	Изъ другихъ источниковъ
Константин. воен. уч.	850	250	—	585	—	15	—
Александр. воен. уч.	980	310	—	440	200	30	—
Корнилов. в. училище	920	250	—	600	35	35	—
Ник. Алекс. инж. уч.	1000	250	75	475	180	20	—
Сергіевск. артилл. уч.	595	250	—	305	—	40	—
Николаевск. кав. уч.	1045	335	20	495	175	20	—
Итого	5390	1645	95	2090	590	160	—

ТАБЛИЦА № 16.

Расходъ денегъ въ золотыхъ руб. и коп.

Наименованіе училищъ	Всего		На одного юнкера							
	золотомъ		на учебное дѣло		на хозяйство		на довольствіе		Всего	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Константин. в. уч.	820	—	1	—	2	56	—	08	3	64
Александр. в. уч.	995	—	—	98	2	05	—	10	3	13
Корнил. в. училище	920	—	1	04	2	65	—	15	3	84
Ник.-Алекс. инж. уч.	945	—	1	74	4	20	—	12	6	06
Сергіевск. арт. уч.	375	—	—	54	—	45	—	10	1	09
Николаевск. кав. уч.	965	—	2	29	4	—	—	12	6	41
Итого . . .	5020	—	1	26	2	65	—	12	4	03

Жизнь во всѣхъ училищахъ, какъ и въ прежнее время, устанавливалась дневнымъ и недѣльнымъ расписаніемъ занятій. Въ условіяхъ до военнаго времени эти расписанія проводились съ педантичной точ-

ностью, являвшейся также одной изъ мѣръ выработки въ юнкерахъ служебной аккуратности. Въ галлиполійской обстановкѣ расписанія служили только канвой, по которой каждый день и недѣлю вышивались жизнью самые разнообразные узоры.

Продолжительность занятій всецѣло зависѣла отъ длины дня, потому что искуственнаго освѣщенія было достаточно только для того, чтобы юнкера не сталкивались другъ съ другомъ въ помѣщеніяхъ.

Въ зимнее время (конецъ ноября — начало февраля) день юнкера начинался въ 8 час. утра и заканчивался въ 4 часа дня, послѣ чего ему приходилось сумерничать до 10 часовъ, когда всѣ юнкера были обязаны лечь спать. Лѣтомъ день начинался въ 5 часовъ утра и заканчивался въ 9-10 часовъ вечера. Въ субботу занятія производились только два часа, остальное время предоставлялось юнкерамъ на уборку помѣщеній и стирку бѣлья. Въ отпускъ юнкера увольнялись три раза въ недѣлю, въ будни послѣ занятій, а въ праздники съ утра, во всѣхъ случаяхъ до 8-11 часовъ вечера.

Составляя видную часть русскихъ въ городѣ, юнкера, со свойственными молодости отзывчивостью и умѣніемъ сближаться, быстро завели личныя знакомства съ туземцами. Правда, это были все уличныя знакомства, такъ какъ всѣ жители Галлиполи воспитаны въ турецкихъ традиціяхъ и живутъ замкнуто въ своихъ семьяхъ. Неся дозорную службу, юнкера поддерживали порядокъ въ городѣ, слѣдили за соблюденіемъ очереди у фонтановъ и не позволяли обижать мѣстныхъ жителей.

Уже въ январѣ мѣсяцѣ въ нѣкоторыхъ училищахъ были устроены литературно-музыкально-танцовальные вечера, гдѣ юнкера сами исполняли все, отъ устройства сцены и сидѣній для зрителей до составленія и исполненія программы.

Собственными же усиліями юнкера создали шахматы и шашки и многіе изъ нихъ проводили за ними долгіе часы зимнихъ вечеровъ, такъ какъ для игры въ нихъ достаточно было и слабаго освѣщенія.

Съ наступленіемъ теплаго времени во всѣхъ училищахъ образовались футбольныя команды, которыя лѣтомъ въ состязаніяхъ оказались далеко не на послѣднемъ мѣстѣ.

Кромѣ развлеченій въ стѣнахъ училищъ, юнкера наравнѣ съ прочими пользовались услугами цѣлаго ряда культурно-просвѣтительныхъ учрежденій корпуса.

Почти одновременно во всѣхъ училищахъ появились свои юнкерскіе журналы. Они носили названіе или соотвѣтственно наименованію училища: — «Константиновецъ», «Сергіевецъ» или — переживаемому времени: «Былины скитанія», «Пробужденіе» и т. п. Всѣ журналы богато иллюстрированы акварелями, рисунками перомъ и карандашемъ, а также и каррикатурами.

Педагогическимъ персоналомъ училищъ былъ прочитанъ юнкерамъ рядъ лекцій. Однѣ изъ нихъ имѣли цѣлью передать юнкерамъ знаніе русской дѣйствительности, другія — внѣдряли въ ихъ души чувства національной гордости и любви ко всему русскому, третьи — освѣщали международную политическую обстановку и роль Русской Арміи.

Послѣдовавшія за симъ искушенія со стороны французскаго командованія ѣхать въ Бразилію, или на Мадагаскаръ, или возвратиться въ Совдепію въ юнкерской средѣ успѣха не имѣли. Выѣхали только единицы изъ числа наименѣе стойкихъ.

Подводя итоги прожитому въ Галлиполи году, невольно вспоминаются великія слова: «претерпѣвый до конца — той спасенъ будетъ». И надо отдать справедливость, что вся юнкерская масса ко времени переѣзда въ славянскія страны честно и стойко пережила всѣ постигшія ее невзгоды. Переболѣвъ нравственно и физически, временами даже доходя до отчаянія въ ожиданіяхъ улучшенія своего положенія, юнкерская среда своими страданіями, духовно очистившись отъ большинства человѣческихъ слабостей, вышла изъ борьбы своего тѣла и духа побѣдительницей, научилась переносить всякія лишенія, укрѣпила въ себѣ вѣру въ правоту дѣла Русской Арміи и нынѣ стоитъ твердыми ногами на пути къ новымъ жертвамъ за честь своей родины и за свободу измученнаго большевистскимъ игомъ русскаго народа.

XIII. ВОЕННЫЕ КУРСЫ И ШКОЛЫ

Корпусъ въ Галлиполи былъ постояннымъ работникомъ. Несмотря на тяжесть Европейской войны и ожесточенность гражданской, онъ сохранилъ и физическую и духовную свѣжесть. Лучшее проявленіе этой духовной юности корпуса — въ той жаждѣ ученія, которая въ серединѣ лѣта 1921 г. въ Галлиполи достигла своего апогея. Въ этомъ постоянномъ стремленіи выражалось сознаніе совершенныхъ въ прошломъ ошибокъ и ковалось новое оружіе для гражданской войны. Въ указанномъ отношеніи военные школы и курсы (стараго и новаго типа) пріобрѣли, конечно, особое значеніе. Преслѣдуя прежде всего задачи пополненія военнаго образованія, они вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не считаться съ тѣмъ, что въ процессѣ гражданской войны психологія арміи приняла весьма оригинальныя формы. Составъ арміи за время гражданской войны пополнялся элементомъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно ясно сознававшимъ во имя чего ему предстоитъ борьба. И когда послѣ неудачи въ Крыму корпусъ оказался въ Галлиполи на досугѣ, военные начальники и преподаватели военныхъ наукъ оказались лицомъ къ лицу съ предъявляемыми имъ арміей сложными вопросами, въ которыхъ современность самымъ невозможнымъ образомъ сплеталась съ чисто те-

оретическими основами наукъ. Поэтому, преподаваніе въ Галлиполи простѣйшихъ основъ уставовъ уже представляло большія трудности, такъ какъ представлялось сначала необходимымъ дать офицерамъ и солдатамъ нѣкоторую оріентировку обще-образовательнаго характера. Школы и курсы расширяли въ связи съ этимъ свои программы, удѣляя вниманіе лекціямъ обще-образовательнаго характера. Нѣкоторыя изъ программъ этихъ школъ при бѣгломъ взглядѣ могли иногда вызвать недоумѣніе пестротой предметовъ, указанныхъ въ нихъ. Но если принять во вниманіе напряженный интересъ, который вызывали эти лекціи у молодыхъ и старыхъ офицеровъ, приходится заключить, что составители программъ въ общемъ правильно угадали потребности своихъ слушателей. Въ выборѣ преподававшихся наукъ не было надуманности. Вотъ для примѣра программа Административныхъ курсовъ, учрежденныхъ для подготовки офицеровъ къ занятію военно-административныхъ должностей: 1) политическій и національный вопросъ въ Россіи; 2) аграрный вопросъ; 3) законовѣдѣніе: государственное право, полицейское право и уголовный процессъ; 4) общая, педагогическая и военная психологія; 5) религіозно-бытовой укладъ и государственное значеніе церкви; 6) литература; 7) исторія; 8) исторія административныхъ учрежденій; 9) начальники гарнизоновъ и коменданты городовъ; 10) борьба со шпіонажемъ и агитаціей; 11) дѣятельность военно-желѣзнодорожной охраны; 12) обязанности чиновъ передвиженія войскъ; 13) охрана желѣзныхъ дорогъ; 14) уголовный розыскъ; 15) политическая экономія; 16) телеграфъ; 17) паровозъ.

Не меньшей пестротой отличалась и программа Офицерской инженерной школы.

Какъ видно, нѣкоторыя изъ лекцій являлись даже не курсомъ какой либо самостоятельной дисциплины, а лишь рядомъ періодическихъ лекцій, разъяснявшихъ наиболѣе интересные для слушателей вопросы. Лишь при удовлетвореніи этой любознательности оріентировки офицеровъ въ ходѣ историческихъ событій, являлась возможность перехода къ болѣе конкретнымъ задачамъ обученія. Такимъ образомъ, циклъ преподававшихся наукъ опредѣлялся задачами военной педагогіи, духовными запросами слушателей и практическими требованіями жизни.

При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что сказанное можетъ быть отнесено не только къ вновь возникшимъ въ Галлиполи школамъ и курсамъ, но въ равной мѣрѣ и къ сохранившимся во время эвакуаціи. Послѣдніе также вводили цѣлый рядъ новыхъ предметовъ въ курсъ и подчиняли преподаваніе практическимъ задачамъ обученія. Въ виду этого, наряду съ расширеніемъ лекцій обще-образовательнаго характера, во всѣхъ школахъ и курсахъ наблюдалось другое явленіе — стремленіе къ спеціализаціи. Въ приведенной выше программѣ лекцій Административныхъ курсовъ, изъ политической экономіи, напримѣръ, выдѣленъ въ особый курсъ — аграрный вопросъ, изъ государственна-

го права выдѣлена въ особую группу исторія административныхъ учрежденій и т. д. Между прочимъ, по вопросамъ о наилучшемъ преподаваніи и системѣ при многихъ школахъ работали спеціальныя комиссіи. При этомъ, конечно, ощущалась оторванность отъ современной западноевропейской педагогической мысли и выступала трудность надлежащаго разрѣшенія поставленныхъ жизнью задачъ. Къ числу такихъ трудностей относился прежде всего разнообразный по степени умственнаго развитія составъ корпуса. Офицеры распадались, напримѣръ, на двѣ группы: а) офицеры мирнаго и военнаго времени, окончившіе военныя училища, прошедшіе ускоренные курсы военныхъ училищъ и окончившіе школы прапорщиковъ, б) офицеры, произведенные въ первый офицерскій чинъ за боевыя отличія. Въ послѣднюю группу входили офицеры съ самымъ разнообразнымъ образовательнымъ цензомъ, а поэтому военнымъ начальникамъ и преподавательскому персоналу предстояла довольно нелегкая задача поставить учебное дѣло такимъ образомъ, чтобы предложить каждому то, что соотвѣтствовало уровню его интеллектуальнаго развитія.

Въ процессѣ разработки этихъ вопросовъ выяснилось, что наиболѣе цѣлесообразнымъ разрѣшеніемъ военно-учебнаго дѣла было бы созданіе офицерскихъ школъ и курсовъ. Для выполненія этого были открыты слѣдующіе курсы и школы: I Для пѣхоты: 1) Штабъ-офицерскіе стрѣлковые курсы при I-й пѣхотной дивизіи, 2) Офицерскіе курсы при Константиновскомъ военномъ училищѣ, 3) Военно-образовательные курсы при Корниловскомъ ударномъ полку, 4) Курсы для младшихъ офицеровъ Марковскаго пѣхотнаго полка, 5) Курсы для подготовки ротныхъ командировъ; II для артиллеріи: 1) Офицерская артиллерійская школа, 2) Оберъ-офицерскіе курсы при управленіи 2-й артиллерійской бригады; III. для кавалеріи: Ускоренные курсы Офицерской кавалерійской школы; IV. для инженерныхъ войскъ: Офицерская инженерная школа; V. для радіо-телеграфнаго дѣла: Полевая радіо-телеграфная школа при радіо-телеграфномъ отдѣленіи штаба корпуса; VI Военно-административные курсы; VII. Курсы для подготовки къ обязанностямъ воинскихъ начальниковъ, комендантовъ городовъ, комендантовъ этаповъ и пр.; VIII. Гимнастическо-фехтовальная школа.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что при другихъ частяхъ, не выдѣляясь въ особыя школы, существовали, такъ сказать, домашніе курсы; они образовались изъ организованныхъ при частяхъ систематическихъ занятій по спеціальнымъ предметамъ. Такіе курсы получили наибольшее развитіе въ инженерныхъ войскахъ.

Штабъ-офицерскіе стрѣлковые курсы при I-й пѣхотной дивизіи были открыты 28 марта 1921 года. Продолжительность курса сначала была опредѣлена въ два мѣсяца, но затѣмъ увеличена до четырехъ мѣсяцевъ.

Цѣль курсовъ состояла: въ подготовкѣ командnаго состава (начиная съ командира баталіона и выше), въ выработкѣ у всѣхъ офицеровъ единаго взгляда на военное дѣло и въ подробномъ изученіи новыхъ видовъ военной техники и ея примѣненія въ военномъ дѣлѣ.

На курсы были командированы изъ частей штабъ и оберъ-офицеры, предназначавшіеся къ занятію штабъ-офицерскихъ должностей и окончившіе лишь ускоренные курсы военныхъ училищъ. На курсы поступило 103 офицера и къ концу лѣта 1921 года состояло 79 человѣкъ. Кромѣ нихъ при курсахъ состояло 12 человѣкъ вольнослушателей.

На курсахъ читались слѣдующіе предметы: тактика, артиллерія, военно-инженерное дѣло, стрѣлковое дѣло, военная географія, законовѣдѣніе, военная исторія, администрація, статистика, психологія, топографія, войсковая и государственная связь, уставы, служба въ штабахъ и ихъ назначеніе и т. п. Кромѣ систематическаго курса читались эпизодическія лекціи: «аграрная реформа Столыпина» и др.

Занятія производились въ палаткѣ собранія Марковскаго пѣхотнаго полка.

Число преподавателей достигало 24, изъ нихъ 4 офицера генеральнаго штаба.

Офицерскіе курсы при Константиновскомъ военномъ училищѣ были открыты 25 апрѣля 1921 года для офицеровъ пѣхотной дивизіи, произведенныхъ въ первый офицерскій чинъ за боевыя отличія.

Продолжительность курса была опредѣлена въ шесть мѣсяцевъ и въ основу его была положена программа военныхъ училищъ. На курсахъ читались: тактика, исторія русской арміи, артиллерія, топографія, военная администрація, законовѣдѣніе, фортификація, военная географія, психологія, уставы и наставленія по военному дѣлу.

Между прочимъ, въ числѣ офицеровъ оказалась группа лицъ, имѣвшихъ никакого образованія или съ образованіемъ ниже вольноопредѣляющагося 2-го разряда. Для этой группы при курсахъ же была основана начальная школа, гдѣ подъ руководствомъ чиновъ училища проходились начатки общеобразовательныхъ предметовъ: русскій языкъ (чтеніе и письмо), арифметика, начальныя понятія изъ физики, исторія и географія.

На курсы было принято 95 человѣкъ, штаты расчитаны на 100.

Съ конца іюля при собраніи Корниловскаго пѣхотнаго полка были открыты Военно-образовательные курсы. Изъ наиболѣе интересныхъ и злободневныхъ лекцій можно назвать слѣдующія: «теорія Пфейфера», «дѣйствія Людендорфа на восточномъ фронтѣ», «общій обзоръ внѣшней и внутренней политики Россіи».

Курсы для младшихъ офицеровъ Марковскаго пѣхотнаго полка были открыты съ половины января 1921 года при учебной командѣ Марковскаго полка.

Задача курсовъ состояла въ возобновленіи въ памяти пройденнаго и въ упорядоченіи и поднятіи военнаго воспитанія.

Курсы были расчитаны на 100 человѣкъ и уже къ 16 апрѣля состоялся первый выпускъ.

Курсы для подготовки ротныхъ командировъ при Корниловскомъ ударномъ полку открылись 12 марта и закончили свое сущёствованіе 21 мая. Выдержали экзаменъ 79 офицеровъ. Такого же типа курсы образовались и при Алексѣевскомъ пѣхотномъ полку.

Офицерская артиллерійская школа въ Галлиполи явилась продолженіемъ учебно-подготовительной артиллерійской шко-

ОФИЦЕРСКАЯ АРТИЛЛЕРІЙСКАЯ ШКОЛА

лы, основанной на Кубани въ 1918 году и переведенной затѣмъ въ Крымъ.

Школа состояла изъ: а) управленія, б) учебной части, в) легкой батареи и г) перемѣннаго состава, раздѣлявшагося на 1) штабъ-офицерскіе курсы для подготовки къ должностямъ батарейныхъ командировъ, 2) оберъ-офицерскіе курсы, въ свою очередь подраздѣлявшіеся на: курсы для подготовки старшихъ офицеровъ батарей, курсы младшихъ офицеровъ, курсъ летчиковъ-наблюдателей и пулеметный курсъ.

Кромѣ того при школѣ находилась учебная команда, выдѣленная впослѣдствіи изъ состава школы и приданная къ 1-й артиллерийской бригадѣ.

Первыми начали функціонировать штабъ-офицерскіе курсы, первый выпускъ которыхъ состоялся къ 20 апрѣля.

Въ артиллерійской школѣ особенно чувствовались затрудненія при практическомъ обученіи. Наводкѣ приходилось обучаться за отсутствіемъ орудій съ однѣми панорамами, которыя прикрѣплялись къ старымъ турецкимъ орудіямъ, поставленнымъ на самодѣльные лафеты.

При школѣ прошли курсъ 115 офицеровъ и 4 солдата.

Между прочимъ, Офицерской артиллерійской школѣ удалось организовать даже свое издательство, выпустившее 6 руководствъ по спеціальнымъ артиллерійскимъ вопросамъ (по 300 экземпляровъ каждое изданіе); печатаніе производилось на пишущей машинѣ. Помимо этого издательство школы занималось разсмотрѣніемъ наставленій, выработанныхъ въ строевыхъ частяхъ, переводныхъ сочиненій, штатовъ и т. п.

Библіотека учебной части состояла изъ 500 томовъ, отчасти пріобрѣтенныхъ, отчасти пожертвованныхъ. Приведеніе въ порядокъ книгъ производилось при посредствѣ собственной примитивной переплетной мастерской.

Оберъ-офицерскіе курсы управленія 1-й артиллерійской бригады открыты 7 іюля. Продолжительность курса была опредѣлена въ два мѣсяца. Курсы имѣли своею задачей: подготовить къ экзамену офицеровъ, предназначенныхъ къ переводу въ артиллерію и поднять уровень артиллерійскихъ знаній среди нуждающихся въ томъ. На курсы поступило 60 человѣкъ.

Ускоренные курсы офицерской кавалерійской школы были открыты 1 апрѣля 1921 г. при конной дивизіи для подготовки на должность эскадронныхъ командировъ. Первое время было принято 50 человѣкъ. 28 іюня былъ открытъ 2-й младшій курсъ, на который принято 80 человѣкъ. Лекціи каждый день читались въ продолженіе 5-ти часовъ: преподавались: тактика, артиллерія, администрація, теорія ѣзды, иппологія, топографія и т. д.

Инженерная офицерская школа была открыта 15 мая. Школа состояла изъ трехъ отдѣленій: инженерно-строительнаго (для подготовки офицеровъ инженерно-техническихъ войскъ къ занятію командныхъ должностей) и двухъ отдѣленій временныхъ курсовъ (для пополненія образованія офицеровъ инженерно-техническихъ войскъ). Въ циклъ преподававшихся дисциплинъ были введены: 1) военная психологія, 2) военная гигіена, 3) политическая экономія, 4) законовѣдѣніе, 5) исторія военнаго искусства въ Россіи, 6) историко-географическій очеркъ развитія государственныхъ границъ Россіи, 7) очерки по русской литературѣ, 8) русская исторія, 9) элементы математики въ видѣ анализа безконечно малыхъ.

Если къ этимъ предметамъ присоединить общіе предметы военнаго характера — тактику, артиллерію, топографію, уставы и затѣмъ спеціальные для каждаго отдѣла школы предметы — то получимъ полную картину плана преподаванія. Продолжительность курса 1 годъ.

Полевая радіо-телеграфная школа при радіо-телеграфномъ отдѣленіи штаба I-го армейскаго корпуса явилась продолженіемъ радіо-телеграфной школы В. С. Ю. Р., существовавшей въ Крыму при I-мъ радіо-дивизіонѣ.

Школа была окончательно сформирована 11 апрѣля 1921 года и съ этого времени начались правильныя занятія съ офицерами, слухачами и солдатами. Въ офицерскомъ классѣ читались: физика, электротехника, радіо-телеграфія и т. п.; изъ слухачей 7 были допущены къ самостоятельному дежурству по станціи. Кромѣ этихъ занятій всѣми спеціалистами читались обязательныя лекціи на различныя темы.

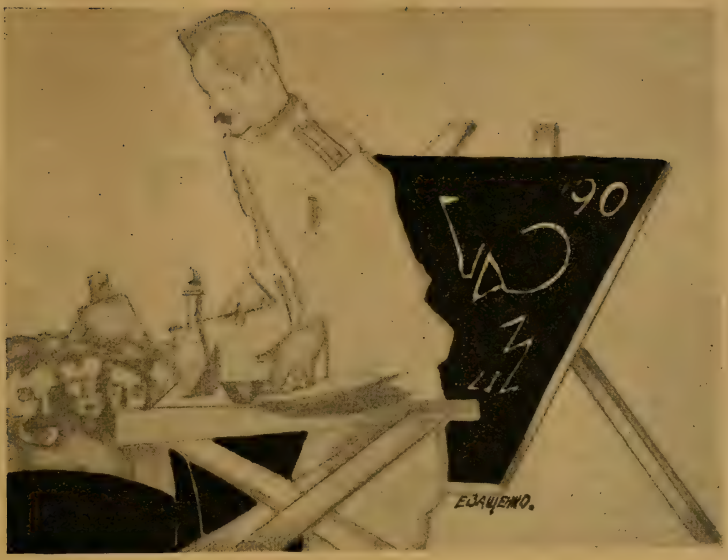
Военно-административные курсы были открыты 8 іюля. Программа ихъ уже приводилась выше. Цѣль курсовъ: подготовка офицеровъ къ занятію военно-административныхъ должностей. Въ созданіи этихъ курсовъ сказался опытъ прошлаго. Въ то время почти вся административная дѣятельность сосредоточивалась, согласно положенія о полевомъ управленіи войскъ, въ рукахъ военныхъ властей. Желаніе въ будущемъ избѣжать ошибокъ неопытныхъ администраторовъ вылилось въ Галлиполи въ открытіи административныхъ курсовъ для подготовки къ должностямъ воинскихъ начальниковъ, комендантовъ городовъ, этаповъ и т. д. При этомъ, естественно, на курсы принимались лишь лица съ солиднымъ служебнымъ стажемъ: генералы и штабъ-офицеры не моложе 30-ти и не старше 55 лѣтъ. Продолжительность курсовъ — 4 мѣсяца; число слушателей — 75.

Такіе же курсы были открыты и въ лагерѣ 18 февраля при Марковскомъ пѣхотномъ полку.

Выше уже указывалось, что желаніе пополнить свое образованіе было въ корпусѣ общимъ явленіемъ и во многихъ частяхъ, не выдѣляясь въ особое учрежденіе, создавались свои домашніе курсы. Такіе курсы въ особенности получили развитіе въ войскахъ спеціальныхъ родовъ оружія. Въ инженерныхъ ротахъ, напримѣръ, регулярныя занятія по войсковому инженерному дѣлу, тактикѣ, артиллеріи, теоріи двигателей внутренняго сгоранія, телеграфному и телефонному дѣлу, военной исторіи и т. д. — начались уже со второй половины февраля. Въ связи съ этими занятіями въ Марковской инженерной ротѣ были выстроены великолѣпныя модели, почти въ сажень величиной, мостовъ разныхъ системъ. Модели этихъ мостовъ, между прочимъ, фигурировали въ качествѣ экспонатовъ на выставкѣ-базарѣ, устроенной русскими въ Галлиполи.

Нужно было быть самому свидѣтелемъ того, что происходило на курсахъ и школахъ въ Галлиполи, да и не только на курсахъ, а вездѣ, гдѣ такъ или иначе образовывался учебный и культурный уголокъ. Въ гимназіи, на административныхъ курсахъ, на сеансахъ «устной газеты» и въ десяткѣ другихъ мѣстъ дѣти и взрослые съ одинаковымъ рвеніемъ и вниманіемъ учились, и взрослые, пожалуй, съ большимъ пыломъ,

чѣмъ дѣти и юноши. И близъ гимназіи имени генерала Врангеля, недалеко отъ которой находилось общежитіе штабъ-офицерскаго резерва, можно было наблюдать въ извѣстное время дня непривычную для глаза картину: генералы, пожилые штабъ-офицеры и дѣти съ книгами и тетрадями направлялись на курсы и въ гимназію. Для полноты картины не нужно забывать, что курсы и школы были разбросаны и въ лагерѣ, и въ городѣ, почему небольшой составъ преподавательскаго персонала буквально выбивался изъ силъ. Если прибавить къ этому, что ни о какомъ, хотя бы минимальномъ, вознагражденіи лекторовъ по необходимости никогда и рѣчи не было, легко понять, что лекторское служеніе въ Галлиполи было вполнѣ безкорыстнымъ. Въ Россіи не принято щеголять наличіемъ государственныхъ инстинктовъ у русскихъ и невольное чувство радости и надеждъ на будущее охватывали тѣхъ, кто видѣлъ, при какихъ условіяхъ въ Галлиполи было совершено то, что на чужбинѣ, послѣ тяжелыхъ потрясеній гражданской войны, русскіе собственными руками построили свое государство.



ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ И КУРСЫ

Если нельзя сказать, что вся интеллигенція ушла отъ большевиковъ, то за то можно утверждать, что русскій корпусъ въ Галлиполи въ главной массѣ своей состоялъ изъ людей интеллигентныхъ. Большое количество лицъ съ высшимъ образованіемъ, очень большой процентъ студентовъ, также много абитуріентовъ среднихъ учебныхъ заведеній и очень мало людей съ образованіемъ ниже средняго. Процентъ неграмотныхъ совсѣмъ ничтожный. Такой составъ корпуса предопредѣлялъ необходимость возникновенія цѣлаго ряда учрежденій культурно-просвѣтительнаго характера, необходимость, почувствованную съ первыхъ же дней изгнанія.

Какъ только корпусъ оказался вырваннымъ изъ борьбы и попалъ на твердую землю въ Галлиполи, прежде всего возникла необходимость въ книгѣ. До сихъ поръ, въ бою, эта потребность не чувствовалась такъ остро. Правда, на фронтѣ и некогда было читать; когда же удавалось попасть на стоянку, на отдыхъ, книга какъ-то всегда сама находилась. Теперь же каждый печатный листокъ являлся сокровищемъ.

Кромѣ того, тотъ водоворотъ политическихъ и международныхъ отношеній, въ которомъ оказался корпусъ, вызывалъ цѣлый рядъ вопросовъ, отвѣта на которые негдѣ было искать. Сознаніе утраты родины тоже вызвало болѣзненно повышенный интересъ къ ней, ея прошлому, ея литературѣ, исторіи.

Все это создавало обстановку, которая необходимо должна была вызвать къ жизни какія то учрежденія культурно-просвѣтительнаго характера, и если учрежденія нарождались медленно, то, зародившись, они скоро занимали прочное положеніе и видное мѣсто въ галлиполійской жизни.

Въ моментъ особенно безотрадный, когда жажда духовной жизни почувствовалась особенно остро, когда недостаточными явились пользовавшіеся большимъ успѣхомъ духовные лекціи-концерты, которые устраивались въ первые дни галлиполійскаго сидѣнія въ армянской церкви — возникли высшіе общеобразовательные курсы.

Возникли они по частному почину кружка лицъ, главнымъ образомъ, преподавателей русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, рѣшившихъ прочесть небольшой циклъ лекцій. Условія не позволяли расчитывать на что либо длительное, да и нужды въ этомъ пока не было: всѣмъ тогда казался весьма близкимъ отъѣздъ куда то изъ Галлиполи. Кромѣ того сами внѣшнія условія работы были чрезвычайно затруднительны и своеобразны. Такъ какъ пособій не было рѣшительно никакихъ, не было элементарныхъ учебниковъ, которые можно было бы положить въ основу курса, то читать лекціи можно было лишь по тѣмъ вопросамъ и дисциплинамъ, которые были особенно близки и памятны самимъ лекторамъ. Первоначально были объявлены курсы по исторіи новѣйшей русской литературы, исторіи церкви, русской исторіи въ періодъ смуты начала XVII ст., физической географіи и метеорологіи. Весь курсъ предполагалось закончить въ шестинедѣльный срокъ при двухъ часахъ въ недѣлю, отводимыхъ на каждый предметъ, причемъ каждая лекція должна была носить вполнѣ законченный характеръ. Начали свою дѣятельность курсы 28 февраля. Объявленная запись на лекціи имѣла такой успѣхъ, что въ первый же часъ былъ заполненъ комплектъ въ 168 человѣкъ, который могла вмѣстить аудиторія (помѣщеніе читальни надъ гарнизонной столовой). Продолженная запись къ 7 марта дала цифру въ 400 слушателей. На этомъ числѣ она и была прекращена, такъ какъ для большаго количества не хватило бы мѣста и во второй аудиторіи (солдатская читальня В. С. Г.).

Такой успѣхъ начинанія былъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда причинъ. Сами слушатели объясняли проявленную ими любознательность, помимо чисто внѣшняго интереса къ самимъ лекціямъ, еще и тѣмъ, что тутъ они забываютъ всю глубину своего несчастія, что здѣсь забываются грязь и неудобства жизненныхъ условій; что лекціи, какъ будто, даже увеличиваютъ ихъ паекъ, такъ какъ тотъ кусочекъ хлѣба, который

былъ бы съѣденъ непремѣнно, если бы владѣлецъ его сидѣлъ дома, теперь остается цѣлымъ и сохраняется до его возвращенія съ лекцій.

Лекціи читались ежедневно съ 6 до 8 часовъ вечера въ двухъ помѣщеніяхъ. Главный контингентъ слушателей былъ городской, но были и лагерные жители, которыхъ не останавливали ни разстояніе, ни дождь, ни грязь. Внѣшняя обстановка лекцій была далеко не благопріятна: свѣта въ аудиторіяхъ почти никогда не было: изъ сосѣднихъ столовой и кафе, расположенныхъ подъ аудиторіями, постоянно доносились шумъ, разговоры, музыка, пѣніе; оборудованія аудиторій не было почти никакого, такъ что болѣе половины слушателей выстаивали все время на ногахъ; не было и бумаги ни у слушателей, ни у лекторовъ.

Однако, начавшееся дѣло не заглохло. Позже нѣсколько улучшилась матеріальная сторона дѣла. Первая помощь пришла отъ командира корпуса, очень сочувственно отнесшагося къ культурному начинанію и давшаго 50 лиръ на оборудованіе аудиторіи и письменныя принадлежности. А затѣмъ пришелъ на помощь Всероссійскій Союзъ Городовъ предоставившій лекторамъ имѣвшіяся въ его распоряженіи книги и ссудившій курсы деньгами. Въ связи съ улучшившейся обстановкой измѣнился и характеръ курсовъ. Лекціи постепенно стали приноравливаться къ систематическому курсу, а циклъ читаемыхъ предметовъ далъ желаемую полноту и цѣльность общему курсу. Къ основной группѣ организаторовъ стали примыкать новыя силы, коли-

Предметъ	Число часовъ	
	1 группа	2 группа
Исторія церкви	16	11
Исторія новой русской литер.	22	13
Русская исторія періода смуты нач. XVII вѣка	16	15
Физическая географія	15	11
Метеорологія	26	13
Астрономія	14	7
Экономическая географія	6	7
Высшая математика	11	
Электротехника	4	
Аналитич. геометрія	7	
Денежное обращеніе	9	4
Біологія	9	5
Вопросы современной физики	4	
Сельское хозяйство	7	3
Обслѣдованіе юго-западной части Галлиполійскаго полуострова	2	
Русскія былины	6	
Итого	263 часа	

чество читавшихся предметовъ росло, въ виду чего число лекціонныхъ часовъ ежедневно пришлось увеличить до трехъ (съ 6 часовъ до 9 часовъ вечера). Вмѣсто шести недѣль курсъ затянулся на гораздо большее время и былъ законченъ только въ началѣ іюня.

За указанный періодъ были прочитаны лекціи, указанныя въ таблицѣ на предыдущей страницѣ.

Лекціи посѣщались весьма аккуратно. Въ маѣ мѣсяцѣ число слушателей нѣсколько понизилось, такъ что явилась возможность соединить обѣ группы въ одну.

Составъ слушателей по образовательному цензу: со среднимъ образованіемъ 80%, съ высшимъ образованіемъ 6%, остальные съ образованіемъ ниже средняго.

Значеніе курсовъ было отмѣчено командиромъ корпуса въ его приказѣ на другой день послѣ окончанія первой сессіи курсовъ.

Не отказываясь отъ общественной дѣятельности, курсы устраивали публичныя лекціи и засѣданія по спеціальнымъ вопросамъ.

Такъ, 13 апрѣля состоялось публичное засѣданіе курсовъ, посвященное памяти генерала Л. Г. Корнилова. 15 марта была прочитана лекція о Бразиліи въ связи съ французскими предложеніями. 31 марта и 2 апрѣля были прочитаны лекціи «Константинопольскія впечатлѣнія». 23 апрѣля — «О жизни русскихъ въ Константинополѣ», 5 мая состоялась лекція посѣтившаго курсы епископа Веніамина на тему «Вѣра и знаніе».

Возникновеніе высшихъ общеобразовательныхъ курсовъ въ городѣ вызвало къ жизни подобное же учрежденіе и въ лагерѣ. Въ то время, какъ городскіе курсы носили почти исключительно просвѣтительный характеръ, лишь постепенно перестраиваясь въ смыслѣ учебной систематизаціи, лагерные курсы сразу приняли систематическія программы. Учитывая наиболѣе настоятельные запросы, они поставили себѣ цѣлью въ 4-хъ мѣсячный срокъ (16 недѣльный) дать курсъ лекцій примѣнительно къ программамъ 2-хъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Возникновеніемъ своимъ лагерные курсы также обязаны частной иниціативѣ группы лекторовъ-преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній и педагоговъ средней школы. 21 апрѣля курсы начали свою работу. Условія ея осложнились еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что долгое время не удавалось найти помѣщенія для курсовъ. Наконецъ, была предоставлена на 3 часа ежедневно неприспособленная палатка, находившаяся въ распоряженіи кавалеріи, тогда какъ большинство слушателей было изъ пѣхоты и артиллеріи. Однако, съ самаго начала курсы завоевали симпатіи слушателей, которыхъ не удерживала ни погода, ни разстояніе. Во время дождей, когда рѣчка широко разлилась и по камешкамъ перебраться черезъ нее было нельзя, многіе дѣлали большой обходъ (3-5 верстъ) черезъ шоссейный мостъ, а другіе разувались и пере-

ходили рѣчку вбродъ. Когда курсы лишились своего временнаго помѣщенія, интересы ихъ были приняты близко къ сердцу слушателями и благодаря исключительно ихъ энергіи лекціи были перенесены въ палатку спеціально для нихъ оборудованную въ расположеніи Алексѣевскаго полка, гдѣ курсы помѣщались до послѣдняго времени.

Запись на курсы дала 410 человѣкъ; анкета, произведенная при записи дала слѣдующіе результаты: со среднимъ образованіемъ — 71,4%. въ томъ числѣ студентовъ 34,6%, съ образованіемъ ниже средняго — 26,4%, съ высшимъ образованіемъ 2,2%; изъ общаго числа слушателей: офицеровъ 83,3%, солдатъ 13,7%. Цѣль посѣщенія курсовъ почти всѣми опредѣлялась желаніемъ пополнить или закончить свое образованіе. Наибольшій интересъ лежалъ въ циклѣ математическихъ наукъ, однако, наибольшая посѣщаемость приходилась на лекціи гуманитарнаго цикла.

Для лучшаго координированія занятій коллегія лекторовъ разбилась на секціи гуманитарную и естественно-математическую.

Параллельное существованіе двухъ однородныхъ учрежденій въ лагерѣ и въ городѣ, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль, должно было повести къ ихъ объединенію. 21 мая состоялось объединенное засѣданіе лекторскихъ коллегій городскихъ и лагерныхъ курсовъ. Результатомъ этого засѣданія было полное сліяніе обоихъ учрежденій. На этомъ же засѣданіи рѣшено было передать курсы въ вѣдѣніе Всероссійскаго Союза Городовъ, который до этого субсидировалъ курсы, а теперь, включая ихъ въ число своихъ учрежденій, вводилъ ихъ въ постоянную смѣ-

Предметъ	число часовъ
Исторія церкви	2
Географія Россіи	24
Русскій народный эпосъ	11
Общій курсъ русской исторіи	34
Древняя исторія	5
Исторія среднихъ вѣковъ	15
Политическая экономія	23
Алгебра	14
Алгебра	26
Геометрія	8
Физика	29
Геометрія	26
Физика	17
Химія	32
Естествовѣдѣніе	36
Новая исторія	7
Исторія русской письменности	2
Итого	230

ту, что обезпечивало учебныя принадлежности для лекторовъ и слушателей, освѣщеніе, возможность лучшаго оборудованія, пріобрѣтеніе книгъ и пр. Курсы усвоили себѣ названіе «Общеобразовательные курсы В. С. Г. при I-мъ армейскомъ корпусѣ», причемъ разбились на два отдѣленія: городское и лагерное.

За періодъ времени со дня открытія лагерныхъ курсовъ по 29 августа были прочитаны лекціи, указанныя въ таблицѣ на предыдущей страницѣ.

На предметы общеобразовательнаго характера отводилось ежедневно по три лекціонныхъ часа, но считая недостаточнымъ повтореніе курсовъ среднихъ учебныхъ заведеній, хотя бы въ расширенномъ объемѣ, лагерное отдѣленіе отвело ежедневно еще по два часа для цикла наукъ университетскаго курса (высшій отдѣлъ). Для намѣревающихся въ будущемъ продолжать образованіе въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ были объявлены лекціи по высшей математикѣ, параллельно съ которыми велись практическія занятія. Въ цѣляхъ же расширенія кругозора, научнаго ознакомленія съ національными русскими цѣнностями и распространенія обоснованныхъ знаній были объявлены курсы исторіи новѣйшей русской литературы въ связи съ общественными теченіями, курсы логики, государственнаго права, астрономіи, считаясь же съ тѣмъ, что слушатели являются исключительно лица военныя — и курсъ военной исторіи.

Такимъ образомъ, на высшемъ отдѣлѣ, за тотъ же періодъ времени были прочитаны слѣдующія лекціи:

Предметъ	число часовъ
Исторія новой русской литературы въ связи съ общ. теченіемъ . . .	10
Логика	4
Государственное право	21
Русская военная исторія	27
Дифференц. исчисленія	23
Астрономія	6
Практич. занятія по выс. математикѣ	38
Аналитич. геометрія	2
Дифференц. исчисленія	10
Практичес. занятія	6
Итого . .	112

За этотъ періодъ были прочитаны, кромѣ того, эпизодическія лекціи: въ годовщину смерти А. П. Чехова — лекція о его творчествѣ, затѣмъ — двѣ лекціи на темы: «Офицерская этика» и «Жизнь съ точки зрѣнія натуралиста».

Занятія въ лагерномъ отдѣленіи 29 августа пришлось прервать въ виду начавшагося переѣзда частей корпуса въ славянскія страны: расчитанные до 10 сентября, курсы только немного не были доведены до конца.

Живя одной жизнью съ корпусомъ, курсы не могли не откликнуться на одинъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ жизни русской арміи на чужбинѣ — на вопросъ о бѣженствѣ. Когда французы въ маѣ мѣсяцѣ сдѣлали свою послѣднюю попытку къ распыленію корпуса путемъ увоза отдѣльныхъ людей въ Болгарію на работы и командиръ корпуса издалъ приказъ о переходѣ всѣхъ желающихъ на бѣженское положеніе, коллегія лекторовъ сочла долгомъ своимъ высказать свой взглядъ на положеніе дѣла. 27 мая въ информаціонномъ листкѣ было напечатано обращеніе общеобразовательныхъ курсовъ къ Арміи, призывавшее къ единенію и сохраненію Арміи, какъ носительницы идеи Русской Государственности. Въ тотъ же день вечеромъ въ корпусномъ театрѣ состоялось публичное засѣданіе совѣта курсовъ, на которомъ былъ произнесенъ лекторами рядъ рѣчей, характеризовавшихъ положеніе и выражавшихъ твердую вѣру въ скорый успѣхъ дѣла и возрожденіе Россіи для великаго будущаго. 30 мая засѣданіе по той же программѣ было повторено въ лагерѣ.

Поскольку дѣятельность обоихъ отдѣленій курсовъ носила общеобразовательный характеръ и удовлетворяла такъ или иначе духовную жажду интеллигентскихъ круговъ корпуса, постольку курсы оставляли въ сторонѣ распространеніе всякаго рода практическихъ знаній чисто утилитарнаго характера. Между тѣмъ потребность въ нихъ скоро выявилась въ связи съ необычайнымъ положеніемъ корпуса. Эта потребность вполнѣ сознавалась общеобразовательными курсами и первымъ шагомъ къ ея удовлетворенію явилось учрежденіе бухгалтерскихъ курсовъ.

Они открылись 8 іюля 1921 года. Въ виду стремленія, кромѣ чисто утилитарныхъ знаній по бухгалтеріи, дать и обще-коммерческое развитіе — въ число излагаемыхъ предметовъ были включены: кооперація, очерки по теоріи политической экономіи и коммерческая ариѳметика. Предварительная запись на курсы эти дала болѣе 60 записавшихся, изъ коихъ было принято на курсы 51. Въ числѣ слушателей 13 человѣкъ было изъ дома инвалидовъ. Занятія велись ежедневно по два часа. Посѣщаемость была значительная, — ежедневно число слушателей колебалось отъ 40 до 50 человѣкъ. Наибольшія затрудненія въ ходѣ работы вызваны были отсутствіемъ мебели и недостаткомъ бумаги для изготовленія бухгалтерскихъ книгъ. Тѣмъ не менѣе работа шла упорно и безпрерывно. Законченъ былъ курсъ 28 августа.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда лагерное отдѣленіе курсовъ уже прекратило свою дѣятельность въ виду начавшагося переѣзда частей въ Бол-

гарію, возобновило работу городское отдѣленіе. За періодъ до половины ноября было прочитано около 50 систематическихъ лекцій по слѣдующимъ предметамъ: по исторіи русской письменности, исторіи новѣйшей русской литературы, политической экономіи, математикѣ, физикѣ, астрономіи и метеорологіи. Лекціи были прекращены лишь когда стало извѣстно точное расписаніе эшелоновъ, отправлявшихся въ Болгарію.

Почти одновременно съ общеобразовательными курсами, возникли другіе курсы — чисто утилитарнаго характера — курсы иностранныхъ языковъ. Возникли они первоначально, какъ частные курсы. Цѣль ихъ была чисто практическаго характера — облегчить положеніе попавшихъ за границу русскихъ, не владѣвшихъ языками. Затѣмъ, эти курсы перешли въ вѣдѣніе Техническаго полка и въ такомъ видѣ просуществовали до конца февраля 1921 года. Работа происходила въ обычныхъ для Галлиполи крайне тяжелыхъ условіяхъ. Въ началѣ преподавателямъ приходилось работать почти безъ всякихъ пособій. Впослѣдствіи, когда были доставлены книги, дѣло наладилось. Утилитарный характеръ курсовъ съ самаго начала привлекъ значительное количество слушателей. Съ 1 марта курсы перешли въ вѣдѣніе Всероссійскаго Союза Городовъ, что улучшило матеріальное положеніе.

Въ зависимости отъ знаній, на курсахъ существовало 4 группы: 1) невладѣющихъ языкомъ, 2) умѣющихъ читать и писать, 3) со знаніями приблизительно въ размѣрѣ гимназическаго курса и наконецъ 4) — владѣющихъ языкомъ и нуждающихся лишь въ совершенствованіи. Особенное значеніе курсы имѣли для послѣдней группы, въ которой результаты были самые ощутительные. Запись на курсы достигала 300-350 слушателей. Но дѣйствительная посѣщаемость была значительно ниже, такъ какъ слушатели не въ состояніи были регулярно посѣщать уроковъ изъ за занятій въ частяхъ, нарядовъ и обязательныхъ работъ. На курсахъ преподавались языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и одно время греческій и турецкій. Въ іюлѣ мѣсяцѣ посѣщаемость курсовъ нѣсколько понизилась, тѣмъ не менѣе они продолжали работу до конца сентября, когда прекратили свое существованіе.

Въ концѣ апрѣля группой военныхъ инженеровъ, преподавателей Николаевско-Алексѣевскаго инженернаго училища, были организованы частные технические курсы съ двумя отдѣленіями: желѣзнодорожнаго и гражданскаго строительства.

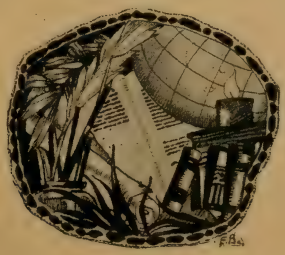
Программы были приняты примѣнительно къ требованіямъ, предъявляемымъ техникамъ путей сообщенія и гражданскимъ. На курсахъ преподавались: топографія, статика и сопротивленіе матеріаловъ, части зданій, матеріалы и работы, желѣзнодорожное дѣло и обыкновенныя дороги, обыкновенные мосты и архитектура. Начались курсы обычно для галлиполійскихъ условій: сначала созиданіемъ изъ ничего, потомъ — кое какая помощь книгами, бумагой и пособіями и немного лиръ отъ В. С. Г. Число слушателей, большое вначалѣ, къ осени сильно

сократилось въ связи съ отъѣздомъ частей въ славянскія страны и появившимися въ виду этого новыми перспективами. Изъ первоначально предполагавшагося числа 80-ти — лишь 13 человѣкъ закончили старшій курсъ и сдали проекты. На младшемъ, изъ записавшихся 170, слушали лекціи человѣкъ 60-70. Главный контингентъ слушателей составляли младшіе чины Техническаго полка, которые въ курсахъ находили дополненіе и развитіе своего спеціальнаго образованія. — Открытіе Офицерской инженерной школы вызвало значительное уменьшеніе числа слушателей техническихъ курсовъ, такъ какъ многіе изъ слушателей ушли въ школу. Тѣмъ не менѣе жизнь и дѣятельность курсовъ не остановилась и они, хоть и въ меньшемъ объемѣ, — продолжали свою работу.

Наконецъ, надо отмѣтить еще одно характерное явленіе для I-го армейскаго корпуса — это малое развитіе школъ грамотности для взрослыхъ. Возникать онѣ начинаютъ очень рано. Уже въ февралѣ открылись школы грамотности въ частяхъ кавалерійской дивизіи, а затѣмъ возникли онѣ почти при всѣхъ частяхъ. Но всѣ эти школы не многолюдны. Такъ въ школѣ, одной изъ наиболѣе лучше поставленныхъ, при комендантской командѣ г. Галлиполи, было всего 14 учениковъ, изъ которыхъ 10 человѣкъ было малограмотныхъ, а только 4 совсѣмъ неграмотныхъ. Въ школѣ грамотности одной изъ Дроздовскихъ батарей было всего 8 учениковъ, изъ которыхъ неграмотнымъ считался только одинъ, да и тотъ, какъ оказалось, былъ лишь малограмотнымъ и позабылъ. Въ силу этого и потребности этихъ школъ не велики. Онѣ вполнѣ удовлетворялись 10-15 тетрадями и карандашами, да нѣсколькими учебниками.

Это явленіе чрезвычайно характерно для корпуса и въ то же время вполнѣ понятно, если принять во вниманіе его высоко интеллигентный составъ.

Всѣ эти данныя говорятъ, что интеллектуальная жизнь въ Галлиполи была довольно высокаго напряженія. Потребность въ образованіи ясно чувствовалась и сознавалась. Это вызвало къ жизни рядъ учебныхъ заведеній, особенность обстановки придала имъ своеобразный характеръ, а тяжесть условій и препятствія лишь помогли имъ развиться и твердо стать на ноги.



ОБУЧЕНІЕ ДѢТЕЙ

Въ составъ корпуса, во-первыхъ съ семьями, во-вторыхъ съ воинскими частями, какъ маленькіе воины, вошли дѣти. Число ихъ (не одинаковое въ различное время) колебалось отъ 300 до 500 душъ.

Понятно поэтому, что на первыхъ же порахъ возникли вопросы устройства этихъ маленькихъ членовъ корпуса.

Задачи обезпеченія посильными вещами и питаніемъ, съ самаго начала взятыя на себя американскимъ краснымъ крестомъ, такъ или иначе выполнялись. Дѣти перестали остро чувствовать чисто физическія тяготы изгнаннической жизни.

Но, конечно, это была только половина (и, можетъ быть, не главная) того, что требовалось дѣтскимъ возрастомъ и отсутствіе чего въ галлиполійской обстановкѣ, въ то время похожей на цыганскій таборъ съ его грязью, скученностью и нравами, грозило дѣтямъ одичаніемъ и моральнымъ растлѣніемъ.

Это ставило просвѣтительной работѣ въ корпусѣ задачи воспитанія и образованія подростающаго поколѣнія. Конечно, разрѣшеніемъ вопроса могло быть только созданіе правильно организованной школы. Ей предстояло, отвлекая дѣтей отъ неприглядной дѣйствительности, поддерживать у нихъ чистые помыслы и порывы дѣтскаго сердца.

Еще въ декабрѣ 1920 года начались въ этомъ направленіи попытки отдѣльныхъ лицъ. Но всѣ онѣ разбивались о невѣроятно трудныя усло-

вія внѣшней обстановки. И только къ концу февраля 1921 г., когда начала уже прочно вырисовываться организація корпуса, появились нѣкоторыя возможности.

Къ этому времени американскимъ краснымъ крестомъ былъ устроенъ дѣтскій питательный пунктъ и при немъ,—дѣткій садъ. Цѣлью устройства этого сада было пріютить и устроить маленькихъ сиротъ. Это была самая неотложная задача. Дамскій комитетъ корпуса пришелъ съ первыхъ же дней на помощь этому начинанію. Было произведено кое-какое оборудованіе помѣщеній, упорядочено питаніе.

Размѣстившійся по началу въ двухъ комнатахъ небольшого турецкаго дома, дѣтскій садъ сталъ быстро развиваться. Число питомцевъ его въ возрастѣ отъ 2 до 8-ми лѣтъ первоначально было слѣдующее: мальчиковъ 9, дѣвочекъ 10, а всего 19. Въ дальнѣйшемъ число дѣтей все время увеличивалось.

Попавъ въ сколько-нибудь сносныя жизненныя условія — чистоты и заботъ, дѣти быстро оправились и забыли тяжелыя настроенія недавнихъ дней. Скоро дѣтскій смѣхъ и шумъ заполнили убранныя, опрятныя комнаты, расцвѣтившіяся диковинными картинками, которыя вырѣзывали и расклеивали крохотныя ручки маленькихъ обитателей.

Начались уроки и дѣти стали склоняться надъ длинными столами, старательно выводя и складывая непослушныя буквы. На смѣну занятіямъ приходили пѣніе и игры, наполняя веселіемъ и радостью весь день этого дѣтскаго уголка.

Контингентъ посѣтителей питательнаго пункта обнаружилъ въ первые же дни большое количество дѣтей школьнаго возраста, лишенныхъ семейнаго уюта и школы.

Вопросъ разрѣшился самъ собою. Черезъ нѣсколько дней дѣти были распредѣлены по группамъ, палатка американскаго питательнаго пункта пріютила въ себѣ всѣ 4 открытыхъ класса гимназіи и начались занятія. Такъ родилось второе учебное заведеніе корпуса — гимназія.

Обстоятельства, при которыхъ все это происходило, не обѣщали ничего добраго. Тѣснота, совмѣстные уроки 4-хъ классовъ, отсутствіе учебниковъ и самыхъ примитивныхъ пособій,— тетрадей, карандашей, столовъ и скамеекъ, вызывало недовѣрчивое отношеніе къ новому начинанію со стороны учениковъ, родителей и даже въ сердцахъ преподавателей зарождали тревогу и смущеніе.

Однако, быстро промелькнули и первые два мѣсяца черной и напряженной работы — созиданія изъ ничего. Первоначальный составъ учащихся увеличился вдвое. Учебныя занятія становились нормальной школьной работой. Сформировался педагогическій совѣтъ гимназіи и стали приниматься мѣры къ обезпеченію ея средствами.

Большую помощь при этомъ оказалъ В. С. Г., въ вѣдѣніи котораго гимназія находилась май и іюнь со смѣтнымъ ассигнованіемъ въ 370

лиръ въ мѣсяцъ. Еще раньше, въ апрѣлѣ, было получено отъ него пособіе въ размѣрѣ 100 лиръ и значительное количество книгъ и учебниковъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ содержаніе гимназіи взяла на себя баронесса О. М. Врангель.

Къ 29 іюня, дню храмового праздника гимназической церкви, когда гимназіи было присвоено названіе: «Русской гимназіи имени генерала барона П. Н. Врангеля», она представляла собою болѣе или менѣе оборудованное учебное заведеніе со своею церковью, интернатомъ для дѣтей-сиротъ, библіотекой, естественно-историческимъ кабинетомъ и пр.

Въ дальнѣйшемъ гимназія продолжала развиваться при неизмѣнной

ПЕРЕДЪ ОБѢДОМЪ. ПАЛАТКА-ЦЕРКОВЬ — ОНА ЖЕ СТОЛОВАЯ И КЛАССНАЯ

поддержкѣ своего постояннаго друга, генерала А. П. Кутепова, всегда приходившаго къ ней на помощь даже въ мелочахъ.

На перекресткѣ двухъ улицъ, у конца города размѣстилась она въ небольшомъ турецкомъ домѣ и зеленой палаткѣ напротивъ него; а дальше, въ узенькомъ кривомъ переулочкѣ, въ пустомъ дворѣ расположились палатки ея интерната и площадка для игръ съ гимнастическими снарядами, качелями и пр. Здѣсь почти совсѣмъ исчезъ восточный обликъ чужого края: русское убранство, въ которомъ всюду сквозили любовная мысль о далекой родинѣ, русская рѣчь, а главное-кругомъ наша милая русская дѣтвора.

Говоръ и смѣхъ. Босоногіе, въ короткихъ костюмахъ, дѣти въ своей обстановкѣ. Это ихъ школа и «домъ». Лишенные всего этого съ потерей родины, перенесшіе всѣ мытарства и страду гражданской войны въ непривычной и ненормальной для нихъ обстановкѣ воинскихъ частей,

гдѣ они становились сразу взрослыми, здѣсь дѣти вновь обрѣли нужную атмосферу и цѣликомъ ушли въ школьную жизнь съ ея учебой, радостями и печалями.

За періодъ времени съ марта по ноябрь гимназія закончила свой первый учебный годъ и начала второй, открывъ за это время два новыхъ класса.

Въ первомъ учебномъ году (1 марта — 1 октября) составъ гимназіи представляется ниже слѣдующей таблицей № 1.

Во второмъ учебномъ году былъ открытъ новый (6-й классъ). Число

НА ГИМНАСТИЧЕСКОЙ ПЛОЩАДКѢ

же учащихся въ связи съ отъѣздомъ въ славянскія страны нѣсколько уменьшилось (на 8%).

Историческія условія создали особый обликъ учащихся галлиполійской гимназіи: въ большинствѣ случаевъ это одинокія дѣти, не имѣющія родителей. При этомъ, младшіе возрасты эвакуировались изъ Рос-

ТАБЛИЦА № 1.

Составъ гимназіи въ первомъ учебномъ году.

Учащихся	Число учениковъ въ классахъ								
	Дѣт. садъ	Мл. приг. классъ	Ст. пр. кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	5 кл.	Всего
Мальчиковъ	12	9	8	36	21	28	33	12	159
Дѣвочекъ .	5	13	9	7	4	6	5	—	49
Всего . .	17	22	17	43	25	34	38	12	208

зіи, главнымъ образомъ, съ родителями: старшіе, въ большинствѣ пережившіе періодъ добровольчества, прибыли сюда съ воинскими частями оторвавшись отъ семьи.

Этихъ сиротъ, а также дѣтей многосемейныхъ родителей, находившихся въ особенно тяжелыхъ условіяхъ общежитій города и лагеря, пріютилъ интернатъ гимназіи. Самому младшему изъ нихъ 2½ года.

ТАБЛИЦА № 2.

Составъ интерната въ ноябрѣ 1921 года.

Воспитанники интерната	сиротъ	дѣтей многосем. род. и лагерн.	Всего
Дѣвочекъ	5	1	6
Мальчиковъ	96	2	98
Всего	101/97,3%	3/2,7%	104

Воспитанники жили въ интернатѣ на полномъ пансіонѣ. Маленькіе и дѣвочки размѣщались въ зданіи, мальчики — въ палаткахъ. Все оборудованіе: кровати, столы, скамейки были сдѣланы самими дѣтьми изъ обычнаго галлиполійскаго матеріала — ящиковъ, проволоки и т. д. Обмундированы воспитанники были средствами гимназіи путемъ передѣлки американскихъ пижамъ и одѣялъ. Питаніе ихъ, какъ и остальныхъ дѣтей въ Галлиполи — состояло изъ пайка международнаго краснаго креста, недостаточнаго и требовавшаго дополнительныхъ затратъ.

Во всей обстановкѣ, какъ внѣшняго устройства, такъ и внутренняго уклада жизни, интернатъ гимназіи стремился ближе подойти къ домашней обстановкѣ русской семьи, чтобы имѣть возможность въ ея смягчающей и облагораживающей атмосферѣ любви и уюта перевоспитать дѣтвору, исковерканную прошедшими годами.

Внѣ вліянія этой атмосферы не оставались и приходящіе ученики гимназіи. Они являлись постоянными гостями интерната. Здѣсь происходили и общее приготовленіе уроковъ и общія игры.

Отвлекая учениковъ отъ тяжелыхъ условій жизни въ общежитіяхъ и примитивныхъ частныхъ квартирахъ, гимназія на почвѣ ученія и разумныхъ развлеченій объединяла ихъ въ одну дружную семью. И самымъ дорогимъ и важнымъ было въ ней то, что тамъ часто были слышны и окружались особымъ вниманіемъ и любовью два слова: Родина и Россія.

Составъ учащихся и мѣстныя условія поставили передъ галлиполійской гимназіей рядъ особыхъ задачъ, которыя сдѣлали педагогическую работу въ ней исключительно своеобразной. Прежде всего, въ этомъ от-

ношеніи необходимо остановиться на характерныхъ особенностяхъ общаго облика учащихся гимназіи.

Въ возрастномъ отношеніи они, являясь въ общемъ дѣтьми нормальнаго школьнаго возраста прежнихъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, переросли свои классы.

Война и революція оторвали дѣтей отъ школы. Ученіе прекратилось, между тѣмъ время уходило.

Не менѣе характернымъ явился обликъ учащихся и въ смыслѣ подготовленности. Въ гимназію пришли питомцы всѣхъ учебныхъ заведеній Россіи, начиная отъ сельской и ремесленной школы и кончая духовной семинаріей.

Если вспомнить еще, что пребываніе многихъ изъ учениковъ въ войсковыхъ частяхъ наложило на нихъ отпечатокъ, требовавшій большого воспитательнаго воздѣйствія, то опредѣлится вполнѣ характеръ перваго періода учебно-воспитательной работы въ гимназіи. Необходимо было прежде всего вернуть пришедшую дѣтвору въ нормальное ученическое состояніе и подогнать ее къ уровню соотвѣтствующихъ классовъ. Насколько далеки отъ этого были начальные дни жизни гимназіи, настолько къ концу перваго учебнаго года, съ переводомъ учениковъ въ слѣдующіе классы, основной контингентъ учащихся являлъ собою уже нормальный ученическій обликъ. Правда, онъ сильно отличался отъ прежняго типа русскаго школьника. Пережитое время и своеобразныя современныя условія изгнанія отразились на дѣтскомъ характерѣ и образѣ мыслей. Здѣсь прежде всего надо отмѣтить серьезность настроенія дѣтей. Они всѣ проникнуты сознаніемъ необходимости учиться. Они научились цѣнить знаніе само по себѣ и возможность учиться, какъ большое благо.

Только для самыхъ маленькихъ нужно было иногда принужденіе въ ихъ самостоятельныхъ занятіяхъ по приготовленію уроковъ, имъ не хватало усидчивости, или силы воли оторваться отъ найденнаго интереснаго дѣла или забавы. Остальнымъ всякое принужденіе было излишне.

Въ гимназіи была совершенно отмѣнена бальная система. Прошелъ цѣлый учебный годъ и дѣти занимались ради самихъ знаній, уже потерявъ нехорошія привычки «знать на три, на пять» — они просто учились.

Въ дни экзаменовъ гимназія представляла собой гудящій улей. Во всѣхъ свободныхъ мѣстахъ и уголочкахъ ея небольшого зданія ютились группы учениковъ, собравшихся вокругъ немногихъ учебниковъ. Глубокая ночь заставала ихъ за работой и было очень трудно уложить спать усердныхъ тружениковъ.

Воспитательная работа надъ дѣтьми въ гимназіи основывалась исключительно на моральномъ воздѣйствіи, какъ въ смыслѣ поощренія, такъ и въ смыслѣ внушенія. Системы наказаній не было. Ее замѣнилъ

постоянный надзоръ за учениками и стремленіе предупредить проступки. Въ результатѣ весь учебный годъ прошелъ безъ наказаній и безъ «преступленій» со стороны учащихся.

Преподавательскій персоналъ гимназіи составился изъ бывшихъ преподавателей русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній и педагоговъ средней школы. Въ теченіе всего пребыванія въ Галлиполи гимназія стремилась объединить въ себѣ лучшія культурныя силы корпуса.

Въ гимназіи преподавались всѣ предметы курса русскихъ гимназій съ расширенными программами природовѣдѣнія, математики, занятій искусствами и физическаго развитія. При этомъ, центръ тяжести заня-

МАЛЕНЬКІЕ АКТЕРЫ

тій переносился на часы пребыванія учащихся въ гимназіи, дѣлая основнымъ методомъ преподаванія живую школьную работу.

Естественнымъ дополненіемъ классныхъ уроковъ явились ученическія экскурсіи и практическія работы по природовѣдѣнію, давшія богатый матеріалъ для образованія естественно-историческаго кабинета, который къ концу перваго учебнаго года собралъ въ себѣ болѣе 600 экземпляровъ. Еще большее значеніе въ этомъ отношеніи имѣли общія литературныя занятія. Они служили развитію дѣтей и расширенію ихъ умственнаго кругозора. Разъ или два въ недѣлю собиралась вся гимназія и происходили общія объяснительныя чтенія русскихъ классиковъ съ иллюстраціей ихъ, декламаціей отрывковъ, стиховъ и сценъ. Въ дни историческихъ юбилеевъ устраивались посвященные имъ вечера. Эти чтенія пробудили у дѣтей интересъ къ самостоятельнымъ литературнымъ произведеніямъ. Они нашли себѣ выраженіе въ иллюстрирован-

ныхъ сборникахъ стиховъ и классныхъ литературныхъ журналахъ. — Наконецъ, гимнастическая площадка съ ея играми, купанье, спортъ и работы въ мастерскихъ ручного труда — занимали остальное время воспитанниковъ, создавая для нихъ особую жизнь.

Особенными событіями въ ней, вызывавшими неослабѣвавшій интересъ, бывали дни большихъ гимназическихъ праздниковъ. Всѣ они устраивались такъ, чтобы дѣти принимали въ нихъ исключительное и непосредственное участіе. Они заполняли весь день. Здѣсь были и постановки сказокъ въ пѣніи и лицахъ, причемъ маленькіе актеры были не старше восьми-девяти лѣтъ, и спектакли старшаго возраста; были

ГИМНАСТИЧЕСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ ДѢВОЧЕКЪ

пѣніе, декламація, танцы. Дѣти устраивали выставки своихъ произведеній, организовывали спортивныя состязанія и выступленія. Руководителями въ основу всего ставились принципъ самодѣятельности учащихся и дисциплинированіе ими самихъ себя, такъ что каждое общегимназическое выступленіе являлось для дѣтей экзаменомъ сплоченности и выдержанности.

Заполняя такимъ образомъ все время ученика, гимназія явилась мѣстомъ сосредоточенія всѣхъ его интересовъ. Принимая на себя все воспитаніе учащихся, она выполняла задачу созданія знающихъ, крѣпкихъ волею и физически, будущихъ дѣятелей Россіи, помня, что для этого необходимы не только книжныя знанія, но, на ряду съ научной подготовкой, укрѣпленіе воли и развитіе чувства здороваго патріотизма.

— Дѣти, вы — надежда Россіи. —

— Въ Россіи все разрушено. Помни, что ты долженъ будешь строить. Такъ говорили художественные плакаты на стѣнахъ гимназіи.

Однако гимназія, естественно, не могла вмѣстить въ себѣ всѣхъ молодыхъ людей, находившихся въ частяхъ войскъ и стремившихся къ образованію. Тѣ изъ нихъ, которые съ одной стороны по своей неподготовленности не могли стать въ уровень съ классами гимназіи, а съ другой вслѣдствіе великовозрастности должны были оставаться въ частяхъ, лишились возможности поступленія въ нее. Для нихъ требовалось созданіе особаго типа учебнаго заведенія.

Въ іюлѣ 1921 года при земскомъ питательномъ пунктѣ въ лагерѣ начали свою работу такіе подготовительные курсы для отставшихъ и великовозрастныхъ. Съ разрѣшенія командира корпуса, группа офицеровъ и дамъ частей, расположенныхъ въ лагерѣ, усердно принялась за обученіе младшихъ посѣтителей питательнаго пункта.

Вновь открытые подготовительные курсы стали въ непосредственную связь съ гимназіей, поддержавшей ихъ учебниками и пособіями, и начали налаживать учебную жизнь примѣнительно къ программамъ и методамъ, принятымъ въ гимназіи. Число учащихся, непостоянное въ первое время, достигло 50-60 человѣкъ. Они были разбиты на четыре группы. Занятія велись въ одной палаткѣ, предоставленной американскимъ краснымъ крестомъ. Трудность совмѣщенія несенія обязанностей въ частяхъ войскъ съ посѣщеніемъ школы, разнообразный составъ учащихся и утерянный ими навыкъ къ ученью много мѣшали установленію правильныхъ занятій.

Съ отъѣздомъ кавалеріи въ Сербію и второй пѣхотной бригады въ Болгарію, число посѣтителей курсовъ значительно сократилось, остро сказался недостатокъ преподавателей и веденіе дѣла было передано въ другія руки.

Изъ лагеря Дроздовскаго полка, гдѣ курсы были до этого времени, они перешли въ Марковскій полкъ. При немъ образовалась полковая подготовительная школа, или какъ ее тамъ называли, «гимназія для взрослыхъ». Она имѣла уже совсѣмъ иной характеръ, представляя собою своеобразный «учебный взводъ», который, неся строевую службу, велъ общеобразовательныя занятія. Здѣсь обучалось около 40 человѣкъ разныхъ частей лагернаго сбора, причемъ большинство составляли лица, уже переросшія школьный возрастъ.

Сохраняя связь съ гимназіей, Марковская подготовительная школа ставила своей задачей дать посильное образованіе молодежи, незакончившей его, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ едва начинавшей обученіе, и являлась, такимъ образомъ, естественнымъ дополненіемъ средней школы въ Галлиполи.

А. Попова

КНИГА

Извѣстный англійскій физикъ, лордъ Кельвинъ, сказалъ: «покажи мнѣ свою библіотеку и я уже знаю тебя наполовину».

Этотъ по существу правильный методъ сужденія о характерѣ человѣка отчасти могъ быть примѣненъ почти къ каждому изъ чиновъ корпуса даже въ послѣдній крымскій періодъ гражданской войны; дѣйствительно, многіе изъ нихъ наряду съ неизбѣжно необходимыми предметами походнаго обихода имѣли при себѣ два-три любимыхъ томика отдыхая надъ ними въ минуты досуга.

Но финалъ крымской эпопеи, захватившій армію врасплохъ, привелъ корпусъ на берега Дарданеллъ безъ всякаго имущества; садясь на пароходы въ портахъ Крыма, отъѣзжавшіе могли захватить съ собою лишь случайные предметы и уже рѣдко кто въ ту пору подумалъ о книгѣ. И даже военно-учебныя заведенія, грузившіяся въ началѣ при довольно сносной обстановкѣ, къ моменту отхода растеряли свои ящики съ книгами. И мы, казалось, надолго вышли изъ сферы примѣненія къ намъ изрѣченія Кельвина.

Первыя недѣли въ Галлиполи прошли подъ знакомъ хлопотъ о кровѣ и пищѣ; и въ длинныя, темныя, безсонныя ночи такъ пріятно было помечтать о всемъ русскомъ и такъ тянуло къ русской книгѣ, — не къ занимательному роману, а къ старымъ друзьямъ юности — Пушкину, Гоголю, Тургеневу, Чехову. — Таковы любопытные результаты одной анкеты, предпринятой въ небольшой, правда, части въ началѣ декабря 1920 года. Между прочимъ, на вопросъ: «книгу какого русскаго писателя вы желали бы имѣть сейчасъ» — кромѣ упомянутыхъ выше именъ писателей, только одинъ отвѣтъ указалъ Достоевскаго.

Когда части болѣе или менѣе устроились и началась однообразная пайковая лагерная жизнь, тоска по книгѣ пріобрѣла самый острый характеръ. Случайно попадавшія въ руки счастливцевъ книги усердно ими перечитывались; но это были единственные случаи, подчеркивавшіе еще болѣе общее книжное убожество.

На первыхъ же порахъ (декабрь-январь) это стремленіе учли и использовали съ цѣлью наживы нѣкоторые предприниматели, пустившіе

въ оборотъ нѣсколько книжекъ на злобу дня (напр., брошюра Слащева съ крикливымъ названіемъ), взимая за прочтеніе ихъ плату. Несмотря на довольно высокую цѣну, многіе урывали эти полъ драхмы и книга читалась.

Первая серьезная попытка утолить книжный голодъ относится къ серединѣ февраля 1921 года. Русскія общественныя организаціи прислали изъ Константинополя на устройство библіотеки около 800 книгъ случайнаго состава, изъ которыхъ только 140 русскихъ, остальныя — французскіе романы дешевыхъ изданій. Въ дальнѣйшемъ книгъ доба-

вилось и образовалась библіотека изъ, приблизительно, 500 русскихъ и 850 иностранныхъ книгъ. Изъ этого числа поступило въ общее пользованіе (черезъ открытую 14 марта 1921 года библіотеку) 1.100 книгъ.

Выдача на домъ производилась не отдѣльнымъ лицамъ, а коллективнымъ абонентамъ-частямъ, по расчету на 40 человѣкъ одна книга, срокомъ на 7-10 дней, безплатно и безъ залога.

Книги стали охотно разбираться абонентами. Наряду съ Пушкинымъ, Толстымъ, Достоевскимъ, Тургеневымъ, Некрасовымъ и другими корифеями русской литературы, жадный читатель съ радостью набрасывался и на легкую беллетристику Немировича-Данченко, Дюма, Марлинскаго и др. Среди французскихъ авторовъ, владѣющіе французскимъ языкомъ (а такихъ оказалось свыше 100 въ городѣ, не считая лагеря), могли найти A. Daudet, A. France, Cl. Farrère, M. Prevost, E. Zola, Balzac, P. Loti, A. Dumas, A. Musset, Gip и др. Большой интересъ у читателей возбудило небольшое число книгъ (около 50) научнаго, научно-популярнаго характера и учебниковъ.

Въ читальнѣ, открытой еще ранѣе библіотеки, главный спросъ былъ именно на эти послѣднія книги.

Библіотека въ такомъ видѣ функціонировала лишь до 20 апрѣля 1921 года, съ какового срока до 1 іюля выдача книгъ прекратилась. За отсутствіемъ надлежащаго контроля библіотека лишилась довольно большого числа ходкихъ книгъ, разошедшихся по рукамъ отдѣльныхъ лицъ, уѣхавшихъ въ концѣ концовъ изъ Галлиполи. — Въ маѣ В. С. Г. прислалъ изъ Константинополя партію книгъ около 1.000 томовъ.

Изъ этого книжнаго матеріала, вмѣстѣ съ прежнимъ, были сформированы три библіотечныхъ отдѣла: 1) такъ наз. лекторскій — научныя, научно-популярныя книги, учебники (около 250 томовъ); 2) гимназическій — учебники, книги по педагогикѣ, для дѣтскаго чтенія и буквари (около 500 томовъ) и 3) беллетристическій (около 600 русскихъ и около 500 иностранныхъ книгъ). Гимназическій отдѣлъ въ іюлѣ мѣсяцѣ былъ переданъ въ гимназію имени генерала, барона П. Н. Врангеля.

Лекторскій отдѣлъ былъ предназначенъ для обслуживанія лекторовъ и преподавателей различныхъ учебныхъ заведеній (въ Галлиполи учебныхъ заведеній было свыше 15, не считая школъ грамотности). Беллетристическій отдѣлъ получилъ необыкновенно пеструю физіономію, такъ какъ приходилось довольствоваться тѣмъ, что было. Наряду съ художественными произведеніями русскихъ и иностранныхъ классиковъ и новѣйшихъ писателей, читателю предлагались дѣтскіе разсказы и сказки (въ обработкѣ Тулупова и Шестакова) и даже лубочная литература совсѣмъ плохого вкуса. — Лекторскій отдѣлъ (для чтенія въ читальнѣ) и беллетристическій (для выдачи на домъ) обслуживали весь корпусъ. Такимъ образомъ, поступившая въ общее пользованіе библіотека, раскинулась по содержанію книгъ въ весьма широкомъ діапазонѣ—отъ философскихъ сочиненій Канта и «Электричества» Максуэлла

до «Богатыря Антипки» и пѣсенника — «Окрасился мѣсяцъ багрянцемъ». А нѣсколько поваренныхъ книгъ казались злой ироніей. Жадный читатель долженъ былъ все это поглотить.

Въ лекторскомъ отдѣлѣ удалось собрать кое какія руководства и пособія почти по всѣмъ отраслямъ знанія, а также нѣкоторыя произведенія русскихъ классиковъ. Были книги, на которыя въ читальнѣ постоянно существовала очередь. Напримѣръ, Жидъ, «Политическая экономія»; Платоновъ, — «Учебникъ русской исторіи»; Поссе, «Курсъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій»; Тимошенко, «Курсъ сопротивленія матеріаловъ»; Кокошкинъ, «Русское государственное право»; Любавскій, «Лекціи по древней русской исторіи»; Менгеръ, «Гражданское право и неимущіе классы населенія»; Овсянико-Куликовскій, «Критическія статьи», Делонэ, «Начальное руководство къ самостоятельному изученію высшей математики»; Реформатскій, «Органическая химія»; Ратцель, «Земля и Жизнь»; Гоголь, Пушкинъ, Лермонтовъ, Толстой, полныя собранія сочиненій, и др.

Каждый изъ галлиполійскихъ преподавателей съ нѣкоторымъ удовольствіемъ вспомнитъ о той помощи, которую ему оказалъ этотъ отдѣлъ въ дѣлѣ преподаванія (книги лекторскаго отдѣла на домъ выдавались только лекторамъ и преподавателямъ). Въ обоихъ отдѣлахъ большинство книгъ — старыхъ русскихъ изданій до-революціоннаго времени (Марксъ, Сытинъ, Сойкинъ, «Копейка»).

Были книги и новыхъ заграничныхъ русскихъ издательствъ («Слово» «Русская Земля», Ладыжниковъ и др.).

О характерѣ работы библіотеки и читальни В. З. С. и В. С. Г. свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя изъ ея статистическихъ таблицъ.

За время съ 1 іюня по 5 сентября 1921 года (день прекращенія дѣятельности библіотеки по выдачѣ книгъ на домъ) всего было абонентовъ 193. Изъ нихъ, частей корпуса 64 съ числомъ читателей въ 22.010 человѣкъ и отдѣльныхъ лицъ 129. — Число выдачъ книгъ на домъ за это время 4.623, — стало быть каждая книга обернулась въ среднемъ за это время болѣе четырехъ разъ. Читальня при библіотекѣ почти шесть мѣсяцевъ, съ 1 іюня по 22 ноября, имѣла кругъ читателей въ 1.243 человѣка (съ высшимъ образованіемъ 8%, съ среднимъ 70%); ими сдѣлано всего 26.935 посѣщеній и предъявлено 29.962 требованія на книги.

Читальня была открыта ежедневно (не исключая праздниковъ) отъ 9 до 3-хъ часовъ; съ 20 сентября — съ 9 утра до 6 часовъ вечера; какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, она обслуживала довольно небольшой кругъ читателей, главнымъ образомъ, изъ числа жившихъ въ городѣ; но многіе приходили въ читальню за 6 верстъ изъ лагеря.

Главнѣйшій интересъ проявленъ былъ къ книгамъ серьезнаго содержанія и русскимъ классикамъ. Небольшая комната читальни всегда была полна читающими (средняя дневная посѣщаемость за шесть мѣся-

цевъ 164 чел.). Склонившись у столовъ за книжками, въ полной тишинѣ офицеры и солдаты внимательно дѣлали замѣтки и выписки изъ учебниковъ. Нерѣдко можно было видѣть, какъ два-три человѣка читали одновременно одну книгу, заглядывая другъ къ другу черезъ плечо. Тишина, склоненныя надъ столами фигуры, шелестъ страницъ невольно напоминали наши русскія публичныя библіотеки съ ихъ академически-торжественной обстановкой священнаго поклоненія книгѣ.

Къ сожалѣнію недостатокъ книгъ не позволилъ библіотекѣ широко развернуть свою дѣятельность. Выдача книгъ на домъ коллективнымъ абонентамъ-частямъ (по одной книгѣ на 40 чел.) почти не достигала дѣ-

ПОМѢЩЕНІЕ ЧИТАЛЬНИ

ли; да и къ тому же аппаратъ распредѣленія книгъ въ самихъ частяхъ все время вызывалъ справедливыя нареканія читателей. Особенно остро это переживалось въ лагерѣ, обреченномъ на болѣе монотонную жизнь. Тутъ за книгой прямо охотились: установленъ былъ обычай мѣны книги на книгу для прочтенія, а иные предприниматели брали за прочетъ интересной книги плату табакомъ или чѣмъ либо съѣстнымъ. *) При этихъ условіяхъ было весьма обидно, что въ лагерѣ не пришлось открыть читальни: въ ней лагерь нуждался, навѣрное, больше города.

Гимназія имени генерала, барона П. Н. Врангеля, обладала небольшой библіотекой, довольно удачно подобранной. Она содержала учебниковъ около 450 томовъ, книгъ для дѣтскаго чтенія около 300 томовъ, книгъ по педагогикѣ и методикѣ около 100 томовъ и букварей около 150 то-

*) Нѣкоторые даже спеціально сочиняли разсказы и водевили, чтобы въ обмѣнъ на нихъ получить книгу для прочтенія.

мовъ (часть послѣднихъ роздано въ школы грамотности). Если принять во вниманіе, что дѣти, числомъ 191, совершенно не имѣли учебниковъ, то станутъ ясными тѣ трудности, которыя приходилось преодолѣть при распредѣленіи книгъ между учащимися.

Въ маленькихъ библіотекахъ четырехъ военно-учебныхъ заведеній имѣлось всего 457 учебниковъ и пособій (около половины уставовъ) и 160 книгъ для чтенія. Книги эти на сторону не выдавались. Библіотеки эти состояли частью изъ привезенныхъ книгъ, частью изъ купленныхъ въ Галлиполи, частью полученныхъ отъ общественныхъ организацій.

Въ отдѣльныхъ частяхъ кое гдѣ намѣчалась организація своихъ «семейныхъ» библіотечекъ, которыя пополнялись незначительнымъ числомъ книгъ, присылавшихся въ нѣкоторыя части общественными организаціями. Дальнѣйшаго развитія эти библіотечки не получили, имѣвшіяся книги распылились и эти семейныя библіотечки не имѣли сколько нибудь серьезнаго значенія, находясь въ пользованіи весьма ограниченнаго кружка лицъ части.

Довольно большая партія русскихъ книгъ (около 300 томовъ послѣднихъ заграничныхъ изданій 1920 и 1921 г. г.), содержавшая учебники, произведенія русскихъ классиковъ, а также новѣйшихъ русскихъ писателей, — была получена въ іюнѣ штабомъ корпуса отъ Земско-городского комитета въ Парижѣ. Эти книги были распредѣлены между гимназіей (около 100 учебниковъ), военными училищами (около 150) и др. частями.

Любопытно отмѣтить, что нѣкоторое количество весьма цѣнныхъ книгъ было привезено въ Галлиполи, несмотря на всѣ трудности эвакуаціи Крыма. Когда общеобразовательные курсы въ Галлиполи получили возможность покупать книги, то появилось и предложеніе книгъ. Покупая цѣнную книгу, общеобразовательные курсы обогащали свою лекторскую библіотеку и вмѣстѣ съ тѣмъ спасали русскую книгу отъ вѣрной гибели въ рукахъ владѣльца, сплошь да рядомъ не знавшаго ея цѣнности.

Этимъ исчерпывались всѣ источники, откуда Галлиполи питался книгами. Конечно, книжный голодъ не былъ разрѣшенъ и лишь немного былъ ослабленъ. И все таки въ монотонной галлиполійской жизни многіе вспомянутъ съ добрымъ чувствомъ скромную читальню, гдѣ — правда, иногда подъ звуки ресторанной музыки снизу, — такъ уютно было подумать надъ математической задачей, посидѣть со словаремъ надъ французской книгой или окружить себя образами изъ твореній Толстого и Достоевскаго.

Для того чтобы судить о посѣщаемости библіотеки и читальни, объ образовательномъ цензѣ ея посѣтителей, а также о числѣ книгъ, выданныхъ изъ библіотеки для чтенія ниже приведена соотвѣтствующая статистическая таблица, отвѣчающая на всѣ поставленные вопросы.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

о дѣятельности центральной библіотеки-читальни В. З. С. и В. С. Г. въ Галлиполи за время съ 1 іюня по 22 ноября 1921 г.

Мѣсяцы	По ѣщаемость за мѣсяцъ		Процентное соотношеніе посѣтителей по образованію			Число выдачъ книгъ		
	Общая	Средняя	Съ высшимъ % %	Съ среднимъ % %	Съ низшимъ % %	Общее	Число кн. научнаго н.-попул. и учебниковъ	% % кн. беллетристическаго содержанія
Іюнь	4789	156	12	70	18	4819	76	24
Іюль	4003	148	8	76	16	4083	74	26
Августъ. . . .	3618	116	9	78	13	3815	70	30
Сентябрь . . .	2847	105	8	74	18	3378	46	54
Октябрь . . .	6806	227	8	75	17	7963	43	57
Ноябрь (1—22)	4872	232	8	76	16	5904	48	52
Итого за время съ 1 іюня по 22 ноября . .	26935	(164)	—	—	—	29962	—	—

Примѣчаніе 1. Въ сентябрѣ средняя посѣщаемость уменьшилась, такъ какъ читальня была закрыта нѣсколько дней въ виду предполагавшейся эвакуаціи.

Примѣчаніе 2. Съ сентября процентъ требованій на книги лекторскаго отдѣла уменьшился въ виду поступленія въ читальню большого числа беллетристики (за прекращеніемъ выдачи ея на домъ).

„ПЕЧАТЬ МАГОМЕТА"

ЦЕРКОВЬ

Церковная жизнь въ Галлиполи находилась и протекала по опредѣленному руслу какъ то сама собою. Безъ всякихъ внѣшнихъ побудительныхъ причинъ, наоборотъ, среди непреодолимыхъ, казалось, препятствій, намѣтились и форма, и содержаніе ея. Начало и дальнѣйшее развитіе работы церкви было лишь удовлетвореніемъ требованій духа прибывшихъ сюда чиновъ арміи. Вѣра спасла русскій народъ отъ всеобщаго паденія, церковь, вѣрится, поможетъ ему побороть всѣ испытанія, такъ какъ вѣрность ей онъ сумѣлъ сохранить и сейчасъ. Это видно изъ того, въ чемъ и какъ старается русскій человѣкъ сохранить свой нравственный образъ и выразить свой протестъ противъ насилія. Великую силу вѣры и любви и мужество исповѣданія носимой народомъ правды принесла съ собою на берегъ Галлиполи русская армія.

Не думается, чтобы члены ея представляли особыхъ избранниковъ, скорѣе это горсть, взятая сряду, плоть отъ плоти и кость отъ костей народа русскаго: группа, являющая собою лицо всего народа, со всѣми правами на наслѣдіе Руси.

Сохраненіе прежней организаціи помогло устройству внѣшняго порядка жизни: вѣрность укладу, традиціямъ и вѣрованіямъ народа дало успокоеніе духу и силы примириться съ совершившимся и начать новую жизнь.

Событія, приведшія армію въ Галлиполи, столь велики по размѣрамъ, такъ сложны и грозны по содержанію, что одному разуму человѣческому разобраться въ нихъ невозможно. Требуются соображенія высшаго порядка, а основоположенія къ нимъ можно почерпнуть лишь въ религіозномъ сознаніи. И оно помогло, очевидно, русскому человѣку остаться самимъ собою даже въ Галлиполи: остаться спокойнымъ, уравновѣшеннымъ, со свойственнымъ ему только одному горькимъ смѣхомъ и обычнымъ юморомъ, въ условіяхъ, какихъ еще не знала до сихъ поръ исторія человѣчества.

Думается, что въ этомъ доминирующее значеніе имѣли носимыя въ душѣ каждаго живыя сѣмена церкви и ея материнское вѣщее слово.

Сѣмена, сохранивъ жизнь, начали ростъ ея на новомъ мѣстѣ. Вступивъ на твердую землю, русскій человѣкъ прежде всего сталъ искать храмъ Божій. Выброшенный на чужой берегъ, голодный, раздѣтый, съ истерзанной душой, съ невыносимой тоской въ сердцѣ за покинутое, въ полной неизвѣстности за слѣдующій день, русскій воинъ пошелъ въ храмъ Божій въ увѣренности, что все остальное, по завѣту Христа «приложится».

Это было движеніе души народной.

Прибывшее со своими частями военное духовенство испросило у мѣстнаго митрополита разрѣшеніе совершить русскую службу въ Галлиполійскомъ храмѣ по окончаніи греческой.

Храмъ переполненъ молящимися. Поетъ лучшій въ корпусѣ хоръ Корниловскаго полка. Дѣти Россіи, лишенныя отчизны, молитвенно изливаютъ свою скорбь Богу — Промыслителю и защитнику своему, въ храмѣ бабки, родной по вѣрѣ, старой Греціи.

Содержаніе богослуженія, славянскій языкъ, привычныя формы и обстановка, живое родное слово, безъ сомнѣнія, создали настроеніе, сразу поднявшее мятущійся духъ. И условія вчѣшняго порядка заняли въ жизни законное второстепенное мѣсто.

Ласка, оказанная греками, усугубила это впечатлѣніе. Митрополитъ Галлиполійскій Константинъ, послѣ греческой литургіи, обратился къ своей паствѣ съ глубоко прочувствованнымъ словомъ. Описавъ скорбь народа русскаго, отмѣтивъ большевизмъ, какъ исторію противную духу христіанскаго ученія, онъ призвалъ молящихся покрыть своею любовью прибывшихъ русскихъ братьевъ — единовѣрцевъ и оказать имъ посильную помощь. При этомъ, онъ указалъ на пятисотлѣтнія страданія греческаго народа подъ игомъ турокъ, напомнивъ о той роли, какую играла Россія въ дѣлѣ освобожденія Греціи и ту помощь, какую всегда имѣли греки отъ русскаго народа въ дни спокойной жизни государства.

Народъ былъ тронутъ словомъ своего архипастыря и рѣчь его, безъ сомнѣнія, легла въ основаніе тѣхъ взаимоотношеній, какія установились впослѣдствіи у грековъ съ русскими. Здѣсь же храмъ былъ предоставленъ русской арміи для молитвы, школы—для лазаретовъ, отведено общежитіе для духовенства. Такъ просто, естественно была проведена новая колея и началась новая полоса жизни крестоносной арміи.

25 ноября — столѣтняя годовщина Михайловскаго артиллерійскаго училища. Всѣ бывшіе питомцы училища, вспомнивъ свою родную школу, собрались въ храмъ помолиться по обычаямъ родной земли. Наканунѣ была отслужена всенощная и панихида по павшимъ и умершимъ питомцамъ этой школы, а на другой день, послѣ литургіи — молебенъ.

Эта вѣрность установившемуся, своему порядку жизни, независимо отъ обстоятельствъ, положила основу и дала крѣпость въ дальнѣйшихъ шагахъ устройства русскихъ въ Галлиполи. Начиная постройку по-

лотнянаго города въ долинѣ, каждая отдѣльная часть въ районѣ своего расположенія ставитъ и храмъ, отъ скудости своей выдѣляя для этого палатку, или, при полной невозможности, создавая изъ отдѣльныхъ полотнищъ защиту для одного лишь алтаря.

Труднѣе съ вопросомъ внутренняго оборудованія храма. Дощечки отъ ящиковъ — единственный матеріалъ для устройства тѣла иконостаса, престола, жертвенника, подсвѣчниковъ, аналоевъ. Жесть отъ консервныхъ банокъ и вежеталина, противогазовыя коробки, валявшіяся въ углахъ городскихъ складовъ, гильзы и колпачки отъ снарядовъ — были съ успѣхомъ использованы для устройства необходимыхъ пред-

ЦЕРКОВЬ КОРНИЛОВСКАГО ПОЛКА

метовъ церковнаго обихода. Главнымъ матеріаломъ при устройствѣ иконостасовъ послужили одѣяла. Они набивались на рамы, на нихъ нашивались иконы, писанныя на полотнѣ, на нихъ же вырисовывались рамы для иконъ и замѣняющія рѣзьбу украшенія.

Изъ одѣялъ шились и облаченія.

Въ дѣлѣ устройства храмовъ необыкновенно ярко сказалась вся религіозность русскаго человѣка. Каждый съ любовью дѣлаетъ, что можетъ. Генералъ по собственному рисунку вырѣзываетъ изъ жести лампаду и напрестольный деревянный крестъ. Полковникъ и офицеры недѣлями убираютъ на передней линейкѣ Божницу, тщательно по рисунку укладывая предъ ней узорчатый коверъ изъ раковинъ и цвѣтныхъ камней, собранныхъ на берегу.

Кто не думалъ никогда, оказался мастеромъ церковныхъ вещей.

Художники пишутъ иконы, сперва углемъ и карандашемъ, такъ какъ всякій матеріалъ, стоящій хотя-бы 2—3 драхмы, былъ совершенно недоступенъ. Они же составляютъ рисунки для сосудовъ, царскихъ вратъ. Божницъ, пишутъ мѣстныя въ иконостасъ иконы и выносныя для праздниковъ.

Мастера всѣхъ цеховъ приложили свои усилія, чтобы создать изъ указаннаго матеріала не только необходимый предметъ, но и вещь, которая соотвѣтствовала бы по виду и красотѣ святости своего назначенія. Такъ по даннымъ рисункамъ устроены сосуды, ковчеги изъ мѣди, кропотливо украшенные рѣзьбой и чеканкой, дарохранительницы, кадила,

ЦЕРКОВЬ ГВАРДЕЙСКОЙ БАТАРЕИ

Рѣзныя люстры, паникадила и лампады, запрестольные семисвѣчники, хоругви, большіе и малые выносные подсвѣчники, церковные столики и аналои, одѣтые по установленной формѣ, постепенно наполняли храмы и составляли въ общемъ привычную для русскаго глаза обстановку, являя собой и на чужой землѣ умиляющій душу родной уголокъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ въ одномъ изъ храмовъ лагеря появился небольшой колоколъ — пуда въ два. Въ первые дни приходили издалека послушать. Говорили, что съ нимъ въ долинѣ особенно запахло Русью. Пошли подражанія. Устроена цѣлая звонница, путемъ подбора рельсъ узкоколейки, стали дѣлать колокола изъ гильзъ большихъ снарядовъ.

Все это было примитивно, но и оно создавало иллюзію родного и милаго сердцу перезвона, оживляя въ душѣ ни на минуту не забываемые образы родной страны.

Такъ устроены были въ лагерѣ семь храмовъ. Въ пяти храмахъ были живописные иконостасы, изъ которыхъ два проведены въ довольно строгомъ стилѣ.

Оригинальна по своему внѣшнему виду церковь гвардейской батареи. Восьмигранный алтарь, куполъ надъ алтеремъ, главка и весь иконостасъ сдѣланы изъ годовыхъ погоновъ земляничнаго дерева съ листьями. Когда листья высохли и почернѣли—постройка сжалась. Получился въ новомъ городкѣ уголокъ старой Руси XVII вѣка.

Всѣ храмы богато убирались зеленью, а лѣтомъ и цвѣтами. Много выказано любви и усердія въ устройствѣ храмовъ; не менѣе и въ обо-

ЦЕРКОВЬ ГИМНАЗІИ ИМЕНИ ГЕНЕР. БАР. П. Н. ВРАНГЕЛЯ

рудованіи порядка богослуженія въ нихъ. Каждая часть, имѣвшая храмъ, выдѣляла отдѣльную пѣвческую команду, что дало возможность организовать прекрасные мужскіе хоры, исполнявшіе всѣ лучшія произведенія русскихъ церковныхъ композиторовъ, старыхъ и новыхъ, до пѣснопѣній изъ литургіи Чайковскаго включительно. Нотъ почти не было: большинство пѣснопѣній возстанавливалось регентами по памяти.

Заслуги хоровъ неоцѣнимы. Они дали возможность поставить богослуженіе на должную высоту и добиться максимума красоты, величія и умиленія при совершеніи церковныхъ службъ.

Богослужебныхъ книгъ полностью ни у кого не было. Нѣкоторыя книги оказались лишь въ одномъ экземплярѣ для всего корпуса. Это не смутило священниковъ. Все необходимое списывалось постепенно

въ тетради и богослуженіе вездѣ совершалось по чину и положенному уставу.

Съ арміей прибыло священниковъ больше, чѣмъ было сформировано частей въ Галлиполи. Всѣ, слѣдовательно, не могли получить, такъ называемое, штатное мѣсто. Оставшіеся заняли мѣста церковниковъ при прежнихъ своихъ сослуживцахъ. Впослѣдствіи, когда развернулись госпитали, открыли свою дѣятельность военныя училища, всѣмъ нашлась соотвѣтствующая работа, даже пріѣхавшимъ изъ Константинополя спустя нѣкоторое время.

Съ назначеніемъ священниковъ въ части, госпиталя и военныя училища каждый отдѣльный уголокъ жизни арміи получилъ свою долю церковнаго окормленія и возможность удовлетворенія религіозныхъ нуждъ.

ПОРТАЛЪ МЕЧЕТИ

Въ самомъ городѣ Галлиполи отдѣльные храмы — палатки имѣли гимназія имени генерала Врангеля и кавалерійское военное училище.

Одно изъ военныхъ училищъ занимало турецкую мечеть. Тамъ же былъ устроенъ и храмъ, въ которомъ совершалась и литургія. Оба храма съ живописными иконостасами и оборудованы полностью.

При четырехъ военныхъ училищахъ и въ одномъ госпиталѣ были устроены особыя изъ одѣялъ загражденія для алтаря, гдѣ совершались всѣ богослуженія.

Центромъ религіозной и просвѣтительной дѣятельности въ Галлиполи являлся, такъ называемый, «гарнизонный», т. е. греческій храмъ. Гарнизонный храмъ былъ не только средоточіемъ церковной жизни: совершавшіяся въ немъ церковныя службы являлись въ то же время наиболѣе яркимъ по виду и полнымъ по содержанію выраженіемъ всей работы церкви въ Галлиполи.

Какъ то установилось само собою, что храмъ сталъ болѣе русскимъ, чѣмъ греческимъ. Греки служили по праздникамъ, въ будни же очень рѣдко и оканчивали къ 9 часамъ. Остальное время храмъ находился въ распоряженіи русскаго духовенства.

Русская служба шла ежедневно. Вечеромъ совершалось всенощное бдѣніе, на которомъ пять дней въ недѣлю читался акафистъ. По средамъ еженедѣльно послѣ литургіи служился общій молебенъ съ водоосвященіемъ за спасеніе арміи, а по субботамъ — панихида по павшимъ воинамъ Руси. Акафисты читались Спасителю, Божіей Матери, Преподобному Серафиму Саровскому, Святителю Николаю и Великомученицѣ Варварѣ; такимъ образомъ обычный недѣльный кругъ богослуженій дополнялся особымъ моленіемъ.

Такъ какъ въ городѣ были расположены всѣ военно-учебныя заведенія, гимназія, госпитали и нѣкоторыя изъ частей, то большинство духовенства приходилось на долю города. Это дало возможность поставить службы церковныя въ гарнизонномъ храмѣ на болѣе широкихъ началахъ. На акафисты и литію выходили всегда не менѣе 4—5 священниковъ съ корпуснымъ священникомъ во главѣ. Праздничныя службы совершались всегда соборомъ не менѣе 5—7 священниковъ. По праздникамъ пѣлъ хоръ какой либо части, по назначенію корпуснаго священника, а въ будни хоръ церковниковъ. Хоръ прекрасный, такъ какъ входили въ него люди съ подобранными голосами и съ церковнымъ воспитаніемъ. Это отражалось на всемъ строѣ службъ, которыя, безъ сомнѣнія, являются великой жертвой арміи Богу, хорошей школой и большимъ утѣшеніемъ для нея самой.

Въ большіе праздники иногда устраивалось богослуженіе совмѣстно съ греческимъ духовенствомъ и съ митрополитомъ Константиномъ во главѣ. Въ такихъ случаяхъ всегда пѣлъ лучшій полковой хоръ, исполняя большинство пѣснопѣній по гречески. Какъ бы въ отвѣтъ на это митрополитъ произносилъ важнѣйшіе возгласы на славянскомъ языкѣ. Это создавало замѣчательную гармонію сліянія двухъ народовъ, одинаково славящихъ Господа Силъ.

Неустанное проповѣдничество пастырей оживляло и усиливало полноту церковныхъ службъ. На литургіи въ воскресные и праздничные дни было обязательнымъ слово на тему евангелія или по содержанію праздника. Наканунѣ, на всенощномъ бдѣніи—также. Въ субботнемъ словѣ главнымъ образомъ раскрывался догматъ о Воскресеніи Христовомъ, какъ основное положеніе всего христіанства. По пятницамъ, на вечернемъ богослуженіи, велись неупустительно поученія катехизическаго характера. Разобраны: богослуженіе, въ его содержаніи и символическомъ значеніи, заповѣди блаженства и символъ вѣры. Катехизическія поученія велъ всегда самъ корпусный священникъ. Въ нихъ онъ горячо призывалъ всѣхъ къ свѣту Христову и раскрывалъ предъ слушателями перспективы Божественнаго Его ученія.

И въ этомъ отношеніи гарнизонная церковь имѣла преимущество предъ другими храмами. Въ то время, какъ въ каждой части все дѣлалось собственными силами и средствами, гарнизонная церковь пользовалась силами всего сосредоточеннаго въ городѣ духовенства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и силами всего корпуса.

Пока корпусъ стоялъ на мѣстѣ, все дѣлалось сравнительно легко. По мѣрѣ отъѣзда частей, убывало и духовенство, такъ что оставшимся пришлось принять на себя большой трудъ, чтобы поддерживать разъ установленный порядокъ. Это особенно относится къ проповѣдничеству, гдѣ, естественно, не всѣ могутъ проявить свои силы въ одинаковой

ВЫНОСЪ ПЛАЩАНИЦЫ

мѣрѣ. Тѣмъ не менѣе строй службы удерживался неизмѣннымъ до послѣднихъ дней пребыванія въ Галлиполи.

Церковь во всемъ проявляла себя свободно и безпрепятственно. Были устроены крестные ходы — крещенскій и 1 августа, крестный ходъ съ плащаницей, совершавшійся пятнадцатью священниками въ сопровожденія церковныхъ хоровъ и военныхъ оркестровъ. Молебны на площадяхъ передъ парадами войскъ и на разные случаи привлекали всегда громадное стеченіе народа.

Пасхальная утреня собрала не менѣе двѣнадцати тысячъ молящихся и зрителей изъ мѣстнаго греческаго и турецкаго населенія. Обстоятельство это предвидѣлось, поэтому для Страстной и Пасхальной недѣль церковь-палатка кавалерійскаго военнаго училища была поставлена на большой площади (футбольное поле) и использована въ эти дни, какъ гарнизонный храмъ.

Временное обособленіе отъ грековъ, дало полную свободу хозяевамъ храма, а русскимъ — возможность поставить слу́жбы этихъ дней такъ, какъ привыкли ихъ видѣть на Руси: со всѣми крестными ходами, съ соблюденіемъ времени, положеннаго уставомъ церкви. Главное же — всѣ желающіе получили возможность, независимо отъ количества, принять участіе въ молитвенныхъ праздничныхъ собраніяхъ. Русская Пасха и на чужбинѣ проведена была свѣтлымъ, радостнымъ днемъ. Красоту праздника и здѣсь составила ночная Пасхальная утреня.

Какъ въ городѣ, такъ и въ лагерѣ весь народъ собрался въ эту ночь къ храмамъ.

Тысячи молящихся. Подъемъ необыкновенный. Подъ темнымъ небеснымъ сводомъ, въ тѣсномъ кругу родныхъ братьевъ, въ эту Святую Великую ночь, горячо любимую на Святой Руси, ночь любви и братства, всепрощенія, подъ ликующіе звуки пасхальныхъ пѣснопѣній, такъ близко чувствовалась Родная Земля; сердце полно было надежды и горечь разлуки съ милыми, далекими, любимыми растворялась въ тихую хотя и мучительную, но все же сладостную грусть. Въ эту дивную, единственную, неповторяемую въ году ночь мелочи собственной жизни стушевались, сознаніе изгнанничества какъ будто умолкло, дышалось легко и свободно.

На праздникъ Пасхи посѣтилъ армію епископъ Веніаминъ. Простой, ласковый, горячо любящій армію владыка, заражалъ всѣхъ своею бодростью и вѣрой. Въ своихъ рѣчахъ онъ такъ любовно и много говорилъ о Руси, что весь пріѣздъ его и самъ онъ казались привѣтомъ отъ Родной Земли. И отъ этого свѣтлый праздникъ дѣлался еще свѣтлѣе. Русская армія привѣтствовала своего владыку торжественнымъ врученіемъ ему епископскаго жезла собственнаго изготовленія, выразивъ свою любовь и почитаніе.

Преосвященный Веніаминъ два раза посѣтилъ Галлиполи. Имъ были рукоположены въ гарнизонномъ храмѣ два лица въ іеромонахи и два лица во діаконы.

Воспоминанія важнѣйшихъ событій въ исторіи родной земли, память о великихъ сынахъ Россіи, отмѣчались соотвѣтствующимъ служеніемъ и освѣщались словомъ, раскрывающимъ смыслъ и значеніе ихъ.

Даже 13 августа, день ангела московскаго Патріарха Тихона, отмѣченъ былъ приказомъ по корпусу, отмѣнявшимъ всѣ занятія и работы въ частяхъ. Во всѣхъ храмахъ были совершены торжественныя богослуженія и освѣщена, съ точки зрѣнія церковныхъ вѣрованій, важность акта избранія Патріарха, въ переживаемый моментъ исторіи русскаго государства.

Трогательное вниманіе проявила армія къ могиламъ соратниковъ, сложившихъ кости свои на чужой землѣ.

Внѣ богослужебная дѣятельность духовенства проявлялась всюдѣ, гдѣ къ тому призывали требованія жизни арміи.

Въ первые же дни пріѣзда арміи въ Галлиполи, въ армянскомъ храмѣ организованы были вечернія чтенія и лекціи на темы чисто богословскія и общаго характера съ участіемъ церковныхъ хоровъ. Въ началѣ выступало лишь духовенство, внеся свою посильную лепту въ дѣло облегченія общей страды. Затѣмъ, постепенно стали втягиваться и принимать участіе и свѣтскія лица. Лекція прекратились, когда армія, немного оглядѣвшись и устроившись, стала организовывать различные кружки, выдѣливъ изъ среды своей культурныя силы, которыя и начали болѣе планомѣрную просвѣтительную работу. Духовенствомъ же читались по мѣрѣ надобности отдѣльныя лекціи, проводились бесѣды.

Въ вѣдѣніи каждаго священника была библіотечка, если только можно такъ назвать случайный подборъ книжекъ, иногда въ 40—50 экземпляровъ. Размѣръ такой библіотечки вынуждалъ организовывать групповыя чтенія, что особенно практиковалось въ лагеряхъ. При нѣкоторыхъ полкахъ были открыты повторительныя школы для солдатъ, гдѣ священникъ принималъ участіе не только, какъ законоучитель, но и какъ преподаватель исторіи, географіи и др. предметовъ. Работа полкового и госпитальнаго священника опредѣлялась требованіями обычныхъ нормъ жизни: исполненіе требъ, законоучительство въ учебныхъ командахъ, по палатамъ и палаткамъ. Досугъ и избытокъ силъ отдавались коллективной дѣятельности духовенства. Поэтому церковная жизнь этихъ частей наладилась довольно быстро.

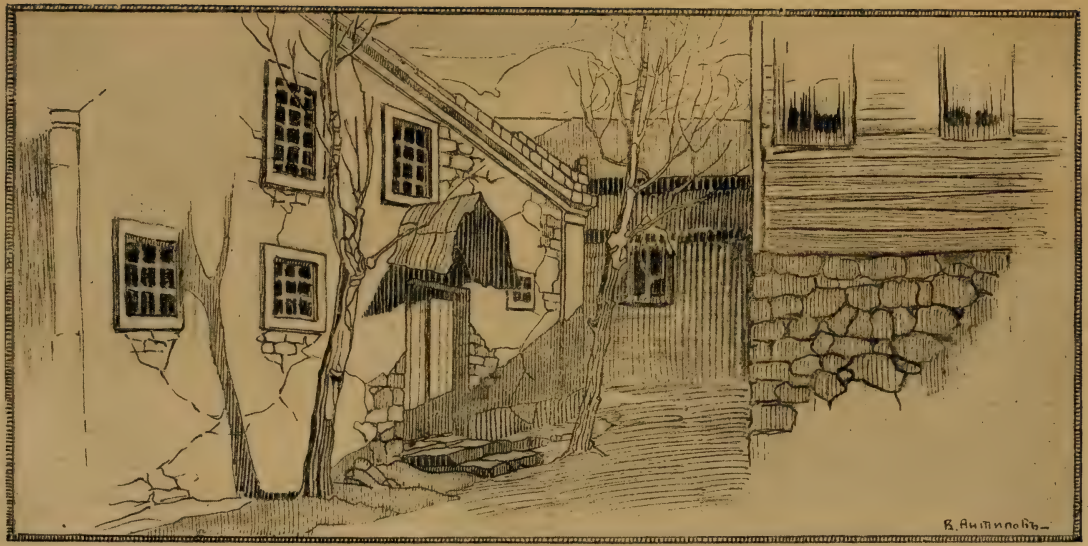
Болѣе сложнымъ вопросомъ оказалось дѣло обслуживаніи военно-учебныхъ заведеній. Не всякій рядовой священникъ могъ принять туда назначеніе. При полномъ почти отсутствіи учебниковъ, пособій и руководствъ, съ одной лишь библіей въ рукахъ по первому началу законоучители проводили свои уроки и сами готовились къ нимъ.

Но постепенно и здѣсь все налаживалось. И училища получили возможность удовлетворенія религіозныхъ нуждъ и запросовъ въ мѣрѣ своихъ исканій и наличности средствъ къ достиженію ихъ.

Хотя была выработана особая программа по закону Божію, но провести ее полностью вслѣдствіе многихъ причинъ почти не удалось. Въ большинствѣ случаевъ уроки носили характеръ пастырскихъ бесѣдъ, примѣнительно къ обычной программѣ военныхъ училищъ и принимая во вниманіе составъ юнкеровъ, общій уровень ихъ развитія, а главное пережитое всѣми за послѣднее время.

Въ общей проповѣднической работѣ духовенства въ Галлиполи, минуя вопросы чисто церковнаго характера, необходимо отмѣтить приблизительно слѣдующія направленія.

Вѣра въ Премудрость и Благость Творца, посылающаго намъ всевозможныя испытанія для нашего же блага и необходимость довѣрія къ нему.



ПОРТАЛЪ ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Общенародныя бѣдствія, подобныя переживаемымъ нами сейчасъ, являются неизбѣжнымъ результатомъ нарушенія людьми законовъ жизни и отступленія отъ высшей правды, лежащей въ основѣ сохраненія и дальнѣйшаго развитія жизни человѣчества. Эта правда — Правда Христова: любовь и братское взаимное служеніе въ отношеніяхъ личныхъ, общественныхъ и общечеловѣческихъ. Это чудесно раскрывается во всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророчествахъ. Сейчасъ человѣчество стало на ложный путь, угасивъ въ себѣ духъ вѣры, ослабивъ чувство любви и поспѣшивъ отмѣнить нѣкоторыя нормы жизни, безъ которыхъ нельзя обойтись на извѣстной ступени общаго нравственнаго развитія.

Матеріализмъ, при самыхъ совершенныхъ соціальныхъ нормахъ, долженъ привести человѣчество къ уничтоженію жизни. Такова природа человѣка и законы жизни.

Испытанія кончатся, когда человѣчество, переоцѣнивъ свои духовныя цѣнности, станетъ на новый путь одухотворенія жизни и насыщенія содержанія ея истинной Христовой любовью. Тогда соціальныя нормы выработаются легко и для всѣхъ безболѣзненно.

Церковь призывала армію, не увлекаясь огульно чужеземнымъ, остаться вѣрнымъ духу и завѣтамъ великихъ Святителей и Преподобныхъ, которые своимъ дѣланіемъ отмѣчали самые важные этапы исторической жизни русскаго государства.

Оставаясь въ своемъ ученіи аполитичной, церковь не могла обходить молчаніемъ все, что доходило до Галлиполи отъ жизни остального міра, стараясь освѣтить, дать нравственную оцѣнку и тѣмъ помочь арміи разобраться въ совершающемся, принять и пережить посланное испытаніе.

Пережитые ужасы и скорбь, горечь изгнанничества не прошли безслѣдно для арміи. Не только въ отдѣльныхъ случаяхъ, часто очень яркихъ, но и въ общемъ ея составѣ необходимо констатировать громадное духовное перерожденіе. Осознана и закрѣплена любовь къ государству и церкви родной, смягчены и растворены взаимнымъ довѣріемъ отношенія чиновъ арміи, замѣтно повышеніе общаго уровня нравственности.

Думается, что вѣра спасла душу человѣка отъ отчаянія, а церковь всѣмъ строемъ своего служенія много облегчила русской арміи доблестное несеніе безмѣрно тяжелаго галлиполійскаго креста.

Не лишнимъ будетъ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о взаимоотношеніяхъ, какія установились у русскаго духовенства съ духовенствомъ мѣстнымъ греческимъ и армянскимъ, и отношенія ихъ къ арміи русской вообще. Добрыя отношенія греческаго духовенства, опредѣлившіяся съ перваго дня прибытія арміи, оставались неизмѣнными до конца. Корпусный священникъ, со своей канцеляріей, до самаго отъѣзда своего имѣлъ пребываніе въ домѣ митрополита, безъ сомнѣ-

нія стѣсняя его во многомъ. Въ дни собраній духовенства корпуса имъ всегда отдавался залъ. Владыка митрополитъ проявлялъ живой интересъ къ религіозному быту арміи. Посѣщалъ храмы городскіе и лагерные, совершалъ крещенское водоосвященіе въ лагерѣ, присутствовалъ при освященіи памятника на городскомъ кладбищѣ, постоянно справлялся о настроеніи арміи и религіозныхъ нуждахъ, всегда готовый придти на помощь чѣмъ возможно.

8 сентября русское духовенство чествовало митрополита, греческое и армянское духовенства. Послѣ совмѣстнаго богослуженія, на которое владыка былъ приведенъ въ храмъ «со славою», *), имъ было сказано мѣткое для арміи слово.

Митрополитъ Константинъ выразилъ глубокую увѣренность въ томъ, что Царица Небесная не можетъ оставить безъ помощи такъ глубоко вѣрующій и чтущій Сына Ея русскій народъ, а это почитаніе онъ имѣлъ возможность въ теченіе года наблюдать непосредственно. Поэтому владыка выражаетъ надежду на скорое прекращеніе страданій и возстановленіе прежней еще болѣе великой и славной Святой Руси.

Владыка и до этого не разъ отмѣчалъ горячую любовь русскихъ къ своей землѣ, глубину вѣры, ревность и чистоту религіознаго дѣланія среди наблюдавшихся имъ чиновъ русской арміи.

Такія же добрыя отношенія поддержались въ теченіе всего времени и съ духовенствомъ армянскимъ. Армянское духовенство, такъ же какъ и греческое, отдало школу свою для госпиталя, уступило храмъ для чтеній и бесѣдъ. По призыву священника среди армянъ былъ организованъ кружокъ, оказывавшій помощь чинамъ русской арміи изъ армянъ, которая была особенно цѣнна въ первые страдные дни прибытія арміи въ Галлиполи.

*) Особый церковный обрядъ, въ которомъ чествуемаго духовенство сопровождаетъ въ облаченіи, въ предшествіи свѣтильниковъ и подъ красный звонъ колоколовъ.

КЛАДБИЩА

Первые мѣсяцы пребыванія въ Галлиполи ушли на отысканіе и оборудованіе жилья. Долгое пребываніе цѣлыхъ частей, отдѣльныхъ семей и лицъ подъ открытымъ небомъ на мокрой или мерзлой землѣ, безконечныя хожденія безъ сапогъ и обмундированія за продовольствіемъ — не прошли безслѣдно. Примитивные лазареты, возникшіе въ первые дни — наполнялись больными. Появились эпидеміи . . . Неумолимая и равнодушная смерть стала вырывать изъ обезсиленныхъ рядовъ корпуса одного за другимъ недавнихъ героевъ Тавріи, Перекопа и Сиваша . . . Безконечно тяжело и горько было изгнанникамъ, хоронившимъ своихъ братьевъ, провожать ихъ къ мѣсту послѣдняго, вѣчнаго сна на далекой чужбинѣ, и видѣть на ихъ могилахъ наспѣхъ сдѣланные могильные холмики.

Первоначально погребеніе чиновъ русской арміи происходило на большомъ и маломъ греческихъ кладбищахъ. На первомъ было похоронено 18, на второмъ 9 человѣкъ, но затѣмъ погребенія въ указан-

МАЛОЕ КЛАДБИЩЕ (ОКОЛО ТУРЕЦКАГО КЛАДБИЩА)

ныхъ мѣстахъ были прекращены. Мѣстными властями былъ отведенъ клочекъ земли за городомъ у сѣверо-восточнаго угла стараго турецкаго кладбища и здѣсь стали выростать могильные холмики русскихъ изгнанниковъ. Число ихъ достигло уже 13, когда выяснилось, что отведенная земля — частная собственность. Хозяинъ запротестовалъ противъ дальнѣйшаго расширенія кладбища и только послѣ ряда хлопотъ нашихъ властей было, наконецъ, отведено постоянное мѣсто подъ русское кладбище. При содѣйствіи мѣстной армянской колоніи, армянскій патріархъ пожертвовалъ свое старое кладбище; впослѣдствіи, къ нему былъ прирѣзанъ еще участокъ земли. Кладбище находится въ одной верстѣ къ западу отъ города на обращенномъ къ проливу склонѣ холма. По преданіямъ на этомъ же мѣстѣ погребены русскіе плѣнные крымской войны.

Прошелъ мартъ, апрѣль и кладбище заполнилось.

Каждая изъ частей корпуса уже имѣла здѣсь дорогой холмикъ. Въ числѣ этихъ могилъ находилась и могила того, кто былъ душою конницы, кого вышелъ проводить къ мѣсту послѣдняго упокоенія весь русскій Галлиполи, и даже греки и турки, пораженные грандіозностью и торжественностью траурнаго кортежа — могила генеральнаго штаба генерала-маіора А. М. Шифнеръ-Маркевича. Навѣщая въ госпиталяхъ больныхъ чиновъ своей дивизіи, онъ заразился возвратнымъ и сыпнымъ тифомъ. Въ три дня болѣзнь подкосила израненаго героя.

Сначала забота о могилахъ лежала на войсковыхъ частяхъ. Кресты изъ кипариса и сосны, зеленые холмики устраивались заботливыми руками товарищей. Но были и безвѣстныя могилы: часто въ лазаретахъ умирали одинокіе изгнанники, снятые больными еще съ пароходовъ и на кладбищѣ появлялись могилы, наскоро вырытые небрежной рукой санитара.

Еще съ февраля русскимъ командованіемъ были приняты мѣры по приведенію въ порядокъ кладбища и благоустройства его. Какъ и всегда въ Галлиполи, къ этой новой заботѣ отнеслись серьезно и съ любовью. Было организовано наблюденіе за порядкомъ рытья могилъ, записью и храненіемъ списковъ погребенныхъ; кладбища были расчищены и огорожены, на могилахъ началась установка желѣзныхъ однообразныхъ крестовъ съ таблицами для надписей (изготовленныхъ въ мастерскихъ Техническаго полка). Появилась мысль о памятникѣ. Все это въ той же невѣроятной галлиполійской обстановкѣ: безъ средствъ, безъ матеріаловъ, безъ инструментовъ. Камень съ городскихъ развалинъ, кирко-мотыги, желѣзная проволока и собственная энергія — это все, на что можно было расчитывать, чѣмъ можно было располагать. Для выполненія былъ принятъ проектъ архитектора, подпоручика Н. Н. Акатьева: памятникъ-монументъ въ стилѣ римско-сирійскихъ гробницъ и мавзолеевъ. Сейчасъ же началась разработка плановъ осуществленія постройки. 20 апрѣля уже появился приказъ генерала Кутепова.

Приказъ

1-му Армейскому Корпусу

№ 234

гор. Галлиполи. 20 апрѣля.

§ 1.

Русскіе воины, офицеры и солдаты!

Скоро исполнится полъ-года нашего пребыванія въ Галлиполи. За это время многіе наши братья, не выдержавъ тяжелыхъ условій эвакуаціи и жизни на чужбинѣ, нашли здѣсь свою безвременную кончину. Для достойнаго увѣковѣченія ихъ памяти «воздвигнемъ памятникъ на нашемъ кладбищѣ»... Воскресимъ обычай сѣдой старины, когда каждый изъ оставшихся въ живыхъ воиновъ, приносилъ въ своемъ шлемѣ земли на братскую могилу, гдѣ выросталъ величественный курганъ. Пусть каждый изъ насъ внесетъ посильный трудъ въ это дорогое намъ святое дѣло и принесетъ къ мѣсту постройки хоть одинъ камень. И пусть курганъ, созданный нами у береговъ Дарданеллъ на долгіе годы сохранитъ передъ лицомъ всего міра память о русскихъ герояхъ...»

Чутко отозвался корпусъ на слова приказа. Святымъ долгомъ считалъ каждый отнести свой камень на кладбище. Нѣкоторыя части несли камни въ сопровожденіи оркестровъ, съ полковымъ священникомъ во главѣ.

За шесть верстъ изъ лагеря, со всѣхъ концовъ города, шли люди съ послѣднимъ даромъ отошедшимъ въ тотъ міръ своимъ соратникамъ.

«Вотъ тогда то», говорилъ авторъ и строитель памятника при разговорѣ о трудности работы, — «при видѣ этихъ безконечныхъ вереницъ людей, согнувшихся подъ своей добровольной ношей, — сѣдыхъ стариковъ и малыхъ дѣтей съ тихими и серьезными лицами приходившихъ на кладбище, — тогда мы и получили запасъ энергіи и воодушевленія на все время сооруженія памятника». Дѣти гимназіи, малыши дѣтскаго сада — всѣ участвовали въ общемъ дѣлѣ: съ музыкой несли они песокъ въ своихъ ученическихъ сумкахъ.

9 мая совершена закладка памятника. При этомъ генераломъ Кутеповымъ была положена въ основаніе памятника мѣдная въ свинцовомъ конвертѣ доска съ надписью: «Памятникъ сей заложенъ 9 мая 1921 года при Главнокомандующемъ, генералѣ П. Н. Врангелѣ, командирѣ корпуса, генералъ-отъ-инфантеріи А. П. Кутеповѣ, по проекту архитектора, подпоручика Н. Акатьева. При закладкѣ присутствовали... и т. д.».

Началась постройка. При неизмѣнномъ интересѣ и поддержкѣ командира корпуса и административныхъ лицъ технической части, вся непосредственная работа по сооруженію была проведена авторомъ проекта памятника. Много личнаго его труда и его безымянныхъ помощниковъ, офицеровъ и солдатъ техниковъ, трудившихся надъ памятникомъ, было положено за два съ половиной мѣсяца работъ. Затрудненія, которыя пришлось при этомъ преодолѣть, были неисчислимы. Напримѣръ — по приказу о явкѣ спеціалистовъ каменотесовъ, гранильщиковъ и пр. прибылъ одинъ рабочій — офицеръ. Спеціалистовъ не было. Пришлось брать рядовыхъ людей и обучать ихъ. Нашлись добровольцы и посто-

ОБЩІЙ ВИДЪ КЛАДБИЩА СЪ ПАМЯТНИКОМЪ

янный составъ рабочихъ, въ концѣ концовъ, опредѣлился группой въ 30-35 человѣкъ.

Работали они безвозмездно. Цементъ наполовину купленный, наполовину съэкономленный изъ французскихъ отпусковъ на лагерное оборудованіе, оказался плохимъ. Не было инструментовъ, получить ихъ тоже неоткуда. Пришлось дѣлать ихъ самимъ изъ подручнаго матеріала — французскихъ кирко-мотыгъ, случайно найденныхъ кусковъ стали и пр. Съ этимъ и другими слесарно-кузнечными работами справились мастерскія Техническаго полка.

Сооруженіе двигалось впередъ... Пришелъ на помощь В. З. С., пожертвовавшій часть цемента и отпустившій рабочимъ дополнительное питаніе на своемъ питательномъ пунктѣ.

Въ связи съ предполагавшимся близкимъ отъѣздомъ нѣкоторыхъ частей въ Сербію работы были ускорены.

16 іюля состоялось открытіе и освященіе памятника, явившееся болѣшимъ торжествомъ въ жизни корпуса.

Выдалось яркое солнечное утро, почти весь корпусъ собрался у кладбища. Стройнымъ четырехугольникомъ съ знаменами и оркестрами окружили его части войскъ, участвовавшія въ парадѣ. Въ оградѣ духовенство, почетные гости: мѣстныя французскія и греческія власти, представители населенія, дамы и дѣти. Во время богослуженія протоіерей, отецъ Ф. Миляновскій, взволнованно, со слезами на глазахъ произнесъ прочувствованную рѣчь. Характеризуя значительность момента, онъ говорилъ: «Путникъ, кто бы ты ни былъ, свой или чужой,

ФРОНТОНЪ ПАМЯТНИКА

единовѣрецъ или иновѣрецъ, благоговѣйно остановись на этомъ мѣстѣ, — оно свято: ибо здѣсь лежатъ русскіе воины, любившіе родину, до конца стоявшіе за честь ея...» и далѣе, обращаясь къ присутствующимъ: «...Вы крѣпкіе, вы сильные, вы мудрые, вы сдѣлайте такъ, чтобы этотъ клочекъ земли сталъ русскимъ, чтобы здѣсь со временемъ красовалась бы надпись: Земля Государства Россійскаго, чтобы здѣсь всегда рѣялъ русскій флагъ....»

Передъ окропленіемъ святой водой былъ снятъ покровъ съ памятника, трубачи заиграли «Коль славенъ» и тяжелая громада, вмѣстившая въ себѣ всѣ двадцать тысячъ принесенныхъ камней, поднялась надъ кладбищемъ, сверкая бѣлизной мраморнаго фронтона съ надписью на русскомъ, французскомъ, турецкомъ и греческомъ языкахъ: «Упокой, Господи, души усопшихъ. I-й Корпусъ Русской Арміи своимъ братьямъ воинамъ, за честь родины нашедшимъ вѣчный покой на чужбинѣ въ

1920 и 21 г. г. и въ 1854-55 г. г., и памяти своихъ предковъ запорожцевъ, умершихъ въ турецкомъ плѣну».

Послѣ освященія памятника генералъ Кутеповъ передалъ меру города слѣдующій актъ: «Господинъ меръ! Сегодня 16/3 іюля 1-й Армейскій корпусъ Русской Арміи освящаетъ на братскомъ кладбищѣ монументъ, посвященный памяти его воиновъ, скончавшихся вдали отъ родины. Въ предвидѣніи нашего предстоящаго отъѣзда я, отъ лица войскъ корпуса, прошу городское самоуправленіе города Галлиполи принять этотъ памятникъ на свое попеченіе. Неизмѣнно доброжелательныя отношенія всего населенія города Галлиполи къ русскимъ воинамъ

КЛАДБИЩЕ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ДИВИЗІИ

даетъ намъ право быть увѣренными, что нашъ памятникъ и могилы будутъ въ надежныхъ рукахъ. Въ ознаменованіе всего изложеннаго, мы передаемъ городскому самоуправленію города Галлиполи въ Вашемъ, г. меръ, лицѣ, этотъ актъ за моей подписью и печатью». Въ отвѣтной рѣчи греческій меръ обѣщалъ свои заботу и попеченіе о кладбищѣ. Присутствовавшій въ числѣ почетныхъ гостей французскій комендантъ сказалъ: «Я гордъ, что мнѣ удалось сегодня отдать воинскую честь доблестнымъ павшимъ солдатамъ дружественной арміи». Мусульманскій муфтій сказалъ: «Для магометанъ всякая гробница священна, но гробница воина, сражавшагося за свое отечество, особо священна, какой бы вѣры ни былъ этотъ воинъ».

Послѣ возложенія вѣнковъ, корпусъ во главѣ со своимъ командиромъ отдалъ послѣднія почести умершимъ братьямъ. Церемоніальнымъ мар-

шемъ проходили возродившіяся и окрѣпшія части корпуса передъ памятникомъ тѣмъ, кто уже никогда не увидитъ родины.

Вѣнковъ было возложено 56; простые изъ полевыхъ цвѣтовъ, зеленыхъ лавровъ и пиній. «Блаженны изгнаніи правды ради». «Тѣмъ, кому не нашлось мѣста на родинѣ», говорили надписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

ПАМЯТНИКЪ НА КЛАДБИЩѢ ПѢХОТНОЙ ДИВИЗІИ

Въ дальнѣйшемъ благоустройство кладбища продолжалось. Шла окончательная распланировка его и отдѣлка. На каждой могилѣ былъ установленъ желѣзный крестъ съ надписью, были проведены аллеи, поставлены солнечные часы, скамейки у входа и т. д. У входа выстроенъ домикъ для сторожа — мѣстнаго жителя, Исханъ-Тахчи — турка, высѣкшаго орла и надпись на памятникѣ. За присмотръ и охрану кладбища ему по уговору выдана нѣкоторая сумма и предоставлено право

обрабатывать незанятую могилами землю кладбища. Турокъ настойчиво просилъ командира корпуса выдать ему грамоту, обезпечивающую эти условія на все время за нимъ и за его дѣтьми. Въ октябрѣ мѣсяцѣ учащимися галлиполійской русской гимназіи въ присутствіи и съ участіемъ командира корпуса было произведено на кладбищѣ древонасажденіе. Каждые мальчикъ и дѣвочка посадили свое дерево и потомъ поливали его и заботились о немъ.

Всего погребено на этомъ кладбищѣ 255 человѣкъ.

Все время, кладбище было мѣстомъ паломничества русскихъ галлиполійцевъ и мѣстнаго населенія.

Въ августѣ, сентябрѣ и ноябрѣ 1921 г. происходили торжественныя возложенія на памятникъ вѣнковъ, присланныхъ Королевой Эллиновъ, Великой Княгиней Еленой Владиміровной, Главнокомандующимъ, В. З. С. и В. С. Г.

Остальныя мѣста упокоенія русскихъ воиновъ въ Галлиполи также приведены въ порядокъ. Всѣ малыя кладбища (возникшія до устройства большого) обнесены оградами, на могилахъ поставлены кресты съ надписями и, кромѣ того, на каждомъ такомъ кладбищѣ установленъ большой крестъ изъ рельсъ съ доской и надписью на ней.

Въ лагерѣ оба кладбища тоже оборудованы. Въ районѣ пѣхотной дивизіи кладбище расположено въ центрѣ, близъ штаба дивизіи. Погребено на немъ 24 человѣка. На кладбищѣ водруженъ памятникъ по проекту подпоручика Пандуло въ видѣ каменнаго обелиска. На кавалерійскомъ кладбищѣ, въ районѣ кавалерійской дивизіи (погребенныхъ 14 человѣкъ), установленъ крестъ изъ рельсъ того же типа, что и на малыхъ городскихъ кладбищахъ.

Кромѣ погребенныхъ на указанныхъ кладбищахъ есть еще въ Галлиполи отдѣльно погребенные: одинъ мусульманинъ—на магометанскомъ кладбищѣ и два ударника Корниловскаго полка, умершіе въ первые дни послѣ выгрузки и погребенные близъ праваго фланга расположенія полка.

Заботливо и бережно отнесся корпусъ къ мѣстамъ вѣчнаго упокоенія своихъ боевыхъ товарищей, нашедшихъ смерть на чужбинѣ въ годину великой разрухи. Планъ кладбища и списокъ погребенныхъ помѣщены въ концѣ книги въ приложеніяхъ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ КОРПУСА

Къ концу февраля, когда корпусъ болѣе или менѣе устроился и былъ такъ или иначе разрѣшенъ продовольственный вопросъ, появились первые ростки культурной и общественной жизни. Это время было началомъ освобожденія изъ плѣна психологіи консервной банки, мангала и прочихъ подробностей пайковаго существованія. Къ нему относится зарожденіе почти всѣхъ культурныхъ организацій въ корпусѣ, какъ просвѣтительнаго, такъ и общественнаго характера. Съ этого момента начинается исторія всѣхъ кружковъ и обществъ, существовавшихъ въ Галлиполи.

Вообще говоря, условія жизни были мало благопріятны для развитія общественной жизни, однако уже самъ корпусъ являлся въ сущности своеобразнымъ собраніемъ множества однородныхъ военныхъ кружковъ, ячеекъ старыхъ частей, объединявшихъ группы людей, близкихъ другъ другу по прежней боевой жизни. Возникали на той же почвѣ многочисленныя эпизодическія объединенія по училищамъ, корпусамъ и пр.

Это своеобразное проявленіе общественности характерно для перваго періода.

По мѣрѣ того, какъ отъ умственной и моральной растерянности эвакуаціоннаго періода избавились широкіе слои корпуса, возникала необ-

ходимость удовлетворенія духовныхъ нуждъ. Это вызвало къ жизни тѣ культурно-общественныя силы, которыя сохранила въ себѣ армія за время великой борьбы. Съ марта мѣсяца одни за другими стали возникать кружки и группы лицъ, ставившія своими задачами созданіе ряда культурно-просвѣтительныхъ и общественныхъ учрежденій. Такъ возникаютъ сначала печатные газеты и листки (потомъ переходящіе въ устную газету), иллюстрированные литературные журналы, затѣмъ учебныя заведенія: гимназіи, высшіе обще-образовательные курсы, музыкально-художественные кружки, театральныя труппы и т. п.

Развивается и общественно-хозяйственная дѣятельность въ видѣ военныхъ собраній и кооператива.

Полное отсутствіе средствъ и прежняя изолированность отъ внѣшняго міра являются фономъ этого періода общественной жизни русскаго Галлиполи, а обращеніе къ своимъ внутреннимъ силамъ и самодѣятельность составляетъ его характерную особенность. При этомъ невѣроятно тяжелая обстановка какъ будто даже способствовала развитію различныхъ начинаній.

Начавшее въ мартѣ свою дѣятельность представительство В. З. С. и В. С. Г. пришло на помощь культурно-просвѣтительнымъ учрежденіямъ и такимъ образомъ содѣйствовало развитію общественной жизни въ Галлиполи. Таковъ второй періодъ, ставшій фундаментомъ, на которомъ выросъ весь послѣдующій общественно-культурный укладъ жизни Галлиполійскаго періода.

Дѣятельность этихъ учрежденій дала толчекъ къ дальнѣйшему развитію общественныхъ организацій.

Кружокъ агрономовъ, академическая группа и медицинское общество начинаютъ рядъ этихъ организацій, имѣющихъ главнымъ образомъ научно-просвѣтительныя задачи. Въ то же время возникаютъ профессіональныя объединенія, союзы взаимопомощи, общество русскихъ инженеровъ въ Галлиполи, союзы участниковъ историческихъ походовъ и пр.

Къ концу пребыванія корпуса въ Галлиполи въ немъ насчитывалось болѣе 15 отдѣльныхъ кружковъ и обществъ, не считая многочисленныхъ спортивныхъ организацій. Они объединяли свыше 2.000 членовъ, что составляло около 10% всего состава корпуса.

Первымъ по времени возникновенія явился кружокъ агрономовъ. Онъ организовался 21 февраля 1921 г. и объединилъ въ себѣ 42 члена. Кружокъ ставилъ себѣ задачей, во-первыхъ, объединеніе агрономовъ въ корпусѣ и установленіе связи съ соотвѣтственными заграничными организаціями, во-вторыхъ — просвѣтительную и научную работу. Попытки осуществить связь съ за-границей остались безрезультатными, почему вся дѣятельность кружка направилась къ осуществленію второй части его задачъ — просвѣтительной и научной работы. Первое выразилось въ чтеніи членами кружка общедоступныхъ лекцій по разнымъ вопросамъ сельскаго хозяйства, второе — въ устройствѣ двухъ

большихъ экскурсій (съ 9 — 19 мая и съ 1 по 19 іюля) для изученія постановки сельскаго хозяйства и флоры Галлиполійскаго полуострова.

Работая интенсивно по мѣстному изученію Галлиполи, кружокъ задавался и болѣе широкими цѣлями. Имъ былъ разработанъ съ согласія командира корпуса проектъ командировки 15 своихъ членовъ въ Европу: въ Чехію—для наблюденія смѣны крупнаго хозяйства мелкимъ и изученія культуры «U»; въ Венгрію, Германію и Бельгію—для изученія элеваторнаго хозяйства и въ Америку—для изученія эксплоатаціи лѣсовъ. Однимъ изъ вопросовъ при этомъ было нежеланіе командируемыхъ членовъ порывать съ арміей и переходить на «бѣженское» положеніе при своей поѣздкѣ, въ связи съ чѣмъ имъ была разрѣшена соотвѣтствующая служебная командировка.

Въ началѣ апрѣля среди лекторовъ высшихъ обще-образовательныхъ курсовъ организовалось общество бывшихъ преподавателей россійскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Имъ были командированы члены въ Константинополь для установленія связи съ тамошними организаціями, что и было достигнуто путемъ непосредственнаго сліянія съ константинопольской академической группой. Съ перваго мая галлиполійское общество продолжало свою дѣятельность уже какъ отдѣленіе русской академической группы въ Турціи при 1-мъ армейскомъ корпусѣ. Отдѣленіе объединило въ себѣ главнымъ образомъ молодыя научныя силы русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ немъ состояло къ сентябрю 20 членовъ.

Дѣятельность группы была направлена почти исключительно на культурно-просвѣтительную работу въ корпусѣ, такъ какъ отсутствіе спеціальной литературы не давало возможности членамъ группы вести собственныя научныя занятія. Въ теченіе всего галлиполійскаго періода членами группы читались лекціи во всѣхъ просвѣтительныхъ и большей части учебныхъ учрежденій корпуса. Всего за время съ марта по ноябрь мѣсяцы было прочитано болѣе 500 публичныхъ лекцій по вопросамъ разныхъ спеціальностей, не считая отдѣльныхъ курсовъ, читаемыхъ членами группы въ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ сентябрѣ, въ связи съ вопросомъ о командированіи русскихъ студентовъ въ Прагу, академической группой была произведена регистрація студентовъ и проведенъ рядъ colloquium'овъ для выясненія степени ихъ прежней подготовленности. 20 сентября состоялось публичное засѣданіе группы, посвященное проводамъ уѣзжавшихъ студентовъ.

Непосредственно къ разсмотрѣннымъ обществамъ по своему характеру примыкаетъ возникшее также въ началѣ апрѣля 1921 г. «медицинское общество русскихъ врачей въ Галлиполи», собравшее 118 членовъ. Главной цѣлью общества было объединеніе врачей на почвѣ научнаго и практическаго совершенствованія, а также разрѣшеніе бытовыхъ и профессіональныхъ вопросовъ врачебной жизни. Ко 2 сентября медицин-

ское общество имѣло 15 засѣданій, изъ коихъ 9 были посвящены научнымъ докладамъ и демонстраціямъ.

Дѣятельность общества сильно тормозилась безденежьемъ, отсутствіемъ книгъ и пр.

«Общество русскихъ офицеровъ генеральнаго штаба» имѣло при 1-мъ армейскомъ корпусѣ своей отдѣлъ, включавшій до 50-ти членовъ. Ими былъ проведенъ рядъ сообщеній и лекцій по спеціальнымъ вопросамъ, какъ для широкихъ военныхъ круговъ, такъ и въ различныхъ военныхъ училищахъ, школахъ и курсахъ. Было переведено нѣсколько трудовъ, преимущественно по исторіи великой европейской войны.

Помимо указанныхъ организацій возникли кружки и общества иного типа: — «музыкально-художественный кружокъ», «кружокъ любителей древностей», «кружокъ шахматистовъ» и т. п.

Въ первомъ изъ нихъ находился нервъ музыкально-художественнаго Галлиполи. Кружкомъ былъ устроенъ рядъ музыкально-вокальныхъ вечеровъ и концертовъ, имѣвшихъ вполнѣ заслуженный успѣхъ, въ виду того оживленія, которое они вносили въ монотонность галлиполійской жизни.

«Кружокъ любителей древностей» возникъ въ началѣ іюля и объединилъ въ себѣ исключительно любительскія силы. Число членовъ его достигло 196 человѣкъ. Научной работы этимъ кружкомъ, вслѣдствіе указаннаго характера его личнаго состава, не производилось. Имъ было устроено двѣ поѣздки — экскурсіи на мало-азіатскій берегъ и сдѣлано въ засѣданіяхъ нѣсколько сообщеній. Къ ноябрю дѣятельность кружка за отсутствіемъ спеціалистовъ въ его средѣ постепенно замерла.

Остальные кружки, а именно: «кружокъ шахматистовъ», «кружокъ любителей фотографіи», отдѣльныя частныя организаціи типа собраній, чайныхъ и т. п., выполнившія нѣкоторую культурную работу, общественнаго значенія не имѣли.

Съ октября мѣсяца по иниціативѣ, положенной приказомъ по корпусу, начала развиваться дѣятельность религіозно-нравственныхъ кружковъ «Святого Животворящаго Креста».

Къ профессіональнымъ и другимъ организаціямъ взаимопомощи относимъ: «Общество русскихъ инженеровъ въ Галлиполи». Оно образовалось въ апрѣлѣ 1921 года и насчитывало 33 члена. Поставленныя задачи культурно-просвѣтительнаго характера остались не выполненными и общество вылилось въ организацію защиты и устройства чисто профессіональныхъ интересовъ. Конечно, этого рода дѣятельность развивалась медленно, такъ какъ завязать сношенія съ европейскими центрами въ галлиполійскихъ условіяхъ было необыкновенно трудно. До послѣдняго времени обществу удалось наладить связь только съ Грецiей. Нѣсколько членовъ получили приглашеніе и уѣхали на службу въ Афины и Адріанополь.

«Общество взаимопомощи бывшихъ воспитанниковъ Николаевской инженерной академіи и училища».

«Союзъ участниковъ 1-го кубанскаго, генерала Корнилова, похода» изъ 750 членовъ.

«Союзъ участниковъ екатеринославскаго похода» — 253 члена.

«Союзъ кавалеровъ ордена Св. Георгія Побѣдоносца и Георгіевскаго оружія» — 385 членовъ.

Эти организаціи, создаваемыя главнымъ образомъ въ цѣляхъ взаимопомощи, вслѣдствіе полнаго отсутствія средствъ, имѣли значеніе исключительно въ смыслѣ моральнаго объединенія и поддержки членовъ.

Какъ видно, интенсивность дѣятельности обществъ опредѣлялась прежде всего ихъ задачами. Организаціи, направленныя на взаимопомощь, заранѣе были обречены, по условіямъ галлиполійскаго безденежья на малодѣятельное существованіе: онѣ играли только объединяющую роль. Общественныя же группы, ставившія своею цѣлью нѣкоторыя заданія культурно-просвѣтительнаго строительства и не связанныя, слѣдовательно, такъ сильно съ наличіемъ матеріальныхъ средствъ, широко развивали свою дѣятельность.

Окружающая обстановка требовала непосредственнаго и творческаго участіе членовъ обществъ въ осуществленіи поставленныхъ задачъ: поэтому различныя и многолюдныя общества въ большинствѣ случаевъ состояли изъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Надо отмѣтить при этомъ извѣстную инертность въ смыслѣ проявленія иниціативы и дѣятельности широкихъ слоевъ.

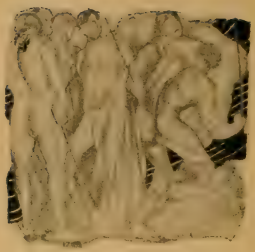
Строй галлиполійской жизни предоставлялъ для общественнаго строительства широкое поле самодѣятельности. Во всѣхъ подобнаго рода начинаніяхъ военная организація русскихъ въ Галлиполи многое упрощала и облегчала. Постоянная поддержка и сочувствіе всѣмъ культурнымъ начинаніямъ со стороны командира корпуса еще болѣе облегчали работу въ этомъ отношеніи, являя характерное вообще для Галлиполи тѣсное переплетеніе военной организаціи и гражданственности въ дѣлѣ общественнаго строительства. Корпусъ принесъ съ собой весь запасъ культурныхъ цѣнностей, созданныхъ въ Россіи. И вотъ здѣсь, на чужбинѣ, все свое, родное, постоянно вспоминалось и чтилось. Кратко помянули Чехова, Лермонтова и др. День же сотой годовщины со дня рожденія Ѳ. М. Достоевскаго былъ отпразднованъ особенно торжественно. Почти за мѣсяцъ до этого приказомъ по корпусу была назначена спеціальная комиссія, которая разработала порядокъ чествованія памяти великаго писателя. Въ теченіе недѣли до юбилейнаго дня во всѣхъ частяхъ читались доклады о личности и творчествѣ Ѳ. М. Достоевскаго, а въ самый день годовщины были отслужены панихиды какъ въ городѣ, такъ и въ лагерѣ; затѣмъ было торжественное засѣданіе посвященное

трудамъ и творчеству писателя, а вечеромъ въ театрѣ были инсценированы нѣкоторыя мѣста изъ его романовъ.

Въ созданіи своего общественнаго уклада въ Галлиполи съ его непомѣрно тяжелыми условіями армія проявила свои великія творческія силы. Лучшія свои достиженія армія осуществила путемъ общественной самодѣятельности, при полномъ использованіи преимуществъ военной организаціи и сплоченности. За время пребыванія въ Галлиполи чины корпуса настолько сплотились, что самая мысль о раздѣленіи частей корпуса съ переѣздомъ въ славянскія страны, а затѣмъ по возвращеніи на родину омрачалась представленіями объ исчезновеніи создавшагося единенія. Обстоятельство это вызвало къ жизни «Общество галлиполійцевъ». Задачи его ясны: поддержать въ дальнѣйшемъ единеніе тѣхъ, кто былъ когда то въ Галлиполи.

27 сентября состоялось учредительное собраніе будущаго общества и положено начало разработки основъ его организаціи.

Въ день первой годовщины прибытія русскихъ въ Галлиполи, 22 ноября, состоялось второе засѣданіе учредителей, которое приняло выработанный комиссіей уставъ. 26 ноября состоялся первый съѣздъ общества. Открывая засѣданіе, командиръ корпуса далъ оцѣнку обществу, явившемуся необходимымъ завершеніемъ всего періода, проведеннаго въ Галлиполи. Здѣсь русскіе научились цѣнить родину и тѣсное единеніе и, конечно, не могутъ отсюда уѣхать прежде, чѣмъ не будетъ обезпечено такое же единеніе въ будущемъ. На съѣздѣ избранъ совѣтъ общества. Почетнымъ предсѣдателемъ общества избранъ генералъ, баронъ П. Н. Врангель, почетнымъ предсѣдателемъ совѣта общества — генералъ А. П. Кутеповъ. Учредители общества придавали ему важное значеніе и не напрасно: въ лицѣ его «Галлиполи» будетъ жить въ исторіи будущей Россіи.



ХУДОЖНИКИ И ВЫСТАВКА

О художникахъ ранѣе никто и не зналъ. Они не были нужны въ безконечныхъ походахъ и бояхъ, и только очень близкіе, которымъ на стоянкахъ приходилось иногда потѣшаться какой нибудь каррикатурой или вспоминать знакомый уголокъ кубанской хатки по случайно уцѣлѣвшимъ листкамъ никому ненужнаго, измызганнаго альбома, знали, что подъ формой офицера и солдата скрывалось истинное лицо человѣка — его геній. И сами художники неохотно себя расшифровывали: до художниковъ ли теперь... И какой же художникъ, когда 5-6 лѣтъ я стрѣляю или въ меня стрѣляютъ, а рисовать некогда.

Но здѣсь, въ Галлиполи, даже на самыхъ первыхъ порахъ, самъ бытъ, сама обстановка жизни вызывали художниковъ на свѣтъ Божій.

Произошло нѣчто похожее на историческій процессъ развитія искусства. Будто до Галлиполи ничего не было, былъ хаосъ, будто отсюда начинается процессъ культуры.

Въ первую очередь появляется прикладникъ и прикладное искусство. Прибыли сюда «въ чемъ мать родила». Ни скамеекъ, ни ложекъ, ни чашекъ, ни денегъ (все это было выдано значительно позже). И вотъ дѣлаются ложки съ рѣзными ручками, выбиваются рельефныя арабески на кружкахъ изъ консервныхъ банокъ, сколачивается рамка для портрета друга или любимой, а на улицѣ и на линейкахъ за зелеными бараками вычерчиваются бордюры, мѣста искусственныхъ посадокъ, газоновъ со свѣжимъ дерномъ, и на его изумрудѣ изъ бѣлаго, краснаго и голубого камня возникаютъ національные флаги, развертываются крылья могучихъ орловъ, отливая на солнцѣ то серебромъ осколковъ бѣлаго мрамора, то, мѣстами, брилліантами битаго стекла.

Художникъ, еще не называя себя, пріоткрылъ свою маску и принялся расцвѣчивать свою мутную, дикую жизнь, начинающихъ жить заново, людей каменнаго вѣка.

Соревнованіе полковъ и другъ съ другомъ, какъ точило, утончало и лѣпило занимательнѣй и изысканнѣй орнаментъ песочныхъ и камен-

ныхъ ковровъ, шефскихъ вензелей, надписей, хронологическихъ датъ, эмблемъ и орнамента и скоро рукой незнаемыхъ ранѣе мастеровъ, будто шутя, возникали диковинныя пано, которымъ охотно было бы отведено мѣсто на любой столичной площади нашего пышнаго прошлаго. А рядомъ сколачивался иконостасъ, и завивались, какъ серебряные папильотки, изъ тѣхъ же консервныхъ банокъ, простыя и замысловатыя паникадила. И художникъ-иконописецъ, тѣснясь между плетеными койками «двухскатки», чертилъ еще теплымъ углемъ, только что взятымъ изъ подъ общаго «котла», просвѣтленный ликъ Христа и, вотъ-вотъ готовый разрыдаться (отъ умиленія или тоски), образъ Богоматери.

ЗНАМЕННАЯ ПЛОЩАДКА АЛЕКСѢЕВСКАГО ПОЛКА

При этомъ надо имѣть въ виду, что не было никакихъ пособій, ни рисунковъ, ни настоящихъ красокъ, ни кистей.

Все рисовалось по памяти, то химическимъ карандашемъ, то дѣтскимъ мѣлкомъ или самодѣлковой кистью. Этими художниками, или по ихъ рисункамъ, дѣлалась утварь, воздухи, плащаницы, кадила, дарохранительницы и т. д.

За этимъ новая эпоха. Иконопись смѣняютъ журналы.

Послѣ столькихъ трудовъ по созданію быта захотѣлось отдохнуть, оглянуться назадъ и посмѣяться мило и весело надъ самимъ собою. Художникъ изощряется надъ самымъ тяжелымъ и больнымъ, но не для того, чтобы отчаяться, а чтобы скрасить неизбѣжное. Такъ, осмѣиваются: французскій паекъ, занятіе съ деревянными пушками, ровики съ шакалами, флиртующая бѣженка и жирный грекъ.

А окна комиссіонныхъ магазиновъ почти сплошь увѣшиваются карикатурами на французовъ, негра часового, генерала Шарпи, Томассена и выше — Бріана, Ллойдъ-Джорджа и т. под. И рядомъ высятся этюды — то карандашъ, то акварель: какой нибудь уголокъ съ кусочкомъ моря, комендантское управленіе съ русскимъ флагомъ, миленькій картонъ съ нимбомъ вокругъ головы Святого Николая Мирликійскаго и сбоку, съ плохо нарисованнымъ ртомъ и острымъ подбородкомъ, свѣтлокудрая головка, которыхъ раньше былъ такой большой выборъ на страницахъ «Нивы» или въ окнѣ табачнаго магазина. Конечно, это все не «настоящій художникъ», — это любитель, нашъ милый русскій любитель, который рисовалъ въ мирное время программы на благотворительный вечеръ, а сейчасъ нужда заставляетъ его, истративъ день или два на открытку, продавать ее за 50 лептъ. Или вотъ онъ же нанялся къ греку, торгующему скумбріей и мастикой, и самымъ безсовѣстнымъ образомъ за какія нибудь «3 драхмы квадратный метръ» размазываетъ на стѣнахъ бѣлыхъ лебедей, плывущихъ между двухъ лотосовъ съ гирляндой не то шиповника, не то разноцвѣтнаго турецкаго монпансье.

Такимъ же манеромъ его коллеги расписываютъ антрэ мѣстнаго буржуа, добросовѣстно, въ угоду заказчику, изображая въ одной рамѣ фасадъ его дома съ моря, его фелюгу, желтую, какъ корка лимона, портретъ его самого такъ, чтобы, главное, были видны лакированные ботинки и его трехъ дочерей съ шестью жирными ногами, обязательно въ бѣлыхъ чулкахъ, и тутъ же изображеніе ангорской пушки, которую его племянникъ взялъ у Кемаля въ бою подъ Сендержикомъ.

Художникъ иной, въ комъ горѣла истинная «искра Божія» все еще скромно сидѣлъ въ своей палаткѣ или на днѣ какой нибудь мечети, жаловался на судьбу своимъ сантиментальнымъ знакомымъ, говорилъ о работѣ, мастерскихъ, богемѣ, думалъ, что были такіе счастливые, у которыхъ имѣлись краски, бумага или по крайней мѣрѣ, хоть одинъ меценатъ, рисовалъ иногда въ журналъ или на стѣнку офицерскаго собранія портреты генерала Деникина, Врангеля, Дроздовскаго съ какой нибудь стертой походами карточки, выдерживая за симъ кучу соболѣзнованій или неодобренія домашнихъ «критиковъ», съ апломбомъ находившихъ неправильности въ фасонѣ Георгіевской ленточки и въ томъ, что одна щека бѣлая, а другая сѣрая. Но не было ему никогда благодарности, не было ему помощи отъ тѣхъ, кто имѣлъ къ тому возможность, потому что истинное искусство нужно даже не всѣмъ сытымъ.

Съ первымъ намекомъ весны начали возникать театры. Потянулся художникъ и туда. Платный спектакль, помощь отъ Земскаго Союза, субсидіи полковыхъ лавокъ — все сулило возможность поработать, наконецъ, по настоящему. Однако, надежды на 90% не оправдались. Театральные кружки, съ превалирующимъ большинствомъ актеровъ надъ художниками, посмотрѣли на нихъ, какъ на лишнихъ людей въ дѣлѣ, желающихъ съѣсть весь ихъ заработокъ, и вмѣсто того, чтобы дать имъ

развернуться, заставили сдѣлать сукна, написать двѣ три картины и, въ зависимости отъ пьесы, вывѣшивать ихъ на заднемъ занавѣсѣ то справа, то слѣва. И, дѣйствительно, создавалось такое положеніе, при которомъ художнику оставалось поставить крестъ надъ своимъ призваніемъ и, въ лучшемъ случаѣ, продолжая ничего не дѣлать, надѣяться на проблематическое лучшее будущее, или въ худшемъ — рискнуть и заняться бѣженской авантюрой.

II

Вотъ картина въ общихъ чертахъ, какою она была къ концу марта 1921 года. Но долго такъ продолжаться не могло. И какъ только жизнь наладилась, наряду съ другими объединеніями, возникъ и художественный кружокъ.

Организаціонное собраніе состоялось 20 марта этого года и положило начало существованію городской студіи художниковъ перваго армейскаго корпуса. Зарегистрировалось всего художниковъ 43 человѣка.

Пришелъ на помощь и командиръ корпуса и на пожертвованныя имъ на студію 80 драхмъ и были пріобрѣтены краски, кисти, угли, карандаши, бумага и проч.

Съ этого времени, еженедѣльно, по средамъ и субботамъ, отъ 5 до 9 часовъ вечера, въ небольшой комнатѣ армянскаго дома стали собираться художники. Позировать приглашались армяне хозяева, ихъ знакомые, знакомыя дамы, солдаты-негры, офицеры-атлеты изъ фехтовально-гимнастической школы, позировали и сами художники.

Количество посѣщающихъ въ началѣ было очень значительно; почти всѣ записавшіеся бывали каждую среду и субботу, но потомъ собранія стали замѣтно рѣдѣть. Объяснялось это тѣмъ, что во-первыхъ трудно было за 6 верстъ ходить изъ лагеря, и во-вторыхъ среди записавшихся оказалось значительное число лицъ, еще не умѣвшихъ самостоятельно работать.

Такимъ образомъ назрѣла необходимость съ одной стороны устройства студіи для лагерныхъ художниковъ, и съ другой — устройства спеціальныхъ курсовъ для лицъ, требующихъ еще преподавателя.

Къ тому же, условія для расширенія студіи къ этому времени стали достаточно благопріятны, а именно: генералъ Кутеповъ, отнесшійся къ организаціи съ сочувствіемъ и даже покровительствомъ, далъ студіи

опредѣленное реномэ въ глазахъ представителя Всероссійскаго Земскаго Союза и Всероссійскаго Союза Городовъ, который и выдалъ молодому кружку пособіе въ 100 лиръ.

Съ 1 іюля этого года были организованы: 1) студія въ лагерѣ на 20 человѣкъ, 2) курсы при ней (записалось 38 человѣкъ), 3) курсы въ гор. Галлиполи (записалось 62 человѣка).

Студія въ лагерѣ была открыта по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ.

При большой дороговизнѣ матеріаловъ, (напр. листъ очень плохой александрійской бумаги стоилъ 3 драхмы) удовлетворить потребность курсовъ и студій, хотя бы скромно, было очень затруднительно. Ни о какихъ дальнѣйшихъ пособіяхъ мечтать и не приходилось.

Городскіе курсы, кромѣ двухъ кувшиновъ для моделей, ничего не имѣли и ходили рисовать орнаментъ на турецкое кладбище.

Помѣщеніе для курсовъ тоже было весьма неудовлетворительно. Такъ, въ городѣ, — зданіе разрушенной виллы Пандермали безъ крыши и пола, съ вѣтромъ, засыпающимъ глаза пылью; въ лагерѣ — зеленая палатка, дающая на все мертвенный зеленый отсвѣтъ. Эти неудобства, можетъ быть, или разочарованіе въ своихъ способностяхъ, заставили многихъ изъ участниковъ курсовъ перестать посѣщать занятія, и въ концѣ концовъ, средняя посѣщаемость свелась къ 15 человѣкамъ.

Но нужно сказать правду, что остались люди, съ безусловно большими способностями и истинной любовью къ дѣлу. И обстановка, конечно, отъ этого только выиграла.

Изъ учениковъ курсовъ большинство никакого спеціальнаго образованія не получили. Весь запасъ знаній ограничивался умѣніемъ, какое могло дать въ лучшемъ случаѣ реальное училище. Но были опредѣленно талантливые, сумѣвшіе уже здѣсь за короткое время сдѣлать большіе успѣхи.

Конечно, всѣ они не могли считаться художниками законченными вполнѣ, хотя бы уже потому, что каждый 5-6 лѣтъ не бралъ карандаша въ руки; вся пріобрѣтенная техника теперь потребовала работы съ самаго начала, и, кромѣ того, художнику нужно жить постоянной мыслью, что онъ художникъ, впитывать въ себя жизнь и впитанное выявлять. Безъ этого талантъ коснѣетъ и исчезаетъ та специфическая особенность, которая такъ выгодно отличаетъ мастера отъ диллетанта.

А мы за войну стали любителями, и теперь нужно большое время нужно многое посмотрѣть, о многомъ передумать и перетолковать, чтобы наверстать потерянное. Здѣсь нѣтъ такихъ мастеровъ, которые могли бы уже вѣщать міру: всѣ эти мастера — Лапсерэ, Анисфельдъ, Бакстъ, Рерихъ, Григорьевъ, Яковлевъ и проч. — въ лучшихъ городахъ Франціи, Англіи и Германіи, а здѣсь именно тѣ, которымъ для ихъ настоящаго развитія какъ разъ и нужны эти центры съ ихъ выставка-

ми, съ ихъ мастерскими, съ жизнью, кипящей событіями, ищущей, красочной, съ жизнью, требующей искусства, но и дающей ему все.

III

Теперь о выставкѣ.

18 іюля въ г. Галлиполи открылась выставка-базаръ. Цѣлью выставки, какъ гласило объявленіе, было: 1) ознакомленіе съ художественными и кустарными силами русскаго корпуса, 2) выясненіе ихъ нуждъ для оказанія помощи въ производствѣ и 3) помощь по сбыту ихъ трудовъ и

УГОЛОКЪ ВЫСТАВКИ

произведеній. На выставкѣ имѣлись слѣдующіе отдѣлы: 1) художественный, 2) лѣпки и выжиганія, 3) рукодѣлія, 4) дѣтскія игрушки, 5) столярно-слесарный и 6) обуви и плетенія. Выставка была устроена въ палаткѣ-баракѣ, убранномъ изнутри сѣро-синими одѣялами съ достаточнымъ вкусомъ и большой аккуратностью.

Трудно говорить о выставкѣ, какъ таковой, потому что по заданію и по тому, какъ поняли ее художники, это скорѣе былъ только базаръ, на который были принесены ими вещи, наиболѣе подходящія къ продажѣ.

— Побольше продать — какъ будто бы значилось на этихъ стѣнахъ, украшенныхъ портретами жирныхъ бюстовъ греческихъ матерей рядомъ со скверной копіей Сѣровскаго портрета Императора Николая II, цѣлымъ рядомъ каррикатуръ на французовъ, грековъ, турокъ и негровъ, плетеными изъ соломы мѣшечками для провизіи, шахматами,

сдѣланными изъ мыла, глинянымъ барельефомъ, сработаннымъ «одной половиной ножницъ» (какъ было тутъ же написано), съ простынями, съ моделью моста, съ цѣлой грудой красныхъ и темныхъ помидоровъ, съ дамской дорогого шелка косынкой, вывезенной навѣрно еще изъ Россіи.

Здѣсь вы могли найти все, что хотѣли. Сюда были принесены не только вещи истинно-художественныя, но и вещи, никакого отношенія ни къ художеству, ни къ кустарной промышленности не имѣющія. Это былъ Мюръ и Мерелизъ. Но — ничего не подѣлаешь.

Слава Богу, что и такую выставку удалось устроить. Слава Богу, что художникамъ удалось кое что продать. Такъ, мѣстный представитель В. З. С. и В. С. Г. пріобрѣлъ художественныхъ вещей на 150 лиръ съ цѣлью отсылки ихъ на выставку въ Вашингтонъ. Картины были куплены преимущественно такія, какія такъ или иначе имѣли отношеніе къ галлиполійской жизни русскихъ.

Всего экспонировало 235 человѣкъ; продали свои экспонаты 82 человѣка на сумму 2816 драхмъ. Посѣтило выставку 1.989 человѣкъ. Чистая прибыль отъ выставки, 346 драхмъ, употреблена на пріобрѣтеніе инструментовъ и матеріаловъ, которые были розданы нуждающимся черезъ выставочный комитетъ.

Главное вниманіе посѣтителей выставки привлекли къ себѣ прикладники. И дѣйствительно, глядя на балалайки и мандолины, сдѣланныя изъ консервныхъ ящиковъ, на художественно отточенныя изъ разноцвѣтныхъ кусковъ мыла шахматныя фигуры, или же стильныя, нарисованныя отъ руки игральныя карты, нельзя было не признать, что прикладное искусство въ Галлиполи, несмотря на полное отсутствіе матеріаловъ и инструментовъ, выявилось и ярко, и оригинально.

Интересны, какъ нѣкоторое достиженіе въ области огородничества, при полномъ незнакомствѣ съ климатомъ и составомъ почвы, выставленныя Корниловскимъ полкомъ различныя овощи.

Но всѣ эти экспонаты, расположенные рядомъ съ акварелями и пейзажами, создавали сумбурное впечатлѣніе.

Такъ или иначе, а выставка эта все таки имѣла практическое значеніе. Многіе художники послѣ нея получили заказы, а, напримѣръ, прикладники, такъ положительно пріобрѣли заказчиковъ и имѣли постоянныя работы.

IV

Въ заключеніе, — нѣсколько словъ о журналахъ, театрѣ, памятникахъ и церквахъ. Подробно эти вопросы будутъ затронуты въ другихъ статьяхъ, намъ же интересна сторона чисто художественная. Изъ журналовъ, въ художественномъ отношеніи, нужно отмѣтить: «Млечный Путь», «Развѣй горе въ голомъ полѣ» и «Лента Артиллериста». Первый

и третій—созданія Дроздовцевъ, второй—штаба кавалерійской дивизіи. Кстати — при журналѣ «Развѣй горе» имѣлась и небольшая студія.

Изъ церквей вышла очень интересной городская — въ русской гимназіи, иконостасъ работы художницы Поповой; Корниловская — работы художника подпоручика Предаевича и Дроздовская — подпоручика Ващенко.

Изъ декораторовъ необходмо отмѣтить поручика Ромберга и полковника Толя (городской театръ). Но тутъ нужно пожалѣть, что имъ режиссеръ не давалъ возможности работать своими крайне небрежными постановками. Зато рѣзко выдѣлился театръ Дроздовскаго полка, близкое участіе въ организаціи котораго принялъ талантливый художникъ, подпоручикъ Ващенко. Стильныя декораціи и художественность постановокъ выдвинули его на первое мѣсто.

Памятниковъ, какъ уже сказано выше, выстроено было два — одинъ на городскомъ кладбищѣ, по проекту художника-архитектора, подпоручика Акатьева, и на лагерномъ — поручика Пандуло. Для сооруженія памятника на городскомъ кладбищѣ былъ объявленъ конкурсъ, давшій 17 проектовъ. Наиболѣе интересными оказались: часовенька, чиновника военнаго времени, гражданскаго инженера Трескина, получившаго первую премію и каменный курганъ-пирамида, подпоручика Акатьева, техническаго полка, получившаго вторую премію. Нужно отдать справедливость, что заданія были очень трудны — художнику предлагалось сдѣлать памятникъ только изъ камней и подручныхъ матеріаловъ съ самой небольшой затратой денегъ на какой либо другой матеріалъ. Часовенка Трескина, въ стилѣ, такъ близкихъ и милыхъ нашему сердцу, особенно здѣсь заграницей, псковскихъ церквей, была бы лучшимъ напоминаніемъ о далекой родинѣ, но памятникъ-курганъ болѣе отвѣчалъ духу военнаго кладбища и подходилъ къ характеру окружающей мѣстности и являлся болѣе легко выполнимымъ. Форма его напоминала обычай сѣдой старины, когда курганы на братскихъ могилахъ выростали изъ горстей земли, принесенныхъ въ шлемахъ оставшимися въ живыхъ воинами: каждый офицеръ и солдатъ корпуса, каждая женщина и ребенокъ принесли по камню или горсти песку и выросъ каменный курганъ-памятникъ.

Въ концѣ іюня для исполненія порученія Главнокомандующаго, корпуснымъ инженеромъ былъ объявленъ конкурсъ на живопись и скульптуру для поднесенія подарка Сербскому патріарху, Димитрію. Изъ представленныхъ на конкурсъ работъ, первую премію за живопись получилъ поручикъ Предаевичъ, а первую премію за скульптуру - юнкеръ Сергіевскаго артиллерійскаго училища, Качуринцевъ. Проектъ поручика Предаевича представляетъ собой трехстворчатый складень, гдѣ изображены слѣва Іоаннъ-воинъ, посрединѣ Св. Сергій Радонежскій, подносящій церковь Св. Саввѣ Сербскому и справа — Димитрій-воинъ. Проектъ юнкера Кочуринцева изображаетъ Св. Савву Сербскаго, ободряю-

щаго и духовно-поддерживающаго сидящаго, измученнаго русскаго богатыря.

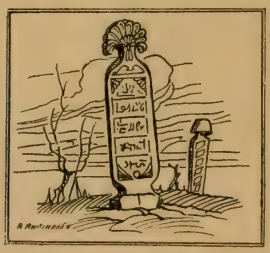
Вотъ и весь итогъ пережитаго времени.

Художники крѣпли духомъ и горниломъ ихъ все таки являлась студія, о которой говорилось выше, потому что надо помнить, что здѣсь небыло общества въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понималось раньше, не было прессы и студія замѣняла то и другое.

И сейчасъ студію не узнать. Бѣлыя, бѣлыя стѣны армянской квартирки покрылись десятками рисунковъ, они уже вылѣзли черезъ дверь въ слѣдующую комнату и поползли въ разныя стороны сплошной массой разнообразныхъ голыхъ тѣлъ, портретовъ черныхъ, какъ чечевица, негровъ, напудренныхъ французскихъ лейтенантовъ, толстыхъ обрюзгшихъ гречанокъ, художниковъ-офицеровъ, позировавшихъ вмѣсто моделей, русскихъ дамъ, видовъ Галлиполи.

Здѣсь и синее море, и узкая, преузкая улица съ косыми многоугольниками тѣней, и солнечныя пятна на сиреневомъ мраморѣ турецкихъ могилъ, и заостренныя иглами мечети, пестрыя въ красномъ и зеленомъ «кардаши», и тихія заводи какихъ то нездѣшнихъ мѣстъ, и оранжереи съ ползучими цвѣтами и каррикатурами всѣхъ родовъ, рисунки углемъ, карандашами, акварелью...

Эта жажда къ работѣ даетъ надежду на то, что студія не растеряется и сохранитъ для родной Россіи наши таланты и ихъ произведенія.



ТУРЕЦКАЯ МОГИЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО И ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

I

Изданіе журналовъ и газетъ, несмотря на обстановку, съ которой можно познакомиться въ предыдущихъ главахъ, начинается почти съ момента прибытія корпуса въ Галлиполи. За недостаткомъ чернилъ, гектографовъ и т. п. — эти быстро возникавшіе журналы и газеты большей частью столь же скоро и закрывались; коммерческія цѣли не преслѣдовались, да они были бы и неосуществимы при отсутствіи у русскихъ денегъ, помощи ждать было неоткуда и, хотя все, что издавалось читали на расхватъ — смерть являлась естественнымъ концомъ первыхъ газетъ и журналовъ. Такъ закончили свое существованіе газеты «Огни» и «За рубежемъ». Первая газета выходила ежедневно, вторая – два раза въ недѣлю. Возникли онѣ по иниціативѣ отдѣльныхъ лицъ и преслѣдовали главнымъ образомъ цѣли информаціи. Эта информація состояла изъ свѣдѣній русскаго и французскаго радіо, данныхъ, имѣвшихся у высшаго командnаго состава и получавшихся изъ Константинополя газетъ. Обѣ газеты просуществовали около двухъ мѣсяцевъ и закрылись за отсутствіемъ средствъ. Но наряду съ этой смертностью возникла и усиленная рождаемость: почти въ каждой части предпринимались попытки изданія журналовъ. Изданіе газетъ уже не возобновлялось, такъ какъ почти вся информація сосредоточилась во вновь создавшейся «Устной газетѣ».

Недостатокъ печатнаго слова остро чувствовался и въ лагерѣ, и въ городѣ, ибо имѣвшихся въ библіотекахъ книгъ было совершенно недостаточно для потребностей корпуса. Главнымъ же импульсомъ къ изданію журналовъ, повидимому, служило желаніе заполнить свой досугъ, вести дневникъ не мудрствуя лукаво. Можетъ быть, жизнь каждаго офицера и солдата въ 1-мъ армейскомъ корпусѣ заслуживала хорошей книги и большое спасибо тѣмъ неутомимымъ редакторамъ, ко-

торые сумѣли создать журналы и удержать въ нихъ пережитое русской арміей.

Условія, при которыхъ приходилось заниматься изданіемъ журналовъ, вообще могутъ быть названы невыносимыми для какой бы то ни было литературной дѣятельности, но для I-го армейскаго корпуса пребываніе въ Галлиполи явилось досугомъ. Здѣсь для него стало понятно слово «завтра». Чернорабочимъ войны некогда было отдыхать на поляхъ сраженій. Война пожирала всѣ напряженія духа и тѣла. Отступать, наступать, перебрасываться съ мѣста на мѣсто, не знать отдыха ни днемъ, ни ночью — вотъ обычная обстановка жизни офицера и солдата въ послѣдніе годы. А въ Галлиполи русскій воинъ впервые «засвѣтилъ свою лампадку», оглянулся кругомъ... заплакалъ и засмѣялся.

Первымъ по времени былъ изданъ журналъ съ мѣткимъ названіемъ «Эшафотъ». Журналъ юмористическій; въ немъ всего восемь страницъ и два-три рисунка чернилами; напечатанъ на пишущей машинѣ; текстъ поручика Шевлякова, рисунки поручика Муравьева. Журналъ удалось размножить до 48 экземпляровъ и нужно удивляться терпѣнію иллюстратора, повторившаго отъ руки рисунки 48 разъ. Издателямъ не удалось преодолѣть техническихъ затрудненій и журналъ «Эшафотъ» прекратилъ существованіе на первомъ номерѣ. Въ то же время другіе трудолюбивые издатели вели неустанную борьбу съ отсутствіемъ карандашей, чернилъ, бумаги, красокъ, помѣщенія, шапирографовъ и т. д. Нѣкоторые изъ такихъ редакторовъ и издателей въ цѣляхъ изысканія средствъ, облагали денежной пеней своихъ же сотрудниковъ и настойчиво стучали въ двери различныхъ учрежденій, прося о помощи. По мѣрѣ силъ ее оказывали деньгами и бумагой представительство В. З. С. и В. С. Г. и штабъ корпуса, но они сами были ограничены въ средствахъ. Журналы печатались по ночамъ, урывками, такъ какъ пишущія машины днемъ были заняты текущей работой тѣхъ учрежденій, при которыхъ издательствамъ удавалось пристраиваться. Рисунки, въ виду недостатка чернилъ и туши, приходилось сокращать, упрощать или совсѣмъ отъ нихъ отказываться. Изготовлявшіеся самодѣльные шапирографы, не всегда отвѣчали предъявляемымъ скромнымъ требованіямъ. Какъ бы то ни было, издатели вышли изъ этой борьбы побѣдителями.

Успѣхъ первыхъ номеровъ журналовъ вызвалъ соревнованіе и въ серединѣ лѣта 1921 года въ 1-мъ корпусѣ можно было насчитывать болѣе десяти журналовъ съ художественными заставками, виньетками, акварельными рисунками и каррикатурами. Большинство журналовъ выходило не періодически: два или три раза въ мѣсяцъ и въ единственномъ экземплярѣ каждаго номера. Нѣкоторымъ издательствамъ удавалось доводить число сотрудниковъ до 40 человѣкъ и выпускать но-

меръ въ двадцати одномъ экземплярѣ. Редакторы могли уже отмѣтить распространеніе журналовъ «далеко за предѣлы нашей части», т. е. той части, при которой журналъ издавался и нельзя не посочувствовать этой симпатичной гордости редакторовъ, единственной наградѣ за всѣ терніи издательской дѣятельности въ Галлиполи.

Къ 1 августа въ 1-мъ армейскомъ корпусѣ имѣлись слудующіе журналы: «Эшафотъ» (юмористическій), «Шакалъ» (Марковскій пѣхотный полкъ), «Огни» (Корниловскій ударный полкъ), «Лучъ» (Радіо-телеграфное отдѣленіе), «Сергіевецъ» (Сергіевское артиллерійское училище), «Константиновецъ» (Константиновское военное училище), «Веселыя бомбы» (Дроздовскій артиллерійскій дивизіонъ), «Думки залетныя» (та же часть), «Лепта артиллериста» (та же часть), «Развѣй горе въ голомъ полѣ» (Кавалерійская дивизія), альманахъ «Млечный путь», «Изгой» (Марковскій артиллерійскій дивизіонъ), «Огонечекъ малешенекъ» (Сергіевское артиллерійское училище) и др. Помимо этого, по рукамъ въ массѣ ходили, даже не сброшюрованные, разсказы, стихи, рисунки — «бродячіе музыканты» галлиполійскаго издательства.

Приходится удивляться человѣческому упорству и кропотливости, когда видишь теперь достигнутые результаты.

Изъ перечисленныхъ журналовъ съ художественной стороны наиболѣе интересны «Развѣй горе въ голомъ полѣ» съ прекрасными карикатурами, «Изгой» и «Лепта артиллериста» (рисунки Слѣсаревскаго). Особой тщательностью художественной части отличаются: альманахъ «Млечный путь», издательства «Двое» и «Откликнувшіеся» (перечислены сотрудники) и журналъ «Огонечекъ малешенекъ» (рисунки юнкера Страхова). Журналы имѣли почти всѣ отдѣлы и въ этомъ отношеніи не отличались отъ обычныхъ. Число страницъ въ нѣкоторыхъ доходило до 60. Форматъ, большей частью — листъ писчей бумаги.

Самая интересная сторона журналовъ — рисунки, къ сожалѣнію, по техническимъ условіямъ, не могла быть представлена въ настоящемъ сборникѣ. Рисунки эти образно и живо схватываютъ почти все самое интересное въ Галлиполи, то въ весьма удачныхъ эскизахъ старинныхъ построекъ и памятниковъ древности, то въ шутливой формѣ зарисовывающихъ мелочи лагерной жизни: тутъ и караванъ офицеровъ, несущихъ на плечахъ продукты изъ города въ лагерь, и погоня издателей за представителемъ В. З. С. съ цѣлью выжать отъ него средства для изданія журнала, самъ представитель, С. В. Рѣзниченко, плачущій на могилѣ тѣхъ, которые скончались, якобы, отъ недоставленной имъ своевременно помощи питаніемъ (каррикатура названа «позднее раскаяніе»); постройка памятника, сенегальцы, французы, очереди за обѣдомъ, война съ фалангами, змѣями, скорпіонами и т. д. Превосходны юмористическіе проекты памятника пребыванія русскихъ въ Галлиполи. Одинъ изъ нихъ представляетъ постаментъ съ ползущими змѣей,

скорпіономъ и сколопендрой; памятникъ обвитъ розами, навеху – солдатъ съ вязанкой хвороста на плечахъ, его лицо искажено ужасомъ. Дождь, вѣтеръ, застывшіе отъ холода дневальные у палатокъ, неутомимые ночные концертанты — шакалы, ученья, парады, батареи на позиціяхъ, т. е. панорамы на кривыхъ палочкахъ вмѣсто орудій — все замѣчено, ничто не упущено внимательнымъ каррикатуристомъ. I-й армейскій корпусъ живетъ и дышетъ въ этихъ наброскахъ чернилами, карандашемъ и въ тщательно выполненныхъ акварельными красками рисункахъ. Нѣкоторые изъ нихъ не лишены историческаго значенія. Такова, напримѣръ, каррикатура «послѣдній матчъ», представляющая футбольное состязаніе между французами и англичанами съ одной стороны и генераломъ Кутеповымъ съ другой. Мячъ, окрашенъ въ національные русскіе цвѣта, съ изображеніемъ двуглаваго орла. У воротъ союзниковъ черный часовой, на перекладинѣ надпись: «Сербія»; за воротами — сербскій офицеръ. Ловкимъ ударомъ ноги, французъ направляетъ мячъ въ ворота съ надписью «Бразилія». Рефери — Троцкій, увѣренный въ успѣхѣ, подноситъ свистокъ къ губамъ. Въ это время генералъ Кутеповъ, подпрыгнувъ, отбиваетъ мячъ ударомъ головы настолько удачно, что онъ летитъ прямо въ ворота съ надписью «Сербія».

II

Изданіе журналовъ и попытки литературнаго творчества въ корпусѣ, это, какъ уже говорилось — досугъ русской арміи, ея «внутреннее», кратчайшій путь къ интимному уголку ея сердца.

Чтобы понять это сердце нужно помнить, что большая часть корпуса состояла изъ людей, для которыхъ состояніе войны, полной лишеній, насилія и разрушеній, превратилось, такъ сказать, въ нормальный образъ жизни. Нужно помнить, что когда одинъ изъ молодыхъ поэтовъ восклицаетъ:

О долина пустынная смерти и розъ,
Гадовъ, змѣй, сколопендръ, скорпіоновъ!
Сколько горя я въ лонѣ твоемъ перенесъ
Не сочтутъ и десятки Ньютоновъ.

(«Веселыя бомбы» Ештукъ.)

то онъ самъ того, повидимому, не подозрѣвая символизируетъ этими строками жизнь русскаго офицера вообще: въ эту долину «смерти и розъ» онъ попалъ еще тогда, когда загрохотали выстрѣлы гражданской войны въ Россіи.

Объ этомъ же другой поэтъ пишетъ такъ:

Наша жизнь полна лишеній,
Униженій и гоненій.
Всѣмъ мы чужды — здѣсь и тамъ,
Нѣтъ на свѣтѣ мѣста намъ.
Мы навозъ для удобренья
Для другого поколѣнья. —

и далѣе:

Не для свѣта мы родились,
Счастьемъ мало насладились
Въ этомъ мірѣ зла и тьмы —
Люди будущаго мы.

Время жизни строй измѣнитъ,
Кто нибудь и насъ оцѣнитъ,
Ибо жертвой мы легли
За покой родной земли,

Кровь и потъ свой проливая,
Душу Богу поручая.
Да проститъ намъ Богъ грѣхи:
Всѣ мы смерти женихи.

(«Изгой» Ив. Виноградовъ).

Тѣмъ болѣе отрадно то, что этимъ воинамъ, «женихамъ смерти», имѣвшимъ все время дѣло съ проявленіемъ лишь несчастливыхъ, злыхъ сторонъ жизни, довлѣетъ ея свѣтлое, доброе начало. Такое явленіе прежде всего любопытно съ психологической точки зрѣнія: морю крови, слезъ и страданій не удалось залить хорошихъ человѣческихъ чувствъ и въ этихъ, часто несовершенныхъ, художественныхъ формахъ теплится неугасимое, повидимому, въ человѣкѣ стремленіе къ красотѣ и жизни счастливой. Когда читаешь подрядъ эти рукописные и литографированные журналы, убѣждаешься въ томъ, что зло не можетъ быть пафосомъ жизни. Въ этомъ именно наиболѣе интересная сторона творчества въ русской арміи. Если такъ, то тутъ неумѣстно предъявленіе строгихъ эстетическихъ требованій. Здѣсь нельзя найти звонкихъ рифмъ, музыкальныхъ созвучій, правильно построенныхъ сонетовъ и стройныхъ повѣствованій; размѣръ у молодыхъ поэтовъ часто обнаруживаетъ ихъ неумѣніе справиться съ довольно примитивными правилами стихосложенія, а обиліе глагольныхъ рифмъ можетъ непріятно оскорбить ухо цѣнителя поэзіи: поэтъ — воинъ вообще не Сирано де-

Бержеракъ, равно блестяще владѣющій своей длинной шпагой и стихомъ, но изъ нихъ первый подобенъ второму въ умѣніи перейти отъ грозныхъ явленій войны къ любованію міромъ, хотя и безъ красивой французской позы, но несомнѣнно со свѣжимъ и здоровымъ чувствомъ. Но Вальсингамовъ въ арміи нѣтъ. Въ ней больше чернорабочихъ войны. Эти переходы просты и естественны. Эстетика ужаснаго почти отсутствуетъ. Поэтъ-воинъ съ удовольствіемъ, какъ рабочій молотъ, откладываетъ на время мечъ и замѣняетъ его перомъ. Но онъ не любитъ говорить о битвахъ и ужасахъ войны: вѣдь это значило бы говорить о самомъ себѣ. Это не принято дѣлать въ арміи. Отсюда — полное отсутствіе самолюбованія, которое такъ непріятно и ярко господствуетъ надъ всѣмъ въ воспоминаніяхъ о войнѣ случайныхъ ея участниковъ. Кадровый воинъ со стыдливой, совсѣмъ казалось бы не свойственной ему, скромностью молчитъ о себѣ. Онъ проигралъ первую схватку страшнаго турнира гражданской войны и теперь онъ, поверженный, но еще не побѣжденный, рыцарь съ удовольствіемъ отдохнетъ, вѣря, что изъ предстоящихъ новыхъ схватокъ онъ выйдетъ побѣдителемъ. Прошлое ему вспоминается лишь какъ досадная неудача. Ее хочется забыть и потому онъ любитъ шутку и смѣхъ:

Съ тѣхъ поръ какъ мы сюда попали,
Завѣты старые храня,
Мы все, что можно, загоняли
И ночью, и при свѣтѣ дня.

Мы, истрепавшіе всѣ нервы,
Мы, не склонившіе главу,
Чтобы не ѣсть одни консервы,
Все загоняли на халву.

Переступивши всѣ предѣлы,
Загнали все до панталонъ,
И съ грустью смотрятъ Дарданеллы
На нашъ стремительный загонъ.

(«За рубежомъ» Е. Д.)

или:

Пустъ отдыхаютъ ваши нервы.
Ну-съ! не имѣя даже су,
Ѣдимъ французскіе консервы
И франко-русскую «камсу».

Порою слышимъ крикъ сержанта...
Спины коснется черный рабъ.
О, какъ велика ты, антанта,
А я ничтоженъ какъ и слабъ!

Отъ жизни скучной и унылой,
Впадая въ дружественный трансъ,
Кричу: «да здравствуетъ нашъ милый,
Нашъ у-ди-ви-тель-ный альянсъ!».

(«Эшафотъ».)

Въ удачномъ діалогѣ «толстаго» и «тонкаго» («Веселыя бомбы») передана вся тяжесть обстановки корпуса и его полуголоднаго состоянія: «тонкій» восхищенъ видомъ моря и далеко уходящаго широкаго пролива, но «толстый» тутъ же убиваетъ его восторгъ коварнымъ вопросомъ; знаетъ ли собесѣдникъ, что завтра къ обѣду ?—Быть не можетъ! не бобы ли ? — завершается испуганнымъ восклицаніемъ «тонкаго» діалогъ. И такъ же шутливо вспоминается вся прежняя тяжелая, голодная жизнь, когда даже историческая комиссія, работавшая въ части надъ ея исторіей, припоминаетъ мѣстечки, деревни и села не по атакамъ и дѣйствіямъ войскъ, а по съѣденнымъ тамъ въ свое время яичницамъ, арбузамъ и вареникамъ. А вотъ пожеланіе артиллеріи:

О! артиллерія родная!
Позволь одно мнѣ пожелать:
Для новой жизни воскресая,
Учись, голубушка, стрѣлять.

Увы, стрѣлять пока не изъ чего! И тутъ же подъ этимъ «злодѣйскимъ стишкомъ», упомянутая уже выше каррикатура «батарея на позиціи». Отъѣздъ въ Бразилію, лекціи объ этихъ далекихъ странахъ, недостатокъ одежды, сукна... все это вызываетъ беззлобную шутку. Но, онъ, воинъ, вовсе не такъ не глубокъ, какъ кажется, когда разсуждаетъ о пайкѣ, консервахъ, фасоли и шутитъ по поводу галлиполійской водки — «возвышающей душу мастики», инжира, халвы, разорванныхъ брюкъ и неугомонныхъ шакаловъ — «соловьевъ Дарданеллъ». Попробуйте подойти къ нему осторожно и умѣло, коснитесь затаенныхъ струнъ его сердца и зазвучитъ симфонія глубокой человѣческой скорби. Горе по утраченной родинѣ словно пронизываетъ сердца нѣкоторыхъ поэтовъ и даже у юноши вырывается такой страдальческій и молитвенный вопль:

За что же, Господи, такая намъ всѣмъ мука?
Зачѣмъ родныхъ церквей стихъ колокольный звонъ?

(«Константиновецъ», юнкеръ Мухановъ).

О возрожденіи Святой Руси, о ея широкихъ поляхъ, Матери Божьей-Заступницѣ, о возвращеніи возможности жить полной жизнью во всемъ многообразіи ея проявленій тайно мечтаютъ въ арміи. И въ ея творчествѣ совершенно ясно и опредѣленно горитъ религіозный пламень. Много стихосложеній посвящено молитвѣ, церквамъ Москвы, ставшей символомъ Россіи и, особенно часто, поэты слагаютъ строфы Богоматери.

Если подойдемъ къ военному творчеству именно съ указанной точки зрѣнія, будетъ найденъ ключъ къ пониманію всего ея психологическаго уклада, къ осознанію тѣхъ силъ, которыя заставляли эти десятки тысячъ людей четвертый годъ, безъ всякой для себя выгоды и при полной необходимости жертвовать всѣмъ, упорно бороться за возстановленіе Россіи. Ненависть гражданской войны вовсе не сосредоточена вокругъ закрѣпленія благъ матеріальныхъ. Израненые и «испытанные грозами бури боевой» воины, своимъ творчествомъ, да и всей своей жизнью, здѣсь свидѣтельствовали намъ, что это не такъ, что пафосъ ихъ борьбы—въ сохраненіи благъ духовныхъ. И такъ характерно для всего облика арміи, что объ одномъ изъ вождей ея, генералъ-лейтенантѣ Марковѣ, авторъ статьи о немъ, лично знавшій покойнаго, могъ сообщить слѣдующее: — «мало кто знаетъ, что суровая внѣшность воина, символизируемая въ первомъ походѣ папахой, кожаной курткой, рѣзкими словами, сочетались у него съ чуткостью души и любовью къ изящнымъ стихамъ» («Изгой» ст. полковника Реснянскаго).

Выброшенный взмахомъ историческихъ событій на Галлиполійскій полуостровъ, I-й армейскій корпусъ, этотъ Робинзонъ Крузо русской государственности, бережными руками собралъ все, что уцѣлѣло отъ кораблекрушенія и, подбирая каждую мелочь, не только выстроилъ себѣ кровъ и уставилъ свой домъ примитивною мебелью, но и создалъ свой храмъ, въ которомъ зажегъ молитвенную свѣчу. Впервые, находясь на досугѣ, онъ занялся своимъ дневникомъ и рисовалъ намъ свою жизнь, какъ таковую, взятую съ чисто семейной, субъективной точки зрѣнія. Но она была такъ цѣнна, эта субъективность, что кажется, чѣмъ болѣе ея на страницахъ журналовъ, тѣмъ интереснѣе послѣдніе. Журналы, преслѣдующіе задачи обще-литературныя, несмотря на массу труда приложеннаго редакціей и приглашеніе старыхъ журнальныхъ дѣятелей, выходили какъ то блѣднѣе и, въ общемъ, менѣе интересными, чѣмъ сшитые кое какъ нитками и написанные отъ руки сборники, въ бойкихъ статейкахъ которыхъ блещутъ искры неподдѣльнаго юмора и незаурядная наблюдательность.

Кто хочетъ ближе подойти къ арміи, познакомиться съ ней «по существу» (по удачному слову П. Б. Струве), увидѣть ее не сквозь строки журнальныхъ фельетоновъ и статей, тотъ съ удовольствіемъ войдетъ въ этотъ интимный ея уголокъ, прочтетъ и перечтетъ эти незамысловатые стихи и разсказы.

III.

Для болѣе полной характеристики творчества корпуса приводимъ образцы стиховъ и прозы.

Начнемъ съ общихъ переживаній:

Мое окно озарено закатомъ,
Послѣднимъ отблескомъ угаснувшаго дня,
Вокругъ меня все сумракомъ объято
И тотъ же сумракъ въ сердцѣ у меня.

Тотъ день душѣ, что мнѣ сулилъ такъ много
Въ часъ свѣтлаго восхода своего,
Къ закату не принесъ желаннаго итога
И не далъ... не далъ ничего.

Но вѣрю я, что новый день настанетъ
И этотъ день мнѣ силы вновь вдохнетъ
И новыхъ дастъ надеждъ, хоть можетъ и обманетъ,
Какъ этотъ, что угасъ... но все-таки взойдетъ.—

(«Лепта артиллериста», пор. В. Рутковскій).

Такъ наблюдаетъ за своими настроеніями двадцатилѣтній поэтъ, вѣроятно попавшій въ армію со школьной скамьи и нынѣ умершій въ Галлиполи.

А вотъ другіе стихи, говорящіе уже о сложной и разнообразной духовной жизни.

РИТМИЧЕСКІЕ СТОНЫ

Я живъ еще, но живъ, какъ въ летаргіи.
Я говорю, смѣюсь... какъ старый грамофонъ,
И, какъ на немъ, напѣвы литургіи
Смѣнить способенъ... вальсъ «Осенній сонъ».

ПОДЪ ВОЙ ШАКАЛА

Мнѣ рифмы простыя надоѣли,
Какъ дней названія въ недѣлѣ,
Какъ знакомой книги страницы
И въ колесахъ бѣгущія спицы.

Вой пріятнѣй тоскливый шакала —
Въ немъ вѣдь грусти, читатель, не мало.
Моря шумъ, или рѣчки роптанье,
Или ночи весенней молчанье.

Въ головѣ новой пѣсни мотивы,
Полной жизни, безумной, игривой,
Полной гордости, силы и нѣги,
Но скрипучей . . . какъ оси телѣги.

МЫСЛИ ИЗГНАНІЯ

Нужно быть вселюбящимъ, всезнающимъ,
Нужно душу имѣть гордую, но чуткую,
Нужно быть, какъ Христосъ, всепрощающимъ,
Титаномъ и тихимъ малюткою.

Ломать себя нужно, воспитывать,
Чтобы волю сдѣлать повелителемъ
И только на нее расчитывать,
Слезъ и слабости не считая спасителемъ.

Изогнуть себя нужно въ три погибели,
Испытать, изстрадаться, измучиться,
На краю смерти быть, на краю гибели,
Ибо тамъ лишь жизни научишься.

Горе дерзкой встрѣчая улыбкою,
Передъ счастьемъ склонять свою голову,
Сталью быть въ огнѣ гибкою
И не плавиться словно мягкое олово.

Душу вкладывать лишь въ безконечное,
Ибо духъ есть предѣлъ безконечности,
Ему рвеніе свойственно вѣчное
И спокойствіе найдетъ онъ... лишь въ вѣчности.

Но въ рѣшительный часъ напряженія,
Вселюбящимъ быть... всепрощающимъ;
Для себя лишь не знать извиненія,
Лишь себѣ быть судьею карающимъ.

(«Лепта артиллериста». Кап. Обремскій.)

Съ задушевными словами обращаются поэты къ тѣмъ, кто окончилъ свою жизнь въ Галлиполи.

Прежде всего описаніе кладбища:

Средь нивъ, разбросанныхъ по полю,
На возвышеніи мертвыхъ градъ
Лежитъ безмолвно входомъ къ морю
Съ колодцемъ каменнымъ у вратъ.

А среди кладбища сиротливо
Сѣрѣетъ памятникъ всѣмъ тѣмъ,
Кто тамъ покоится тоскливо,
Вкругъ возвышаясь надъ всѣмъ.

Издалека онъ виденъ съ моря
Среди полей, какъ перстъ одинъ,
Съ сквозящей скорбной думой горя
Трудовъ тяжелыхъ исполинъ.

На бѣломъ мраморѣ, живою
Въ немъ тѣнью нивъ родныхъ и селъ,
Паритъ недвижно надъ землею
Двуглавый царственный орелъ.

(Подпор. Малышевъ).

Другое стихотвореніе — передѣлка извѣстнаго въ свое время «Каменщика» В. Брюсова:

«Каменщикъ, каменщикъ въ фартукѣ бѣломъ,
Что ты стучишь тамъ киркою своей?»
— «Эй, не мѣшай, видишь — занятъ я дѣломъ:
Памятникъ строю изъ груды камней». —

Авторъ вновь спрашиваетъ:

«Каменщикъ, каменщикъ, въ фартукѣ бѣломъ,
Что ты за памятникъ строишь такой?
Кѣмъ, почему и надъ чьимъ же онъ тѣломъ
Будетъ воздвигнутъ твоею рукой»?

Отвѣтъ каменщика таковъ:

«Тѣмъ, кто въ могилахъ почилъ на кладбищѣ
Ставлю я памятникъ мой!
Крѣпокъ и проченъ онъ будетъ, дружище,
Скованный братской слезой.

Потомъ людскимъ я цементъ растворяю,
Стоны и плачъ межъ камнями кладу,
Мертвымъ отъ мертвыхъ я даръ воздвигаю,
Самъ надъ собой мавзолей возвожу».

(«Веселыя бомбы», Ештукъ,)

Умершимъ посвящены слѣдующія простыя строки:

Спокойно спите, вы, исполнивъ долгъ святой,
Долгъ правды истинный—народнаго спасенья.
О, Господи, пошли душѣ ихъ укрѣпленье
И на чужбинѣ ихъ съ святыми упокой.

(Сотникъ Старкъ.)

Выше уже говорилось о религіозныхъ настроеніяхъ въ творчествѣ арміи. А вотъ еще примѣры:

Пусть поруганы свѣточи въ бурные дни,
Дни позора святынь, убѣжденій распада!
Кто посмѣетъ сказать, что угасли они?
И не вспыхнутъ опять съ новой силой огни
Надъ страною, взыскующей Божьяго града.

(«Лепта артиллериста». Поручикъ К.).

Другой поэтъ увѣренъ:

Святая Русь отъ грѣшнаго напастья
Зажжетъ огонь у Господа Христа.

(«Константиновецъ», юнкеръ Мухановъ.)

Особенно интересны въ этомъ отношеніи не помѣщенные въ журналахъ стихи «Офицера русской арміи»:

Тяжелое бремя намъ дала судьба,
Тяжелую мрачную долю,
Но съ правымъ Господь нашъ вездѣ и всегда:
Въ кровавомъ бою
И въ чуждомъ краю
Поможетъ онъ нашему горю.

О сохраненіи арміи онъ же пишетъ такъ:

Русь православную,
Боже, избави
Нынѣ отъ гнета толпы!
Нынѣ въ борьбѣ святой,
Боже всесильный,
Армію нашу на вѣки храни.

Въ стихотвореніи «О Русь родная, какъ бы я хотѣлъ тебя увидѣть!» тотъ же авторъ, всходя на горы, видитъ сначала лагерь внизу, потомъ Галлиполи, Мраморное море и кажется ему, что если взлетѣть еще выше, то будетъ видна Россія. Къ оставшимся въ ней онъ обращаетъ взоръ:

Да дастъ вамъ жизнь Господь и Матерь Пресвятая,
Покровомъ васъ святымъ своимъ да осѣнитъ.
Всесильнаго рукой, о Русь моя, родная,
Тебя на подвигъ мирный Господь да возродитъ!

О Россіи мечтаютъ напряженно:

О какъ бы хотѣлъ быть я звѣздочкой малой,
Хотя бы изъ далека ихъ видѣть глазами:
Увидѣть за тысячи верстъ
Знакомыя хатки съ кривыми плетнями
И рядомъ убогій погостъ.

(Офицеръ русской арміи).

Ночь ли настанетъ — на голомъ полу,
Шинелью дырявой укрывшись,
Въ чуждомъ, далекомъ, турецкомъ краю.
О русскихъ поляхъ,
Лѣсахъ и горахъ
Во снѣ мы мечтаемъ забывшись.

(онъ же)

Поэты всѣ исповѣдуютъ скорое возрожденіе Россіи и требуютъ и отъ себя и отъ другихъ все новыхъ усилій, не признавая усталости:

До сихъ поръ я все не знаю,
Гдѣ предѣлъ пути?
Но упорно въ даль шагаю:
До конца хочу дойти.

(«Изгой». Иванъ Виноградовъ).

Мы — плѣнные орлы, у насъ устали крылья,
Врагъ побѣдилъ, но мы, какъ прежде, злы
И для послѣдняго, смертельнаго усилья
Готовы вновь летѣть мы, плѣнные орлы.

(Поручикъ Гурьевъ).

Злобы къ кому либо, кромѣ большевиковъ, въ стихахъ нѣтъ. Выше мы видѣли, съ какими словами обращаются поэты къ Россіи. Все творящееся въ ней рисуется имъ скорѣе какимъ то посланнымъ свыше несчастьемъ, а не плодомъ дѣятельности индивидуальной воли. Ненависть лишь къ тѣмъ, кто этимъ несчастьемъ пользуется.

Отношеніе къ мужику сочувственное и благодушное. За годы гражданской войны между арміей и крестьянами образовалась какая то особая близость, которую сразу трудно и замѣтить. Она ясно сквозитъ, напримѣръ, въ статьѣ одного изъ журналовъ «Подводчики». Послѣдніе сопутствуютъ арміи, перевозятъ ее, помогаютъ даже въ бояхъ; къ этимъ подводчикамъ обращается авторъ: — «мы, бойцы, шлемъ привѣтъ этимъ безчисленнымъ фигурамъ, разбросаннымъ по широкому югу Россіи съ кнутиками въ рукахъ: не поминайте лихомъ!» — (Лента артиллериста»).

Въ формѣ сказки М. Критскій даетъ описаніе тяжелыхъ дней «Галлиполійскаго сидѣнья».

И страшный годъ, въ который пало столько
Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
Едва оставилъ память о себѣ
Въ какой нибудь простой пастушьей пѣснѣ,
Унылой и пріятной ...

Точно эти слова имѣлъ въ виду авторъ, сводя сложные и запутанные вопросы современности къ простымъ словамъ «сказки нашихъ дней». Жгучая явь получила въ ней смягченное и умиротворяющее выраженіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, углублялась до символическаго значенія. Въ сказкѣ говорится о дружинѣ «со знаменемъ бѣлымъ», которой волею судебъ не дано было побѣдить смуту на Руси. Очутилась дружина у «заклятаго моря» въ «долинѣ смерти». Но не умерла она тамъ, хотя всѣ забрасывали ее каменьями. — Такъ было всегда и во всѣ времена. Только потомки изъ брошенныхъ камней въ пророковъ, алтарь небесамъ воздвигаютъ.

Во всемъ мірѣ только одна рука къ дѣтямъ и женамъ воиновъ дружины любовно протянулась:

«Матери дѣтямъ своимъ говорили: къ намъ помощь пришла изъ далекой страны, куда солнышко прячется на ночь; живетъ тамъ великій, свободный народъ. Онъ выстроилъ бѣлый хрустальный дворецъ: въ немъ яркія звѣзды, что съ неба скатились, хранятся. И дѣти подолгу смотрѣли на звѣзды».

Дружина воскресла въ «долинѣ смерти» и «укоромъ живымъ стояла предъ міромъ».

Преслѣдуемая всѣми, она отыскала завѣтный путь въ славянскія страны и скоро труба заиграетъ: «въ походъ собирайся».

Сказка заканчивается такъ:

«И сразу въ диковинномъ царствѣ вся жизнь потускнѣетъ, померкнетъ. Турки, арапы и греки въ сомнѣніи будутъ надолго—было явью, иль сномъ, что видѣли здѣсь у заклятаго моря».

Арапы подъ пальмой, въ странѣ эфіоповъ, разсказывать будутъ о воинахъ бѣлыхъ, приплывшихъ изъ дальней и полной чудесъ стороны. Тамъ долго земля и деревья подъ бѣлымъ пушистымъ покровомъ, а чистыя воды «тверды какъ алмазъ»; туда лебединая стая на гнѣзда летитъ; тамъ ночи бываютъ, какъ день и тамъ по раздольнымъ степямъ серебрится ковыль ...

Шехеразада разскажетъ калифу чудесную новую сказку про воиновъ долга и чести, про подвиги ихъ и страданья. Будетъ слушать калифъ, удивляться, а жены—вздыхать потихоньку, зачѣмъ ихъ скрывая чадра...

. . . . . .

Канутъ въ вѣчность вѣка и погибнутъ народы ... появятся новые царства, языки ... О прошломъ останется мало слѣдовъ, но сказки, былины минувшихъ столѣтій, жить будутъ помимо ученыхъ.

И сказку текущихъ мгновеній — «Дружина со знаменемъ Бѣлымъ» — будутъ разсказывать прадѣды внукамъ и правнукамъ... долго и долго...

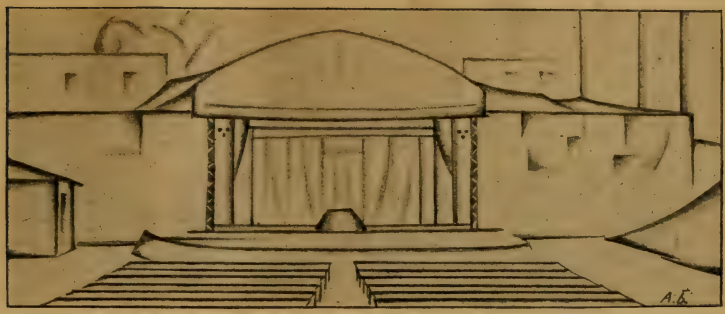
Какъ у большинства молодыхъ поэтовъ, въ стихахъ настроеніе господствуетъ надъ формой и потому нѣтъ противорѣчія между тѣмъ, что выражено въ стихахъ и въ прозѣ. Въ послѣдней встрѣчаемъ все тѣ же мысли и сравненія. Вотъ, напримѣръ, заключеніе одной статьи:

«Поднимемся до сознанія, что мы—русскіе, что мы остатокъ своей жизни посвятимъ безкорыстному служенію Россіи и за это оставляемъ себѣ право называться ея сынами. Надо очиститься отъ всего, что даетъ трещины въ душѣ и тѣлѣ нашей арміи и впредь нести знамя служенія родинѣ такъ рыцарски сурово, чтобы не было сомнѣнія ни для насъ, ни для враговъ Россіи. Это все, что намъ осталось. Много или мало — судите сами».

И вполнѣ понятно, что въ словахъ иного автора зазвучитъ грустная нота: — «а гдѣ то жизнь идетъ своимъ чередомъ. Тамъ радуются, волнуются, любятъ, живутъ... но насъ жизнь не трогаетъ. Сейчасъ мы внѣ ея».

Грусть эта хорошая, доброкачественная, она лишь свидѣтельствуетъ о жаждѣ жизни у молодого автора и такъ естественно тотчасъ же переходитъ въ сознаніе необходимости пожертвовать своей личной жизнью.

Да, далеко была жизнь и одиноко стоялъ на Галлиполійскомъ полуостровѣ 1-й армейскій корпусъ русской арміи. Рѣдко приставали сюда ладьи русскихъ людей! И вотъ, для тѣхъ, кто пожелалъ бы сейчасъ пріобщиться къ жизни арміи, нѣтъ лучшаго пути, чѣмъ знакомство съ ея творчествомъ. Не маякомъ сіяло оно съ полуострова плывущимъ въ морѣ путешественникамъ, но разбросанными по «долинѣ розъ и смерти» привѣтливо мерцающими «вечерними огнями» родного дома.



ТЕАТРЪ, МУЗЫКА И ПѢНІЕ

Съ первыхъ же дней по размѣщеніи корпуса, въ концѣ ноября и въ декабрѣ мѣсяцѣ 1920 г., были предприняты попытки устройства любительскихъ спектаклей. Штабъ корпуса пытался организовать общественный кинематографъ, но это начинаніе не удалось и послѣ перваго сеанса кинематографъ прекратилъ свою дѣятельность. Отдѣльные исполнители, пѣвцы и музыканты, находившіеся въ рядахъ арміи, устраивались въ кафе и ресторанахъ, выступая на эстрадѣ съ сольными номерами типа кабаре. Репертуаръ ихъ носилъ совершенно случайный характеръ — отъ пѣсенокъ Вертинскаго, цыганскихъ романсовъ и куплетовъ до Чайковскаго и Грига.

Такъ прошла зима.

Съ первыми же весенними днями почти всюду одновременно зародилась идея созданія театра и почти одновременно она въ разныхъ мѣстахъ получила практическое осуществленіе. Въ Марковскомъ полку еще въ началѣ марта составилась маленькая труппа кабаретнаго характера, выступавшая у себя въ офицерскомъ собраніи. Въ полку случайно нашлось два—три опереточныхъ артиста и первымъ явился пресловутый «хоръ братьевъ Зайцевыхъ», а вслѣдъ за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ шаржей и инсценировокъ, не требовавшихъ сложныхъ условій для постановки. Эта маленькая труппа стала ядромъ, изъ котораго развилась затѣмъ большая труппа полка, свыше двадцати человѣкъ.

Открытіемъ театральнаго сезона въ Галлиполи надо считать второй день Пасхи. Къ этому времени сформировались и начали сезонъ слѣдующія драматическія труппы: корпусная, игравшая въ лѣтнемъ театрѣ въ городѣ, труппа лагернаго сбора, такъ называемая дивизіонная, иг-

равшая въ лѣтнемъ театрѣ въ лагерѣ и полковыя труппы во всѣхъ полкахъ, за исключеніемъ Дроздовскаго. Въ послѣднемъ труппа сформировалась значительно позже и театръ открылся только въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить тѣ трудности, помимо отсутствія средствъ, которыя приходилось преодолѣвать почти всюду при постройкѣ и оборудованіи театровъ. Лучшей иллюстраціей этого можетъ служить исторія возникновенія самаго большого изъ театровъ — корпуснаго.

Труппа этого театра составилась частью изъ находившихся въ частяхъ войскъ артистовъ-профессіоналовъ, частью изъ любителей и насчитывала свыше тридцати человѣкъ. Если самая идея созданія театра встрѣтила сочувствіе, то для практическаго осуществленія ея никакихъ мѣръ, кромѣ разрѣшенія на выдѣленіе артистовъ изъ своихъ частей, командиръ корпуса предпринять не имѣлъ возможности. Отсутствіе помѣщенія не остановило артистовъ и они приступили къ постройкѣ театра исключительно собственными силами. Среди развалинъ древней цитадели была выбрана подходящая площадка и расчищена отъ завалившаго ея мусора и камней. Изъ земли и камней насыпали подмостки, сдѣлали выемку для оркестра и т. д. При этомъ, весь необходимый строительный матеріалъ собирался буквально съ міру по ниткѣ. Работать приходилось при полномъ отсутствіи инструментовъ: мотокъ колючей проволоки, напримѣръ, очищался отъ колючекъ... обыкновеннымъ гвоздемъ. Интендантство корпуса отпустило пятьдесятъ одѣялъ и небольшое количество простыхъ ящиковъ; американскій красный крестъ выдалъ нѣсколько штатскихъ костюмовъ, санитарныхъ халатовъ и отрѣзовъ матеріи, корпусный инженеръ удѣлилъ изъ своего склада одну треть старой палатки, начальникъ греческой жандармеріи разрѣшилъ использовать полученныя бревна и т. д.

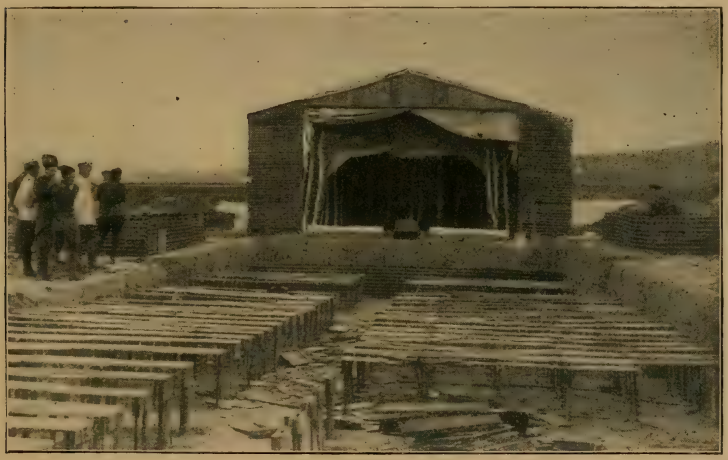
Начавшіяся работы по постройкѣ театра заинтересовали широкую публику и она, какъ могла стремилась чѣмъ нибудь помочь. Юнкера Александровскаго генерала Алексѣева военнаго училища добровольно предложили свой трудъ и въ теченіе недѣли превратили заваленную мусоромъ площадку въ зрительный залъ съ партеромъ, ложами, амфитеатромъ и галлереей. Это значительно ускорило работу и дало возможность артистамъ въ это время готовить репертуаръ. Выборъ репертуара съ первыхъ же шаговъ работы потребовалъ отъ всѣхъ артистовъ невольнаго участія въ коллективномъ творчествѣ. Пьесъ, кромѣ очень немногихъ, случайно захваченныхъ, не было: приходилось вспоминать игранныя ранѣе роли и уже по нимъ возстановлять цѣлыя пьесы. Наконецъ, постройка театра закончилась, театральный сезонъ открылся. Тогда же, какъ и всѣ культурныя начинанія, театръ получилъ единовременную денежную субсидію въ тысячу драхмъ (сумма эта впослѣдствіи была удвоена) отъ представительства В. З. С. и В. С. Г. Все же скудость въ матеріальныхъ средствахъ театра была настолько значительна, что вмѣсто вазелина или хотя-бы свинного сала, артисты для сня-

тія грима примѣняли ружейное сало, а овечья шерсть была использована для наклейки бородъ и усовъ.

Театръ сразу же собралъ большую аудиторію. Расположенный среди развалинъ, онъ былъ очень живописенъ и вмѣщалъ свыше тысячи зрителей.

Почти ту же эволюцію въ своемъ развитіи переживали всѣ театры корпуса: зародившись по частной иниціативѣ и вызванные къ жизни исключительно любовью къ дѣлу и трудомъ самихъ артистовъ, они встрѣчали матеріальную помощь лишь съ момента ихъ открытія.

Труппа корпуснаго театра, помимо спектаклей въ городѣ, выѣзжала и въ лагерь, гдѣ также былъ построенъ большой открытый театръ на двѣ



ЛАГЕРНЫЙ ТЕАТРЪ

съ половиной тысячи человѣкъ. Вскорѣ сорганизовалась своя дивизіонная труппа, вытѣснившая городскую.

Полковые театры къ этому времени также открылись, но въ меньшихъ размѣрахъ. Очень интересно былъ устроенъ театръ Марковскаго полка. Онъ размѣщался на склонѣ холма и полукруглый амфитеатръ былъ вырытъ прямо въ землѣ.

Репертуаръ большинства театровъ настолько разнообразенъ, что по нему трудно сдѣлать правильное представленіе о лицѣ театра и его направленіи. Недостатокъ въ пьесахъ отчасти объясняетъ отсутствіе планомѣрности въ репертуарѣ и оправдываетъ случайность въ составленіи его. Въ то же время у артистовъ замѣчалась тенденція во всемъ походить на «настоящій» большой театръ и играть какъ можно чаще. Театры ставили три, четыре новыхъ пьесы въ недѣлю, не всегда успѣвали

достаточно хорошо отдѣлать ихъ и въ репертуарѣ можно было встрѣтить отъ «Иванова Павла», «Тетки Чарлея» до архаизмовъ сцены, вродѣ «Ограбленной почты» и «Воровки дѣтей».

Въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ зародился русскій театръ, созданный изъ мелкихъ осколковъ сцены и любителей, раздѣлявшихъ съ арміей сумерки изгнанія, такая случайность въ репертуарѣ, конечно, была неизбѣжной.

Съ открытіемъ театральнаго отдѣла при мѣстной библіотекѣ, явилась возможность выбора пьесъ и въ репертуарѣ театра начала появляться извѣстная планомѣрность. Спѣшность постановокъ, вызванная огромнымъ спросомъ на зрѣлища, тоже, повидимому, была сознана самими артистами и вызывала у нихъ искреннее желаніе, отъ времени до времени, давать что нибудь цѣнное изъ отечественной драматургіи, отдѣланное съ возможной тщательностью. Изъ такихъ попытокъ можно назвать постановку «Царя Федора Іоанновича» А. Толстого, въ стильныхъ декораціяхъ и костюмахъ эпохи, присланныхъ Земскимъ Союзомъ изъ Константинополя.

Несмотря на многіе недочеты, корпусный и лагерный театры всегда имѣли огромную, едва вмѣщаемую ими, аудиторію. Изголодавшаяся по театру и духовно обнищавшая масса съ восторгомъ принимала даже не всегда хорошо поданную пьесу. Она искренно хохочетъ надъ грубымъ шаржемъ въ комедіи, прощаетъ незнаніе текста «Ревизора», а «Слезы счастья и радости» въ финалѣ старой мелодрамы находятъ также искренній откликъ въ ея душѣ.

Труппа корпуснаго театра насчитывала около 15 человѣкъ артистовъ-профессіоналовъ. Болѣе или менѣе крупныхъ именъ не было, но нѣкоторые изъ артистовъ обладали солиднымъ сценическимъ стажемъ: въ десять, пятнадцать и даже свыше двадцати лѣтъ.

Театромъ поставлено свыше восьмидесяти спектаклей. Вотъ его основной репертуаръ: Островскій: «Безъ вины виноватые», «Волки и овцы», «На бойкомъ мѣстѣ», «Въ чужомъ пиру похмелье», «Гроза», «Доходное мѣсто», «Бѣшеныя деньги», «Женитьба Бѣлугина», Рышковъ: — «Змѣйка», «Первая ласточка», «Начало карьеры», Чеховъ: — «Вишневый садъ», «Юбилей», «Свадьба», «Медвѣдь» и «Предложеніе». Гоголь: — «Ревизоръ», Андреевъ: — «Тотъ, кто получаетъ пощечины», Арцыбашевъ «Ревность», Найденовъ: — «Дѣти Ванюшина», Сургучевъ: — «Торговый домъ», А. Толстой: — «Царь Федоръ Іоанновичъ», Мольнаръ: — «Чортъ».

Ставились также передѣлки «Обрыва», «Ограбленная почта», водевили съ пѣніемъ: «Ивановъ Павелъ», «Чихающій покойникъ» и фарсы съ переодѣваніемъ: — «Тетка Чарлея», «Любовь испанки» и т. д.

Изъ нихъ наибольшее число спектаклей выдержалъ фарсъ «Любовь испанки» — 6 спектаклей, затѣмъ «Тетка Чарлея» — 4 раза. Островскій, Рышковъ, Арцыбашевъ выдерживали по 2-3 спектакля, а «Вишневый

садъ» раздѣлилъ участь «Ограбленной почты» и прошелъ только одинъ разъ.

Гораздо интереснѣе и самобытнѣе были полковые театры. Тамъ составъ труппы комплектовался въ предѣлахъ своего полка и удѣльный вѣсъ этихъ труппъ въ художественномъ отношеніи всецѣло зависѣлъ отъ наличія въ полку опытныхъ руководителей, удачнаго подбора исполнителей и любви къ дѣлу. — Задачи и цѣли этихъ театровъ были проще и примитивнѣе и потому осуществленіе ихъ удачнѣй. На первый планъ выдвигалось развлеченіе и постановки ограничивались небольшими инсценировками, злободневными куплетами, частушками, водевилями и т. д. Нѣкоторые изъ театровъ эволюціонировали (марковскій театръ) и перешли къ многоактнымъ пьесамъ.

Въ театрахъ Алексѣевскаго и Корниловскаго полковъ репертуаръ также былъ случайнымъ. Первый театръ спеціализировался на пьесахъ «Revue», гдѣ въ каррикатурной формѣ находили отраженіе на ряду со случаями повседневной полковой жизни и злободневныя политическія событія. Во второмъ — гвоздемъ спектаклей всегда являлся прекрасный хоръ корниловцевъ, солисткой въ которомъ очень часто выступала Н. В. Плевицкая.

Совершенно особое и исключительное мѣсто среди всѣхъ театровъ корпуса занималъ театръ Дроздовскаго полка. Во главѣ его стоялъ поручикъ-художникъ и капитанъ—бывшій провинціальный актеръ. Труппа едва насчитывала десять человѣкъ. Этотъ маленькій театръ, былъ прежде всего, театромъ хорошаго вкуса, не для широкой публики и, судя по взятому имъ курсу, — театромъ большихъ возможностей. Въ репертуарѣ — инсценировки разсказовъ Чехова, стилизованныя постановки произведеній полковыхъ поэтовъ и цѣлый рядъ интимныхъ миніатюръ, въ которыхъ творчество автора и артиста сливались воедино. Каждая программа конферировалась стильнымъ Пьеро.

Въ этомъ театрѣ отъ устройства сцены до послѣднихъ мелочей во всемъ сказывалась горячая любовь къ дѣлу, подлинное творчество и благородный вкусъ. Въ маленькой пьескѣ стиля «Empire» можно было, напримѣръ, увидѣть, на фонѣ выдержанной декораціи и мебель, сдѣланную изъ консервныхъ ящиковъ, правда, выбѣленную извѣстью, но выдержанную въ томъ же стилѣ вплоть до нарисованныхъ на обивкѣ характерныхъ вѣночковъ.

Всѣ корпусные театры, за рѣдкими исключеніями давали спектакли безплатно. Для покрытія вечеровыхъ расходовъ разрѣшалось продавать лишь строго ограниченное число билетовъ. При общемъ безденежьи на эти платныя мѣста установились слѣдующія цѣны: въ лагерѣ отъ 5 лептъ до одной драхмы и въ городѣ отъ 20 лептъ до 4 драхмъ.

За весь сезонъ корпусному театру на улучшеніе постановки дѣла было разрѣшено дать четыре платныхъ спектакля и средній сборъ отъ этихъ спектаклей не привысилъ пятисотъ драхмъ на кругъ. Обычно же

средній сборъ этого театра достигалъ 30-40 драхмъ при вечеровомъ расходѣ въ 60-65 драхмъ.

Всѣ театры корпуса, по мѣрѣ силъ своихъ, — одни лучше, другіе слабѣе — несомнѣнно выполняли большую культурную работу. Лучшимъ показателемъ этого можетъ служить та огромная аудиторія, которую они всякій разъ собирали, да и самый фактъ существованія театра много говоритъ самъ по себѣ.

Попутно съ развитіемъ театральной жизни, при группѣ объединенныхъ художниковъ организовался музыкальный кружокъ. Составился отлично сыгравшійся секстетъ. Кружокъ давалъ частые концерты въ греческомъ клубѣ, пользуясь большимъ успѣхомъ у мѣстнаго населенія, а также выѣзжалъ на гастроли въ сосѣдніе городки и селенія.

Въ Галлиполи между прочимъ находились, раздѣлявшія участь съ мужьями-офицерами русской арміи, извѣстная комедійная артистка Е. М. Астрова и артистка петроградскаго Александринскаго театра Н. Г. Коваленская. Первая при эвакуаціи изъ Крыма утратила весь свой сценическій гардеробъ и потому за все время пребыванія въ Галлиполи выступила только два раза въ несложномъ водевилѣ «Благотворительница». Вторая же выступала довольно часто въ труппѣ корпуснаго театра и лучшими постановками этого театра надо считать пьесы съ ея участіемъ — «Гроза» Островскаго, «Тотъ, кто получаетъ пощечины» Андреева и «Обрывъ» по роману Гончарова.

Кромѣ театра всюду въ частяхъ войскъ удѣлялось большое вниманіе хоровому пѣнію и музыкѣ. Въ каждомъ полку и во всѣхъ военныхъ училищахъ имѣлись прекрасно спѣвшіеся хоры, которые помимо церковныхъ службъ, часто устраивали концерты, также охотно посѣщавшіеся мѣстнымъ населеніемъ. Въ программахъ этихъ концертовъ народная пѣсня занимала центральное мѣсто, исполнялись и лучшія хоровыя произведенія Архангельскаго, Чайковскаго, Ипполитова-Иванова, Гречанинова и др. композиторовъ.

Обычное отсутствіе оркестра или аккомпанирующаго инструмента дало толчекъ къ развитію широкаго примѣненія аккомпанимента самимъ же хоромъ. Интродукція и сопровождающіе мелодію аккорды передаются самимъ хоромъ, при этомъ порою достигается изумительная нюансировка.

Лучшими изъ полковыхъ хоровъ являлись: алексѣевскій и корниловскій. Очень хорошъ былъ также небольшой по численности, но прекрасно спѣвшійся хоръ ремонтнаго эскадрона.

При штабѣ корпуса былъ организованъ большой смѣшанный хоръ, такъ называемая «Капелла I-го армейскаго корпуса». Капелла эта давала частые концерты въ греческомъ клубѣ, пользовалась большимъ успѣхомъ, но, къ сожалѣнію, просуществовавъ четыре мѣсяца, распалась.

Первымъ русскимъ концертомъ въ Галлиполи явился духовный концертъ хора Корниловскаго полка, устроенный имъ на третій день по

прибытіи корпуса въ Галлиполи въ армянской церкви. Для большей популяризаціи русскаго хороваго пѣнія на этомъ концертѣ было исполнено «Отче нашъ» (музыка Чайковскаго) на греческомъ языкѣ. Вслѣдъ за нимъ русское хоровое пѣніе сразу же стало покорять себѣ греческое и турецкое населеніе. Кромѣ того, хоръ Корниловскаго полка, по прибытіи въ Галлиполи, нѣкоторое время пѣлъ въ греческой церкви на богослуженіяхъ мѣстнаго митрополита и въ скоромъ времени сталъ исполнять всю литургію на греческомъ языкѣ. Прекрасное исполненіе русскихъ церковныхъ композиторовъ въ переводѣ пѣснопѣній на родной языкъ привлекало въ церковь много грековъ исключительно для того, чтобы послушать пѣніе. Послѣ этого корниловскій хоръ далъ рядъ концертовъ въ греческой церкви, армянской школѣ и греческомъ клубѣ. Концерты всякій разъ проходили съ большимъ успѣхомъ, привлекая мѣстное населеніе, главнымъ образомъ грековъ. Нѣсколько рѣже, но съ тѣмъ же успѣхомъ давалъ концерты и хоръ Алексѣевскаго полка.

Отсутствіе музыкальныхъ инструментовъ на мѣстномъ рынкѣ послужило крупнымъ препятствіемъ къ развитію музыкальной жизни. При эвакуаціи Крыма духовые инструменты были вывезены только нѣкоторыми частями и въ нихъ тотчасъ же по размѣщеніи составились не большіе, но дружно сыгравшіеся оркестры, объединившіе музыкальныхъ людей и притомъ съ хорошимъ вкусомъ, такъ какъ при отсутствіи нотъ, когда партитуру приходилось возстанавливать по памяти, они не гнались за набившей оскомину дешевкой, а отнеслись къ выбору репертуара очень продуманно. Таковы, напримѣръ, оркестры Сергіевскаго военнаго училища, Корниловскаго и Дроздовскаго полковъ и хоры трубачей кавалерійскихъ полковъ.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ дѣлались попытки созданія оркестровъ уже здѣсь, въ Галлиполи. При общемъ безденежьи на это удѣлялись послѣдніе гроши. Такъ, Техническій полкъ за 200 турецкихъ лиръ купилъ изношенный, пришедшій въ полную негодность и проданный на ломъ комплектъ духовыхъ инструментовъ, ремонтировалъ ихъ собственными средствами, замѣняя недостающія металлическія части деревомъ или рогомъ и черезъ двѣ недѣли выступилъ передъ публикой.

Въ Марковской инженерной ротѣ, гдѣ совсѣмъ не было средствъ, а любовь къ музыкѣ была сильна, собственнымъ трудомъ музыкантовъ былъ сдѣланъ полный комплектъ для большого хора балалаечниковъ — свыше двадцати инструментовъ. Матеріаломъ служили укупорочные ящики изъ подъ консервовъ, проволока телеграфнаго кабеля и прочее, что попадало подъ руку. Примитивность рабочихъ инструментовъ (перочинный ножъ и рубанокъ) не мѣшала любовной отдѣлкѣ и художественному украшенію выпускаемыхъ балалаекъ. Одна изъ такихъ балалаекъ экспонировалась на кустарно-художественной выставкѣ въ Галлиполи.

При подержкѣ В. З. С. явилась возможность не только расширить

производство балалаекъ, снабжать ими мѣстный рынокъ и другія части войскъ, но и усовершенствовать ихъ музыкальность, примѣняя готовыя фабричныя струны и нарѣзные металлическіе колышки вмѣсто деревянныхъ.

Созданный съ такимъ трудомъ хоръ объединилъ въ себѣ все дѣйствительно музыкальное въ ротѣ и это сказалось на его прекрасно подобранномъ репертуарѣ: Чайковскій, Шубертъ, Венявскій и много аранжировокъ Андреева.

Заканчивая этотъ краткій очеркъ, нельзя не упомянуть о русской пѣснѣ въ Галлиполи, раздававшейся повсюду.

Поютъ юнкера, выходя на ученье и возвращаясь съ него, поютъ всѣ войсковыя части, поютъ за работой и во время отдыха, поютъ отдѣльныя группы, сидя вечеромъ у непривѣтливаго моря... Могучая русская пѣсня, широкая какъ степь, заволакиваетъ и боль тоскующаго по родинѣ сердца и горечь печальной дѣйствительности. Она захватываетъ собою не только русскую душу, но проникаетъ и въ толщу мѣстнаго населенія и своимъ обаяніемъ невольно покоряетъ его.

Услышитъ дома старый турокъ ставшій ему знакомымъ мотивъ, прислушается и скажетъ:

— Юнкеръ...

Выглянетъ и улыбнется. Доволенъ, что не ошибся. Это дѣйствительно идетъ та же юнкерская рота, что обычно мимо его лавченки проходитъ съ пѣсней на занятія...

А турецкіе мальчики, играя въ солдатики, подаютъ команды по русски и, маршируя, лихо поютъ:

«Мама, мама,
Что мы будемъ дѣлать».

А то, собравшись на улицѣ, бѣгутъ за идущей на ученье командой и просто подпѣваютъ.

Популярны среди марширующихъ солдатъ нашѣвы оперетокъ, а учебная команда Дроздовскаго полка поетъ даже куплеты тореадора изъ оперы «Карменъ».

Прежняя казарменная пѣсня безслѣдно вытѣсняется. Наибольшее развитіе получили патріотическія пѣсни, въ которыхъ нашелъ отраженіе весь періодъ добровольчества съ ледянаго похода до нашихъ дней. Корниловцы традиціонно поютъ на вечерней повѣркѣ свой маршъ:

«Пусть вокругъ одно глумленье,
Клевета и гнетъ,
Насъ, корниловцевъ, презрѣнье
Черни не убьетъ.

Припѣвъ: Впередъ на бой,
Впередъ на бой,
На бой, открытый
Бой.

Русь могучую жалѣемъ,
Намъ она кумиръ.
Мы одну мечту лелѣемъ:
Дать Россіи миръ.

(Припѣвъ)

Вѣримъ мы — близка развязка.
Съ чарами врага
Упадетъ съ очей повязка
У Россіи — да!

(Припѣвъ).

Русь пойметъ, кто ей измѣнникъ,
Въ чемъ ея недугъ
И что въ Быховѣ не плѣнникъ
Былъ, а вѣрный другъ.

(Припѣвъ).

За Россію и свободу!
Если въ бой зовутъ,
То корниловцы и въ воду
И въ огонь пойдутъ.

(Припѣвъ).

Маршъ этотъ написанъ въ январѣ 1918 года въ Ростовѣ прапорщикомъ пулеметной роты Корниловскаго полка А. П. Кривошеевымъ. Выборъ мотива (Сербскій маршъ, муз. Архангельскаго) былъ совершенно случаенъ; основаніемъ для этого послужило то обстоятельство, что въ формировавшейся тогда Добровольческой арміи и, въ частности, въ ротѣ автора марша было много балканскихъ славянъ, хорошо знавшихъ этотъ мотивъ

Очень популяренъ у корниловцевъ и «Призывъ» того же автора, который они поютъ въ походахъ. Мотивъ очень ритмиченъ и тоже скомпанованъ въ полку.

«ПРИЗЫВЪ»

«Въ комъ есть сознанье ясное
И мужество въ груди,
Подъ знамя черно-красное
Къ корниловцамъ иди!

Подъ знамя черно-красное
Кто здравъ и не уродъ,
Въ комъ есть желанье властное
Спасти родной народъ.

Кто не дитя безгласное
И кто не рабъ судьбы —
Подъ знамя черно-красное
Для жертвы и борьбы!

За свѣтлое, прекрасное
Россіи впереди,
Подъ знамя черно-красное,
Къ корниловцамъ иди.

Крѣпко держится, подвергнувшись нѣкоторымъ незначительнымъ варіантамъ и походная пѣсня первыхъ дней добровольчества, отъ которой вѣетъ ароматомъ юношескихъ грезъ и благородствомъ чистаго сердца. Это пѣсня «Студенческаго батальона» партизанскаго отряда. Она поется всюду въ частяхъ съ замѣной слова «студенты» словомъ «сыны»:

«Вспоили насъ и вскормили
Отчизны родныя поля,
И мы беззавѣтно любили
Тебя, святая Русь, зёмля!

(Припѣвъ).

Теперь же грозный часъ борьбы насталъ, насталъ,
Коварный врагъ на насъ напалъ, напалъ.
И каждому кто Руси сынъ, кто Руси сынъ —
На бой кровавый путь одинъ, одинъ...

Студенты Россіи великой,
Мы помнимъ завѣты отцовъ,
Погибшихъ за край нашъ родимый
Достойною смертью бойцовъ.

(Припѣвъ).

Мы были мечтою счастливы,
Мечтою тебѣ посвятить
Души и ума всѣ порывы
И кровью тебя оросить.

(Припѣвъ).

Пусть каждый и вѣритъ и знаетъ:
Блеснутъ изъ за тучи лучи,
И радостный день засіяетъ,
И въ ножны мы вложимъ мечи.

(Припѣвъ).

Впередъ, впередъ смѣлѣе!
Пріюты наукъ опустѣли,
Студенты готовы въ походъ.
Такъ за отчизну къ завѣтной цѣли
Пусть каждый съ вѣрою идетъ.

(Припѣвъ).

Не забыта и частушка времен перваго похода, «Журавель», но она постепенно вытѣсняется новымъ жанромъ — «пѣснями улицы».

Бѣлый крестикъ на груди:
То Корниловъ впереди.

Припѣвъ:

Журавель мой журавель,
Журавушка молодой.
Размалеванъ какъ плакать:
То Корниловскій солдатъ

(Припѣвъ).

Теперь эта частушка поется, главнымъ образомъ, въ интимныхъ собраніяхъ, причемъ присутствующіе поочередно выводятся въ ней дѣйствующими лицами.

Можно услышать иногда и просочившуюся черезъ фронтъ частушку, распространенную въ Совдепіи, на мотивъ, рождённаго базаромъ и глухой улицей большого города, «Яблочка». Занесена эта частушка плѣнными красноармейцами и, вѣроятно, въ видахъ реабилитаціи выливается иногда въ такой куплетъ:

Я на бочкѣ сижу,
Бочка вертится.
Я у Врангеля служу
Ленинъ сердится.

Припѣвъ:

Эхъ, яблочко сбоку красное,
А что Врангель придетъ — дѣло ясное.

Этотъ продуктъ подлиннаго пролетарскаго творчества къ счастью широкаго распространенія въ арміи не получилъ и совершенно тонетъ въ морѣ такихъ глубокихъ по силѣ и патріотизму пѣсенъ, какъ:

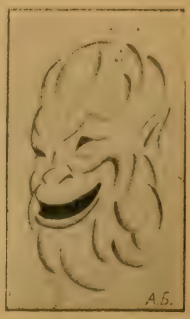
Пусть свищутъ пули, льется кровь,
Пусть смерть несутъ гранаты,
Мы снова двинемся впередъ:
Мы русскіе солдаты.

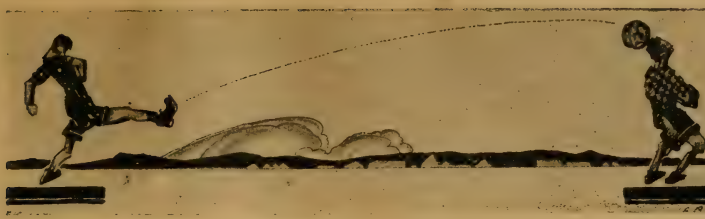
Въ насъ духъ отцовъ—богатырей
И дѣло наше право —
Сумѣемъ честь мы отстоять
Иль умереть со славой.

Мужайтесь матери, отцы
Терпите жены, дѣти —
Для блага родины святой
Забудемъ все на свѣтѣ.

Не плачь о насъ, Святая Русь,
Не надо слезъ, не надо!
Молись за павшихъ и живыхъ:
Молитвы намъ награда.

Впередъ же, братья, на врага!
Впередъ полки лихіе.
Господь за насъ: мы побѣдимъ!
Да здравствуетъ Россія!





СПОРТЪ

Неугасшій, несмотря на тяжелыя испытанія, духъ борьбы, вошедшій въ плоть и кровь арміи, явился однимъ изъ главныхъ стимуловъ въ развитіи спорта въ Галлиполи. Въ массѣ арміи волевое начало не могло долго оставаться пассивнымъ и спортъ въ тѣхъ грандіозныхъ формахъ, въ какія онъ вылился, дѣйствительно представлялъ собою предохранительный клапанъ для неиспользованной въ борьбѣ энергіи.

Развитіе всѣхъ видовъ спорта въ арміи сразу же получило планомѣрный характеръ. Это выражается прежде всего въ учрежденіи приказомъ по корпусу (14 января 1921 года) Гимнастическо-фехтовальной школы.

Программа школы, тождественная программѣ прежней Петроградской главной гимнастическо-фехтовальной школы, имѣла своею цѣлью поднять физическое развитіе воинскихъ чиновъ и правильно поставить спортивное дѣло во всѣхъ частяхъ корпуса. Поэтому, главной задачей школа поставила подготовку для частей корпуса кадра инструкторовъ по различнымъ отдѣламъ спорта; кромѣ того, при школѣ велись вечернія занятія по гимнастикѣ, фехтованію и другимъ отдѣламъ физическаго развитія.

Условія, при которыхъ началась дѣятельность школы, были самыя неблагопріятныя — холодное зимнее время, сильные вѣтры и полное отсутствіе средствъ и какихъ либо матеріаловъ: явленіе, ставшее въ условіяхъ галлиполійской жизни бытовымъ.

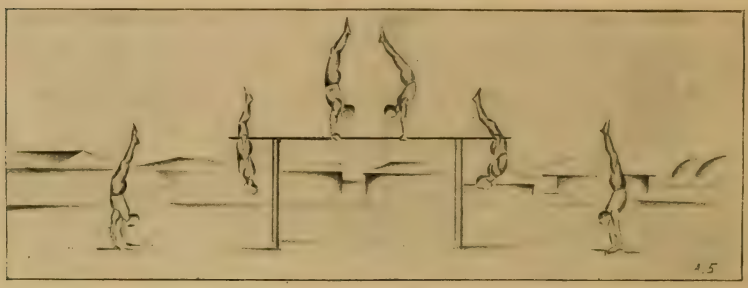
Подъ помѣщеніе для офицеровъ школы была занята брошенная полуразрушенная турецкая баня съ разобранной наполовину крышей, сырая и грязная.

Гимнастическіе снаряды изготовлялись изъ подручнаго матеріала: турникъ сдѣланъ изъ брошенной гнутой трубы, параллельные брусья изъ рельсъ (дековильки), желѣзныя гимнастическія палки — изъ винтообразныхъ стоекъ, что примѣняются въ проволочныхъ загражденіяхъ, кольца подвѣшены на двухъ дышлахъ французской двуколки, оттяжками служила колючая проволока, первыя маски для фехтованія

были сдѣланы изъ стараго рѣшета. рапиры — изъ стального стержня, гарды—изъ панцырей пойманныхъ въ окрестностяхъ Галлиполи черепахъ и т. д. Всѣ снаряды и полное оборудованіе школы всѣмъ необходимымъ сдѣлано безъ спеціальныхъ инструментовъ, исключительно руками офицеровъ постояннаго состава.

Значительно позже матеріальная помощь была оказана школѣ отпускомъ разныхъ вещей и предметовъ отъ корпуснаго интенданта и корпуснаго инженера.

Къ 20 февраля былъ собранъ первый курсъ перемѣннаго состава школы въ числѣ 93 офицеровъ отъ разныхъ частей корпуса. И сразу же



ГРУППА ОФИЦЕРСКОЙ ФЕХТОВАЛЬНОЙ ГИМНАСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

съ увеличеніемъ численнаго состава возростаетъ дѣятельность школы по окончательному оборудованію. Устраиваются жилища для прибывшихъ офицеровъ, строятся гимнастическіе костюмы, устраивается гимнастическая площадка, прорываются глубокія канавы, насыпается высокій земляной валъ, устраивается ограда и проч. Занятія въ школѣ ведутся по установленнымъ программамъ и выработанному ежедневному расписанію. Обучающими офицерами-инструкторами были лица, окончившія въ Петербургѣ Главную гимнастическо-фехтовальную школу, а затѣмъ кадръ инструкторовъ пополнился офицерами, окончившими первый курсъ гимнастическо-фехтовальной школы 1-го корпуса.

Предметы преподаванія выдѣлены въ двѣ отдѣльныя группы: практическіе предметы: 1) гимнастика, 2) полевая гимнастика, 3) фехтованіе на эспадронахъ, на штыкахъ и на рапирахъ, 4) легкая атлетика (метаніе, прыжки и бѣгъ), 5) рубка, 6) спортивныя игры, 7) военный строй, 8) морской спортъ, 9) французская борьба и боксъ. Теоретическіе предметы: 1) анатомія и физіологія, 2) гигіена и подача первой помощи, 3) теорія гимнастики и фехтованія, 4) теорія гимнастики и спорта. Система гимнастики чешская, доктора Тырша.

Проходилось также наставленіе для обученія войскъ гимнастикѣ 1910 года въ полномъ его объемѣ съ нѣкоторыми добавленіями и измѣненіями.

Принятый на занятіяхъ костюмъ — нормальный гимнастическій: тѣльникъ съ красными кантами, на груди черный двуглавый орелъ, темно-синіе брюки съ національной лентой вмѣсто пояса и гимнастическія туфли.

Интересно отмѣтить нѣкоторыя детали постройки гимнастическихъ костюмовъ. Вязанное бѣлье, полученное отъ корпуснаго интенданта перекрашивалось въ мѣстныхъ греческихъ красильняхъ въ темно-синій цвѣтъ; красные англійскіе платки служили матеріаломъ для кантовъ на тѣльникѣ, а также шли на составную часть національнаго пояса: гимнастическія туфли изготовлялись изъ мѣшечковъ, извлеченныхъ

ВОЛЬНЫЯ ДВИЖЕНІЯ

изъ брошеннаго турецкаго склада, въ которомъ хранились противогазовыя маски; подошвы за отсутствіемъ кожи дѣлались изъ вывернутой овчины отъ старыхъ полушубковъ; можно было также встрѣтить подошвы, сдѣланныя изъ жести консервныхъ банокъ.

Занятія гимнастикой велись все время на гимнастической площадкѣ, такъ какъ никакихъ крытыхъ помѣщеній школа не имѣла. Детали описанія различныхъ отдѣловъ физическаго развитія и спорта заняли бы очень много мѣста, поэтому достаточно указать слѣдующее рабочее время въ недѣлю для каждаго обучающагося въ школѣ:

Полевая гимнастика (система русская, примѣнительно къ уставу полевой службы) — 3 часа; фехтованіе на эспадронахъ (система итальянская) — 6 часовъ; легкая атлетика — 5 часовъ; фехтованіе на штыкахъ (система русская) — 3 часа; рубка (система русская) — 3 часа; спортивныя игры (классическія и принятыя въ Россіи и за границей) — 3 часа;

военный строй — I часъ; лекціи врачей — 4 часа; теорія гимнастики и фехтованія — 2 часа.

Кромѣ того, для желающихъ ежедневно вечеромъ преподавалась французская борьба. Ежедневно передъ вечеромъ происходили обязательныя инструкторскія занятія съ инструкторами школы и еженедѣльно, по субботамъ, собирался дисциплинарно-педагогическій комитетъ.

Режимъ для всѣхъ строго и точно опредѣлялся расписаніемъ дня. Результаты школьныхъ занятій начали сказываться по истеченіи перваго мѣсяца обученія. Не лишены интереса приводимыя ниже данныя, взятыя изъ медицинской книги осмотра офицеровъ съ момента поступленія въ перемѣнный составъ школы.

На первомъ курсѣ школы обучалось 76 человѣкъ.

Медицинскій осмотръ 15 марта далъ слѣдующіе результаты:

Ростъ максимальный	182,5 сан.
Ростъ минимальный	160 „
Объемъ груди максимальный:	
при полномъ вдохѣ	106,5 сан.
при полномъ выдохѣ	100 „
Объемъ груди минимальный:	
при полномъ вдохѣ	82 сан.
при полномъ выдохѣ	78 „
Наименьшая разница при полномъ вдохѣ и выдохѣ у 100% офицеровъ школы	7 сан.
Наибольшая разница при полномъ вдохѣ и выдохѣ	15,5 сан.
Пульсъ, въ среднемъ	72-80 „

Вторичный осмотръ былъ произведенъ по истеченіи мѣсяца проведеннаго въ регулярной систематической работѣ, при несомнѣнно ненормальномъ питаніи, хотя и при нѣсколько увеличенномъ пайкѣ хлѣба (750 граммъ на одного человѣка). Результаты вторичнаго осмотра были слѣдующіе: объемъ груди при полномъ вдохѣ 110 с., при полномъ выдохѣ — 100,5. Въ сравненіи съ первымъ измѣреніемъ отмѣчается развитіе грудной клѣтки въ положительную сторону на 4 сантиметра.

Минимальный объемъ груди: при полномъ вдохѣ 89 сант., при полномъ выдохѣ —85 сантиметровъ, что показываетъ въ сравненіи съ первымъ измѣреніемъ развитіе грудной клѣтки въ положительную сторону на 7 сантиметровъ.

Наибольшая разница при полномъ вдохѣ и при полномъ выдохѣ 19 сантиметровъ, т. е. увеличеніе на 3,5 сантиметра.

Наблюденіе за пульсомъ во время первыхъ упражненій въ бѣгѣ на дистанцію отъ 200 до 500 метровъ, при продолжительности бѣга отъ 1½ до 3 минутъ, показало: максимальный пульсъ 180 ударовъ въ минуту и минимальный — 120. Послѣ мѣсячной тренировки цифры рѣзко мѣняются: максимальный доходитъ до 144 ударовъ въ минуту и минимальный — 108; при этомъ продолжительность бѣга была увеличена до 5-ти минутъ, а дистанція до 800 метровъ.

Наружный осмотръ также отмѣчаетъ значительное улучшеніе: здоровый цвѣтъ лица, правильная, улучшенная координація въ движеніяхъ и т. д.

Правда, среди офицеровъ школы были случаи сильнаго переутомленія при интенсивной работѣ и при отсутствіи нормальнаго питанія. Но по мѣрѣ того, какъ школа встрѣчала поддержку со стороны представительства Всероссійскаго земскаго союза и другихъ лицъ и учрежденій, старавшихся возможно поддержать постановку правильнаго физическаго воспитанія въ корпусѣ, работа и жизнь школы рѣзко измѣнилась къ лучшему. Это сразу сказалось и на вновь поступившихъ въ школу офицерахъ.

Къ этому времени популярность школы возросла настолько, что, ввиду большого наплыва желающихъ поступить въ нее, пришлось установить вступительный экзаменъ. Изъ 311 офицеровъ, державшихъ этотъ экзаменъ, было принято 104 человѣка. Вмѣстѣ съ прежними первокурсниками, оставленными для продолженія работы при школѣ, перемѣнный составъ ея достигъ 148 офицеровъ.

Теплое время года и улучшеніе питанія на пунктѣ Всероссійскаго земскаго союза не могли не отразиться на состояніи здоровья офицеровъ школы. Медицинскій осмотръ 26 мая 1921 года далъ слѣдующіе результаты:

Ростъ максимальный	189,5 сан.
Ростъ минимальный	156 „
Максимальный объемъ груди:	
при полномъ вдохѣ	111,5 сан.
при полномъ выдохѣ	109,5 „
Минимальный объемъ груди:	
при полномъ вдохѣ	90 сан.
при полномъ выдохѣ	83,5 „
Наименьшая разница при полномъ вдохѣ и выдохѣ	7 сан.
Наибольшая разница при полномъ вдохѣ и выдохѣ	14 сан.
Пульсъ, въ среднемъ	70-80 ударовъ
minimum пульса	— 60 „
maximum „	— 96 „
Преобладающій пульсъ	— 72 „

Максимальный возрастъ — 32 года.
Минимальный возрастъ — 18 лѣтъ.

Приведенныя цифровыя данныя показываютъ правильность постановки дѣла физическаго развитія въ школѣ; система преподаванія, принятая въ школѣ, дала положительные результаты несмотря на ненормальность обстановки.

Интересно сопоставить достигнутые школой результаты съ рекордами другихъ регулярныхъ армій. Не располагая по этому вопросу достаточными матеріалами, приходится ограничиться лишь случайной выдержкой изъ спортивнаго обзора берлинской газеты «Руль» (№ 227), гдѣ, между прочимъ, приведены данныя о результатахъ розыгрыша первенства по различнымъ видамъ спорта въ германской арми. Вотъ что говоритъ спортивный обозрѣватель этой газеты:

«Закончились розыгрыши первенства въ арміи по легкой атлетикѣ, плаванію, велосипеду, верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ и т д. Состязанія происходили въ разныхъ частяхъ Берлина и Потсдама. Выяснилось, что за этотъ годъ въ спортивномъ отношеніи армія сдѣлала крупные успѣхи, а по легкой атлетикѣ и плаванію установлены новые рекорды для арміи. Таковы достигнуты, напримѣръ, въ бѣгѣ на 100 метровъ (11.2 сек.) лейтенантомъ Дорномъ, въ прыжкахъ въ вышину (176 сан.) и т. д.»

А вотъ нѣсколько рекордовъ, поставленныхъ въ школѣ во время обычныхъ занятій и зафиксированныхъ приказами по школѣ: 25 іюня бѣгъ на 100 метровъ — 12⅘ секунды, 25 іюня прыжки въ вышину — 163 сантиметра, 2 іюля прыжки въ длину съ разбѣга — 5 метровъ 35 сантиметровъ, 13 іюля прыжки съ шестомъ въ высоту — 2 мет. 90 сан., 2 августа бѣгъ на 400 метровъ — 58⅕ сек., толканіе ядра 11 мет. 67 сантиметровъ.

Придавая исключительное значеніе Гимнастическо-фехтовальной школѣ, командованіе корпуса содѣйствовало всякаго рода развитію и росту спортивныхъ кружковъ въ воинскихъ частяхъ. Съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней спортъ пробивается всюду широкой волной и Галлиполи въ теченіе всего лѣта представляетъ собой сплошной стадіонъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ создается «футбольная лига перваго армейскаго корпуса». Одновременно съ ней организуются: «футбольная лига войскъ лагернаго сбора», «футбольная лига войскъ города Галлиполи» и футбольные кружки во всѣхъ частяхъ корпуса.

Городская футбольная лига объединила всѣ воинскія части и команды, расположенныя въ городѣ. Всего въ корпусѣ организовалось 23 футбольныхъ команды.

Одно время весь корпусъ игралъ въ футболъ. Въ порывѣ футболистовъ ничто не останавливало — ни ненормальное питаніе, ни отсутствіе обуви и мячей. Все, что доступно, изготовлялось собственными сред-

ствами. И на состояніе погоды не обращали вниманія: тренировались въ жару, играли и въ вѣтренную погоду, не всегда даже дождь останавливалъ увлекшихся игроковъ.

30 марта всѣ футбольныя команды приступили къ розыгрышу «кубка I-го армейскаго корпуса».

Былъ составленъ календарь игръ на мартъ, апрѣль, май мѣсяцы. Всѣ игроки жили только футболомъ. Футбольныя состязанія регламентировались приказами по корпусу.

Игры велись строго по уставу международныхъ футбольныхъ состязаній. Крупные и интересные матчи собирали многочисленную публику; на нихъ обычно присутствовалъ и командиръ корпуса и всѣ старшіе начальники.

Волнующаяся толпа, бѣлыя офицерскія и солдатскія гимнастерки, свѣтлыя платья дамъ и оркестры военной музыки — все это создавало впечатлѣніе праздника. Иной разъ въ толпѣ можно было замѣтить мелькающія красныя фески турокъ, вязанные тюрбаны грековъ и лоснящіяся на солнцѣ, изрѣзанныя симметричными шрамами, лица негровъ — это мѣстные жители пришли посмотрѣть на очередной русскій «байрамъ».

Первенство на кубокъ «I-го армейскаго корпуса» долго оспаривалось и въ концѣ мая его выиграла команда корниловцевъ. 29 мая происходилъ вызвавшій много оживленія товарищескій матчъ между командами корниловцевъ и общей сборной. Закончился онъ при результатѣ 4 : 0 въ пользу общей сборной команды.

Съ 1 іюня начались футбольные матчи на первенство лагеря между частями отдѣльныхъ родовъ оружія — пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и техническихъ частей, расположенныхъ въ городѣ. Матчи закончились въ послѣднихъ числахъ іюня при слѣдующихъ результатахъ: первое мѣсто заняла команда пѣхотныхъ частей (6 очковъ), второе — городская команда (5 очковъ) и третье — команда кавалерійскихъ частей — (2 очка). Всѣ игры происходили на дроздовскомъ и алексѣевскомъ полѣ. Городскія команды тренировались на городскомъ полѣ — старомъ заброшенномъ турецкомъ кладбищѣ.

Въ теченіе лѣта нѣсколько разъ происходили товарищескіе матчи между городской командой и командами французскихъ моряковъ съ военныхъ кораблей, несшихъ сторожевую службу у береговъ Галлиполи. Матчи эти заканчивались каждый разъ въ пользу русскихъ.

По мнѣнію знатоковъ и старыхъ спортсмэновъ-футболистовъ, въ корпусѣ имѣются отличные игроки и въ будущемъ отъ корпуса можетъ быть выдѣлена серьезная команда, могущая принять участіе въ международныхъ состязаніяхъ.

Въ полѣ страсть къ футболу остываетъ. Къ этому времени организуется много другихъ спортивныхъ кружковъ, вниманіе которыхъ всецѣло поглощаетъ тренировка по легкой атлетикѣ и подготовка къ пред-

стоящимъ въ августѣ мѣсяцѣ «олимпійскимъ состязаніямъ по легкой атлетикѣ I-го армейскаго корпуса» на призы корпуса.

Въ лагерѣ устраивается спеціальный стадіонъ и производится запись участниковъ въ состязаніи, число которыхъ быстро достигаетъ 200 человѣкъ.

Олимпійскія состязанія начались 3 августа и занимали нѣсколько дней. Всѣ снаряды, примѣнявшіеся на этихъ состязаніяхъ, были изготовлены нормальнаго вѣса, примѣнительно къ международнымъ правиламъ легкой атлетики. Состязанія были раздѣлены по отдѣламъ: 3 августа происходилъ: бѣгъ на 100 метровъ, бѣгъ на 1500 метровъ, ходьба на 1500 метровъ, прыжки съ мѣста въ длину, съ разбѣга въ длину, съ разбѣга въ высоту, съ шестомъ въ высоту, метаніе копія, диска и ядра; 4 августа: бѣгъ на 400 метровъ, бѣгъ на 800 метровъ, эстафетный бѣгъ на 400 метровъ, барьерный бѣгъ на 110 метровъ, пятиборье, троескоки и французская борьба; 6 августа: кроусъ-коунтри, перетягиваніе каната, состязаніе групповое и индивидуальное по гимнастикѣ и выступленіе Гимнастико-фехтовальной школы 1-го армейскаго корпуса. 8 августа — состязаніе по морскому спорту. На участкѣ моря, отведенномъ для Гимнастическо-фехтовальной школы, происходило плаваніе на скорость на 50 и 1.500 метровъ, прыжки въ воду съ высоты, ныряніе на дальность, «ватеръ — поло» и фигурное плаваніе.

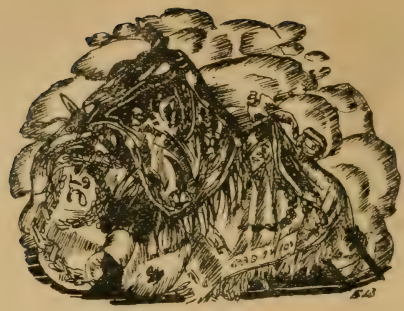
Заканчивая описаніе спорта въ первомъ армейскомъ корпусѣ нельзя не коснуться, хотя бы въ краткихъ словахъ, организаціи постановки физическаго развитія находившихся въ корпусѣ дѣтей. Для иллюстраціи этого приведемъ постановку этого дѣла въ гимназіи имени Генерала Врангеля. Здѣсь дѣти по возрасту, отъ 9-ти — 16 лѣтъ, раздѣлены были на 5-ть группъ, причемъ дѣвочки составляли особую группу. Каждая группа занималась подъ руководствомъ спеціальнаго инструктора изъ Гимнастическо-фехтовальной школы. Для занятій гимнастикой было отведено 3 часа въ недѣлю. Устроенъ былъ спеціальный гимнастическій городокъ, въ которомъ имѣлись всѣ необходимые снаряды, а на берегу моря былъ отведенъ для воспитанниковъ гимназіи отдѣльный дѣтскій пляжъ. Дѣти охотно занимались гимнастикой. Многіе выучились плавать.

Передъ началомъ обученія всѣ дѣти были осмотрѣны врачемъ на предметъ годности и возможности заниматься гимнастикой. Большое затрудненіе въ планомѣрности занятій вызывало отсутствіе у дѣтей обуви. Однако, правильная постановка физическаго развитія среди дѣтей замѣтно выправила слабые организмы и внесла съ собой бодрый духъ.

Таковы были проявленія спортивной жизни въ Галлиполи. На первый взглядъ можетъ показаться парадоксальнымъ, что внѣшне разрозненные остатки русской арміи, перенесшей тяжелые бои, полуголодные и раздѣтые, наряду съ волнующими душу сомнѣніями, беззаботно отда-

вались спорту; вмѣсто возможнаго сбереженія физической энергіи, казалось бы, столь необходимаго при голодномъ французскомъ пайкѣ, ее широко расходовали. А между тѣмъ объясненіе этому интересному явленію можетъ быть легко найдено, если хоть слегка коснуться психологіи арміи.

Выкованный годами непрерывной борьбы духъ арміи не могъ примириться съ вынужденнымъ бездѣліемъ и настоятельно искалъ выхода изъ создавшагося положенія и находилъ его въ спортѣ.



ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ КОРПУСА

Первые дни въ Галлиполи столкнули всю массу голоднаго люда, прибывшаго изъ Крыма, съ грудами незатѣйливыхъ соблазновъ мѣстнаго рынка и вообще съ такой странной послѣ пустого крымскаго рынка возможностью все купить: — и сахаръ, и мануфактуру, и обувь...

Но на что купить?

У одного была четверка табаку, у другого—кусокъ кожи или мыла, кое-что давали и за наши «врангелевскія деньги», которыя въ первые дни котировались на мѣстной биржѣ отъ семи до трехъ, а позднѣе и до одной лиры за милліонъ рублей; донскія, керенскія и «николаевскія» шли дороже,

Желаніе поскорѣе устроиться, нанять комнату, приготовить пищу для семьи, увеличить какъ нибудь голодный паекъ вынуждало многихъ рискнуть продать послѣднее: предметы обмундированія, золотыя цѣнныя вещи, часто — отцовскіе часы, а иногда и натѣльные кресты.

Подъ непосредственными воспоминаніями Крыма офицеры-инвалиды открыли въ одномъ изъ пустыхъ магазиновъ въ центрѣ города комиссіонный магазинъ съ аукціономъ при немъ. Чего-чего тамъ не было и кого тамъ не было! Стали расти комиссіонные магазины въ городѣ, но главнымъ мѣстомъ сбыта нашего послѣдняго добра явилась небольшая площадка съ деревомъ на главной торговой улицѣ, гдѣ возникъ такъ называемый «толчекъ» или «толкучка». Она стала съ утра набиваться разношерстной толпой, главнымъ образомъ, нашей изголодавшейся и несумѣвшей сразу взяться за работу интеллигенціей и молодежью, а также толпой мѣстныхъ и окрестныхъ жителей, спѣшившихъ воспользоваться неожиданнымъ случаемъ купить за безцѣнокъ самый разнообразный, а часто и невиданный въ Галлиполи, то-

варь. Купить тамъ можно было все, начиная отъ тончайшихъ кружевъ и изящныхъ рукодѣлій, прекрасныхъ костюмовъ, кусковъ матерій и т. п. до всевозможныхъ предметовъ военнаго обмундированія, снаряженія и даже вооруженія. Наряду съ истинно нуждающимися, вся накипь арміи, пріѣхавшая съ ней въ Галлиполи, спѣшила «загнать» все легко ей доставшееся и въ суматохѣ эвакуаціи пріобрѣтенное. У дерева посреди толкучки, сама собой, образовалась импровизированная биржа, гдѣ ежедневно котировались и переходили изъ рукъ въ руки милліоны разной валюты, начиная съ «царскихъ», «врангелевскихъ» и «колчаковскихъ» и т. п. и кончая никогда не бывшими въ употребленіи, а лишь успѣвшими прибыть изъ Англіи къ эвакуаціи Крыма, новыми деньгами Русскаго Правительства.

Покупателями являлось конечно, прежде всего и шире всего мѣстное населеніе, а по праздничнымъ днямъ толпы окрестныхъ жителей; покупали заѣзжіе французскіе моряки и мѣстные сенегальцы; покупали безспорно, особенно предметы обмундированія и вооруженія, агенты арміи Кемаля-паши. Всѣ они настойчиво сбивали продажныя цѣны, опустившіяся сразу до возмутительнаго и объяснимаго только крайней нуждой продавцевъ минимума.

Толкучка была, конечно, прямымъ слѣдствіемъ первыхъ дней неустройства и общаго безпорядка, когда пароходы все прибывали и выбрасывали новыя толпы голоднаго и неувѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ русскаго люда.

Но постепенно начали устраиваться, а командованіе обратило вниманіе на сбытъ военныхъ вещей и оружія, а затѣмъ и на самый фактъ существованія толкучки, и она была запрещена; да и продавать вскорѣ было уже нечего.

Матеріальныя средства русской бѣженской толпы истощились.

И вотъ, сначала женщины, а потомъ и мужчины, наиболѣе предпріимчивые и приспособляющіеся, свободные отъ повседневной службы, начинаютъ организовывать первыя хозяйственыя предпріятія — лавочки и лотки по продажѣ мелочного товара. Появляются русскія вывѣски, открываются первые русскіе рестораны.

Все это возникало по большей части на очень незначительныя средства, составлявшіяся, главнымъ образомъ, изъ паевъ въ складчину. На 4-7 лиръ покупали табаку, инжиру и папиросной бумажки — и торговля на лоткѣ, на отдѣльномъ столикѣ закипала: обслуживала она, главнымъ образомъ, своего же брата-русскаго, такъ какъ мѣстное населеніе покупало у своихъ, хотя цѣны у нашихъ торговцевъ были обычно ниже рыночныхъ. Такія скромныя торговыя предпріятія, особенно въ недѣлю полученія корпусомъ лиръ, давали довольно хорошій доходъ: маленькій капиталъ оборачивался быстро и за полъ мѣсяца нерѣдко удваивался; однако, на это надо было затрачивать цѣлые дни, сидѣть на открытомъ воздухѣ — доходъ доставался тяжело.

Рестораны — это уже были крупныя предпріятія, требовавшія для начала дѣла значительныхъ средствъ, такъ какъ они стремились самой обстановкой создать нѣкоторый уютъ, привлечь посѣтители музыкой и рекламой. Къ Рождеству въ городѣ было уже три ресторана съ неизбѣжными названіями: «Яръ», «Медвѣдь» и «Теремокъ», расчитанные, главнымъ образомъ, не на русскаго, хотя и любящаго кутнуть, но безденежнаго, а на иностраннаго посѣтителя; тамъ завели не только русскую водку, но и «цыганъ», кабарэ, зазывавшую посѣтителей музыку и т. д.

Болѣе здоровымъ и необходимымъ начинаніемъ среди первыхъ попытокъ улучшить и удешевить нашъ бытъ была организація кружкомъ лицъ гарнизонной столовой. Небольшой паевой капиталъ (1.646 драхмъ), усиленный субсидіей штаба корпуса (600 др.), позволилъ нанять и оборудовать двухъэтажное помѣщеніе въ центрѣ Галлиполи; низъ былъ занятъ столовой, а верхъ библіотекой-читальней и аудиторіей для лекцій. Въ столовой можно было получить по дешевой цѣнѣ обѣды, ужины, чай, прочесть газеты; часто въ ней устраивались товарищескія собранія и обѣды различныхъ офицерскихъ единеній. Организованная наряду съ частными предпріятіями, гарнизонная столовая должна была, на подобіе гарнизонныхъ собраній, служить однимъ изъ средствъ воспитанія во внѣшнемъ поведеніи воинскихъ чиновъ, значительно разболтавшихся за время эвакуаціи.

Съ середины января въ городѣ, по частному почину, была организована группой офицеровъ русская пекарня. Наняли сарай въ центрѣ города, сами наносили кирпичей и камней, сложили печку и начали выпекать хорошій бѣлый «русскій» хлѣбъ. Первые мѣсяцы расходилось четыре выпечки въ день, что составляло 400-500 хлѣбовъ, вѣсомъ по полъ ока каждый. На Пасху выпекли до 600 куличей, а затѣмъ число выпечекъ стало падать.

Кромѣ чисто торговыхъ предпріятій, чинами корпуса, главнымъ образомъ, въ городѣ, были организованы небольшія сапожныя мастерскія, прачешныя, портняжныя, красильни, парикмахерскія и др.

Лагерь оставался въ сторонѣ. Тамъ торговали греки, турки-разносчики: конкуренціи не было, цѣны вздувались. Случайныя деньги, которыя были у небольшой части чиновъ корпуса, позволили возникнуть лавочкамъ при полкахъ: это были чисто частныя торговыя предпріятія и ихъ въ ту пору нельзя было считать полковыми лавками прежняго узаконеннаго типа. Эти новыя торговыя предпріятія отвѣчали потребностямъ частей лишь тѣмъ, что они были тутъ же, подъ рукой, но цѣны въ нихъ были явно высокія.

Къ концу декабря картина значительно измѣнилась, благодаря заботамъ неизмѣнно внимательнаго къ нуждамъ корпуса Главнокомандующаго. По его приказу были отпущены крупныя денежныя суммы на устройство корпусныхъ лавокъ. Къ сожалѣнію, эти суммы не поступи-

ли непосредственно въ распоряженіе корпуса, гдѣ могло образоваться потребительское общество многолавочнаго типа, а были обращены въ Константинополѣ на закупку частью случайныхъ, а частью недоброкачественныхъ товаровъ для будущихъ лавокъ. Часть этого груза, какъ водится, утекла и усохла въ пароходныхъ трюмахъ, а часть была расхищена при выгрузкѣ и храненіи въ Галлиполи, такъ какъ весь этотъ грузъ прибылъ безъ всякаго предварительнаго предупрежденія и ничего по организаціи торговли предпринято не было. Такимъ образомъ, возникли (съ 1 января) центральныя лагерныя лавки, получавшія для оборота крупныя суммы, но въ товарѣ, изъ котораго часть (сто мѣшковъ орѣховъ, изюмъ, черносливъ и др.) явилась балластомъ этихъ лавокъ. Дальнѣйшую закупку товаровъ на освобождающіяся отъ проданнаго товара суммы дивизіонныя лавки производили исключительно въ Галлиполи у оптовиковъ.

Значеніе дивизіонныхъ лавокъ выразилось въ слѣдующемъ:

1) Лавка при штабѣ пѣхотной дивизіи за семь первыхъ мѣсяцевъ 1921 года (по 1 августа) пріобрѣла товара на 193.462 др. 60 лептъ и продала на 178.680 драхмъ 35 лептъ, т. е. въ среднемъ въ мѣсяцъ давала полкамъ пѣхотной дивизіи товаровъ на 25.526 драхмъ; 2) рѣзко понизила цѣны на наиболѣе ходкіе товары, какъ, напримѣръ, на сахаръ, табакъ и др., которые было приказано продавать по цѣнамъ ниже покупныхъ; 3) поддержала субсидіями (по 2.000 драхмъ) полковыя лавки; 4) уплатила изъ чистой прибыли расходы по пріему въ лагерѣ посѣтившихъ корпусъ гостей; 5) лавка пѣхотной дивизіи, кромѣ того, поддержала оборудованіе лагернаго театра (2.500 драхмъ) и Штабъ-офицерскихъ курсовъ при Марковскомъ полку (390 драхмъ), устроила общедоступную парикмахерскую (1300 др.) и оборудовала хлѣбопекарню (2.600 др.). Послѣдняя была расположена во дворѣ штаба дивизіи и съ 28 марта ежедневно выпекала хорошій бѣлый хлѣбъ, расходившійся въ предѣлахъ пѣхотной дивизіи (отъ 86 до 400 хлѣбовъ въ день).

Одновременно съ открытіемъ дивизіонныхъ лавокъ въ городѣ возникла мысль создать кооперативное товарищество. Въ началѣ февраля группа уполномоченныхъ отъ частей начала вырабатывать проектъ устава, положивъ въ основу его нормальный уставъ обществъ потребителей, хотя, по мысли учредителей, это кооперативное товарищество должно было удовлетворить не только потребителей, но и организовать мелкое производство, мыслимое въ условіяхъ галлиполійской жизни.

Въ нормальный уставъ были внесены слѣдующія положенія: вступительный взносъ — 20 лептъ, паевой взносъ — 2 драхмы. Управленіе дѣлами кооператива возлагалось на: а) собраніе уполномоченныхъ (по 1 отъ 100 членовъ, избираются на общихъ собраніяхъ членовъ-пайщиковъ данной части) и б) правленіе изъ 9 членовъ, избранныхъ собраніемъ уполномоченныхъ; ревизіонная комиссія изъ 4 членовъ (одинъ изъ нихъ назначается командиромъ корпуса): чистая прибыль, за отчи-

сленіемъ изъ нея не менѣе 20% въ запасный капиталъ и не менѣе 10% въ основной, распредѣляется собраніемъ уполномоченныхъ въ дивидентъ на паи (не свыше 8%) и на другія цѣли, вытекающія изъ устава кооператива. Уставъ былъ утвержденъ командиромъ корпуса и товарищество, подъ названіемъ «Военный кооперативъ при I армейскомъ корпусѣ», впервые возникло въ военной средѣ на чисто кооперативныхъ началахъ съ исключительно выборными органами управленія.

Была ли жизненна мысль объ учрежденіи кооператива среди чиновъ корпуса? Какъ извѣстно, теоретики кооперативнаго движенія установливаютъ предѣлы его распространенія, отсѣкая отъ активнаго участія въ немъ элементы крайней бѣдноты, людей съ необезпеченнымъ или очень ограниченнымъ мѣсячнымъ доходомъ: таковые не могутъ создавать и вести самостоятельное хозяйственное предпріятіе.

Чины корпуса, какъ извѣстно, въ главной своей массѣ — люди, не получавшіе никакихъ доходовъ и опредѣленнаго содержанія; выдававшееся имъ пособіе, въ размѣрѣ одной-двухъ лиръ, а позднѣе полулиры въ мѣсяцъ, являлось даже въ галлиполійскомъ скромномъ обиходѣ слишкомъ ничтожнымъ.

Среда потребителей съ такими покупными способностями являлась, конечно, крайне неподходящей для развитія кооператива; кромѣ того, предшествующіе опыты военныхъ кооперативовъ и экономическихъ обществъ, возникавшихъ въ періодъ борьбы на Югѣ Россіи, оставили среди чиновъ корпуса не совсѣмъ добрую память. Однако, несмотря на все это, идея кооперативнаго товарищества была сочувственно встрѣчена во всѣхъ частяхъ; въ первые же дни записалось до 500 членовъ, избравшихъ изъ своей среды уполномоченныхъ. Первое учредительное собраніе уполномоченныхъ состоялось въ февралѣ; было избрано правленіе кооператива, утверждены планы и смѣты его дѣятельности. Было предположено принять въ вѣдѣніе кооператива гарнизонную столовую, пекарню и комиссіонный магазинъ, предполагалось открыть, кромѣ магазиновъ, парикмахерскую и мастерскія — фуражечную и офицерскихъ вещей. Для осуществленія всего этого у правленія было лишь 840 драхмъ паевыхъ взносовъ или, по тогдашнему курсу, около 100 лиръ. Эта сумма позволяла открыть на первыхъ порахъ лишь небольшую потребительскую лавку въ лагерѣ; въ мартѣ тамъ началась торговля, съ 10 апрѣля открылъ торговлю магазинъ въ городѣ. Дабы изыскать пути къ усиленію средствъ кооператива, предсѣдатель и одинъ изъ членовъ выѣхали въ Константинополь. Тамъ мѣстное отдѣленіе Центросоюза не могло ничѣмъ придти на помощь при всемъ сочувствіи новому кооперативу и только штабъ Главнокомандующаго далъ разрѣшеніе начальнику снабженія арміи выдать кооперативу товара на сумму около 2.700 драхмъ. Деньги, вырученныя отъ продажи этого товара, составили основной капиталъ кооператива.

До 1 сентября главный магазинъ продалъ товаровъ на суму 124.023 драхмы 10 лептъ или, въ среднемъ, въ мѣсяцъ на 25.349 драхмъ.

Посѣщаемость его рисуется слѣдующими цифрами:

За мѣсяцъ	Общее число покупателей	На сумму	
		др.	лептъ
Май	8246	21079	25
Іюнь	9651	28107	85
Іюль	9700	24956	40
Августъ	8278	22647	70

т. е. въ среднемъ въ день въ магазинѣ бывало до 300 покупателей исключительно русскихъ, изъ нихъ каждый въ среднемъ купилъ за 4 мѣсяца на 2 драхмы 68 лептъ. Членовъ кооператива было не свыше 540.

Работа кооператива протекала въ крайне тяжелыхъ условіяхъ — безъ денегъ, при скудномъ кредитѣ со стороны мѣстныхъ оптовиковъ, внѣ возможности покупать товары изъ первыхъ рукъ; кромѣ того, кооперативу приходилось считаться съ затруднительными торговыми рогатками греческаго правительства, лишаясь изъ за этого часто продуктовъ первой необходимости; рѣзкія колебанія курса драхмы тоже тяжело отражались на установленіи цѣнъ и веденіи торговаго дѣла.

Несмотря на все это, кооперативъ сыгралъ значительную роль, какъ наиболѣе крупное торговое предпріятіе чиновъ корпуса: онъ снабдилъ ихъ значительнымъ количествомъ хорошаго и дешеваго товара; установленіемъ минимальныхъ среднерыночныхъ цѣнъ онъ повліялъ на цѣны въ городѣ, особенно на предметы первой необходимости; учрежденіемъ парикмахерской и поддержаніемъ гарнизонной столовой кооперативъ пошелъ навстрѣчу удешевленію и улучшенію офицерскаго быта.

По мѣрѣ эвакуаціи частей постепенно закрывались различныя предпріятія кооператива и, наконецъ, 29 ноября 1921 года закончилъ дѣятельность магазинъ въ городѣ.

Въ области культурно-просвѣтительной кооперативу не удалось сдѣлать ничего. На первыхъ порахъ была мысль устроить при кооперативѣ кинематографъ и библіотеку-читальню при гарнизонномъ собраніи, но отсутствіе средствъ не позволило оборудовать ни того, ни другого.

Галлиполійскій опытъ въ общемъ лишній разъ подтвердилъ, прочный теоретическій выводъ, что въ средѣ совершенно необезпеченной кооперативъ, какъ общественное хозяйственное предпріятіе, идущее по путямъ Рочдэльскихъ ткачей, явленіе не жизненное. Тутъ были лавки, сколоченныя на бѣдную складчину и руководимыя группой интересовавшихся дѣломъ людей, но кооператива, конечно, не было, и дѣло теплилось съ большимъ трудомъ, покоясь лишь на кредитѣ мѣстныхъ оптовиковъ.

Слѣдуетъ отмѣтить еще оригинальныя хозяйственныя предпріятія, возникшія по почину чиновъ корпуса. Уже съ первыхъ дней жизни частей въ лагерѣ, отдѣльные воинскіе чины стали ходить въ недалеко отъ лагеря расположенныя горы, откуда можно было выносить годныя для топлива дрова. Эти дровоносы переносили затѣмъ связки дровъ на себѣ изъ лагеря въ городъ, гдѣ продавали ихъ русскимъ и мѣстнымъ жителямъ, что давало за одинъ разъ въ среднемъ отъ 2-хъ до 4-хъ драхмъ. Позднѣе къ этому промыслу присоединилось выжиганіе угля, находившаго затѣмъ легкій сбытъ въ городѣ, ибо низкія цѣны нашихъ угольщиковъ были внѣ конкуренціи. Когда выжиганіе угля привлекло къ себѣ широкое вниманіе лагерныхъ чиновъ корпуса, возникла мысль объ объединеніи угольщиковъ въ артели по производству и сбыту угля: осуществить этого не удалось въ виду начавшагося отъѣзда частей изъ Галлиполи.

Какую роль вообще сыграли частныя хозяйственныя предпріятія въ жизни корпуса? Конечно, въ общемъ, очень скромную. Ничтожныя оборотныя и покупныя средства чиновъ корпуса не давали возможности конкурировать съ мѣстнымъ торговымъ рынкомъ и поддерживать свои предпріятія. Если взять наиболѣе крупныя торговыя предпріятія, коими явились дивизіонная лавка и магазинъ военнаго кооператива, то и они за все время по 1 августа продали товара на 280.056 драхмъ или на 25.000-26.000 турецкихъ лиръ въ то время какъ чины корпуса получили за эти мѣсяцы пособія на пріобрѣтеніе предметовъ первой необходимости въ суммѣ 280.000 турецкихъ лиръ, т. е. $^{0}/_{10}$ русскіе затратили внѣ своихъ предпріятій на мѣстномъ рынкѣ.

Первые мѣсяцы, когда еще шла продажа привезенныхъ съ собою вещей, собственныя хозяйственныя предпріятія поддерживались и развивались; но затѣмъ, когда собственныя средства стали истощаться и вся покупная способность чиновъ корпуса свелась къ израсходованію ежемѣсячныхъ пособій, а наряду съ этимъ успѣли открыться въ городѣ нѣсколько лавокъ частныхъ предпринимателей, лавка Земскаго Союза, а позднѣе Бѣлаго Креста — многія хозяйственныя предпріятія чиновъ корпуса стали замирать.

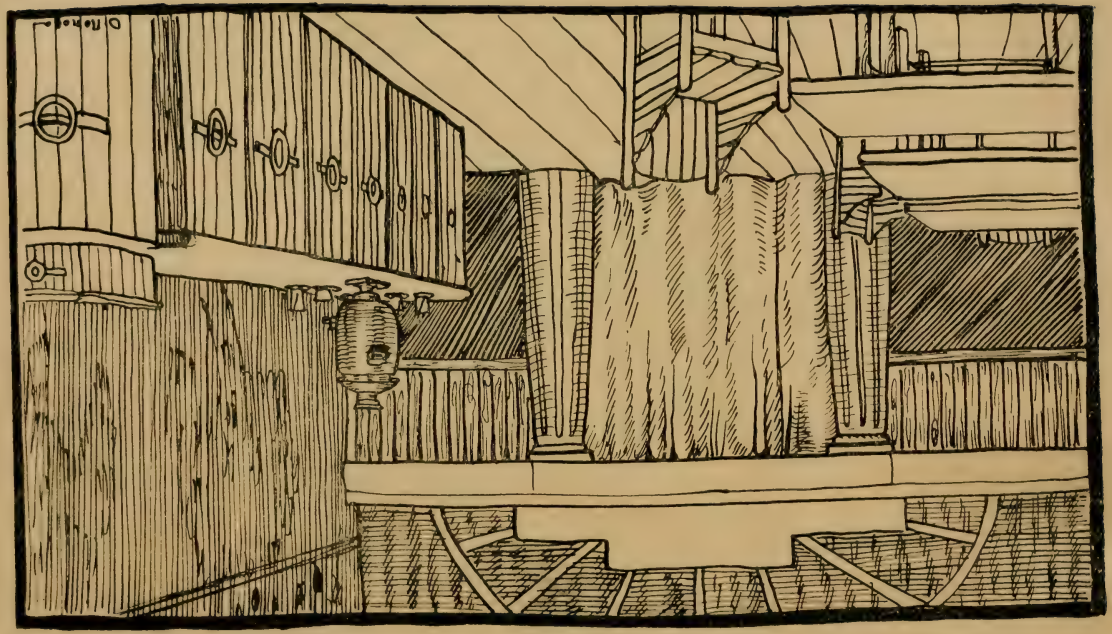
Въ заключеніе нѣсколько словъ о денежныхъ единицахъ, принятыхъ въ Галлиполи и о вліяніи этого вопроса на жизнь хозяйственныхъ предпріятій корпуса.

Основной денежной единицей въ греческомъ Галлиполи была драхма: мелкими размѣнными знаками являлись: универсальныя полдрахмы и лепты (100 лептъ равняется одной драхмѣ), причемъ упрощенная расцѣнка товаровъ шла скачками не меньше полдрахмы. Въ то же время ближайшимъ центральнымъ закупочнымъ рынкомъ для Галлиполи являлся Константинополь со своими турецкими лирами и піастрами. (100 піастровъ составляютъ одну лиру). Биржевыя колебанія лиры и драхмы отражались другъ на другѣ и часто очень неожиданно и рѣзко, а

это подвергало такимъ же неожиданнымъ и рѣзкимъ колебаніямъ цѣны на товары. Курсъ лиры испыталъ за время пребыванія корпуса въ Галлиполи колебанія отъ восьми драхмъ за лиру (при пріѣздѣ корпуса) до пятнадцати драхмъ за лиру (въ концѣ ноября 1921 года).

Вести хозяйственныя предпріятія въ такой обстановкѣ лицамъ, не связаннымъ ни съ центральнымъ рынкомъ, ни съ биржей, было чрезвычайно трудно.

ЗВѢЗДА СЪ АССИГНАЦІИ ВЪ 10 ЛИРЪ



ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ОРГАНИЗАЦІЙ

Помощь общественныхъ организацій въ Галлиполи пришла въ тяжелое для корпуса время.

Общественныя организаціи широко пришли на помощь корпусу организаціей питанія, разнообразныхъ мастерскихъ, ими была оказана поддержка театрамъ, общеобразовательнымъ учрежденіямъ, т. е. всему тому, что до нѣкоторой степени могло сгладить тяжестъ пребыванія на чужбинѣ и что могло создать изъ Галлиполи кусочекъ подлинной Россіи.

И оказываемая общественными организаціями помощь арміи была оцѣнена, какъ корпусомъ, такъ и командованіемъ.

Генералъ Кутеповъ приказомъ по корпусу характеризуетъ дѣятельность общественныхъ организацій въ Галлиполи:

«Представительство Всероссійскаго Земскаго Союза и Союза Городовъ въ Галлиполи добровольно раздѣляло съ частями ввѣреннаго мнѣ корпуса всѣ тяготы годового пребыванія на берегу Дарданеллъ.

Это учрежденіе русской общественности широко развернуло свою высоко полезную дѣятельность, оказывая матеріальную помощь и съ неизмѣнной готовностью идя навстрѣчу духовнымъ нуждамъ частей корпуса. Внимательно слѣдя за жизнью частей, представительство посильно поддерживало всѣ культурныя начинанія чиновъ корпуса.

Всероссійскій Земскій Союзъ и Союзъ Городовъ, какъ представители русской общественности за границей, своимъ единеніемъ съ арміей явили залогъ будущаго государственнаго строительства на твердыхъ началахъ объединенія всѣхъ силъ для достиженія единой великой цѣли — возрожденія Родины.

За сотрудничество въ тяжелый періодъ и широкую помощь приношу отъ лица корпуса и отъ себя глубокую благодарность представителю Всероссійскаго Земскаго Союза и Союза Городовъ, дѣйствительному статскому совѣтнику Рѣзниченко, его помощнику, дѣйствительному статскому совѣтнику Сурину и всѣмъ служащимъ, потрудившимся на пользу нашего общаго дѣла».

И, дѣйствительно, надо было видѣть переполненное посѣтителями маленькое помѣщеніе представительства, чтобы понять насколько нужны были здѣсь этотъ трудъ общественныхъ организацій, а также ихъ помощь.

Въ представительство приходили съ различными просьбами, за справками, за посылками, или письмами, а то просто прочесть свѣжую газету, или узнать какія либо новости, привезенныя изъ Константинополя курьеромъ.

Представительство являлось звеномъ, связывающимъ Галлиполи съ внѣшнимъ міромъ, неизмѣнной поддержкой всѣхъ начинаній, дружеской организаціей, проникающей во всѣ части корпуса съ единственной цѣлью облегчить ихъ положеніе и хотя бы до нѣкоторой степени скрасить тяжелую жизнь.

Вся дѣятельность общественныхъ организацій въ Галлиполи распадалась на помощь: трудовую, матеріальную, продовольственную и культурно-просвѣтительную; кромѣ сего Всероссійскимъ Земскимъ Союзомъ была открыта лавка съ продажей предметовъ первой необходимости по заготовительной цѣнѣ.

Подъ терминомъ «трудовая помощь» обычно подразумѣвается организація мастерскихъ, съ одной стороны обучающихъ бѣженцевъ ремесламъ, съ другой, — дающихъ имъ скромный заработокъ. Въ Галлиполи, по мѣстнымъ условіямъ жизни военнаго, въ полномъ смыслѣ этого слова, лагеря, этотъ видъ помощи могъ быть названъ «трудовой» лишь съ нѣкоторымъ приближеніемъ. Указанныя выше основныя цѣли «трудовой помощи» входили, конечно, въ число задачъ мастерскихъ въ Галлиполи, но въ ихъ осуществленіи пришлось пользоваться пріемами нѣсколько отличными отъ тѣхъ, которые примѣняются тамъ гдѣ русскіе не представляютъ собой организованной военной массы, живущей въ условіяхъ, имѣющихъ значительныя преимущества, но создающихъ обстоятельства мѣшающія труду «на сторонѣ».

Кромѣ того, въ маленькомъ полуразрушенномъ городкѣ, какимъ является Галлиполи, съ бѣднымъ греческимъ и турецкимъ населеніемъ,

привыкшимъ жить въ довольно примитивныхъ условіяхъ, при отсутствіи даже крупныхъ кустарныхъ промышленныхъ предпріятій, нельзя было бы расчитывать на какой либо заработокъ, такъ какъ издѣлія мастерскихъ не нашли бы никакого сбыта, а такія мастерскія, какъ швейная и сапожная первое, довольно значительное, время должны были бы работать съ большимъ убыткомъ, приспособляя одновременно русскихъ мастеровъ къ своеобразнымъ и чуждымъ доселѣ требованіямъ, а туземнаго потребителя — къ новымъ свойствамъ продукта. Поэтому, постановка «трудовой помощи» въ Галлиполи сводилась главнымъ образомъ къ помощи арміи въ дѣлѣ оборудованія и ремонта, а также къ

РАЗДАЧА ГАЗЕТЪ И ПИСЕМЪ ВЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВѢ В. З. С. и В. С. Г.

удовлетворенію нужды въ обуви. Обученіе же ремесламъ и предоставленіе заработка отходили на второй планъ.

Вся организація и дѣятельность мастерскихъ Всероссійскаго Земскаго Союза въ Галлиполи выливалась въ слѣдующія формы.

Прежде всего были учреждены такъ называемыя «центральныя учебныя мастерскія»: столярно-плотничья, сапожная и слесарно-механическая, открытыя 22 марта. Одновременно, при содѣйствіи американскаго краснаго креста, была открыта швейная мастерская, роль которой, благодаря условіямъ, поставленнымъ американскимъ краснымъ крестомъ, была сведена къ роли безплатнаго прокатно-посредническаго пункта.

Сапожная мастерская въ началѣ своей дѣятельности располагала всего 3 мастерами и 1 ученикомъ. Къ моменту же ея ликвидаціи (5 августа) мастерская обслуживалась 25 мастерами и 3 подмастерьями.

За все время существованія мастерской, около 4½ мѣсяцевъ, выполнено:

По постройкѣ новой обуви	около 1600 заказовъ
По ремонту	5000 „

Изъ всѣхъ этихъ заказовъ только 2% падаютъ на мѣстное населеніе.

Себѣстоимость исполненныхъ заказовъ представительство опредѣляетъ въ 6.400 турецкихъ лиръ, при ихъ рыночной стоимости въ 9.850 лиръ. Содержаніе мастерской за все время обошлось въ 205 лиръ. Видимая доходность мастерской, конечно, является только условной, такъ какъ всѣ заказы воинскихъ частей исполнялись безплатно, а заказы частныхъ лицъ — по цѣнамъ ниже рыночныхъ. Послѣднее обстоятельство привлекало въ мастерскую большое количество русскихъ заказчиковъ.

Условія работы въ мастерской были: пять часовъ безплатной казенной работы и три часа — исполненіе частныхъ заказовъ. Деньги за послѣдніе, въ количествѣ 80%, получали на руки работавшіе, а 20% шло въ пользу мастерской. Такимъ образомъ, заработокъ каждаго мастера колебался отъ 15 до 30 драхмъ въ недѣлю.

Столярно-плотничья мастерская при открытіи имѣла 6 мастеровъ и 1 подмастерья, но уже къ концу апрѣля число работавшихъ въ ней было доведено до 15 человѣкъ. Число заказовъ, исполненныхъ въ мастерской, опредѣляется въ слѣдующихъ цифрахъ:

Заказовъ крупной мебели	около 250
Заказовъ мелкой мебели	„ 300
Разныхъ предметовъ	„ 472
Оборудовано помѣщеній	„ 8

Изъ всѣхъ этихъ заказовъ 2% падаютъ на мѣстное населеніе.

Себѣстоимость исполненныхъ заказовъ—1075 лиръ при ихъ рыночной стоимости—1780 лиръ и расходахъ по содержанію мастерской за все время ея дѣятельности въ 160 лиръ. Условная доходность мастерской опредѣляется въ 515 лиръ.

Постройка обыкновеннаго стола, рамы, скамеекъ, шкафа и т. п. въ мастерской обходилась около двухъ лиръ; починка же пола или мебели до 50 піастровъ.

Условія работы въ мастерской вначалѣ были тѣ же, что и въ сапожной, но въ виду незначительнаго количества частныхъ заказовъ, мастерская перешла на оплату труда, выдавая работавшимъ сумму, исчисленную въ 15% со стоимости израсходованнаго матеріала, что давало недѣльный заработокъ каждому мастеру отъ 15 до 30 драхмъ.

Мастерская была закрыта 1 августа, послѣ чего рабочіе ея, принадлежавшіе къ категоріи лицъ переведенныхъ по разнымъ обстоятельствамъ на бѣженское положеніе, организовали столярно-плотничью артель, которой удалось черезъ посредство греческихъ властей получить большую строительную работу въ окрестностяхъ гор. Родосто.

Слесарно-механическая мастерская при открытіи имѣла 3 мастера. Въ серединѣ же іюля въ мастерской работало 10 мастеровъ и 2 подмастерья. Въ этомъ же мѣсяцѣ при мастерской было открыто вулканизаціонное отдѣленіе для ремонта автомобильныхъ камеръ и покрышекъ.

За все время мастерской исполнено 1794 заказа, изъ которыхъ 310 новыхъ издѣлій и 1484 старыхъ починокъ. Количество заказовъ мѣстнаго населенія въ этой мастерской достигаетъ 5%. Рыночная стоимость исполненныхъ заказовъ исчисляется въ суммѣ 3.700 лиръ, при ихъ себѣстоимости въ 2300 лиръ. Содержаніе мастерской составляетъ сумму въ 195 лиръ. Условная доходность опредѣляется въ 605 лиръ. Работы по изготовленію кипятильника, куба и т. п. предметовъ исчисляются представительствомъ въ 4 лиры съ матеріаломъ. Починка, луженіе, ремонтъ кухонь исчисляется до двухъ лиръ. Рабочій трудъ оплачивался въ мастерской по ½ драхмы въ часъ, что давало въ недѣлю отъ 25 до 60 драхмъ. Помимо заработка, работавшіе во всѣхъ этихъ мастерскихъ получали безплатные обѣды на питательныхъ пунктахъ Всероссійскаго Земскаго Союза, что вмѣстѣ съ французскимъ пайкомъ значительно улучшало жизнь.

Швейная мастерская при открытіи имѣла въ своемъ распоряженіи 15 швейныхъ машинъ, предоставленныхъ мастерской представителемъ американскаго краснаго креста въ Галлиполи.

Къ сожалѣнію, условія пользованія машинами, установленныя названнымъ представителемъ, были крайне стѣснены «инструкціей», которая разрѣшала работать на машинахъ дамамъ для изготовленія предметовъ исключительно для нихъ самихъ, или для ихъ дѣтей. Какая либо другая работа, въ особенности изготовленіе военнаго обмундированія и даже мужскихъ вещей, запрещалась. Въ началѣ іюля 10 машинъ были взяты американскимъ краснымъ крестомъ обратно и работа до закрытія мастерской (1 августа) производилась только на 5 машинахъ. За все время въ мастерской исполнено свыше 1.500 разныхъ предметовъ (юбокъ, кофточекъ, гимнастерокъ, бѣлья и проч.).

Мастерской пользовалось около 90 живущихъ въ городѣ дамъ, имѣвшихъ въ послѣдніе два мѣсяца, вслѣдствіе смягченія американскимъ краснымъ крестомъ указанной выше инструкціи, довольно значительный по мѣстному масштабу заработокъ.

Въ началѣ іюля была открыта при поддержкѣ Всероссійскаго Земскаго Союза мастерская Сводно-Гвардейскаго баталіона, субсидировавшаяся Союзомъ и во время ея дальнѣйшаго существованія. Мастерская имѣла два цеха: сапожно-починочный и портняжный, обслуживалась

исключительно чинами баталіона и значительно облегчала нужды своей части въ платьѣ, обуви и головныхъ уборахъ, изготовлявшихся по крайне низкимъ цѣнамъ; напримѣръ, шитье гимнастерки съ прикладомъ мастерской обходилось въ 20-22 піастра, шитье брюкъ въ 7-8 піастровъ, фуражки — 4-5 піастровъ и т. д.

За время существованія мастерской исполнено 820 заказовъ. Число мастеровъ колебалось между 18—20 мастерами въ обоихъ цехахъ.

Мастерская при бѣженскомъ баталіонѣ открылась въ концѣ марта въ составѣ швейно-портняжнаго и сапожнаго цеховъ и въ дальнѣйшемъ субсидировалась, какъ инструментами, такъ и починочнымъ матеріаломъ В. З. С. Работала мастерская до начала сентября, имѣя въ среднемъ въ сапожномъ цехѣ шесть человѣкъ, въ портняжномъ три человѣка.

Мастерской выполнено:

новой обуви	130 паръ
починки	490 „
швейно-портняжныхъ	430 заказовъ

Къ числу субсидируемыхъ Всероссійскимъ Земскимъ Союзомъ надо отнести и слесарную, столярную и сапожную мастерскія при лазаретѣ 1 пѣхотной дивизіи, открытыя въ концѣ марта.

Число работавшихъ въ мастерскихъ достигало 16-ти человѣкъ.

Мастерскими исполнено:

Слесарной	250 заказовъ
сапожной . . . новой обуви.	270 паръ
починки	360 „
столярной	150 заказовъ

Сапожная мастерская при 2-мъ кавалеріискомъ полку была открыта В. З. С. въ послѣднихъ числахъ іюля при 4-хъ мастерахъ. Въ концѣ августа мастерская эвакуировалась вмѣстѣ съ полкомъ въ Сербію.

Всѣ указанныя выше мастерскія при частяхъ снабжались представительствомъ инструментами и матеріалами, что давало имъ возможность значительно облегчать нужды своихъ частей въ ремонтѣ и починкѣ.

Всего представительствомъ на «трудовую помощь» съ 1 апрѣля по 1 октября израсходовано 1.568 л. 53 п. *)

Нижеприводимыя таблицы освѣщаютъ экономическую и учебную стороны дѣятельности мастерскихъ.

*) Въ эту сумму вошли — уплата содержанія, аренда и покупка вспомогательнаго матеріала. Что же касается стоимости основного матеріала, затраченнаго мастерскими, то о немъ будетъ сказано ниже.

ТАБЛИЦА 1.

Мастерскія	Изготовлено новыхъ вещей	Починокъ	Стоимость содержанія мастерскихъ	Себѣстоимость исполненныхъ заказовъ	Рыночная стоимость	Условная доходность
			въ турецкихъ лирахъ			
Сапожная	2000	7200	450	9060	13600	4540
Портняжная	2250	4300	128	1560	2200	640
Столярная	1360	720	320	2060	3100	1040
Слесарно-механич.	310	1484	200	2800	4200	1400

ТАБЛИЦА 2.

	Центральн. мастерскія				Мѣстныя мастерскія			
	Сапожная	Столярная	Слесарно-механич.	Швейная	Бѣженск. баталіон	Гвардейс. баталіон	Лазарета I пѣх. д.	Всего
Пропущено	68	32	27	90	30	16	12	275
Обучено	46	26	22	40	6	5	3	148

Матеріальная помощь представительства общественныхъ организацій въ Галлиполи была чрезвычайно разнообразна. Какъ части, такъ и отдѣльныя лица обращались къ представителю съ различными просьбами, начиная отъ выдачи ботинокъ до пріобрѣтенія яицъ къ пасхальнымъ праздникамъ. Были просьбы существенныя, вызываемыя суровой необходимостью, когда просители, стѣсняясь и конфузясь, разсказывали о своихъ нуждахъ, но были и такія, въ которыхъ явно сквозило желаніе что нибудь «сорвать», чтобы улучшить свое матеріальное положеніе.

Возможность помощи въ видѣ смѣтныхъ ассигнованій В. З. С., не позволяла не только широко поставить дѣло матеріальной помощи, но даже удовлетворить особо острую нужду въ необходимомъ, но все же, какъ эта помощь ни была иногда мала, она всегда была нужна.

Нижеприведенныя данныя вполнѣ иллюстрируютъ характеръ этой помощи.

Устройство памятниковъ	82 лир.
Музыкальные инструменты для воинскихъ частей .	700 „
Изыскательные инструменты	45 „
Инструменты для починоч. мастерскихъ при воинск. частяхъ	433 „
Матеріалъ для обуви и одежды	4160 „
Слесарный и столярный матеріалъ для мастерскихъ при воинскихъ частяхъ	558 „
Сельско-хоз. инструм.	9 „

Бѣлье	1725 лиръ
Одежда	414 „
Мыло	982 „
Писчая бумага	309 „
Горючіе матеріалы	363 „
Парикмахерскія принадлежности	61 „
Укупорочн. матеріалы	14 „
Табакъ	18 „
Рыболов. сѣти	6 „
Протезы и лекарства	170 „
Очки и пенснэ	27 „

Къ этому же виду помощи надо отнести и мѣропріятія по улучшенію быта.

Устройство храмовъ	107 лиръ
Устройство офицерскихъ собраній и столовыхъ	731 „
Устройство огородовъ	38 „
Устройство бань	85 „
Оборудованіе общежитій семей офицеровъ	13 „
Устройство водоснабженія	90 „

Большая разница въ суммахъ, ассигнованныхъ на устройство офицерскихъ собраній и общежитій для семействъ офицеровъ, объясняется тѣмъ, что на организацію послѣднихъ было ассигновано около 2 тысячъ лиръ Главнокомандующимъ, тогда какъ войсковыхъ суммъ на устройство первыхъ не имѣлось.

До 1 октября представительство израсходовало на матеріальную помощь 12.200 лиръ.

Въ серединѣ апрѣля представитель общественныхъ организацій въ Галлиполи въ своемъ докладѣ въ Главный Комитетъ писалъ:

«Армія голодаетъ... Я не могу быть заподозрѣннымъ въ преувеличеніи, если скажу, что минимумъ 10% русскаго населенія Галлиполи и лагеря нуждается въ усиленномъ питаніи».

А въ іюлѣ количество нуждающихся въ дополнительномъ питаніи представительствомъ исчислялось уже въ 30%. Это было самое скромное исчисленіе; въ дѣйствительности же, при значительно урѣзанномъ къ тому времени французскомъ пайкѣ, продовольственная помощь являлась необходимой для всего корпуса.

На отпущенныя для этой цѣли Главнымъ Комитетомъ крайне ограниченныя средства, не позволявшія производить эту помощь въ должномъ масштабѣ, былъ открытъ рядъ питательныхъ пунктовъ въ городѣ и въ лагерѣ.

Обѣдами на питательныхъ пунктахъ пользовались дѣти, больные и выздоравливающіе. Часть обѣдовъ предоставлялась юнкерамъ, такъ какъ на молодыхъ организмахъ гибельно отзывалось хроническое недоѣданіе.

Но такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ обѣдовъ отпускалось значительно меньшее количество, чѣмъ было юнкеровъ, послѣднимъ приходилось чередоваться, обѣдая на питательныхъ пунктахъ или черезъ день, или же по недѣлямъ.

Помимо обѣдовъ, съ питательныхъ пунктовъ на улучшеніе питанія военныхъ училищъ представительствомъ было отпущено 351 лира.

Въ общемъ, въ періодъ наибольшаго развитія своей дѣятельности, питательные пункты подкармливали всего 6,10%-6.17% всего количества русскихъ въ Галлиполи, но и эта помощь была крайне нужна и чувствовалась гораздо ярче, чѣмъ то можно было бы думать, оцѣнивая ея одно математическое значеніе.

Со всѣхъ питательныхъ пунктовъ по 1 октября было отпущено 184.000 обѣдовъ, себѣстоимость которыхъ представительствомъ исчисляется въ 12.721 лиру, причемъ стоимость одного обѣда представительствомъ опредѣляется въ 6¾ піастра.

На всѣхъ питательныхъ пунктахъ было введено положеніе дать блюдо, совершенно не напоминающее надоѣвшихъ казенныхъ обѣдовъ, приближающееся не только по своимъ качествамъ, но даже и по своему внѣшнему виду къ тому, что принято называть домашнимъ обѣдомъ.

И тѣ, которые пользовались продовольственной помощью, главнымъ образомъ цѣнили это разнообразіе пищи, выгодно выдѣлявшееся на общемъ фонѣ однообразнаго питанія «съ котла».

Помимо продовольственной помощи въ прямомъ смыслѣ этого слова, на питательныхъ пунктахъ Всероссійскаго Земскаго Союза нашли работу до 60 человѣкъ сестеръ, поваровъ и санитаровъ, получавшихъ при готовомъ столѣ ежемѣсячное жалованье отъ одной до пяти лиръ.

Сумма израсходованная по отдѣлу «Продовольственная помощь» по 1 октября исчисляется представительствомъ въ суммѣ 12.400 турецкихъ лиръ.

Въ то время, когда трудовой, матеріальной и продовольственной помощью пользовалось сравнительно ограниченное количество лицъ, помощь общественныхъ организацій въ культурно-просвѣтительномъ отношеніи ощущалась всѣмъ корпусомъ.

Начиная съ снабженія газетами и кончая театрами, въ Галлиполи не было ни одного культурно-просвѣтительнаго начинанія, которое бы не пользовалось той или иной поддержкой общественныхъ организацій.

Для этой цѣли въ мѣстномъ представительствѣ имѣлись спеціальные кредиты Всероссійскаго Союза Городовъ, но, къ сожалѣнію, настолько ограниченные, что представительство принуждено было взять за правило поддерживать только тѣ начинанія, которыя вылившись въ реальныя формы, уже достаточно окрѣпли и доказали свое право на жизнь.

Между тѣмъ, мысль, долго сдерживаемая гражданской войной, а также жажда пополнить свое образованіе, охватившая корпусъ, создали въ

Галлиполи настолько много такихъ начинаній, что кредиты, отпускаемые для этой цѣли В. С. Г., далеко ихъ не удовлетворяли. Къ тому же еще эти кредиты постепенно уменьшались, что заставляло сокращать культурно-просвѣтительную помощь въ корпусѣ, а къ 1 сентября, съ прекращеніемъ ассигнованій, даже и прекратить работу нѣкоторыхъ организацій. Сохранившіяся же организаціи и учрежденія стали субсидироваться Всероссійскимъ Земскимъ Союзомъ, хотя этотъ видъ помощи и не входилъ въ задачу Союза.

Приводимая ниже таблица показываетъ культурно-просвѣтительныя учрежденія въ Галлиполи, содержимыя на счетъ общественныхъ организацій.

ТАБЛИЦА 3.

Учрежденія	Израсходованная сумма въ турец. лирахъ
Курсы иностранныхъ языковъ	918
Солдатская библіотека и читальня	500
Общеобразовательные курсы	530
Читальня при Дроздовскомъ полку	140
Читальня при I-й пѣхотной дивизіи	30
„Устная Газета“	370
Гимназія	740

Изъ этихъ учрежденій гимназія содержалась за счетъ общественныхъ организацій всего два мѣсяца, послѣ чего перешла въ вѣдѣніе Комитета имени баронессы О. М. Врангель, который и принялъ на себя попеченіе о гимназіи.

Помимо указанныхъ выше организацій, въ Галлиполи не было почти ни одного культурно-просвѣтительнаго начинанія, которое бы не пользовалось помощью Всероссійскаго Земскаго Союза и Всероссійскаго Союза Городовъ, какъ это наглядно показываетъ нижеприводимая таблица:

ТАБЛИЦА 4.

Техническіе курсы	160 л.	Спортивныя лиги	64 л.
Худож.-музык. студія	206 „	Корпусный хоръ	30 „
Офицер.-инжен. школа	225 „	Театръ въ городѣ	472 „
Инженерное училище	200 „	Театръ въ лагерѣ	295 „
Гимнас.-фехтов. школа	265 „	Театры при частяхъ	300 „
Учебныя пособія	85 „	На изданіе журнал.	75 „
Пьесы и ноты	133 „	Экскурсія агроном.	40 „
Кружкамъ	45 „		

Помимо всей важности этой помощи въ культурно-просвѣтительномъ отношеніи, всѣ вышеприведенныя учрежденія и организаціи давали ежемѣсячный заработокъ до 80-ти лицамъ.

Всего на культурно-просвѣтительную помощь представительствомъ по 1 октября израсходовано 5.823 лиры.

Лавка явилась первымъ начинаніемъ общественныхъ организацій въ г. Галлиполи и имѣла своею цѣлью понизить рыночныя цѣны, значительно взвинченныя мѣстными торговцами по пріѣздѣ русскихъ, дать покупателямъ доброкачественный и дешевый продуктъ и помочь выдачей товаровъ въ кредитъ полковымъ лавочкамъ, организованнымъ при воинскихъ частяхъ въ лагерѣ.

Заданіе это облегчалось основнымъ принципомъ торговымъ оборотовъ лавки, а именно: отказомъ отъ прибылей, что достигалось продажей имѣющихся въ лавкѣ товаровъ по себѣстоимости, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже значительно ниже себѣстоимости.

Дневной оборотъ лавки въ среднемъ достигалъ 200 драхмъ.

За три мѣсяца работы, съ 1 іюля по 1 октября, лавка имѣла оборотъ въ 42.000 драхмъ, изъ коихъ на 10.000 драхмъ было отпущено товарами въ кредитъ полковымъ лавкамъ и офицерскимъ собраніямъ.

Къ сожалѣнію, дѣятельность лавки сильно тормозилась отсутствіемъ въ достаточномъ количествѣ товаровъ, получаемыхъ изъ Константинополя. Транспортъ ихъ въ Галлиполи былъ сопряженъ съ большими трудностями.

Такимъ образомъ лавка, долженствовавшая по своимъ задачамъ принести несомнѣнную пользу, постепенно сокращала свою дѣятельность, а 1 октября была совсѣмъ ликвидирована.

По всѣмъ видамъ помощи общественными организаціями въ Галлиполи израсходовано съ 1 апрѣля по 1 октября 32.000 лиръ. За этотъ періодъ времени въ мастерскихъ, въ учрежденіяхъ и въ различныхъ организаціяхъ В. З. С. и В. С. Г. нашли работу свыше 400 лицъ, заработокъ которыхъ колебался отъ 1 до 20 лиръ въ мѣсяцъ.

Дѣятельность представительства не исчерпывалась вышеизложенными видами помощи. Безплатная пересылка писемъ, посылокъ, справочное бюро, пособія на устройство полковыхъ праздниковъ и другая помощь, разнообразіе которой не позволяетъ подвести ее подъ ту или другую рубрику, а перечисленіе не можетъ вмѣститься въ рамки настоящей статьи.

Заканчивая же очеркъ дѣятельности общественныхъ организацій въ Галлиполи, нельзя не остановиться на весьма интересномъ явленіи, которое здѣсь наблюдалось, а именно — на тѣсномъ содружествѣ арміи и общественности.

Первоначально иниціалы «В. З. С.» «В. С. Г.» большинству ничего не говорили. Тѣ, которые вошли въ армію въ гражданскую войну почти ничего не знали о дѣятельности этихъ организацій.

Другіе смѣшивали эти организаціи съ нѣкоторыми парижскими Земско-Городскими объединеніями, которыя къ этому времени обнаружили свое отрицательное отношеніе къ арміи.

Все это вызывало понятную осторожность въ отношеніяхъ къ представительству общественныхъ организацій въ Галлиполи.

Такъ продолжалось до первыхъ чиселъ апрѣля, когда въ Галлиполи прибылъ новый представитель В. З. С. и В. С. Г., которому удалось сразу уловить пульсъ арміи и проявить искреннее стремленіе облегчить тяжелое положеніе арміи.

Въ представительство уже шли не только за помощью, но и за совѣтами.

И сліяніе общественности съ Арміей было настолько прочно и крѣпко, что когда въ Галлиполи пріѣхалъ Предсѣдатель В. З. С., А. С. Хрипуновъ, онъ былъ встрѣченъ арміей, какъ желанный гость. Его пріѣзду предшествовали слова, сказанныя имъ въ Константинополѣ:

— Если у Земскаго Союза нѣтъ средствъ, то продадимъ столы, стулья и вырученныя деньги отошлемъ въ Галлиполи.

Ознакомившись съ дѣятельностью В. З. С. въ Галлиполи, а также съ его взаимоотношеніями съ корпусомъ, А. С. Хрипуновъ безусловно имѣлъ право гласно заявить командиру корпуса, что нигдѣ никогда не наблюдалось такого сліянія общественности и арміи, какъ въ Галлиполи.

Съ своей стороны и армія измѣнила свой взглядъ на общественность. Не было ни одного уголка жизни русской арміи въ Галлиполи, гдѣ не чувствовалась бы помощь Союзовъ.

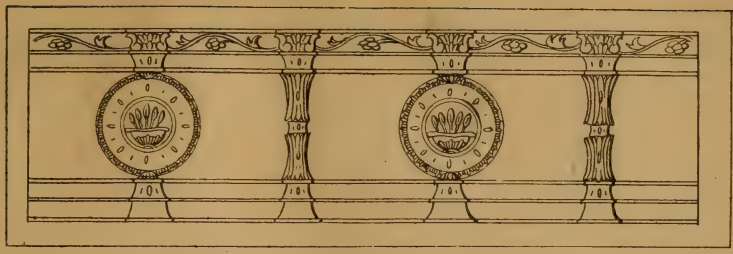
И отвѣчая А. С. Хрипунову командиръ корпуса съ полнымъ основаніемъ сказалъ:

— Мы мыслимъ возвращеніе на родину только въ тѣсномъ содружествѣ съ честной русской общественностью.

Съ той русской общественностью, слѣдуетъ добавить, которая по выраженію ея представителя въ Галлиполи была:

«... не врачемъ, а сидѣлкой при живомъ, но больномъ и страдающемъ организмѣ Арміи въ изгнаніи».

И первый корпусъ, вспоминая Галлиполи, конечно, никогда не забудетъ своей заботливой и внимательной «сидѣлки».



ИНОСТРАННАЯ ПОМОЩЬ

Иностранная помощь русскимъ въ Галлиполи оказывалась американскимъ, бельгійскимъ и международнымъ краснымъ крестомъ.

Международная и отдѣльныя государственныя организаціи краснаго креста, въ силу основныхъ положеній устава, считали себя вправѣ и обязанными принять участіе въ судьбѣ лицъ, которыя вслѣдствіе гражданской войны очутились безъ крова и безъ заработка.

Помощь бельгійцевъ выразилась прежде всего въ видѣ присылки партіи вещей въ маѣ мѣсяцѣ 1921 г.. Грузъ состоялъ изъ посуды, одежды, бѣлья и пр.. Вещи, собранныя съ большой любовью, были самаго разнообразнаго и вида, и состоянія. Галлиполійскіе русскіе представлялись для далекихъ бельгійцевъ, очевидно, распыленными, неорганизованными бѣженцами въ самомъ тяжеломъ матеріальномъ положеніи.

По словамъ привезшаго въ Галлиполи бельгійскіе подарки маіора де-Рувера, такимъ рисовался, какъ ему лично, такъ и бельгійскому обществу русскій корпусъ.

Принятый корпусомъ радушно и внимательно, онъ пробылъ здѣсь около недѣли и уѣхалъ обратно, увозя съ собой правильное представленіе о галлиполійской жизни русскихъ.

Вещи, присланныя изъ Бельгіи были частью розданы женщинамъ, сестрамъ милосердія и дѣтямъ, частью же пошли въ юнкерскія училища и полки. Наконецъ, нѣкоторое количество одежды пошло даже для пополненія реквизита корпуснаго театра, какъ напримѣръ: штатскіе костюмы, шляпы и пр.

Въ дальнѣйшемъ бельгійцы непосредственно не работали въ Галлиполи, но довольно много медикаментовъ и продуктовъ питанія направляли сюда черезъ американскій красный крестъ.

Международный красный крестъ принялъ на себя съ іюля питаніе дѣтей и женщинъ (кормящихъ и ожидающихъ). До этого времени это дѣлалъ американскій красный крестъ и французы. Послѣ установленныхъ соглашеній между этими организаціями, французскимъ командо-

ваніемъ и Всероссійскимъ земскимъ союзомъ, дѣти и женщины (указанныхъ категоріи) перестали получать французскій паекъ и все питаніе (а именно: обѣдъ и ужинъ) шло черезъ пункты Всероссійскаго земскаго союза, на который была возложена организаціонная сторона.

Американскій красный крестъ съ самаго момента эвакуаціи изъ Крыма началъ оказывать самую дѣятельную помощь русскимъ и продолжалъ ее до конца сентября 1921 года.

Помощь эту можно назвать исключительной по ея размѣрамъ. Всюду и всѣмъ въ Галлиполи была извѣстна марка A. R. C.

Дѣти, дамы были обязаны своею одеждой американскому красному кресту. Питаніе, недостаточное вообще, значительно улучшалось благодаря продуктамъ изъ американскихъ складовъ.

Посуда для приготовленія пищи, домашняя утварь, постельное бѣлье, одѣяла, матеріалъ для обуви и проч. распредѣлялись изъ кладовыхъ на набережной, главнымъ образомъ, среди женщинъ и дѣтей, а частью расходились и вообще среди русскихъ.

Эта помощь, существенная и широкая, нашла благодарную и достойную себѣ оцѣнку въ прощальныхъ словахъ командира корпуса (приказъ отъ 3 октября 1921 года):

«Въ ближайшіе дни уѣзжаетъ изъ Галлиполи представитель американскаго краснаго креста, маіоръ Дэвидсонъ.

Маіоръ Дэвидсонъ прибылъ въ Галлиполи въ самое трудное для насъ время, когда наши больные, наши женщины и дѣти не имѣли ни крова, ни одежды, ни достаточнаго питанія, ни медикаментовъ.

Немедленно маіоръ Дэвидсонъ организовалъ доставку и раздачу всего необходимаго и въ самое короткое время далъ возможность отлично устроить наши лѣчебныя заведенія, а нашимъ женщинамъ, дѣтямъ и подростающимъ юношамъ — одѣться и подкормиться.

Щедрая помощь продолжалась все время пребыванія маіора Дэвидсона въ Галлиполи.

И мнѣ особенно пріятно отмѣтить ту, присущую только гражданамъ великой американской націи, скромность, съ которой маіоръ Дэвидсонъ творилъ свое доброе дѣло.

Разставаясь съ глубокоуважаемымъ маіоромъ Дэвидсономъ, я прошу его принять отъ всѣхъ русскихъ людей, живущихъ въ Галлиполи, нашу глубокую признательность.

Друзья познаются въ несчастьи и мы знаемъ, что отъ насъ уѣзжаетъ нашъ добрый другъ, о которомъ мы всегда будемъ вспоминать съ чувствомъ глубокой благодарности.

Еще разъ примите, дорогой маіоръ, наше русское спасибо.

Да хранитъ Васъ Богъ.»

Эта помощь отразилась и въ строкахъ литературныхъ галлиполійскихъ произведеній.

И какъ всякое выдающееся дѣло, американская помощь вызывала и ревностныхъ восхвалителей и не менѣе горячихъ критиковъ.

Чтобы выяснить объективно значеніе помощи американскаго краснаго креста для русскихъ въ Галлиполи, необходимо детально разобрать этотъ вопросъ.

27 декабря 1920 года на галлиполійскій рейдъ пришелъ пароходъ «Ялта». На немъ пріѣхалъ изъ Константинополя представитель американскаго краснаго креста, маіоръ Дэвидсонъ. Въ трюмахъ парохода было сложено около 150 тоннъ перваго груза, предназначавшагося для помощи галлиполійцамъ.

Грузъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ госпитальнаго имущества, медикаментовъ и продовольствія.

Черезъ пять дней началась выгрузка товаровъ. Надо замѣтить, что французы встрѣтили прибывшаго не особенно любезно (этимъ объясняется задержка въ выгрузкѣ), но все же отвели подъ складъ и жилое помѣщеніе каменный домъ около внутренней гавани. Склада этого оказалось потомъ недостаточно и пришлось нанять второе помѣщеніе.

Въ эти помѣщенія и поступало все имущество, прибывавшее изъ константинопольскаго склада американскаго краснаго креста. Съ начала дѣятельности представительства до 1 августа всѣхъ грузовъ прибыло около 1.500 тоннъ (93.000 пудовъ).

Въ среднемъ въ мѣсяцъ получалось около 200 тоннъ (12.400 пудовъ), изъ которыхъ до 60 тоннъ составляли продукты питанія. Накладныя за мартъ мѣсяцъ, взятыя примѣрно, рисуютъ намъ достаточно ясно разнообразіе получаемыхъ вещей и ихъ количество.

1.	Рубахъ мужскихъ	5089 шт.
2.	Пижамъ	1400 „
3.	Рубахъ дамскихъ	2265 „
4.	Платьевъ и капотовъ женскихъ	2814 „
5.	Костюмовъ женскихъ	794 „
6.	Рубахъ для дѣвочекъ и юбокъ	750 „
7.	Платья, юбки, блузки	880 „
8.	Костюмы для дѣвочекъ	70 „
9.	Костюмы для мальчиковъ	400 „
10.	Рубахъ для нихъ	620 „
11.	Подушекъ	324 „
12.	Простынь	600 „
13.	Полотенецъ	1035 „
14.	Какао	1000 бан.
15.	Сахаръ	25 мѣш.
16.	Столовъ склад.	60 шт.
17.	Стульевъ	100 „
18.	Термометровъ	45 „
19.	Кожи подошвен.	220 окъ
20.	Табаку курит.	6 ящ.
21.	Зубного порошку	1346 кор.

и т. д.

Здѣсь все есть, чтобы одѣть и накормить человѣка. Широта, размахъ — основныя черты американской помощи русскимъ.

Какія же группы и лица пользовались ею? Нужды лазаретовъ, больныхъ, выздоравливающихъ женщинъ и дѣтей, слабыхъ — составляли предметы заботъ американскаго краснаго креста.

Юнкера, какъ подростающее поколѣніе, требующее нѣкоторой постоянной поддержки и, наконецъ, весь личный составъ корпуса — знали, что такое американская помощь.

Лазареты были первой и, пожалуй, главной заботой галлиполійскаго представительства. Созданіе и оборудованіе госпиталей было болѣе, чѣмъ необходимо.

Начальный періодъ галлиполійской жизни былъ особенно тяжелъ для привезенныхъ и вновь появившихся больныхъ. Больные лежали всѣ вмѣстѣ, на полу, среди паразитовъ, часто умирающіе и всегда сѣющіе кругомъ себя заразу. При всѣхъ добрыхъ желаніяхъ безъ большой матеріальной помощи нельзя было и думать объ улучшеніи ихъ участи. Задачи снабженія и распредѣленія всего необходимаго для лазаретовъ оказались прежде всего въ кругѣ дѣятельности представительства.

Французы дѣятельно, чѣмъ могли, помогали въ устройствѣ лазаретовъ. Отъ нихъ получено было 500 кроватей, палатки для лазаретовъ и околотковъ и лазаретное бѣлье. Въ первый тяжелый періодъ галлиполійской жизни помогли больнымъ и греки. Они открыли цѣлый лазаретъ для русскихъ, принимали сыпно-тифозныхъ больныхъ въ свои госпитали и отпустили для устройства русскихъ лѣчебныхъ заведеній необходимое количество досокъ, которыя пошли на устройство половъ въ лазаретныхъ палаткахъ. До полученія кроватей больные, благодаря этой поддержкѣ, могли быть уже размѣщены на сухомъ, чистомъ полу, а не на сырой землѣ палатокъ или каменныхъ полахъ лазаретныхъ зданій.

Первый грузъ американскаго краснаго креста уже состоялъ въ большей своей части изъ медикаментовъ и предметовъ оборудованія госпиталей, каждый же новый пароходъ привозилъ почти все, что требовалось для Галлиполи.

Уже въ половинѣ февраля было оборудовано до 1.500 кроватей; всего было организовано 6 госпиталей и около 30 околотковъ при частяхъ.

Околотки развертывались нѣсколько позже госпиталей, на 15-30 кроватей каждый, дивизіонный же — на 60 кроватей.

Лѣтомъ для легочныхъ больныхъ была основана здравница, цѣликомъ обязанная своимъ возникновеніемъ американскому красному кресту. Особыя палаты для роженицъ при госпиталяхъ, а затѣмъ и спеціальный родильный пріютъ были естественнымъ продолженіемъ организаціонной работы представительства.

Значительная часть всего оборудованія госпиталей, околотковъ и прочихъ врачебныхъ учрежденій корпуса пришлась на долю американска-

го краснаго креста. Вещи передавались въ лазареты американцемъ или черезъ корпуснаго врача, или, по соглашенію съ нимъ, непосредственно въ распоряженіе главнаго врача лазарета. Слѣдуетъ отмѣтить особое богатство медикаментовъ, которые передавалъ для больныхъ американскій красный крестъ.

Выписанные изъ госпиталей и околотковъ, попадавшіе снова на режимъ французскаго пайка и слабые, для которыхъ не нужно было постельнаго лѣченія, но которымъ необходима была поддержка какимъ нибудь улучшеніемъ питанія, тоже, конечно, обратили на себя вниманіе представительства. Съ марта мѣсяца бѣлый крестъ открываетъ при ближайшемъ содѣйствіи американскаго краснаго креста для выздоравливающихъ и слабыхъ питательный пунктъ, пищу съ котораго получаютъ по свидѣтельству врачебной комиссіи. Позднѣе открывается подобный же пунктъ и въ лагерѣ.

Значеніе этихъ двухъ учрежденій было очень велико, такъ какъ безъ ихъ участія ослабленные организмы рисковали бы подвергнуться новымъ и еще болѣе опаснымъ заболѣваніямъ.

Женщины въ Галлиполи обязаны и своими костюмами и предметами домашняго обихода, а также частью и питаніемъ—американскому красному кресту. Всѣ онѣ (около 1.400) получали отсюда прежде всего массу пижамъ. Юбки, блузки, чулки, бѣлье, простыни, одѣяла, матерія и пр. шли или непосредственно въ употребленіе, или давали возможность пріобрѣтенія (продажей неподходящихъ вещей) нѣкоторой суммы денегъ. Продажа ненужныхъ или неподходящихъ вещей была въ достаточной мѣрѣ развита въ галлиполійскомъ обиходѣ, но она и не вызывала (въ виду своей объективной необходимости) отрицательнаго отношенія представительства. Питаніе также получало до 800 женщинъ. Изъ предметовъ продовольствія главное мѣсто занимали молоко, сахаръ и какао.

Привыкшія видѣть въ представительствѣ единственное мѣсто, гдѣ можно получить очень многое, женщины обращались туда почти за всѣмъ. Нуженъ ящикъ для стола, нужна кожа для починки ботинокъ — первая мысль: пойти попросить въ американскомъ складѣ.

Сестры милосердія (болѣе 200) получали отсюда же усиленные комплекты вещей и продуктовъ питанія.

Общежитія для дамъ тоже получили для своего оборудованія очень многое изъ складовъ. Кромѣ утвари, ведеръ, тазовъ и проч. — здѣсь появились изъ склада и швейныя машины, утюги и пр.

Распредѣленіе вещей для дамъ происходило вначалѣ черезъ дамскій комитетъ, съ конца же февраля было образовано особое дамское представительство спеціально для получки и распредѣленія вещей и продуктовъ. Дамы частей и учрежденія выбирали представительницу и уже она получала все приходящееся по количественной развесткѣ на всѣхъ дамъ полка или учрежденія. Въ дни большихъ выдачъ изъ квар-

тиръ такихъ представительницъ во всѣ стороны города расходились дамы, нагруженныя одеждой, кастрюлями и мѣшечками съ сахаромъ и какао.

Разверстка по частямъ пополнялась еще возможностью получить иногда что нибудь необходимое или желаемое лично отъ американца.

Дѣти находились въ подобномъ же положеніи. Правда, вещей имъ доставалось меньше и пригодность ихъ еще болѣе была сомнительна, но продукты питанія для нихъ играли значительную роль. Распредѣленіе вещей среди нихъ съ марта шло черезъ особую представительницу, облеченную довѣріемъ американца. Питаніе происходило, кромѣ выдачи продуктовъ на домъ, еще и на дѣтскомъ питательномъ пунктѣ, находившемся въ одномъ домѣ съ дѣтскимъ садомъ. Число дѣтей этой категоріи доходило до 180 человѣкъ. Грудныя дѣти и маленькія (около 100) были выдѣлены въ особую группу, имѣвшую также даму представительницу. Наконецъ, дѣтскій садъ и гимназія обязаны многимъ при своемъ возникновеніи и въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи американскому красному кресту.

При широкихъ возможностяхъ, помощь эта послѣдовательно захватывала и весь корпусъ и бѣлыя лѣтнія рубашки, бѣлье, мыло попадали въ руки солдатъ и офицеровъ.

Заканчивая описаніе матеріальной стороны американской помощи русскимъ въ Галлиполи, необходимо еще разъ подчеркнуть ту широту и легкость, которыми отличалось это большое дѣло.

Во главѣ представительства стоялъ маіоръ Дэвидсонъ — американецъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ не говорилъ по-русски и не понималъ русскаго языка. Личныя качества привлекли къ нему симпатіи и хорошее отношеніе многихъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Какъ достойный представитель великой американской націи, онъ пользовался всегда и почетомъ, и постояннымъ вниманіемъ всѣхъ, начиная съ командира корпуса. Ему посылались всегда приглашенія на всѣ празднества въ корпусѣ. Нолки, учрежденія, военныя училища, цѣня его работу, стремились показать свое отношеніе къ нему въ радушныхъ пріемахъ. На одномъ изъ училищныхъ вечеровъ ему были подпесены даже юнкерскіе погоны, которые образно превратили маіора американской службы въ портупей-юнкера русской арміи.

Весь день мистера Дэвидсона проходилъ въ обычной работѣ представительства. Однако, незнаніе русскаго языка стѣсняло его и вынуждало имѣть постоянно переводчика. Личный составъ представительства былъ очень немногочисленъ. Двое русскихъ, знающихъ англійскій языкъ, пріѣхали съ нимъ изъ Константинополя, остальные же служащіе были приглашены уже въ Галлиполи. Считая шофера и его помощника, весь личный составъ представительства исчислялся 10-ю служащими. На нихъ лежала и пріемка грузовъ и выдача вещей изъ складовъ.

Раздача вещей и продуктовъ опредѣлялась росписаніемъ, въ которомъ рабочее время дня составляло около 6 часовъ. Въ понедѣльникъ получали продукты питанія госпитали и женщины, во вторникъ — околотки лагеря, въ среду — городскіе околотки, въ четвергъ — женщины. Выдачи вещей по отдѣльнымъ просьбамъ происходили и въ остальные часы перечисленныхъ четырехъ дней, а также въ пятницу и субботу.

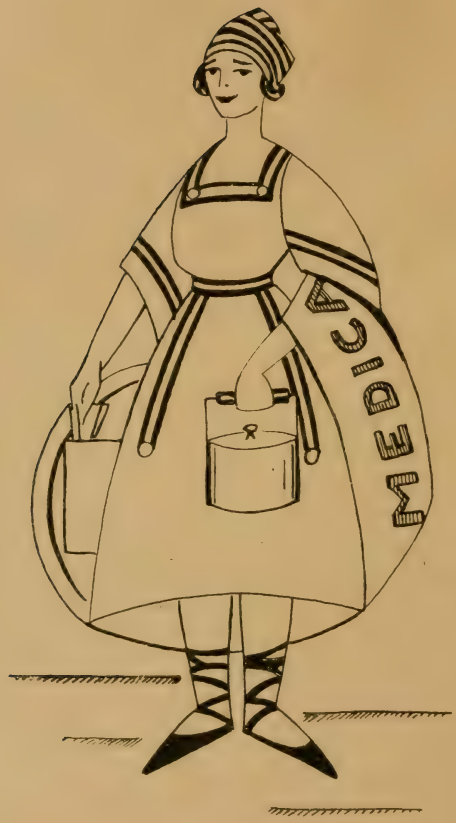
Организація отчетности и контроля не можетъ быть иначе названа, какъ отсутствовавшей совершенно.

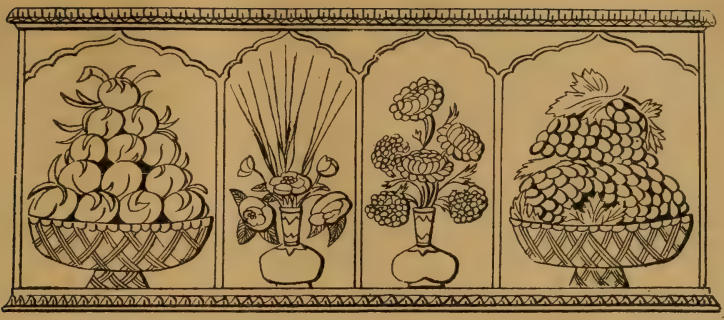
Создавая гибкую подвижную организацію, представительство отказалось прежде всего отъ какой либо отчетности и вся система была основана на полномъ довѣріи къ служащимъ и представительницамъ. Особенность такого устройства безусловно требуетъ нѣкоторыхъ общественныхъ навыковъ.

Каждый изъ галлиполійцевъ сознаетъ всю грандіозность помощи американскаго краснаго креста русскимъ въ безпримѣрно тяжелыхъ условіяхъ изгнанія.

Реальные результаты воспринимались всѣми непосредственно и рядомъ съ ними и черезъ нихъ создавались представленія и объ американской націи великой и человѣчной. На общемъ фонѣ національной помощи были особенно трогательны указанія на то, что отдѣльныя лица тоже вносили свое личное трогательное участіе по отношенію къ незнакомымъ, далекимъ, но страдающимъ дѣтямъ, женщинамъ и больнымъ. Отношенія чуткой благожелательности проявляли не только видѣвшіе условія галлиполійской жизни, какъ, напримѣръ, пріѣзжавшій сюда константинопольскій представитель, но и лица, издали сочувствовавшія русскимъ. Самое внимательное участіе проявлялъ и главный представитель американскаго краснаго креста, жившій въ Парижѣ. Наконецъ, такъ трогательны были вещи работы американскихъ дѣвочекъ и дѣвушекъ. Адресъ, пришитый къ такимъ присылаемымъ вещамъ, подсказывалъ, что гдѣ то далеко теплится въ сердцахъ людей огонекъ, имя которому — «любовь къ ближнему».

Вмѣстѣ съ вещами, на которыхъ стоитъ обычная марка A. R. C., въ руки дѣтей передавались, напримѣръ, аккуратно и со вкусомъ сшитыя изъ мелкихъ кусочковъ матеріи одѣяла, въ углу которыхъ былъ пришитъ адресъ и подпись посылавшей его американской дѣвочки.


MEDIA



ЖЕНЩИНЫ И ДѢТИ

Очень небольшой процентъ общей военной массы составляли семейные въ Крыму. Обычно оторванные не только отъ привычной жизни, но и отъ прежняго круга близкихъ, вели свою борьбу вдали отъ родныхъ мѣстъ бойцы Русской Арміи.

Внезапная эвакуація рѣзко углубила и это соотношеніе между фактически холостой частью арміи и семейной. Прямо съ фронта пришлось отступать къ портамъ и здѣсь грузиться.

И передъ военными всѣхъ чиновъ, имѣвшихъ семьи въ Крыму, всталъ для неотложнаго, почти мгновеннаго рѣшенія, вопросъ: что дѣлать съ женою, дѣтьми и др. близкими. Возможны были только два выхода: оставить семью, полагаясь на волю Всевышняго, въ рукахъ большевиковъ, а самому ѣхать съ частью, со своими боевыми товарищами, или рискнуть везти семью за собой въ грядущую неизвѣстность. Вся жизнь послѣднихъ дней складывалась такъ сумбурно, такъ въ своей катастрофичности захватила индивидуальную волю, что бороться съ общими массовыми переживаніями было совсѣмъ не легко.

Очень не многіе, бывшіе въ семейномъ кругу, рѣшились съ открытыми глазами (чаще всего боясь за здоровье и жизнь дѣтей) рискнуть оставить свои семьи въ распоряженіе грядущихъ коммунистовъ. Трудно было такимъ въ послѣдній разъ расцѣловать близкихъ, а самому идти на ту же неизвѣстность, которая ждала и всю армію.

Что же касается чиновъ арміи, семьи которыхъ жили за предѣлами Крыма, то вывезти ихъ, конечно, не было фактической возможности.

Немного, очень немного женщинъ и дѣтей спустилось въ трюмы отплывавшихъ пароходовъ. А вѣдь сюда входили женскій и дѣтскій элементъ гражданскихъ бѣженцевъ, спасавшихся отъ большевизма.

Такъ, въ конечномъ итогѣ, выдѣлился семейный составъ корпусовъ, эвакуировавшихся съ южнаго побережья.

Всѣ бѣженцы и большое количество семейныхъ военныхъ остались и осѣли въ Константинополѣ. Общежитія города и окрестностей пріютили не мало женщинъ и дѣтей.

Только семьи чиновъ 1-го армейскаго корпуса очутились на Галлиполійскомъ рейдѣ.

Если воспоминанія о жизни на пароходахъ для мужчинъ не отличаются розовыми красками, то можно судить о томъ, въ какихъ условіяхъ пришлось совершать переѣздъ Крымъ — Галлиполи женщинамъ и дѣтямъ. При всей предупредительности и администраціи, и общей массы невольныхъ пассажировъ, условія эти доходили до кошмара.

Отсутствіе особыхъ помѣщеній, особыхъ уборныхъ, тѣснота, грязь, совершенно недостаточное питаніе, невозможность переодѣться, вымыться и вымыть дѣтей — вотъ та ужасная обстановка, которую и женщинамъ и дѣтямъ пришлось переносить до 3-хъ недѣль.

Конечно, берегъ Галлиполійскаго рейда, съ какими то жилыми зданіями, съ цѣлымъ городкомъ, казался пассажиркамъ желаннымъ и необходимымъ. Но, очутившись на берегу, семьи оказались подъ открытымъ небомъ. Ноябрь съ холодными ночами и дождями былъ совсѣмъ не гостепріименъ. Устраивались среди своихъ же вещей около стѣнъ полуразрушенныхъ зданій, сооружали какую нибудь защиту отъ дождя и чувствовали себя все же въ лучшей, по сравненію съ пароходной, обстановкѣ.

Мало по малу начался и процессъ разселенія въ городѣ. Турки (и главнымъ образомъ они) и греки охотно уступали комнаты въ своихъ домахъ, разрѣшали приспособлять болѣе или менѣе сохранившіяся развалины подъ примитивныя квартиры. Одновременно началась и дѣятельность по устройству общежитій для семей.

Первыя общежитія устраивались непосредственно частями. Полки, желая такъ или иначе помѣстить женщинъ и дѣтей, пріискивали подходящія зданія, квартиры и своими средствами приводили ихъ въ сколько нибудь пригодный для жилья видъ. Въ это время и возникаютъ дамскія общежитія, носящія наименованія частей: общежитіе Корниловское, Алексѣевское, Кавалерійской дивизіи и т. п.

Налаживанье административнаго корпуснаго аппарата коснулось и жизни общежитій. Всѣ они были объявлены общежитіями дамъ 1-го армейскаго корпуса и въ порядкѣ управленія оказались подчиненными особому наблюдающему. Въ каждое общежитіе были назначены, кромѣ того, свои коменданты.

Переходъ въ вѣдѣніе корпуса обозначалъ и матеріальную поддержку со стороны высшаго командованія. Самыми неотложными заботами комендатуры общежитій были улучшеніе помѣщеній, устройство кроватей (ибо вначалѣ всѣ спали на полу), устройство закрытыхъ убор-

ныхъ, столовъ, табуретовъ и т. д. Для этого въ распоряженіе корпуснаго инженера поступили нѣкоторыя средства отъ командира корпуса. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отъ Главнокомандующаго было получено 2.500 лиръ на устройство и улучшеніе общежитій. Деньги были раздѣлены между городомъ (1500 лиръ) и лагеремъ (1000 лиръ), но израсходованы цѣликомъ не были, въ виду опредѣлившагося переѣзда въ славянскія страны.

На первыхъ порахъ устройства общежитій и, затѣмъ, всей галлиполійской жизни большое содѣйствіе оказывало мѣстное населеніе. Турецкій муфтій (глава духовенства) предоставилъ подъ общежитія нѣсколько мечетей (изъ общаго числа 13 общежитій, на 1-е сентября 5 были мечети) и въ переговорахъ съ отдѣльными гражданами города всячески старался облегчить русскимъ рѣшеніе жилищнаго вопроса.

Изъ 13 общежитій — 12 было предоставлено населеніемъ совершенно безплатно. Въ мартѣ мѣсяцѣ пришлось нанять первое платное помѣщеніе, такъ какъ къ этому времени не хватало прежнихъ общежитій; къ празднику Рамазана пришлось, по просьбѣ муфтія, очистить одну мечеть для богослуженій и нанять еще одну платную частную квартиру.

Число общежитій къ 1 августа составляло цифру 13 и въ нихъ помѣщалось, не считая мужчинъ, 225 женщинъ и 79 дѣтей.

Небольшое общежитіе для семей одного изъ военныхъ училищъ представляло изъ себя комнату, площадью 7 аршинъ въ длину и 7 въ ширину, т. е. 49 квадратныхъ аршинъ. При вышинѣ комнаты въ 4 аршина, это даетъ 196 кубическихъ аршинъ воздуха. Въ помѣщеніи шесть оконъ со стеклами только на четверть. Стѣны, какъ вообще въ галлиполійскихъ постройкахъ, представляли изъ себя почти что рѣшето. Въ этой комнатѣ размѣстилось четыре семьи, въ составѣ которыхъ было: 4 мужчины, 4 женщины и 5 человѣкъ дѣтей. Изъ послѣднихъ было два грудного возраста, двѣ маленькихъ дѣвочки, 8 и 10 лѣтъ, и дѣвочка 15 лѣтъ. На каждаго человѣка приходилась площадь комнаты въ 3,8 квадратныхъ аршина и 15 кубическихъ аршинъ воздуха.

Чтобы создать себѣ хоть подобіе отдѣльныхъ комнатъ, семьи при первыхъ же получкахъ одѣялъ раздѣлили комнату на загородки крошечнаго размѣра.

Вся жизнь въ такомъ общежитіи, конечно, проходила открыто. Не представлялось возможнымъ ни отдохнуть, ни удѣлить сколько нибудь времени собственной семейной жизни. Жизнь сосѣдей врывалась постоянно, другъ другу мѣшали, надоѣдали. Создавалась атмосфера постоянныхъ взаимныхъ неудовольствій, переходившихъ изрѣдка въ открытыя столкновенія. Все это, конечно, отражалось и на внутреннемъ семейномъ укладѣ.

Галлиполійскія отдѣльныя квартиры ни въ малѣйшей мѣрѣ не могли быть названы квартирами въ томъ смыслѣ слова, къ которому мы привыкли.

Средняя комната, въ которой помѣщалась русская семья, занимала площадь 4—8 квадратныхъ сажень. Мебель совершенно отсутствуетъ; имѣется обычно вдоль одной изъ стѣнъ только деревянное возвышеніе, которое можно приспособлять подъ кровать. Двери закрываются не плотно.

Холодно, неуютно и тѣсно было въ такихъ комнатахъ, особенно, въ дни частаго сѣверо-восточнаго вѣтра.

Но и такія квартиры были заманчивы по сравненію съ общежитіями и семьи стремились пріискать и нанять себѣ отдѣльное помѣщеніе. Но и найти себѣ комнату было не просто.

Поэтому въ началѣ лѣта нѣкоторыя семьи устраивали себѣ землянки, пользуясь всякими подручными матеріалами (главное — камни и земля), и перебирались изъ общежитій въ собственныя лѣтнія помѣщенія.

Въ половинѣ декабря всѣ семьи такъ, или иначе расположились подъ крышей.

Женщинъ въ составѣ корпуса пріѣхало около 1100 душъ. Къ началу января число ихъ выражается цифрой 1144.

Если возьмемъ соотношеніе между числомъ женщинъ и общимъ числовымъ составомъ корпуса на 13 февраля 1921 года *), то это выразится такимъ образомъ:

ТАБЛИЦА № 1

Отношеніе числа женщинъ къ общему составу корпуса

Численный составъ корпуса	Число женщинъ	Число сестеръ милосерд.	Сумма 2 и 3 графъ	Процентъ женщинъ къ общему составу корпуса
27.135	1153	213	1366	5%

Измѣненія въ численномъ женскомъ составѣ корпуса за полъ года галлиполійской жизни очень незначительны.

ТАБЛИЦА № 2

Численный составъ женщинъ по мѣсяцамъ

5 января	4 февраля	4 марта	2 апрѣля	4 мая	2 іюня	1 іюля
1144	1152	1156	1078	1141	1163	1137

*) Статистическія данныя приведены за періодъ съ января по іюль мѣсяцъ включительно. Въ дальнѣйшемъ техническая сторона отчетности была измѣнена и увѣренное пользованіе ею для статистики стало невозможнымъ.

Среднее количество женщинъ за 7 мѣсяцевъ выражается цифрой — 1139.

Какъ уже было упомянуто, въ декабрѣ мѣсяцѣ разселеніе въ городѣ семей закончилось.

Вмѣстѣ съ частями уже въ январѣ переселяются въ лагерь и нѣкоторыя семьи. Вначалѣ онѣ живутъ въ общихъ палаткахъ. Затѣмъ всѣхъ семейныхъ сосредотачиваютъ въ особыя, отдѣльныя палатки, образуя такимъ способомъ общежитія. Эти общежитія входятъ въ общій порядокъ лагернаго расположенія частей, при которыхъ онѣ состоятъ; иногда двѣ или три семьи занимаютъ небольшую палатку.

Какъ только появляется возможность, семейные принимаются устраивать себѣ землянки.

Женщины распредѣлялись между лагеремъ и городомъ слѣдующимъ образомъ:

ТАБЛИЦА № 3

Распредѣленіе женщинъ между лагеремъ и городомъ

Чис. и мѣс.	Общее число женщинъ	Въ городѣ		Въ лагерѣ	
		абс. число	% къ общ.	абс. чис.	% къ общ.
5 января	1144	889	77	255	23
1 іюля	1137	852	74	286	26

Въ лагерѣ, слѣдовательно, жила четвертая часть всѣхъ женщинъ, причемъ за лѣто изъ города туда перебралось 2%.

Матеріальное обезпеченіе семей въ Галлиполи отличалось, по сравненію съ прошлымъ, «уравнительнымъ характеромъ». Здѣсь не было ни богатыхъ домовъ, ни состоятельныхъ семействъ, — каждая семья была такъ же бѣдна, какъ и сосѣдняя. Вывезти изъ Крыма удалось очень немного и заработка не было. Мужъ въ семьѣ получалъ такой же паекъ, какъ и жена и 1—2 лиры его ежемѣсячнаго пособія были ничтожны. Раньше мужъ обычно не только заботился о содержаніи семьи, но имѣлъ въ ней и исключительное значеніе. Въ Галлиполи это измѣнилось: обезпеченность семьи здѣсь въ большей мѣрѣ зависѣла отъ женщины. Она получала нѣкоторое добавочное питаніе. Ей выдавалась масса всякихъ вещей изъ американскаго краснаго креста. Вещи эти, правда, къ непосредственному потребленію въ большей своей части были не пригодны, но ихъ можно было продать и внести въ повседневную хозяйственную жизнь не малую подмогу.

Мужъ, занятый дѣлами военной службы, конечно, не могъ заниматься какими либо частными заработками, а жена могла найти довольно много возможностей заработать хоть нѣсколько драхмъ.

Въ первое время женщины открывали для торговли маленькія лавочки, просто столики съ различнымъ товаромъ, участвовали въ устройствѣ кафе и т. д.. Можно было поступить и въ мѣстное кафе, гдѣ и заработать «на чаевыхъ» около $^1/_2$ лиры въ день.

Шитье гимнастерокъ въ началѣ лѣта, стирка бѣлья, (прачешная, открытая дамскимъ комитетомъ, работала исключительно русскими женскими руками), служба въ учрежденіяхъ — все это было доступнѣе для женщинъ и все это повысило ихъ значеніе съ хозяйственной стороны въ семейномъ быту.

Собственное хозяйство также велось женой, главнымъ образомъ, собственноручно. Въ тяжелой работѣ помощь мужа, правда, была необходима, но обшиваніе семьи, стирка — все это ложилось повседневной задачей на женщину. Если сюда прибавить чисто женскую склонность къ порядку и чистотѣ съ уборками, мытьемъ половъ и т. п., то будетъ совершенно ясно, что типъ «барыни» въ Галлиполи совершенно исчезъ. Конечно, послѣ всего вышеизложеннаго, то обстоятельство, что женщины въ Галлиполи были одѣты не только прилично, но и со вкусомъ, можно поставить имъ только въ заслугу. Умѣть изъ нелѣпыхъ американскихъ пижамъ сшить себѣ платье и даже нарядное, продать что нибудь и купить на вырученныя деньги недостающую отдѣлку, бѣлые чулки, лѣтнія бѣлыя туфли — ко всему этому русская женщина быстро примѣнилась и съ внѣшней стороны всегда могла служить примѣромъ вкуса для мѣстнаго населенія.

Элементъ общественной работы также касался женщины. Для полученія вещей изъ американскаго краснаго креста избирались дамами особыя представительницы. Онѣ получали, разбирали и распредѣляли вещи и питаніе женщинамъ и дѣтямъ своей части, или учрежденія. Возможность получить нѣкоторыя денежныя средства и оказать поддержку дамамъ въ крайне затруднительныхъ условіяхъ вызвало образованіе Дамскаго Комитета. Это учрежденіе (руководимое частью выборными отъ женщинъ, частью лицами назначенными) кромѣ распредѣленія вещей, полученныхъ, напримѣръ, изъ Бельгіи и денегъ, присылаемыхъ изъ комитета баронессы О. М. Врангель, устроили рядъ мастерскихъ, которыя безусловно оправдали цѣли ихъ созданія.

Обликъ внутренней семейной обстановки, взаимныхъ отношеній мужа съ женой, родителей къ дѣтямъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и въ связи съ измѣнившимся соотношеніемъ хозяйственнаго значенія мужа и жены, мужчины и женщины, въ Галлиполи значительно измѣнился.

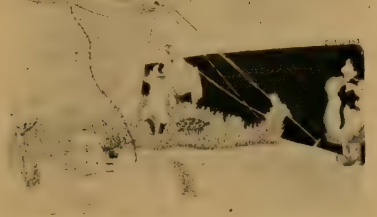
Дѣйствительно, какъ разлагающе должна была вліять даже на согласную семейную жизнь атмосфера общежитій. Невозможно ни отдохнуть, ни уладить незначительные конфликты: нервность, возбужденная, быть можетъ, безпрестаннымъ плачемъ грудного ребенка за одѣяломъ, представляющимъ собой стѣну, или черезчуръ громкимъ разго-

воромъ сосѣдей, вносилась въ отношенія внутренне-семейныя и, конечно, не служила къ ихъ укрѣпленію. Неудовольствія между женщинами выливались иногда въ замѣчанія, замѣчанія переходили въ крупные разговоры и открытыя столкновенія. Ссоры семей иногда приводили и къ трагическимъ развязкамъ. Замѣшанные въ недоразумѣнія, часто чисто женскія, мужчины углубляли конфликтъ и дѣло кончалось иногда (правда — въ рѣдкихъ случаяхъ) даже дуэлями съ ихъ случайнымъ исходомъ.

Отдѣльныя комнаты съ тѣснотой, неуютностью, холодомъ и сквозняками, дымомъ отъ мангала, тоже не были привычной обстановкой и обстоятельствомъ, упрочивающимъ семью. Семьи иногда не выдерживали, разваливались, приходя къ разводу. Тѣ же, которыя оказали достаточное сопротивленіе тяжелымъ внѣшнимъ условіямъ, будутъ вспоминать жизнь въ изгнаніи отнюдь не съ радостнымъ лицомъ.

Инцидентъ, столкновенія внутри семьи и, особенно, между членами разныхъ семей, иногда, конечно, задѣвали существенно интересы и права потерпѣвшихъ. Отсутствіе гражданскихъ судебныхъ установленій приводило къ тому, что всѣ жалобы женщинъ и на женщинъ поступали на разсмотрѣніе военной администраціи.

Проступки и нарушенія правопорядка женщинами представляли особыя затрудненія въ смыслѣ ихъ разрѣшенія. Это вызывало или дисциплинарныя наказанія для мужей (военныхъ), или непосредственныя воздѣйствія. За 8 мѣсяцевъ изъ Галлиполи было выслано 8 женщинъ.



Холостыхъ и незамужнихъ обрисованная выше обстановка не удерживала, однако, отъ попытокъ устройства личной семейной жизни. Число браковъ, совершенныхъ въ городѣ (не считая лагеря), съ ноября по іюнь, т. е. за 6 мѣсяцевъ составляло цифру 49.

Лѣтей въ составѣ корпуса пріѣхало немного. По даннымъ къ 15 января 1921 года ихъ было всего 244. Въ это число не включены мальчики (нерѣдко 10-12 лѣтъ), которые входили въ составъ воинскихъ частей. Та-

кія дѣти только позже были исключены изъ полковъ и возвратились къ дѣтской жизни въ интернатѣ гимназіи. Мальчиковъ этой категоріи насчитывалось еще отъ 80 до 90.

Общее число дѣтей, слѣдовательно, было около 320-340 человѣкъ. По отношенію къ составу корпуса это даетъ:

ТАБЛИЦА № 4

Составъ корпуса на 13 февраля	Дѣтей пріѣхав. съ семьями	Дѣтей въ сост. частей	Всего дѣтей	% % число дѣтей къ сост. корп.
27.135	268	85	353	1,3 %

Къ февралю, по сравненію съ январемъ, число дѣтей увеличилось, но они составляютъ все же не болѣе 1.3 % общаго численнаго состава корпуса.

Измѣненіе этой цифры по времени, въ общемъ, незначительны. Конечно, здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторое увеличеніе, такъ какъ число родившихся въ г. Галлиполи съ 12 февраля по 1 сентября достигаетъ цифры 100. Отъѣздъ дѣтей почти не наблюдался, такъ что можно считать къ концу періода общее число дѣтей тоже повысившимся.

Дѣти должны были мириться съ той же обстановкой, въ которой находились и родители. И если на ихъ настроеніе это, полное своеобразія существованія не производило удручающаго впечатлѣнія, то особенности и аномаліи существовали тяжело отражались на здоровіи дѣтей и на ихъ внутренней жизни.

Условія жизни въ общежитіяхъ (а въ нихъ помѣщалось до 80-ти дѣтей) должны были всей тяжестью лечь на дѣтскую психологію. Постоянно среди взрослыхъ, нервозныхъ и раздраженныхъ, въ тѣснотѣ, они, конечно, не пользовались той необходимой обстановкой, какая мыслится при нормальномъ воспитаніи. Трудно было близкимъ думать, заботиться постоянно объ удаленіи ребенка отъ рѣзкихъ, грубыхъ столкновеній съ фактами повседневной жизни. Вліяніе постороннихъ сожителей, съ которымъ ребенокъ поминутно сталкивался, приносило только вредъ ему, такъ какъ на него чаще обращалось раздраженіе сосѣдей; ребенокъ не замѣчался, поскольку онъ не мѣшалъ, при иныхъ же условіяхъ его всѣ останавливали и гнали.

Въ лучшей атмосферѣ, по сравненію съ общежитіями, были дѣти семей, жившихъ въ отдѣльныхъ комнатахъ, но и здѣсь они были въ совершенно ненормальной обстановкѣ. Внѣшнія условія были и непривычны и нелегко переносимы. Заботы семейныя также отчасти ложи-

лись на ихъ плечи и дѣти принимали важное дѣятельное участіе въ хозяйствѣ. Полученіе продуктовъ въ очередяхъ, носка воды, стирка бѣлья для взрослыхъ были для нихъ повседневной тяжелой работой. Въ то же время, какъ здѣсь, такъ и въ общежитіяхъ, дѣти не могли получить ничего для своего умственнаго развитія. Полное отсутствіе учебниковъ и совершенная непригодность для какихъ либо занятій семейной обстановки — вотъ причины этой ненормальности. Книгъ дѣтскаго содержанія, сказокъ, особенно въ первое время, совершенно не было и развлечь себя чтеніемъ ребенокъ не могъ.

Игрушекъ вывезти не удалось, купить не на что и они принуждены

ДѢТСКІЙ ПИТАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТЪ

искать собственныхъ выходовъ изъ создавшагося положенія. Дѣтская изобрѣтательность и воображеніе помогаютъ и появляются примитивныя игрушки изъ ящиковъ и досочекъ, куклы изъ тряпокъ, устраиваются игрушечные дома и землянки и т. п. Военная жизнь и переѣздъ по морю служатъ сюжетомъ игръ, простыхъ на взглядъ посторонняго наблюдателя, но полныхъ большого и сложнаго содержанія для участника. Кругъ дѣтей для совмѣстныхъ игръ, правда, не великъ (русскіе живутъ по городу разбросанно); съ мѣстнымъ же маленькимъ поколѣніемъ установить тѣсныхъ связей какъ то не удалось.

Конечно, въ такомъ положеніи дѣтскій садъ, устроенный въ февралѣ и гимназія, начавшая свою дѣятельность съ марта мѣсяца, оказались крайне необходимыми. Дѣти получили, наконецъ, собственную жизнь съ собственными интересами, заботами и радостями. Пойти въ гимназію на уроки къ 8½ часамъ утра, пробыть тамъ до часу или до двухъ, схо-

лить домой, а затѣмъ опять спѣшить чуть ли не на весь день въ гимназію, гдѣ нужно приготовить уроки къ слѣдующему дню, а можно и поиграть на площадкѣ интерната — таковъ новый порядокъ дня ребенка. Число учащихся въ гимназіи, включая сюда интернатъ и дѣтскій садъ, къ 15 августа — 208 человѣкъ дѣтей.

Переселеніе частей корпуса въ лагерь привело къ тому, что тамъ очутилась нѣкоторая группа дѣтей. Прежде всего туда ушли маленькія дѣти, пріѣхавшія изъ Крыма въ составѣ семей. Ихъ было:

ТАБЛИЦА № 5

Распредѣленіе дѣтей между лагеремъ и городомъ

	Всего дѣтей въ составѣ семей	Дѣтей въ городѣ	% гор. дѣт. къ об. чис.	Дѣтей въ лагерѣ	% дѣтей лагеря къ общему числу
Къ 15 янв. 1921 г.	244	203	83	41	17
Къ 1 іюля 1921 г.	309	261	84	48	16
среднее	276	232	84	44	16

Въ таблицу не вошли маленькіе воины. Ихъ количество точному учету не поддается, но если принять во вниманіе, что большинство ихъ переселилось въ интернатъ гимназіи, то можно утверждать, что въ составѣ частей ихъ осталось немного. Участь этихъ, оставшихся, еще болѣе тяжела, такъ какъ жизнь воинской части не позволяла особенно выдѣлять кого либо въ привиллегированное положеніе. Мальчики-солдаты, почему либо оставшіеся въ полкахъ, переносили всю тяжесть лагерной жизни и несли рядъ чисто военныхъ обязанностей: службы въ строю, парадовъ, разсыльной службы и т. д.

Для лагерныхъ дѣтей при Дроздовскомъ полку былъ открытъ питательный пунктъ, при которомъ была даже попытка устроить школу подготовительнаго типа. За весь періодъ жизни въ Галлиполи, однако, почти всѣ дѣти школьнаго возраста сосредоточились въ городѣ около гимназіи и въ лагерѣ оставались или дѣти очень маленькія, или настолько переросшія, что надеждъ быстро подтянуть ихъ къ уровню нормальнаго развитія было очень мало.

Питаніе дѣтей за все время можно признать безусловно неудовлетворительнымъ. Несмотря на поддержку общественныхъ иностранныхъ и русскихъ организацій, дѣти получали недостаточную пищу, главнымъ

образомъ, со стороны ея состава. На этой почвѣ въ Галлиполи развились болѣзни: легочныя, кожныя и др.

Домашняя жизнь приносила ребенку не много удовольствія и потому всѣ начинанія по устройству общественныхъ дѣтскихъ развлеченій привлекли полный составъ маленькихъ галлиполійцевъ. Праздники Рождества Христова въ начальномъ періодѣ жизни внѣ родины особенно требовали какого то подобія той праздничной и интересной обстановки, къ которой можно сказать, съ рожденія дѣти привыкли. Елка, уст-

роенная штабомъ корпуса 2 января 1921 г. и греческой префектурой—9 января, заполнили, хоть отчасти, сложившееся у дѣтей впечатлѣніе пустоты и ненормальности большого праздника, проводимаго въ изгнаніи.

Маленькія дѣти на рукахъ, большіе самостоятельно — всѣ чисто и нарядно одѣтыя, собирались на традиціонную елку съ радостью и нескрываемымъ интересомъ. Въ дальнѣйшей жизни устройство развлеченій для дѣтей перешло къ гимназіи.

Здѣсь устраивались и прогулки, и пикники, къ которымъ привлекалось все молодое поколѣніе. На Пасхѣ—первый разъ, во время пребыванія въ Галлиполи баронессы О. М. Врангель — во второй разъ были

организованы такого рода пикники въ Сергіевское артиллерійское училище, расположенное за городомъ въ полуверстѣ.

Полъ дня проходило въ собираніи цвѣтовъ, безконечныхъ играхъ и бѣготнѣ совсѣмъ незамѣтно и легко.

Дѣтскіе спектакли съ участіемъ самыхъ маленькихъ воспитанниковъ гимназіи, которые съ успѣхомъ инсценировали русскія сказки, собирали значительное число зрителей.

Какое общее вліяніе окажетъ галлиполійская жизнь на все будущее ребенка, перенесшаго тяжести изгнанія, судить, конечно, довольно трудно. Нѣкоторые сдвиги въ дѣтской психологіи, однако, уже намѣтились.

Маленькіе галлиполійцы болѣе взрослы, чѣмъ ихъ сверстники, воспитанные въ нормальной обстановкѣ.

Отставшіе, быть можетъ, за годы гражданской войны и за цѣлый почти годъ изгнанія въ области дѣтскаго образованія, они больше знаютъ жизнь, умѣютъ серьезнѣе относиться ко всему окружающему, чѣмъ дѣти мирнаго воспитанія. Прошлое, безусловно, нанесло удары и раны, настолько значительные, что возвратиться къ безоблачнымъ настроеніямъ для многихъ невозможно. Замученный на глазахъ у мальчика отецъ не забудется имъ никогда; разстрѣлянные близкіе будутъ вспоминаться постоянно; вся обстановка жизни въ полку, общеніе съ солдатами и фронтомъ оставитъ замѣтные рубцы на дѣтской психологіи.

Особенно характернымъ для дѣтей галлиполійцевъ служитъ почти зрѣлое пониманіе идеи Родины, которое выявлялось постоянно и ярко.

Въ сборникѣ стихотвореній учениковъ гимназіи встрѣчаются стихи чисто дѣтскаго типа:

Т Е Р Е К Ъ

Въ глубокомъ ущельи, гдѣ замокъ царицы,
Злой Терекъ угрюмо течетъ.
Летитъ онъ, какъ птица, и сильно пѣнится
И жутко, такъ жутко реветъ.
Кругомъ его горы. Высокія скалы
Тѣснятся одна близь другой.
И дикія козы, и тутъ же шакалы
Играютъ надъ бездной крутой.

Ученица 3 класса

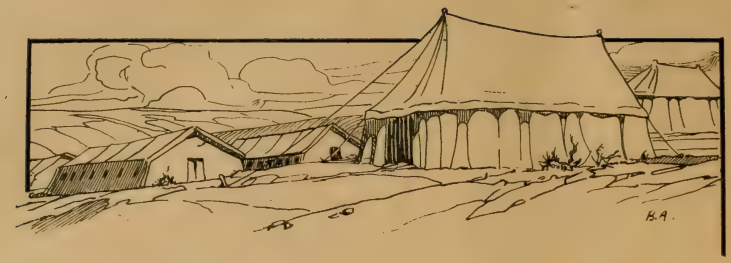
На ряду съ ними встрѣчаются и произведенія, которыя уже трактуютъ о понятіи Родины, о долгѣ передъ ней и ея будущимъ. Утрата общенія съ родной страной, необычайная, тяжелая обстановка и желаніе снова быть тамъ, въ далекой Россіи, со своими, оставленными тамъ близкими, толкаетъ мысль ученицы 3-го класса къ крику:

«НА РОДИНУ»

Солнце скрылось. Звѣзды засверкали.
Гдѣ то колоколъ упрямо зазвонилъ.
Чья то пѣсня слышится въ туманѣ —
Это вѣдь поетъ на башнѣ муэдзинъ.

Долго скучно тянутся напѣвы;
Вторитъ эхо гдѣ то далеко.
На деревьяхъ птицы уже сѣли,
Но на сердцѣ что то не легко.

Боже милостивъ! скорѣе бы на волю,
Убѣжать на родину скорѣй.
И забыть тяжелое бы горе,
И обнять подругу юныхъ дней.



ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ

Характеръ жизни въ лагерѣ опредѣлялся тѣми особенностями жизненныхъ условій, въ которыя попали тамъ части 1-го корпуса. Прежде всего слѣдуетъ принять во вниманіе личный составъ корпуса — въ значительномъ числѣ своемъ офицерскій. Уже съ первыхъ дней по высадкѣ опредѣлилось, что тягости работы тяжелой и черной должны частью лечь и на офицерство. Особенно это касалось лагеря, гдѣ всѣ работы сводились къ обслуживанію самихъ себя—устройство лагеря, доставка изъ города палатокъ, ихъ установка, доставка дровъ и воды для кухонь, доставка продуктовъ и предметовъ обмундированія и проч. и проч. Особенно тяжела была доставка различныхъ предметовъ изъ города въ первое время, пока не была построена дековилька и корпусъ не имѣлъ своего обоза. Все тогда доставлялось въ лагерь на собственной спинѣ. Неизсякаемый юморъ, который не угасъ и въ Галлиполи, окрестилъ такихъ носильщиковъ тяжестей добродушно-сочувственной фразой «ишакъ — вьючное животное». Въ дѣйствительности приходилось изображать вьючное животное, такъ какъ перетаскивались вещи самыя неудобоносимыя—не только одѣяла, бѣлье, обмундированіе, но и печки, котлы и проч.

Послѣ построекъ палатокъ существеннымъ вопросомъ было устройство коекъ, для которыхъ ни инструментовъ, ни матеріала не было. За матеріаломъ снаряжались экспедиціи въ горы, въ лѣсъ, верстъ за 6—7, откуда приносились молодыя деревца и вѣтки и изъ нихъ сплетались койки, а затѣмъ, для уюта, компаніи по 3—4 человѣка обносили свои помѣщенія либо плетнемъ, либо заплетали зелеными вѣтвями. Получалось отгороженное со всѣхъ сторонъ помѣщеніе съ узкимъ проходомъ и однимъ окномъ, маленькимъ и тусклымъ, которое довершало иллюзію желѣзнодорожнаго купэ. Въ силу этого и самыя отдѣленія получили названія «купэ». Много было шутокъ на тему о безконечно долгой дорогѣ на родину. На одной изъ палатокъ Алексѣевскаго артиллерійскаго дивизіона вокругъ такого окна снаружи сдѣлана типичная надпись—

«45—А, 53 мѣста, для курящихъ, прямое сообщеніе — Галлиполи—Харьковъ».

Питаніе, получаемое отъ французовъ, оказалось, конечно, очень недостаточнымъ. Въ нѣкоторыхъ, не особенно многолюдныхъ частяхъ, питаніе изъ котла завести не удалось и пришлось продукты выдавать на руки въ сыромъ видѣ, такъ что каждый долженъ былъ приготовить себѣ самъ обѣдъ. Но и тамъ, гдѣ были организованы котлы, питаніе было нисколько не лучше. Получаемыя періодически «лиры» давали возможность докупать наиболѣе дешевые продукты и дополнять казенный паекъ. Всюду сильно развилось индивидуальное приготовленіе пищи. Гдѣ было возможно организовались компаніи для этого, иногда

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ПИЩИ

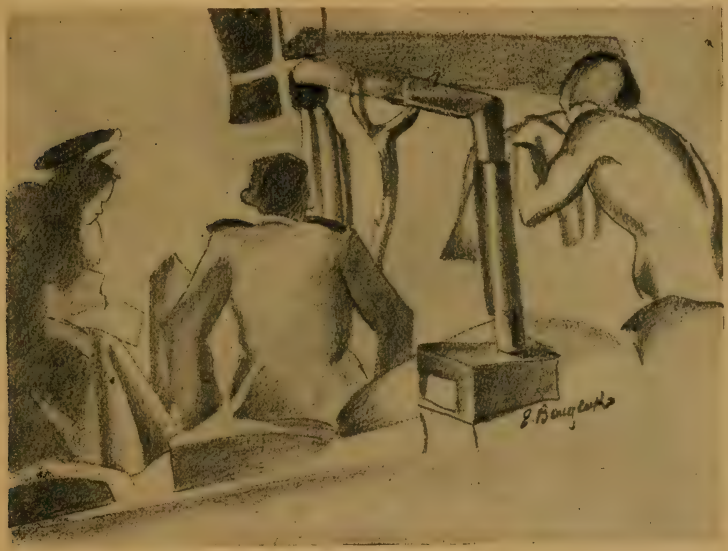
же отдѣльные люди готовили каждый для себя. При этомъ, первое время больше было компаній, въ концѣ же, когда кулинарныя познанія достигли возможнаго совершенства, почти всѣ компаніи распались. Для индивидуальнаго приготовленія пищи въ каждой части отводилось особое мѣсто, гдѣ были прямо въ землѣ вырыты очаги. Тамъ, гдѣ не было общаго довольствія съ котла, устройство очаговъ получило особое развитіе, причемъ почти каждый имѣлъ собственный очагъ, вырытый по особымъ правиламъ техники. Здѣсь все принималось во вниманіе — и направленіе вѣтра, и его сила, и удобство сидѣнія у очага, и, самое главное, экономія дровъ. Нѣкоторые не удовлетворялись такими очагами и изготовляли для себя изъ пустыхъ банокъ изъ подъ вежеталина или сухихъ овощей спеціальные мангалы съ различными усовершенствованіями. Пища готовилась изъ имѣющихся продуктовъ, т. е. приварка, консервовъ и кокосоваго масла, или изъ спеціально купленныхъ, при чемъ при покупкѣ больше всего цѣнилась дешевизна и увеличеніе въ объемѣ при варкѣ. Понятно, что наиболѣе употребительными продуктами оказались рисъ и «мамалыга», т. е. кукурузная мука. Рисъ шелъ, какъ засыпка въ супъ, изъ него же готовились самыя разнообразныя каши — съ консервами, съ лукомъ, съ сахаромъ, а особыми гурманами — съ

инжиромъ, финиками, или на кофе и какао. Изъ кукурузной муки готовилось также подобіе каши съ консервами, или съ сахаромъ, а также пеклись лепешки. Шла она и на заправку «соусовъ» съ фасолью, или чечевицей, которые обильно сдабривались чеснокомъ, лукомъ, перцемъ. Изъ консервовъ готовились особые «паштеты», или «форшмаки» съ кубикомъ «Potage-salé» и даже котлеты. Весной особенно моднымъ кушаньемъ считался черепаховый супъ, причемъ черепахъ истреблялось безконечно большое количество и весь лагерь былъ усѣянъ ихъ

ДРОВОНОСЪ

щитами. Такое необыкновенное увлеченіе кулинаріей вызывало много шутокъ и разговоровъ, какъ по возвращеніи въ Россію мужья начнутъ переучивать своихъ женъ приготовлять пищу, причемъ плиты не будутъ признаваться (ихъ замѣнятъ вырытые въ землѣ очаги), а взамѣнъ всевозможной кухонной посуды будетъ культивироваться универсальная галлиполійская консервная банка.

Въ тѣсной связи съ приготовленіемъ пищи стоитъ «дровяной промыселъ». Необходимость готовить самимъ себѣ пищу вызывала необходимость достать дровъ. Кромѣ того, необходимость дополнять паекъ покупными продуктами при обычно «лирическомъ» настроеніи (въ ожиданіи полученія очередного пособія), заставляла многихъ носить дрова на продажу въ городъ, куда до этого они доставлялись «кардашами» на ишакахъ по довольно выгодной цѣнѣ. За дровами собирались цѣлыя экспедиціи. По качеству своему дрова распредѣлялись на нѣсколько сортовъ — тонкія сухія дрова, хорошо загоравшіяся и въ сырую погоду (лучшія дрова для приготовленія себѣ пищи), толстыя дрова,



СТИРКА БѢЛЬЯ

хотя бы и сыроватыя (имѣютъ лучшій сбытъ). Для личнаго употребленія самыми лучшими оказались сучья, собираемые на мѣстѣ прошлогоднихъ лѣсныхъ пожаровъ. Мѣста такихъ пожарищъ тщательно розыскивались и многими даже скрывались изъ опасенія, что скоро весь «горѣлый лѣсъ» будетъ разобранъ другими дровопромышленниками. Когда же дѣйствительно весь такой лѣсъ на 10-верстномъ разстояніи въ окружности былъ уничтоженъ, попытались вновь его завести и стали устраивать пожары. Однако, этотъ лѣсъ для личныхъ нуждъ оказался негоденъ, за то получилъ хорошій сбытъ въ городѣ. Рано съ утра начиналось отправленіе такихъ дровяныхъ экспедицій въ горы, а часамъ къ 10—11 утра они начинали уже возвращаться, причемъ дрово-

носы тянулись безконечными вереницами. Ежедневно съ горъ приносились сотни, если не тысячи, вязанокъ. Лѣтомъ удушающая жара ослабила этотъ промыселъ, къ тому же явился новый источникъ дровъ—море. И лѣтомъ по утрамъ, идя купаться, каждый захватывалъ съ собой мѣшокъ, чтобы притащить съ берега щепокъ для приготовленія обѣда.

Самымъ тяжелымъ дѣломъ лагернаго житья являлась стирка бѣлья. Отсутствіе средствъ и невозможность отдать бѣлье стирать на сторону заставляли всѣхъ заниматься этимъ дѣломъ самимъ, что было очень не легко при отсутствіи какой бы то ни было посуды, кромѣ универсаль-

КОМУ?

ныхъ консервныхъ банокъ. Каждый приспосабливался, кто, какъ могъ: одинъ—на камнѣ, другой—на дощечкѣ, принесенной съ собой, причемъ особенно это трудно и тяжело было зимой на морозѣ. Лѣтомъ вопросъ сильно облегчился и доставлялъ, пожалуй, скорѣе удовольствіе, чѣмъ тягость. Многіе стирали бѣлье, снимая его съ себя, причемъ успѣвали его тутъ же высушить на солнцѣ, пока сами получали солнечную и воздушную ванну.

Самымъ же центральнымъ моментомъ лагерной жизни являлось распредѣленіе продуктовъ. Продукты отъ раздатчиковъ поступали на группы — банка консервовъ на пять человѣкъ, хлѣбъ — на четыре или на пять человѣкъ и т. д. Группы же дѣлили ихъ уже на индивидуальные пайки и распредѣляли между отдѣльными лицами. Такъ какъ все распредѣлялось на глазъ, то въ интересахъ справедливости слѣдовало

раздавать пайки по жребію. Жеребьевка происходила слѣдующимъ образомъ: одинъ изъ группы, указывая на паекъ, спрашивалъ: «кому?», другой же, стоя спиной къ раздѣленнымъ продуктамъ, называлъ фамиліи членовъ группы. Во время раздачи продуктовъ весь лагерь оглашался дружными вопрошающими криками: «кому?», «кому?».

Въ такихъ несложныхъ занятіяхъ проходилъ весь день галлиполійца — лагернаго жителя. Утренній кипятокъ, наряды и занятія, или прогулка въ горы, въ лѣсъ за дровами, приготовленіе пищи, стирка бѣлья и «кому? кому?». А вечеромъ — зимой, ожесточенные и часто озлобленные споры съ будущими бѣженцами на темы о политическомъ положеніи, распыленіи и сохраненіи арміи, а лѣтомъ, съ тѣхъ поръ, какъ ар-

ЧТЕНІЕ ГАЗЕТЪ

мія очистилась отъ всякаго наноснаго элемента — посѣщеніе театровъ, футбола, «устной газеты», лекцій и мирные разговоры о возвращеніи на далекую, но милую и безконечно дорогую родину. Часто — мечты о будущемъ и веселыя шутки и подтруниванія другъ надъ другомъ. Вечерами же происходили и пережевыванія всѣхъ принесенныхъ за день слуховъ. Иногда по вечерамъ лагерь какой либо части оглашался дружнымъ и веселымъ «ура» и сейчасъ же со всѣхъ концовъ долины спѣшили къ шумящимъ ходоки узнавать о причинахъ радости. Оказывалось, что «Одесса взята повстанцами», или «Брусиловъ, во главѣ возставшихъ красныхъ войскъ, захватилъ Москву и арестовалъ Ленина, а Троцкій бѣжалъ и т. д. и т. д.

Большое оживленіе въ лагерѣ весной внесли футбольныя состязанія между командами частей. И здѣсь сказалась характерная особенность

въ корпусѣ — некуда было приложить накопившуюся энергію, запасъ которой требовалъ приложенія къ какой либо борьбѣ. И вотъ страстность борьбы вносится въ споритъ, каждая часть живетъ успѣхами, или неудачами своей команды. Когда назначается матчъ — полъ лагеря стекается на него и по цвѣту фуражекъ издали можно узнать, какія команды играютъ и у какихъ воротъ.

Въ то же время какъ одна часть лагернаго населенія развлекается на футбольномъ полѣ, другая ищетъ духовной пищи, по которой такъ всѣ стосковались, и никакой матчъ, и никакая сенсація не заставитъ ревностныхъ слушателей пропустить лекціи на Общеобразовательныхъ курсахъ. Сеансъ «устной газеты» также имѣетъ свою и очень значительную аудиторію.

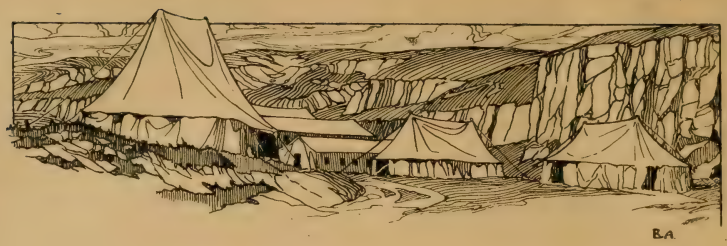
По вечерамъ всѣ эти впечатлѣнія претворялись въ тихія бесѣды, или горячіе споры.

Сильно потускнѣла жизнь въ лагерѣ послѣ отъѣзда кавалеріи съ Сербію и части пѣхоты въ Болгарію. Съ этимъ совпало новое сокращеніе пайка и матеріальное оскудѣніе. Вмѣсто двухъ лиръ, сначала дали всѣмъ по одной лирѣ, а затѣмъ стали выдавать лишь по 50 піастровъ. Если раньше не хватало на всѣ нужды, то теперь стало еще хуже. Все это сказалось въ увеличеніи числа дровяниковъ и паденіи цѣнъ на дрова. Обратились къ изготовленію и продажѣ древеснаго угля, что было хотя и труднѣе, но прибыльнѣе. Угольное производство отнимало не только много силъ, но и времени. Угольщики отправлялись въ горы съ ранняго утра и возвращались лишь поздно вечеромъ, а на завтра надо было тащить на спинѣ въ городъ огромный куль съ углемъ, чтобы выручить за него гроши на табакъ и хлѣбъ. Новое паденіе цѣнъ на уголь вызвало организацію цѣлой артели угольщиковъ. Многіе въ это время устроились на земляныя работы у англичанъ, а также на постройки, производившіяся ими на полуостровѣ. Однако, долго никто не оставался на этихъ работахъ.

Когда начались осенніе дожди, лагерь совсѣмъ завялъ. Въ виду отъѣзда Алексѣевскаго полка, Общеобразовательные курсы остались безъ помѣщенія и лекціи прекратились. Впрочемъ, тогда всѣ готовились къ немедленному отъѣзду. Вслѣдствіе разрушенія театра лагернаго сбора, прекратились сеансы «устной газеты». Лишеніе духовной пищи, отсутствіе денегъ и необходимость тяжелаго и непріятнаго труда ради ничтожнаго заработка отвлекли всѣхъ отъ обычныхъ занятій. Запустились линейки, заросли щегольскія эмблемы, выложенныя изъ цвѣтныхъ камней. Сильно упало настроеніе. И только вѣра въ вождя, который выведетъ изъ самаго тяжелаго положенія, да надежда на скорый переѣздъ въ славянскія страны поддерживали силы нести тяжелый крестъ существованія въ старыхъ порванныхъ палаткахъ, въ грязи и сырости лагерной долины.

Какъ встрѣтилъ Галлиполійскій полуостровъ корпусъ ненастьемъ и невзгодой, такъ и проводилъ. Въ годовщину прибытія разразился сильнѣйшій циклонъ. Бѣдствія, причиненныя имъ, были ужасны. Палатки надувались и лопались, какъ мыльные пузыри. Холодъ, вѣтеръ и дождь дѣлали жизнь невыносимой. Но... наканунѣ стало извѣстно, что осуществились давнія мечты о переѣздѣ въ Болгарію и 25 ноября приходитъ первый пароходъ, на которомъ пріѣдетъ и Главнокомандующій. Невзгоды были забыты и всѣ съ вѣрой въ грядущее энергично стали готовиться къ переѣзду.

Пройдутъ года. Забудутся всѣ лишенія и тягости. Забудется голодъ и оскорбленія. Но останутся характерные штрихи, моменты, которые всегда будутъ живы для галлиполійца. Забудется и стирка бѣлья, и тяжелыя работы, и перетаскиванье тяжестей на спинѣ, забудется и обидное отношеніе вчерашнихъ друзей и союзниковъ — французовъ, но никогда не забудется ни кубикъ «Potage-salé», идущій съ одинаковымъ успѣхомъ и въ супъ, и въ соусъ, и въ кашу, и въ паштетъ, и въ форшмакъ. Не забудется универсальная консервная банка — матеріалъ и для церковнаго паникадила, и для настольной лампы, для кастрюли, чайника, кружки, и..... да нѣтъ, кажется, такого предмета, который нельзя было бы сдѣлать изъ универсальной консервной банки. Не забудутся и эти вѣчные консервы, такъ надоѣвшіе и столь необходимые, что изъ за недостатка 10 граммъ поднимается ссора даже между лучшими друзьями, консервы, которыми, какъ говорили, остря, даже пахнутъ родившіяся въ Галлиполи дѣти. И ужъ никогда не забудется это бодрое и веселое «кому?» — это высшее выраженіе справедливости въ распредѣленіи жизненныхъ силъ.



ЖИЗНЬ ВЪ ГОРОДѢ

Галлиполи — это типичный турецкій приморскій городокъ. У берега и бухты — ряды раскрытыхъ грязноватыхъ кофеенъ, шумящія толпы грузчиковъ и аляповатыя, неуклюжія, со сложенными парусами фелюги.

А дальше идутъ кривыя улички, переулки и закоулки съ нависшими надъ ужасной мостовой деревянными фасадами однообразныхъ, будто на спѣхъ и не надолго сшитыхъ изъ тоненькихъ досокъ домовъ. Они смотрятъ на свѣтъ Божій также замкнуто-стыдливо, какъ и покорныя закону хозяйки ихъ сквозь деревянныя сѣтки оконъ, будто черезъ чадру.

Кое гдѣ среди этихъ домовъ пріютились въ нижнихъ этажахъ мелочныя лавочки и кофейни, гдѣ такъ любятъ часами молчаливо просиживать турки.

Сѣрый колоритъ улицъ красивыми пятнами пестритъ завитый плющемъ и зеленью мраморъ фонтановъ, у которыхъ вѣчныя толпы нашихъ съ жестяными банками и неуклюжими баками и турчанокъ съ кувшинами. Какъ-то сговорились, установили очередь, шутятъ, смѣются. А по вечерамъ надъ этимъ сѣро-скучнымъ міркомъ причудливо выдѣляются на акварельныхъ краскахъ далей рѣдкіе минареты, съ высоты которыхъ долетаютъ монотонно-заунывные призывные молитвенные напѣвы муллы.

Иногда въ городкѣ «звонковъ раздавались нестройные звуки» и, медленно колыхаясь, вытягивался караванъ одногорбыхъ верблюдовъ. Обычно же всюду сновали перегруженные кладью и людьми тихіе ослики.

И бойкая торговая улица города казалась на этомъ однообразномъ интимно-турецкомъ фонѣ какой то чужой, похожей больше на суетливаго, всего ушедшаго въ драхмы, да въ дешевый мелочный уютъ грека. На ряду съ турками они были замѣтны въ городѣ: ихъ вылощенные жандармы въ кэпи и хаки, ихъ неимовѣрно напыщенные офицеры, суетливые купцы, священники въ оригинальныхъ костюмахъ — встрѣ-

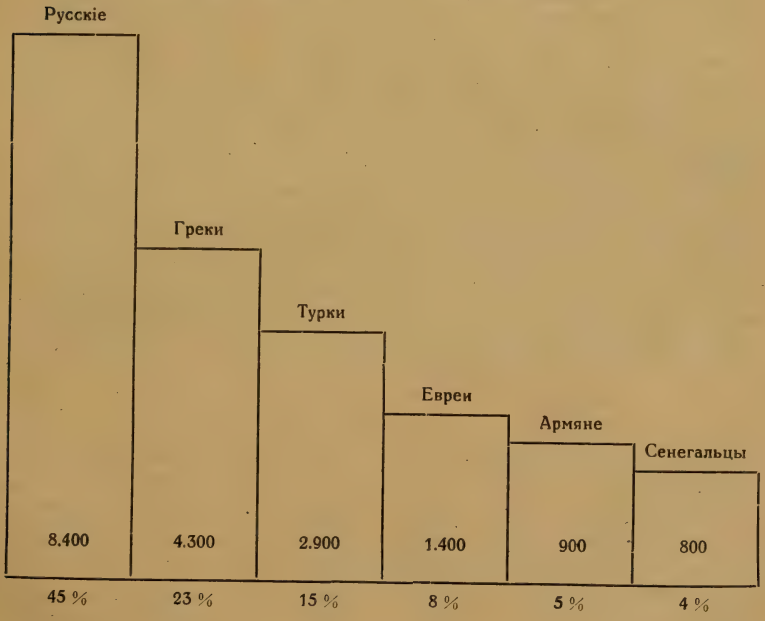
чались всюду, но, главнымъ образомъ, въ нагорной части города, въ ихъ кварталахъ, сохранившихъ въ общемъ чисто турецкій обликъ.

Всюду въ городѣ турецкая рѣчь, на всѣхъ — красныя фески, у всѣхъ туфли; всѣ уединились въ закрыто-семейный укладъ жизни: всюду въ лавкахъ турецкое око; въ странѣ драхмъ и лептъ въ широкомъ и привеллигированномъ ходу лиры и піастры.

Всюду восточная лѣнь, масса сладкаго, много грязи и какая то оторванность отъ гдѣ то, можетъ быть, недалеко отсюда бьющей культурной жизни: въ городѣ нѣтъ ни одной типографіи, греческія газеты—случайность; нѣтъ извозчиковъ, желѣзной дороги, электричества, кинематографа.

Когда пріѣхалъ корпусъ и части расположились въ городѣ, населеніе Галлиполи, вмѣстѣ съ прибывшими русскими, представляло слѣдующую картину:

СОСТАВЪ НАСЕЛЕНІЯ ВЪ ГОРОДѢ ГАЛЛИПОЛИ.



Къ постоянно живущимъ въ городѣ русскимъ ежедневно прибавлялось перемѣнное количество изъ живущихъ въ лагерѣ и городъ буквально заполнялся русской толпой. Появились русскія вывѣски, карточки на дверяхъ, объявленія, афиши; русскій говоръ былъ слышенъ всюду

и скоро русскій языкъ, правда, ломанный и примитивный, вошелъ въ обиходъ города. Стали общеупотребительными слова: хорошо и не хорошо, хлѣбъ, маленькій, мама, сколько и т. д. Лѣтомъ еще приводили въ примѣръ слѣдующую сценку: торговецъ-турокъ увѣрялъ сенегальца, что виноградъ «карашо», а сенегалецъ съ такой же настойчивостью твердилъ: «не карашо».

Съ другой стороны, такія слова, какъ кардашъ, эффенди, камера, экмекъ, йокъ, якши, яманъ, качъ и др. вошли въ обычный разговорный языкъ русскихъ; а многія женщины и дѣти научились довольно свободно говорить и объясняться по турецки и гречески.

Оригинально пестрили городъ чернокожіе, въ красныхъ фескахъ, се-

НАБЕРЕЖНАЯ

негальцы, прозванные въ общежитіи «Андрюшами» и «Сережами». То они послушно маячили на постахъ часовыхъ у различныхъ французскихъ складовъ; то принаряженными, полупьяными толпами высыпали по воскресеньямъ на торговыя улицы города, гдѣ ихъ манили разныя блестящія бездѣлушки, видимо для подарковъ на родинѣ и куры, которыми они такъ любили разнообразить свой французскій паекъ. Русскіе обращались къ нимъ всегда съ добродушной веселостью, отъ которой тѣ отвыкли въ суровой обстановкѣ ихъ теперешней службы и поэтому между ними и русскими установились, въ общемъ, дружелюбныя отношенія. Юнкера часто вступали съ ними даже въ оживленныя бесѣды, въ которыхъ мимика усиленно дополнялась словами по крайней мѣрѣ пяти языковъ.

Планъ города передать невозможно: это спутанный клубокъ уличекъ и закоулковъ безъ названій; дома — безъ номеровъ; на первыхъ порахъ, пока къ этому еще не привыкли, дома не были, какъ впослѣдствіи, перенумерованы, а «языкъ до Кіева не доводилъ», трудно было указать адресъ, или разыскать кого либо. Обычно говорили такъ: «Пойдете мимо штаба корпуса, дойдете до синей лавки (знаете ту, что у площади съ автомобилями), а тутъ—переулокъ за краснымъ домомъ и т. д.». Или: «пойдете по главной улицѣ, знаете гдѣ толкучка; тамъ стоитъ локомобиль, видѣли? вотъ отъ локомобиля сейчасъ же вправо идетъ улица, а тамъ большой двухъэтажный домъ».

День въ городѣ начинался обычно очень рано. Въ 6—7 часовъ утра

КАРАВАНЪ ВЕРБЛЮДОВЪ

у интендантства и хлѣбопекарень уже толпился народъ: получали продукты, хлѣбъ. Изъ лагеря тянулись вереницы дровоносовъ и угольщиковъ. У фонтановъ наростали очереди. Около 8—9 часовъ утра уже раздавались бодрыя пѣсни юнкеровъ, выходившихъ на занятія, всюду начинались ученья и работы. Обѣдали обычно въ 12—2 часа дня, затѣмъ — отдыхъ, послѣ-обѣденныя занятія, около 5—6 часовъ вечера — ужинъ. Этимъ кончался оффиціальный день. И съ этого времени преимущественно начиналась жизнь внѣ частей: шли на лекціи, на сеансы «устной газеты», въ театры или гулять. Излюбленными мѣстами для гулянья и отдыха были: площадка у маяка, набережная, большое турецкое кладбище и русское кладбище съ памятникомъ. На послѣднемъ особенно любили бывать всѣ галлиполійцы.

Центромъ особеннаго оживленія въ городѣ служили обычно штабъ корпуса, представительство В. З. С. и складъ американскаго краснаго креста.

Съ 9 часовъ утра тамъ закипала жизнь; тѣсныя комнатки обычныхъ турецкихъ домовъ набивались непрерывно смѣнявшейся толпой посѣтителей: приходили по служебнымъ и личнымъ дѣламъ; заходили навести справки, узнать новости, получить и сдать письма. Вечеромъ съ пяти часовъ повторялась та же картина.

Американцевъ обычно осаждала пестрая толпа дамъ.

Особенно оживалъ городъ въ дни полученія чинами корпуса лиръ: толпы русскихъ, главнымъ образомъ изъ лагеря, заполняли торговыя

ТУРЕЦКОЕ КЛАДБИЩЕ

улицы, раскупая ходкій товаръ. Къ вечеру появлялись подгулявшіе въ ресторанахъ, становилось оживленнѣе и шумнѣе.

Но только до 10—11 часовъ. Позднѣе въ Галлиполи ходить не разрѣшалось. Бдительные и какъ то всюду появлявшіеся патрули препровождали затѣмъ всѣхъ встрѣчныхъ, не имѣвшихъ особыхъ разрѣшеній, въ комендантское управленіе.

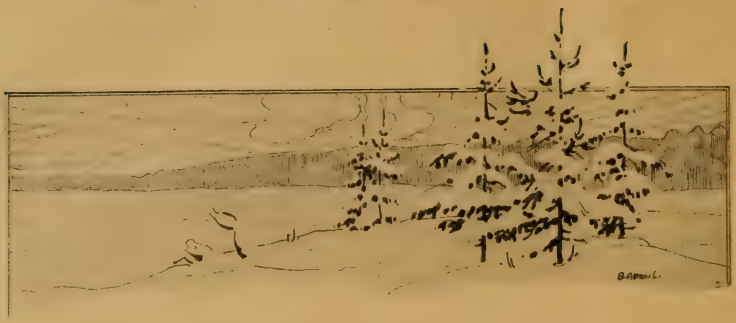
Лѣтомъ жизнь въ Галлиполи значительно скрашивалась наличіемъ прекраснаго морского пляжа у старой бухты и широко использованнымъ русскими долгимъ купальнымъ сезономъ.

Приказъ по корпусу разрѣшилъ купанье съ 9 мая. Цѣлые дни массы купающихся проводили часами на пляжѣ, принимая тутъ же и солнечныя ванны. Жаркое южное лѣто, мѣсяцы непрерывныхъ солнечныхъ дней, море, купанье — очень скрасили тягости галлиполійской жизни.

Связи съ внѣшнимъ міромъ у Галлиполи устанавливались только путемъ пароходныхъ рейсовъ. Случайно приходили греческіе пароходы. Еженедѣльно, по воскресеньямъ, обычно приходили русскіе транспорты, привозившіе почту, питаніе и русскихъ, бывшихъ въ Константинополѣ. Дня черезъ два эти транспорты обыкновенно возвращались обратно. Уѣхать въ Константинополь могъ всякій русскій, но только французы очень затрудняли выѣздъ всѣмъ русскимъ, кромѣ тѣхъ, кто переходилъ на бѣженское положеніе, скупой выдачей визъ, особенно обратныхъ, на возвращеніе въ Галлиполи. Да и денегъ не было у русскихъ на такія поѣздки.

Въ общемъ жизнь въ городѣ была несравненно и болѣе сносной, и болѣе интересной, полной, нежели жизнь въ лагерѣ. И когда, бывало, лагерные жители поднимались на холмы по долгой и тяжелой дорогѣ изъ лагеря въ городъ, ихъ всегда привѣтно манили огни города, широкой панорамой раскрывавшагося издали.

Городъ былъ административнымъ центромъ корпуса, главнымъ торговымъ рынкомъ, центромъ культурно-просвѣтительной работы въ корпусѣ. Въ этомъ было его значеніе для русскихъ.



НАСТРОЕНІЕ И СЛУХИ

Настроеніе «галлиполійцевъ» создавалось впечатлѣніями, фактами и слухами.

Когда къ берегамъ Галлиполи подошли пароходы съ частями корпуса, глазамъ представился унылый, однообразный пейзажъ.

Сѣрый берегъ, лишенный растительности, вдали сливавшійся съ свинцовымъ небомъ, цѣпи горъ, а на самомъ берегу, на склонѣ холма, развалины маленькаго городка — сѣрое тусклое пятно, на фонѣ котораго нелѣпо тянулись къ небу два—три чахлыхъ кипариса, нѣсколько большихъ уцѣлѣвшихъ стѣнъ, далеко темнѣвшихъ провалами оконъ, да единственный, слегка говорящій о «сказочности Востока», изящно очерченный минаретъ.

Разговоры на пароходахъ смолкли. Всѣ жадно вглядывались въ то мѣсто, которое должно было пріютить корпусъ.

Городъ казался мертвымъ. Развѣвающійся надъ однимъ изъ зданій греческій флагъ говорилъ о жизни, но при всемъ стараніи глазъ не могъ разглядѣть ея проявленій.

Впечатлѣніе было тяжелое. Точно какой то великанъ наступилъ на маленькій городокъ, размялъ, раздавилъ, разбросалъ и ушелъ дальше, посѣявъ смерть и разрушеніе.

Холодный, мелкій осенній дождь увеличивалъ тоску, защемившую сердце людей только что видѣвшихъ широкія поля Тавріи, образцовыя хозяйства нѣмцевъ-колонистовъ, или залитыя солнцемъ улицы Севастополя.

Контрастъ былъ настолько великъ, что даже не радовало близкое освобожденіе изъ темноты и грязи пароходныхъ трюмовъ.

А когда съѣхали на берегъ — увидѣли кривыя улицы съ развороченной мостовой и грязь.

Грязь вязкая, противная подъ ногами, грязь, какъ паутина, на стек-

лахъ оконъ, грязь въ маленькой бухтѣ, пріютившей нѣсколько десятковъ турецкихъ фелюгъ и, наконецъ, грязное небо съ быстро несущимися тучами.

У пристани и на улицахъ толпы мѣстныхъ жителей съ любопытствомъ разсматривающихъ русскихъ, а послѣдніе, съ немногочисленными пожитками на плечахъ, растерянные, озирающіеся куда бы спрятаться отъ промозглаго дождя.

Свѣтлыя мечты о Москвѣ завершились маленькимъ грязнымъ городкомъ на чужбинѣ.

Но острое чувство боли заглушалось необходимостью скорѣе устроиться. Тяжелыя мысли разсѣивались заботами по пріисканію помѣщенія, по его оборудованію, борьбою съ пронизывающимъ холодомъ, со всѣми тѣми мелкими тяготами, которыми встрѣтили армію въ Галлиполли.

А когда, черезъ недѣлю—двѣ, жизнь наладилась, эти мысли предъявили свои права.

— Кто мы, бѣженцы или армія?

На этотъ вопросъ отвѣчалъ внѣшній видъ.

Оборванные, почти безоружные, раздробленные, потерявшіе подобіе воинской организаціи, это были типичные бѣженцы, безъ завтрашняго дня, съ сегодняшними мелкими невзгодами и непріятностями.

— Кончена ли борьба?

Въ эти дни, для многихъ безумiемъ казалась мысль о какомъ либо продолженіи борьбы съ торжествующимъ большевизмомъ. Неуютный Галлиполи каждую минуту говорилъ о пораженіи.

Для однихъ борьба была закончена.

Другіе же, еще не освободившіеся отъ угара войны, продолжали жить ея напряженіемъ, мечтали о военныхъ экспедиціяхъ все равно съ кѣмъ, даже все равно противъ кого.

И, наконецъ, третьи, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, не теряли вѣры въ будущее арміи и смотрѣли на Галлиполи, какъ на тяжелый этапъ борьбы съ красными.

Но для всѣхъ Галлиполи было избавленіе отъ непосредственной опасности, висѣвшей, какъ Дамокловъ мечъ, во все время гражданской войны надъ каждымъ изъ защитниковъ Россіи.

Нѣтъ фронта, нѣтъ страха за завтрашній день. Издерганные нервы могутъ получить заслуженный отдыхъ.

Но этого имъ не даетъ самая мучительная, самая неясная мысль:

— Что будетъ съ нами завтра?

И опять: первые понимаютъ Галлиполи, какъ агонію арміи, а дальше... отдѣльные эмигранты, разбросанные по всѣмъ частямъ свѣта, наемники въ иностранныхъ легіонахъ, или же рабы среди милліоновъ подобныхъ же рабовъ въ совѣтской Россіи.

Вторые рисуютъ заманчивыя картины «поступленія къ Кемалю».

А третьи просто вѣрятъ и молчатъ, такъ какъ сказать нечего, такъ какъ въ туманѣ не вырисовывается какихъ либо свѣтлыхъ перспективъ.

При такой психологіи корпусъ, конечно, не могъ считаться сплоченной и крѣпкой войсковой частью. Въ большинствѣ въ немъ были или бѣженцы, или кондотьеры, жившіе исключительно своими личными интересами текущаго дня.

И приказъ Главнокомандующаго въ половинѣ декабря 1920 года, облегчавшій условія выхода изъ лагеря для всѣхъ тѣхъ, кто желалъ пріискать себѣ работу въ Константинополѣ, понимался какъ постепенный, но неминуемый роспускъ арміи.

Надежда на дальнѣйшее существованіе арміи не оставалось, а потому вынужденная прикрѣпленность къ Галлиполи, связанная съ плохимъ размѣщеніемъ, съ постояннымъ пронизывающимъ холодомъ, съ тяжелыми физическими работами въ грязи и подъ дождемъ, возбуждала недовольство. Проведеніе «дековильки», исправленіе шоссе, а то и постройка цѣлыхъ зданій, казались совершенно ненужными, отнимавшими послѣднюю силу у измученныхъ людей.

Вызывала ропотъ и введенная съ первыхъ же дней въ Галлиполи строгая дисциплина.

Войска, все время не выходившія изъ боевъ, были мало знакомы съ этой стороной военнаго дѣла. Превосходныя, какъ боевая сила, они не могли равняться со старой арміей, какъ выправкой, такъ и знаніемъ устава. А потому замѣчанія, выговоры, аресты за неотданіе чести, за распущенный видъ и т. п. вызывали ропотъ. Все это казалось настолько же ненужнымъ, какъ проведеніе «дековильки», или исправленіе шоссе.

Къ строевымъ же занятіямъ относились какъ къ безполезнымъ, окрестивъ ихъ иронически «игрою въ солдатики».

Но постепенно эта «игра» стала захватывать массы. Воинская подтянутость не позволяла людямъ распускаться. Проходившіе строемъ съ пѣснями юнкера заражали своею бодростью.

Корпусъ снова сталъ пріобрѣтать воинскій видъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, быстро пошла на убыль бѣженская психологія.

Съ возрожденіемъ арміи появились и соотвѣтствующіе слухи о какомъ то «международномъ десантѣ», формируемомъ для борьбы съ большевиками.

Эти слухи держались долго и упорно. Они были показательны, какъ возвращеніе къ идеѣ вооруженной борьбы съ большевизмомъ.

По словамъ говорившихъ, въ составъ корпуса должны были войти американцы, французы, англичане и Русская Армія. Одни передавали, что русская армія пойдетъ въ авангардѣ, другіе — что въ арьергардѣ, такъ какъ союзнымъ войскамъ мы будемъ нужны не какъ боевая сила, а лишь, какъ представители подлинной Россіи, оправдывающіе вооруженное международное вмѣшательство въ русскія дѣла.

Но въ томъ и въ другомъ случаѣ была твердая увѣренность, что мы будемъ нужны исключительно, какъ армія.

Дѣйствительность разбивала эти иллюзіи. Газеты приносили извѣстія, что Англія наканунѣ подписанія договора съ совѣтскимъ правительствомъ, а прекрасная Франція страховалась отъ всевозможныхъ неожиданныхъ случайностей утвержденіемъ, что правительство генерала Врангеля было признано ею только de facto.

Но уже разъ проявившаяся увѣренность въ себѣ, какъ арміи, не могла исчезнуть. На смѣну пришли новые слухи: использованіе арміи для защиты французскихъ колоній въ Африкѣ и выступленіе арміи, совмѣстно съ румынскими войсками, противъ большевиковъ.

Эти слухи вызвали къ себѣ рѣзко отрицательное отношеніе. Ни у кого не было желанія служить въ иностранномъ легіонѣ, также какъ и бороться за румынскіе интересы въ ущербъ Россіи.

Письмо начальника штаба Главнокомандующаго, опредѣленно указывавшее, что Русская Армія можетъ быть использована исключительно для борьбы съ большевизмомъ, а не для какихъ либо другихъ цѣлей, разсѣяло всѣ эти слухи.

Нервируя армію, слухи, между тѣмъ, имѣли и хорошую сторону. Всѣ они опредѣленно указывали, что армія существуетъ, что съ нею считаются, какъ съ воинской силой, что въ борьбѣ она еще не выбыла окончательно изъ строя и что передъ нею еще стоитъ рядъ возможностей.

Все это, конечно, поднимало общее настроеніе.

Такъ въ томительномъ незнаніи будущаго проходитъ декабрь.

Пріѣздъ Главнокомандующаго не внесъ ничего новаго. Положеніе оставалось неопредѣленнымъ, вопросъ о фактическомъ признаніи арміи союзниками оставался открытымъ. А съ благопріятнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса у арміи связывались надежды на измѣненіе своего положенія.

Въ то время идейная сторона этого признанія у большинства не играла значительной роли. Признаніе арміи сводилось къ прозаическимъ мечтамъ о лучшемъ размѣщеніи, питаніи, о хотя бы микроскопическомъ, но опредѣленномъ денежномъ довольствіи.

Отсутствіе послѣдняго мучило особенно остро. Постоянные консервы и фасоль заставляли съ тоской смотрѣть на прилавки съ съѣстными продуктами. Совсѣмъ не было возможности удовлетворить мучительный «табачный голодъ».

Но все это казалось временнымъ. За «признаніемъ» должно было придти матеріальное благополучіе.

Незадолго до Рождества пронесся слухъ о переворотѣ въ Совѣтской Россіи, связанномъ съ именемъ генерала Брусилова. Каждый день приносилъ какое либо новое извѣстіе: то въ неизвѣстномъ направленіи бѣжали Ленинъ и Троцкій, то образовалось какое то новое правительство въ Москвѣ и т. п.

Всѣ эти слухи жадно воспринимались арміей. Правда, о брусиловскомъ переворотѣ сообщалось уже нѣсколько разъ въ Крыму, что говорило противъ возможности такого переворота, но въ Галлиполи всѣмъ такъ хотѣлось вѣрить въ измѣненіе своей судьбы, что не задумывались надъ возможностью того, или иного факта, а просто вѣрили.

И въ эти дни въ лагерѣ, или въ городѣ, можно было часто слышать радостное, раскатистое «ура» при полученіи какого либо «самаго достовѣрнаго сообщенія».

Газеты снова разбивали радостныя мечты. Становилось еще болѣе холодно, неуютно, голодно. Еще болѣе нервировали тяжелыя физическія работы. Суровая дисциплина казалась безсмысленной. Будущее арміи было покрыто темнотой.

И никто не заглядывалъ въ это будущее. Это было безполезно. Будущаго въ то время не существовало. Оставалось только прошлое.

И это прошлое тамъ, въ Россіи, рисовалось такимъ яркимъ, такимъ свѣтлымъ, съ такой жадностью дѣлились о немъ воспоминаніями, что оно не могло не защемить сердца мучительной тоской по родинѣ.

А тамъ, гдѣ тоска, тамъ обычно скрывается и потребность великой любви.

Въ настоящемъ любить нечего — непривѣтливо и грустно. Въ будущемъ — темно и страшно. Оставалось только прошлое.

И въ неуютномъ, чуждомъ Галлиполи зегорѣлся огонекъ этой любви къ отвлеченной, далекой Родинѣ. Зажегся, разгорѣлся и, наконецъ, выросъ въ могучее яркое чувство.

Все чаще и чаще заходили разговоры о Россіи. Жадно накидывались на газеты въ поискахъ свѣдѣній о жизни Родины. Стали создаваться кружки и организаціи, какъ въ Россіи. Потянули къ себѣ классиковъ, въ которыхъ такъ много Родины. Захотѣлось знанія, самообразованія, самоусовершенствованія.

Армія постепенно выходила изъ состоянія анабіоза, въ которое ее повергла крымская катастрофа.

Вспыхнувшая любовь къ Россіи и ко всему русскому явилась могучимъ факторомъ, какъ спасенія арміи, такъ и находящихся въ ней русскихъ людей.

Темнота въ будущемъ разсѣивалась. Будущее перестало казаться страшнымъ.

Въ февралѣ пріѣхалъ Главнокомандующій.

На этотъ разъ встрѣчали его уже не бѣженцы, а армія.

Его слова о скоромъ возвращеніи на родину увеличивали общую вѣру.

И, дѣйствительно, точно въ подтвержденіе этихъ словъ, спустя нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, совѣтское радіо принесло въ Галлиполи извѣстіе о возстаніи Кронштадта.

Въ Россіи опять начиналась борьба и на этотъ разъ у самой цитадели большевизма, въ преддверіи «краснаго Петрограда». Контингентъ воз-

ставшихъ состоялъ изъ экипажа большевиковъ—тѣхъ матросовъ, которые въ совѣтской Россіи занимали всегда привилегированное положеніе.

Опять разгорѣлись надежды на возвратъ на родину.

Галлиполійцы находились точно въ лихорадкѣ. Читая радіо и газеты, всѣ переживали ту борьбу, которая велась на далекомъ сѣверѣ.

Несмотря на рѣдкіе трезвые голоса о возможности катастрофы въ Кронштадтѣ, большинство глубоко вѣрило въ побѣду матросовъ.

Ихъ любимый аргументъ былъ, что это ужъ не бѣлые сражаются съ красными, а сами красные выступили противъ поработителей. И возставшихъ, безъ сомнѣнія, поддержитъ народъ.

Не только каждый день, но и каждый часъ приносилъ какую нибудь радующую новость.

Взятіе возставшими Петербурга.

Бѣгство изъ Москвы комиссаровъ.

Приближеніе къ Москвѣ Антонова съ возставшими крестьянами.

Освобожденіе Одессы изъ подъ краснаго ига.

И много, много самыхъ различныхъ слуховъ, дурманившихъ радостью.

У всѣхъ было досадное чувство, что когда тамъ идетъ борьба, армія должна сидѣть въ бездѣйствіи, не имѣя возможности помочь возставшимъ.

Наконецъ, пронесся слухъ, что изъ Кронштадта вышелъ миноносецъ съ депутаціей къ генералу Врангелю.

Считали дни, когда онъ можетъ дойти до Константинополя. Негодовали на союзниковъ, что они не предоставляютъ пароходовъ для отправки арміи на помощь кронштадтцамъ. За послѣднихъ боялись, что они не выдержатъ неравнаго боя.

Слухъ о приказаніи Главнокомандующаго флоту выйти изъ Бизерты и идти на Лемносъ и Галлиполи для посадки войскъ — вызвалъ энтузіазмъ.

Армія отправится на помощь Кронштадту.

Отсутствіе оружія не смущало. Только бы добраться до Кронштадта, а тамъ вооруженіе найдется.

Но на этотъ разъ событія опередили слухи. Хотя нѣсколько «очевидцевъ» и клялись, что они «собственными глазами» видѣли проходившій въ Дарданеллахъ русскій флотъ, въ дѣйствительности послѣдній мирно покачивался на мертвыхъ якоряхъ въ Бизертѣ, совѣтское же радіо крикливо сообщило о паденіи Кронштадта.

Сначала этому сообщенію отказывались вѣрить.

— Обычная ложь большевиковъ.

Тѣмъ болѣе, что приходившія съ большимъ опозданіемъ газеты продолжали сообщать объ успѣхахъ возставшихъ.

Наконецъ, «Общее Дѣло» подтвердило паденіе Кронштадта.

«Общему Дѣлу» повѣрили.

Всѣ надежды, мечты на возвратъ на родину рухнули въ одинъ моментъ.

Стало тоскливо и тяжело.

Но упало настроеніе только на нѣсколько дней. Обманутому чувству пришелъ на смѣну разумъ.

— Если возстали матросы, то значитъ дѣйствительно скоро большевикамъ конецъ.

— Кронштадтъ — первая ласточка.

Яркое весеннее солнце, позеленившее рѣдкія деревья Галлиполи, разбросавшее свѣтлые блики на сѣрые камни развалинъ, способствовало подъему настроенія.

Больше не мучилъ холодъ. Ночью не приходилось вплотную прижиматься къ сосѣду, чтобы не замерзнуть и на солнцѣ такъ весело выглядѣли бѣлыя гимнастерки, въ которыя принарядились чины корпуса.

Вмѣстѣ съ теплотою солнце принесло и бодрость.

Дисциплина уже не казалась чрезмѣрной и суровой. Въ строевыя занятія втянулись настолько, что они перестали вызывать ропотъ. А тутъ еще подошли праздники съ выносомъ плащаницы, съ ночными службами, со всѣми религіозными церемоніями, очищающими и возвышающими душу вообще и въ особенности трогательными, доходящими до религіознаго экстаза въ Галлиполи.

И при такомъ настроеніи, слухи объ обострившихся отношеніяхъ между русскимъ и французскимъ командованіями въ Константинополѣ, никого не пугали.

Между тѣмъ, трактованіе арміи французами, какъ бѣженцевъ, стало совершенно явнымъ. Въ первое время своего прибытія въ Галлиполи, когда корпусъ былъ разрозненнымъ и не чувствовалъ себя крѣпкой войсковой единицей, подобная постановка вопроса, можетъ быть съ болью, но была бы для него пріемлема, но теперь, когда, отдохнувъ, корпусъ опять сплотился и принялъ воинскій видъ, это отношеніе было абсолютно непріемлемымъ и вызывало чувство незаслуженной обиды.

27 марта въ Галлиполи, на зданіи французскаго штаба, былъ вывѣшенъ унизительный ультиматумъ, предлагавшій, подъ угрозой лишенія пайка, на выборъ, или эмиграцію въ Бразилію, или отправку въ совѣтскую Россію.

Съ русской арміей не только не считались, но даже забыли ея прошлое.

Было гадко и досадно.

Во всѣхъ частяхъ обсуждали «французское обращеніе», много горькихъ и рѣзкихъ словъ посылалось по адресу вчерашнихъ союзниковъ.

Командиръ корпуса въ это время находился въ Константинополѣ, что еще больше увеличивало общее волненіе.

— Какъ отнесется къ этому ультиматуму Главнокомандующій?

— Пустятъ ли французы обратно въ Галлиполи командира корпуса?

Въ этотъ моментъ всѣ ясно сознавали, что болѣе чѣмъ когда либо требовалась рѣшимость генерала Кутепова и его желѣзная воля къ сохраненію арміи.

И когда къ берегамъ Галлиполи подошелъ пароходъ, привезшій генерала Кутепова, пристань и набережная покрылись чинами корпуса.

Послышался знакомый увѣренный голосъ, здоровавшійся съ почетнымъ карауломъ отъ юнкеровъ.

— Главнокомандующій просилъ передать вамъ привѣтъ.

И все.

Но этого было вполнѣ достаточно для собравшихся. Въ этомъ привѣтѣ Главнокомандующаго, въ этомъ спокойномъ, увѣренномъ видѣ генерала Кутепова былъ молчаливый отказъ подчиниться французскому ультиматуму.

Всѣхъ охватило восторженное настроеніе. Густой массой, съ несмолкавшимъ «ура» провожали командира корпуса до штаба, толпились тамъ, изъ устъ въ уста передавая два слова случайно брошенныя генераломъ Кутеповымъ — «все спокойно», а затѣмъ провожали командира корпуса до дому.

«Ура» не смолкало въ Галлиполи до самаго вечера.

Спустя нѣкоторое время задымилъ на рейдѣ трехтрубный «Ріонъ». Французское обращеніе претворялось въ дѣйствительность.

Бѣженцы уѣзжали въ Бразилію. Одни съ радостью избавленія отъ тяжелыхъ работъ, строевыхъ занятій, отъ суровой дисциплины, отъ полуголоднаго пайка, другіе, опустивъ головы, стыдясь измѣны общему дѣлу и тѣмъ, съ которыми въ теченіе долгаго времени, дѣлили всю тяжесть походовъ.

Оставшіеся провожали ихъ безъ злобы. Было только досадное чувство при разставаніи съ старыми боевыми товарищами. Но такихъ было немного. Большинство же уѣзжавшихъ были для корпуса чуждымъ, наноснымъ элементомъ изъ бѣженскихъ лагерей Константинополя.

Уѣхали.

Затѣмъ газеты принесли интервью съ ген. Людендорфомъ, въ которомъ послѣдній категорически высказался за необходимость вооруженной интервенціи. Немного спустя, въ Константинополѣ произошли аресты большевистскихъ представителей, а слухи добавили къ этому арестъ Красина въ Лондонѣ. Казалось, что Европа готовится предпринять какіе то рѣшительные шаги по отношенію къ совѣтской власти. Галлиполи съ напряженіемъ слѣдилъ за ходомъ развивавшихся событій, но вмѣсто ожидаемаго время принесло цѣлый рядъ французскихъ «обращеній» историческаго французскаго правительства отъ 17 апрѣля, съ предложеніемъ «не подчиняться своимъ начальникамъ», приглашеніе ѣхать въ Баку и т. п.

На первое, корпусъ отвѣтилъ такими оглушительными криками «ура» въ честь арміи и Главнокомандующаго, что мѣстный французскій кон-

сулъ сдѣлалъ курьезный выводъ о «радости русскихъ, узнавшихъ о полученной свободѣ».

На остальныя же обращенія армія почти не реагировала. Только незначительная часть, прислушиваясь къ французской агитаціи, теряла вѣру въ армію.

Для такихъ Галлиполи являлся тонущимъ кораблемъ русской арміи. Могущественные союзники неминуемо должны были раздавить эту армію и не ей маленькой было сопротивляться дредноутамъ Франціи, или еще болѣе страшнымъ требованіямъ Англіи.

И люди, думавшіе такъ, конечно, стремились скорѣе покинуть опасное мѣсто.

Случай представился скоро. 23 мая командиръ корпуса, чтобы однимъ ударомъ покончить съ бѣженскимъ вопросомъ, издалъ приказъ, которымъ разрѣшалъ въ трехдневный срокъ желающимъ перейти на бѣженское положеніе. (Приложеніе XIII).

Этотъ приказъ вызвалъ переполохъ. Тяготившіеся жизнью въ Галлиполи устремились въ бѣженцы.

Казалось, что ихъ очень много.

Казалось, что этотъ приказъ расколетъ армію, что тысячи новыхъ русскихъ бѣженцевъ разсѣются по свѣту и только сотни останутся у знаменъ.

Существованіе арміи было поставлено на карту.

Это была болѣзненная операція надъ арміей и армія въ теченіе трехъ дней содрогалась, какъ тяжело больной. Съ тоской уходили изъ арміи разувѣрившіеся въ ней, съ тоской провожали ихъ вѣрные. Многіе колебались, точно хотѣли выяснить, гдѣ будетъ большинство. Когда подавляющее большинство осталось изъ вѣрныхъ, къ нимъ примкнули и колебавшіеся.

А затѣмъ армія точно замкнулась въ кольцѣ. Остались только тѣ, которые вѣрили въ армію и хотѣли въ ней остаться.

Если февраль ковалъ національный духъ и гордость въ тѣхъ, которыхъ судьба забросила въ Галлиполи, то апрѣль и май ковали русскую армію. Тяжелъ былъ молотъ изгнанія, но подъ его ударами вырабатывалась гибкая, крѣпкая сталь.

Рѣдѣли ряды арміи, больно кололо отношеніе вчерашнихъ союзниковъ, сводился до минимума паекъ, остро мучило безденежье, но «духъ не угасалъ».

Къ этому времени забрезжилъ для арміи свѣтъ съ Балканъ.

— Въ славянскія страны.

Возникали опасенія, что не пустятъ союзники. На это былъ готовый отвѣтъ:

— Пойдемъ походнымъ порядкомъ.

Эта тема развивалась.

— Союзники оружіемъ встрѣтятъ на перешейкѣ.

— Пробьемся.

Для маленькой арміи не казались угрозой англійскіе и французскіе дредноуты.

Другіе же увѣренно говорили, что союзники не посмѣютъ разстрѣливать голодную армію, которая никому не причиняетъ вреда, а идетъ въ братскія страны.

Такъ родилась легенда о походѣ на Константинополь, которой французы придали серьезное значеніе.

Все лѣто армія жила слухами. Одинъ изъ нихъ особенно много вызвалъ разговоровъ, а именно, о переговорахъ Главнокомандующаго съ англійскимъ правительствомъ объ отправкѣ арміи дессантомъ на кавказское побережье.

Передавались и условія дессанта: англичане снабжаютъ армію всѣмъ необходимымъ, начиная отъ вооруженія и кончая продовольствіемъ.

Слухъ этотъ походилъ на правду, такъ какъ одновременно газеты сообщали о продвиженіи красныхъ въ Персіи и въ Афганистанѣ.

Лагерь заволновался. Однимъ до того опротивѣла галлиполійская жизнь, что они бы съ радостью согласились на любую экспедицію, другіе же, наоборотъ, въ дессантѣ видѣли авантюру, а вмѣстѣ съ ней и конецъ Русской Арміи.

Послѣднихъ было большинство и, вѣроятно, потому этотъ слухъ былъ парализованъ новымъ слухомъ:

— Главнокомандующій предъявилъ англичанамъ свои условія: участіе въ дессантѣ англійскихъ войскъ и снабженіе продовольствіемъ и всѣмъ необходимымъ населенія по мѣрѣ продвиженія арміи.

Вышеуказанные слухи были константинопольскаго происхожденія. За это говорили пришедшія черезъ мѣсяцевъ бессарабскія газеты, въ которыхъ константинопольскій корреспондентъ передавалъ дословно эти слухи, какъ факты.

Но большинство слуховъ рождалось въ Галлиполи. Откуда они брались — неизвѣстно. Маленькій пустякъ, случайно на ходу услышанное слово рождали слухъ.

Напримѣръ, командиръ корпуса проѣзжалъ на автомобилѣ мимо склада американскаго краснаго креста. Изъ дверей склада выходитъ солдатъ, перегруженный одѣялами и подушками.

— Не донесешь — бросаетъ на ходу командиръ корпуса.

А вечеромъ весь лагерь говоритъ, что корпусъ идетъ походнымъ порядкомъ въ славянскія страны. Слова командира корпуса передаются уже съ добавленіемъ:

— Генералъ Кутеповъ сказалъ, что много вещей брать нельзя, такъ какъ придется идти походнымъ порядкомъ.

Такъ рождались въ Галлиполи слухи.

Нѣкоторое оживленіе вызвали событія на Дальнемъ Востокѣ. Переворотъ во Владивостокѣ былъ уже фактомъ. Первыми зашевелились

сибиряки, а за ними потянулись тѣ, которымъ рисовалась новая борьба съ большевиками. Стали записываться въ отправку на Дальній Востокъ. Штабомъ корпуса были спеціально командированы въ Константинополь офицеры для выясненія условій отправки. Газеты сообщали, что японскій комиссаръ былъ съ визитомъ у генерала Врангеля и Главнокомандующій завтракалъ у японскаго комиссара.

Въ этихъ фактахъ видѣли какіе то переговоры о «переброскѣ всей арміи на Дальній Востокъ». Вокругъ «визита» и «завтрака» стали расти слухи. То во Владивостокѣ для врангелевцевъ уже приготовлено вооруженіе и обмундированіе, то идутъ въ Галлиполи пароходы для погрузки.

Когда пришло оффиціальное сообщеніе, что отправки на Дальній Востокъ не будетъ, оно не произвело особеннаго впечатлѣнія, такъ какъ передъ арміей стоялъ уже рѣшенный вопросъ о балканскихъ странахъ.

Проходило лѣто.

Томительные переговоры съ Сербіей и Болгаріей, а въ Галлиполи смѣна настроеній въ зависимости отъ хода переговоровъ.

— Болгарія принимаетъ восемь тысячъ. На дняхъ погрузка.

Настроеніе поднимается.

— Болгарія окончательно отказывается принять русскую армію.

Настроеніе также быстро падаетъ.

Опредѣленныхъ данныхъ нѣтъ. Постепенно наростаетъ боязнь зимовки въ Галлиполи.

Къ концу лѣта газеты приносятъ сообщеніе о голодѣ въ Россіи. Это вызываетъ разнородныя чувства. Съ одной стороны страхъ за судьбу близкихъ, оставшихся въ Россіи, съ другой — надежда, что стихійное бѣдствіе заставитъ уйти большевиковъ, а, слѣдовательно, можно будетъ вернуться на родину.

Послѣднее эгоистическое чувство по силѣ уступаетъ первому. Жалость къ голоднымъ настолько велика, что къ командиру корпуса поступаютъ ходатайства отъ различныхъ частей объ удержаніи съ нихъ однодневнаго пайка и отсылки его голодающимъ.

Паекъ же самой арміи въ то время опредѣлялся врачами, какъ «неполное голоданіе».

Опять стали жадно набрасываться на газеты и читать съ тревогой сообщенія объ ужасахъ голода. Сердца щемились болью за близкихъ и Россію.

Въ первыхъ числахъ августа отправился первый эшелонъ въ Сербію. Зависти къ отъѣзжающимъ не было. Отправка остальныхъ частей опредѣлялась уже не недѣлями, а днями.

Приходилъ конецъ тяжелому «галлиполійскому сидѣнію». Даже постоянные скептики увѣровали въ переброску арміи въ славянскія страны.

При погрузкѣ перваго эшелона произошло нѣсколько случаевъ отказа офицеровъ ѣхать въ Сербію, изъ за нежеланія разстаться съ формой своихъ полковъ, что, по слухамъ, русскіе принуждены будутъ сдѣлать въ Сербіи.

Уѣзжали изъ Галлиполи, конечно, съ радостью, но, когда отходили пароходы, многіе съ грустью окидывали прощальнымъ взглядомъ развалины маленькаго городка и долину съ бѣлыми палатками, ставшія близкими за девять мѣсяцевъ «сидѣнія».

За кавалеріей стала готовиться въ дорогу пѣхота.

Слухи видоизмѣнились. Стали назначаться сроки отъѣздовъ, очереди погрузки частей. Почти въ каждой части была увѣренность, что она идетъ «первой».

Послѣ отъѣзда перваго эшелона пѣхоты въ Болгарію, произошелъ длительный перерывъ.

Настроеніе понизилось. Особое смущеніе вызывало незнаніе причинъ перерыва. Разговоры на эти темы варьировались до безконечности: то французы не даютъ пароходовъ, то Болгарія отказывается принять, то между отправившимися «дроздами» и болгарскими коммунистами произошли какія то столкновенія и т. п.

Дожди, осенняя погода, почти такая же, какъ и во время прибытія въ Галлиполи, ухудшили настроеніе. Но на этотъ разъ была твердая вѣра въ армію и ея будущее.

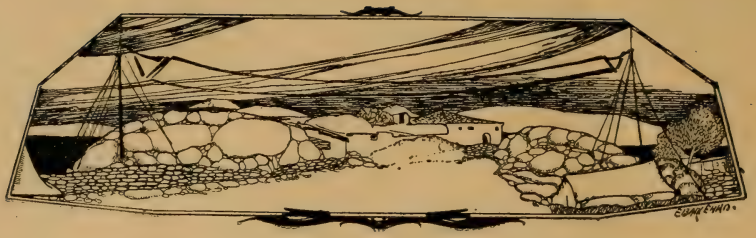
Какъ громъ поразило корпусъ извѣстіе о потопленіи «Лукулла». Галлиполійцы въ этомъ фактѣ видѣли опредѣленное покушеніе на Главнокомандующаго, что, конечно, вызвало взрывъ негодованія, страхъ за любимаго вождя и досадное чувство безсилія охранить генерала Врангеля, находившагося въ Константинополѣ.

Подвигъ же мичмана Сапунова расцѣнивался корпусомъ, какъ геройскій поступокъ, возвышавшій армію и дававшій ей право гордиться своими «славными мертвецами».

Между тѣмъ, дальнѣйшая переброска корпуса въ славянскія страны настолько задержалась, что создавалось опасеніе второй зимовки въ Галлиполи. А погода, какъ нарочно, ухудшалась. Ураганные вѣтры рвали на части палатки, осенніе дожди превращали дороги въ непролазную грязь. Но, несмотря на это, настроеніе корпуса было настолько твердымъ, что его не измѣняла даже возможная зимовка въ Галлиполи. Войска терпѣливо сносили погоду и замедлившійся отъѣздъ, строя землянки и борясь съ «галлиполійскими неудобствами».

Зимовать, къ счастью, не пришлось. Неожиданно, одинъ за другимъ, пришло нѣсколько пароходовъ.

Галлиполи уходило въ прошлое, открывалась новая свѣтлая страница въ жизни арміи — облюбованная въ мечтахъ Болгарія.



ИНФОРМАЦІЯ И „УСТНАЯ ГАЗЕТА“

Въ первое время пребыванія корпуса въ Галлиполи особенно остро сказывался недостатокъ въ информаціи. Газеты приходили съ большимъ опозданіемъ и въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что отдѣльные ихъ экземпляры переходили изъ рукъ въ руки счастливцевъ, пока окончательно не стиралась печать, а газетные листы не превращались въ обрывки бумаги.

Чтобы информировать, хотя бы въ порядкѣ возможнаго, чиновъ корпуса о происходящихъ событіяхъ, приказомъ по корпусу, во всѣхъ частяхъ были организованы особые информаціонные пункты, задачей которыхъ ставилось устройствъ лекцій, сообщеній, распредѣленіе газетъ по ротамъ, а также разъясненіе происходящихъ событій. Но приказъ этотъ не достигъ своей цѣли, такъ какъ почти полное отсутствіе матеріала, а также недостатокъ въ опытныхъ лекторахъ заставляли бездѣйствовать информаціонные пункты.

Постановка информаціи немного улучшилась, когда въ штабъ корпуса стали доставляться газеты изъ Константинополя. Часть этихъ газетъ расклеивалась на улицахъ города, другая же часть передавалась въ полковые информаціонные пункты, которые и распредѣляли ихъ по ротамъ и эскадронамъ.

Въ апрѣлѣ генералъ Кутеповъ, приказаніемъ по корпусу, вмѣнилъ въ обязанность младшимъ офицерамъ устраивать групповыя чтенія газетъ для солдатъ.

Информированіе корпуса постепенно налаживалось и, наконецъ, значительно улучшилось съ развитіемъ въ Галлиполи дѣятельности общественныхъ организацій, когда газеты стали доставляться изъ Константинополя регулярно разъ въ недѣлю. Но, конечно, и получаемое количество газетъ не могло вполнѣ удовлетворить насущныхъ потребностей корпуса, такъ какъ даже въ мѣсяцы наиболѣе хорошаго питанія корпуса газетами, въ среднемъ одинъ экземпляръ газеты приходился на трехъ человѣкъ въ мѣсяцъ.

Максимальное же количество газетъ было роздано представительствомъ В. З. С. въ іюнѣ — 21.143 газеты, когда на долю каждаго чина корпуса пришлось въ мѣсяцъ по одной газетѣ.

Въ іюлѣ, въ связи съ общимъ сокращеніемъ дѣятельности общественныхъ организацій, количество выдаваемыхъ въ части газетъ опять сократилось болѣе чѣмъ на половину.

Изъ газетъ получались: «Общее Дѣло», «Руль», «Новая Русская Жизнь», «Presse du Soir» и раза два, въ небольшомъ количествѣ, были присланы бессарабскія газеты.

Интересъ къ газетамъ былъ настолько великъ, что въ дни прихода пароходовъ маленькое помѣщеніе канцеляріи В. З. С. переполнялось представителями отъ различныхъ частей, ходившими за полученіемъ газетъ.

Здѣсь интересно отмѣтить отношеніе чиновъ корпуса къ получаемымъ газетамъ. Самой большой популярностью пользовалось «Общее Дѣло», удѣлявшее много мѣста Русской Арміи, затѣмъ газеты «Руль» и «Новая Русская Жизнь».

Помѣщеніе неточныхъ, а порою совершенно невѣрныхъ свѣдѣній о жизни въ Галлиполи окончательно скомпрометировало газету «Presse du Soir», отношеніе къ которой въ первое время было вполнѣ благожелательное.

Особо отрицательное отношеніе вызывали къ себѣ случайно попавшія въ Галлиполи «Послѣднія Новости». Постоянныя лживыя свѣдѣнія о «галлиполійской каторгѣ» и «мрачной кутепіи», а также ярко выраженное въ газетѣ желаніе творцовъ «новой тактики» распылить и перевести армію на бѣженское положеніе, вызывали раздраженіе въ чинахъ корпуса. Главное же командованіе реагировало на эту клевету приказомъ по Арміи.

«Въ послѣднее время рядъ органовъ русской зарубежной печати ведетъ травлю меня, моихъ ближайшихъ помощниковъ и Русской Арміи. Русскіе воины должны знать наравнѣ съ именами лучшихъ сыновъ Отечества и имена измѣнниковъ и предателей русскаго дѣла. Приказываю, наравнѣ съ честными органами русской печати, широко знакомить войска съ тѣми органами, которые, не брезгая ложью и клеветой, чернятъ меня, старшихъ начальниковъ и Армію. Печатаемыя ими ежедневно ложныя свѣдѣнія нагляднѣе всего показываютъ нравственный уровень враговъ нашего дѣла. Въ первую очередь приказываю знакомить войска съ газетами «Воля Россіи» и «Послѣднія Новости». Генералъ Врангель».

Въ февралѣ въ Галлиноли пріѣзжала группа журналистовъ подъ флагомъ «Устной Газеты».

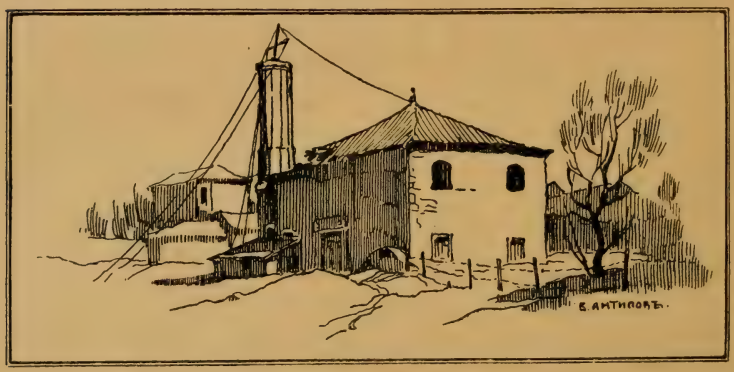
Отъ первыхъ людей, посѣтившихъ «Армію въ изгнаніи», ждали новыхъ яркихъ словъ, свѣжую информацію и отвѣтовъ на многіе мучительные вопросы. Но корпусу пришлось разочароваться въ своихъ ожи-

даніяхъ. Ничего новаго «гости» не сообщили, ограничившись нѣсколькими рѣчами на общія темы.

Значительно болѣе интересными явились начинанія, организованныя мѣстными силами.

Такъ, въ январѣ, въ самый острый періодъ отсутствія информаціи, въ Галлиполи, по частной иниціативѣ, кустарнымъ способомъ, стала издаваться маленькая газета «Огни», а затѣмъ рукописная—«За рубежомъ». Первая являлась ежедневной газетой, а послѣдняя выходила два раза въ недѣлю.

Трудность изданія, отсутствіе необходимыхъ средствъ, невозможность полученія свѣжаго информаціоннаго матеріала, а также общее безденежье, заставили эти изданія прекратить свою дѣятельность. Наи-



РАДІО-СТАНЦІЯ ШТАБА КОРПУСА

болѣе долго продержались «Огни», издававшіеся въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Произведенный опытъ показалъ полную невозможность изданія ежедневной газеты частнымъ путемъ. Тогда, дабы возможно шире информировать корпусъ о происходящихъ событіяхъ, при штабѣ корпуса сталъ издаваться ежедневный «Информаціонный бюллетень», въ которомъ помѣщались совѣтскія радіо, принятыя нашей радіо-станціей въ Галлиполи, приказы по корпусу, имѣвшіе общее значеніе, информація, получаемая штабомъ непосредственно изъ Константинополя, а также особо интересный матеріалъ изъ получаемыхъ газетъ.

Любопытно отмѣтить, что совѣтскія радіо, принятыя въ Галлиполи, поступали въ газеты позже на недѣлю и больше.

Информаціонный бюллетень ежедневно разсылался по частямъ, гдѣ вывѣшивался на особыхъ доскахъ, а также раскленвался на главныхъ улицахъ города.

Но, какъ изданіе оффиціальное, кромѣ того—ограниченное размѣромъ, бюллетень, конечно, не могъ замѣнить собою газету. Помѣщая всевозможныя свѣдѣнія, самъ онъ воздерживался отъ ихъ оцѣнки, что, при оффиціозности изданія, было вполнѣ понятно.

Между тѣмъ, въ нѣкоторые моменты, перенесенные корпусомъ, особенно требовалось свѣжее, увѣренное слово, которое могло бы обратить на себя вниманіе чиновъ корпуса, блуждавшее между Бразиліей и Совдепіей.

Тогда, по иниціативѣ группы журналистовъ, находившихся среди чиновъ корпуса, была организована «Устная Газета», руководство которой принялъ на себя представитель общественныхъ организацій въ Галлиполи.

Первый сеансъ «Устной Газеты» состоялся въ помѣщеніи «Солдатской читальни» 29 марта, на второй день послѣ полученія французскаго ультиматума о распыленіи.

Его программа была посвящена исключительно вопросамъ, выдвинутымъ французскимъ командованіемъ, а именно: отправка въ Бразилію или Совдепію.

Послѣ перваго же сеанса, на которомъ уже достаточно ярко выяснился интересъ слушателей къ новому начинанію, на собраніи сотрудниковъ газеты рѣшено было продолжать работу, устраивая два раза въ недѣлю сеансы въ «Солдатской читальнѣ». Первоначально въ основу своей работы информаторы клали исключительно одну информацію.

Съ развитіемъ дѣятельности «Газеты», въ мѣстное представительство общественныхъ организацій стали поступать просьбы отъ военныхъ училищъ, отдѣльныхъ частей и госпиталей объ устройствѣ сеансовъ на мѣстахъ.

Въ виду крайне маленькаго помѣщенія «Читальни», не вмѣщавшаго всѣхъ желавшихъ, рѣшено было, не прекращая сеансовъ въ «Читальнѣ», повторять ихъ въ военныхъ училищахъ и въ полкахъ.

Въ началѣ газета встрѣтила къ себѣ недовѣрчивое отношеніе. Одни видѣли въ этомъ новомъ для Арміи начинаніи возвратъ къ 1917 году и сопутствовавшему ему «митингованію», другіе — «подготовку къ будущей монархической агитаціи».

Постепенно, недовѣріе было сломлено и сеансы «Газеты» стали собирать многочисленную аудиторію.

Въ маѣ, въ лагерѣ, по примѣру города, изъ мѣстныхъ лекторскихъ силъ организовалась своя «Устная Газета», создавшая себѣ сразу же большую аудиторію.

Для большей продуктивности работы, въ іюнѣ произошло объединеніе лагерной и городской «Газеты», а при представителѣ общественныхъ организацій, для выработки общей программы дѣятельности, была организована редакціонная коллегія.

Однимъ изъ первыхъ, въ коллегіи былъ разсмотрѣнъ вопросъ о нѣкоторомъ измѣненіи дѣятельности «Газеты», путемъ расширенія ея изъ органа информаціи до органа политическаго воспитанія. Необходимость этого диктовалась тѣмъ, что чины корпуса въ общей массѣ, были мало освѣдомлены въ политическихъ вопросахъ.

Къ этимъ вопросамъ необходимо было подойти умѣло и чутко, чтобы не оскорбить свѣтлой вѣры однихъ, чтобы не оттолкнуть излишней рѣзкостью другихъ.

И на сеансахъ «Газеты», наряду съ регулярными обзорами международнаго положенія, съ обзорами положенія въ совѣтской Россіи, или же

НА СЕАНСѢ УСТНОЙ ГАЗЕТЫ ВЪ ГОРОДѢ

на Дальнемъ Востокѣ, наряду съ сообщеніями информаціоннаго характера, или же съ докладами по исторіи Балканъ и Дарданеллъ, стали читаться сообщенія «о задачахъ Русской Арміи», «объ этапахъ русской революціи», «о значеніи соціализма», «объ идеяхъ, вліяніи и роли коммунизма», а также стали даваться отдѣльныя характеристики политическихъ дѣятелей и т. п.

При этомъ «Устная Газета» держалась въ рамкахъ аполитичности, стараясь давать всестороннюю объективную оцѣнку событіямъ и лицамъ.

Рѣзко отрицая возможность для арміи служить какой либо партіи, «Газета» въ сообщеніяхъ «о задачахъ Руской Арміи», всегда въ основу клала положеніе: «армія, какъ вооруженная часть народа, служитъ исключительно государственнымъ интересамъ и вполнѣ подчиняется лишь

тому правительству, которое будетъ избрано свободнымъ волеизъявленіемъ народа».

Въ этихъ сообщеніяхъ развивалась мысль, что не надо себя тѣшить мечтами о какомъ то побѣдоносномъ вступленіи въ Россію, но что установленіе государственнаго въ ней порядка будетъ дѣломъ великихъ трудовъ.

Изъ отдѣльныхъ сообщеній, читавшихся на сеансахъ, особенное впечатлѣніе произвели: очерки В. В. Шульгина «1920 годъ», пресловутые «Записки монархиста» изъ «Послѣднихъ Новостей» и фельетонъ «Максимъ Горкій».

Первые вызвали къ себѣ исключительное вниманіе и, хотя Добровольческая армія выявлена въ нихъ далеко не въ свѣтлыхъ краскахъ, чтеніе не вызывало протеста, такъ какъ свои старые грѣхи армія искупила тягчайшими испытаніями.

За то съ возмущеніемъ были встрѣчены «Записки монархиста», въ которыхъ авторъ приписываетъ арміи идеологію уголовщины.

Въ фельетонѣ «Максимъ Горькій» авторъ воспроизвелъ сцену суда надъ писателемъ за измѣну русской культурѣ. Здѣсь былъ и обвинительный актъ и свидѣтельскія показанія Андреева, Куприна, Гиппіусъ и др., все то, что они писали о Горькомъ въ печати, были и рѣчи прокурора и защитника и послѣднее слово обвиняемаго.

Приговоръ предоставлялось выносить самимъ слушателямъ.

Послѣ этого сеанса «Газеты», въ теченіе нѣсколькихъ дней, происходили суды надъ Горькимъ въ различныхъ частяхъ.

Все указанное выше говоритъ за то, что «Устная Газета» въ Галлиполи пользовалась большой свободой слова.

Какой либо формы цензуры въ Галлиполи для «Устной Газеты» не существовало и политическими руководителями ея являлись не начальствующія лица, а редакціонная коллегія.

За все время существованія газеты, только одинъ разъ пришлось войти въ объясненія съ штабомъ корпуса, а именно: послѣ прочтенія статьи В. Шульгина «1920 годъ», нѣсколько офицеровъ различныхъ полковъ подали командиру корпуса рапорты, въ которыхъ указывали, что авторъ очерковъ всю тяжесть своихъ обвиненій перенесъ на отдѣльные полки, а потому чтеніе статьи можетъ послужить причиной раздоровъ между частями корпуса.

Начальникъ штаба корпуса, послѣ полученія указанныхъ рапортовъ, обратился къ редакціонной коллегіи «Газеты» съ просьбой, въ которой, не возражая противъ чтенія сообщеній на означенныя темы, просилъ по возможности воздержаться отъ оглашенія наименованія полковъ, что можетъ посѣять нежелательный раздоръ и распри между частями корпуса.

Просьба эта была настолько основательна, особенно въ условіяхъ галлиполійской жизни, что редакціонная коллегія полностью присоедини-

лась къ взглядамъ, высказаннымъ начальникомъ штаба. Чтеніе же сообщеній о прошлыхъ грѣхахъ арміи и недопустимости этого въ будущемъ продолжались на сеансахъ «Газеты».

Для многихъ, прибывавшихъ въ Галлиполи, казался также невѣроятнымъ фактъ чтенія на сеансахъ «Устной Газеты» такихъ газетъ, какъ «Воля Россіи» и «Послѣднія Новости».

А это имѣло мѣсто почти на каждомъ сеансѣ, причемъ въ большинствѣ случаевъ вышеуказанныя газеты, рѣдкія въ Галлиполи, предоставлялись редакціонной коллегіи командиромъ корпуса.

При такихъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ протекала въ Галлиполи работа «Устной Газеты» и только эти условія дали возмож-

НА СЕАНСѢ УСТНОЙ ГАЗЕТЫ ВЪ ЛАГЕРѢ.

ность, въ періодъ времени съ 29 марта по 1 декабря, устроить 180 сеансовъ «Газеты», на которыхъ было прочитано свыше 500 сообщеній.

Изъ общей цифры 180 сеансовъ, 105 падаютъ на сеансы въ городѣ, 55 на лагерь и 20 на военныя училища.

Наибольшая посѣщаемость сеансовъ наблюдалась въ лагерѣ, гдѣ количество слушателей достигало 3 тысячъ.

Конечно, какъ въ каждомъ, а въ особенности въ молодомъ и новомъ начинаніи, были свои шероховатости, ошибки и упущенія. Но все это происходило вслѣдствіе оторванности Галлиполи отъ какого либо крупнаго центра, въ силу затруднительности снабженія «Газеты» необходимыми матеріалами (книгами и газетами), а порою—и полнаго отсутствія таковыхъ, а также и за крайне ограниченнымъ количествомъ лекторовъ, изъ которыхъ только трое являлись журналистами-профессіоналами.

Но несмотря на это, изъ 500 прошедшихъ сообщеній. 406 явились вполнѣ оригинальными самостоятельными работами. 68—компилятивнымъ трудомъ и 26—чтеніемъ газетныхъ статей и отрывковъ изъ книгъ.

Большимъ пособіемъ для докладчиковъ была маленькая, такъ называемая «политическая библіотека», при представительствѣ В. З. С., насчитывавшая свыше 25-ти книгъ, изъ числа вышедшихъ въ послѣднее время за-границей. Интересный матеріалъ доставляли и одѣльные экземпляры «Воли Россіи» и «Послѣднихъ Новостей».

Крупнымъ событіемъ для слушателей «Устной Газеты» явилось выступленіе въ одномъ изъ сеансовъ пріѣзжавшаго въ Галлиполи проф. А. В. Карташева, прочитавшаго сообщеніе на тему «Оправданіе вооруженной борьбы съ большевизмомъ».

Отдали дань «Газетѣ» проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и предсѣдатель Главнаго Комитета В. З. Союза, А. С. Хрипуновъ, выступившіе съ интересными и яркими докладами, произведшими большое впечатлѣніе на аудиторію.

Изъ сеансовъ «Устной Газеты» надо выдѣлить—посвященный памяти А. П. Чехова въ день годовщины его смерти и сотый юбилейный сеансъ «Газеты». На первомъ было прочитано нѣсколько докладовъ, выявлявшихъ Чехова, какъ писателя и какъ человѣка, а мѣстной драматической труппой были разыграны «Хирургія» и «Предложеніе». Сеансъ этотъ былъ повторенъ въ лагерѣ, съ замѣной означенныхъ пьесъ водевилемъ «Медвѣдь».

Юбилейный сеансъ «Газеты» былъ отпразднованъ торжественно. Помимо очередныхъ докладовъ, были инсценированы—стихотвореніе Максимиліана Волошина «Святая Русь» и былина мѣстнаго автора, поручика М. А. Критскаго. «Дружина съ Знаменемъ Бѣлымъ». Кромѣ того, выступила проживавшая въ Галлиполи вмѣстѣ съ корпусомъ артиста Е. М. Астрова.

Впослѣдствіи этотъ сеансъ со сценическими постановками былъ повторенъ нѣсколько разъ въ городѣ и въ лагерѣ.

Оцѣнивая же всю дѣятельность «Устной Газеты» въ Галлиполи, вполнѣ можно сказать, что она замѣнила собою огромное количество газетъ, которое понадобилось бы для информированія корпуса, познакомила аудиторію съ политическими вопросами, до сихъ поръ изгонявшимися изъ арміи и, являясь однимъ изъ главныхъ проводниковъ въ армію здоровыхъ началъ, содѣйствовала ея сплоченію.

ВЗАИМООТНОШЕНІЯ КОРПУСА И ЖИТЕЛЕЙ ВЪ ГАЛЛИПОЛИ

Населеніе г. Галлиполи состоитъ изъ грековъ, турокъ, армянъ и евреевъ, такъ называемыхъ испаньоловъ, предки которыхъ вышли въ XVI вѣкѣ изъ Испаніи и разселились по турецкимъ портамъ восточной части Средиземнаго моря. Кромѣ того въ городѣ были французскія войска и представители французской власти.

Русскіе высадились въ Галлиполи въ то время, когда условія севрскаго договора проводили первыя борозды по новымъ взаимоотношеніямъ между побѣжденными и побѣдителями.

Разоренныя бѣдствіями недавнихъ войнъ, едва оправлявшіеся отъ пережитыхъ потрясеній, жители Галлиполи, по ихъ собственному позднѣйшему признанію, встрѣтили прибытіе русскаго десанта съ ужасомъ. Первое впечатлѣніе отъ высадившихся толпъ могло только усилить это чувство. Голодные, немытые, вышачканные трехнедѣльной жизнью въ грязи и тѣснотѣ парохода, вновь прибывшіе люди растерянно бродили и, не владѣя мѣстными языками, знаками показывали желаніе пріобрѣсти пищу, если не за деньги, то въ обмѣнъ на вещи.

Среди высадившихся скоро выдѣлились группы женщинъ и дѣтей, безпомощно сидѣвшихъ на своихъ вещахъ въ ожиданіи отвода квартиры. Скоро на нихъ первыхъ и выявилось отношеніе мѣстныхъ грековъ и турокъ: семействамъ предлагались квартиры, дѣтей угощали, чѣмъ могли и всячески старались выразить свое участіе.

Дружеское отношеніе между жителями и русскими военными установились очень быстро, скорѣе чѣмъ это можно было ожидать.

Жители сами говорятъ, что ихъ первоначальный страхъ вскорѣ смѣнился чувствомъ радостнаго удивленія: эти плохо одѣтые, нищіе пришельцы, нуждающіеся во всемъ и однако столь многочисленные и хорошо вооруженные, никого не обижали.

Впослѣдствіи выяснилось, что русскіе необыкновенно пріятно для жителей отличались отъ своихъ предшественниковъ по стоянкѣ въ Галлиполи — турокъ, нѣмцевъ, англичанъ и французовъ. Войска всѣхъ воюющихъ державъ, поочередно занимавшихъ Галлиполи, были сыты, хорошо одѣты и получали жалованье. И, однако, эти войска для потѣхи ломали и портили мебель, обижали хозяевъ и ни одна женщина въ сумерки не могла показаться на улицѣ безъ риска испытать грубость турокъ-солдатъ или, быть можетъ, еще болѣе оскорбительную любезность западныхъ воиновъ. Русскіе вели себя совершенно иначе. Разъ, уже въ серединѣ лѣта, греческій префектъ былъ въ гостяхъ у русскаго генерала и хвалилъ поведеніе русскихъ. «Посмотрите», воскликнулъ онъ, «вотъ уже больше полугода, какъ въ каждомъ домѣ города стоятъ ваши солдаты на скудномъ пайкѣ, а между ихъ квартирами невозбранно и безопасно бродятъ сотни пѣтуховъ, куръ и прочей птицы. Увѣряю Васъ, мы по опыту знаемъ, что всякая другая армія всѣхъ ихъ давно бы съѣла».

Таково же было отношеніе русскихъ войскъ вообще къ имуществу жителей. Конечно, печальныя исключенія были, но эти случаи были настолько рѣдки, что общей картины не мѣняли.

Былъ даже случай вооруженнаго нападенія солдата на мѣстнаго зубного врача съ цѣлью ограбленія и врачъ вскорѣ умеръ отъ ранъ, но быстрый арестъ виновнаго, скорый судъ и безпощадная казнь дали понять населенію, что среди русскихъ подобное происшествіе составляетъ чудовищное явленіе.

Такова была перемѣна, происшедшая подъ вліяніемъ дисциплинированной, трудовой жизни въ нравахъ арміи, только что въ теченіе трехъ лѣтъ дышавшей отравленнымъ воздухомъ междоусобной войны.

Еще болѣе понравилась жителямъ скромность и вѣжливость по отношенію къ женщинамъ, проявленная всѣми чинами корпуса; въ теченіе всей стоянки корпуса въ Галлиполи не было ни одной жалобы на обиду, или оскорбленіе, причиненныя женщинѣ кѣмъ либо изъ русскихъ.

Взаимное дружеское довѣріе, возникнувъ въ отношеніяхъ частныхъ лицъ, не могло не отразиться и на отношеніяхъ дѣловыхъ и оффиціальныхъ съ мѣстными властями.

Съ греческими властями отношенія приняли характеръ дружественности почти съ самаго прибытія русскихъ въ Галлиполи. Быть можетъ, этому не мало содѣйствовала натянутость греко-французскихъ отношеній, усилившаяся около времени прибытія русскихъ въ виду позицій, занятыхъ Франціей въ разрѣшеніи восточнаго вопроса.

Первый шагъ къ хорошимъ взаимоотношеніямъ былъ сдѣланъ еще въ декабрѣ 1920 года греческимъ префектомъ по слѣдующему случаю. 23 человѣка одного изъ полковъ корпуса, прійдя въ отчаяніе отъ казавшейся имъ безнадежной обстановки, въ которую попалъ корпусъ, рѣшили пробраться въ славянскія страны и съ оружіемъ, тайно покинувъ

лагерь, пришли въ мѣстечко Булаиръ, гдѣ и наткнулись на небольшой постъ греческихъ жандармовъ. Эти послѣдніе, конечно, ничего не могли сдѣлать съ сильной русской компаніей, но успѣли дать знать по телефону въ Галлиполи префекту.

Между тѣмъ русскіе, у которыхъ оказалась какая то сумма денегъ, обрадовались прибытію своему на вольныя квартиры и, никому не причиняя никакой обиды, загуляли въ мѣстныхъ кабачкахъ. Префектъ могъ бы обратиться къ французамъ, могъ послать свою усиленную военно-полицейскую команду. Въ обоихъ случаяхъ дѣло, несомнѣнно, кончилось бы жестокимъ кровопролитіемъ и все могло бы печально отразиться на русскихъ дѣлахъ. Но префектъ избралъ третій путь: онъ обратился къ командиру русскаго корпуса.

Немедленно былъ посланъ патруль и заблудшіе благополучно водворены въ свою часть. Такой поступокъ сразу придалъ оффиціальнымъ отношеніямъ съ администраціей дружественный тонъ.

Дальнѣйшему укрѣпленію греко-русскихъ отношеній немало помогло сочувствіе, встрѣченное русскимъ духовенствомъ со стороны мѣстнаго греческаго митрополита Константина.

Онъ не только предоставилъ русскимъ право служить въ единственной, уцѣлѣвшей въ городѣ, греческой церкви, но когда начали устраиваться полковыя церкви и обнаружился недостатокъ въ предметахъ церковнаго обихода, помогъ изъ своихъ скудныхъ, тоже недавно разграбленныхъ запасовъ всѣмъ, чѣмъ только могъ.

Ярко выразившееся при этомъ единовѣріе грековъ и русскихъ, не мало содѣйствовало укрѣпленію дружескихъ отношеній.

Вообще церковь и единовѣріе сближало русскихъ съ греками, что особенно чувствовалось въ дни общихъ праздниковъ, а иногда и общихъ обычаевъ и обрядовъ (костры въ ночь наканунѣ Ивана Купала).

Особенно цѣнно было со стороны грековъ ихъ вниманіе къ больнымъ и дѣтямъ. Когда войска высадились, лазареты, конечно, могли развернуться не сразу и нѣкоторое время больные были въ печальномъ положеніи.

Греки немедленно предложили свой лазаретъ для наиболѣе нуждающихся и тѣмъ облегчили не мало страданій.

Необходимо отмѣтить еще большую помощь, оказанную греками русскимъ войскамъ организаціей въ Галлиполи дезинфекціоннаго пункта и бани.

Здѣсь безплатно каждый русскій могъ продезинфицировать свои вещи и одежду, кишѣвшія въ первые дни насѣкомыми и помыться въ банѣ, гдѣ каждаго встрѣчали очень привѣтливо и любезно.

Крайне трогательнымъ было милое вниманіе, проявленное единовѣрными греками русскимъ дѣтямъ въ дни Рождества Христова.

Непріютно и сурово встрѣтило оно маленькихъ изгнанниковъ на чужбинѣ; сами русскіе дать имъ многаго въ эти, привычно дѣтскіе празд-

ничные дни, не могли и, поэтому, можно понять, какъ дорого было всѣмъ приглашеніе дѣтей на елку къ грекамъ. На третій день праздника, 27 декабря, до полутораста дѣтей собралось у штаба корпуса и оттуда привычно радостной гурьбой они прошли въ новое помѣщеніе греческаго лазарета, гдѣ зажглась разукрашенная елка; былъ митрополитъ, префектъ, русскія высшія власти. Мэръ города привѣтствовалъ собравшихся, указавъ на заслуги русскаго народа въ его отношеніяхъ къ маленькой Греціи и на тѣ заботы, которыми греки хотятъ скрасить пребываніе русскихъ въ Галлиполи. Дѣти получили сладости, подарки и долго веселились, впервые оживясь на чужбинѣ.

Довольно трудно объяснить тѣ несомнѣнно пріятельскія сношенія, которыя съ самой высадки установились между офицерами и солдатами съ одной стороны и турками съ другой. Сами турки, обѣднѣвшіе отъ войны, нравственно угнетенные недавнимъ подчиненіемъ грекамъ, встрѣтили русскихъ чисто по братски. Общеизвѣстно то, довольно трудно объяснимое, но давно подмѣченное и несомнѣнное явленіе, что русскія и турецкія войска, несмотря на безчисленныя ожесточенныя войны между ними, въ мирной обстановкѣ относятся другъ къ другу неизмѣнно дружески: то же самое произошло и въ отношеніяхъ прибывшихъ въ Галлиполи русскихъ съ турками не только города и его окрестностей, но и съ живущими на азіатскомъ берегу Дарданеллъ. Ни дружба и единовѣріе съ греками, ни несомнѣнныя связи Кемаля-паши съ большевиками, не могли поколебать довѣрія турокъ къ русскому корпусу и ихъ дружескихъ излiяній при всякомъ удобномъ случаѣ. Какихъ либо существенныхъ услугъ турки по ихъ бѣдности и подчиненному положенію не могли оказать, но всѣ чины русскаго корпуса будутъ всегда съ благодарностью вспоминать своихъ «кардашей» и ихъ добрый привѣтъ на чужбинѣ.

Семьи турокъ очень привѣтливо пріютили у себя много русскихъ семей и относились къ нимъ съ большимъ участіемъ.

Турки пошли очень отзывчиво навстрѣчу нуждѣ въ помѣщеніяхъ для размѣщенія частей и общежитій: были заняты, какъ извѣстно, нѣсколько мечетей, школъ и ихъ караванъ-сарай. Когда Корниловское военное училище, расположенное въ мечети Те-ке, устраивало тамъ вечера, ихъ охотно посѣщали приглашенные турки и говорили, что русскіе танцы не могутъ оскорбить мечети. Представители турокъ всегда являлись по приглашенію частей на русскіе праздники и парады: толпы турокъ всегда восторгались русскими солдатами, «аскерами», особенно на парадахъ.

Нельзя не отмѣтить и случая исключительнаго вниманія со стороны турокъ въ дни пріѣзда въ Галлиполи Главнокомандующаго, котораго они привѣтствовали поднесеніемъ дыстархана *) и готовы были разу-

*) Такъ называется угощенье, которымъ чествуютъ видныхъ гостей.

красить городъ флагами; но они—побѣжденные и имъ нельзя здѣсь открыто выражать свои чувства.

Съ армянской частью населенія отношенія были сдержанныя, но и здѣсь все можно считать благополучнымъ. Такъ были нерѣдки случаи приглашенія отдѣльныхъ русскихъ армянами на свадьбы, загородныя поѣздки и пр. Посѣщеніе командиромъ корпуса и офицерами армянской церкви, куда ихъ приглашали въ торжественныхъ случаяхъ, придавало оффиціальную санкцію русско-армянской дружбѣ. Нельзя не отмѣтить также любезнаго предоставленія помѣщенія этой церкви для весьма популярныхъ въ первыя недѣли пребыванія русскихъ въ Галлиполи религіозно-нравственныхъ собесѣдованій, организованныхъ духовенствомъ.

Про евреевъ можно сказать, что у русскихъ съ ними почти никакихъ отношеній не установилось. Русскіе стояли на квартирахъ въ еврейскихъ домахъ—и только; ни вражды, ни дружбы изъ этого не проистекало. Это—спокойный народъ, жившій своей замкнутой жизнью и не стѣснявшій сосѣдей. За всѣ 8 слишкомъ мѣсяцевъ пребыванія русскихъ въ Галлиполи ни одного столкновенія между ними и евреями не было.

Все это говоритъ о томъ, что взаимоотношенія съ мѣстными жителями можно признать вполнѣ хорошими. Если при этомъ принять во вниманіе, что прибытіе сюда русскаго корпуса оживило замиравшую жизнь Галлиполи и его окрестностей, скрасило ее музыкой, пѣсней, а русскіе, при всей своей бѣдности, оставили населенію нѣсколько сотенъ тысячъ турецкихъ лиръ и одѣли его продажей предметовъ обмундированія и одежды, то можно легко повѣрить откровеннымъ заявленіямъ жителей, что они будутъ съ благодарностью вспоминать о пребываніи русскихъ войскъ въ Галлиполи.

Однимъ изъ оффиціальныхъ подтвержденій этого является слѣдующее письмо, присланное мѣстнымъ греческимъ префектомъ Главнокомандующему:

«Позвольте мнѣ отъ лица населенія, возглавляемаго мною здѣсь, выразить Вамъ тѣ чувства, которыя переполняютъ наши сердца и которымъ только границы возможнаго не позволяютъ вылиться въ болѣе реальныя формы. Если изумленный грандіозной борьбой и сверхчеловѣческой духовной силой, которую ваша армія проявляла до сихъ поръ, весь цивилизованный міръ обратилъ свои взоры на ея доблестнаго вождя, то, несомнѣнно, имѣвшіе счастье видѣть васъ вблизи, всѣ, видѣвшіе послѣднія испытанія вашей арміи, твердо убѣдились, что нѣтъ ничего невозможнаго для тѣхъ, кто достигнувъ послѣднихъ границъ терпѣнія, сумѣлъ напречь всю силу воли для борьбы съ невзгодами и для возрожденія къ новой жизни и къ новымъ побѣдамъ. Именно такое мнѣніе имѣетъ о вашей арміи здѣшнее населеніе. Отличительныя черты этой арміи — храбрость, великодушіе, самоотверженность и дру-

гія благородныя проявленія человѣческой души и здѣшнее населеніе гордится возможностью дать пріютъ этой арміи и счастливо высказать чувства старой благодарности, которыя питаетъ къ народу, представляемому Вашей арміей».

АРМІЯ И БѢЖЕНЦЫ

Слово «бѣженецъ» въ Галлиполи имѣло совсѣмъ не то содержаніе, какое обычно вкладывается въ это понятіе. Обычно это слово обозначаетъ человѣка, вынужденнаго силой обстоятельствъ, чаще подъ вліяніемъ грозящей ему внѣшней опасности, покинуть свою родину и уйти искать пріюта на чужбинѣ въ расчетѣ на общественную помощь. Здѣсь—далеко не то. Галлиполи, въ широкомъ смыслѣ слова, былъ русскимъ военнымъ лагеремъ. Людей, такъ или иначе не причастныхъ къ 1-му армейскому корпусу — тамъ совсѣмъ не было. Лица гражданскія — это семьи или родственники чиновъ корпуса и къ нимъ понятіе «бѣженцы» не относится. Бѣженцы въ Галлиполи — это лишь тѣ, кто ушли изъ корпуса. Такимъ образомъ, основнымъ признакомъ «бѣженца» являлось непричастность къ корпусу. Попасть въ «бѣженцы», перейти на «бѣженское положеніе» — можно было лишь оторвавшись отъ арміи, уйдя изъ нея, ибо иного происхожденія бѣженства въ Галлиполи быть не могло.

Но такъ какъ всѣ чины корпуса свое пребываніе въ рядахъ его разсматриваютъ, какъ пребываніе идейное, связанное съ идеей возстановленія родины, то всякій ушедшій изъ рядовъ корпуса, какъ бы отрывается отъ этой или, во всякомъ случаѣ, отъ путей, которые въ арміи разсматриваются какъ единственно возможные для достиженія поставленной передъ собой цѣли.

Въ силу этого, вторымъ признакомъ «бѣженца» является его несогласіе съ основными задачами и идеями, объединяющими тѣхъ русскихъ людей, которые составляютъ русскую армію. Такое «бѣженство» есть не бѣженство отъ врага, не спасеніе своей жизни или благополучія, а

бѣженство изъ корпуса, бѣженство отъ идеи, которое вырываетъ глубокую пропасть между корпусомъ и бѣженцами. «Бѣженецъ» — это человѣкъ совсѣмъ другого міра, чѣмъ чины корпуса, человѣкъ совсѣмъ иной психологіи и совершенно иначе смотрящій на вещи. Въ силу этого создаются у него совершенно особыя отношенія къ корпусу — именно то полное отчужденіе отъ него, которое такъ рѣзко бросается въ глаза, отчужденіе, заставляющее вчера еще лучшихъ друзей — сегодня совсѣмъ забывать другъ друга, не посѣщать и не интересоваться обоюдной судьбой и жизнью. Въ силу этого, чины корпуса обычно смотрѣли на всѣхъ бѣженцевъ съ нескрываемой досадой и сожалѣніемъ, а бѣженецъ становился прямо враждебенъ всему, такъ или иначе относящемуся къ арміи.

Причины «бѣженства» многочисленны и разнообразны. Выяснить ихъ сейчасъ и, особенно, людямъ, пережившимъ это явленіе еще такъ недавно и такъ больно, при отсутствіи необходимой перспективы, конечно, во всей полнотѣ нельзя. Но отмѣтить основную черту его необходимо, ибо она дастъ возможность сдѣлать нѣкоторые выводы изъ пережитаго опыта. Кромѣ того, сопоставленіе статистическаго матеріала съ обстановкой также можетъ кое что пріоткрыть. Во всякомъ случаѣ, имѣющіеся матеріалы приводятъ къ вполнѣ опредѣленнымъ выводамъ и отказываться отъ постановки вопроса нѣтъ никакихъ основаній.

Искать начала «бѣженства» надо, конечно, не заграницей, а на поляхъ Тавріи и Крыма, а можетъ быть еще и ранѣе. Первая брешь въ этомъ отношеніи была пробита при оставленіи Украины и Новороссійска. Когда начался нашъ отходъ отъ Орла на Донъ и въ Предкавказье, когда была оставлена Украина и Одесса, а вскорѣ затѣмъ и Кубань, уже тогда началось теченіе въ пользу оставленія арміи и отъѣзда заграницу. Тогда особенно ярко сказалась разница, существовавшая и до того, между фронтомъ и тыломъ. Въ то время, какъ боевыя части, вынося всѣ тяжести отступательныхъ боевъ, начинали осматриваться и искать причинъ измѣны имъ боевого счастья, въ тылу начинались разговоры объ общемъ неуспѣхѣ борьбы съ большевизмомъ, предсказывалось окончательное пораженіе, причемъ причины его отыскивались въ неподдержкѣ союзниковъ, въ несогласіи съ другими антибольшевистскими силами и пр. Многіе энергично хлопотали о заграничныхъ паспортахъ и «валютѣ». Увлеченіе «валютой» было символомъ этого времени для тыла. Много малодушныхъ и потерявшихъ вѣру въ конечный успѣхъ тогда же порвало съ арміей и уѣхало заграницу. Послѣ удачнаго наступленія 25 мая 1920 года многіе изъ выѣхавшихъ въ прежнія эвакуаціи стали возвращаться обратно. Однако, вернулись далеко не всѣ. Такимъ образомъ, отсутствіе вѣры въ конечный успѣхъ дѣла, слабость духа и неустойчивость легли въ основу того явленія, которое послѣ оставленія Крыма приняло форму «бѣженства».

Развитіе успѣховъ майскаго наступленія какъ будто пріостановило

это явленіе, но заключеніе большевиками мира съ Польшей и другими вновь народившимися окраинными государствами нанесло жестокій ударъ дѣлу арміи. Стало ясно, что теперь большевики могутъ всей силой навалиться на истомленную безконечными боями героическую армію. Настроеніе въ арміи начинало падать.

Кромѣ того, нельзя забывать, что Крымъ уже болѣе двухъ лѣтъ служилъ базой арміи въ борьбѣ съ большевизмомъ. Всѣ боеспособные и активные элементы его уже находились въ ея рядахъ. Между тѣмъ, безпрерывные бои съ много разъ превосходными силами противника требовали постоянныхъ пополненій. Пришлось ряды арміи пополнять плѣнными красноармейцами, еще плохо обученными и не приведенными въ должный видъ. Такія пополненія не могли поддержать бодрости духа въ изнемогающей арміи и, когда начался общій натискъ противника по всему фронту, она не могла уже противостоять ему и стала отходить. Многіе въ тылу опять начали искать возможности оставить Россію и уѣзжали заграницу.

Послѣдніе дни героической борьбы Русской Арміи на поляхъ Сѣверной Тавріи и у перекопскаго вала, чувашскій прорывъ, оставленіе послѣдней заградительной линіи у Юшуни — и борьба кончена. Быстрый отходъ къ портамъ, отходъ безъ отдыха и сна и тягостная эвакуація: прощаніе съ родной землей и отплытіе въ неизвѣстность, въ море, такъ какъ никто еще не изъявлялъ согласія принять армію — все это подорвало душевныя силы. А затѣмъ — грязные пароходные трюмы, безконечная стоянка на константинопольскомъ рейдѣ и голодъ, ужасный голодъ, окончательно убили послѣднюю энергію и бодрость духа. Впервые на пароходахъ начали раздаваться голоса: «борьба кончена, большевизмъ побѣдилъ, мы—эмигранты и каждый долженъ позаботиться самъ о себѣ». Другіе имъ вторили: «да, большевизмъ побѣдилъ, старое невозвратно, новая жизнь строится на какихъ то новыхъ началахъ, которые мы просмотрѣли въ угарѣ борьбы: теперь надо присмотрѣться къ нимъ, освоиться и примѣниться къ этой новой жизни». И вотъ тогда же, еще на константинопольскомъ рейдѣ, многіе начали искать случая уйти изъ арміи. Въ такой обстановкѣ приказъ Главнокомандующаго о сформированіи 1-го армейскаго корпуса и условіяхъ перехода на бѣженское положеніе открылъ возможность и этого исхода для желавшихъ порвать съ арміей. Одни стали искать новаго подданства, другіе добиваться свидѣтельства о категоріи. Это были первые «бѣженцы» изъ арміи. Уже здѣсь ясно сказался основной мотивъ бѣженства — отсутствіе вѣры въ успѣхъ дѣла борьбы съ большевизмомъ.

Этотъ приказъ Главнокомандующаго былъ первымъ приказомъ, которымъ какъ будто намѣчалось дальнѣйшее положеніе арміи. До сихъ поръ была полная неизвѣстность. Говорилось объ Африкѣ, даже Америкѣ и слухи эти имѣли подтвержденіе въ нѣкоторыхъ фактахъ, какъ напримѣръ, отправка нѣмцевъ—менонитовъ въ Аргентину. По полученіи этого

приказа, на пароходахъ были учреждены комиссіи, которыя легко давали категоріи всѣмъ желающимъ. При этомъ ходили слухи, что приказано никого не удерживать, такъ какъ средствъ на содержаніе арміи очень мало и всѣ уходящіе только облегчатъ условія содержанія остающихся. Это побуждало многихъ тогда же идти на комиссію и, получивъ категорію, уходить изъ арміи.

По прибытіи въ Галлиполи процессъ этотъ еще не закончился, а обстановка первыхъ дней пребыванія въ Галлиполи была безсильна прекратить его. Уходъ штабъ-офицеровъ, не получившихъ командныхъ должностей и категористовъ продолжался. На берегу, противъ комендантскаго управленія, была разбита палатка, въ которой постоянно засѣдала врачебная комиссія, дававшая категоріи. Неизвѣстность будущаго и тяжесть настоящаго положенія вызывала большой приливъ желающихъ получить категорію. Полное отсутствіе информаціи и какихъ бы то ни было достовѣрныхъ извѣстій вызывало скептическое отношеніе къ будущему. Крайне неудовлетворительное питаніе, въ связи со слухами о томъ, что французы кормятъ лишь до 1 января, лишали увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Отсутствіе помѣщеній, холодъ, голодъ, тяжелыя работы, въ которыхъ офицерамъ приходилось принимать участіе наравнѣ съ солдатами — все это заставило многихъ идти въ эту зеленую палатку, гдѣ такъ легко было получить категорію, чтобы уѣхать въ Константинополь, за которымъ мерещилось что то новое и обѣщающее.

Одновременно продолжалось и пополненіе корпуса. Помимо частей 1-го и 2-го армейскихъ корпусовъ, составившихъ его основное ядро и частей регулярной кавалеріи, въ корпусъ влились чины расформированныхъ по оставленіи Крыма тыловыхъ частей и учрежденій, а также привозимые безъ всякаго согласія высшаго командованія бѣженцы изъ лагерей константинопольскаго района, даже такіе, которые оставили Россію еще въ 1917—1918 годахъ. Такія пополненія сыграли большую роль въ развитіи бѣженства.

Эти люди были совершенно чужды арміи и ея духу. Они пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы покинуть ея ряды. Комиссіи для установленія категорій были для нихъ такимъ удобнымъ случаемъ и, едва вступивъ на Галлиполійскій берегъ, они стремились въ комиссіи, гдѣ имъ не хотѣли отказывать въ категоріяхъ, и они получали возможность вновь уѣхать въ Константинополь. Всѣ эти новые бѣженцы по техническимъ условіямъ не могли быть сразу же отправлены въ Константинополь и продолжали оставаться въ частяхъ, сѣя въ нихъ броженіе и неудовольствіе. Получивъ категорію и перейдя на бѣженское положеніе, они уже усваивали себѣ психологію людей, окончательно оторвавшихся отъ арміи, естественно не могли и не хотѣли мириться съ тѣмъ военнымъ духомъ и строемъ жизни, который существовалъ и начиналъ все болѣе укрѣпляться въ частяхъ корпуса. Ихъ неудоволь-

ствіе, явно высказываемое, вызывало ферментъ броженія. Въ частяхъ поднимались разоговоры о необходимости сохраненія, или распыленія арміи, которые не могли не отражаться на настроеніи людей. Наконецъ, этихъ бѣженцевъ грузили на пароходъ и отправляли въ Константинополь, а черезъ нѣкоторое время тотъ, или другой пароходъ привозилъ ихъ обратно (такъ какъ почему то ихъ нельзя было выгрузить тамъ) еще болѣе брюзжащихъ и недовольныхъ.

Нельзя забывать еще одного элемента, это такъ называемыхъ «иностранцевъ» въ арміи — вчера еще (до революціи и самостійныхъ теченій) русскихъ, преданныхъ патріотовъ, добровольно вошедшихъ въ ряды арміи въ европейскую войну, а послѣ 1917 года вдругъ сдѣлавшихся иностранно-подданными, считавшихъ, что они оказываютъ великую честь Россіи своимъ пребываніемъ въ рядахъ ея арміи. Они также требовали (и получали) право перехода на бѣженское положеніе и уходили изъ арміи. Стали появляться неслыханные дотолѣ консула иллюзорныхъ республикъ вродѣ Латвійской, Эстонской, Азербейджанской, Грузинской и др., требовавшіе увольненія своихъ компатріотовъ изъ арміи. Ихъ не держали, но въ силу невозможности немедленно же всѣхъ вывезти, вынуждены были оставлять временно въ частяхъ.

Такое положеніе было совершенно ненормально. Необходимо было бѣженство направить по особому руслу, устранивъ изъ частей перешедшихъ на бѣженское положеніе, тяготившихся своимъ пребываніемъ въ частяхъ и будировавшихъ противъ строя военной жизни. Въ этихъ цѣляхъ 12 января 1921 года былъ сформированъ спеціальный бѣженскій баталіонъ. До этого времени детально слѣдить за общимъ ходомъ и развитіемъ бѣженства чрезвычайно трудно. Люди, переходившіе на бѣженское положеніе и оставшіеся въ частяхъ, съ трудомъ поддаются учету. Частыя отправки бѣженцевъ и прибытіе новыхъ лицъ въ части не даютъ возможности подводить итоговъ. Многіе категористы и штабъ-офицеры, не получившіе командныхъ должностей, уѣзжали въ одиночномъ порядкѣ. Въ виду всего этого всѣ статистическія наблюденія и расчеты приходится начинать лишь со времени сформированія бѣженскаго баталіона.

Кадры бѣженскаго баталіона составили бѣженцы, отправленные въ декабрѣ въ Константинополь и возвращенные оттуда обратно. Въ моментъ сформированія бѣженскаго баталіона въ немъ числилось, помимо командnаго состава, 775 человѣкъ, въ томъ числѣ офицеровъ 48 и солдатъ 327. Кромѣ того, проживало въ городѣ и состояло въ частяхъ 1234 человѣка «иностранно-подданныхъ», которые, согласно сношенія начальника штаба корпуса за № 818, отъ 12 января, распредѣлялись какъ это указано въ таблицѣ на стр. 421.

Эта таблица ярко характеризуетъ составъ этихъ «иностранцевъ». Отбросивъ всѣхъ подданныхъ ранѣе существовавшихъ государствъ (которые, конечно, состоятъ въ номинальномъ ихъ подданствѣ, а вы-

росли, воспитались и жили все время въ Россіи) общимъ числомъ 49 человѣкъ, мы увидимъ, что главный ихъ контингентъ — 1185 человѣкъ — это русскіе люди, почувствовавшіе себя «иностранцами» лишь послѣ 1917 года. Понятно, что такой элементъ въ составѣ корпуса ничего, кромѣ разложенія, внести не могъ.

1. Румынско-подданныхъ	203
2. Французско-подданныхъ	1
3. Польско-подданныхъ	528
4. Латвійско-подданныхъ	77
5. Литовско-подданныхъ	81
6. Персидско-подданныхъ	5
7. Итальянско-подданныхъ	2
8. Грузинско-подданныхъ	134
9. Армянско-подданныхъ	38
10. Ролланско-подданныхъ (менонитовъ)	43
11. Болгарско-подданныхъ	15
12. Греческо-подданныхъ	3
13. Азербейджанско-подданныхъ	16
14. Финляндско-подданныхъ	24
15. Сербско-подданныхъ	10
16. Германско-подданныхъ	13
17. Эстонско-подданныхъ	11
18. Галиційско-подданныхъ	26
19. Чехо-словацко-подданныхъ	4
Всего	1234

Бѣженскій баталіонъ былъ размѣщенъ въ той же долинѣ «розъ и смерти», гдѣ разбитъ былъ и лагерь корпуса, нѣсколько въ сторонѣ отъ него, по другую сторону шоссе. Организація баталіона была обычная армейская — тѣ же воинскіе наряды, тѣ же спеціально галлиполійскія работы, весь строй жизни военной части. Велись въ баталіонѣ и строевыя занятія, которыя вызывали неудовольствіе среди бѣженцевъ. Понятно, что люди, приготовившіеся къ жизни простыхъ бѣженцевъ, лицъ гражданскихъ, не хотѣли мириться съ этой обстановкой и не могли скрывать своего неудовольствія. Люди, которые уже видѣли впереди полное освобожденіе отъ всѣхъ обязанностей и условій военной службы, должны были подчиняться всѣмъ требованіямъ и строгостямъ воинской дисциплины. Это казалось имъ ненужнымъ и даже оскорбительнымъ. Они будировали и волновались, говорили рѣзкости и отказывались исполнять приказанія. Строевому ихъ начальству въ цѣляхъ сохраненія дисциплины постоянно приходилось накладывать на нихъ взысканія. Приказы по бѣженскому баталіону пестрятъ такими взысканіями. Впослѣдствіи, когда прошла острота положенія, были ослаб-

лены требованія строевого характера и многое измѣнено въ общемъ строѣ жизни баталіона.

Въ концѣ іюля и началѣ августа бѣженскій баталіонъ представлялъ уже совсѣмъ другую картину. Люди, не занятые работой и службой, перестали чѣмъ либо интересоваться. Вся жизнь галлиполійская, всѣ ея волненія, стремленія и исканія проходили мимо бѣженскаго лагеря, не затрагивая его. Обитатели его опустились и замерли, все для нихъ осталось такимъ же, какимъ было въ моментъ ихъ разрыва съ корпусомъ и перехода на бѣженское положеніе. Жили они своей мелкой будничной жизнью, медленно засыпали и ничто ихъ не могло разбудить, ибо самый стимулъ жизни въ Галлиполи — работа надъ собой для будущаго, идея активности въ борьбѣ за родину — для нихъ не существовала.

Характерны и тѣ отношенія, которыя установились между бѣженскимъ баталіономъ и частями корпуса. Не говоря о томъ, что взаимныя посѣщенія другъ друга отдѣльными лицами были чрезвычайной рѣдкостью, исключеніями, «бѣженцы» усвоили себѣ особенную психологію обиды и неудовольствія. Общій тонъ въ бѣженскомъ лагерѣ былъ таковъ: «вотъ мы провоевали столько то лѣтъ, а теперь, когда попали въ тяжелыя условія, заграницу, насъ вышвырнули изъ арміи и никто не интересуется нашей судьбой, никто о насъ позаботиться не хочетъ, не хочетъ помочь намъ устроить свою судьбу». Они никакъ не хотѣли и не могли понять, что требовать этого отъ арміи, съ которой они порвали въ тяжелый для нея моментъ, они не могутъ, не имѣютъ морального права. Если же и понимали это, то въ глубинѣ души хотѣли сами себя обмануть и убѣдить, что съ ними поступили крайне несправедливо.

Обычны были въ баталіонѣ жалобы и на то, что ихъ обходятъ при распредѣленіи продуктовъ и обмундированія. Между тѣмъ, продукты они получали въ полномъ объемѣ, согласно раскладкѣ интендантства; что же касается обмундированія, то и его они получали полностью, въ той же пропорціи, что и строевыя части, а въ послѣднее время, кромѣ того, получали періодически предметы обмундированія и кое какія мелочи еще отъ американскаго краснаго креста, чего строевыя части не получали совсѣмъ. Такимъ образомъ, здѣсь сказывался тотъ же тонъ обиды и неудовольствія, который заслонялъ отъ нихъ дѣйствительность и заставлялъ видѣть несправедливость даже тамъ, гдѣ ея вовсе не было.

И общій характеръ жизни въ баталіонѣ говорилъ о людяхъ опустившихся, потерявшихъ что то хорошее, чистое въ своей душѣ, потерявшихъ вѣру въ лучшее будущее и активность въ борьбѣ за него. Характерно, что всѣ уходившіе въ бѣженскій баталіонъ, уходили съ опущенными глазами, какъ будто чувствуя, что дѣлаютъ что то нехорошее, какъ будто испытывая чувство стыда. Всѣ ихъ оправданія своихъ поступковъ всегда были обоснованы позже, надуманны съ той больной психологіей

обиды и неудовольствія, которая характеризовала общій тонъ жизни бѣженскаго лагеря. Въ этомъ отношеніи понятно и то отчужденіе, которое создалось между корпусомъ и «бѣженцами».

Со времени сформированія бѣженскаго баталіона, «бѣженство» не прекратилось, а лишь было урегулировано, поставлено въ рамки и съ этого момента можно регулярно слѣдить за его ходомъ.

Первоначальный составъ баталіона былъ: офицеровъ 448, солдатъ 327, всего 775 (женщины и дѣти въ расчетъ не входятъ). Въ дальнѣйшемъ пополненіе баталіона выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

За какой періодъ	Офицеровъ	Солдатъ	Всего
Съ 12 января по 1 февраля	88	56	144
Съ 1 февраля по 1 марта	16	27	43
Съ 1 марта по 1 апрѣля	15	11	26
Съ 1 апрѣля по 1 мая	91	57	148
Съ 1 мая по 1 іюня	523	1875	2398
Съ 1 іюня по 1 іюля	35	44	79
Съ 1 іюля по 1 августа	28	9	37
Всего прибыло	796	2079	2875
Къ 12 января состояло	448	327	775
Итого	1244	2406	3650

Эта таблица ясно показываетъ, что бѣженцы все время тянулись за поссе, но общее количество ихъ въ дѣйствительности было не такъ велико, какъ казалось на взглядъ. Если сопоставить число бѣженцевъ съ числомъ наличнаго состава корпуса, то станетъ ясно, какой небольшой процентъ покидалъ ряды корпуса и переходилъ на бѣженское положеніе. Кромѣ того, эта таблица фиксируетъ наше вниманіе на трехъ цифрахъ — къ 1 февраля, къ 1 мая и къ 1 іюня. Первая цифра объясняется еще незакончившимся процессомъ ухода категористовъ. Что же касается двухъ остальныхъ, то необходимо отмѣтить, что 27 апрѣля отправился пароходъ «Ріонъ» съ партіей эмигрантовъ въ Бразилію, а 22 мая ушелъ пароходъ въ Болгарію, на который зазывали французы желающихъ, вопреки распоряженію командованія, уѣхать самостоятельно на работы въ Болгарію. 23 мая былъ изданъ генераломъ Кутеповымъ приказъ, разрѣшавшій всѣмъ желающимъ немедленно перейти на бѣженское положеніе. Обѣ послѣднія цифры говорятъ о значеніи французской (и, конечно, большевистской) агитаціи. Слѣдующая таблица (на стр. 424) даетъ процентныя отношенія движенія бѣженства въ сравненіи съ наличнымъ составомъ корпуса.

Въ теченіе всего времени бѣженцы прибывали въ баталіонъ одиночнымъ порядкомъ и небольшими группами, кромѣ двухъ случаевъ — первый разъ при сформированіи баталіона, когда въ него вошли всѣ

возвращенные изъ Константинополя, и второй — послѣ приказа командира корпуса за № 323, отъ 23 мая, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

За какой періодъ	Офицеровъ		Солдатъ	
	Ушло за мѣсяцъ въ бѣженскій баталіонъ	% %	Ушло за мѣсяцъ въ бѣженскій баталіонъ	% %
По 12 января	448	4,37	327	1,45
Съ 12 января по 1 февраля	88	0,91	56	0,37
Съ 1 февраля по 1 марта	16	0,16	27	0,18
Съ 1 марта по 1 апрѣля	15	0,15	11	0,07
Съ 1 апрѣля по 1 мая	91	0,98	57	0,41
Съ 1 мая по 1 іюня	523	5,70	1875	14,18
Съ 1 іюня по 1 іюля	35	0,40	44	0,38
Съ 1 іюля по 1 августа	28	0,32	9	0,08

Уходъ изъ бѣженскаго лагеря все время ничѣмъ не былъ стѣсненъ. Въ любой моментъ каждый желающій могъ выйти изъ баталіона, если только онъ могъ обойтись безъ казеннаго пайка. Нѣкоторое количество бѣженцевъ ушло, такимъ образомъ, поступивъ на службу въ различныя учрежденія — земскій союзъ, госпиталя, хлѣбопекарню и пр. или, получивъ частный заработокъ, какъ, напримѣръ, сапожники, слесаря и др. Другіе ушли на сельскія работы въ деревни. Всѣ такіе бѣженцы числились въ «командировкахъ». Нѣкоторая часть ушла изъ баталіона неизвѣстно куда. Такіе значились «въ самовольной отлучкѣ». Нѣкоторые возвращались изъ самовольной отлучки и тогда оказывалось, что они уходили куда нибудь на заработки; другіе же до конца пребыванія въ Галлиполи не вернулись — надо полагать, что они — либо гдѣ нибудь хорошо устроились, либо совсѣмъ выбрались съ полуострова или, наконецъ, гдѣ нибудь на чужбинѣ сложили свою голову. Большая же часть уѣхала въ поискахъ лучшаго. Больше всего уѣхало въ Константинополь, главный распредѣлительный пунктъ, откуда всѣ пути возможны: первый — умереть съ голоду на его улицахъ, а затѣмъ и остальные —въ Бразилію, можетъ быть—въ славянскія страны, а легче всего—въ «Совдепію». Значительная часть уѣхала непосредственно изъ Галлиполи въ Бразилію, «Совдепію» и Болгарію. Наконецъ, нѣкоторая часть, претерпѣвъ мытарства бѣженства, вернулась на службу въ ряды корпуса. Возвращеніе въ части всегда оставалось открытымъ для всѣхъ чиновъ баталіона, если на то слѣдовало согласіе командира части и число вернувшихся показываетъ, что это было не такъ трудно.

Изъ второй таблицы на стр. 425 видно, что отправки бѣженцевъ въ Константинополь совершались постоянно и производились небольшими партіями. Нѣсколько усилились они послѣ перваго іюня, когда бѣженскій баталіонъ былъ переполненъ людьми, ушедшими изъ корпуса послѣ приказа № 323. Отправки въ другія мѣста, какъ Латвію, или на о.

Лемносъ, были совершенно случайны. Главнымъ же образомъ, разселеніе направлялось по тремъ путямъ: репатріація въ Совѣтскую Россію, въ Бразилію и въ Болгарію.

Распредѣленіе бѣженцевъ по мѣстамъ выхода ихъ изъ баталіона:

Куда убыли	Всего	% %	Офицеровъ	% %	Солдатъ	% %
Въ Константиноп.	1517	41,05	481	38,57	1036	43,11
Въ Бразилію	268	7,36	176	14,11	92	3,83
Въ Сов. Россію	829	22,71	64	5,14	765	31,83
Въ Болгарію	121	3,31	90	7,22	31	1,29
Въ командировки	156	4,27	38	3,04	118	4,91
Въ самовольн. отлуч. . . .	290	7,91	150	12,04	140	5,83
Вернулись въ стр. ч. . . .	187	5,12	68	5,45	119	4,95
Въ лазаретахъ	55	1,50	29	2,32	26	1,09
Состояло на лицо къ августу 1921 г.	227	6,29	151	12,11	76	3,16
Итого . .	3650	100	1247	100	2403	100

Ростъ «бѣженства» стоялъ въ тѣсной связи съ французской агитаціей. Вскорѣ послѣ размѣщенія корпуса начались безконечные разговоры о признаніи и непризнаніи арміи, причемъ съ самаго начала выяснилось отношеніе къ ней французовъ. Французскими властями ясно былъ поставленъ вопросъ о желательности распыленія арміи и превра-

Отправки бѣженцевъ изъ Галлиполи состоялись:

Число и мѣсяцъ	Мѣсто назначенія	Всего	Офицер.	Солдатъ
21 января	въ Константинополь	177	104	73
25 „	туда же	173	98	75
27 марта	въ Батумъ	34	14	20
5 апрѣля	въ Константинополь	3	2	1
21 „	туда же	8	7	1
28 „	въ Бразилію	268	174	94
6 мая	въ Константинополь	7	2	5
21 „	туда же	95	16	79
22 „	въ Болгарію	119	88	31
4 іюня	въ Константинополь	263	65	198
6 „	въ Батумъ	691	7	684
15 „	въ Константинополь	331	64	267
18 „	туда же	189	23	166
1 іюля	туда же	122	39	83
7 „	туда же	65	35	30
7 „	въ Латвію	3	—	3
22 „	на о. Лемносъ (казаковъ) . .	6	1	5
22 „	въ Батумъ	104	43	61
26 „	въ Константинополь	80	26	54

щенія ея въ рядовыхъ бѣженцевъ. Первоначально пытались объяснить такую постановку вопроса политическимъ положеніемъ внутри Франціи, вліяніемъ на ходъ ея иностранной политики соціалистическихъ группъ, близкихъ русскому большевизму и т. д. Создавались легенды о борьбѣ съ Англіей, о германской оріентаціи, но вскорѣ выяснилась вполнѣ безотрадная картина: Европа занята ликвидаціей послѣдствій войны и, главнымъ образомъ, борьбой съ промышленнымъ кризисомъ, стремленіемъ найти новый рынокъ для сбыта собственныхъ продуктовъ и пріобрѣтенія сырья. Европа рѣшала свои собственныя дѣла и судьбой Россіи не интересовалась; трагическая судьба русской арміи никого не трогала, а Франція искала случая избавиться отъ расходовъ по ея содержанію. Агитація за распыленіе арміи велась совершенно открыто и оффиціально, а кромѣ того, такая же агитація велась и негласно. Въ общемъ агитація велась довольно своеобразно. Понимая самое больное мѣсто арміи, французы били именно по этому мѣсту. Понимая, что отпускаемый паекъ очень недостаточенъ и что люди все время испытываютъ чувство голода, они сокращали паекъ и одновременно призывали къ распыленію. Разомъ, какъ то вдругъ, обострялись разговоры о распыленіи арміи, возникали слухи о французскихъ предложеніяхъ, появлялись многообѣщавшіе плакаты — прокламаціи и затѣмъ, всегда неожиданно, приходилъ пароходъ, предназначенный для отправки желающихъ покинуть ряды арміи. И такая послѣдовательность проявлялась все время: — голодъ, разговоры объ отправкѣ въ Совдепію или Бразилію, прокламаціи, сокращенія пайка и, всегда неожиданно, пароходъ. 1 февраля прекращена была выдача муки. Въ мартѣ стали извѣстны французскія предложенія о возвращеніи въ совѣтскую Россію, или переѣздѣ въ Бразилію. Одновременно начались разговоры о сокращеніи пайка и о томъ, что питаніе будетъ продолжено лишь до 1 апрѣля, а затѣмъ армія будетъ предоставлена своей судьбѣ. 27 марта прибылъ пароходъ за желающими ѣхать въ совѣтскую Россію, и въ тотъ же день по городу были расклеены объявленія на французскомъ языкѣ.

Послѣ ухода парохода въ Батумъ начались новые толки, на этотъ разъ о Бразиліи и была объявлена оффиціально запись желающихъ эмигрировать въ Бразилію, которая дала цифру около двухъ тысячъ человѣкъ. О Бразиліи ходили самые разнорѣчивые толки. Отсутствіе матеріаловъ не давало возможности достаточно полно информировать объ интересовавшемъ всѣхъ вопросѣ. Тѣмъ не менѣе были прочитаны доклады о Бразиліи въ городѣ на Высшихъ Общеобразовательныхъ Курсахъ и въ лагерѣ на «Устной Газетѣ»: читались доклады и по частямъ. Между тѣмъ, французскія объявленія сулили эмигрантамъ въ Бразиліи чуть ли не золотыя горы — землю, инвентарь и даже денежную субсидію. Общественными организаціями въ Константинополѣ была издана спеціальная брошюра объ условіяхъ эмиграціи въ Бразилію и жизни въ штатѣ Санъ-Паоло. Между тѣмъ, 10 апрѣля состоялось со-

кращеніе пайка: дача хлѣба была сокращена до 450-ти граммъ. Противорѣчивыя свѣдѣнія о Бразиліи, слухи о прекращеніи выдачи съ 1 мая французами продовольствія и сокращеніи пайка создали крайне напряженную атмосферу. Весь лагерь раздѣлился на двѣ группы и споры принимали ожесточенный и озлобленный характеръ. Происходили даже столкновенія. Около 20 апрѣля пришлось всѣхъ «бразильянцевъ» выдѣлить изъ частей и поселить ихъ въ отдѣльныхъ палаткахъ въ расположеніяхъ тѣхъ же частей. 20 же апрѣля было произведено новое сокращеніе пайка: порція хлѣба была сокращена до 400 граммъ, приварокъ до 80-ти граммъ и чай до 5 граммъ. Наконецъ, 27 апрѣля прибылъ «Ріонъ» за эмигрантами въ Бразилію. Изъ лагеря въ городъ потянулись вереницы «бразильянцевъ». Каждый отъѣзжающій получалъ отъ американскаго краснаго креста полный штатскій костюмъ, костюмъ-пижаму, одѣяло и рядъ мелочей. Эти подарки, являясь проявленіемъ заботы о русскихъ людяхъ со стороны широко шедшей навстрѣчу всякой нуждѣ американской націи, также неожиданно сыграли нѣкоторую агитаціонную роль. Слухъ объ этихъ подаркахъ быстро разнесся по городу, проникъ въ лагерь и многіе, до сихъ поръ колебавшіеся, считая это за начало всякихъ благъ въ будущемъ, теперь рѣшились ѣхать въ Бразилію. Нашлись и «ловкачи», которыя заявляли себя эмигрантами, получали подарки, а затѣмъ умудрялись пробраться назадъ и вернуться въ части. Но оказались и такіе неудачники, которые, желая также «словчиться», получивъ подарки, обратно пробраться уже не смогли и сдѣлались, такимъ образомъ, невольными эмигрантами въ Бразилію. Всего въ Бразилію уѣхало 1441 человѣкъ, изъ коихъ офицеровъ 501 и солдатъ 940. Изъ бѣженскаго баталіона въ томъ числѣ уѣхало 268 человѣкъ — офицеровъ 174 и солдатъ 94. 28 апрѣля «Ріонъ» поднялъ якорь и въ тотъ же день появилась новая прокламація французовъ, приглашавшая ѣхать въ Батумъ, къ г. Серебровскому, на нефтяные промыслы (приложеніе IV). Слѣдуетъ отмѣтить слова о гарантіяхъ жизни и безопасности.

Сознавали ли французы все значеніе этихъ словъ и этой прокламаціи, или думали лишь о томъ, чтобы какъ можно скорѣе избавиться отъ неудобной имъ арміи?

Одновременно съ этимъ не прекращались разговоры о Бразиліи. Говорилось, что это лишь первый пароходъ, за которымъ послѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ и рекомендовалось опять записываться желающимъ туда ѣхать. Въ первыхъ числахъ мая (между 1 и 8) появилась большая прокламація крупными буквами и довольно безграмотно написанная. Однако, вскорѣ пришли свѣдѣнія о судьбѣ уѣхавшихъ на «Ріонѣ» и о высадкѣ ихъ въ Аячіо и планъ о выселеніи чиновъ русской арміи въ Бразилію окончательно провалился.

Тогда былъ примѣненъ новый пріемъ. Въ маѣ мѣсяцѣ стало извѣстно, что переговоры Главнокомандующаго съ Сербіей и Болгаріей о пере-

селеніи туда арміи увѣнчались успѣхомъ и что въ первую очередь будутъ перевезены туда казаки съ острова Лемноса, гдѣ самыя тяжелыя жизненныя условія. Во второй половинѣ мая ожидался первый пароходъ. Вдругъ, 22 мая стало извѣстно, что на рейдѣ въ Галлиполи стоитъ пароходъ, который принимаетъ бѣженцевъ въ Болгарію и что погрузиться на него могутъ не только «бѣженцы» изъ бѣженскаго баталіона, но и всѣ желающіе одиночные люди. Фигурировали опять и приманки въ видѣ «американскихъ подарковъ». Въ первый моментъ трудно было учесть результаты этого пріема и лишь въ послѣдующіе дни выяснилась полностью картина. Уѣхало много совершенно случайныхъ людей; многіе случайно попавшіе въ этотъ день въ городъ погрузились и уѣхали, бросивъ всѣ свои вещи; другіе уѣхали, захвативъ случайныя вещи. Всего въ этотъ день уѣхало 619 человѣкъ, въ томъ числѣ 159 офицеровъ и 460 солдатъ. Уѣхало, такимъ образомъ, немного, французы въ этомъ отношеніи своей цѣли не достигли, но въ моральномъ отношеніи ударъ по дисциплинѣ былъ нанесенъ.

На слѣдующій день командиромъ корпуса былъ изданъ приказъ № 323, отъ 23 мая, которымъ разрѣшалось всѣмъ желающимъ перейти на бѣженское положеніе. Три дня арміи какъ бы не существовало и всякій самъ воленъ былъ свободно рѣшить свою судьбу. Дѣлалась крупная ставка на духъ и единство корпуса, на его воинское воспитаніе и сознательное отношеніе къ своему долгу и идеѣ, объединяющей Русскую Армію. Началось переселеніе невыдержавшихъ въ бѣженскій лагерь. Вереницы людей потянулись за шоссе. Опустѣли многія палатки, изъ нѣкоторыхъ частей уходившіе несли за собой цѣликомъ неразобранныя палатки. Первое впечатлѣніе было подавляющимъ. Казалось, что останется лишь горсточка людей. Наконецъ, прошелъ назначенный срокъ и можно было подсчитать результаты трехдневнаго опыта. Дѣйствительно, ушло много людей, но лишь численно, процентъ же ушедшихъ оказался не такъ великъ. Всего за три дня перешло въ бѣженскій баталіонъ 2.057 человѣкъ, въ томъ числѣ офицеровъ 432 и солдатъ 1.625. Солдатъ въ процентномъ отношеніи ушло больше, чѣмъ офицеровъ; въ то время какъ на солдатъ приходится 12,53%, на офицеровъ всего 4,75%.

Корпусъ выдержалъ экзаменъ на политическую зрѣлость. Участь его была рѣшена. Онъ окончательно осозналъ себя арміей, Русской Государственной Арміей, носителемъ идеи русской государственности.

Съ переходомъ этихъ послѣднихъ, слабыхъ и колеблющихся элементовъ въ бѣженскій лагерь, части корпуса окончательно очистились отъ всего наноснаго и чуждаго ихъ духу. Остались люди крѣпкіе духомъ и преданные одухотворяющей ихъ идеѣ борьбы за счастье и возрожденіе Великой Россіи. Характерно и то, что послѣ этого послѣдняго перехода окончательно прекратились всѣ разговоры о «бѣженствѣ», француз-

скихъ посулахъ и распыленіи арміи. Оставшіеся были спаяны единымъ духомъ, единой вѣрой въ свое дѣло.

Послѣ этого «великаго исхода» бѣженство фактически прекратилось. Были отдѣльные случаи перехода на бѣженское положеніе, но это были лишь частные случаи устройства личной судьбы и другихъ аналогичныхъ явленій, а не явленіе общаго порядка. Были въ этотъ же періодъ и невольные бѣженцы, переводившіеся изъ частей распоряженіемъ начальниковъ на основаніи пункта 2 приказа № 323, но надо отмѣтить, что вообще начальники частей этимъ пунктомъ приказа почти совсѣмъ не воспользовались и случаи именно такого перевода на бѣженское положеніе — единичны. Были случаи невольнаго перехода на бѣженское положеніе еще и другого рода — по постановленію судовъ чести. Но и ихъ также было немного. Между тѣмъ, изъ бѣженскаго баталіона продолжались отправки въ Константинополь и другія мѣста, въ нѣсколько усиленномъ темпѣ, такъ какъ бѣженскій лагерь былъ перегруженъ и ликвидація его была необходима въ виду предстоящаго переѣзда въ славянскія страны. Состоялись и двѣ отправки въ Батумъ; одна крупной партіи въ 691 человѣкъ, другая—болѣе мелкой, въ 104 человѣка. Эти отправки окончательно раскрыли инкогнито тѣхъ, которые до приказа, отъ 23 мая, сидѣли въ частяхъ и мысленно готовились къ репатріаціи въ совѣтскую Россію.

Весь ходъ и развитіе «бѣженства» достаточно ясно вскрываютъ всю его сущность. Можетъ быть, всѣ причины бѣженства еще не ясны, но главныя изъ нихъ намѣчаются вполнѣ опредѣленно. Главной и основной причиной является вообще разочарованіе и потеря вѣры въ успѣхъ дѣла. Тѣ, кто разувѣрились въ возможности успѣшнаго доведенія дѣла до конца, поспѣшили уйти. Французская и иная агитаціи сыграли вспомогательную роль; голодъ, неустройство, отсутствіе денегъ и необходимыхъ культурныхъ удобствъ также сыграли свою роль. Если разсмотрѣть детальнѣе переходъ въ бѣженцы, разсмотрѣть ежедневныя цифры, то видно, что утечка увеличивалась въ связи съ погодой и въ связи съ задержкой въ выдачѣ денежнаго пособія (одна и двѣ лиры) и другими чисто случайными внѣшними причинами. Другая причина коренится въ составѣ корпуса — въ бѣженцы ушли если не всѣ, то большинство состоявшимъ ранѣе въ тыловыхъ частяхъ и учрежденіяхъ и теперь попавшихъ въ строй. Уходили они изъ корпуса по мѣрѣ перехода его на положеніе обычной лагерной жизни въ мирное время, по мѣрѣ усиленія строевыхъ занятій, нарядовъ и проч. Наконецъ, третьей причиной явилась пестрота частей. Характерно, что количество ушедшихъ въ бѣженцы въ Корниловскомъ, Марковскомъ и Дроздовскомъ полкахъ, составленныхъ изъ дивизій тѣхъ же наименованій, меньше, чѣмъ въ Алексѣевскомъ, въ который были влиты самыя разнообразныя части — сюда вошли остатки Алексѣевскаго и Самурскаго полковъ и части 13 и 34 дивизій. Характерно и то, что изъ пѣхоты ушло больше.

чѣмъ изъ артиллеріи, а еще меньше ушло изъ кавалеріи, гдѣ до послѣдняго времени сохранились ячейки старыхъ полковъ и гдѣ связь была особенно крѣпка. Отмѣтимъ, между прочимъ, что изъ однихъ полковъ бѣженцы просачивались все время понемногу, въ то время, какъ изъ другихъ уходили лишь крупными группами за все время пребыванія въ Галлиполи лишь два, три раза. Сыграли роль въ уходѣ въ бѣженцы и другія причины, какъ напримѣръ, врожденное русскому человѣку свойство бродяжничества, но такихъ причинъ такъ много и значеніе ихъ въ общемъ масштабѣ такъ ничтожно, что вводить ихъ въ общую схему вопроса не приходится.

Весьма показательны общія цифры бѣженства. Всего прошло бѣженцевъ черезъ бѣженскій баталіонъ 3650 человѣкъ, въ томъ числѣ офицеровъ 1244 и солдатъ 2406. Ушли непосредственно изъ частей группами, въ Болгарію и Бразилію 1796 человѣкъ, въ томъ числѣ офицеровъ 486 и солдатъ 1306; всего ушло въ бѣженцы 5446 человѣкъ, въ томъ числѣ — офицеровъ 1730 и солдатъ 3712. Такимъ образомъ процентъ, ушедшихъ въ бѣженцы выражается въ цифрѣ 21.20% т. е. около одной пятой всего состава корпуса, причемъ офицеровъ ушло меньше чѣмъ солдатъ — послѣднихъ ушло 25.08%, а офицеровъ всего 15.92%.

Въ общемъ, бѣженство далеко не носило того стихійнаго характера, какъ это представлялось. Оно производило особенно тягостное впечатлѣніе тѣмъ, что уходили среди другихъ и старые бойцы, пользовавшіеся въ своихъ кругахъ заслуженнымъ уваженіемъ. Были среди ушедшихъ и первопоходники и старые дроздовцы (хотя и очень немного) и вотъ ихъ уходъ, ихъ разочарованіе въ исходѣ дѣла, потеря ими вѣры въ конечный успѣхъ борьбы — особенно болѣзненно отзывались на остающихся. Это была болѣзнь и болѣзнь тяжелая. Но и это было пережито. Конечно, больно и тяжело было разставаться съ старыми соратниками, испытанными боевыми товарищами, но иного исхода не было. Людямъ, потерявшимъ вѣру въ армію и ея конечный успѣхъ, потерявшимъ любовь къ родинѣ и способность жертвовать для нея всѣмъ, въ арміи было не мѣсто. Рано или поздно имъ надо было изъ нея уйти. Этимъ, между прочимъ, объясняется и тотъ духовный разрывъ, который образовался между корпусомъ и бѣженцами. Они умерли для корпуса, умерли для арміи и лучше было ихъ поскорѣе забыть, какъ непогребенный трупъ. Поэтому не было къ бѣженцамъ и злобы, а осталось лишь чувство горькаго сожалѣнія и тяжелой обиды за нихъ.

Что касается распредѣленія бѣженцевъ по мѣстамъ ихъ ухода, то намѣчаются два основныхъ направленія — репатріація и поиски лучшаго въ чужихъ земляхъ. Тоска по родинѣ, по оставленному дому и семьѣ, заставила многихъ вернуться въ Россію. Большій процентъ падаетъ на солдатъ, что и понятно, но уѣзжали и юнкера и офицеры. Ѣхали люди, которые впереди ничего не видѣли, выносить тягостей изгнанія не могли и бороться за лучшее будущее были безсильны. Въ чужія земли ѣхали

люди, которымъ хотѣлось отчасти оторваться отъ чрезвычайно тяжелыхъ внѣшнихъ условій, отчасти хотѣлось пожить вольной трудовой жизнью. Многіе солдаты изъ земледѣльцевъ тосковали по землѣ и спѣшили приложить къ ней свой трудъ.

Характерно, что въ совѣтскую Россію уѣхало чрезвычайно немного, всего 3,67%, причемъ офицеровъ 0,66% и солдатъ 5.90%.

Оглядываясь на прошлое, мы можемъ теперь смѣло сказать, что Русская Армія съ честью вышла изъ тяжелыхъ испытаній. Многіе ушли изъ нея, не выдержавъ искуса. Но уходъ этотъ не носилъ стихійнаго характера. Уходили тѣ, кто упалъ духомъ, кто потерялъ вѣру въ дѣло; уходили тѣ, кто не понималъ духа арміи и необходимости сохранить ее для будущаго; уходили, наконецъ, тѣ, кто были совершенно чужды арміи. Но послѣ ихъ ухода армія, сократившись очень немного въ численности, только выиграла въ цѣломъ. Оставшіеся еще болѣе сплотились и вполнѣ сознательно и идейно идутъ на всѣ невзгоды, чтобы донести сохраненную въ арміи идею государственности до лучшихъ дней Россіи.

ГАЛЛИПОЛИ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Два міра такъ не похожіе другъ на друга.

Константинополь — городъ стариннаго Стамбула, разнузданной Галаты и крикливой Перы. Галлиполи — городъ тихихъ развалинъ, глубоко захолустный и мертвый.

Въ Константинополѣ—цѣлый рядъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ; и рѣдкій пароходъ, проходя Дарданелльскимъ проливомъ остановится у тихаго Галлиполи.

Но тамъ, и здѣсь — русская рѣчь, русскія лица. И тамъ, и здѣсь — русское страданіе и тоска по Россіи.

Оба города тѣсно связаны невидимыми нитями. Галлиполи думаетъ о Константинополѣ. Тамъ, въ канцеляріяхъ верховныхъ комиссаровъ, рѣшается его судьба. Тамъ, на «Лукуллѣ» живетъ Главнокомандующій. Тамъ расположенъ его штабъ. Тамъ частица русской общественности, сохранившей связь съ арміей. Тамъ толпы русскихъ бѣженцевъ, которые — еще такъ недавно — составляли часть арміи.

Константинополь связанъ съ этимъ маленькимъ греческимъ городкомъ. Въ Галлиполійскомъ лагерѣ сосредоточена армія — этотъ предметъ ожесточенныхъ споровъ. Люди заняты повседневными заботами, засѣдаютъ въ общественныхъ организаціяхъ, ходятъ на службу, продаютъ на улицахъ Перы газеты и папиросы (наконецъ, просто умираютъ съ голоду на мостовой).

Но этотъ вопросъ не можетъ оставить ихъ равнодушными. Для однихъ тамъ, въ Галлиполи, совершается величайшій національный подвигъ; для другихъ — насиліе надъ людьми во имя чьихъ то честолюби-

выхъ плановъ. Споры растутъ, страсти разгораются — и взоры снова приковываются къ Дарданелльскому проливу.

Это и не могло быть иначе. Припомнимъ первыя волны бѣженцевъ: тогда многіе потеряли лицо. Совершенно случайно одинъ пароходъ выгружался въ Константинополѣ, другой—въ Галлиполи, третій шелъ въ Каттарро и везъ бѣженцевъ въ славянскія страны.

Часто простое стеченіе обстоятельствъ опредѣляло человѣку его дальнѣйшую судьбу. Общая бѣда еще не успѣла дифференцировать людей: стихія была выше отдѣльной воли. Но эти бѣженскія волны, наконецъ, осѣли. Лишенные организаціонной связи константинопольцы начали борьбу за свое физическое существованіе.

Все напряженіе ихъ ума и воли должно было направляться часто на добываніе куска хлѣба. Потрясенныя картинами повседневной жизни, общественныя организаціи направили на нихъ свое первое вниманіе. Общій тонъ былъ продиктованъ острой нуждой; на фонѣ этой нужды разочарованіе и скептицизмъ стали царить надъ умами.

Въ это время по берегу Дарданеллъ осѣли остатки арміи. Инстинктивное чувство подсказало имъ необходимость тѣснѣе сплотиться въ эти дни аваріи.

Держались ближе своихъ частей. Простое чувство самосохраненія заставляло подчиняться волѣ начальниковъ и ихъ приказанія исполнялись безпрекословно.

Прошли первые дни, пока люди, еле пришедшіе въ себя, не размѣстились кое какъ на новыхъ мѣстахъ, но уже сразу опредѣлилась задача (въ это время ихъ успѣла уже захватить твердая рука командира корпуса): изъ нихъ надо было создать армію, дать имъ внѣшній воинскій видъ и влить внутренній воинскій духъ.

Началась спайка. Концентрировалось все стойкое въ испытаніяхъ, все преданное идеѣ, но она не могла охватить всѣхъ галлиполійскихъ сидѣльцевъ. Механически связанное отпало въ тяжелой борьбѣ арміи за свое существованіе. Бѣженская масса откололась отъ ея тѣла. И волна эта прежде всего устремилась въ Константинополь.

Тамъ встрѣтились они на Перѣ съ угрюмыми людьми, безъ кокардъ и погонъ и увеличили волну эмигрантской толпы.

Однихъ погнало сюда разочарованіе и отчаяніе; другихъ—личная обида и несправедливость; третьихъ — желаніе новой жизни и неизвѣданныхъ авантюръ. Но едва ли были такіе, кому не вспоминался бы Галлиполи и тихій лагерь, освѣщенный яркой луною и гордые русскіе флаги на городскихъ домахъ — вся эта маленькая, но подлинная Россія. Нужно было избавиться отъ этихъ воспоминаній.

Черной краской отрицанья нужно было залить тоску по оставшимся тамъ, иногда — усыпить свою совѣсть.

И вотъ, создалась творимая легенда. Сгущали краски: клеветали на людей; искажали ликъ страдающей арміи.

Каждая волна бѣженцевъ увеличивала кадры ея враговъ. Свидѣтельствовали очевидцы. Свидѣтельствовали объ адѣ, изъ котораго вырвались; о насильно загнанныхъ за колючую изгородь ради кучки честолюбивыхъ генераловъ.

А, главное, о томъ—и это былъ тягчайшій грѣхъ, какъ хула на духа, что нѣтъ арміи: есть маріонетки — солдатики, заведенные враждебной рукою — и только. Захлестываемые этой волною, колебались даже сильные духомъ.

Въ Константинополѣ трудно было сохранить эту ясность и вѣру — кругомъ было только бѣженство. Для тѣхъ кто хотѣлъ вѣрить не было точекъ опоры, кромѣ голой вѣры.

Бѣженскіе разсказы подрывали эту послѣднюю вѣру. А въ Галлиполи отражалось это, какъ новая обида. Тамъ было все убого: палатки, гдѣ въ теченіе почти цѣлой зимы спали на голой землѣ; театръ, примостившійся на развалинахъ стариннаго акрополя; иконостасы, сработанные изъ вѣтокъ деревьевъ и консервныхъ ящиковъ.

Но ими гордились.

Въ предѣлахъ возможнаго было сдѣлано все. Это было наше, русское; это былъ микрокосмосъ Россіи. Здѣсь могли чувствовать себя усталыми; здѣсь могли впадать въ уныніе, но здѣсь никогда, ни на одну минуту не чувствовали себя бѣженцами.

Когда пароходъ подходилъ къ Галлиполи и привозилъ обратно офицера, который по дѣламъ службы ѣздилъ въ Константинополь, то часто случалось — онъ подъѣзжалъ съ волненіемъ возвращающагося въ родные края. Здѣсь было все русское — кусочекъ русской земли, здѣсь развивался флагъ, который прятался на константинопольскихъ задворкахъ; здѣсь съ почтеніемъ разступались и греки, и турки передъ русскимъ офицеромъ. Сами властители и распорядители міра признавали здѣсь русскую власть.

И на всемъ мірѣ это былъ единственный уголъ, гдѣ жила Россія.

И эта Россія жила только мечтою о другой — большой Россіи. Только мечтою о ней поддерживался ея духъ. Какой смыслъ имѣла бы армія, если бы не было этой мечты? Для кого бы сохранились старыя боевыя знамена? Ихъ сохраняли не для того, чтобы, пройдя огнемъ и мечемъ, навязать странѣ какой то опредѣленный строй: ихъ сохраняли для того, чтобы поднести къ ногамъ святыни.

И не безразлично было, какъ думаютъ объ арміи тѣ, которыхъ судьба обрекла тоже на изгнаніе.

Эмигрантская Россія есть тоже Россія. Каждый голосъ за, или противъ гдѣ нибудь въ далекомъ Парижѣ глубоко волновалъ армію, которая въ общественномъ признаніи почерпнула бы новыя силы. И когда въ Константинополѣ, съ которымъ связывали ее тысячи нитей, она видѣла недовѣріе и отрицаніе, закипала тяжелая незаслуженная обида. Обида эта росла. Обида эта дѣлала несправедливыми и часто вся русская общественность записывалась врагами арміи.

Но это было въ минуты отчаянія и каждый пріѣздъ человѣка «оттула» давалъ новыя надежды: а, можетъ быть, теперь поймутъ?

Константинополь жилъ своей жизнью—рѣдко кто заглядывалъ сюда. Задерживали дѣла; задерживали французскія визы. Но когда, вырвавшись изъ этой паутины ежедневныхъ обязанностей, прорывались общественные дѣятели сквозь французскій кордонъ — они всѣ, можно сказать безъ преувеличенія — вступали въ полосу совершенно новыхъ переживаній: они видѣли своими глазами русское чудо.

И общественность, которая въ Константинополѣ колебалась подъ вліяніемъ бѣженской массы и боролась за свою вѣру въ Русскую Армію, жила здѣсь, въ Галлиполи, совершенно иной жизнью. Она сроднилась съ корпусомъ. Она сохраняла независимое общественное лицо, не растворялась въ общей военной массѣ; но нельзя было разграничить ея жизнь отъ жизни арміи. Интересы арміи переплетались съ интересами общественности и на дѣлѣ было осуществлено то, что нигдѣ еще не было достигнуто: искреннее, дружное сотрудничество общества и арміи.

И общественные дѣятели пріѣзжали домой, въ Константинополь, обновленными, укрѣпившимися въ своей вѣрѣ.

Они убѣждали оторвать свой взоръ отъ константинопольской бѣдноты и направить свое вниманіе на галлиполійскій лагерь; ибо тамъ, въ Константинополѣ, видѣли только несчастныхъ русскихъ людей, а здѣсь, въ Галлиполи, они пріобщались къ вынесенной черезъ всѣ страданія русской національной идеѣ.

За этихъ новыхъ очевидцевъ хватались тѣ, кто боролся за свою инстинктивную вѣру. Каждый ихъ пріѣздъ и докладъ расшатывалъ специфическій константинопольскій скептицизмъ.

Каждый разъ въ этомъ царствѣ мучительныхъ колебаній прорывался лучъ доброй надежды и вѣры. И снова вопросъ объ арміи пріобрѣлъ свою остроту.

И никогда жизнь этихъ двухъ городовъ не станетъ похожей одна на другую.

Въ Константинополѣ не знаютъ, чѣмъ будутъ жить завтрашній день. Каждый предоставленъ собственнымъ силамъ.

Въ тѣ дни, когда улыбается счастье — съ чувствомъ полной свободы и собственной ненужности можно ходить по блестящимъ улицамъ Перы. Можно даже наслаждаться жизнью и ждать новыхъ ударовъ судьбы. Но всегда и вездѣ будетъ приклеенъ ярлыкъ «бѣженцы», всегда и вездѣ придется уступать дорогу наглому иностранцу; всегда и вездѣ придется, скрѣпя сердце, подчиняться его капризнымъ приказаніямъ.

Въ этомъ городѣ каждый чувствуетъ свое безправіе рабства.

Въ Галлиполи никто не думаетъ, что на завтра останется безъ хлѣба. Этотъ хлѣбъ, эти бобы, эти надоѣвшія консервы будутъ завтра и точно такіе же, надоѣвшіе и опостылѣвшіе, какъ были вчера.

Кромѣ этого минимума, у галлиполійца нѣтъ ничего: въ Галлиполи каждый — нищій. Онъ не можетъ купить ока сахара, инжира и пачки табаку. Онъ связанъ безденежьемъ по рукамъ и ногамъ. Онъ ходитъ мѣсяцами, какъ рабъ, лишенный всего, что можетъ себѣ позволить взрослый, свободный человѣкъ.

Но онъ, загнанный въ нищенскія условія, никогда не чувствуетъ своей ненужности, какъ тѣ, которые ходятъ по улицамъ Перы—и нищіе, и богатые. Онъ знаетъ — и живетъ этимъ — что настанетъ день и Родина призоветъ его служить ей.

Его оскорбляетъ слово «бѣженецъ», которое такъ естественно и правдиво въ Константинополѣ; онъ никогда имъ и не былъ.

Онъ только отступилъ по боевому приказу Главнокомандующаго и ждетъ его новаго приказа.

Онъ не уступаетъ дорогу иностранцу и смѣется надъ его капризными приказаніями.

Въ военномъ мундирѣ, онъ подчиняется только своимъ. И чувствуетъ себя свободнымъ и гордымъ.

Такъ, рядомъ съ бѣженской пылью Константинополя, образовался въ въ Галлиполи кусочекъ Россіи.

ЭВАКУАЦІЯ ИЗЪ ГАЛЛИПОЛИ

Уѣхать изъ Галлиполи части корпуса собирались, кажется, со второго дня пріѣзда туда. Всѣ считали, что Галлиполи только временный этапъ, что вотъ-вотъ придутъ пароходы и всѣ куда-то уѣдутъ.

Отъѣздъ изъ Галлиполи не былъ для корпуса ожиданіемъ простой перемѣны мѣста. Нѣтъ! Каждый дальнѣйшій шагъ арміи въ Галлиполи понимался, лучше даже будетъ сказать, стихійно ощущался, какъ постепенное, исторически необходимое, возвращеніе арміи на покинутую когда-то Родину. Поэтому переѣзда въ славянскія страны корпусъ ждалъ съ той степенью напряженія, которой послѣдняя можетъ достигать лишь въ массѣ людей, охваченныхъ однимъ порывомъ, однимъ чувствомъ. Но шли дни, недѣли, мѣсяцы; слухи сплетали то близкія, то далекія надежды, а пароходовъ за частями корпуса все не было; постепенно лишь зародилась и наростала увѣренность, что ведутся переговоры со славянскими странами о перевозкѣ туда частей корпуса изъ Галлиполи.

Весна оживила эти надежды и подкрѣпила увѣренность. Въ приказѣ по корпусу, отъ 2 мая, впервые указывалось, что «въ ближайшее время корпусъ предположено перевезти въ Сербію, сохранившую еще со временъ войнъ за освобожденіе славянъ крайне благожелательное отношеніе къ русской арміи».

Въ приказѣ же, отъ 22 мая, появилось уже вполнѣ опредѣленное указаніе о томъ, что «соотвѣтственно соглашеніямъ, заключеннымъ Главнокомандующимъ съ правительствами славянскихъ государствъ, установленъ слѣдующій порядокъ отправленія арміи: а) казачьи части съ о. Лемноса перевозятся въ первую очередь въ Сербію и Болгарію; б) I-й армейскій корпусъ, согласно плана Главнокомандующаго, долженъ быть цѣликомъ перевезенъ въ Сербію». Но этимъ опять на нѣсколько мѣсяцевъ все дѣло и ограничилось; правда, слухи и мечты намѣчали уже различныя мѣста стоянокъ въ Сербіи, мѣста высадокъ; каждый входившій въ Дарданеллы пароходъ мысленно предназначался для перевозки.

Надежды смѣнялись разочарованіями, а пароходовъ все не было. Знали, что перевозятъ казаковъ съ Лемноса и нетерпѣливо ждали своей очереди.

Наконецъ, въ началѣ августа, въ приказѣ по корпусу промелькнуло указаніе, что «въ недалекомъ будущемъ часть корпуса будетъ перевезена въ балканскія славянскія государства, предложившія намъ, какъ борцамъ за русское дѣло, пріютъ». И, дѣйствительно, 4 августа первый эшелонъ кавалерійской дивизіи началъ эвакуацію корпуса изъ Галлиполи. Пришелъ транспортъ «410»; зешевелился кавалерійскій лагерь; быстро были перевезены и погружены вещи, а затѣмъ, послѣ торжественнаго молебна на площадкѣ у набережной, началась первая посадка

ОТЪѢЗДЪ ПЕРВАГО ЭШЕЛОНА КАВАЛЕРІИ ВЪ СЕРБІЮ

галлиполійцевъ — кавалеристовъ. Къ вечеру прекраснаго августовскаго дня набережная переполнилась провожавшими; къ отходу транспорта прибылъ проводить его командиръ корпуса и гостившая тогда въ Галлиполи баронесса О. М. Врангель. Играла музыка на набережной и на борту транспорта, придирчиво суетились французы, у русскихъ какъ-то веселѣе стало на сердцѣ. Хотя уѣзжала лишь первая горсточка, но все же сбывалась долгая и такъ измучившая мечта. Около 7 часовъ вечера транспортъ, подъ восторженные крики «ура» и звуки Преображенскаго марша, отошелъ въ Салоники, откуда эшелонъ по желѣзной дорогѣ былъ переброшенъ въ Сербію. Черезъ нѣсколько дней транспортъ вернулся за вторымъ эшелономъ кавалерійской дивизіи. 28 августа на пароходѣ «Кирасундъ» отбылъ послѣдній эшелонъ этой дивизіи. Вскорѣ очередь отъѣзда дошла и до пѣхоты, составлявшей главную массу галлиполій-

скаго лагеря. 31 августа на большомъ пассажирскомъ турецкомъ пароходѣ «Решидъ-паша», тоже послѣ торжественныхъ и очень сердечныхъ проводовъ, отбыли, направляясь въ Варну, часть штаба пѣхотной дивизіи, Сводно-стрѣлковый, генерала Дроздовскаго, полкъ съ коннымъ и артиллерійскимъ дивизіонами и инженерной ротой и Алексѣевскій полкъ съ приданными ему коннымъ дивизіономъ и инженерной ротой.

Казалось всѣмъ, что такъ дружно начавшаяся переброска частей изъ Галлиполи позволитъ ранней осенью всѣмъ переѣхать въ славянскія страны, но неожиданно она вдругъ прервалась на очень долгій срокъ. Снова надежды и расчеты смѣнились разочарованіемъ; наступила дождливая погода, осень, холода; надо было думать о зимѣ, о возмож-

КОМАНДИРЪ КОРПУСА ОБХОДИТЪ ОТЪѢЗЖАЮЩІЯ ЧАСТИ.

ности снова зимовать въ галлиполійскомъ лагерѣ. И съ средины октября стали повсюду выростать землянки. А тутъ еще съ начала ноября задулъ нордъ-остъ, разразившійся 9—10 ноября свирѣпой бурей, растрепавшей остатки лагеря и порвавшей въ клочья много палатокъ; вскорѣ потомъ пошелъ снѣгъ, наступили холода. Жить въ Галлиполи и въ лагерѣ становилось все труднѣе.

Какимъ же нужно было обладать запасомъ духовной силы, выдержки и дисциплинированности, чтобы не прійти въ уныніе отъ смѣнявшихся постояннымъ разочарованіемъ надеждъ.

Но корпусъ терпѣливо остался на своемъ посту.

Коченѣли отъ холода въ изорванныхъ палаткахъ и въ домахъ безъ оконъ женщины, дѣти, офицеры, юнкера и солдаты, лили перемежавшіеся снѣтомъ холодные дожди, а въ частяхъ корпуса шла все та же при-

вычная, размѣренная строгая военная жизнь. Также пунктуально производились строевыя занятія, смѣнялись караулы и все также неподвижно стояли у старыхъ боевыхъ знаменъ часовые.

Въ такой обстановкѣ подошла годовщина со дня высадки корпуса въ Галлиполи, 22 ноября1921 года. И можно понять радость и восторгъ оставшихся въ Галлиполи частей корпуса, когда имъ утромъ этого дня сообщили такую долгожданную новость: «завтра на пароходѣ «Кирасундъ» прибываетъ въ Галлиполи Главнокомандующій: за «Кирасундомъ» прибываютъ пароходы «Акъ-Денизъ» и «Решидъ-паша», и въ ближайшую недѣлю переброска всѣхъ частей въ Болгарію будетъ закончена». Весь день и по городу, и по лагерю носилось восторженное «ура», всюду царилъ необычайный подъемъ, будто не было въ прошломъ года лишеній, голодовки, тяжелыхъ испытаній.

На слѣдующій день выяснилось, что Главнокомандующій и на этотъ разъ не смогъ пріѣхать изъ за мелочной придирчивости французовъ.

Пароходъ «Кирасундъ» пришелъ и 25 ноября на немъ отбыли въ Болгарію — штабъ пѣхотной дивизіи и пѣхотный генерала Маркова полкъ съ артиллерійскимъ дивизіономъ. 27 ноября, на большомъ пассажирскомъ пароходѣ «Акъ-Денизъ», уѣхали въ Болгарію Александровское и Корниловское военныя училища, Корниловскій ударный полкъ съ артиллерійскимъ дивизіономъ и 6-й артиллерійскій дивизіонъ. 29 ноября, на пароходѣ «Решидъ-паша», туда же уѣхали инженерное училище и школа, 4-й и 5-й артиллерійскіе дивизіоны, артиллерійская школа, госпиталя — № 4 и Бѣлаго Креста.

Галлиполи и лагерь опустѣли. Всѣ оставшіяся части въ лагерѣ были переведены въ городъ, но и съ ихъ прибытіемъ жизнь уже не ожила: всѣ ждали конца эвакуаціи, своей близкой очереди посадки на суда, которыя должны были вернуться.

Но когда при отправленіи пароходовъ служили напутственные молебны, а затѣмъ, вечеромъ, суда проходили по проливу, направляясь въ Мраморное море, чувство радости было господствующимъ. Ибо ясно было, что для русской арміи открывалась новая страница ея многотрудной исторіи.

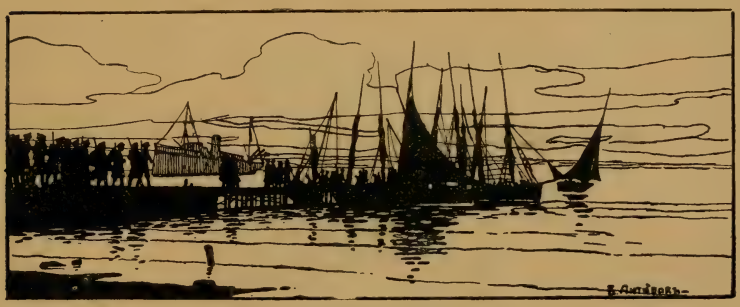
Былъ темный осенній вечеръ. Уходилъ пароходъ «Решидъ-паша». На пристани собралась масса народа, тутъ же стройные ряды провожающихъ войскъ. Даже дѣти гимназіи пришли сюда.

И когда съ пристани загремѣло отъѣзжающимъ «ура», а въ отвѣтъ ему изъ бархатной тьмы моря, съ осыпаннаго алмазами электричества уходившаго парохода, раздался радостный мощный, тысячеголосый крикъ «ура», казалось, что наступилъ какой-то большой для корпуса праздникъ. Когда пароходъ проходилъ мимо зданія штаба корпуса, на крышѣ игралъ оркестръ и выстроилась по приказанію командира корпуса рота юнкеровъ, то генералъ Кутеповъ посылалъ отъѣзжающимъ свой прощальный привѣтъ.

Воистину въ эти дни корпусомъ были пережиты свѣтлыя и незабываемыя минуты.

7 декабря вернулся въ Галлиполи пароходъ «Кирасундъ», на которомъ на слѣдующій день уѣхали въ Салоники и далѣе — въ Сербію — Николаевское кавалерійское училище, часть Техническаго полка, 7-й передвижной отрядъ Краснаго Креста и др.

Наконецъ, 14 декабря, прибылъ пароходъ «Акъ-Денизъ» за послѣднимъ эшелономъ въ Болгарію. Съ этимъ эшелономъ выѣзжалъ изъ Галлиполи командиръ корпуса со штабомъ и этимъ какъ бы оффиціально завершалась эвакуація. А потому отправка этого эшелона была обставлена наибольшей торжественностью, подводившей многіе итоги



ПОСАДКА НА ФЕЛЮГИ

галлиполійскаго сидѣнія. За нѣсколько дней до отъѣзда состоялись прощальные, сопровождавшіеся большимъ радушіемъ, пріемы командира корпуса у мѣстнаго представителя французскаго командованія, подполковника Томассена и мэра города Галлиполи. Въ день отъѣзда, 15 декабря, на футбольной площади состоялся въ присутствіи представителей французскаго командованія, греческихъ властей и митрополита Константина торжественный напутственный молебенъ, послѣ котораго началась посадка на пароходъ отъѣзжавшихъ частей. Съ этимъ эшелономъ, кромѣ штаба корпуса, ѣхали: Константиновское и Сергіевское училища, часть Техническаго полка, гимназія, эвакуаціонный пунктъ и аптечный складъ.

Посадка на пароходъ, какъ и всегда, проходила въ полномъ порядкѣ.

На пристани французскіе офицеры и сержанты отсчитывали число проходившихъ для погрузки рядовъ, а офицеры, юнкера и солдаты, молчаливые, сосредоточенные и не суетящіеся, спокойно ожидали своей очереди.

Ни криковъ, ни шума.

Въ гимназіи имени генерала Врангеля, дѣти, поддаваясь общему на-

строенію, были также спокойны и тихи. Въ своихъ пальто, сшитыхъ изъ одѣялъ, въ ушастыхъ шапкахъ, съ вещевыми мѣшками на спинѣ, они скорѣе напоминали маленькихъ только что призванныхъ новобранцевъ, чѣмъ учениковъ.

Къ 3-мъ часамъ дня всѣ были погружены; къ пристани собралась большая толпа оставшихся въ Галлиполи русскихъ и мѣстныхъ жителей во главѣ съ митрополитомъ. Торговля въ городѣ прекратилась, всѣ магазины были закрыты.

Прощаніе населенія и властей съ командиромъ корпуса носило самый задушевный характеръ, что являлось лучшимъ показателемъ тѣхъ добрыхъ отношеній, которыя завязались у жителей съ русскимъ корпусомъ, оставившимъ послѣ себя хорошую память.

Не даромъ, въ опубликованномъ за нѣсколько дней до отъѣзда на пяти

мѣстныхъ языкахъ воззваніи къ населенію, командиръ корпуса говорилъ:

«Граждане Галлиполи! Годъ назадъ, въ холодные осенніе дни прибыли на греческую территорію русскія войска, потерявшія послѣ героической борьбы свою Родину. Но здѣсь, вдали отъ родныхъ очаговъ, русскія войска встрѣтили радушный пріемъ и теплое участіе. Населеніе г. Галлиполи и его окрестностей, безъ различія національностей и вѣроисповѣданія, отнеслось къ пришельцамъ, какъ гостепріимные хозяева. Вамъ, жители маленькаго полуострова, мы обязаны тѣмъ, что наше пребываніе на чужбинѣ было скрашено братскимъ пріемомъ и сердечнымъ отношеніемъ. Покидая теперь Галлиполи, мы сохранимъ о васъ теплое чувство признательности, которое мы привеземъ съ собой въ будущую возстановленную Великую Россію. Мы надѣемся, что и у васъ останется хорошая память о русскихъ войскахъ и, оставляя на вашей землѣ дорогія намъ могилы, мы увѣрены, что подъ вашимъ попеченіемъ онѣ останутся въ неприкосновенности. Будьте счастливы! Русское вамъ спасибо за кровъ и гостепріимство»!

Уже смеркалось, когда пароходъ готовился къ отплытію. У трапа стоялъ генералъ Кутеповъ и обмѣнивался прощальными словами съ французскимъ офицеромъ.

— Будьте здоровы, дай Богъ всего хорошаго — говорилъ французскій лейтенантъ — будьте счастливы! —

Подняли трапъ.

И, точно прощальный привѣтъ Галлиполи, на ютѣ красиво заиграли трубы зорю. Загремѣлъ якорь, а сверху доносились слова молитвы: «Спаси, Господи, люди Твоя» стройно пѣли юнкера, соблюдая установившійся издавна въ арміи ритуалъ.

Съ берега неслось «ура» и звуки Преображенскаго марша.

И все это сливалось въ торжественную, исполненную глубокаго значенія и смысла, немного грустную мелодію.

Затихли звуки марша и крики «ура», но, точно не желая разстаться съ отъѣзжавшими, въ темныхъ окнахъ домовъ, то тамъ, то здѣсь, привѣтнымъ мерцаніемъ вспыхивали огоньки.

Послѣ отхода «Акъ-Дениза», въ Галлиполи остались части Техническаго и Учебно-Офицерскаго кавалерійскаго полковъ, предназначенныхъ къ перевозкѣ въ Сербію.

Съ радостью всѣ части покидали Галлиполи, ибо наступилъ второй этапъ на пути въ Россію — родныя славянскія страны; однако, одновременно съ этимъ была и какая то грусть разставанія съ людьми, съ которыми такъ близко сжились среди галлиполійскихъ невзгодъ. Вѣдь здѣсь такъ ярко сказалась наша русская душа, породившая на чужбинѣ нашъ родной уголокъ, скрасившій намъ всю боль изгнанія. Вспоминался прощальный приказъ командира корпуса: «Глубоко убѣжденъ, что наступитъ время, когда каждый изъ насъ у себя на Родинѣ будетъ съ гордостью говорить: я былъ въ Галлиполи».

ИДЕЯ РОССІИ ВЪ ПЕРЕЖИВАНІЯХЪ КОРПУСА

Она не погибнетъ — знайте!
Она не погибнетъ Россія.
Они всколосятся — вѣрьте!
Поля ея золотыя.

З. Гиппіусъ

Въ тѣ памятно печальные дни, когда мы, «изгнанные правды ради», плыли на русскихъ пароходахъ вдоль завѣтныхъ проливовъ и затѣмъ угрюмо маячили въ виду Царьграда безсильные, обреченные на международную милость, а вдали Россія мерещилась, какъ добыча звѣря — у насъ было только чувство самой горькой національной обиды.

Тогда мы на многое надѣялись, многаго ждали въ своей личной судьбѣ, но Россія осталась сзади, за морями, далекая отъ насъ, безпомощная и безнадежная.

На константинопольскомъ рейдѣ, гдѣ наша сумрачная армада простояла недѣли двѣ нѣмымъ укоромъ человѣчеству, насъ разоружали и, видимо, были правы, но неужели надо было спѣшить осуществлять международныя права, забывая объ общечеловѣческихъ обязанностяхъ?

Оружіе сдавали молчаливо и опять было невыразимо горько и обидно не за себя, а за Россію, которая въ многоцвѣтной, богатѣйшей исторіи своей знала иные походы къ Царьграду. Мы были въ то время частью Русской Арміи, только что вырванной безтрепетной рукой Главнокомандующаго изъ огня неравныхъ, тяжелыхъ боевъ — Русской Арміи, физически пораженной, но честно свершившей подвигъ борьбы за нравственный обликъ Россіи.

И казалось бы, что въ этотъ часъ можно было пощадить ея остатки, не трогать ихъ холодною рукой друзей. Боецъ — и бѣженецъ. Вѣдь это новыя раны. И ихъ мы, молча, пережили.

Насъ называли въ тѣ дни «пловучей Россіей», но какой же мы были Россіей, когда передъ лицомъ Айя-Софіи шелъ нашъ моральный развалъ и многіе готовы были стать гражданами любой страны; большинство же только и думало о томъ, куда насъ повезутъ, предоставивъ себя всецѣло капризамъ международныхъ рѣшеній.

И насъ повезли — на тѣхъ же русскихъ пароходахъ, но подъ французскимъ флагомъ.

Въ пасмурные, холодные дни выбросили насъ на берегъ полуразрушеннаго греко-турецкаго города, у воротъ Дарданеллъ. Разоруженнымъ, безсильнымъ часовымъ у нихъ уныло покачивался старикъ—броненосецъ «Георгій Побѣдоносецъ».

Кѣмъ мы были тогда?

Отвѣтимъ просто и откровенно: самыми безпріютными бѣженцами.

И когда мы цыганскимъ таборомъ мокли съ женами и дѣтьми на грязныхъ площадяхъ Галлиполи, на насъ съ любопытствомъ смотрѣли толпы турокъ, у которыхъ былъ хоть примитивный уютъ дома и сознаніе борьбы за національное объединеніе; намъ готовы были подавать милостыню греки, флаги которыхъ гордо развѣвались въ городѣ, соперничая съ французами.

Да, горе побѣжденнымъ!

У насъ не было не только національнаго лица, у насъ не было тогда просто человѣческаго пріюта и мы, какъ люди, или какъ животныя, думали только о немъ.

Оторванные отъ міра и отъ родины, безъ писемъ и газетъ, мы ничего не знали и думали тогда мы только о себѣ; а сами мы — сѣрыя толпы полуголодныхъ людей — вызывали, пожалуй, къ себѣ только жалость, но не больше.

Черезъ мѣсяцъ неожиданнымъ и дорогимъ гостемъ пріѣхалъ къ намъ генералъ Врангель. И что то національное промелькнуло. Его встрѣчали французы, его привѣтствовали греки и турки. О нашемъ энтузіазмѣ мы не говоримъ. Намъ чуялось, что въ его лицѣ привѣтствуютъ Россію — побѣжденную, разоренную и убогую, но неизмѣримо и безспорно великую. Однако, онъ сказалъ намъ въ тѣ дни, что и онъ и мы только изгнанники.

„МОСКОВСКІЙ КРЕМЛЬ"

Изображенный юнкерами Александровскаго, имени ген. Алексѣева, военнаго училища на стѣнѣ ближайшихъ развалинъ.

Это были дни, когда мы все надѣялись на другихъ и ждали извнѣ признаній, защиты и призыва.

А ихъ, какъ и всегда, все не было.

Наступили праздники: Сочельникъ, Рождество, Новый годъ. Стояла погода нашей Пасхи: не было нашихъ снѣговъ и морозовъ, но кое-гдѣ уже зажглись скупыми огоньками наши русскія елки, и родная греческая церковь звала къ себѣ. Тоска, яркая тоска по родинѣ, по всему родному, охватывала душу, сжимала сердце и много горящихъ, невольныхъ, непрошенныхъ слезъ пролилось здѣсь въ эти первые праздничные дни.

Вспомнились милыя, вѣчно правдивыя строчки К. Р.:

... Какъ грустно и уныло
На сторонѣ чужой звучатъ колокола!
Опять припомнился мнѣ край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.....

Послѣ праздниковъ, которые подвели итоги нашихъ первыхъ заботъ о пріютѣ и пищѣ, вольно и невольно началось строительство арміи, какъ арміи. День за днемъ стали стройнѣе ряды, чаще ученія, бодрѣе воинская выправка.

И изъ юнкерскихъ рядовъ все молодцеватѣе, увѣреннѣе стали прорываться бодрые призывы русской пѣсни:

Смѣло мы въ бой пойдемъ
За Русь святую.....

Слышался странный французамъ и грекамъ бодрый напѣвъ, а ему вторилъ другой:

Маршъ впередъ.
Россія ждетъ,
Юнкерскія роты.....

Но насъ это бодрило, пробуждалась вѣра въ свои силы; чужбина казалась короткимъ этапомъ на пути въ вѣчно манящую Россію.

Приблизительно въ эти же дни, опять также вольно и невольно, стали пробиваться первыя выявленія нашего національнаго лица и нашей государственности.

Нашей душѣ, нашему широкому творческому славянскому духу было тѣсно въ этихъ узкосѣрыхъ, мелкихъ, мѣщанскихъ рамочкахъ греко-турецкаго провинціальнаго уюта.

Мы, потомки великаго родного поэта, который говорилъ: «моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ чудеснаго искала» — мы задыхались въ

этой оторванности отъ родной культуры, давшей міру Достоевскаго, Толстого. Чайковскаго, Менделѣева, Суворова...

И здѣсь, «духовной жаждою томимы», мы начинаемъ безъ книгъ, красокъ и моделей строить церкви, курсы, студія, театры, въ которыхъ загорается жизнь, раскрывается родная душа.

А, наряду съ этимъ, покрывшіе себя выдающимися подвигами доблести боевые полки не могли не вспомнить и не выказать славныхъ страницъ неравной борьбы за величіе и возрожденіе Россіи. Расцвѣтились расположенія полковъ эмблемами, національными цвѣтами.

И русскій флагъ, скромно обозначавшій до этихъ поръ мѣста русскихъ учрежденій, сталъ взвиваться горделивѣе и рѣять ярче, какъ нашъ національный флагъ, какъ символъ нашего національнаго возрожденія.

Въ это время второй разъ пріѣхалъ Главнокомандующій.

Мы уже были обновленными. Въ насъ не было уже интеллигентской «тоски по родинѣ», ибо пробивались уже въ Галлиполи первые зеленые побѣги своего, родного; изъ бѣженцевъ мы превращались въ армію; корпусъ генерала Кутепова обращался въ частицу родной земли, въ зародышъ русской государственности.

И когда полки снова строились на парадъ Главнокомандующаго, о нихъ смѣло можно было бы припомнить памятныя строки изъ «Войны и мира»: «Несмотря на не-русскую мѣстность и обстановку (фруктовые сады, каменныя ограды, черепичныя крыши, горы, виднѣвшіяся вдали), на не-русскій народъ, съ любопытствомъ смотрѣвшій на солдатъ, полки имѣли точно такой же видъ, какой имѣлъ всякій русскій полкъ, готовившійся къ смотру гдѣ нибудь въ серединѣ Россіи».

Какъ ждали въ тѣ дни весны; ждали похода въ Россію, къ раскрѣпощенію ея. Каждый пароходъ, каждая газета были цѣнны только вѣстями о Россіи.

Все о ней, все для нея!

Вы знаете, какъ мы жили и что дѣлали въ тѣ дни. Кто-то назвалъ насъ монашествующимъ рыцарскимъ орденомъ. Русская церковь, наука, искусство, армія, нашъ русскій судъ — все это на чужбинѣ, среди изгнанниковъ, прибывшихъ съ поля битвы, было чудомъ, но оно самобытно и властно совершилось въ Галлиполи, обращая этотъ городокъ не только въ случайный пріютъ русскаго духа, но и въ его одинокое на чужбинѣ орлиное гнѣздо.

У Дарданеллъ одиноко выросталъ часовой при поднимающемся русскомъ флагѣ и, хоть флагъ этотъ сдували еще холодные вѣтры Россіи, а рука недавнихъ союзниковъ и друзей все хотѣла опустить его — часовой только вглядывался вдаль: не пора ли вызывать караулъ для родной страны?

Тѣмъ болѣе горько и непонятно было отношеніе со стороны французскихъ властей и командованія, старавшихся распылить армію, сумѣв-

шую сохранить вѣрность своимъ высокимъ завѣтамъ. Чѣмъ рѣзче становились ихъ требованія, тѣмъ болѣе крѣпился нашъ духъ, росъ инстинктъ національнаго самосохраненія углублялось наше единеніе между собой и съ нашимъ командованіемъ.

Страстная и Пасхальная недѣли прошли незабываемо, торжественно-благоговѣйно, какъ по какому то молчаливому уговору. Къ намъ не долеталъ благовѣстъ родныхъ церквей; но тѣмъ ярче переживалъ здѣсь каждый изъ насъ, что:

Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль...

Было невыносимо тяжело, но, повторяемъ, это была не интеллигентская «тоска по родинѣ», не старыя причитанія Чацкаго.

Нѣтъ! Дымъ оставался для насъ дымомъ и, на фонѣ здороваго патріотизма, чадъ насилія надъ родиной не могъ стать намъ ни сладокъ, ни пріятенъ, какъ ни тянули туда — домой, не только тоска по родному, но и боль любви по самымъ близкимъ, оставшимся тамъ въ тяжеломъ, звѣриномъ плѣну. Только мы сами могли цѣнить размѣры нашей національной бѣды и должны были находить въ себѣ силы готовиться къ борьбѣ и къ возрожденію Россіи.

Мы сознавали — «нашъ корпусъ являетъ собой то ядро крѣпкое не количествомъ, а качествомъ, вокругъ котораго объединится вся распыленная по міру русская масса. Мы возстановимъ честь русскаго имени, мы и здѣсь создадимъ культурныя цѣнности, мы, не покладая рукъ, будемъ работать надъ собой, будемъ учиться и учить. У насъ сейчасъ осталась одна любовь, одинъ долгъ, одна сердечная рана—искалѣченная, опозоренная, но всегда Великая и безконечно намъ дорогая Россія».

Это было зрѣлище, еще не виданное въ исторіи, когда горсть изгнанниковъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ, на чужой землѣ, сумѣла придать себѣ обликъ государственной силы и, несмотря на попытки могучихъ державъ—побѣдительницъ распылить ее, стояла непоколебимо на стражѣ не своекорыстныхъ мелкихъ интересовъ, а интересовъ и будущаго своей великой страны.

Кто же былъ съ нами? Кто насъ поддерживалъ въ тѣ тяжелые дни?

Мы выростали и крѣпли духомъ одиноко, при ненависти, или молчаливомъ воздержаніи отъ поддержки не только со стороны иноземцевъ, но и своихъ эмигрантскихъ круговъ, потерявшихъ русское имя и лицо.

Россія — это былъ нашъ общій золотой сонъ.

И мы готовы были съ нимъ выйти на борьбу «за свободу и счастье народа» и еще выше поднять верховное знамя наше: «За Родину, за Россію».

За Россію, раскрѣпощенную отъ большевизма и возрожденную свободной волей народа.

Кто будилъ и гранилъ эту стойкость въ корпусѣ, его національный подъемъ?

Прежде всего и это безспорно — русскій до глубины души и до предѣльныхъ жертвъ — командиръ корпуса, генералъ Кутеповъ.

А затѣмъ — та безграничная любовь къ Родинѣ и та интуитивная, подпочвенная вѣра въ завтрашній свѣтлый день ея возрожденія, которыя затеплились въ рядахъ Русской арміи въ родныхъ поляхъ и въ ледяныхъ степяхъ Дона и Кубани, въ суровые дни Перекопа, когда все въ жертву было отдано странѣ родной.

Сейчасъ страдная пора въ Галлиполи. Страдныя работы и у насъ. Мы готовимся стать крѣпкой, рыцарски-честной, обще-національной, «единомыслiемъ исповѣмой» Русской Арміей. Никакія испытанія не сломятъ насъ.

Ибо мы крѣпки вѣрой въ завтрашній свѣтлый день Руси.

И мы не погибнемъ — вѣрьте!
Но что намъ наше спасеніе?
Россія спасется — знайте!
И близко ея воскресеніе.

ПРИЛОЖЕНІЯ

ОФФИЦІАЛЬНОЕ СООБЩЕНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА 17 АПРѢЛЯ 1921 ГОДА.

Генералъ Врангель образовалъ въ Константинополѣ своего рода русское правительство и претендуетъ на то, чтобы сохранить на положеніи арміи вывезенныя имъ изъ Крыма войска. Онъ оказываетъ сопротивленіе всѣмъ мѣрамъ, которыя военныя французскія власти принимаютъ для того, чтобы положить конецъ расходамъ, взятымъ на себя правительствомъ республики съ чисто гуманитарнымъ желаніемъ не дать умереть крымскимъ бѣженцамъ отъ голода и нищеты. Онъ не только не понимаетъ, что мѣры эти внушены заботой о подлинныхъ интересахъ бѣженцевъ, но оказываетъ постоянное давленіе на своихъ прежнихъ солдатъ для того, чтобы внушить имъ не слѣдовать нашимъ совѣтамъ. Въ своихъ заявленіяхъ онъ выставляетъ Францію какъ не интересующуюся больше судьбой Россіи и доходитъ даже до обвиненія насъ въ томъ, что мы выдаемъ большевикамъ казаковъ, вынужденныхъ, вопреки своей волѣ, вернуться въ Россію. Такое отношеніе недопустимо. Франція имѣла право расчитывать на лучшее признаніе значительныхъ финансовыхъ жертвъ, которыя ей пришлось уже понести для облегченія участи бѣженцевъ. Совершенно неожиданно, не будучи предупреждена и безъ того, чтобы съ ней посовѣтовались, она оказалась передъ наличностью факта массоваго бѣгства солдатъ и бѣженцевъ изъ Крыма. Одна изъ всѣхъ націй міра, безъ колебаній, человѣчности ради и изъ чувства вѣрности Россіи, она, несмотря на громадныя трудности задачи, организовала помощь, потребовавшуюся исходомъ 135.000 человѣкъ. Она израсходовала, такимъ образомъ, свыше 200 милліоновъ изъ которыхъ едва ли четверть была покрыта пароходами и товарами, принадлежавшими бывшему Южно-Русскому правительству и данными ей въ залогъ. Но французское правительство, въ согласіи съ державами, опредѣленно признало и безъ всякихъ обиняковъ настаивало на томъ, что вывезенные бѣженцы не составляютъ больше арміи и что помощь имъ оказывалась лишь временно и изъ гуманитарныхъ соображеній. Точно также, едва лишь Южно-Русское правительство покинуло Крымъ, мы перестали признавать его существованіе и раньше, впрочемъ, признавая его лишь въ качествѣ фактически существующаго правительства. Нѣтъ кредитовъ на обезпеченіе нуждъ организованной Русской Арміи въ раіонѣ Константинополя. Существованіе такой арміи на Оттоманской территоріи противорѣчило бы международному праву и представ-

ляло бы опасность для мира и спокойствія Константинополя и его окрестностей, охраняемыхъ союзной оккупаціей въ трудныхъ условіяхъ. Является, впрочемъ, иллюзіей полагать, что можно успѣшно бороться съ большевизмомъ вооруженной силой русской, или иностранной, имѣющей свою базу внѣ Россіи и, особенно, при помощи войскъ, которыя въ моментъ своей наибольшей организованности въ Крыму, на родной землѣ, не могли защитить ее отъ совѣтскаго удара.

Въ виду позиціи, занятой генераломъ Врангелемъ и его генеральнымъ штабомъ, лежащая на насъ международная отвѣтственность заставляетъ насъ избавить крымскихъ бѣженцевъ отъ его личнаго вліянія, порицаемаго, впрочемъ, всѣми серьезными русскими элементами. Не прибѣгая ни къ какому насилію по отношенію къ нему и къ русскимъ офицерамъ, необходимо прервать ихъ связь съ русскими солдатами, нашедшими убѣжище въ лагеряхъ Галлиполи и Лемноса.

Большевистское радіо (телеграмма, отъ 7 апрѣля) обѣщаетъ амнистію солдатамъ, казакамъ, мобилизованнымъ крестьянамъ и мелкимъ чиновникамъ, входящимъ въ составъ Врангелевской арміи и желающимъ возвратиться въ Россію. Мы не беремся гарантировать выполненіе этого обѣщанія. Пусть бѣженцы сами оцѣнятъ его и опредѣлятъ свое поведеніе. Мы должны лишь разъяснить имъ тѣ мѣры, которыя могутъ избавить ихъ отъ нежелательнаго присутствія ихъ бывшихъ начальниковъ. Въ то же время необходимо указать имъ, что Франція не можетъ продолжать до безконечности снабженіе ихъ продовольствіемъ, даже при условіи максимальнаго сокращенія лагерныхъ пайковъ.

На эвакуированныхъ не было и не будетъ оказано никакого давленія въ смыслѣ понужденія ихъ возвратиться на родину. Имъ предоставляется полная свобода выбора — либо эмигрировать въ Бразилію (гдѣ штатомъ Санъ-Паоло предоставлено великодушное гостепріимство 20 тысячамъ земледѣльцамъ, съ оплатой путевыхъ расходовъ), либо добывать себѣ средства къ своему существованію въ сосѣднихъ странахъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ настоящее время около милліона русскихъ бѣженцевъ проживаетъ въ Польшѣ, гдѣ они сами зарабатываютъ свое пропитаніе. Почему какой нибудь десятокъ тысячъ русскихъ не могъ бы поступить точно такъ же въ Турціи, или въ Балканскихъ странахъ?

Всѣ русскіе, находящіеся еще въ лагеряхъ, должны знать, что армія Врангеля больше не существуетъ, что ихъ бывшіе начальники не имѣютъ больше права отдавать имъ приказанія, что они совершенно свободны въ своихъ рѣшеніяхъ и что впредь имъ не можетъ быть предоставлено продовольствія. Франція, которая помогала имъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ цѣною большихъ затрудненій и тяжелыхъ жертвъ, пришла къ предѣлу возможнаго въ этомъ отношеніи. Сохранивъ существованіе бѣженцевъ, Франція даетъ имъ теперь возможность поддерживать его собственными средствами.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ПИСЬМА ГЕНЕР. ШАРПИ — ГЕНЕР. ВРАНГЕЛЮ

ОККУПАЦІОННЫЙ КОРПУСЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ

3-е отдѣленіе

№ 3138/3

ГЛАВНАЯ КВАРТИРА
24 января 1921 г.

ГЕНЕРАЛЪ ШАРПИ

Командующій оккупаціоннымъ корпусомъ въ Константинополѣ.

Начальнику Штаба Главнокомандующаго Русской Арміей.

Вы мнѣ сообщили въ Вашемъ письмѣ за № 4831, отъ 3 декабря 1920 года, впечатлѣнія, полученныя Главнокомандующимъ Русской Арміей во время его пребыванія въ военныхъ лагеряхъ Галлиполи и Мудроса... Могу Васъ увѣрить, что всѣ просьбы, выраженныя въ Вашемъ письмѣ, были разсмотрѣны внимательно и то стараніе, съ которымъ онѣ были изучены, явилось даже причиной замедленія моего отвѣта. Все то, что мы въ состояніи осуществить со средствами, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи, было, или будетъ сдѣлано. Но я обращаю Ваше вниманіе на важность, или тягость расходовъ, понесенныхъ Франціей ради содержанія въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ русскихъ бѣженцевъ изъ Крыма. Къ этимъ тяготамъ прибавляются затрудненія, происходящія изъ за удаленности нашихъ базъ снабженія и высокихъ фрахтовъ. Тѣмъ не менѣе уже внесены улучшенія въ условія существованія бѣженцевъ и они будутъ продолжены по мѣрѣ нашихъ средствъ, но нѣкоторыя изъ улучшеній испрашиваемыхъ Вами, къ моему сожалѣнію невыполнимы.

ИНТЕНДАНТСКАЯ ЧАСТЬ

Жалованіе. Вы испрашиваете, въ частности, чтобы, кромѣ снабженія, гарантированнаго ежедневно офицерамъ и солдатамъ, имъ было бы назначено жалованіе.

Легко понять, что назначеніе минимальнаго жалованія внесетъ улучшеніе въ моральное состояніе офицеровъ и солдатъ, позволивъ имъ покупать нѣкоторыя необходимыя вещи. Но для Франціи совершенно невозможно (въ виду того, что она несетъ подавляющую тяжесть снабженія и содержанія многихъ десятковъ тысячъ бѣженцевъ), еще увеличивать расходы, которые она дѣлаетъ, выдачей жалованья, какъ бы мало

оно ни было. У Франціи есть тяготы, которыя она должна облегчать и раны, которыя она должна залѣчивать: и, тѣмъ не менѣе, она не поколебалась принять и пріютить всѣхъ русскихъ бѣженцевъ. Она не можетъ сверхъ того имъ платить.

ДОВОЛЬСТВІЕ

Обращаю Ваше вниманіе, кромѣ того, что раціоны, выдаваемые русскимъ, значительно выше тѣхъ, которые совѣты выдаютъ въ Россіи красной арміи. Что касается каши, я не вижу никакихъ препятствій къ тому, чтобы замѣнить часть хлѣба этимъ продуктомъ, при условіи его нахожденія, что не было до сихъ поръ возможно. Расходъ, который повлекъ бы добавокъ, испрашиваемый Вами по слу́чаю праздника Рождества, былъ бы слишкомъ великъ, чтобы быть перенесеннымъ французскимъ бюджетомъ по причинамъ, которыя я Вамъ привелъ выше и которыя Вы легко поймете.

Возможность замѣны чаемъ, который, какъ Вы говорите, предпочитается русскими солдатами кофе, къ которому они не привыкли, давно осуществлена.

ТОПЛИВО

Каждый человѣкъ получаетъ 1 килограммъ дровъ, или угля ежедневно. Увеличить этотъ раціонъ невозможно.

БѢЛЬЕ

Запасы бѣлья на борту русскихъ кораблей были задержаны французскимъ командованіемъ съ цѣлью составить ему точный инвентарь, что не было сдѣлано. Эти вещи выдаются по мѣрѣ надобности.

АРТИЛЛЕРІЙСКАЯ ЧАСТЬ

Я не могу разрѣшить выдачу артиллерійскаго имущества, которое Вы испрашиваете съ цѣлью производить занятія. Вопросъ вооруженія уже былъ урегулированъ и количество оружія, сохраняемаго русскими войсками было опредѣлено. Упражненія могутъ быть выполняемы безъ оружія и физическая тренировка можетъ быть достигаема интенсивнымъ употребленіемъ войскъ на работы по улучшенію лагерей, исправленію дорогъ, постройкѣ бань, бараковъ и т. д.

МАСТЕРСКІЯ

Устройство мастерскихъ было одобрено; съ этой стороны комитеты помощи могутъ наилучшимъ образомъ помочь, снабжая машинами, нитками и т. д. Мы выдали всѣ матеріалы этого рода, которыми располагали. Я бы очень хотѣлъ видѣть Вашихъ русскихъ, занятыхъ соотвѣтственно ихъ профессіямъ и очень желалъ бы предоставить имъ работу. Я обращаю на это вниманіе комендантовъ лагерей.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Въ заключеніе — я знаю очень хорошо, что не все совершенно въ русскихъ лагеряхъ. Съ нашей стороны было проявлено огромное напряженіе, которое, кажется, не было достаточно оцѣнено, принимая во вниманіе слабость нашихъ средствъ и нашего состава. Можетъ быть оно было бы болѣе продуктивно, если бы мы нашли у бѣженцевъ и ихъ начальниковъ большую помощь и больше доброй воли. Единственно, въ чемъ я могу Васъ увѣрить, это — что Вамъ было выдано все чѣмъ мы располагали, что каждый посвятилъ себя этому съ полнымъ самоотверженіемъ и что мои подчиненные покажутъ до конца то же усердіе въ заботахъ о своихъ несчастныхъ товарищахъ. П. П. Шапри. Съ подлиннымъ вѣрно: Ротмистръ Фохтъ, съ копіей вѣрно: дѣлопроизводитель отдѣленія генеральнаго штаба поручикъ (подпись).

СООБЩЕНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО КОМАНДОВАНІЯ РУССКИМЪ БѢЖЕНЦАМЪ

Послѣ эвакуаціи Крыма, русскіе бѣженцы безъ помощи Франціи должны были-бы погибнуть отъ голода и болѣзней. Изъ человѣколюбія, не имѣя въ виду никакой политической цѣли, Франція приняла на себя заботу о бѣженцахъ и содержитъ ихъ уже почти пять мѣсяцевъ.

Это содержаніе обходится Франціи 40 милліоновъ франковъ въ мѣсяцъ. За пять мѣсяцевъ ею истрачено почти 200 милліоновъ франковъ, тогда какъ гарантіи, данныя русскимъ командованіемъ и заключающіяся въ судахъ, сырьѣ и т. д., представляютъ собою едва 30 милліоновъ франковъ.

Франція счастлива тѣмъ, что она могла спасти около 100 тысячъ русскихъ, но, будучи сама сильно изнурена войной, она не можетъ продолжать безконечно приносить столь тяжелыя жертвы.

Для всѣхъ русскихъ бѣженцевъ является вопросомъ достоинства и чести принятіе предложенныхъ имъ способовъ выйти изъ положенія бѣженцевъ и честно добывать своимъ трудомъ средства для существованія.

Независимо отъ этого вопроса чести, для бѣженцевъ является также вопросомъ насущной необходимости обезпечить себѣ честное и достойное существованіе трудомъ, такъ какъ французское правительство вынуждено рано или поздно прекратить ихъ содержаніе.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО КОМАНДОВАНІЯ РУССКИМЪ БѢЖЕНЦАМЪ

Господинъ Серебровскій, предсѣдатель Бакинскаго нефтяного комитета, сообщилъ французскому командованію слѣдующее:

— «Бакинская нефтяная промышленность нуждается въ рабочихъ рукахъ и проситъ Васъ соизволить разрѣшить военнымъ русской арміи, кромѣ офицеровъ, отправиться въ Баку, гдѣ они будутъ работать въ нефтяныхъ предпріятіяхъ и на Каспійское море».

«Даемъ абсолютную гарантію, что они не будутъ преслѣдоваться и что по окончаніи лѣтняго сезона, который начинается 20 мая, будутъ отправлены по своимъ домамъ».

«Они будутъ пользоваться жалованьемъ и содержаніемъ, какъ и остальные рабочіе Баку и согласно правилъ профессіональныхъ союзовъ».

«Въ настоящее время нуждаемся въ 6.000 рабочихъ, изъ коихъ 4.000 — не спеціалисты, а 2.000 — спеціалисты (рабочіе по бетону, столяры, рабочіе и спеціалисты для мостовъ)».

Въ ближайшее время одинъ пароходъ будетъ посланъ для принятія бѣженцевъ, желающихъ принять условія, которыя имъ предложены для отправки въ Баку.

Увѣряемъ бѣженцевъ, что они могутъ свободно выражать свое мнѣніе, не боясь никакого преслѣдованія.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО) (Къ стр. 165)

ВАЖНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

По распоряженію верховнаго комиссара французской республики на Востокѣ и командира оккупаціоннаго корпуса, доводится до свѣдѣнія русскихъ бѣженцевъ, что французское правительство рѣшило отмѣнить въ скоромъ времени всякіе кредиты на ихъ содержаніе. Бѣженцы должны, такимъ образомъ, выбрать одну изъ слѣдующихъ альтернативъ:

1) Вернуться въ Совѣтскую Россію;

2) Отправиться въ Бразилію;

3) Добывать пропитаніе своими средствами.

Французское правительство, не желая быть свидѣтелемъ новаго выступленія арміи Врангеля противъ совѣтской власти, не видитъ болѣе разницы между гражданскими и военными бѣженцами. Всякій, кто захочетъ воспользоваться однимъ изъ предложенныхъ выходовъ, можетъ быть удовлетворенъ.

Въ качествѣ справки сообщается русскимъ бѣженцамъ:

1) что ихъ соотечественники, недавно высадившіеся въ Новороссійскѣ, были приняты безъ затрудненій; 2) что въ Бразиліи, странѣ здоровой и заселенной многими европейцами, они могутъ быть увѣрены, что найдутъ средства къ существованію и останутся русскими подданными.

Пароходъ «Решидъ-Паша», идущій съ Лемноса на Одессу, прибудетъ въ Галлиполи 28 марта, имѣя 250 свободныхъ мѣстъ. Другіе пароходы будутъ слѣдовать.

Русскіе бѣженцы, желающіе вернуться въ Россію, или отправиться въ Бразилію, должны записываться.

Полная дисциплина, свойственная русскимъ въ Галлиполи, даетъ увѣренность, что всѣ предполагаемыя операціи будутъ выполнены въ полномъ порядкѣ.

Печать коменданта г. Галлиполи.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО) (Къ стр. 167)

ПИСЬМА ПОДПОЛКОВНИКА ТОМАССЕНА КЪ КОМАНДИРУ КОРПУСА, ГЕНЕРАЛУ КУТЕПОВУ, ОТЪ 14 ЯНВАРЯ 1921 Г.

I

Ваше Превосходительство!

Iесть имѣю выразить наилучшія пожеланія по случаю русскаго Новаго года Вамъ, всѣмъ Вашимъ офицерамъ и храбрымъ солдатамъ отъ имени французской арміи, представителемъ которой въ Галлиполи имѣю честь быть.

Всѣ мы желаемъ, чтобы перенесенныя Вами испытанія окончились и чтобы заря Новаго года принесла русской арміи, столь богатой славой въ прошломъ, полный успѣхъ и въ будущемъ. Прошу принять увѣренія въ совершенномъ къ Вамъ почтеніи.

Подполковникъ Томассенъ.

II

Ваше Превосходительство!

Завтра будетъ торжественно праздноваться русская Пасха. Я хочу по случаю этого національнаго праздника выразить Вамъ, прося Васъ въ то же время передать это и Вашимъ подчиненнымъ, чувства самой искренней дружбы и самыя лучшія пожеланія отъ имени всѣхъ французскихъ войскъ въ Галлиполи и отъ меня лично.

Мы всѣ горячо желаемъ исполненія Вашихъ личныхъ желаній и того, чтобы вскорѣ засіялъ день Вашихъ надеждъ.

Благоволите, Ваше Превосходительство, принять увѣренія въ моемъ глубокомъ уваженіи и искренней преданности.

Полковникъ Томассенъ.

ПОДПОЛКОВНИКЪ ТОМАССЕНЪ

8-го августа 1921 г.

№ 1669

КОМАНДИРУ I-го АРМЙЕСКАГО КОРПУСА!

Генералъ Карцевъ только что принялъ порученіе русскаго офицера для передачи вызова поручику, начальнику французской базы.

Я имѣю честь сообщить Вамъ мой взглядъ, какъ на этотъ случай, такъ и вообще по данному вопросу.

1) Разсматривая вызовъ, адресованный поручику Буше, я вижу, съ одной стороны, русскаго, нарушающаго дисциплину, съ другой французскаго офицера, исполняющаго данное ему приказаніе. Я не сомнѣваюсь, что русская дисциплина наказуетъ подобный поступокъ. Если, съ другой стороны, недостатки въ исполненіи могутъ быть приписаны поручику Буше, то слѣдовало о нихъ сообщить мнѣ оффиціально для дальнѣшаго направленія дѣла.

Но перенесеніе дисциплинарнаго вопроса на точку зрѣнія оскорбленія личной чести, не можетъ быть допущено.

Если оскорбленіе было несомнѣнно, то не надо было и рѣшенія суда, чтобы вызывающій почувствовалъ свою честь обиженной.

Если, впрочемъ, рѣшеніе корпуснаго суда вліяетъ на отношеніе русскихъ между собой, оно не можетъ имѣть никакого вліянія, когда замѣшаны французскіе военные.

Поэтому, я вынужденъ отказать поручику Буше въ разрѣшеніи принятія вызова на дуэль съ, такъ называемымъ, обиженнымъ.

2) Одновременное пребываніе въ Галлиполи русскаго и французскаго военнаго элемента не составляетъ соціальной группы, гдѣ тѣ и другіе живутъ въ одинаковыхъ условіяхъ. Вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, на которыхъ мнѣ не нужно настаивать, между ними существуетъ не равенство, но отношенія командованія и подчиненія, такъ какъ мѣстная французская власть имѣетъ порученіе заботиться о матеріальныхъ нуждахъ русскихъ, въ частности — о выдачѣ ежедневнаго пайка.

Въ этихъ условіяхъ между русскими и французами не можетъ быть частныхъ отношеній, но только оффиціальныя отношенія. Относительно русскихъ, французскіе военно-служащіе находятся всегда при исполненіи служебныхъ обязанностей. Вотъ почему, вообще, я не могу

допустить поединка между русскимъ и французомъ, такъ какъ причина столкновенія можетъ быть только на служебной почвѣ.

3) Недопустимо также, чтобы, въ обходъ законнаго порядка, русскіе вызовы, личные и самовольные, искуственно создаваемые, переносили со служебной на частную почву вопросы, долженствующіе оставаться на первой.

Исходя изъ этого я не могу разсматривать намѣренныя ссоры, направленныя къ извращенію дѣйствующаго порядка иначе, какъ преднамѣренное нападеніе на личность французскаго военно-служащаго. Мѣры противъ виновнаго не могутъ выразиться иначе, какъ въ привлеченіи его къ французскому военному суду въ Константинополѣ.

Томассенъ.

КОМАНДИРЪ I-го АРМЕЙСКАГО КОРПУСА

11 августа 1921 г.

№ 7777

г. Галлиполи

ПОЛКОВНИКУ ТОМАССЕНЪ!

На Ваше письмо, отъ 8-го августа за № 1669, имѣю честь сообщить нижеслѣдующее.

1) Служебное положеніе французской службы поручика Буше во время столкновенія его съ полковникомъ русской службы, Малевинскимъ, о которомъ Вы упоминаете, какъ вы можете усмотрѣть изъ доставленнаго Вамъ протокола секундантовъ, было вполнѣ принято во вниманіе при обсужденіи дѣла.

Но, мнѣ кажется, что никакія служебныя обязанности не должны и не могутъ разрѣшать лицу, носящему офицерскій мундиръ, грубаго нарушенія законовъ приличія и чести по отношенію къ женщинѣ и избавлять нарушителя отъ послѣдствій его поступка.

Я знаю, что ни одинъ изъ уставовъ любой изъ культурныхъ армій не вмѣняетъ въ обязанность своему офицеру примѣнять физическую силу.

Ваше заявленіе, что надо было рѣшеніе суда, чтобы вызывающій почувствовалъ свою честь обиженной, объясняется, конечно, исключительно Вашимъ незнакомствомъ съ правилами, существующими по этому вопросу въ русской арміи. По закону русской арміи, каждый офицеръ можетъ принять, или послать вызовъ только съ разрѣшенія соотвѣтствующаго суда чести. Рѣшеніе этого суда обязательно, конечно, только для русскаго офицера, однако, по существующимъ международнымъ обычаямъ о дуэляхъ, постановленіе секундантовъ одной изъ сторонъ всегда и вездѣ почитается заслуживающимъ вниманія.

Международное и уголовное право всѣхъ культурныхъ націй всегда выдѣляло и выдѣляетъ вопросы чести въ особый кодексъ, нравственно обязательный для каждаго офицера и дворянина.

2) Вашъ взглядъ на подчиненное положеніе русскихъ военно-служащихъ по отношенію къ расположеннымъ рядомъ съ ними французскимъ воинскимъ чинамъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть раздѣляемъ мною.

Находясь въ зонѣ, оккупированной союзниками, русскія войска, конечно, обязаны выполнять законныя требованія высшаго командованія въ Константинополѣ; но выводить изъ этого служебное старшинство каждаго французскаго военно-служащаго по отношенію къ каждому русскому невозможно ни на основаніи права, ни на основаніи ежедневнаго опыта. Такимъ образомъ, пришлось бы признать преступнымъ поведеніе русскаго офицера, защищавшаго свою соотечественницу отъ нападенія пьяныхъ французскихъ сержантовъ (письмо мое № 1202).

Ваше заявленіе, что относительно русскихъ «французскіе военно-служащіе находятся всегда при исполненіи служебныхъ обязанностей» логически приводитъ къ возможности такого эпизода, что русскій офицеръ обязанъ оставаться спокойнымъ зрителемъ, если за его женой будетъ ухаживать французскій военно-служащій въ явно недопустимой формѣ.

3) Что касается Вашего упоминанія о французскомъ военномъ судѣ въ Константинополѣ, то подсудность воинскихъ чиновъ и иностранцевъ точно опредѣлена международными законами и конвенціями.

Устанавливаемый Вами прецендентъ, что за вызовъ офицеромъ одной изъ арміи офицера другой арміи вызывающій отвѣчаетъ «какъ за преднамѣренное нападеніе», совершенно не находитъ юридическаго обоснованія.

Въ вопросахъ чести никакое подчиненіе и никакія угрозы не могутъ заставить насъ забыть ни своего личнаго достоинства, ни, въ особенности, традиціи нашей арміи, знамена которой находятся въ нашей средѣ.

Въ этомъ отношеніи, конечно, никакія соображенія о пайкахъ и т. п. не могутъ повліять на наше поведеніе.

Въ заключеніе не могу не выразить сожалѣнія, что вопросы чести Вамъ угодно было перенести въ плоскость служебныхъ отношеній.

Русскій судъ чести и секунданты полковника Малевинскаго въ вопросѣ разрѣшенія обсуждаемаго столкновенія руководствовались исключительно тѣми пріемами, какіе были приняты во французской арміи не менѣе, чѣмъ въ арміи русской.

Генералъ отъ инфантеріи Кутеповъ.

ПОЛКОВНИКЪ ТОМАССЕНЪ

28 августа 1921 г.

№ 1843

КОМАНДИРУ I-го АРМЕЙСКАГО КОРПУСА!

Въ виду отъѣзда изъ Галлиполи 15.000 русскихъ, французское правительство, для уменьшенія расходовъ на реквизицію помѣщеній, между прочимъ, рѣшило полностью эвакуировать гор. Галлиполи отъ русскихъ, за исключеніемъ госпиталей.

Вслѣдствіе этого всѣ штабы, управленія, склады, мастерскія и т. д. должны будутъ переѣхать въ лагерь и устроиться тамъ въ палаткахъ. Помѣщенія, предоставленныя въ настоящее время для госпиталей, остаются до новаго распоряженія по сему предмету въ настоящемъ положеніи.

Я имѣю честь просить Васъ составить по этому поводу детальную программу общей эвакуаціи города русскими въ лагерь «Мунибъ-бей-дере» съ указаніемъ частей и дней такимъ образомъ, чтобы эта операція была выполнена въ порядкѣ и безъ задержекъ.

Всѣ детальныя распоряженія, касающіяся новаго устройства въ лагерѣ, предоставляются Вашему вѣдѣнію. Освобожденныя отъѣзжающими палатки позволятъ произвести предполагаемое расквартированіе въ палаткахъ.

Я просилъ бы Васъ прислать мнѣ указанную программу не позже 5 сентября.

Порядокъ, въ которомъ различные штабы, училища, управленія и т. д. будутъ эвакуировать городъ, опредѣляется Вашимъ усмотрѣніемъ Тѣмъ не менѣе, представляется удобнымъ начать эвакуацію изъ той части города, которая наиболѣе удалена отъ русскаго лагеря. Во всякомъ случаѣ, должны быть эвакуированы въ указанное ниже время:

1. Русская военная база — къ 7 сентября,
2. Бараки французскаго лагеря—Сергіевское училище—13 сентября.
3. «Те-ке» (Корниловское училище) — къ 15 сентября.

Эти два послѣдніе пункта уничтожаютъ всѣ прежнія распоряженія о расположеніи двухъ указанныхъ училищъ въ городѣ.

Эти спеціальныя распоряженія должны быть включены въ общую программу.

Эвакуація должна начаться какъ только будетъ возвращена Вамъ Ваша программа по одобреніи ея французскимъ командованіемъ. Она должна быть полностью выполнена къ 30 сентября; другими словами, начиная съ 1 октября никакое русское учрежденіе, кромѣ госпиталей и ни одинъ отдѣльный русскій не долженъ оставаться въ городѣ, равно какъ не должно быть въ городѣ ни одной палатки.

Въ интересахъ самихъ русскихъ было бы быстро выполнить это передвиженіе въ теченіе послѣдняго періода хорошей погоды, не дожидаясь наступленія дождей.

Я обращаю Ваше вниманіе на категорическій характеръ, придаваемый командиромъ оккупаціоннаго корпуса этому приказанію.

Томассенъ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО) (Къ стр. 165)

ОБЪЯВЛЕНІЕ

1. Нефтяная комиссія въ Баку согласилась принять новыхъ 2.760 русскихъ бѣженцевъ. Этотъ контингентъ долженъ состоять изъ: 600 землекоповъ для желѣзнодорожныхъ работъ въ Тифлисѣ; 500 землекоповъ — въ Баку; 400 портовыхъ рабочихъ — въ порту Баку; 200 матросовъ; 1.000 рабочихъ на нефтяные промыслы въ Баку.

2. Свѣдѣнія, имѣющіяся въ распоряженіи французскаго коменданта, согласно утверждаютъ, что русскіе, ранѣе посланные по этому же назначенію въ числѣ 4.000, встрѣтили хорошій пріемъ.

3. Желающіе могутъ записываться во французской комендатурѣ.

4. Они съ этого момента будутъ изъяты изъ состава русскаго лагеря и поступаютъ въ непосредственное вѣдѣніе французскаго коменданта, который обезпечитъ имъ кровъ и пищу. Они будутъ направлены первымъ пароходомъ въ Константинополь, гдѣ будетъ сформированъ отрядъ, отправляемый въ Батумъ.

Комендантъ г. Галлиполи.

ПРИКАЗЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО РУССКОЙ АРМІИ, ОТЪ 18 АПРѢЛЯ 1921 ГОДА, ЗА № 156

Наступаютъ праздники Св. Пасхи. Эти свѣтлые и дорогіе намъ по воспоминаніямъ дни, Арміи предстоитъ провести въ изгнаніи, на чужбинѣ, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ существованія, среди злобы враговъ и холоднаго равнодушія союзниковъ. Тѣмъ ближе долженъ стать для насъ этотъ Великій Праздникъ побѣды добра надъ зломъ — праздникъ Воскресенія. Въ немъ мы должны почерпнуть новыя духовныя силы и твердую увѣренность, что наше правое, святое дѣло восторжествуетъ и мы снова увидимъ свою Родину въ блескѣ и славѣ. Будучи всегда умомъ и сердцемъ съ Арміей, я не могу забыть въ эти дни тѣхъ, кто по слабости воли, не выдержавъ суровыхъ испытаній, выпавшихъ на нашу долю, преступилъ законъ и нынѣ несетъ тягостное послѣдствіе своего осужденія, почему приказываю:

§1. Военно-служащихъ и лицъ, принадлежащихъ къ войску, подвергшихся дисциплинарнымъ взысканіямъ по распоряженію военнаго и морского начальства, или по приговорамъ судовъ военнаго и морского вѣдомства — освободить отъ таковыхъ наказаній.

§2. Военно-служащихъ, подвергнутыхъ по приговорамъ военныхъ, или морскихъ судовъ (за исключеніемъ судовъ чести), или по приказу соотвѣтствующихъ военныхъ начальниковъ, срочному разжалованію въ рядовые, считать подвергнутыми тому же наказанію съ уменьшеніемъ сроковъ разжалованія на половину, а приговоренныхъ къ разжалованію въ рядовые безъ указанія срока, считать разжалованными на срокъ 1 годъ.

§3. Сократить на половину срокъ заключенія всѣмъ военно-служащимъ и гражданскимъ лицамъ, присужденнымъ военными, или морскими судами къ срочному лишенію свободы (каторжныя работы, исправительныя арестантскія отдѣленія, тюрьма, крѣпость, дисциплинарный баталіонъ, гауптвахта).

§4. Военно-служащимъ и гражданскимъ лицамъ, присужденнымъ тѣми же судами къ безсрочной каторгѣ, замѣнить таковую каторгою срочною на 20 лѣтъ, а присужденнымъ къ смертной казни — безсрочными каторжными работами.

§5. Льготы, даруемыя настоящимъ приказомъ, распространяются лишь на тѣхъ лицъ, въ отношеніи коихъ къ моменту изданія его уже со-

стоялся соотвѣтственный приговоръ, или распоряженіе начальства о наложеніи взысканія.

§6. При примѣненіи приказа надлежитъ исходить изъ того наказанія, которое окончательно опредѣлено виновному по конфирмаціи приговора, или смягченія его участи моимъ распоряженіемъ, если таковое послѣдовало во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ даннаго дѣла.

§7. Наблюденіе за исполненіемъ сего приказа, возлагается на военно-прокурорскій надзоръ, завѣдывающаго перепиской по военно-судной части при штабахъ корпусовъ, начальниковъ соотвѣтственныхъ мѣстъ заключенія и подлежащихъ военныхъ начальниковъ.

§8. Всѣ, могущія возникнуть при примѣненіи сего приказа сомнѣнія, разрѣшать окончательно Главному Прокурору Арміи и Флота.

Подлинный подписалъ: генералъ Врангель.

Вр. и. д. Начальника Штаба

Генералъ-маіоръ Кусонскій.

СПИСОКЪ

ЧИНОВЪ 1-ГО АРМЕЙСКАГО КОРПУСА, ПОГРЕБЕННЫХЪ ВЪ ГОР. ГАЛЛИПОЛИ.

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
1	Абашидзе Юрій Дмитріевичъ; Ротмистръ; князь; 17 Драгун. Нижегор. п.	10 іюня 1921	Б. в. к. № 227
2	Александровскій Вадимъ Александр.; автоброн. отр. вольн.; г. Кіевъ	9 нояб. 1921	тоже № 5
3	Александровъ Георгій, младенецъ	18 дек. 1920	М. р. к. Г. № 11
4	Алексѣева Александра Ивановна	15 іюня 1921	Б. в. к. № 240
5	Алексѣенко Игнатій; солдатъ 1 артилл. бригады	3 нояб. 1921	тоже № 14
6	Андрющенко Александръ Николаевичъ; вольноопр. Алексѣев. полка	15 февр. 1921	тоже № 187
7	Аникіенко Василій Федоровичъ; Поруч., приком. Л. Гв. Волынскому полку, г. Кролевецъ Черн. г.	20 февр. 1921	Лаг. № 8
8	Антоніевъ Александръ; ст. унт. оф. кон. дивиз. Алексѣев. полка	11 мар. 1921	В. в. к. № 108
9	Апацановъ Михаилъ Алексѣевичъ; Корнетъ 12 Улан. Бѣлгород. полка (2 Казказ. полка)	8 мар. 1921	тоже № 198
10	Акрашевъ Иванъ Ефимовичъ; Подпрапорщикъ Корнилов. Удар. полка.	20 окт. 1921	тоже № 8
11	Артамоновъ Андрей; Подпрапорщикъ коннаго див. Марков. полка	20 авг. 1921	тоже № 144
12	Астапенко Дмитрій Семеновичъ, вольноопред.	19 дек. 1920	тоже № 178
13	Ауэ Петръ Христофоровичъ; вольн. 15 Гусар. Украин. полка	17 мар. 1921	тоже № 128
14	Афанасьевъ Вадимъ Михайловичъ; Подполковникъ 2 конной батереи	10 дек. 1920	тоже № 134
15	Бабадаглы Леонидъ Аркадьевичъ; Штабсъ-Капитанъ 7 батареи	1 авг. 1921	тоже № 123
16	Бабошко Аркадій; ст. унт. офицеръ 4 Кавалер. полка	14 сент. 1921	тоже № 86
17	Бабьевъ Стефанъ; 2 Кавал. пол.; Харьковской губ.	2 февр. 1921	Л. № 9
18	Байбаковъ Николай Ивановичъ; Подполков. 1 ген. Алексѣева батареи	6 окт. 1921	Б. в. к. № 16

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
19	Баракшевъ Тимофей Васильевичъ; рядовой Марковскаго полка; Старое село, Пензен. губ.	24 янв. 1921	Л. к. № 22
20	Боусовъ Герасимъ; санитаръ Постоянной Врачеб. комис.	1 окт. 1921	Б. в. к. № 22
21	Богутскій Михаилъ Трофимовичъ; вольн. Корнил. Удар. полка	1 янв. 1921	тоже № 99
22	Бойко Каленикъ Захарьевичъ; Коменд. команды г. Галлип.	16 мар. 1921	Л. к. № 13
23	Боковъ Иванъ; бѣженецъ	17 дек. 1920	Б. в. к № 152
24	Боровицкій Георгій Митрофанов.; Поруч. Дроздов. полка; Малъково Кіев. губ.	9 янв. 1921	Л. к. № 7
25	Борщевъ Дмитрій; мл. фейерверк. Бѣженскаго баталіона	28 янв. 1921	Л. к. № 6
26	Бочковъ Иванъ; ефрейторъ Л. Гв. Измайловскаго полка	19 окт. 1921	Б. к. № 12
27	Буга Евгеній; младенецъ	—	Б. к. № 114
28	Бугай Трофимъ Митрофановичъ; мл. ун. оф. 2 Кавал. п-ка	—	тоже № 158
29	Букрѣевъ Алексѣй; бомбардиръ Дроздов. Арт. дивиз.	28 іюля 1921	тоже № 133
30	Булава Илья Максимовичъ; Поруч. Корнилов. Ударн. полка	14 дек. 1920	М. р. к. № 2
31	Булгаковъ Алексѣй Васильевичъ; мл. фейерв. Артил. склада	5 авг. 1921	Б. в. к. № 90
32	Бураевъ Иванъ; рядовой 4-го Кавалерійс. полка	14 фев. 1921	тоже № 202
33	Бураковъ Георгій; юнкеръ Константин. Воен. Училища	3 янв. 1921	М. р. к. Г. № 7
34	Бургеръ Николай Генриховичъ; Корнетъ	2 фев. 1921	Б. в. к. № 165
35	Бурцевъ Дмитрій; солдатъ	18 фев. 1921	тоже № 195
36	Бѣдный Даніилъ Ивановичъ; мл. ун. оф. Дроздовскаго полка	5 мая. 1921	Б. в. к. № 223
37	Бѣлоголовскій Александръ Иванович.; Подпоручикъ	12 авг. 1921	тоже № 42
38	Бѣликовъ Илья Матвѣевичъ; вольн. 2 Корнилов. батар.	4 авг. 1921	тоже № 92
39	Бѣлявскій Павелъ Васильевичъ; Врачъ	16 фев. 1921	тоже № 186
40	Бѣляйкина Нина Григорьевна; сес. милос. эвакопункта	15 мая 1921	тоже № 131
41	Валетарскій Николай Ивановичъ; Подпоручикъ Дроздов. полка	16 фев. 1921	Л. к. № 11
42	Варушилинъ Петръ Ивановичъ; Шт. Капитанъ Марковскаго п.	21 янв. 1921	Б. в. к. № 146
43	Васьковскій Иванъ Васильевичъ; Ротм. Корнил. кон. дивиз.	5 мая 1921	тоже № 221

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
44	Веатистовъ Сергѣй Васильевичъ; Поручикъ	24 сент. 1921	Б. в. к. № 113
45	Величко Кондратъ Ильичъ; гражд. Бессараб. губ. Аккерм. уѣз.	30 янв. 1921	тоже № 97
46	Вернигора Иванъ Илларіоновичъ; вольн. 3 бат. 5 арт. дивиз.	30 апр. 1921	тоже № 208
47	Виссаръ Эдуардъ Эрнестовичъ; рядовой; Урож. г. Риги	27 мар. 1921	тоже № 210
48	Вихровъ Николай Петровичъ; вольн. Свод. Гвард. батареи	18 февр. 1921	тоже № 164
49	Войейкова Вѣра Васильевна; жена Капитана Воейкова	15 дек. 1921	Г. к. ан. № 13
50	Вороновичъ Сергѣй; мл. ун. оф. конвоя Начальника 1-й пѣхот. див.; Екатеринослав. губ.	11 авг. 1921	Б. в. к. № 67
51	Вѣниковъ Григорій; санитаръ; Черниговской губ.	2 іюля 1921	Б. в. к. № 254
52	Гаевскій Анатолій Константиновичъ; корнетъ 10 Улан. Одес. полка	8 мар. 1921	тоже № 199
53	Гамаркова Ольга; мл.; дочь Подпоручика Техническаго полка	14 дек. 1921	тоже № 246
54	Гейматовская Ирина Владиміровна; мл.; дочь Шт. Капитана Гейматовскаго; Алексѣевскаго артил. див.	27 авг. 1921	Л. к. № 19
55	Георгъ Яковъ Генриховичъ; Поруч.; ст. Веселый кругъ	16 фев. 1921	Б. в. к. № 39
56	Герасимовичъ Валеріанъ Фаддѣев.; Подполк. Дроздов. полка	19 сен. 1921	тоже № 24
57	Геруся Федовъ Арсентьевичъ; мл. ун. оф. Дроздов. полка; Полтавской губ.	25 дек. 1920	Л. п. № 6
58	Герхенъ Николай Александровичъ; Капитанъ Л.-Гв. Измайл. п.	25 окт. 1921	Б. в. к. № 9
59	Гладкій Сергѣй Ивановичъ; ряд. Алексѣевскаго полка	23 фев. 1921	тоже № 142
60	Головинъ Сергѣй Ивановичъ; Полковникъ	16 нояб. 1921	тоже № 15
61	Голубевъ Афанасій; вольноопред. Авто-роты Технич. полка	30 авг. 1921	тоже № 259
62	Гоманова Полина Демьяновна	3 сен. 1921	тоже № 65
63	Гончаренко Николай Ивановичъ; ст. ун. оф. 3 Кавал. полка	1 мар. 1921	тоже № 140
64	Горбуновъ Иванъ Сергѣевичъ; ефрейт. Дроздов. полка	18 фев. 1921	тоже № 197
65	Горячевъ Андрей; рядовой Николаев.-Алекс. Инж. Училища	24 сен. 1921	тоже № 25
66	Гробовичъ Эрнестъ Іосифовичъ; Полковникъ Марков. полка	28 фев. 1921	тоже № 73

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
67	Граковъ Михаилъ Константиновичъ; Капитанъ 1-ой Ген. Алекс. батар.	14 сен. 1921	Б. в. к. № 56
68	Графъ Карлъ Ивановичъ; Подпрапор. 1 Кавалерійскаго полка. Екатеринослав. губ.	9 янв. 1921	Л. к. № 8
69	Грековъ Георгій; младенецъ.	3 окт. 1921	Б. в. к. № 58
70	Гродескулъ Петръ; Корнетъ Штаба Кавалерійской дивизіи	13 сен. 1921	тоже № 46
71	Гудковъ Владиміръ Федоровичъ; Капитанъ 6 артил. дивизіона	12 мар. 1921	тоже № 85
72	Гусевъ Николай; рядовой Алексѣев. полка	30 дек. 1920	тоже № 117
73	Даниловъ Андрей Даніиловичъ; вольн. 1 Ул. Петрогр. п.	19 сен. 1921	тоже № 112
74	Данишевскій Георгій Адамовичъ; Ротм. 16. Ул Ниж.-Арханг. п.	5 мая 1921	тоже № 214
75	Дебу Викторъ; Подпоручикъ 7-ой конной артил. батареи	окт. 1921	Б. в. к. № 4
76	Денисовъ Константинъ Яковлевичъ; Подпоруч. Корнил. полка	10 дек. 1921	тоже № 71
77	Денишевъ Феодосій Ивановичъ; Капитанъ Алексѣев. полка	20 апр. 1921	тоже № 213
78	Деровъ Николай Васильевичъ; Подпоруч. Алексѣев. полка	28 іюля 1921	тоже № 132
79	Джагиновъ Оганесъ Александров.; Подпоруч.	1 іюня 1921	тоже № 238
80	Джануевъ Борисъ; Подполковникъ Дроздовскаго полка	9 іюля 1921	тоже № 256
81	Дзеха Петръ; юнкер Корнилов. Военнаго Уч.	20 янв. 1921	тоже № 36
82	Диковъ Владиміръ Георгіевичъ; юнкеръ Кавалер. Училища	5 мар. 1921	тоже № 150
83	Довженко Анатолій Степановичъ; вольн. 2 Кавал. полка	23 янв. 1921	тоже № 145
84	Додоновъ Михаилъ Михайловичъ; унт. офиц. Дроздовск. полка	15 сен. 1921	тоже № 26
85	Дорошкевичъ Юліанъ; вольноопр. Дроздовск. полка	12 фев. 1921	тоже № 155
86	Драгунъ Василій Николаевичъ; Шт. Капитанъ Дроздов. п-ка; м. Порозово Гродн. губ.	25 мая 1921	Л. п. № 18
87	Дровецкій Василій; Гусаръ 3 Кавалер. полка	14 авг. 1921	Б. в. к. № 31
88	Дукака; Полковникъ	—	Гр. к. № 1
89	Дьячковъ Александръ; младенецъ	15 фев. 1921	Б. в. к. № 124
90	Евреиновъ Иванъ Ивановичъ; Капитанъ Марков. полка	28 сен. 1921	тоже № 23
91	Ерогинъ Михаилъ Михайловичъ, Капитанъ корнил. арт. див.	1 мар. 1921	тоже № 176

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
92	Ерофаловъ Борисъ Федоровичъ; юнкеръ Александров. В. У.	10 янв. 1921	Б. в. к. № 104
93	Еськовъ Петръ; Поручикъ Марк. полка	22 сен. 1921	тоже № 35
94	Ефремовъ Петръ Григорьевичъ; Кол. Ассес. 3 бат. Алекс. арт. д.	14 сен. 1921	тоже № 28
95	Жищенко Александръ Александров.; мл. ун. оф. Алексѣевскаго п.	9 мая 1921	тоже № 217
96	Замотаевъ Феодоръ Михайловичъ; санит. лазар. 1 пѣх. дивиз.	3 янв. 1921	Б. в. к. № 121
97	Захаровъ Евгеній Захаровичъ; Подпоручикъ	25 іюня 1921	тоже № 32
98	Зданевичъ Христина Васильевна	28 янв. 1921	тоже № 130
99	Зейцъ Федоръ Федоровичъ; ряд. 4 Кавалер. полка	12 сен. 1921	тоже № 75
100	Землянскій Сергѣй Петровичъ; юнкеръ 2 Кавалер. полка	12 янв. 1921	тоже № 127
101	Земцевъ Георгій Митрофановичъ вольн. Марков. артил. дивиз.	21 янв. 1921	тоже № 185
102	Зиминъ Александръ Евгеньевичъ бомбардиръ Дроздов арт. див.	18 іюля 1921	Л. п. № 26
103	Зиновьевъ Всеволодъ Дмитріев.; ряд. Марковскаго полка	1 янв. 1921	Б. в. к. № 107
104	Иванова Полина Васильевна; сестра милосерд.	21 мая 1921	тоже № 222
105	Ивановъ Иванъ Федоровичъ; Подпор. Корнил. полка	12 дек. 1921	тоже № 94
106	Ивановъ Яковъ Николаев.; Подп. Алексѣевскаго полка	29 нояб. 1921	тоже № 138
107	Ивановъ Пантелеймонъ; рядовой; Бѣлгородскаго уѣз. Курс. губ. с. Васильково	24 дек. 1920	М. р. к. Г. № 4
108	Ивашкевичъ Никаноръ Михайлов.; Капитанъ Корнил. кон. дивиз.; Омской губерніи	19 нояб. 1921	Л. уд. к. № 2
109	Измайловъ Петръ; Полковникъ; Тверской губ.	2 янв. 1921	М. р. к. Г. № 8
110	Искра Александръ Андреевичъ; Поруч. 12 Гус. Ахтырск. п.	13 окт. 1921	Б. в. к. № 48
111	Иценко Стефанъ Михайловичъ; Капит. 5 бат. Кон. арт. див. г. Екатеринослава	25 фев. 1921	Л. к. № 12
112	Ковертъ Валерьянъ Федоровичъ; вольн. 3 бат. Марков. арт. д.	10 окт. 1921	Б. в. к. № 3
113	Калашникова Варвара Васильев.; жена Капитана Корнил. п.	28 нояб. 1921	тоже № 160
114	Калегаевъ Лука Васильевичъ; ефр. Корпус. Интент.	7 апр. 1921	тоже № 211

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
115	Калина-Пастуховъ; бомбардиръ 3 бат. Алекс. Арт. дивиз.	14 окт. 1921	Б. в. к. № 13
116	Калмыковъ Викторъ Павловичъ; Поруч. Технич. полка	6 янв. 1921	тоже № 163
117	Камкинъ Владиміръ Ивановичъ; вольн. 2 Кав. кон. батар.; г. Харьковъ	28 апр. 1921	Л. к. № 14
118	Каплинскій Владиміръ Ал.-др.; Подъэсаулъ Харьк. полка	19 фев. 1921	Б. в. к. № 91
119	Капуста Сергѣй Григорьевичъ; млад. фейер. Дрозд. Арт. див.; Таврической губ.	8 мар. 1921	Л. п. № 17
120	Каракурчи Михаилъ Ильичъ; Подпор. Марков. полка	28 мар. 1921	Б. в. к. № 98
121	Карасевъ Сергѣй; драгунъ 2 Кавалер. полка	1 дек. 1920	Л. к. № 3
122	Керберъ Яковъ; юнкеръ	20 янв. 1921	Б. в. к. № 38
123	Киліусъ Эмилій Федоровичъ; Подпор. 3 бат. 5 арт. дивиз.	9 фев. 1921	тоже № 172
124	Кимбаръ Алексѣй Львовичъ; ряд. 2 Кавалер. полка	20 янв. 1921	тоже № 151
125	Киселевъ; Подпоручикъ Дроздов. полка	30 іюня. 1921	тоже № 180
126	Кинтричъ Никифоръ Дмитріевичъ; ряд. 1 Кав. полка	14 авг. 1921	тоже № 62
127	Клейменовъ Василій Васильевичъ; ударн. Корнилов. Удар. полка	29 апр. 1921	тоже № 219
128	Клепацкій Орестъ; ряд. Портовой рабоч. роты	25 іюня 1921	тоже № 248
129	Климовъ Вадимъ Ивановичъ; Полковн. Госпит. Бѣлаго Креста	20 сен. 1921	тоже № 159
130	Климовъ Геннадій Федоровичъ; ряд. 2 Кавал. полка	14 март. 1921	тоже № 209
131	Кобзевъ Александръ Романовичъ; вахмистръ Технич. полка	2 фев. 1921	тоже № 102
132	Колесниковъ Владиміръ Ивановичъ; канониръ 4 конной батареи	16 фев. 1921	тоже № 77
133	Колоколовъ Валерьянъ Ал-дров.; Полковн.; Род. 8/VI 1873	19 фев. 1921	тоже № 18
134	Коноваловъ Даніилъ Ивановичъ; млад. фейр. 1-й кон. батареи	17 дек. 1920	тоже № 179
135	Кононенко Михаилъ Даніиловичъ; вольнопр. Дроздов. полка	25 фев. 1921	тоже № 189
136	Конотопъ Фома Осиповичъ; рядовой Харьковскаго полка	17 фев. 1921	Б. в. к. № 192
137	Константиновъ Георгій Степановичъ; Шт. Ротм. 2 Кавал. полка	—	тоже № 59
138	Коротковъ Иванъ Степановичъ; Подпор. Технич. полка	15 фев. 1921	тоже № 231

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
139	Котасоновъ Борисъ Николаевичъ; Поруч. Коменд. команды	4 мар. 1921	Б. в. к. № 141
140	Корлаковъ Константинъ; младен.	22 мая 1921	тоже № 231
141	Котельниковъ Евлампій; юнкеръ Запасн. Кавал. дивизіона	17 дек. 1921	тоже № 81
142	Коцаренко Василій; рядовой Марковскаго полка	11 сен. 1921	тоже № 111
143	Краснокутскій Иванъ; мл. фейр. 2 Кавказ. кон. батареи	2 дек. 1920	М. р. к. Г. № 3
144	Красницкій Логгинъ Михайловичъ; Капитанъ Алексѣев. полка	10 янв. 1921	Б. в. к. № 105
145	Крейтеръ (Крейтереръ) Ал-дръ Андр.; Поручикъ 1 батареи 6 артил. дивизіона	9 сен. 1921	тоже № 49
146	Кристофовичъ Киръ Николаевичъ; Подпор. Дроздовскаго полка Харьковской губ.	17 іюля 1921	Л. п. № 1
147	Криштофовичъ Киръ Кировичъ; Подпоруч. Дроздовскаго полка	2 янв. 1921	Б. в. к. № 110
148	Кузьминовъ Михаил; млад. Корнил. полка	30 іюня 1921	Л. п. № 25
149	Кулаевъ Евгеній Ивановичъ; Корн. 12 Гус. Ахтыр. полка	8 фев. 1921	Б. в. к. № 168
150	Кулиничъ Николай Сергѣевичъ; рядовой	12 фев. 1921	тоже № 196
151	Кульвандеръ Яковъ Михайловичъ; чиновникъ	13 іюля 1921	тоже № 157
152	Лабинскій Павелъ; бомбардиръ Гвард. батареи	20 авг. 1921	тоже № 181
153	Лавровскій Михаилъ; канониръ Офицер. Артил. школы	15 іюля 1921	тоже № 137
154	Лазаревъ Ефимъ Мироновичъ; казакъ Краснощековской ст.	1 окт. 1921	тоже № 47
155	Лапшинъ Николай Максимовичъ; Корн. 9 Кіев. Гус. полка	28 іюля 1921	тоже № 109
156	Лашковъ Борисъ Николаевичъ; Корн. Отд. Кон. Дивизіона	29 дек. 1920	тоже № 183
157	Левицкій Василій Афиногеновичъ; Корнетъ.	1 окт. 1921	тоже № 27
158	Лебедь-Грищенко Ал-дръ Федоровичъ; канониръ 2 кон. батареи	15 іюня 1921	Б. в. к. № 235
159	Лебедевъ Валентинъ Владиміровичъ; младенецъ	15 дек. 1920	Г. к. ан. № 9
160	Лебедевъ Иванъ Алексѣевичъ; млад. фейерв. г. Курскъ	27 нояб. 1921	Б. в. к. № 182
161	Липскій Петръ; мл. унт. офицеръ кон. дивиз. Дроздовскаго полка	7 сен. 1921	тоже № 63
162	Лихошерстовъ Василій; рядовой 4 Кавал. полка	5 дек. 1920	тоже № 148
163	Лобзинъ Александръ Никаноровичъ; Подпоруч. Техническаго полка	9 мар. 1921	тоже № 34
164	Ляхъ Василій; млад. унт. офицеръ Улан. Буг. полка	5 мар. 1921	тоже № 206

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
165	Лященко Степанъ Ивановичъ; рядов. 4 Кавалер. полка	29 дек. 1920	Б. в. к. № 184
166	Любомірскій Всеволодъ Станислав.; вольн. 1 Кавал. полка	2 янв. 1921	тоже № 82
167	Любомудровъ Николай Николаевичъ; Шт. Ротм. Черномор. кон. дивиз. г. Кіевъ	4 фев. 1921	Л. п. № 23
168	Людвей Анатолій; вольноопредѣляющійся	16 дек. 1921	Б. в. к. № 153
169	Макарухи Александръ Моисеевичъ; мл. фейерверкеръ	28 сен. 1921	тоже № 20
170	Малофѣевъ Михаилъ; младен.	5 авг. 1921	тоже № 88
171	Мандрыкинъ Дмитрій Михайловичъ; Заур. формацефтъ г. Бахмутъ.	—	М. р. к. Г. № 10
172	Манштейнъ Нина; младенецъ	3 іюня 1921	Б. в. к. № 233
173	Марковъ Николай: мл. фейер. Артил. склада	3 іюля 1921	тоже № 249
174	Марченко Тимофей Игнатьевичъ; Поруч. Дроздовскаго полка; г. Лебединъ Харьк. губ.	20 дек. 1920	Л. п. № 14
175	Марьинъ Александръ; рядовой Дроздовскаго полка	1 сен. 1921	Б. в. к. № 261
176	Матросовъ Иванъ; юнкеръ Корников. Воен. училища	10 янв. 1921	тоже № 57
177	Меленевскій Михаилъ Викторовичъ; ряд. Дроздовскаго полка	27 дек. 1920	тоже № 61
178	Мельниковъ Георгій Павловичъ; рядовой Алекс. полка	4 янв. 1921	тоже № 52
179	Мельниковъ Георгій; младенецъ Капит. Ал. Ив. Мельникова	11 дек. 1920	Г. к. ан. № 12
180	Мельникъ Иванъ Агапьевичъ; Поруч. Корнил. полка	26 сен. 1921	Б. в. к. № 17
181	Микулинъ Несторъ; юнкеръ Сергіев. Артил. Уч.	—	тоже № 40
182	Миллеръ Борисъ Александровичъ; Корнетъ	14 янв. 1921	тоже № 1
183	Минаковъ Михаилъ Яковлевичъ; мл. фейер. Алексев. арт. див.	29 дек. 1921	тоже № 80
184	Митько Иванъ Ивановичъ; ун. офиц. Л. Гв. Кирасир. полка	3 мар. 1921	тоже № 193
185	Митягинъ Иванъ Яковлевичъ; воен. чинов. Техничес. полка	29 мая 1921	тоже № 236
186	Михайловъ Андрей Михайловичъ; Поручикъ Корнилов. полка	1 окт. 1921	тоже № 21
187	Михайловъ Андрей; Шт. Капитанъ Алексѣевскаго полка	14 сен. 1921	тоже № 262
188	Молчановъ Яковъ Павловичъ; бомб. 1 Ген. Алекс. батареи	14 апр. 1921	тоже № 212
189	Монафъ Александръ Васильевичъ; вольн. 1 Кавалер. п.; Ломжинской губ.	8 фев. 1921	Л. к. № 15

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
190	Морозовъ Артемій Антоновичъ; Дроздовскаго полка	6 сен. 1921	Б. в. к. № 66
191	Нелидовъ Анатолій Сергѣевичъ; чиновникъ	3 іюня 1921	тоже № 243
192	Нѣловъ Леонидъ Леонидовичъ; Капитанъ Л. Гв. 3 арт. бр.	28 авг. 1921	тоже № 147
193	Никитинъ Константинъ; вольн. 2 конной батареи	4 янв. 1921	тоже № 106
194	Нугисъ Александръ; драгунъ 3 Кавал. полка	24 авг. 1921	тоже № 30
195 до 211	Неизвѣстныя могилы:	—	Б. в. клад. № 245, 235 Гр. к. ан. № 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 15, 16 Гр. к. фр. № 2, 3, 4, 5, 6 М. р. к. № 1
212	Оже-де-Ренкуръ Сергѣй Павловичъ; мл. фейер. Корн. артил. дивиз.	18 дек. 1920	М. р. к. Г. № 9
213	Ольшевскій Станиславъ Болеслав.; Шт. Капит. Марков. артил. дивиз.	18 іюня 1921	Б. в. к. № 33
214	Опуховскій Владиміръ Николаевичъ; Капитанъ Корнил. артил. дивиз.	12 фев. 1921	тоже № 161
215	Орловъ Петръ; юнкеръ Николаев. Инженер. училища	18 мая 1921	тоже № 218
216	Остелецкій Борисъ Алексѣевичъ; Шт. Капитанъ Л. Гв. Павл. полка	4 фев. 1921	тоже № 129
217	Остеръ Павелъ Павловичъ; вольн. Запасн. Кавал. дивизіона	13 авг. 1921	тоже № 260
218	Остославскій Николай Николаев.; врачъ	9 авг. 1921	тоже № 69
219	Очаковъ Эдуардъ; вольноопред. Алексѣевскаго полка	21 мая 1921	тоже № 230
220	Павловъ Дмитрій; бѣжен. батал.	29 янв. 1921	тоже № 169
221	Панченко Григорій Ивановичъ; Подпор. Технич. полка	2 сен. 1921	тоже № 43
222	Парфутскій Иванъ; санитар; ун. оф. Уч. Оф. Кавал. полка	20 окт. 1921	тоже № 11
223	Пассейнъ Эдмундъ Фридриховичъ; ряд. Алексѣевскаго полка	15 фев. 1921	тоже № 188
	Пастуховъ-Калина (см. № 115)	—	тоже № 13
224	Петращукъ Михаилъ Павловичъ; Шт. Кап. Марков. полка	2 окт. 1921	тоже № 10
225	Петренко Павелъ Ивановичъ; ряд. Корнилов. полка	4 дек. 1921	тоже № 116
226	Петрова Нина: младенецъ	30 мая 1921	тоже № 229
227	Петровъ Михаилъ Павловичъ; Поруч. Марковскаго полка	19 іюня 1921	тоже № 255

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
228	Платоновъ Игорь Степановичъ; ст. лейтен. Тран. „Осторожный“	26 фев. 1921	Б. в. к. № 194
229	Плещенко Таисія Семеновна	1 сен. 1921	тоже № 87
230	Павліенко Петръ; Подпоручикъ Алексѣевскаго полка	16 сен. 1921	тоже № 51
231	Подгорный Іакимъ Феодоровичъ; мед. фельд. 2 Кавал. полка.	26 янв. 1921	тоже № 166
232	Покусовъ Борисъ Владиміровичъ; вахмистръ 3 Кавал. полка	16 фев. 1921	тоже № 175
233	Полтавскій; Полков. Куб. Обл.	16 фев. 1921	тоже № 167
234	Поповъ Владиміръ Ивановичъ; ряд. Марков. полка; Лозовая, Павловка Екатер. губ.	7 мар. 1921	Л. п. № 21
235	Поповъ Федоръ; старшій фейервер. Марковс. артил. дивиз.	13 сен. 1921	Б. в. к. № 44
236	Поповъ; млад. Полк. Попова	29 авг. 1921	тоже № 263
237	Прокопецъ Александръ Ивановичъ; санит. 7 перд. Отр. Кр. Кр.	25 янв. 1921	тоже № 53
238	Пишвановъ Дмитрій; ст. ун. офиц. Дроздовскаго полка.	8 мая 1921	тоже № 226
239	Раевскій Бронеславъ; Поручикъ Дроздовск. полка	17 мая 1921	тоже № 298
240	Раушъ Карлъ Карловичъ; рядовой 2 Кавалер. полка	15 янв. 1921	тоже № 126
241	Рейтеръ Корнилій; рядовой 3 Кавал. полка	24 сен. 1921	тоже № 29
242	Рингсъ Дмитрій Эдуардовичъ; ветерин. врачъ	1 янв. 1921	тоже № 79
243	Ритовъ Михаилъ Ивановичъ; Корнетъ Запасн. Кавал. дивиз.	30 янв. 1921	тоже № 83
244	Рихтеръ Феликсъ; юнкеръ Константинов. Воен. Уч.	17 мар. 1921	М. р. к. Г. № 6
245	Рицкъ Владиміръ Мих.; Подпор. Корнил. полка	31 авг. 1921	Б. в. к. № 41
246	Розаліонъ-Сошальскій Левъ Вл.; Поруч. Дроздов. Артил. дивиз.	11 мар. 1921	Л. п. № 4
247	Романенко Николай; ст. фейер. 1 конной батареи	27 іюля 1921	Б. в. к. № 250
248	Роткевичъ Алексѣй Федоровичъ; Подпрапор. 4 Кавал. полка	1 янв. 1921	тоже № 100
249	Росницкій Павелъ Платоновичъ; Рот. Алекс. Кон. Див. г. Курскъ.	29 авг. 1921	Л. п. № 10
250	Рукинъ Николай; Подп. Марк. полка	25 іюня 1921	Б. в. к № 252
251	Рунге Зинаида Георгіевна	21 дек. 1921	тоже № 119
252	Русиновъ Николай Матвѣевичъ; уд. Конр. п. Тобольской г.	17 апр. 1921	Л. п. № 20
253	Рутковскій Викторъ Леонидов.; Поруч. 4 бат. Дрозд. кон. бат.	23 мар. 1921	Б. в. к. № 103

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
254	Рыльцовъ Александръ Никитичъ; вольн. брон. „Единая Россія“	16 дек. 1921	Б. в. к. № 162
255	Рябинъ Алексѣй Андреевичъ; чин.	19 іюня 1921	тоже № 242
256	Рязанцевъ Филиппъ; гус. 2 Кав. полка	9 янв. 1921	Л. к. № 2
257	Саенко Петръ; рядовой	3 іюля 1921	Б. в. к. № 251
253	Сапѣгинъ Степанъ; кан. конно-артил. дивиз.	1 янв. 1921	тоже № 158
259	Сарбіевъ Каранъ; ряд. Мар. п. Уфим. губ. В. Сарикъ	31 мар. 1921	Маг. кл. № 1
260	Свѣтличный Авксентій Герасимов.; Поруч. Дрозд. п. Харьк. губ.	20 іюня 1921	Л. п. № 13
261	Сергѣевъ Константинъ Иванов.; Корн. Дроздов. полка; Ферг. о.	31 іюля 1921	Л. п. № 9
262	Семеновъ Павелъ; Подп. Марковск. полка; Псковской губ.	1 нояб. 1921	Б. в. к. № 6
263	Сиротинъ Сергѣй Ивановичъ; вольн. Дрозд. арт. див.; Орлов. губ.	29 янв. 1921	Л. п. № 3
264	Скаржинскій Всеволодъ Всеволод.; Корнетъ 1 Кавал. полка	16 янв. 1921	Г. к. ан. № 17
265	Скворцовъ Николай Дмитріевичъ; Шт. Ротм. 1 Кавал. пол. (10 Ингер.) г. Петроградъ	янв. 1921	Л. к. № 4
266	Скибинъ Кириллъ Ивановичъ; вет. врачъ 5 конной батареи	15 мар. 1921	Б. в. к. № 174
267	Скороходъ Анатолій; ряд. 3 Кав. полка	4 янв. 1921	тоже № 76
268	Слинько Иванъ: бомб. Л. Гв. 1 ар. бр.	9 сен. 1921	тоже № 70
269	Смирнова Александра; младенецъ	21 апр. 1921	тоже № 215
270	Смоленскій Николай Евгеньевичъ; Корн. 2 Кавал. полка	4 іюня 1921	Л. к. № 10
271	Смыковъ Владиміръ Сергѣевичъ; Шт. Капит. Алекс. Инж. роты; Петроградъ	25 дек. 1920	Л. п. № 15
272	Снѣгура-Снѣгуровъ Викторъ Васил.; Подполк. Алексѣев. полка.	14 сен. 1921	Б. в. к. № 72
273	Соболевъ Валентинъ Федоровичъ; Корн. Корниловск. полка.	26 мар. 1921	тоже № 96
274	Стальнюкъ Александръ Евдокимов.; кан. 3 конной батареи	11 фев. 1921	тоже № 60
275	Старшиновъ Викторъ Ивановичъ; Капитанъ 5 артил. дивиз.	10 мая 1921	тоже № 220
276	Стебельскій Борисъ Владим.; Капит. Корнил. полка	12 фев. 1921	тоже № 55
277	Стехинъ Дмитрій; ст. ур. Дон. об.	4 дек. 1920	М. р. к. Г. № 12
278	Стренковъ Всеволодъ; мл. кап. Корнилов. полка	13 іюня 1921	Л. п. № 24
279	Сумароковъ Герасимъ; Шт. Кап. Алексѣев. артил. дивиз.	4 авг. 1921	Б. в. к. № 68

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
280	Сундманъ Георгій Георгіевичъ; Полковн. Алекс. арт. див. Севаст.	18 янв. 1921	Л. п. № 5
281	Сухинъ Михаилъ Константиновичъ	13 дек. 1920	Г. к. ан. № 14
282	Сухомлинъ (новъ) Архипъ; ряд. 3 Кавал. полка	16 апр. 1921	Б. в. к. № 205
283	Сѣверьяновъ Левъ Аркадьевичъ; кадетъ Орловск. корпуса	19 янв. 1921	тоже № 125
284	Сыса Антонъ Дорофѣевичъ; ряд. Дроздов. полка; Полт. губ.	12 дек. 1920	Л. п. № 16
285	Терещенко Георгій Ильичъ: Поруч. Дроздов. кон. дивиз.	31 мая 1921	Б. в. к. № 232
286	Терпиловскій Петръ Сергѣевичъ; Корпусн. Интенд.	3 мар. 1921	Б. в. к. № 173
287	Тимофеевъ Евгеній Ивановичъ; Поруч. 3 бат. Алекс. арт. див.	13 іюня 1921	тоже № 239
288	Тимофеевъ Юрій; Подпоручикъ Л. Гв. Московскаго полка.	14 іюня 1921	тоже № 244
289	Тимченко-Ярещенко Иванъ Георг.; Подпоруч. Вещев. Склада	20 іюня 1921	тоже № 136
290	Тиссенъ Гергардтъ Петровичъ; вольн. 2 Кавал. полка; Гольштадъ Тавр. губ.	—	Л. к. № 1
291	Ткаленко Петръ Поликарповичъ; вольн. 3 тяжел. батареи	5 янв. 1921	Б. в. к. № 139
292	Толмачевъ Сергѣй Николаевичъ; Полковн. Новомиргор. ул. полка	14 мая 1921	тоже № 216
293	Томашевскій Василій Николаев.; солд. Алексѣевскаго полка	2 янв. 1921	тоже № 120/149
294	Тарновская Таисія Алексѣевна; Смоленской губ.	14 авг. 1921	тоже № 258
295	Троицкая Вѣра Павловна	24 дек. 1920	Г. к. ан. № 10
296	Тукало Михаилъ Митрофановичъ; вольноопр. Алексѣев. артил. див.	24 фев. 1921	Л. п. № 2
297	Туршу Семенъ; Поручикъ.	23 дек. 1920	Б. в. к. № 143
298	Удальцовъ Емельянъ Феодосьевичъ; рядовой Марковск. полка.	8 янв. 1921	Б. в. к. № 171
299	Укше Георгій Александровичъ; мл. фейерв. 5 артил. див.	24. дек. 1920	М. р. к. Г. № 5
300	Успенскій Алексѣй Леонидовичъ; Подпоруч. Техническ. полка	19. дек. 1920	Б. в. к. № 154
301	Фарскій Борисъ Германовичъ; вольн. Дроздовскаго полка	24 дек. 1920	М. р. к. Г. № 13
302	Федорова Ирина; младенецъ	2 іюня 1921	Б. в. к. № 241
303	Федосьевъ Александръ Сергѣевичъ; чинов. Алекс. Инженер. роты	10 авг. 1921	тоже № 115

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
304	Фельдманъ Евгеній Владиміровичъ; Ротм. 1 Кавалер полка	4 янв. 1921	Б. в. к. № 74
305	Филиппъ Михаилъ Константиновичъ; вольн. 2 Кавалер. полка	7 фев. 1921	тоже № 201
306	Фошнянскій Владиміръ Владиміров.; рядовой Марковск. полка	16 фев. 1921	тоже № 78
307	Франкъ Іоганнъ Августовичъ; ряд. 1 Кавалер. полка	21 янв. 1921	тоже № 122
308	Фрейдъ Константинъ; младенецъ	2 авг. 1921	тоже № 257
309	Фроловъ Сергѣй; Поручикъ Алекс. полка	3 мар. 1921	тоже № 156
310	Фурсовъ Юрій Николаевичъ; Поруч. 5 артил. дивизіона	6 іюня 1921	тоже № 234
311	Хлѣбодаревъ Василій Николаевичъ; кад. Дроздовск. полка; Херсон. губ.	20 янв. 1921	Л. п. № 11
312	Хорошковъ Дмитрій Яковлевичъ; чин. Техническаго полка	12 фев. 1921	Б. в. к. № 35
313	Хриденко Иванъ Петровичъ; Подполк. Алексѣевскаго полка	6 іюня 1921	тоже № 237
314	Черторижскій Андрей; Поручикъ	14 фев. 1921	тоже № 177
315	Чаругинъ Павелъ Григорьевичъ; Поручикъ Алексѣев. полка	13 фев. 1921	тоже № 84
316	Чарухинъ Константинъ Дмитріевичъ; Ротм. Дрозд. кон. дивиз.; г. Томскъ	7 янв. 1921	Л. п. № 12
317	Черкашинъ Андрей Лукьяновичъ; мл. фейер. 2 конной бат.	6 апр. 1921	Б. в. к. № 207
318	Чернышевъ Василій Алексѣевичъ; Поруч. Марковскаго полка	24 нояб. 1921	тоже № 225
319	Чернышевъ Викторъ Ивановичъ; ст. фейер. 2 бат. Алекс. арт. дивиз.	16 нояб. 1921	тоже № 247
320	Чубаровъ Аркадій; Подпоруч. 1 Кавал. полка	30 янв. 1921	Л. к. № 5
321	Чубъ Александръ; унтеръ-офицеръ Кон. дивиз. Марков. полка	13 сен. 1921	Б. в. к. № 203
322	Царуковъ Георгій Константиновичъ; вольн. Гвард. батар.	13 дек. 1921	тоже № 50
323	Цейгеръ Иванъ Ивановичъ; ряд. Гвард. Кавал. полка	20 дек. 1921	тоже № 170
324	Цицура Юрій; младенецъ	24 окт. 1921	тоже № 7
325	Шаламовъ Семенъ Григорьевичъ; чин. Корниловск. полка; Орлов. губ.	2 дек. 1920	Л. уд. к. № 1
326	Шевченко Алексѣй; Юнкеръ Корнил. воен. училища	30 апр. 1921	Б. в. к. № 37

№	Фамилія, имя, отчество, чинъ и часть	Когда умеръ	Гдѣ погребенъ
327	Шевцовъ Николай; вольноопр. 1 бат. 5 артил. дивиз.	28 сен. 1921	Б. в. к. № 45
328	Шереметовъ Сергѣй Александровичъ; Капитанъ Корнил. арт. див.	5 авг. 1921	тоже № 45
329	Шифнеръ-Маркевичъ Антонъ Мейнг.; Генеральн. Шт. Генералъ-Маіоръ	9 янв. 1921	тоже № 2
330	Шкляревскій Иванъ Андреевичъ; Подпоруч. Корнилов. полка	7 авг. 1921	тоже № 91
331	Шмидтъ Василій; ст. фейер. Офиц. артил. школы	21 дек. 1920	тоже № 118
332	Шинякинъ Петръ; санитаръ лаз. 1 пѣх. дивизіи	4 іюня 1921	тоже № 224
333	Шроттъ Робертъ; ряд. Марк. полка	15 мар. 1921	тоже № 54
334	Щелкуновъ Николай Ивановичъ; вахм. Дроздовскаго полка	8 мар. 1921	тоже № 95
335	Щекутинъ Владиміръ Георгіевичъ; мл. фейер. 3 конной батареи	15 іюня 1921	тоже № 253
336	Щербаковъ Константинъ; вольноопр. 4 конной батареи	15 нояб. 1921	Г. к. ан. № 2
337	Эзау Яковъ Степановичъ; рядов. Алексѣевскаго полка	21 фев. 1921	Б. в. к. № 200
338	Ядринцевъ Викторъ; младенецъ	25 іюля 1921	тоже № 138
339	Яковьюкъ Павелъ Селиверстов.; Капитанъ Технич. полка	31 янв. 1921	тоже № 135
340	Яковлевъ Глѣбъ Владиміровичъ; юнкеръ Дроздовскаго полка; г. Бѣлополье Харьк. губ.	16 дек. 1920	Л. п. № 7
341	Яновскій Михаилъ Осиповичъ; кан. 3 Марк. арт. див.	9 авг. 1921	В. в. к. № 93
342	Яценко Кузьма; рядовой 2-го коннаго Дроздов. полка	5 сен. 1921	тоже № 89

(Къ стр. 398)

ПРИКАЗЪ
1-му АРМЕЙСКОМУ КОРПУСУ.
№ 323

г. ГАЛЛИПОЛИ, 23 МАЯ 1921 ГОДА

Я имѣю основаніе предполагать, что французское командованіе намѣревается продолжать отправленіе желающихъ уѣхать изъ Галлиполи. Возможно, что будутъ предложенія ѣхать въ Сербію, или Болгарію.

Главнокомандующій желаетъ перевезти въ Сербію I-й армейскій корпусъ цѣликомъ и, потому, отправленіе отдѣльныхъ людей и группъ ведетъ лишь къ разложенію частей.

Въ настоящее время I-й армейскій корпусъ является единственной крѣпкой Русской силой, на которую обращены надежды всѣхъ, кому дѣйствительно дорого Русское дѣло.

Въ полномъ сознаніи своей отвѣтственности передъ Родиной, я не могу допустить развала ввѣреннаго мнѣ корпуса.

Согласно приказа Главнокомандующаго, отправленіе въ Сербію должно производиться только цѣлыми частями, ибо только при такомъ порядкѣ перевозки мы не распылимся и сохранимъ себя какъ воинскую силу, съ которой будутъ считаться.

Приказываю:

1) Всѣхъ, кто пожелаетъ исполнить предложенія французскаго командованія и тѣмъ прикрываетъ свои личные шкурные интересы въ тяжелые дни Арміи — перевести на бѣженское положеніе и предоставить имъ свободу отъѣзда.

2) Всѣхъ слабыхъ духомъ, вносящихъ въ ряды войскъ рознь, сѣющихъ нелѣпые слухи — перевести на бѣженское положеніе.

3) Списки лицъ указанныхъ въ 1 и 2 пунктахъ представить мнѣ къ 27 мая.

4) Всѣхъ записавшихся выдѣлить въ отдѣльныя команды и перевести затѣмъ въ бѣженскій баталіонъ, снабдивъ каждаго удостовѣреніемъ за подписью командира части и печатью съ указаніемъ, что данное лицо переведено въ разрядъ бѣженцевъ.

5) Отправленіе бѣженцевъ на пароходъ должно производиться каждый разъ по полученіи на то моего приказанія въ полномъ порядкѣ, командами, при старшихъ.

6) Если послѣ произведенной записи будутъ находиться желающіе ѣхать самовольно, то таковыхъ распоряженіемъ начальниковъ частей предавать военно-полевому суду, ибо они остались въ рядахъ Арміи, не руководствуясь исполненіемъ долга и любовью къ Родинѣ, а въ цѣляхъ разложенія войскъ.

Только единеніемъ, дисциплиной и полнѣйшимъ порядкомъ мы спасемъ Русское дѣло и сохранимъ незапятнаннымъ свѣтлое имя Русской Арміи.

Приказъ этотъ прочесть въ ротахъ, эскадронахъ, батареяхъ, командахъ, госпиталяхъ, хлѣбопекарняхъ и мастерскихъ.

Генералъ отъ инфантеріи Кутеповъ.

ГАЛЛИПОЛИ
Масштабъ 1/5000
50 0 100 200 300 400 метр
Условные знаки.
Жилые раіоны
Развалины.
Кладбища.
Зданія гдѣ производился ремонтъ
Въ Сергіевское Артиллер. училище 1 клм.
Турец. кл.
Тур. кл.
Фран. клад.
Армян. кл.
Русскіе Армяне
Маяки
Турец. кл.
Турецк. кл.
Греческ. кл.
Русскіе кл.
Англійск. кл.
Фудольн. площадка
Большое Русское кл.
Малое Русское кл.
Турецкое кл.
Управленіе Корп. Инженера I-го Армейскаго Корпуса
Зав. Строительнымъ отдѣломъ Капитанъ Быковскій

УКАЗАТЕЛЬ КЪ ПЛАНУ ГОРОДА ГАЛЛИПОЛИ

1. Бараки близъ сенегальскихъ казармъ. Сергіевское Артиллерійское Училище.
2. Мечеть Тэке. Корниловское военное училище.
3. Мечеть Арабчи. Общежитіе Марковскаго полка.
4. Домъ Беккеръ-Бея. Общежитіе Корниловскаго и Дроздовскаго полковъ.
5. Палатки Офицерской Гимнастическо-фехтовальной школы.
6. Заразное отдѣленіе Дивизіоннаго лазарета 1-й пѣхотной дивизіи.
7. Гимназія имени генерала Врангеля и Дѣтскій садъ.
8. Церковь Дѣтскаго сада.
9. Радіостанція.
10. Палатки санаторіи для туберкулезныхъ.
11. Студія художниковъ Музыкально-художественнаго кружка 1-го армейскаго корпуса.
12. Раіонная мастерская.
13. Помѣщеніе музыкантовъ Музыкально-художественнаго кружка 1-го Армейскаго корпуса.
14. Управленіе Инспектора артиллеріи и Корпуснаго инженера 1-го Армейскаго корпуса.
15. Лечебница для дѣтей при Дивизіонномъ лазаретѣ 1-й пѣхотной дивизіи.
16. Помѣщеніе Охранной роты.
17. Дезинфекціонная камера при турецкой банѣ.
18. Управленіе Корпуснаго врача.
19. Дивизіонный лазаретъ 1-й пѣхотной дивизіи.
20. Амбулаторія врачей спеціалистовъ.
21. Корпусный Судъ.
22. Зубоврачебный кабинетъ.
23. Зубоврачебный кабинетъ.
24. Общежитіе Техническаго полка.
25. Еврейская школа. Общежитіе 2-го Кавалерійскаго полка.
26. Хирургическій госпиталь № 4.
27. Общежитіе Кавалерійской дивизіи.
28. Греческая баня.
29. Общежитіе Техническаго полка.
30. Главная гауптвахта (подслѣдственная).

31. Караванъ-сарай. Техническій полкъ.
32. Околодокъ Техническаго полка.
33. Гинекологическое отдѣленіе Дивизіоннаго лазарета 1-й пѣхотной дивизіи.
34. Канцелярія техническаго полка.
35. Инженерный складъ 1-го армейскаго корпуса.
36. Дамскій комитетъ.
37. Домъ Шулу-хана. Константиновское военное училище.
38. Артиллерійскій складъ.
39. Мастерскія Техническаго полка.
40. Корпусная фотографія.
41. Художественные курсы при музыкально-художественномъ кружкѣ.
42. Штабъ 1-го армейскаго корпуса.
43. Корпусный обозъ.
44. Аптечный складъ.
45. Офицерская артиллерійская школа.
46. Гауптвахта № 2.
47. Хозяйственная часть 4-го кавалерійскаго полка.
48. Корпусный театръ.
49. Корпусный кинематографъ.
50. Александровское военное училище.
51. Николаевское кавалерійское училище.
52. Интендантскій складъ.
53. Комендантская команда.
54. Управленіе Коменданта города.
55. Общежитіе при комендантскомъ управленіи.
56. Информаціонное отдѣленіе 1-го армейскаго корпуса.
57. Общежитіе авіаціоннаго баталіона.
58. Общежитіе кавалерійской дивизіи.
59. Общежитіе Алексѣевскаго полка.
60. Химико-бактеорологическое отдѣленіе.
61. Питательный пунктъ Земскаго Союза.
62. Лазаретъ Бѣлаго Креста.
63. Общежитіе кавалерійской дивизіи.
64. Инвалидный домъ.
65. Корпусная хлѣбопекарня.
66. Николаевское Инженерное училище.
67. Паркъ и мастерскія узко-колейной желѣзной дороги.
68. Общежитіе кавалерійской дивизіи.
69. Перевязочный отрядъ № 7.
70. Эвакуаціонный пунктъ.
71. Палатки офицерской инженерной школы.
72. Библіотека-читальня В. З. С. и В. С. Г. (Общеобразовательные курсы).

73. Представительство В. З. С. и В. С. Г.
74. Гарнизонная столовая (въ верхнемъ этажѣ раньше помѣщалась читальня, а затѣмъ административные курсы).
75. Греческій клубъ.
76. Маякъ.
77. Лагерная мечеть.
78. Толчекъ.
79. Памятный столбъ турецкаго десанта.
80. Домъ Командира корпуса.

ДІАГРАММЫ,

поясняющія нѣкоторыя цифры, имѣющія отношеніе къ пребыванію русскаго корпуса въ Галлиполи.

Діаграмма I:

Соотношеніе денежныхъ суммъ, полученныхъ изъ различныхъ источниковъ на питаніе русскаго корпуса въ Галлиполи съ декабря 1920 г. по сентябрь 1921 г.

Діаграмма II:

Процентное отношеніе перешедшихъ на бѣженское положеніе къ оставшимся за все время пребыванія корпуса въ Галлиполи.

(Зачерненнымъ обозначены перешедшіе на бѣженское положеніе 21, 20%)

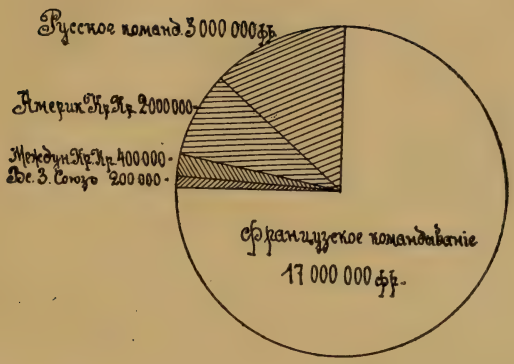
Діаграмма III:

Процентное отношеніе перешедшихъ на бѣженское положеніе послѣ приказа № 323 къ оставшимся въ корпусѣ.

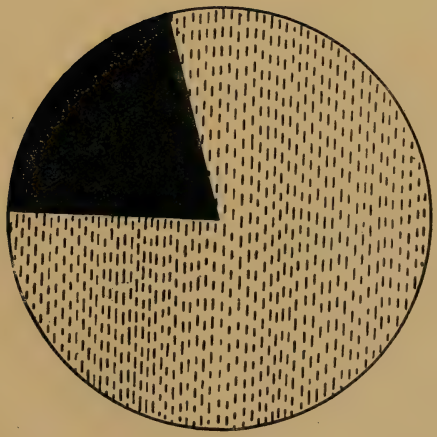
(Зачерненнымъ обозначены перешедшіе на бѣженское положоніе 10, 28%)

Діаграмма IV:

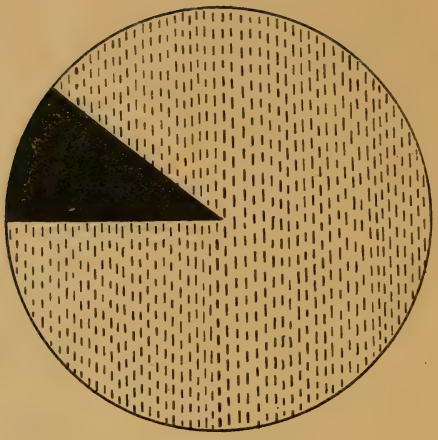
Процентное отношеніе уѣхавшихъ въ совѣтскую Россію къ составу корпуса за все время пребыванія его въ Галлиполи.


Русское команд. 3 000 000 фр.
Американ. Кр. Кр. 2 000 000 -
Междун. Кр. Кр. 400 000 -
Де. З. Сочу 200 000 -
французское командованіе
17 000 000 фр.

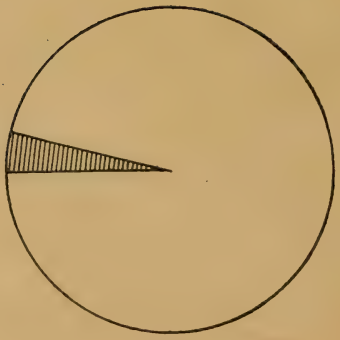
I



II



III



Уѣхавшіе въ
Сов. Россію
3, 67.

IV

Toast porté par le Lieut.-Colonel Thomassin, au déjeuner offert au Général Koutépoff, le 15 décembre 1921.

MON GÉNÉRAL.

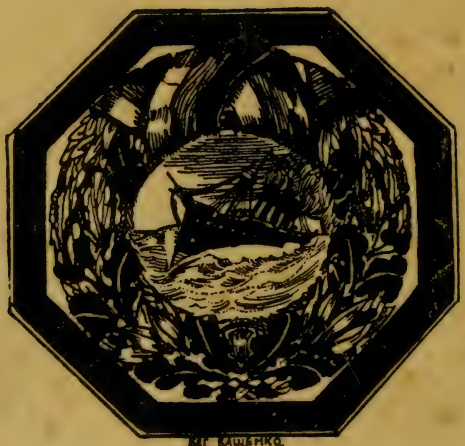
Je me fais l'interprête de la garnison française de Gallipoli en vous adressant, à la veille de votre départ pour la Bulgarie, mes adieux et mes souhaits.

Depuis près d'un an, nous travaillons côte à côte et nous collaborons à la même tâche; oeuvre délicate et ardue car elle comportait un but commun et des données contradictoires. Elle à pu être menée à bien, et j'ai pu ainsi accomplir, à la française, la mission d'hospitalité militaire, qui m'était confiée, grâce à votre fermeté de Chef et â Votre loyauté de soldat. Vous avez su maintenir, dans l'important effectif sous vos ordres, une impeccable discipline, cette discipline, qui, à en croire l'Empereur Napoléon I, un connaisseur, fait la force principale des armées. — Je souhaite qu'elle demeure l'assiette solide et devienne l'augure favorable de Vos entreprises de demain. — Je vous renouvelle, mon chez Général, mes compliments sympathiques et je porte à Votre santé, à celle de Madame Koutépoff, de Vos officiers, de Vos soldats. De tout coeur, au nom de l'armée française que ici, je léve mon verre en l'honneur de Votre grande patrie, notre alliée dans des jours difficiles, et je bois aux destinées de la Russie.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Вступленіе 7
Крымъ-Константинополь-Галлиполи 9
Географическій очеркъ Галлиполійскаго полуострова и города Галлиполи 25
Историческій очеркъ Галлиполійскаго полуострова 31
Размѣщеніе (лагерь и городъ) 38
Организація корпуса 48
Генералъ Александръ Павловичъ Кутеповъ 54
Снабженіе корпуса 61
Санитарная часть 87
Техническая часть 105
Постановка строевого дѣла 126
Воспитаніе корпуса 135
Смотры и парады 146
Отношеніе арміи къ Главнокомандующему 153
Взаимоотношенія съ французами 160
Правовое положеніе корпуса 171
Административная дѣятельность 176
Военный судъ 187
Военно-учебное дѣло 199
Общеобразовательныя учрежденія и курсы 235
Обученіе дѣтей 244
Книга 254
Церковь 261
Кладбища 274
Общественная жизнь корпуса 282
Художники и выставка 288
Издательство и литературное творчество 297
Театръ, музыка и пѣніе 313
Спортъ 325
Хозяйственныя предпріятія корпуса 334
Дѣятельность общественныхъ организацій 343
Иностранная помощь 355
Женщины и дѣти 363
Лагерная жизнь 376
Жизнь въ городѣ 384
Настроеніе и слухи 390
Информація и „Устная газета“ 402
Взаимоотношенія корпуса и жителей въ Галлиполи 410
Армія и бѣженцы 416
Галлиполи и Константинополь 432
Эвакуація изъ Галлиполи 437
Идея Россіи въ переживаніяхъ корпуса 444
Приложенія 451



СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
ИЗДАТЕЛЬСТВО В. СІЯЛЬСКІЙ
И А. КРЕЙШМАНЪ
ВЪ БЕРЛИНѢ

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265.9
.R3
R885
1923